Историческая и социально-образовательная мысль

Historical and Social-Educational Idea

ТОМ 9 № 6 Часть 2 2017

Электронная версия: **http://www.hist-edu.ru**

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ № 26/15 от 17 июня 2011 г. журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

В 2015 году журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» стал членом международной ассоциации PILA (Publishers International Linking Association). Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом АССОЦИАЦИИ НАУЧНЫХ РЕДАКТОРОВ И ИЗДАТЕЛЕЙ (АНРИ)
Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС77-37035
от 04.08.2009

ISSN 2075-9908 (Print)
ISSN 2219-6048 (Online)

Главный редактор
д. и. н., профессор
В.А. Штурба

Заместитель главного редактора - научный редактор
к. п. н. Т.А. Халилов

Заведующий редакцией
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов
к. п. н. Т.А. Халилов

Корректор
А.Ф. Мишина

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе **РИНЦ** (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»
Тел/факс: 8 (861) 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

УЧРЕДИТЕЛИ

Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт.

Historical and Social-Educational Idea

VOLUME 9 # 6 Part 2 2017

Web Version address**: http://www.hist-edu.ru**

The Academic Journal «Historical and Social-Educational Idea**» has entered into the list of academic periodicals under review (those intended to publish the summaries on the study' outcomes, upon the theses nominated for Doctoral Degrees or the Candidate' standing), with the Resolution No 26/15 by the Supreme Attesting Commission Panel under the Russian Ministry of Education and Science, issued on June 17th, 2011.**

The journal «Historical and Social-Educational Idea**» is member of the International Association PILA (Publishers International Linking Association). Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «**Historical and Social-Educational Idea**», starting from its issue N 6, 2014.**

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP)

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

Certificate of Incorporation:
PI No. FS77 - 37035
of August 4th, 2009

ISSN 2075-9908 (Print Copies)
ISSN 2219-6048 (Web Online Version)

Editor-in-Chief:
V.A. Shturba,
Doctor of Historical Sciences,
Professor

Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor:
T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Wording:
T.A. Khalilov,
Candidate of Political Sciences

Proofreader:
A.F. Mishina

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301, Pashkovsky microdistr., Krasnodar city, 350080 RUSSIA
Editorial Office
Journal «Historical and Social-Educational Idea»
Phone/fax: 8 (861) 237-62-19
E-mail: **akademus07@rambler.ru**

INCORPORATORS

Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
Northern Kuban Region Institute for the Humanities and Technologies.

Редакционный Совет

Председатель Редакционного Совета

Волков Юрий Григорьевич, заслуженный деятель науки РФ, действительный член академии социальных наук России, доктор философских наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов на Дону. Россия

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
Москва. Россия

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
Тель-Авив. Израиль

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
Гданьск. Польша

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
Брно. Чешская Республика

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
Токио. Япония

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial Council

Editorial Board Chairman

Yuriy G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of Russian Academy of Social Sciences, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
Moscow. Russia

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitskaya, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
Tel-Aviv. Israel

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
Gdansk. Poland

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic), Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University (Brno, Czech Republic)
Brno. Czech Republic

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
Tokyo. Japan

Valeriy V. Kasyanov, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Department of Russian History, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ростов-на-Дону. Россия

Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
Генуя. Италия

Токтосунова Адаш Искандеровна, доктор политических наук, профессор, Восточный университет им. Махмуда Кашгари, консультант-эксперт, Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ от Кыргызской Республики
Бишкек. Кыргызстан

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук. Университет Сан-Франциско
Сан-Франциско. США

Шанин Теодор, доктор философии, профессор социологии, Манчестерский университет (г. Манчестер, Великобритания), президент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (г. Москва, Россия), почётный член Российской академии сельскохозяйственных наук
Манчестер. Великобритания

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск. Россия

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Шхагапсоев Заурби Лелович, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор, начальник Северо-Кавказского института повышения квалификации сотрудников МВД России (филиал) Краснодарского университета МВД России, полковник полиции
Нальчик. Россия

Чекалева Надежда Викторовна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, директор Института инновационного и инклюзивного образования Омского государственного педагогического университета, заведующая кафедрой педагогики, председатель диссертационного совета при Омском государственном педагогическом университете
Омск. Россия

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don. Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of theRussianAcademy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology,SamaraState Social Pedagogical University
Samara. Russia

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
Genoa. Italy

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, Mahmud Kashgari Eastern University, Expert-Consultant, Interstate Fund for Humanitarian Cooperation of CIS Member States from the Kyrgyz Republic
Bishkek. Kyrgyzstan

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
San Francisco. USA

Teodor Shanin, Doctor of Philosophy, Professor of Sociology, University of Manchester (Manchester, UK), President, Moscow School of Social and Economic Sciences (Moscow, Russia), Honorary Member of Russian Academy of Agricultural Sciences
Manchester. UK

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk. Russia

Evgeny V. Sturba, Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Zaurbi L. Shkhagapsoev, Honored Specialist of the Russian Higher Professional Education, Doctor of Law, Professor, Head of North-Caucasian Institute for Advanced Training of Employees of the Russian Ministry of Internal Affairs (Branch) of Krasnodar University of the Russian Ministry of Internal Affairs, Police Colonel
Nalchik. Russia

Nadezhda V. Chekaleva, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education of the Omsk State Pedagogical University, Head of the Department of Pedagogy, Chairman of the Dissertation Council at the Omsk State Pedagogical University
Omsk. Russia

Редакционная коллегия

Главный редактор

Штурба Виктор Александрович, член-корреспондент Российской академии естественных наук, член Ассоциации научных редакторов и издателей, Отличник Народного Просвещения РСФСР, Отличник Образования Высшей Школы, доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Халилов Тимур Александрович**,** заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук
Краснодар. Россия

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
Ереван. Армения

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
Таганрог. Россия

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
Владивосток. Россия

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону. Россия

Козодой Виктор Иванович, доктор исторических наук, профессор, президент и учредитель, Сибирская академия управления и массовых коммуникаций
Новосибирск. Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук
Екатеринбург, Россия

Патюкова Регина Валерьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью КубГУ, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук
Краснодар. Россия

Песцов Сергей Константинович**,** доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
г. Владивосток. Россия

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор, кафедра философии и социологии, Краснодарский университет МВД России
Краснодар. Россия

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Editorial board

Editor-in-Chief

Viktor A. Sturba, Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Member of Association of Science Editors and Publishers, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences
Krasnodar. Russia

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
Yerevan. Armenia

Larisa Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
Taganrog. Russia

Angelina S. Vashchuk , Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Anna V. Vereshchagina , Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
Rostov-on-Don. Russia

Viktor I. Kozodoi, Doctor of Historical Sciences, Professor, President and Founder, Siberian Academy of Management and Mass Communications
Novosibirsk. Russia

Sergei A. Nefedov**,** Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
Yekaterinburg, Russia

Regina V. Patyukova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University, Corresponding Member of Academy of Pedagogical and Social Sciences
Krasnodar. Russia

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
Vladivostok. Russia

Mikhail Yu. Popov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Philosophy and Sociology, Krasnodar University of Russian Ministry of Internal Affairs
Krasnodar. Russia

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar. Russia

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENTS
1917 год: трагедия или триумф?		***1917: Tragedy or Triumph?***
БРЫЛЕВ А.А. г. Краснодар, Россия ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДА И ВЛАСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.	11	A.A. BRYLYOV Krasnodar, Russia RELATIONSHIP OF THE PEOPLE AND GOVERNMENT AFTER OCTOBER 1917
ГАЕВСКАЯ И.И., ЛАВРЕНТЬЕВА М.А. г. Краснодар, Россия К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	16	I. I. GAEVSKAYA, M.A. LAVRENT'EVA Krasnodar, Russia TO THE QUESTION OF THE INTERNATIONAL CONSEQUENCES OF THE GREAT OCTOBER REVOLUTION
ДИРИВЯНКИНА М.С. г. Краснодар, Россия РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 Г. НА СТРАНИЦАХ ВОЕННОЙ МЕМУАРИСТИКИ	22	M.S. DIRIVYANKINA Krasnodar, Russia REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 ON THE PAGES OF MILITARY MEMOIRS
ЛЕВИН В.И. г. Пенза, Россия ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРЕИ РОССИИ	29	V.I. LEVIN Penza, Russia OCTOBER REVOLUTION AND JEWS OF RUSSIA
ПЕТРОВИЧ В.Г., САМСОНОВ С.И. г. Саратов, Россия РЕВОЛЮЦИЯ ПОЖИРАЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ, ИЛИ МАГИЧЕСКИЙ КРУГ ЧЕРЕДОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИЙ И РЕАКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)	33	V.G. PETROVICH, S.I. SAMSONOV Saratov, Russia REVOLUTION DEVOURS ITS CHILDREN, OR THE MAGIC CIRCLE OF ALTERNATING REVOLUTIONS AND REACTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV VOLGA REGION)
ПРИЩЕПА А. С. г. Краснодар, Россия ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО	42	A. S. PRISHEPA Krasnodar, Russia OCTOBER REVOLUTION: HOW IT WAS
ТИТОРЕНКО М.Ф. г. Краснодар, Россия ВЛАСТЬ И КАЗАЧЕСТВО: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ	47	M.F. TITORENKO Krasnodar, Russia POWER AND COSSACKS: THE LOOK THROUGH THE CENTURY
Исторические науки и археология		***Historical Sciences and Archaeology***
АДЖИНИЯЗОВА А. К. г. Махачкала, Россия ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII - СЕР. XIX вв.	53	A. K. ADZHINIIAZOVA Makhachkala, Russia TERRITORY OF SETTLEMENT AND THE NUMBER OF NOGAIS IN THE NORTH CAUCASUS AT THE END OF THE XVIII – THE MIDDLE OF THE XIX CENTURIES
АЛЕКСЕЕВ Д. В. г. Москва, Россия ФЕНОМЕН АФРИКАНСКОЙ МИГРАЦИИ В ИСПАНИЮ: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ	59	D. V. ALEKSEEV Moscow, Russia PHENOMENON OF AFRICAN MIGRATION TO SPAIN: STRUCTURE, DYNAMICS AND TRENDS
ГРЕЧИШКО Д. Н., ПИСЬМЕННАЯ Т.Г., РЯБИКОВ А. Н. г. Славянск-на-Кубани, Россия К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (НА ПРИМЕРЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА)	70	D.N. GRECHISHKO, T.G. PISMENNAYA, A.N. RYABIKOV Slavyansk-on-Kuban, Russia TO THE QUESTION OF SOCIAL CONTROL IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE CUBAN COSSACKS)
ГРИГОРЬЕВ О. В. г. Новосибирск, Россия ЗАРОЖДЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОЕННО-СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА ПЕРВИЧНОМ ЭТАПЕ ВОЕННО-СУДЕБНЫХ РЕФОРМ ПЕТРА I	77	O. V. GRIGORYEV Novosibirsk, Russia ORIGIN, FORMATION AND FUNCTIONING OF THE MILITARY-JUDICIAL INSTITUTIONS ON THE PRIMARY STAGE OF THE MILITARY-JUDICIAL REFORMS OF PETER I
ДОМНИЧ Е. А. г. Краснодар, Россия ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В 1980-е гг.	84	E. A. DOMNICH Krasnodar, Russia MAIN DIRECTIONS OF NATIONAL SOCIAL POLICY AND ITS IMPLEMENTATION IN KRASNODAR REGION IN THE 1980 S.
КИСЛИЦЫН С. А. г. Ростов-на-Дону, Россия П.М. АБОВИН-ЕГИДЕС – ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛИСТ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)	88	S. A. KISLITSYN Rostov-on-Don, Russia OUTSTANDING RUSSIAN SOCIALIST AND POLITICAL THEORIST P.M. ABOVIN-EGIDES (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY)
КРАСНОВА Р. Ю. г. Москва, Россия КОЛЛЕКЦИЯ ТКАНЕЙ ТОВАРИЩЕСТВА КУВАЕВСКОЙ МАНУФАКТУРЫ, ЭКСПОНИРОВАВШИХСЯ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ (1900 г.)	99	R. Yu. KRASNOVA Moscow, Russia COTTON FABRIC COLLECTION OF KUVAEVSKAYA MANUFACTURE PARTNERSHIP, REPRESENTED AT THE INTERNATIONAL EXHIBITION IN PARIS (1900)

КТИТОРОВ С. Н., КТИТОРОВА О. В. г. Армавир, Россия ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУБЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЧЕРКЕСО-ГАЕВ (ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН)	107	S. N. KTITOROV, O. V. KTITOROVA Armavir, Russia PROBLEMS OF SCIENTIFIC DISCOURSE ON THE ORIGIN OF THE CHERKESO-GAI SUB-ETHNIC GROUP (CIRCASSIAN ARMENIANS)
МАТВЕЕВА А. М. г. Москва, Россия ГЕОПОЛИТИКА ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА КАК НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ	114	A. M. MATVEEVA Moscow, Russia GEOPOLITICS OF INNER SPACE AS THE DIRECTION OF RUSSIAN GEOPOLITICAL SCHOOLS AND THE METHODOLOGY OF HISTORY
РОЖКОВ А. Ю. г. Краснодар, Россия АЛЬБОМНАЯ КУЛЬТУРА ШКОЛЬНИКОВ В 1920-1930-е ГОДЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ	121	A. Yu. ROZHKOV Krasnodar, Russia ALBUM CULTURE OF SCHOOLCHILDREN IN THE 1920-1930S: TRADITIONS AND INNOVATIONS
ТИХИЙ К. Т. г. Уссурийск, Россия КУМАНЕВА И. П. г. Владивосток, Россия НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ США И СССР (1920-е – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930–х гг.)	126	K. T. TIHIJ Ussuriysk, Russia I. P. KUMANEVA Vladivostok, Russia SOME PROBLEMS OF CULTURAL RELATIONS OF THE USA AND THE USSR (THE 1920S. – THE FIRST HALF OF THE 1930S.)
ХРЮКИН Д. А. г. Санкт-Петербург, Россия «ВОЕННЫЙ ФИЛЬМ» КАК ЖАНР: МОТИВЫ ПАМЯТИ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ФИЛЬМОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1970-Х ГОДОВ	131	D. A. HRYUKIN Saint-Petersburg, Russia «WAR FILM» AS GENRE: MOTIVES OF MEMORY IN THE IMAGINATIVE SYSTEM OF FILMS OF THE 1970TH YEARS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR
ЯРЗУТКИНА А. А. г. Анадырь, Россия ПРИЮТЫ, РЕЙДЫ, ДЕСАНТЫ: ПРАКТИКИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ С АЛКОГОЛЕМ В ЧУКОТСКИХ СЕЛАХ. СТРАТЕГИИ МИНИМИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ	137	A. A. YARZUTKINA Anadyr, Russia SHELTERS, RAIDS, INVASIONS: PRACTICE OF INHABITANTS COEXISTENCE WITH ALCOHOL IN CHUKOTKA VILLAGE SETTLEMENTS. STRATEGIES FOR PROBLEM MINIMIZATION
Социологические и гуманитарные науки		***Sociological and Humanities Sciences***
АНДРЕЕВА Л.А., ХОПИЯЙНЕН О.А., ФИЛИМОНОВА Н.В., ЯКИМЧУК А. В. г. Ханты-Мансийск, Россия ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ПИТАНИЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ КАК ЭТНОМАРКЕР В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	147	L.A. ANDREEVA, O.A. HOPIAYNEN, N.V. FILIMONOVA, A. V. YAKIMCHUK, Khanty-Mansiysk, Russia LANGUAGE, CULTURE, FOOD: NATIONAL CUISINE AS AN ETHNO-MARKER IN YOUTH
БЕЛАН Е.А., ГУТНИК Е. П., ШИБИТОВА А. А. г. Краснодар, Россия ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДЕЛИ СИТУАЦИИ НА ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА ВЗРОСЛОЙ ЛИЧНОСТЬЮ	154	E.A. BELAN, E.P. GUTNIK, A. A. SHIBITOVA Krasnodar, Russia INFLUENCE OF INDIVIDUAL AND ESTIMATED MODEL OF THE SITUATION ON EXPERIENCE OF LONELINESS BY THE ADULT PERSONALITY
БОНКАЛО Т. И. г. Краснодар, Россия БОНКАЛО С. В. г. Москва, Россия БЛОКИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАТРИОТИЗМА В НАЦИОНАЛИЗМ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	161	T. I. BONKALO Krasnodar, Russia S. V. BONKALO Moscow, Russia BLOCKING MECHANISMS OF TRANSFORMATION OF PATRIOTISM IN NATIONALISM AS THE CONDITION OF SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL POLICY OF CONTEMPORARY RUSSIA
КАЛЯЕВА Е. Н. г. Москва, Россия ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ	167	E. N. KALIAEVA Moscow, Russia THE EMERGING OF THE CONCEPT «PUBLIC ISSUE» IN THE DOMESTIC SOCIOLOGICAL THOUGHT
КИКОТЬ А. С. г. Ростов-на-Дону, Россия РИСКИ ДЕЗАДАПТАЦИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИИ	173	A. S. KIKOT Rostov-on-Don, Russia RISKS OF DISADAPTATION OF A YOUNG FAMILY IN RUSSIA
КУЗНЕЦОВА Е. Е. г. Москва, Россия ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С БЮРОКРАТИЗМОМ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ	179	E. E. KUZNETSOVA Moscow, Russia PROBLEM OF COMBATING BUREAUCRACY IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION
ПЕНЬКОВЦЕВ Р. В., ХАЛИД Г. Х- М. г. Казань, Россия ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ ЙЕМЕН	183	R. V. PENKOVTSEV, G. H-M. KHALID Kazan, Russia INFLUENCE OF «ARAB SPRING» EVENTS ON THE POLITICAL SITUATION IN THE REPUBLIC OF YEMEN

САМОХИН А.А., МАРКАРЯН В. В. г. Краснодар, Россия КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ УХУДШЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС	189	A.A. SAMOKHIN, V. V. MARKARYAN Krasnodar, Russia KEY ASPECTS OF DETERIORATION RELATIONS BETWEEN TURKEY AND THE EU
ШАИДОВ М-А. Ю. г. Москва, Россия ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В ПОСТРОЕНИИ ЭФФЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ	194	M-A. Yu. SHAIDOV Moscow, Russia RESEARCH OF FOREIGN EXPERIENCE IN BUILDING EFFECTIVE MODELS OF PENSION PROVISION OF THE POPULATION
ШАХБАЗЯН М.А., ЛУЧИНСКИЙ Ю.В., ФАКТОРОВИЧ А. Л. г. Краснодар, Россия МЕДИЙНЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА	200	M.A. SHAHBAZYAN, YU.V.LUCHINSKY, A.L.FAKTOROVICH Krasnodar, Russia THE MEDIA RISKS IN THE TRANSFORMATION OF COMMUNICATIVE SPHERE
Образование и педагогические науки		***Education and Pedagogical Sciences***
БОЛЬШАКОВА М. Г. г. Севастополь, Россия ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ, ИЗУЧАЮЩИХ НЕСКОЛЬКО ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ	209	M.G. BOLSHAKOVA Sevastopol, Russia UNIVERSITY EDUCATIONAL PROCESS POTENTIAL IN THE DEVELOPMENT OF LINGUO-CULTURAL COMPETENCE OF THE FUTURE INTERPRETERS WHO LEARN SEVERAL FOREIGN LANGUAGES
ГРОМОВА Т.Н., ЛЕШЕР О. В. г. Магнитогорск, Россия ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ	216	T.N. GROMOVA, O.V. LESHER Magnitogorsk, Russia FORMATION OF PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL ORIENTATION OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL SPECIALTIES
ИГНАТОВИЧ В.К. ИГНАТОВИЧ С.С. ЛИТВИНОВ К.А. г. Краснодар, Россия ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДИЧЕСКАЯ СХЕМА ОЦЕНКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ФОРМЕ ЗАЩИТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОЕКТА	222	V. K. IGNATOVICH, S.S. IGNATOVICH, K.A. LITVINOV Krasnodar, Russia THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE PROBLEM AND THE METHODICAL SCHEME OF ESTIMATION OF THE EDUCATIONAL INDEPENDENCE OF THE OLD SCHOOLS IN THE FORM OF THE PROTECTION OF THE INDIVIDUAL PROJECT
КАЗАНЦЕВА В. А. г. Краснодар, Россия СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОПЫТА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ГЕТЕРОГЕННЫХ УЧЕНИЧЕСКИХ ГРУППАХ	229	V.A. KAZANTSEVA Krasnodar, Russia ESSENCE AND CONTENT OF EXPERIENCE OF MORAL EDUCATION OF YOUNG SCHOOLCHILDREN STUDYING IN HETEROGENEOUS SCIENTIFIC GROUPS
КАРПЕНКО А. В. г. Краснодар, Россия К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ	235	A. V. KARPENKO Krasnodar, Russia ON THE QUESTION OF THE PEDAGOGICAL ESSENCE OF MORAL EDUCATION IN THE INITIAL EDUCATION
НЕЧАЕВА О.А. г. Ульяновск, Россия ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМБИНИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В АВИАЦИОННОМ ВУЗЕ	243	O.A. NECHAEVA Ulyanovsk, Russia USE OF THE COMBINED TRAINING WHEN FORMING SOCIAL-ECOLOGICAL COMPETENCE OF AVIATION HIGHER EDUCATION INSTITUTION
САЗЫКА Г.С. г. Краснодар, Россия ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ	249	G.S. SAZYKA Krasnodar, Russia DIAGNOSTIC POTENTIAL OF THE PARADIGMAL APPROACH: PROBLEM STATEMENT
ШАДРИН А.С., СИДОРОВ О.В., КОЗУБ Л.В. г. Ишим, Россия ПСИХОЛОГО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ У УЧАЩИХСЯ	255	A.S. SHADRIN, O.V. SIDOROV, L.V. KOZUB Ishim City, Russia PSYCHOLOGICAL AND DIDACTIC CONDITIONS OF REALIZATION OF CONTINUITY IN THE FORMATION OF SCIENTIFIC CONCEPTS OF STUDENTS
Обзорные статьи		***Review Articles***
ШТУРБА В.А., ШТУРБА Е.В. г. Краснодар, Россия АСТАНИНА Л.В. г. Москва, Россия 1917 ГОД: ТРАГЕДИЯ ИЛИ ТРИУМФ?	269	V.A. SHTURBA, E.V. SHTURBA Krasnodar, Russia L. V. ASTANINA Moscow, Russia 1917: TRAGEDY OR TRIUMPH?
Информация	284	***Information***

1917 год: трагедия или триумф? Взгляд через столетие

1917: Tragedy or Triumph? Looking Through the Century

УДК 94.316.472.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15

БРЫЛЕВ Андрей Алексеевич
Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
bryliov.andrey@yandex.ru

Andrei A. BRYLYOV
Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
bryliov.andrey@yandex.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАРОДА И ВЛАСТИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.

RELATIONSHIP OF THE PEOPLE AND GOVERNMENT AFTER OCTOBER 1917

Автор предлагаемой статьи ставил перед собой задачу рассмотреть существующие отношения народа к советской власти на Кубани в первые годы после Октябрьской революции. Не давать однозначной оценки исследуемому периоду, а опираясь на реальную почву, показать острые противоречия интересов советской власти и народа, существующие между ними, на основе официальных данных архивного характера: разного рода отчетов, протоколов партийных и советских органов. Массовые представления о власти, ее месте в обществе не раз подверглись серьезному пересмотру. Революционная практика пришла в столкновение с массовым сознанием различных социальных групп, вмешательство государства во все сферы жизни общества неизбежно влекло за собой социальные взрывы. Игнорируя народное сопротивление новой власти невозможно разрешить трудные проблемы истории: в их числе природа октябрьской революции, характер советского государства и специфика развития советского общества. Социальный протест масс в советский период – одна из наиболее слабо изученных проблем в отечественной историографии. Между тем речь идет о «народной истории», об историческом процессе, творимом массами не по указанию государства, а вопреки ему. Исследователь обращает особое внимание на то, что знание протестного движения важно не только в историографическом плане, но имеет важное политическое звучание в современной России.

Ключевые слова: советская власть, народ, Октябрьская революция, общественно-политический кризис, Кубань

The author of the proposed article set a task to consider the actual relations of the people to Soviet power in the Kuban in the first years after the October Revolution. Do not give a unique estimate to the studied period, but based on real facts, to show the sharp contradictions between the interests of the Soviet government and the people existing between them, on the basis of official archival data: various reports, protocols of party and Soviet bodies. The mass of power, its place in society has undergone a major revision, the revolutionary practice has come into conflict with the mass consciousness of various social groups, state intervention in all spheres of life inevitably entailed a social explosion. No study of popular resistance to the establishment of the new government in Russia cannot successfully resolve major problems in the history of this period: nature of the October revolution, the nature of the Soviet state and the specifics of early Soviet society. Social protest of the masses in the Soviet period is one of the most poorly understood problems in Russian historiography. Meanwhile, we are talking about "popular history" of the historical process, perpetrated by the masses not at the direction of the state, and in spite of it. The author of the article pays special attention to the fact that the study of protest movement is important not only historiographically, but also has an actual political connotation in modern Russia.

Keywords: Soviet power, people, October Revolution, sociopolitical crisis, Kuban

В 2017 г. исполнилось 100 лет со дня Октябрьской социалистической революции. Политики и политологи, историки и социологи дают различные оценки событиям вековой давности, изменившим ход развития России, сломавшим государственный строй и устоявшуюся систему управления. В настоящее время ведутся серьезные дискуссии о переосмыслении геополитической значимости Северного Кавказа. «Идеологический флер того времени нисколько не потускнел, а, пожалуй, стал еще более четким и продолжает оказывать свое влияние на состояние современного российского социума» [1]. В этом регионе образовался своеобразный «геополитический вакуум», его положение на международной арене обретает новую конфигурацию, что способствует «развитию дезинтеграционных тенденций» [2]. Этот фактор делает рассматриваемую проблему актуальной. За рамками предлагаемой статьи оставим собственные симпатии и антипатии к прошлому, попытаемся показать, как шло становление советской власти на Кубани, опираясь на документы Государственного архива Краснодарского края.

После революции 1917 г., как известно, наблюдался рост политической активности населения, протестные настроения против укрепляющейся общественно-политической системы. Новая власть к этому времени еще не сумела обрести твердую опору в лице крестьян, рабочих, военных и др. Даже казачество, веками служившее опорой самодержавию, крушение монархии восприняло достаточно сдержанно, несмотря на то, что до 75% казаков считались зажиточными.

Первым своего рода конституционным документом в России была Декларация трудящегося и эксплуатируемого народа, согласно которой власть принадлежала трудящимся и их полномочным представителям - Советам.

3 января 1918 г. III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов одобрил роспуск Учредительного собрания и создал конституционную базу для новой власти. Отправной точкой в этом вопросе стал конституционный акт, согласно которому Россия объявлялась Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В начале апреля того же года ВЦИК создал конституционную комиссию под председательством Я.М. Свердлова, в ее состав вошли Н.И. Бухарин и И.В.Сталин. После рассмотрения нескольких вариантов конституционных актов за основу был взят проект Сталина, соответствующий европейским стандартам о парламенте. Высшей властью признавался Всероссийский съезд Советов. Между съездами основная работа ложилась на Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК) в составе 200 человек, который, в свою очередь, избирал правительство - Совет народных комиссаров (СНК).

Отметим, что тяготы гражданской войны ухудшили материальное положение казаков, иногородних, горцев. Во многих населенных пунктах начались массовые волнения. Солдаты и казаки отказывались стрелять в народ, что свидетельствовало о том, что власти в лице казаков теряли свою главную опору [3].

После падения старого режима началось формирование органов власти на местах. Взаимоотношения новой власти с населением полны трагических моментов. Ярким подтверждением сказанному служат отношения с представителями советской власти после Октябрьской революции 1917 г. различных слоев населения на Кубани.

Из Майкопского отдела (село Успенское) поступила телефонограмма: «Весь хлеб забирают. На нашу Успенку пришла бумага, чтобы наша Успенка вывезла 237 000 пудов хлеба, это прислано в августе месяце и до сих пор еще не вывезли, потому, что у нас такого объема хлеба не будет. И вот теперь нашему селению не дают ни керосина, ни мануфактуры, ни соли… Еще у нас конфисковали хлеб и ячмень: 350 пудов пшеницы и 50 пудов ячменя... Кто-то написал записку и бросил в ящик жалобу, приезжала комиссия к нам, взяла меня и Григория Колесникова. Нас арестовали и отправили в Чрезвычайку, а пшеницу забрали. Потом через неделю нас выпустили… Еще 57 человек посадили в Чрезвычайку, тех, которые разверстку никак не провели, потому что ее нет: "Нет, так садись в Чрезвычайку!"» [4]. В станице Михайловской проводилась массовая конфискация скота, что вызвало недовольство станичников, начались восстания, «коммуны никто не желал». В станице Кущевской у руля оказались представители прежней власти и вершили судьбы людей. Народ рассчитывал «взять в свои руки кормило правления». На практике большевики ревкомы переименовали в исполкомы, а «народу и профсоюзу показали только ножки да рожки». Предвыборная комиссия в составе трех человек предложила дать тринадцать кандидатов в Совет. Ни одного из предложенных кандидатов в состав исполкома не ввели, а когда настал день выборов, населению преподнесли готовый список и рекомендовали его утвердить. «Когда граждане стали протестовать, им предложили замолчать и пообещали всех тех, кто производил протест, посадить в собачий ящик». После этого зачитали список и собрание закрыли. Такие выборы поставили население в тупик, избранный Совет получил полное презрение народа [5].

В Краснодарском отделе в исследуемый период резко ухудшилось отношение к советской власти городского и станичного населения, а также пролетарско-рабочего класса. Недовольство рабочих было основано главным образом на экономической и материальной почве. Тяжелое полуголодное существование при отсутствии классового самосознания и необходимой политической работы создали благоприятную почву для антисоветских агитаций. Так, на заводе «Подкова» рабочие сагитировали против закрытия рынков и выхода на субботник. На заводе «Кубаноль» выступления проводились под лозунгом «За Советскую власть, долой жидов!» [6].

Нравственный критерий, по которому на Руси жили и оценивали происходящее «...каждому - по заслугам, каждому - по делу его рук», в таких условиях не работал [7].

Активизировалась борьба против новой власти в г. Ейске. Там был раскрыт контрреволюционный заговор, арестовано до 100 человек, в организации заговора принимали участие и активные советские работники. Кроме подпольных антисоветских организаций в центре этого отдела, наблюдалось влияние новых организаций с инициативой местного кулацкого населения. В станице Полтавской и Старо-Нижестеблиевской в ходе хлебной разверстки убили двух красноармейцев. В станице Старотитаровской за отказ от выполнения хлебной разверстки взяли 100 заложников [8]. В Лабинском, Баталпашинском и Темрюкском отделах отношение к советской власти было враждебным.

Для укрепления позиций советской власти Кубано-Черноморский областной исполнительный комитет назначил с 15 по 30 ноября по всей области перевыборы исполкомов. Перед каждым избирателем стоял вопрос: «Кого же выбирать в Совет, кого в Исполком?». Надеялись голосовать «за честного товарища, честного советского гражданина, не мошенника, не плута, не прихвостня», одним словом, за честного станичника. В исполкомы предлагали выбирать энергичных, толковых,

преданных интересам трудящихся, стойких и верных защитников советской власти из числа рабочих и крестьян; прежде всего, коммунистов, доказавших на деле свою преданность интересам рабоче-крестьянской бедноты, честных беспартийных станичников, «…каковых много среди демобилизованных красноармейцев, крестьян, горцев, казаков-бедняков, которые рука об руку с коммунистической партией поведут страну к новым битвам с хозяйственной разрухой и к новым славным победам» [9].

Представляет интерес вопрос использования гражданами своего права. В инструкции по выборам 1921 г. в станичные, сельские, хуторские и аульские Советы депутатов и по созыву областных, отдельских и волостных съездов Советов правом избирать и быть избранными пользовались граждане РСФСР, которым ко дню выборов исполнялось 18 лет, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости; солдаты Советской армии и флота, иностранцы, проживающие на территории Кубани и Черноморья, принадлежащие к рабочему классу или крестьянству и не пользовавшиеся чужим трудом. Избирательного права не лишались лица, добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, занятые домашним хозяйством, в промышленности, торговле, сельском хозяйстве, а также казаки, которые не использовали наемный труд с целью извлечения прибыли, и граждане, входящие в одну из перечисленных категорий, потерявшие трудоспособность [10].

Лица, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы (проценты с капиталов, доход с предприятий, поступление с имущества и т.п.), частные торговцы, торговые и коммерческие посредники не могли избирать и быть избранными в Совет. В выборной кампании запрещалось участвовать монахам, служителям религиозных культов, служащим и агентам бывшей полиции (особенно корпуса жандармов и охранных отделений), а также членам царствовавшего в России дома. В соответствии с постановлением Кубано-Черноморского ревкома № 334 от 3 сентября 1920 г., лишались избирательного права члены семейств, ушедших в ряды белых и бело-зеленных, лица, признанные душевно больными, состоявшие под опекой, осужденные за корыстные либо порочащие их преступления. Категорически запрещалось участвовать в выборах «противникам Советской власти, лицам, оказывавшим поддержку белым и бело-зеленным в борьбе против Советской власти (бывшим атаманам, сотрудникам Освага, членам Кубанского Краевого Правительства, членам Особого Совещания, семьям лиц, ушедших к белым, бело-зеленым, красно-коричневым и др.)» [11].

В циркуляре Президиума Областного комитета РКП (б) говорилось, что избирателям необходимо твердо помнить, что мелкая буржуазия и кулачество, получившие экономические права и возможности проявлять частную хозяйственную инициативу, стремятся получить политические права и принять участие в управлении государством. Предстоящие перевыборы в Советы постараются использовать для достижения своих целей путем влияния на беднейшие слои населения и дискредитации советской власти, в результате проникнут в Советы. Президиум настойчиво рекомендовал, чтобы в Советах не было «…ни одного кулака, ни одного интеллигента с мелкобуржуазной биологией, ни одного торговца, хотя бы самого мелкого, и ни одного кустаря, имеющего хотя бы только одного наемного рабочего или ученика. Вводить в Советы из крепких хозяйчиков-середняков можно только тем, которые не эксплуатируют и ранее не эксплуатировали чужой труд и достаточно наглядно доказали на деле свою преданность Советской власти» [12].

В опросном листе делегатов 1-го Съезда заведующих отделами управления области указано, что в Армавирском отделе в состав исполкома избраны 16 человек, в Лабинском отделе - 11 (из них 10 коммунистов и 1 беспартийный); в Тимашевском отделе - 7 человек (все вполне соответствуют своему назначению). При этом взаимоотношения исполкома Армавирского отдела с милицией хорошие, Лабинского - натянутые, Тимашевского - сложные. Отношение населения к Армавирскому исполкому - хорошее, к Лабинскому - сдержанное, к Тимашевскому - хорошее, работа протекает в тесном контакте. В Армавирском отделе население относится к советской власти средне, в Лабинском - неопределенно, в Тимашевском - удовлетворительно. Разверстка в Армавирском отделе выполнялась средне, местами плохо; в Лабинском - удовлетворительно, кроме хлеба; в Тимашевском - слабо, потому что непосильно. Взаимоотношения казаков к иногородним в Армавирском отделе хорошие, в Лабинском - удовлетворительные, в Тимашевском - противоречивые. Общее политическое состояние в Армавирском отделе среднее, в Лабинском - удовлетворительное, в Тимашевском - политическое состояние и настроение ухудшилось в связи с государственной разверсткой [13].

Следует отметить, что большевики в значительной степени скомпрометировали себя в глазах населения реквизицией, в станицах - осуществлением репрессий, борьбой с казачьими традициями, игнорированием особенностей казачьего быта. Постулат о самоопределении наций сделал горцев союзниками большевиков.

Таким образом, непродуманная политика, углубление кризиса российской государственности и иные факторы приводили к серьезному противостоянию. Формирование новых органов власти в исследуемом регионе проходило «в военной форме».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Невоструев Н.Н. Российское гражданское общество в 1917 году (на примере Пермской губернии) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. 4/2. С.57.
2. Титоренко М.Ф. Неэкономические регуляторы экономики // Материалы конференции «Приоритеты и механизмы обеспечения экономического роста, финансовой стабильности и социальной сбалансированности в России». – М., 2016. С.123.
3. Титоренко М.Ф. Казаки Верхнего Прикубанья (XIX – начало XX вв.). – Краснодар: Изд-во «Новация»: 2015. С.17.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.Р-102. Оп.1 Д.32. Л.24.
5. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д. 32. Л.24-об.
6. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.32. Л.23.
7. Титоренко М.Ф. Неэкономические регуляторы экономики // Материалы конференции «Приоритеты и механизмы обеспечения экономического роста, финансовой стабильности и социальной сбалансированности в России». – М., 2016. С.124.
8. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.32. Л.25.
9. ГАКК. Ф.Р-649. Оп.1. Д.101. Л.125.
10. ГАКК. Ф.Р-649. Оп.1. Д.102. Л.8.
11. ГАКК. Ф.Р-649. Оп.1. Д.101. Л.18.
12. ГАКК. Ф.Р-101. Оп.1. Д.44. Л.3.
13. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.379. Л. 3,6,24.

REFERENCES

1. Nevostruev N.N. Rossijskoe grazdanskoe obshestvo v 1917 godu (na primere Permskoj gubernii) [Russian civil society in 1917 (on the example of Perm province)]. Historical and Social-Educational Idea. 2017. No. 9. 4/2. Pp. 57-65. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-57-65.(in Russian)
2. Titorenko M.F. Neekonomicheskie regulatori ekonomiki. Materiali konferencii «Prioriteti i mehanizmi obespechenia ekonomicheskogo rosta, finansovoi stabilnosti i socialnoi sbalansirovannosti v Rossii» [Non-economic regulators of the economy. Proceedings of the conference «Priorities and mechanisms for ensuring economic growth, financial stability and social balance in Russia»]. M., 2016. Pp.123. (in Russian)
3. Titorenko M.F. Kazaki Verhnego Prikubanja (XIX – nachalo XX vv.). Krasnodar: Izdatelstvo «Novacia» [Cossacks of the Upper Kuban (XIX - early XX centuries.)]. 2015. Pp. 17. .(in Russian)
4. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya [State Archives of Krasnodar Region]. F.R-102. Op.1 D.32. L.24. .(in Russian)
5. GAKK. F.R-102. Op.1. D.32. L.24-ob.
6. GAKK. F.R-102. Op.1. D.32. L.23.
7. Titorenko M.F. Neekonomicheskie regulatori ekonomiki. Materiali konferencii «Prioriteti i mehanizmi obespechenia ekonomicheskogo rosta, finansovoi stabilnosti i socialnoi sbalansirovannosti v Rossii» [Non-economic regulators of the economy. Proceedings of the conference «Priorities and mechanisms for ensuring economic growth, financial stability and social balance in Russia»].
8. GAKK. F.R-102. Op.1. D.32. L.25.
9. GAKK. F.R-649. Op.1. D.101. L.125.
10. GAKK. F.R-649. Op.1. D.101. L.8.
11. GAKK. F.R-649. Op.1. D.101. L.18.
12. GAKK. F.R-101. Op.1. D.44. L.3.
13. GAKK. F.R-102. Op.1. D.379. L.3,6,24.

Информация об авторе:

Брылев Андрей Алексеевич, студент, кафедра экономики и финансов, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Научный руководитель: Титоренко Марина Федоровна - доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и право» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
bryliov.andrey@yandex.ru

Information about the author:

Andrei A. Brylyov, Student, Department of Economics and Finance, Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Scientific Adviser: Titorenko Marina Fedorovna - Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of «Philosophy, History and Law". The Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
bryliov.andrey@yandex.ru

Получена: 23.11.2017

Для цитирования: Брылев А.А. Взаимоотношения народа и власти после Октября 1917 г.. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.11-15.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15.

Received: 23.11.2017

For citation: Brylyov A.A. Relationship of the people and government after October 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 11-15.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15. (in Russian)

УДК 93/94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-16-21

ГАЕВСКАЯ Инна Ивановна
Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, Россия
innagaevskaya@yandex.ru

ЛАВРЕНТЬЕВА Марина Андреевна
Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, Россия
tabar1@rambler.ru

Inna I. GAEVSKAYA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
innagaevskaya@yandex.ru

Marina A. LAVRENT'EVA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia
tabar1@rambler.ru

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Статья посвящена анализу международных последствий Великой Октябрьской революции ввиду ее столетнего юбилея. Авторы отмечают, что для достижения данной цели необходимо выделить последствия революции в узком и широком смысле, позитивные и негативные; последствия для всего мира и для отдельных регионов, стран; последствия, имевшие немедленный результат и более отдаленные по времени; последствия с точки зрения советской историографии, зарубежной историографии, современной российской историографии; последствия в отдельных сферах - идеологические, внешнеполитические, экономические, социальные, культурные. В статье доказывается мысль о правомерности использования названия «Великая Октябрьская революция». Предпринята попытка применения цивилизационного подхода, в частности концепции «вызова-ответа» А. Тойнби, к рассматриваемой проблеме. В то же время отмечено, что социалистическая революция - это плод именно российской истории. В этой связи авторы обращают внимание на тот факт, что первые ростки социализма (при том уровне производительных сил, отягощенные последствиями Первой мировой войны) неизбежно несли черты своего времени, отпечаток общекультурного и нравственного облика современника. Все это содержало противоречие действительности, реальной жизни с объявленными идеалами и ожиданиями масс, таило кризисные потенции в процессе развития социалистического общества. Также в работе прослеживается взаимосвязь процессов модернизации традиционного общества и революции. Отмечается несомненное влияние Октябрьской революции на становление социального государства или «общества всеобщего благоденствия» в странах Западной Европы во второй половине XX в. Акцентировано внимание на основных идеологических конструкциях XX в. и их взаимосвязи с идеями российской революции.

Ключевые слова: Великая Октябрьская революция 1917 г., международные последствия, модернизация, цивилизационный подход, социальное государство

TO THE QUESTION OF THE INTERNATIONAL CONSEQUENCES OF THE GREAT OCTOBER REVOLUTION

The article is devoted to the analysis of the international consequences of the Great October Revolution in view of its centenary. The authors note that in order to achieve this goal, it is necessary to highlight the consequences of the revolution in a narrow and broad sense, positive and negative; consequences for the whole world and for individual regions and countries; consequences that were immediate and more remote in time; consequences from the point of view of Soviet historiography, foreign historiography, modern Russian historiography; consequences in certain spheres - ideological, foreign policy, economic, social, cultural. The article proves the idea of the legitimacy of using the name The Great October Revolution. An attempt was made to apply the civilizational approach, in particular, A. Toynbee's concept of "challenge-response" to the problem under consideration. At the same time, it is noted that the socialist revolution is the fruit of Russian history. In this connection, the authors draw attention to the fact that the first sprouts of socialism (at that level of productive forces burdened by the consequences of the First World War) inevitably bore the features of their time, the imprint of the contemporary cultural and moral image. All this contained a contradiction of reality, of real life with the declared ideals and expectations of the masses, thwarted crisis potencies in the development of socialist society. Also, the relationship between the processes of modernization of traditional society and revolution is traced in the work. There is an undoubted influence of the October Revolution on the emergence of a social state or "welfare society" in Western Europe in the second half of the XX century. Attention is focused on the main ideological constructions of the XX century and their relationship with the ideas of the Russian revolution.

Keywords: Great October Revolution of 1917, international consequences, modernization, civilizational approach, social state

В этом году не только Россия, но, без сомнения, и многие другие страны в очередной раз осмысливают события столетней давности, имевшие место в нашей стране, и проводят в этой связи научные и памятные мероприятия. Так, например, состоялись «Покровские чтения» в Брюсселе, симпозиум «Столетие русской революции» в Бухаресте, международная конференция «Первая мировая война и русская революция 1917 г. в российских и французских литературных источниках» в Париже. В Японии выпущена пятитомная книжная серия «Российская революция и век СССР» [1]. География проводимых мероприятий свидетельствует о том, что Октябрьская революция стала одной из важнейших вех в истории всего человечества.

Уже много сказано и написано об Октябрьской революции, но точка в споре тех, кто признает ее или одним из величайших событий новейшей истории, или трагедией русского народа, до сих пор не поставлена. Авторы данной работы считают русскую революцию, несомненно, Великой, подобно Великой французской революции, и не согласны с теми, кто отказывает ей в этом названии. Даже противники и критики большевизма отмечают, что «со временем русская революция повлияла на ход всемирной истории даже сильнее, чем французская» [2], хотя изначально привлекла гораздо меньше внимания. Как Французская революция XVIII в. дала человечеству «Декларацию прав человека и гражданина», повод для национальной гордости каждого француза, так и Октябрьская революция дала человечеству «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», «Декларацию прав народов России», открыла новый этап во всемирной истории, выдвинув цель социалистического переустройства общества. Или, другими словами, Октябрьская революция продолжила освободительную линию Великой французской революции, добавив к принципам «свободы, равенства, братства» идею социальной справедливости, что также, несомненно, должно быть поводом для национальной гордости российского народа. Авторы в этой связи ставят перед собой цель проанализировать международные последствия Октябрьской революции ввиду ее столетнего юбилея.

К решению данной проблемы при этом можно подойти с различных позиций. Так, можно выделить позитивные и негативные последствия; последствия для всего мира и для отдельных регионов, стран; последствия, имевшие немедленный результат и более отдаленные по времени; последствия с точки зрения советской историографии, зарубежной историографии, современной российской историографии; последствия в узком и широком смысле; последствия в отдельных сферах - идеологические, внешнеполитические, экономические, социальные, культурные и т.д.

Необходимо различать революцию в узком смысле слова - как акт захвата власти, и революцию как идею социального переустройства в широком понимании. Революция - это не просто разрушительное и кровавое событие в человеческой истории: революция - это, прежде всего, идея радикального социального переустройства мира. Сводить революцию только к непосредственному кульминационно-революционному акту захвата власти - значит упрощать и сужать ее значение [3, с. 237]. Революция - всегда возможное действие, и потому революция не имеет конца.

В достаточной степени историческая наука изучила международные последствия Октября первых послереволюционных лет. Под влиянием русской революции произошла активизация борьбы народов Европы за национальное освобождение и создание собственной государственности, в результате чего изменилась политическая карта Европы (распад Австро-Венгрии, образование независимых Польши и Финляндии и т.д.). Помимо этого, были предприняты попытки распространить социалистическую революцию за пределы России. Так, в 1919 г. коммунисты захватили власть в Баварии и провозгласили там Советскую республику, также имело место провозглашение Венгерской Советской республики. К этим примерам можно добавить факт провозглашения Тарнобжегской республики на территории Галиции и Словацкой Советской Республики. Готовилась почва для марксистской революции на Востоке (Ближний Восток, Дальний Восток, «страны третьего мира»). Российская революция способствовала усилению борьбы за независимость в странах Азии и Африки, при этом борьба приобрела более организованный, сознательный характер.

Велико было влияние революции на систему международных отношений. Пришедшие к власти большевики вывели страну из Первой мировой войны, отчасти развязав немцам руки на Западном фронте. Р. Пайпс в этой связи отмечает, что «после того как Россия, отрекшись от своих обязательств, оставила союзников воевать с Четверным союзом, они понесли неисчислимые человеческие и материальные потери» [2]. Но, как нам известно, Германию это уже не спасло.

Советское правительство отказалось признать международные договоры и долги царского правительства, что затронуло интересы ведущих капиталистических государств; были разорваны устоявшиеся международные торговые связи. В целях распространения идей революционного интернационального социализма большевистская Россия инициировала основание III Коминтерна. Кроме этого, первому социалистическому государству в мире пришлось приложить немало усилий для своего международного признания, что сказалось непосредственным образом на развитии дипломатии 1920-х годов.

В более отдаленной перспективе связь Октября с целым рядом идеологических конструкций, которые базировались на большевистских идеях, отмечает Д. Журавлев. Их можно разделить на четыре группы:

1.Коммунистическая (левая) идеология. Влияние ее то возрастало, то падало, но было существенным весь XX век.

2.Идеология социального партнерства, которая взяла из советского опыта социальную составляющую, но отрицала революцию. Эта идеология активно развивалась после Второй мировой войны и в конце XX в. заняла лидирующие позиции.

3.Идеология консерватизма, которая, казалось бы, ничего не взяла из советского опыта. Но возродилась она на противостоянии советской идеологии.

4.Ультраправые, в первую очередь немецкие нацисты, которые взяли у большевиков революционную форму, но наполнили ее националистическим содержанием. Нацисты взяли у большевиков идею ниспровержения традиционного общества и замены его новым, сконструированным в соответствии со своими идеологическими предпочтениями.

Таким образом, можно утверждать, что все основные идеологические конструкции современного мира так или иначе связаны с советской идеологической конструкцией, получившей возможность реализоваться на практике после Октябрьской революции [4].

Хотелось бы подробнее остановиться также на современных оценках международного значения Октябрьской революции. Если советская историография всегда подчеркивала влияние Октября на положение в мире, в плане его воздействия на коммунистическое и рабочее движение в различных странах в условиях нарастания общего кризиса капитализма [5], то современные исследователи анализируют последствия Октября во многом в плане его влияния на формирование так называемого социального государства, или «общества всеобщего благоденствия». Социализм как мощная социально-историческая интенция нашего времени «сработал» на облагораживание, модификацию капитализма. Под влиянием советского опыта правящие политические круги западных стран внесли коррективы в свою политику по отношению к трудящимся: были увеличены социальные расходы государства, сокращен рабочий день, введено обязательное социальное страхование (по безработице, по болезни), пенсионное обеспечение.

В более широком плане предпринимаются попытки рассмотреть революцию и ее последствия в рамках цивилизационного подхода, в частности концепции А. Тойнби. Западный, европоцентричный мир загнал человечество в тупиковую ситуацию. Сущностью политической стратегии западных держав оставались: деление человечества на дикость, варварство, цивилизованность; борьба за передел колонизируемого пространства, новые войны, беспредельное обогащение и насилие как средство достижения поставленных целей. Человеческая цивилизация обрекалась на деградацию, хаос, самоуничтожение. Если следовать принципу А. Тойнби «вызов рождает ответ», то русская революция явилась тем самым ответом на вызов Запада всему человечеству [6, с. 630]. Большевики предложили человечеству новую философию мироустройства, кардинально иную модель межгосударственных отношений, новую систему международной безопасности, новый смысл жизни, новый архетип человека. Во многом все это совпадало с принципами христианского вероучения, религиозными канонами ислама, буддизма и индуизма.

Но в то же время социалистическую революцию в России надо понимать, прежде всего, как плод именно российской истории [7, с. 15-16]. «Теории, легшие в основу большевизма, а именно учение Карла Маркса, были, бесспорно, западного происхождения. Но столь же несомненно, что практика большевиков была вполне самобытной…» [2]. Также следует отметить, что «страны третьего мира» (Китай, страны Латинской Америки) оказались более восприимчивы к социалистическим социально-экономическим отношениям, в отличие от западноевропейских стран.

Русская революция положила начало серии европейских и азиатских революций за социальное освобождение масс и национальное освобождение народов. Что не отрицает тот факт, что ростки социализма (при том уровне производительных сил, отягощенные последствиями Первой мировой войны) неизбежно несли черты своего времени, отпечаток общекультурного и нравственного облика современника (все это содержало противоречие действительности, реальной жизни с объявленными идеалами и ожиданиями масс, таило определенные кризисные потенции в процессе развития социалистического общества). Этот аспект подчеркивается в весьма категоричной форме Р. Пайпсом. «Русская революция не только продемонстрировала неприложимость естественно-научных методов к делам человеческим, но и поставила глубочайшие нравственные вопросы о природе политики, а именно: о праве правительства пытаться переделать людей и перекроить общество без их на то соизволения и даже вопреки их воле, о правомочности коммунистического лозунга: "Мы приведем человечество к счастью силой!"» [2].

Рассматривая события столетней давности, следует остановиться и на весьма популярной сегодня модернизационной парадигме революции. В историографии утвердилось понимание того, что революция - не событие, а процесс. В связи с этим существенно расширяются хронологические рамки изучения революции. Сторонники этого подхода считают, что причины русских революций следует искать не в провалах правительственной экономической политики, а в успехах российской модернизации с сопутствующими им трудностями перехода от традиционного общества к инду-

стриальному. Основной акцент при этом делается на анализе того, насколько правящая элита справлялась с вызовами времени и понимала необходимость реформ. Согласно такому подходу революция в России произошла из-за неготовности государства адекватно отвечать на вызовы времени, что привело его к столкновению с демократизирующимся обществом [8, с. 11]. Развивая эту мысль применительно к международным последствиям Октябрьской революции, можно сослаться на Р. Дениелса. Он отмечает, что «*Советская* Россия была <…> альтернативой капитализму, параллельной формой модернизации, осуществленной совершенно иными методами» [9]. То есть можно говорить о том, что Россия обогатила мировой опыт еще одной формой модернизации страны, позволившей мобилизовать национальные ресурсы, давшей возможность выжить и конкурировать в мире передовых военных технологий. Крестьянское по своей природе общество было превращено по преимуществу в нацию городскую, образованную и технологически изощренную, - одним словом, современную.

В немалой степени успехи в модернизации станы были достигнуты за счет перехода к системе планирования. Сравнивая развитие идей планирования в странах Западной Европы и в России в начале XX в., Ё. Судзуки указывает на особенность ситуации в России таким образом, что «русская школа политической экономии» подчеркивала важность макроэкономики, тогда как в Европе обсуждался вопрос о полезности микроэкономики [7, с. 18]. Опыт, интенсивно накапливаемый в этой сфере нашей страной после Октября, заимствовался после Второй мировой войны многими западноевропейскими странами, где были введены формы государственного планирования. Сегодня все экономические гиганты организуют свою деятельность на весьма жесткой плановой основе, при этом планируя ее на срок не менее пяти лет.

События столетней давности определили новые векторы и в развитии культуры, призвав широкие массы к соучастию в строительстве нового мира, опрокидывая при этом прежние ценности и авторитеты. На сцену вышли новые герои современности - представители рабочего класса и крестьянства. Здесь же следует сказать о таком негативном для нашей страны последствии Октября, как массовая эмиграция русской интеллигенции. Талантливые, неординарные, иногда еще очень молодые ученые вынуждены были покинуть Россию. Тем не менее большинство уехавших из России мыслителей продолжали активно писать и публиковаться, что привело к тому, что философия русского зарубежья пополнила мировую философскую мысль. Так, русские эмигранты сформировали классическое евразийство, чьи идеи и взгляды популярны и по сей день. Японский исследователь Т. Накасима отмечает заслужившее меньшее внимание азиатское направление российской эмиграции и подчеркивает важность Маньчжурии как культурной базы белоэмигрантов [7, с. 18].

Продолжая мысль о негативных последствиях Октября, можно отметить точку зрения профессора А.Е. Рабиновича, который считает, что Октябрьская революция имела своим отрицательным результатом страх перед коммунизмом, что дало возможность определенным кругам в Германии привести к власти Гитлера [10].

Работа не претендует на всеобъемлющий анализ международных последствий Великой Октябрьской революции. В рамках отдельной статьи это и невозможно. Тема российской революции продолжает оставаться актуальной, спорной, неоднозначной, несмотря на прошедшие сто лет. Но проведенный анализ, несомненно, доказывает мировое значение Октябрьской революции и показывает ее международные последствия в различных аспектах, ракурсах. Без сомнения, мы и сегодня пока не можем их окончательно обобщить и систематизировать.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. «Покровские чтения в Брюсселе» посвятили юбилею Октябрьской революции. - URL: https://russkiymir.ru/news/232918/ (дата обращения: 05.12.2017); Влияние Октябрьской революции на ход истории обсудили в Бухаресте. - URL: https://www.russkiymir.ru/news/232720/ (дата обращения: 05.12.2017); «Преодолевая национальные и политические границы… Культурная синергия России и Франции». Мероприятия 23-27 октября. - URL: http://imli.ru/index.php/72-sobytiya-2017/2537-preodolevaya-natsionalnye-i-politicheskie-granitsy-kulturnaya-sinergiya-rossii-i-frantsii-meropriyatiya-23-27-oktyabrya (дата обращения: 05.12. 2017); Икэда Ё. Проект японских историков «Российская революция и век СССР» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 13-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21
2. Пайпс Р. Русская революция. - URL: http://krotov.info/libr_min/16_p/ay/ps_44.htm (дата обращения: 05.12.2017).
3. Вторая Отечественная война России. 1914-1917 / под ред. канд. ист. наук П.В. Мультатули; кол. авт.: К.А. Залесский, П.В. Мультатули, Р.Н. Рахимов, М.Б. Смолин. - М., 2014. - С. 237.

4. Журавлев Д. Историческое значение Октябрьской революции состоит в эксперименте по построению социалистического общества. - URL: http://www.iarex.ru/articles/54704.html (дата обращения: 05.12.2017).
5. Минц И.И. Великая Октябрьская социалистическая революция и ее международное значение. - URL: http://www.biografia.ru/arhiv/vosr01.html (дата обращения: 05.12.2017).
6. Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Отв. ред. О.А. Платонов. - М., 2015. - С. 630.
7. Икэда Ё. Проект японских историков «Российская революция и век СССР» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 13-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21
8. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Экономическая история. - 2017. - № 2. - С. 9-23.
9. Лысков Д. Россию ожидает великий юбилей, к которому она не знает, как относиться. - URL: http://rusnext.ru/news/1452077894 (дата обращения: 05.12.2017).
10. Современники революции и не только они - о революции 1917 года. - URL: http://inance.ru/2017/11/sovremenniki-o-revolucii/ (дата обращения 05.12.2017).

REFERENCES

1. «Pokrovskie chteniya v Bryussele» posvyatili yubileyu Oktyabr'skoy revolyutsii ["Pokrovskie readings in Brussels" dedicated to the anniversary of the October revolution]. Available at: https://russkiymir.ru/news/232918/ (accessed 05 Des. 2017); Vlivanie Oktyabr'skoy revolyutsii na khod istorii obsudili v Bukhareste [The Influence of October revolution on the course of history discussed in Bucharest]. Available at: https://www.russkiymir.ru/news/232720/ (accessed 05 Des. 2017); «Preodolevaya natsional'nye i politicheskie granitsy… Kul'turnaya sinergiya Rossii i Frantsii» Meroprivatiya 23-27 oktyabrya ["Transcending national and political boundaries... Cultural synergy of Russia and France" Event from 23 to 27 October]. Available at: http://imli.ru/index.php/72-sobytiya-2017/2537-preodolevaya-natsionalnye-i-politicheskie-granitsy-kulturnaya-sinergiya-rossii-i-frantsii-mero-priyatiya-23-27-oktyabrya (accessed 05 Des. 2017); Ikeda E. Proekt yaponskikh istorikov «Rossiyskaya revolyutsiya i vek SSSR» [The project of Japanese historians of "The Russian revolution and the century of the USSR"]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social-Educational Idea. 2017;9(5/1):13-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21 (in Russ.).
2. Payps R. Russkaya revolyutsiya [The Russian revolution]. Available at: http://krotov.info/libr_min/16_p/ay/ps_44.htm (accessed 05 Des. 2017)
3. Vtoraya Otechestvennaya voyna Rossii. 1914-1917 [The Second Patriotic War of Russia. 1914-1917]. pod red. kand. ist. nauk P.V. Mul'tatuli ; kollektiv avt.: K.A. Zalesskiy, P.V. Mul'tatuli, R.N. Rakhimov, M.B. Smolin. M. 2014. p. 237.
4. Zhuravlev D. Istoricheskoe znachenie Oktyabr'skoy revolyutsii sostoit v eksperimente po postroeniyu sotsialisticheskogo obshchestva [The historical significance of the October Revolution consists in an experiment to build a socialist society]. Available at: http://www.iarex.ru/articles/54704.html (accessed 05 Des. 2017)
5. Mints I.I. Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya i ee mezhdunarodnoe znachenie [The Great October Socialist Revolution and its international significance]. Available at: http://www.biografia.ru/arhiv/vosr01.html (accessed 05 Des. 2017)
6. Ivashov L.G. Geopolitika Russkoy tsivilizatsii [Geopolitics of Russian Civilization]. Otv. red. O.A. Platonov. M. 2015.p. 630.
7. Ikeda E. Proekt yaponskikh istorikov «Rossiyskaya revolyutsiya i vek SSSR» [The project of Japanese historians of "The Russian revolution and the century of the USSR"]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/1):13-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21 (in Russ.).
8. Petrov Yu.A. Rossiya nakanune Velikoy revolyutsii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendentsii [Russia on the eve of the Great Revolution of 1917: modern historiographic tendencies]. Ekonomicheskaya istoriya. 2017; 2: 9-23. (in Russ.).
9. Lyskov D. Rossiyu ozhidaet velikiy yubiley, k kotoromu ona ne znaet, kak otnosit'sya [Russia expects a great anniversary, to which it does not know how to treat]. Available at: http://rusnext.ru/news/1452077894 (accessed 05 Des. 2017)
10. Sovremenniki revolyutsii i ne tol'ko oni - o revolyutsii 1917 goda [Contemporaries of the revolution and not only they - about the revolution of 1917]. Available at: http://inance.ru/2017/11/sovremenniki-o-revolucii/ (accessed 05 Des. 2017)

Информация об авторах:

Гаевская Инна Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и философии, Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия
innagaevskaya@yandex.ru

Лаврентьева Марина Андреевна, кандидат ис-

Information about the authors:

Inna I. Gaevskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia
innagaevskaya@yandex.ru

Marina A. Lavrent'eva, Candidate of Historical Sci-

торических наук, доцент, кафедра истории и философии, Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия
tabar1@rambler.ru

Получена: 07.12.2017

Для цитирования: Гаевская И.И., Лаврентьева М.А. К вопросу о международных последствиях Великой Октябрьской Революции. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.16-21.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-16-21.

ences, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
tabar1@rambler.ru

Received: 07.12.2017

For citation: Gaevskaya I.I., Lavrent'eva M.A. To the question of the international consequences of the Great October Revolution. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 16-21.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-16-21. (in Russian)

УДК 930.2 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-22-28

ДИРИВЯНКИНА Мария Сергеевна
Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
dirivyankina@mail.ru

Maria S. DIRIVYANKINA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
dirivyankina@mail.ru

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1917 г. НА СТРАНИЦАХ ВОЕННОЙ МЕМУАРИСТИКИ

REVOLUTIONARY EVENTS OF 1917 ON THE PAGES OF MILITARY MEMOIRS

В год столетия празднования Великой российской революции 1917 г. некоторые исследователи обращаются к проблеме революции и последующей за ней Гражданской войны через трактовку данных событий с позиции одного известного участника или очевидца, привлекая к своим исследованиям мемуарные произведения как основные источники, которые могут продемонстрировать как те или иные события преломляются под углом зрения автора воспоминаний. Нам представляется необходимым углубление изучения революции 1917 г. путем приобщения к проблеме анализа и сравнения мемуарного наследия выдающихся участников Великой российской революции, которыми в данном исследовании выступают красные и белые офицеры. Обращение к воспоминаниям людей, которые еще в начале 1917 г. представляли собой внешне единую русскую армию, а к концу года уже разделились на два противоборствующих блока, с помощью дуалистического подхода и других методов позволяет выявить наиболее яркие, получившие эмоциональный отклик явления и процессы, реконструировать их восприятие офицерами и выделить общие и различные черты в трактовке тех или иных событий с целью представления наиболее полной картины Великой российской революции 1917 г.

Ключевые слова: революция 1917 г., Гражданская война, Российская империя, русская армия, Красная армия, белое движение, офицерский корпус, белое офицерство, красное офицерство, мемуары

Today some researchers turn to the problem of revolution and the subsequent Civil War through interpreting these events from the standpoint of one well-known participant or eyewitness, involving memoirs as their main sources in the year of the centennial of the celebration of the Great Russian Revolution of 1917. Memoirs can demonstrate how events refracted from the point of view of the author of memories. We are deem it necessary to deepen the study of the 1917 Revolution by bringing to the problem the analysis and comparison of the memoirs of the outstanding participants in the Great Russian Revolution, which in this study are the red and white officers. We refer to the recollections of people who, as early as 1917, represented a seemingly unified Russian army, and by the end of the year already divided into two opposing blocs. We analyze their memories and use the dualistic approach and other methods to identify the most vivid, responding events and processes, reconstruct their perception by the officers. We also strive to identify common and various features in the interpretation of certain events with the aim of presenting the most complete and multifaceted picture of the Great Russian Revolution of 1917.

Keywords: Revolution of 1917, Civil War, Russian Empire, Russian army, Red Army, white movement, officer corps, white officers, red officers, memoirs

Революционные события 1917 г. ознаменовали собой переход истории российской государственности на качественно новый виток своего развития: они привели к падению старого режима и построению на его руинах абсолютного иного государства. Очевидцы и участники революции оставили значительное мемуарное наследие, на основе которого мы можем проследить и попытаться реконструировать восприятие рассматриваемых событий современниками. Особенную важность в изучении данной темы представляют воспоминания русского офицерского корпуса, представители которого после завершения революции станут главными участниками Гражданской войны 1917-1922 гг. Ценность противоречивых взглядов красных и белых определяется особенно ясно в настоящее время, когда стоит острая необходимость в переосмыслении революции 1917 г. и формулировки новой оценки данных событий на основе дуалистического подхода.

Изложенная в мемуарах информация содержит такие сведения, которые невозможно обнаружить в источниках других видов: подробные детали, нюансы, характеристики и отдельные факты, относящиеся к людям прошлого. Слабость рассматриваемого вида источников, по устоявшемуся мнению, состоит в присутствующей в них субъективности. В настоящее время данный недостаток воспринимается как достаточно относительный, так как именно на его основе возможно исследование личности автора мемуаров, его идейно-политических пристрастий и интересов, причин его тенденциозности. Характерная для мемуаров субъективность лишь усиливает необходимость научно-критического подхода к ним, не уменьшая возможности их использования в исторических исследованиях, и не оправдывает их скептической оценки некоторыми исследователями.

Целью данной работы является сравнительный анализ текстов мемуарных произведений красного и белого офицерства и изучение того, как события Великой российской революции 1917 г. были отображены и интерпретированы в их воспоминаниях.

Для анализа были взяты воспоминания следующих выдающихся представителей белого офицерства: А.И. Деникина, П.Н. Краснова, П.Н. Врангеля, подполковника Э.Н. Гиацинтова, А.С. Лукомского, А.П. Кутепова и А.Г. Шкуро. И представителей красного офицерства, в числе которых присутствуют также выходцы из царской армии, перешедшие на службу к большевикам: А.А. Брусилова - царского офицера, который с 1920 г. поддерживал советскую власть; А.И. го - военного министра Временного правительства, который с 1918 г. выступал за большевиков; С.М. Буденного; И.В. Тюленева; А.А. Игнатьева - военного деятеля, дипломата, который после Октября перешел на сторону большевиков; К.А. Мерецкова; М.Д. Бонч-Бруевича - бывшего царского офицера, первым перешедшего на сторону советской власти.

Методологической основой работы послужили: диалектический подход, основанный на использовании принципов диалектики как учения о наиболее общих закономерностях становления и развития реальности, внутренний источник которого определяется как единство и борьба противоположностей; человекоориентированный подход, в рамках которого мы пытаемся сосредоточиться на анализе жизненных ценностей людей того времени, на внутренних противоречиях, с которыми они сталкивались в ходе гражданского конфликта; бихевиористский подход, который концентрирует внимание на поведении отдельного индивида, группы, разного рода социальных, культурных, профессиональных и иных общностей. В основе данного исследования лежат также следующие методы: историко-сравнительного анализа, хронологический, реконструкции. Работа строится в соответствии с исторической психологией, которая позволяет воссоздавать особенности отдельных черт психического склада или психики в целом людей прошлого. Для реализации темы в рамках исторической психологии необходимо развитие метода, отличного от метода исторической реконструкции, который базируется на способности погружения, проникновения во внутреннюю жизнь людей прошлого - этому способствует применение метода психолого-исторической реконструкции, в основе которого лежит система проверки и перепроверки получаемых данных: мы не можем полностью избежать субъективных пристрастий исследователя, но мы их можем осознавать, тем самым оставляя возможность их контролировать.

Анализ мемуаров красного и белого офицерства позволяет выделить нам наиболее значимые, получившие эмоциональный отклик события и процессы, проследить сходства и особенности в представлениях офицерского корпуса относительно всего рассматриваемого периода, начиная с предреволюционной ситуации в Российской империи в январе-феврале 1917 г. и завершая Октябрьскими событиями. Так мы обозначили наиболее значимые тематические блоки, получившие достаточно яркое отражение в текстах воспоминаний русского офицерства: армия накануне революции 1917 г., отречение Николая II и его характеристика, демократизация армии, политика Временного правительства, корниловское выступление и захват власти большевиками в Октябре 1917 г.

Самым тяжелым испытанием для белого офицерства в начале 1917 г. стала именно проблема разложения русской армии. Она нашла отражение в воспоминаниях всех рассматриваемых мемуаристов, но для каждого преломляется под своим углом. Среди наиболее существенных отрицательных явлений в армии белые выделяли: нежелание солдат воевать вообще, что приводило не только к намеренному уничтожению боеприпасов и снарядов, но и немыслимым ранее убийствам членов командного состава [1, с. 71]; начало вмешательства армии в политику, что особенно ярко проявлялось участием войск в восстаниях [2, с. 57] и еще больше расшатывало аппарат государственной власти. Одну из важнейших проблем третьего года Первой мировой войны отмечали барон П.Н. Врангель [3, с. 91] и А.И. Деникин [4, с. 24]: наполнение армии новым офицерством, которое за короткий срок обучения не смогло усвоить системообразующую основу всего воинского дела - моральный дух, поэтому само тяготилось войной и не способствовало укреплению воинского духа своих солдат.

Отмеченная выше проблема морального духа форсированно обученных офицеров императорской армии нашла свое отражение на страницах воспоминаний красноармейцев в виде так называемого разложения офицерского корпуса, отдельные аспекты которого были запечатлены всеми рассматриваемыми красными офицерами. Наиболее отрицательные характеристики дореволюционного военного командования представлены в мемуарах С.М. Буденного [5, с. 13] и А.И. Верховского [6, с. 37]: пьянство, азартные игры, разврат, произвол, насилие и грубость.

Здесь необходимо отметить, что нередко представления об упомянутых бесчинствах строились на основе отдельных чрезвычайных ситуаций или даже слухов и активно использовались для воздействия на общественное мнение [7, с. 123], а впоследствии якобы оправдывали недоверчивое и возмутительное поведение солдат по отношению к офицерам.

Стихийно начавшиеся беспорядки в Петрограде 23 февраля 1917 г. послужили отсчетной точкой начала Великой российской революции, о которой на фронте стало известно не сразу, поэтому проследить первые революционные события февраля 1917 г. мы можем по воспоминаниям белых офицеров А.С. Лукомского, генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего, и полковника А.П. Кутепова, находившегося в Петрограде в первые дни революции. Они видели возможность выхода из сложившейся кризисной ситуации в государстве путем «затопления революции в крови», делая особенный упор на то, что таким образом ее можно только приостановить [8, с. 325].

Особенное значение в рассматриваемых мемуарах уделяется характеристике последнего царя из династии Романовых Николая II и его отречению от престола. Несмотря на трансформацию в сознании офицерского корпуса дореволюционной формулы мировоззрения «За Веру, Царя и Отечество» и изменения представлений о самой сущности императорской власти, белые офицеры, за исключением А.И. Деникина, заостряли внимание на положительных характеристиках Николая II, отмечая его ум [3, с. 97], сердечность и доброжелательность [8, с. 81]. Красные офицеры, наоборот, стремились изобразить последнего монарха из династии Романовых в самых темных тонах, называя Николая II «слабодушным» [9, с. 76] и «ограниченным» [10, с. 67], критикуя его как персонифицированно, так и отдельно за его политику [11, с. 12].

Связь между отношением к самой личности императора Николая II и прекращением существования института монаршей власти в России прослеживается в воспоминаниях и далее лишь в отношении красных и А.И.Деникина. Они последовательно обосновывали свои мнения и в целом положительно реагировали на весть об отречении монарха. Объясняется такая позиция уже упомянутым выше падением престижа императорской власти как в народе, так и в офицерской среде в частности. Стоит отметить, что в среде белого офицерства хоть и встречались монархические воззрения и сожаления по поводу отречения Николая II [2, с. 59], никто из рассматриваемых мемуаристов не писал о собственном желании прийти на помощь к бывшему монарху и поддержать его. Только у А.Г. Шкуро мы видим упоминание о попытке сопротивления генерала Келлера [12, с. 27], который представлял собой один из двух очагов неподчинения Временному правительству.

Расхождения в записях белых и красных мы встречаем по отношению к политике демократизации армии, в частности «Приказу № 1», который, по мнению большинства белых офицеров, стал началом разложения армии. Главным в «Приказе № 1» был третий пункт, согласно которому во всех политических выступлениях воинские части подчинялись теперь не офицерам, а своим выборным комитетам и Совету. Приказом вводилось равенство прав «нижних чинов» с остальными гражданами в политической, общегражданской и частной жизни, отменялось титулование офицеров и т.д. Согласны с первостепенной ролью данного приказа в разложении армии А.Г. Шкуро, А.И. Деникин, А.С. Лукомский и П.Н.Краснов, который передал в мемуарах мысли, свойственные, вероятно, всем истинно преданным своему делу офицерам: «Я переживал ужасную драму. Смерть казалась желанной. Ведь рухнуло все, чему молился, во что верил и что любил с самой колыбели в течение пятидесяти лет, - погибла армия» [1, с. 102].

Позиции белых в данном случае противостоял А.А. Брусилов, поскольку только у него среди красных офицеров упоминался и комментировался данный приказ. Он заострил внимание читателей на мысли, что настроение масс и сам ход исторического процесса неминуемо привел бы к развалу армии даже без участия специальных приказов и деклараций [9, с. 285]. В данном вопросе позиция Брусилова представляется более объективной, так как предотвратить надвигающуюся катастрофу ничто уже не могло, и, конечно, особенно понятно подобное мнение о второстепенной роли демократизации в развале армии от генерала, который крайне доброжелательно встречал все революционные изменения.

Единогласное мнение выражали красные и белые офицеры относительно политики Временного правительства. Не упоминалось в мемуарах Временное правительство только у А.Г. Шкуро и Э.Н. Гиацинтова, остальные же выражали свое отношение в исключительно негативном ключе. Все осуждали Временное правительство за бездарность и слабость, «мертворожденность», как выразился Бонч-Бруевич [10, с. 161]. Белые дополняли указанные характеристики, отмечая, что среди новой власти не оказалось человека, способного ее удержать, а также выразили свое недовольство относительно назначения А.И. Гучкова, гражданского лица, на пост военного министра. Его реформы в армии, начавшиеся с масштабных увольнений командного состава, по мнению А.И. Деникина, окончательно подорвали веру в высшее командование и способствовали усилению волн насилия в отношении представителей офицерского состава [4, с. 199, 202]. В вопросе продолжения участия в войне, провозглашенного Временным правительством, красные офицеры разделились. Бывшие императорские офицеры были согласны с белыми в необходимости победоносного завершения войны и невозможности заключения сепаратного мира, выслужившиеся в

красных офицеров солдаты Буденный и Тюленев ратовали за скорейшее прекращение войны, критикуя тем самым политику Временного правительства: «Что царь, что Керенский - одна шатия, и направление у них одно: сиди, солдат, в окопах, пока не сгниешь...» [13, с. 49].

С конца весны все яснее стало проявляться отсутствие единства среди белого офицерства, их попытки создания своих организаций и союзов не увенчались успехами. Особое значение в их судьбах сыграло Корниловское выступление, произошедшее в августе 1917 г., которое показало наличие сильного лидера в армии. Для белого офицерства Л.Г. Корнилов был единственно возможным военным вождем, который, по мнению армейского командования, был необходим для спасения России от бездарности Временного правительства и предотвращения прихода к власти леворадикальных сил. Сама фигура генерала оценивалась белым офицерством крайне высоко, и поэтому его выступление виделось белогвардейцам как способ установления в России надежной власти. Общее мнение в характеристике внутренней силы Корнилова выразил барон П.Н. Врангель, который отметил: «С вступлением генерала Корнилова в должность Верховного главнокомандующего в армии стала ощущаться крепкая рука» [3, с. 131]. Неудачный исход корниловского выступления отозвался в мемуарах белых сочувственными комментариями и общим разочарованием.

Красногвардейцев судьба корниловского выступления беспокоила с позиции невозможности установления в России военной диктатуры - этим отчасти было продиктовано отрицательное видение самого генерала. Стоит отметить, что характеристики Корнилова относятся только к воспоминаниям бывших офицеров русской императорской армии, то есть в большей или меньшей степени сослуживцев генерала, у других красноармейцев зачастую не встречаются даже упоминания о нем. Исключение составляет здесь К.А. Мерецков, который описывал «сумятицу» в отношении народа к мятежу Корнилова, что после его подавления только способствовало укреплению позиции большевиков [11, с. 23].

После корниловского выступления последовали многочисленные перемещения среди командного состава, аресты и бесчисленные расправы с офицерами. Затем Россия вступила в Октябрьский этап революции, который ознаменовался приходом к власти большевиков, свержением Временного правительства и завершился началом Гражданской войны.

Октябрьские события стали чрезвычайно важными для всего русского офицерства: для обеих сторон они ознаменовались завершением совместной службы в единой армии и новыми духовными исканиями в связи с необходимостью выбора дальнейшей своей судьбы. Мемуаристы, рассматривая события Октября, делали совершенно разные акценты, показывая, что тревожило их наиболее сильно в тот момент.

Генерал П.Н. Краснов писал о карьеристских взглядах части военного начальства, которое в момент взятия власти большевиками находилось в растерянности, лавируя для сохранения своего положения при всяком правительстве. Был отрицательно настроен генерал и по отношению к большевикам в целом [1, с. 163, 173].

Сразу после свержения Временного правительства П.Н. Врангель уехал из могилевской Ставки в Крым, описывал свои тяжелые чувства по этому поводу: он считал, что новое правительство, как и старое, не могло довести Россию до победного конца в войне, причем ответственность за это лежала на всем русском народе. И то, чем так манили все правительства - словом «свобода», народ превратил в произвол, а «…полученную вольность претворил в буйство, грабеж и убийство» [3, с. 143].

Полковника Э.Н. Гиацинтова, подвергавшегося ранее нападениям со стороны солдат, Москва после взятия власти большевиками встретила не менее неподобающим образом. Здесь уже на вокзале у офицера потребовали сдачу оружия, что вызвало его возмущение и воспринималось как личная обида [2, с. 61].

Генерал А.И. Деникин, встретивший Октябрь 1917 г. в Быховской тюрьме, крайне враждебно воспринял новые известия: он никак не мог поддержать первые «оглушительные» декреты, которые издал Совет народных комиссаров. Вместе с А.И. Деникиным в Быхове находился и А.С. Лукомский, который встретил известия о взятии власти большевиками с мыслями о ликвидации Ставки, завершении войны и неизвестной судьбе самих быховских узников [8, с. 415], что затем и подвигло офицеров к побегу.

Кубанского казака, генерал-лейтенанта А.Г. Шкуро события большевистского переворота, как он писал, затронули через известия о собрании Кубанской краевой Рады, ради участия на которой он поехал с фронта в Екатеринодар. Генерал писал также, что Рада захват власти большевиками не признала и объявила независимость Кубанского края. В дальнейшем А.Г. Шкуро описывал новости о движении Корнилова на Дон - по этому поводу в Кубанской Раде происходили многочисленные дебаты, как отнестись к его выступлению [12, с. 40]. Сам А.Г. Шкуро, как и большинство членов Рады, высказывался за его поддержку.

Красные в отношении Октябрьского этапа революции 1917 г. также не выступали еще единым фронтом, но выделяли для себя основную идею - службу народу, невозможность выступления против которого прослеживается у всех красных офицеров. Так, для С.М. Буденного победа большевиков в Петрограде напрямую уже была связана с мыслями о предстоящих столкновениях «народной власти» с контрреволюционными силами [5, с. 33], в чем ему вторил и К.А. Мерецков, назначенный в это время председателем военного отдела местного Совета, вспоминания о переходе в контрнаступление «врагов революции» [11, с. 25]. Подтверждает мысль о сущности большевистских идей как народных И.В. Тюленев, который в преддверии Октября 1917 г. побывал в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов и услышал выступавших там ораторов: «Ленин, большевистская партия помогли нам в ту грозную пору выбрать единственно правильный путь борьбы за новую жизнь» [13, с. 55].

Именно ко времени Октябрьских событий относятся основные чаяния бывших офицеров царской армии, перешедших на сторону Советов. Записи их мемуаров свидетельствуют о переживании достаточно тяжелой внутренней драмы, которую зачастую офицеры связывали с необходимостью отказа от прежней жизни в виде каких-то конкретных ее материально-духовных благ. Стоит отметить, что у четырех рассматриваемых офицеров, перешедших на сторону тов, - Брусилова, Бонч-Бруевича, Верховского, Игнатьева - совершенно разные переживания по поводу выбора стороны будущего конфликта и отражение этих душевных скитаний преломляются под различными углами на протяжении всего изложения воспоминаний. Так, в заключение мемуаров только у генерала А.А. Брусилова между строк скользит раскаяние в содеянном, хотя он, как и другие офицеры, выражал полнейшую уверенность в невозможности противостояния своему народу.

Генерал-майор А.А. Игнатьев наблюдал за событиями в России из Парижа, где он на протяжении Первой мировой войны руководил размещением военных заказов во Франции и поставкой их в Россию. В мемуарах он описывал свои впечатления относительно известий об аресте членов Временного правительства и продолжавшихся беспорядков, заостряя внимание на своих переживаниях о судьбе и участи народа: «Народ наш уже не ищет, а требует правды на земле <…>. Получат, наконец, возмездие все те, кто наживался на страданиях народа» [14, с. 318]. На первый план в описании новой власти в России у мемуариста выходит определение ее именно в качестве «истинно народной», что является подтверждением для него верности выбранного направления.

Во время Октябрьских событий М.Д. Бонч-Бруевич стал первым генералом, перешедшим на сторону большевиков, что он описывал с гордостью, отмечая, что цель его жизни отражена в призыве «Вся власть Советам!» [10, с. 220]. Его взгляд на события показывает необходимость отказа от прошлого и следования за единственной силой в России - большевиками. Для А.И. Верховского советская власть и ее «победоносная пролетарская революция» немедленно решили все волновавшие массы проблемы [6, с. 386], но общий характер записей о лете-осени 1917 г. показывает словно надломленность офицера, от которого отвернулись сослуживцы и друзья, обвинив в карьеризме и ведении «двойной игры», и который переживал тяжелую внутреннюю драму, поскольку в падении Временного правительства видел анархию, которая погубит Россию [6, с. 396].

Таким образом, начало 1917 г. в воспоминаниях обеих сторон было отмечено проблемой разложения армии, рассмотренной с противоположных точек зрения: разложения армии и разложения офицерского корпуса. Страна находилась в кризисном положении, и все возможные проблемы в империи связывались с личностью и деяниями Николая II: белые, кроме А.И. Деникина, несмотря на отсутствие в мемуарах и в действительности желания борьбы за монархию как таковую, достаточно положительно характеризовали царя в отличие от постоянно критиковавших его красных. В связи с этим достаточно обоснованным представляется реакция офицерства на отречение императора. Дальнейшие преобразования, связанные с демократизацией армии, не были отражены на страницах воспоминаний всех офицеров: с печалью о них пишут белые, иначе реагирует А.А. Брусилов, говоря о неизбежности процесса разложения армии. Единогласное негативное мнение выражали белогвардейцы и красноармейцы относительно политики Временного правительства, в отличие от взглядов на корниловское выступление: белые видели в нем возможность установления сильной власти в России, для красных Корнилов и его движение - угроза военной диктатуры и Гражданская война. События Октября 1917 г., завершающие революционный процесс в России, отражают особенности складывания белого и красного движений, демонстрируя разрозненность и изначальную слабость белогвардейцев в невозможности создания объединенной армии и формирования популярной среди большинства народа идеологии.

Полученные нами результаты исследования демонстрируют необходимость обращения к проблеме революции 1917 г. с различных точек зрения в противовес существовавшей ранее и сохраняющейся до наших дней тенденции к идеализации одной из противоборствующих сторон.

Попытки доказать исключительную правильность действий красных или белых приводят лишь к углублению кризиса в формировании полноценного представление о революционных событиях 1917 г. как о сложном, многогранном процессе, который привел к разлому не только некогда самой стойкой опоры государственной власти в Российской империи - русской армии, но и России в целом. Обращение к переживаниям и чувствам, выраженным в военной мемуаристике, необходимо, поскольку оно демонстрирует, что в моменты революций и гражданских войн нет триумфа ни для какой из противоборствующих сторон, а есть только трагедия беззакония и жестокости братоубийственных столкновений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Краснов П.Н. На внутреннем фронте; В донской станице при большевиках; Всевеликое Войско Донское. - М.: Айрис-пресс, 2003.
2. Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера / Вступ. ст, подг. и коммент. В.Г. го. - СПб.: Интерполиграфцентр СПбФК, 1992.
3. Врангель П.Н. На трех войнах / Сост., вступ. ст. В.Г. Черкасова-Георгиевского. - М.: ПРОЗАиК, 2013.
4. Деникин А.И. Очерки русской смуты. - Минск: Харвест, 2002. - Т.1.
5. Буденный С.М. Первая конная армия. - М.: Вече, 2012.
6. Верховский А.И. На трудном перевале. - М.: Воениздат, 1959.
7. Суряев В.Н. О служебных взаимоотношениях офицеров и солдат Русской императорской армии в начале XX века // Вестник Пермского университета. Сер. История. - Пермь, 2015. - № 2 (29).
8. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания / Сост., предисл., коммент. С.В. Волкова. - М.: Айрис-пресс, 2012.
9. Брусилов А.А. Воспоминания. - М.: Воениздат, 1963.
10. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам (воспоминания). - М.: Воениздат, 1957.
11. Мерецков К.А. На службе народу. - М.: Политиздат, 1968.
12. Шкуро А. Г. Записки белого партизана. - М.: Вече, 2013.
13. Тюленев И.В. Через три войны. - М.: Воениздат, 1972.
14. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю.- М.: ГИХЛ, 1955. Кн. 2.

REFERENCES

1. Krasnov P.N. Na vnutrennem fronte; V donskoy stanitse pri bol'shevikakh; Vsevelikoe Voysko Donskoe [On the internal front; In the Don village with the Bolsheviks; The Great Don Army]. Moscow: Iris Press, 2003. (in Russian)
2. Hyacinths E.N. Zapiski belogo ofitsera [Notes of a white officer]. St. Petersburg: "Interpoligratsentr" SPbFK, 1992. (in Russian)
3. Wrangel P.N. Na trekh voynakh [On three wars]. Comp., In. Art. V.G. Cherkasov-Georgievsky. Moscow: PROZAiK, 2013. (in Russian)
4. Denikin A.I. Ocherki russkoy smuty [Essays on the Russian Troubles]. Minsk: Harvest, 2002. T.1. (in Russian)
5. Budyonny S.M. Pervaya konnaya armiya [The First Cavalry Army]. Moscow: Veche, 2012. (in Russian)
6. Verkhovsky A.I. Na trudnom perevale [On a difficult pass]. Moscow: Military Publishing, 1959. (in Russian)
7. Suryayev V.N. O sluzhebnykh vzaimootnosheniyakh ofitserov i soldat Russkoy imperatorskoy armii v nachale XX veka [On the service relations of officers and soldiers of the Russian Imperial Army at the beginning of the twentieth century]. Bulletin of Perm University. Series: History. Perm, 2015. №2 (29). (in Russian)
8. Lukomsky A.S. Ocherki iz moey zhizni. Vospominaniya [Essays from my life. Memoirs]. Compositions, foreword, comments. S.V. Volkova. Moscow: Iris Press, 2012. (in Russian)
9. Brusilov A.A. Vospominaniya [Memories]. Moscow: Military Publishing, 1963. (in Russian)
10. Bonch-Bruevich M.D. Vsya vlast' Sovetam (vospominaniya) [All power to the Soviets (memories)]. Moscow: Military Publishing, 1957. (in Russian)
11. Meretskov K.A. Na sluzhbe narodu [In the service of the people]. Moscow: Politizdat, 1968. (in Russian)

12. Shkuro A.G. Zapiski belogo partizana [Notes of the white partisan]. Moscow: Veche, 2013. (in Russian)
13. Tyulenev I.V. Cherez tri voyny [Three wars]. Moscow: Military Publishing, 1972. (in Russian)
14. Ignatiev A.A. Pyat'desyat let v stroyu [Fifty years in the ranks]. Moscow: Gikhl, 1955. Book. 2. (in Russian)

Информация об авторе:

Дириванкина Мария Сергеевна, магистр, кафедра истории России, Кубанский государственный университет»,
г. Краснодар, Россия
РИНЦ SPIN-код: 6884-2103
dirivyankina@mail.ru

Получена: 06.12.2017

Для цитирования: Дириванкина М.С. Революционные события 1917 г. на страницах военной мемуаристики. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.22-28.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-22-28.

Information about the author:

Maria S. Dirivyankina, Master Student, Department of Russian History, Kuban State University,

Krasnodar, Russia
РИНЦ SPIN-код: 6884-2103
dirivyankina@mail.ru

Received: 06.12.2017

For citation: Dirivyankina M.S. Revolutionary events of 1917 on the pages of military memoirs. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 22-28.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-22-28. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-29-32

ЛЕВИН Виталий Ильич
Пензенский государственный технологический университет
г. Пенза, Россия
vilevin@mail.ru

Vitaly I. LEVIN
Penza State Technological University
Penza, Russia
vilevin@mail.ru

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРЕИ РОССИИ

Предложено рассматривать причину революции 1917 г. как совокупность причин недовольства различных общественных и национальных групп. Рассмотрены причины недовольства своим положением национальной группы евреев России. В связи с этим дан обзор различных постановлений российского правительства и их последствий для евреев. Проанализирован процесс самоопределения евреев между большевиками и антибольшевиками. Рассмотрена история поселения евреев на территории России в конце XVIII века после разделов Польши. Описана политика Екатерины II, направленная на «исправление» евреев и привлечение их к общественной жизни государства. Анализируются сложности абсорбции евреев в экономику страны, их выдавливание правительством из центральных районов на окраины страны – в пресловутую «черту оседлости». Рассматривается проблема призыва евреев на военную службу и институт кантонистов. Описаны многочисленные притеснения, которые они терпели в царствование Павла I, Александра I, Николая I. Очень подробно анализируются реформы Александра II, несколько облегчившие жизнь евреев в России. Рассматривается эпоха Александра III, когда официальной политикой в отношении евреев стал антисемитизм. Именно тогда началась массовая еврейская эмиграция из России. Подробно рассматривается участие евреев в русском революционном движении. Также изучается их участие в I Мировой войне и массовые выселения из зоны боевых действий. В заключение описывается поддержка, которую еврейские массы оказали Февральской революции 1917 г., их жизнь при Временном правительстве. В конце статьи анализируются трудности, которые обрушились на российских евреев после октябрьского переворота, массовые погромы в период Гражданской войны и их переход на сторону большевиков, защищавших их от погромов. Статья написана на основе последних отечественных и зарубежных источников: монографий, справочников, энциклопедий и учебников.

Ключевые слова: февральская революция, октябрьский переворот, евреи, временное правительство, учредительное собрание

OCTOBER REVOLUTION AND JEWS OF RUSSIA

It is proposed to consider the cause of the 1917 revolution as a set of causes of discontent among various social and national groups. The reasons for dissatisfaction with their position of the national group of Jews of Russia are considered. In this regard, an overview of various decisions of Russian government and their consequences for the Jews is given. The procedure of self-determination of Jews between the Bolsheviks and anti-Bolsheviks is analyzed. The history of the settlement of Jews in the territory of Russia at the end of the 18th century after the sections of Poland is considered. The policy of Catherine II aimed at "correcting" Jews and involving them in public life of the state is described. The analysis of the difficulties of the absorption of Jews into the economy of the country, their extrusion by the government from central regions to the outskirts of the country – into the notorious "Pale of Settlement". The problem of conscription of Jews for military service and institution of cantonists is considered. Numerous oppressions that they endured during the reign of Paul I, Alexander I, and Nicholas I are described. The reforms of Alexander II, which made life easier for Jews in Russia, are analyzed in great detail. The era of Alexander III is considered, when anti-Semitism became an official policy towards Jews. It was then that mass Jewish emigration from Russia began. The participation of Jews in the Russian revolutionary movement is considered in detail. Also the participation of Jews in the World War I and their mass evictions from the war zone is touched. In conclusion, the support that the Jewish masses rendered to the February Revolution of 1917, their life under the Provisional Government, is described. At the end of the article, the difficulties faced by Russian Jews after October coup, mass pogroms during the Civil War and their transition to the side of Bolsheviks, who defended them from pogroms, are analyzed. Article is written on basis of latest Russian and foreign sources: monographs, reference books, encyclopedias and textbooks.

Keywords: February revolution, October revolution, Jews, Provisional government, constituent assembly

Революция в России, 100-летие которой мы недавно отметили, до сих пор вызывает ожесточенные споры историков. Основным предметом спора являются причины развернувшихся тогда событий - собственно буржуазно-демократической февральской революции и завершившего ее октябрьского переворота. В качестве причин обычно называют неспособность царя Николая II управлять огромным государством и то, что он ввязался в Первую мировую войну. Реже указывают на неспособность царя к быстрым и решительным силовым действиям, что проявилось, например, во время волнений в Петрограде из-за нехватки хлеба в 1916 г. или после получения им в феврале 1917 г. реляции российского генералитета о необходимости его отречения от престола. Называют иногда и явно сомнительные причины, такие как якобы «обнищание народа»; преступное упрямство верховного правителя А.В. Колчака, отказавшегося в 1919 г. пообещать независимость Финляндии и тем самым исключившего ее армию из совместного с армией генерала Н.Н. Юденича похода для взятия революционного Петрограда; повышенная солнечная активность в

1917 г., вызвавшая чрезмерное возбуждение населения, и т.д. Наконец, приводят явно конспирологические теории происхождения русской революции, связывающие ее с деятельностью международных тайных обществ, масонского братства, Всемирного еврейского правительства и т.д.

Думается, что подлинная причина революции 1917 года в России, сделавшая ее неизбежной, была в другом: к 1917 г. практически все национальные, религиозные, общественные группы населения страны были крайне недовольны деятельностью царя и его правительства в целом и решительно не соглашались на продолжение его правления. Конечно, причины недовольства различных групп были разными. Поэтому изучать их надо отдельно, однако результаты необходимо объединять, если мы хотим получить общую подлинную причину российской революции. Настоящая работа посвящена изучению причин недовольства группы «российские евреи». При изучении материала были использованы источники [1-5].

Россия веками запрещала евреям селиться на своей территории. Однако в конце XVIII в. после разделов Польши она вдруг оказалась государством с самым большим в мире еврейским населением (0,8 млн). Это поставило перед Екатериной II много трудных проблем, так как евреи по религии, традициям и роду занятий сильно отличались от других народов империи. Была разработана специальная политика «исправления» евреев и их последующего привлечения к участию в общественной жизни государства. Богатых евреев отнесли к купцам, бедных - к мещанам. Это дало им право избирать и быть избранными в городские думы. Но на деле это право было не реализовано и лишь осложнило взаимоотношения христиан и евреев. Правительство обязало всех евреев проживать только в городах, а не в деревнях. Это подорвало традиционные источники их заработка, так как они с давних времен торговали в деревнях. Их попытки торговать в городах внутренних губерний России были успешными благодаря более высокому качеству их товара и более низким ценам. Однако после жалоб русских купцов, испугавшихся конкуренции, Екатерина II в 1791 г. запретила евреям проживание и работу всюду, кроме присоединенных польских провинций, то есть Белоруссии, Литвы и Украины. Возникла пресловутая «черта оседлости». Последующие императоры Павел I и Александр I ничего не сделали для облегчения положения российских евреев. Наоборот, Александр I запретил им заниматься винокурением и торговлей вином. Им также запретили содержать постоялые дворы и обязали в течение трех лет вернуться в города, находящиеся в черте оседлости. В качестве «компенсации» за эти ограничения еврейским детям разрешили посещать русские школы, а еврейским общинам - создавать свои школы, евреев-земледельцев стали наделять землей в южных губерниях, ремесленным цехам запретили дискриминировать евреев-ремесленников. Но на практике все разумные положения политики Александра I в отношении евреев не выполнялись и все свелось к тому, что после отказа евреев добровольно покинуть деревни в 1807 г. их насильно выселили оттуда. Даже верность России, проявленная евреями во время войны с Наполеоном, не смягчила правительство. Наоборот, теперь им запретили проживать в городах-крепостях, военных портах и вдоль западной границы, а в 1825 г. вообще выселили из пограничной полосы в 50 верст. Вступивший на престол в 1825 г. Николай I пошел дальше: отменил налог, заменявший для евреев воинскую повинность, и стал набирать их на службу с 12 лет (!). Считалось, что за время предварительной подготовки в кантонистских школах дети примут христианство, а последующая служба в течение 25 лет окончательно оторвет их от еврейства. Жестокость, с которой осуществлялась эта программа (детей брали реально с 8 лет, вырывая их из рук матерей), не дала результатов и лишь озлобила народ. Николай I также ввел цензуру на еврейские книги, в результате чего были закрыты еврейские типографии во всех городах России, кроме Вильно и Житомира. В результате издание национальной литературы в стране сильно сократилось. И лишь Александр II, вступивший на престол в 1855 г. и начавший крупные реформы в стране, не обошел вниманием и евреев, приказав пересмотреть все касающиеся их законы, в целях их слияния с коренными жителями. Было отменено положение о кантонистах, и евреев уравняли с другими в правах в отношении к воинской повинности. Тогда же отменили запрет на занятие евреями государственных должностей. Получили разрешение проживать вне черты оседлости евреи-купцы 1-й гильдии, лица с учеными званиями, ремесленники, николаевские солдаты и их потомки. Стремясь ускорить ассимиляцию евреев, царь облегчил поступление евреев в государственные средние и высшие учебные заведения. Однако русская общественность испугалась, что приобщение евреев к русской культуре может сделать их более опасными для коренных жителей. Усилилась антисемитская агитация в прессе. А сам Александр II во вторую половину своего царствования отступил от прежних принципов. Он восстановил екатерининское положение об ограничении числа еврейских депутатов третью их общего числа, даже в городах с подавляющим большинством еврейского населения, и запретил евреям занимать пост городского головы. Он также закрыл учрежденные при Николае I государственные еврейские училища, а раввинские училища превратил в учительские институты. Убийство Александра II в 1881 г. окончательно

остановило либеральные эксперименты в стране. Новый царь Александр III перешел к политике тотального государственного антисемитизма. В 1887 г. он ввел процентную норму для евреев, поступающих в университеты, институты и гимназии: в черте оседлости - 10% от общего числа учащихся, вне черты - 5%, в Москве и Петербурге - 3%. Он также вернул запрет на принятие евреев на государственную службу, выслал в 1891 г. из Москвы всех жителей-евреев (20 тыс. чел.) и т.д. Именно при Александре III во всех губерниях черты оседлости в 1881 г. были созданы особые комиссии по определению «вреда», якобы причиняемого «коренному населению» экономической деятельностью евреев. Особый подбор членов комиссии и полученные ими наставления привели к тому, что большинство их высказалось за ограничение участия евреев в хозяйственной жизни страны. Эта рекомендация была принята на вооружение царем. В целом, при Александре III произошел поворот от стремления властей приобщить евреев к культурной жизни страны и ассимилировать их к решению изолировать их или заставить эмигрировать. Николай II сохранил эту политику и кое в чем усилил. Так, в 1901 г. он уменьшил процентную норму для евреев, поступающих в университеты, технологические институты, консерватории, академии художеств и полностью закрыл прием в электротехнический институт и институт путей сообщения в Петербурге, сельскохозяйственный институт в Москве, петербургское и московское театральные училища. Правительственные круги утверждали, что нарождающееся революционное движение в России - дело рук евреев-сообщников «внешнего врага». Царь, ненавидевший евреев, поддерживал эту антисемитскую линию. Он ассигновал крупные суммы из личного фонда для издания антисемитской литературы. А печально знаменитая книга «Протоколы сионских мудрецов», обвинявшая евреев в создании тайного мирового правительства, управляющего человечеством, была напечатана в царской типографии. Воззвания, призывавшие к погромам, печатались в тайной типографии департамента полиции. Безудержная пропаганда принесла свои плоды: по стране прокатилась волна погромов - в Кишиневе весной 1903 г. (убито 50, ранено 500 чел.), в Гомеле летом 1903 г. (убито 10, ранено 100 чел.), в Одессе в 1905 г. (убито 300 чел.) и т.д. Организатором всех погромов была созданная на царские деньги «патриотическая» организация «Союз русского народа». Люди пытались бороться с притеснявшей их властью, вступая в различные оппозиционные партии: эсеров, РСДРП, Бунд. Однако несравнимо большее их число просто эмигрировали из России. Всего уехало 2 млн чел., что составляло 40% еврейского населения страны! Во время Первой мировой войны 400 тыс. российских евреев участвовали в военных действиях, сотни тысяч еврейских женщин шили для фронта одежду, слали подарки солдатам. Они надеялись, что царь оценит их самоотверженность и предоставит им равноправие с другими народами страны. Ответ не заставил себя ждать: уже в августе 1914 г. по приказу верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича Романова 100 тыс. евреев были выселены из прифронтовой полосы за якобы «пособничество врагу». В 1915 г. выселения продолжились, всего выслали около полумиллиона человек. По приказу того же Николая Николаевича Романова было взято около 400 заложников - раввинов и наиболее уважаемых руководителей еврейских общин; часть из них повесили. Люди поняли, что ничего хорошего от этого царя они не дождутся.

Немудрено, что российские евреи восторженно встретили февральскую революцию 1917 г. Временное правительство единогласно приняло «Постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений». В результате евреи получили равные со всеми гражданские, политические и национальные права. Вышли из подполья и активизировали свою деятельность еврейские политические партии. На местах стали создаваться автономные еврейские общины с независимым от властей руководством. Еврейская молодежь стала свободно поступать в гимназии, университеты, военные училища. Но Временное правительство оказалось слабым, в стране воцарился хаос. И 25 октября 1917 г. в результате военного переворота власть в стране захватили большевики. Большинство еврейских политических партий, общественных групп и религиозных авторитетов осудили переворот и последующий разгон Учредительного собрания, как антиконституционные действия. Рядовые же евреи разделились. Часть примкнула к противникам большевиков, участвовала в защите Зимнего дворца, воевала в составе Добровольческой армии Деникина и других белых армий. Другая часть поддержала большевиков. В развернувшейся впоследствии Гражданской войне на фоне других зверств, обычных для таких войн, резко выделялись своей жестокостью зверства во время массовых еврейских погромов, проводившихся белыми армиями, местными крестьянами и обычными бандитами. Только на территории Украины погибло, умерло от голода и болезней около полумиллиона человек, то есть 25% еврейского населения края; было разграблено 700 населенных пунктов, и несколько сот тысяч человек остались без средств к существованию; 300 тыс. детей стали сиротами. Это подтолкнуло евреев в сторону большевиков, армия которых всегда пресекала погромы и наказывала погромщиков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Кандель Ф. Очерки времен и событий. Ч. 3. - Иерусалим: Тарбут, 1994.
2. Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. - Иерусалим, 1994.
3. Левин В.И. История евреев России. Взгляд из Пензы. - Пенза, 2003.
4. Очерк истории еврейского народа / Под ред. проф. Ш. Этингера. Т. 1, 2. - Иерусалим: Библиотека Алия, 1990.
5. Гессен Ю. История еврейского народа в России. - М.: Еврейский ун-т; Иерусалим: Гешарим, 1993.

REFERENCES

1. Kandel F. Ocherki vremyon i sobytiy [Essays of Times and Events]. Part 3. Jerusalem: Tarbut, 1994. (in Russian)
2. Kratkaya Evreyskaya Enciklopediya [Short Jewish Encyclopaedia]. Vol. 7. Jerusalem, 1994. (in Russian)
3. Levin V.I. Istoriya evreev Rossii. Vzglyad iz Penzy [History of Jews in Russia. View from Penza]. Penza, 2003. (in Russian)
4. Ocherk istorii evreyskogo naroda. Pod red. prof. Sh. Ettingera. An Essay of History of Jewish People. Ed. by prof. Sh. Ettinger]. Vol. 1, 2. Jerusalim: Biblioteka Aliya, 1990. (in Russian)
5. Gessen Yu. Istoriya evreyskogo naroda v Rossii [History of Jewish People in Russia]. Moscow: Evreyskiy univ.; Jerusalem: Gesharim, 1993. (in Russian)

Информация об авторе:

Левин Виталий Ильич, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Пензенский государственный технологический университет,
vilevin@mail.ru
г. Пенза, Россия

Information about the author:

Vitaly I. Levin, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Penza State Technological University,
Penza, Russia
vilevin@mail.ru

Получена: 12.11.2017

Для цитирования: Левин В.И. Октябрьская Революция и Евреи России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.29-32.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-29-32.

Received: 12.11.2017

For citation: Levin V.I. October revolution and jews of Russia Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 29-32.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-29-32. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-33-41

ПЕТРОВИЧ Владимир Глебович
Саратовский областной институт развития образования
г. Саратов, Россия
petro51@mail.ru

САМСОНОВ Сергей Иванович
Саратовский областной институт развития образования
г. Саратов, Россия
1011158@mail.ru

Vladimir G. PETROVICH
Saratov Regional Institute of Education Development
Saratov, Russia
petro51@mail.ru

Sergei I. SAMSONOV
Saratov Regional Institute of Education Development
Saratov, Russia
1011158@mail.ru

РЕВОЛЮЦИЯ ПОЖИРАЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ, ИЛИ МАГИЧЕСКИЙ КРУГ ЧЕРЕДОВАНИЯ РЕВОЛЮЦИЙ И РЕАКЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ)

В 2017 г. отмечался вековой юбилей Великой российской революции. Статья посвящена анализу влияния революционных событий на судьбы юных россиян как в 1917 г., так и в результате последующих за революцией событий. В исторической ретроспективе анализируются последствия голода в Российской империи в конце XX в. и в Советской России в 1920-1930-х годах. Голод начального периода советской истории нашего государства трактуется авторами как трагические последствия революции 1917 г. и проводимой после нее большевистской политики. Авторы приходят к выводу, что голод в Саратовском Поволжье 1921-1923 гг. вызван совокупным действием объективных неблагоприятных природных условий, что было вполне типичным для природно-климатических особенностей данного района, как зоны рискованного земледелия, особенно в Левобережной части губернии. Вызванный объективными причинами, голод усугублен причинами субъективными - Гражданской войной и политикой «военного коммунизма» - продовольственной разверсткой прежде всего. Сравнивая данные двух Всероссийских переписей населения - 1926 и 1937 гг., авторы приходят к выводу, что наиболее пострадавшими в СССР были Саратовская область, Казахская АССР и АССР Немцев Поволжья, то есть фактически Саратовское Поволжье является регионом, пострадавшим в наибольшей мере от голода 1932-1933 гг. в границах современной России! Авторы выдвигают гипотезу о времени окончания Великой российской революции - 10 февраля 1934 г., когда завершился XVII съезд ВКП(б), вошедший в историю как «съезд победителей». Авторы соглашаются с великим русским философом Н.А. Бердяевым: «Все революции кончались реакциями. Это - неотвратимо. Это - закон».

Ключевые слова: Великая российская революция, голод, Гражданская война, Саратовское Поволжье, военный коммунизм, русская философия

REVOLUTION DEVOURS ITS CHILDREN, OR THE MAGIC CIRCLE OF ALTERNATING REVOLUTIONS AND REACTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE SARATOV VOLGA REGION)

In 2017 was celebrated the centenary of the great Russian revolution. The article is devoted to analysis of the influence of revolutionary events on the fate of young Russians in 1917, and as a result subsequent to the revolution events. In historical perspective, examines the consequences of hunger in the Russian Empire in the late 20th century in the Soviet Russia in 1920-1930-ies. Hunger initial period of the Soviet history of our state is interpreted by the authors as the tragic consequences of the 1917 revolution and pursued after her Bolshevik policy. The authors come to the conclusion that the famine in the Saratov Volga Region 1921-1923 - caused by the combined effect of objective adverse natural conditions, which was quite typical for the climatic characteristics of the area as a zone of risky agriculture, especially in the province. Caused by objective reasons, hunger aggravated by subjective causes - the Civil war and the policy of "war communism" - food surplus. Comparing the data of the two censuses of population, 1926 and 1937, the authors come to the conclusion that most victims in the USSR Saratov oblast, Kazakh ASSR, and ASSR of the Volga Germans, i.e. actually the Saratov Volga Region is the region affected to the greatest extent of the famine of 1932-1933 in the borders of modern Russia! The authors put forward a hypothesis about the time of the great Russian revolution - Feb. 10, 1934, at the end of the XVII Congress of the CPSU(b), known to history as the "Congress of victors". The authors agree with the great Russian philosopher N. Berdyaev: "All revolutions ended responses. It is inevitable. It's the law".

Keywords: Great Russian revolution, hunger, Civil war, Saratov Volga Region, war communism, Russian philosophy

И не важно, кто сказал, что «революция пожирает своих детей», Жорж Жак Дантон или Пьер Виктюрниен Верньо, политические деятели Великой французской революции, - знаменитую фразу приписывают обоим. Кто бы из них двоих не произнес этих слов, ни один здравомыслящий француз не мог вкладывать в эту фразу прямой смысл… Пожирать своих детей в прямом смысле слова стала и Великая российская революция 1917 года, 100-летие которой широко отмечалось в ушедшем году, фактически ремейк той давней, 228-летней французской. Оценить «всемирно-историческое значение» этих двух величайших событий в истории трудно даже спустя два с лишним века, как в случае с французской революцией. Недаром Чжоу Эньлай, первый премьер Государственного совета КНР, в 200-ю годовщину Великой французской революции на вопрос париж-

ского журналиста «Что вы можете сказать о Великой французской революции?» ответил с коммунистической прямотой: «Об этом еще слишком рано судить» [1, с. 4].

Но сегодня мы постараемся всего лишь век спустя после революции 1917 года доказать правоту двух российских граждан - Н.А. Бердяева, великого философа, считавшего, что «все революции кончались реакциями. Это - неотвратимо. Это - закон. И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее были реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг» [2, с. 16] и нашего современника А.Ф. Давидовича, воронежского писателя-афориста, сказавшего конкретно о революции 1917 года: «За семнадцатым годом сразу следует тридцать седьмой» [3, с. 14].

Для доказательства неразделимости революционного, ленинского, и послереволюционного, сталинского, периодов советской истории авторы взяли только один, детский вопрос, точнее, судьбы детей в нашей стране в 1920-1930-е годы. Становление революционной сталинской диктатуры прослеживается в аспекте борьбы с голодом в 1920-х и 1930-х годах, ситуация исследуется на примере Саратовского Поволжья, истории которого посвящено инновационное учебное пособие, созданное в числе прочих и авторами данной статьи, в рамках Всероссийского проекта «История России через историю регионов» [4].

«Величайшее из человеческих бедствий в истории Европы», по словам историка Р. Пайпса [5, с. 24], разразилось в 1921-1923 гг. в советском Поволжье. Это был голод, затронувший по самым скромным оценкам 25 млн человек, в том числе около 5,5 млн детей.

Бедствие пришло в Саратовский регион не впервые. Неурожаи и вызванный ими голод наблюдались в 1891-1892, 1898, 1906, 1911 гг. Как реагировало царское правительство на чрезвычайные ситуации? «Кровавый режим» Николая II выделил на все голодающие в 1891-1892 гг. губернии 152,3 млн рублей, на которые закуплено около 1,7 млн тонн продовольствия, дополнительно 7 млн рублей поступило из губернских и общественных продовольственных капиталов [6, с.102]. В 1905-1906 гг. государство вновь вынуждено было экстренно выделять средства на закупку хлеба: 77,5 млн рублей, на которые куплено свыше 75 млн пудов хлеба [6, с. 285]. В 1907 г. было выделено еще свыше 71 млн рублей [6, с. 347]. Царское правительство в борьбе с голодом пошло на увеличение хлебного импорта и сокращение экспорта. Экспорт хлеба в период с 1905 по 1908 гг. упал на 92,5%, импорт из США и Аргентины увеличился с 3,015 тыс. пудов в 1905 до 13,733 тыс. пудов в 1908 г. [6, с. 575-576]. Все это позволило правительству провести, к примеру, такую меру, как ежемесячная выдача 40 фунтов (чуть больше 18 кг) муки всем лицам младше 18 и старше 59 лет [7, с. 20.].

Естественно, что и при новой власти, позиционирующей себя как советская социалистическая республика, общество надеялось на энергичные меры по борьбе с голодом, принимавшим ужасающие масштабы. В середине 1921 г. из 2,9 млн жителей Саратовской губернии голодали 40% [8]. Количество голодающих в Саратове в октябре 1921 г. составляло 60,2 тыс. человек, а всего в губернии - 442,9 тыс. [9]. В Дергачевском уезде отмечены были даже случаи людоедства [10]. По данным на январь 1922 г. в Саратовской губернии голодало 895 562 взрослых, 488 128 детей, всего 1383 690 человек [11].

Наиболее уязвимыми в случае с голодом были дети: «В 1921 г. число голодающих детей при родителях и без них определялось в РСФСР в 7,5 млн чел. По официальным данным, полученным с мест к 1 декабря 1922 г., насчитывалось беспризорных (уличных и уже помещенных в детские дома и приемники-распределители) около 444 тыс. чел.» [11].

Как жилось детям в ту пору, можно представить по газетным публикациям: «Отчаянное положение в Вольске. В Белогродненской волости употребляют в пищу сухую капусту, дубовые листья, опилки, колоб, кожуру тыквы и картофеля. В некоторых семьях съели всех лошадей, есть случаи употребления дохлых лошадей» [12].

Или: «На улицах деревень падают сраженные голодом люди, трупы убирают, но не в могилы, а прячут. Режут на куски и едят… По призыву священника села Давыдовки Мелитопольского уезда прихожане единогласно решили отдать на борьбу с голодом все церковные золотые и серебряные вещи» [13].

Осознавало ли советское правительство трагизм положения? Безусловно, да. Но главную причину голода лидер советского государства В.И. Ленин видел: «в силу неурожая, повлекшего громадную бескормицу, падеж скота и разорение крестьянского хозяйства» [14, с. 13]. Вождь оправдывал продразверстку как фундаментальную основу политики «военного коммунизма»: «…будучи разорена, страна не могла иначе поступать, как брать продовольственные излишки с крестьянства, хотя бы даже не возмещая их никакими другими средствами. Это необходимо было, чтобы спасти страну, армию и рабоче-крестьянскую власть» [14, с. 14].

Но сил самим спасти граждан страны у власти не хватало. Пьер Поль Руайе-Коллар, французский политик и философ, современник Великой французской революции, утверждал: «Революции начинают адвокаты, но заканчивают их не они». В.И. Ленин, будучи юристом по образованию и адвокатом в начале своей профессиональной деятельности, ради сохранения советской власти пошел на шаги, на которые не решились его сменщики десятилетие спустя: в 1921 г. советское правительство, в связи с тяжелым продовольственным положением в стране, обратилось за гуманитарной помощью к иностранным государствам.

Беспрецедентный факт: дипломатические отношения между СССР и США будут установлены только в ноябре 1933 г., а в Риге, столице тогда и сейчас независимой Латвии, в августе 1921 г. состоялись успешные переговоры между Американской администрацией помощи - АРА (ARA, от английского American Relief Administration) и представителями советского правительства. АРА и ее партнеры - благотворительные организации, а также частные жертвователи - потратили на спасение голодающих в России около 42 млн долларов. Продовольствием, которое организация пересылала России, питалось почти 7 млн человек. Кроме поставок продовольствия, американские организации оказали медицинскую помощь истощенным и заразившимся инфекционными болезнями более чем на 10 млн долларов.

Жители Саратовской губернии благодарны не только АРА, но и, прежде всего, Фритьофу Ведел-Ярлсбергу Нансену, норвежскому полярному исследователю, ученому-зоологу, основателю физической океанографии, политическому деятелю, гуманисту, филантропу, спасшему от голода жизни тысяч саратовцев, лауреату Нобелевской премии мира. 250 столовых «Фонда Нансена» к лету 1922 г. кормили 1,5 млн детей и взрослых, фактически, более половины населения губернии, только в Саратовском уезде - 8 тыс. детей и 20 тыс. взрослых. До 20 июня 1923 г. продолжалась нансеновская помощь: 105,6 млн разовых пайков, состоящих из муки, консервированного мяса, изюма, риса, сардин, бобов, сахара, лимонного сока, какао, соли, рыбьего жира спасли жизни тысячам саратовских детей.

В 1922 г. за свою благотворительную деятельность Нансен стал лауреатом Нобелевской премии мира. Из премиальных денег лауреат выделил 2 млн рублей на создание показательных сельскохозяйственных станций в нашей губернии.

Отголоски голода 1921-1923 гг. ощущались и после того, как, по данным властей, он был уже успешно преодолен. В Саратове 19 октября 1924 г. прошла уникальная перепись беспризорных детей. «За ночь по городу было выявлено 700 детей в притонах и еще 560 в детприемниках. Откуда они взялись? Оказалось, что 59% были детьми безработных, инвалидов, нищих или живущих случайными заработками, 67,2% назвали причиной своей беспризорности голод и 17,1% - смерть родителей. Почти 40 человек скитались более 7 лет, 60 чел. - более 5 лет. Почти 600 чел. бродяжничали от 1 до 3 лет, 300 чел. ступили на скользкий путь в последний год перед переписью» [15, с. 20]. От голода и эпидемий 1921-1923 гг. погибло около 30% детей в Поволжье [16]. Даже если мы посчитаем эти 30% от числа 488 128 детей, голодавших в Саратовской губернии на январь 1922 г., то и полученные приблизительные данные в 146 438 человек просто катастрофичны!

В Саратове памятника самому Ф. Нансену, а тем более медсестрам из его миссии, умершим от тифа, увы, нет… Памятник Фритьофу Нансену работы скульптора В. Цигаля стоит в Москве у здания Российского Красного Креста. Нансенс изображен с девочкой, прижимающей к себе тощими руками краюху хлеба… Музей голода, созданный в Саратове в 1921 г., в самый разгар трагических событий, просуществовал до 1937 года…

Практически меньше десяти лет отделяет голод 1920-х от голода 1930-х годов. Но обстоятельства возникновения голода и реакция власти на чрезвычайную ситуацию абсолютно разные. Если первый из них можно было еще объяснить «неблагоприятными погодными ми» - происки капитализма тут не годились, капиталисты успешно помогали ликвидировать последствия голода, то в трагедии 1930-х годов в полном объеме уже была виновата сложившаяся сталинская система власти.

Этот тезис легко доказывается архивными документами по нашему региону. Вот выдержки из «Сводки крестьянских жалоб на изъятие семенного материала и продовольственного хлеба по материалам секретариата Председателя ЦИК СССР и ВЦИК М.И. Калинина». Из письма председателя Кургановского сельсовета Ртищевского района С.Б. Пикайкина, члена партии: «Согласно плану хлебозаготовок, который был дан более всего валового сбора всех культур в колхозы, сейчас из колхоза вывезен весь хлеб, и даже не оставлено ни фунта на площадь в 2305 га семян и фуража для лошадей» [17, с. 28].

Из письма колхозника С.И. Бабосина, с. Мекровка Турковского района: «Колхозники сейчас болеют семействами, хлеб у нас весь вывезен» [17, с. 29].

Сходятся в причинах голода 1930-х годов сегодня и большинство известных отечественных и зарубежных историков.

«Конечно, недоурожай был. Но не он стал причиной голода, - считает шведский историк Леннарт Самуэльсон. - Прежде всего, я думаю, что тот же Сталин был уверен, что все не так плохо и крестьяне просто-напросто прячут хлеб. Да и когда уже было ясно, что началась катастрофа, таких последствий можно было запросто избежать - приостановить несколько крупных строек, пойти на компромисс, признать, что в стране голод, и СССР бы помогли. Но это означало бы для Сталина, для Союза признание своего поражения. Признание того, что коллективизация не удалась. А этого Сталин не мог допустить» [18].

Один из крупнейших российских специалистов по истории периода 1930-х годов В.В. Кондрашин утверждает: «Не было никакого страшного неурожая! Он был просто чуть хуже, чем в другие годы. - А даже если бы и был... все равно никто не должен был умереть. Я приведу лишь несколько цифр. В 1933 году за границу было вывезено 18 миллионов центнеров зерна. Этим зерном можно было прокормить, если даже не экономить, 6,9 миллиона человек. Как раз столько, сколько погибло в результате голода. А ведь был еще неприкосновенный запас - 18,2 миллиона центнера. Но его никто не тронул. Избежать трагедии можно было, отказавшись от хлебного экспорта. Но дело было в политике. Отказаться от экспорта - значит признать провал коллективизации» [18].

Известный американский историк Р. Конквест (*Robert Conquest)* высказал предположение, что голод на Волге организован не только «в районах, частично населенных русскими и украинцами, но больше всего поражены были им немецкие поселения». Основываясь на этой гипотезе, историк делает умозаключение, что НП АССР, «видимо, и была главной мишенью террора голодом» [19]. Однако гипотеза Р. Конквеста не подтверждается фактами.

Таблица 1. Численность населения Саратовского Поволжья в 1926 и 1937 гг.
Table 1. The population of the Saratov Volga Region in 1926 and 1937

Территория	1926 г.			1937 г.			1937 г. в % к 1926 г.		
	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего	Мужчин	Женщин	Всего
НП АССР	273 965	297 435	571 400	227 942	261 386	489 328	83,2	87,9	85,6
Саратовская обл.	1 160 714	1 289 823	2 450 537	865 020	1 021 591	1 886 611	74,5	79,2	77
Итого по РСФСР	44 007 341	49 100 405	93 107 746	48 726 033	55 241 891	103 967 924	110,7	112,5	111,7

Источник: [20].
Source: [20].

Мы видим, что численность населения Саратовской области уменьшилась на 23% согласно переписи 6 января 1937 г. по сравнению с переписью 1926 г., а численность населения АССР НП уменьшилась на 14,4%. За каждой из долей этих процентов стоят человеческие трагедии. Архивные материалы, ставшие доступными только спустя 75 лет и более, поражают воображение.

Если в голод 1921-1923 гг. случаи питания падалью и людоедства были единичны, то десять лет спустя они приняли массовый характер. Вот страшные факты из истории тех лет.

Из воспоминаний жительницы поселка Ртищево Саратовской области Филипповой Ксении Васильевны:

«Что самое страшное-то было в жизни? Это когда голод был. Люди падали, как инкубаторские цыплаки. Мы однажды с отцом купили на базаре холодец, а он, когда дома решили поесть, оказался из человечьего мяса, ноготь от пальца нашли в нем. Моя бабушка почти весь голодный год пролежала без движения. Каждый день ждали, что вот-вот отойдет. А когда зернеца дали понемногу, принесли ей махонький ломтик плюшки: "Вот, бабуля, встанешь теперь". А она этот ломтик взяла, прижала к губам и отвернулась. Поначалу мы и не поняли, а как повернули голову-то, а бабушка мертвая. Только на щеке слезу видно было. Дождалась, значит, хлебушка» [18].

«Донесение начальника Саратовского оперативного сектора рабоче-крестьянской милиции начальнику Краевого управления рабоче-крестьянской милиции о случае убийства с целью людоедства. 19 мая 1933 г. жительница села Хмелевка с двумя дочерьми 12 и 17 лет зарезала свою больную дочь 19 лет. Тело убитой было употреблено ими в пищу. Задержанные мать и дочери скончались на следующий день после задержания от истощения» [21].

Дело о гибели от голода членов семьи красноармейца. 1933 г. В проживающей в деревне Формосово Широко-Буеракского сельского Совета семье от голода умерли отец, мать, брат и сестра. После смерти родителей дети вынуждены были питаться падалью и телом собственной матери [22].

Только по морально-этическим соображениям автор не продолжает цитировать дальше документы о подобных фактах…

Сколько же человек погибло от голода 1930-х годов на территории Саратовского Поволжья? Точных данных нет до сих пор. Это легко объяснимо. Диагноз летального исхода «от голода» или «от истощения организма» власти запрещали ставить в свидетельства о смерти. Этот факт документально подтверждается распоряжением ОГПУ г. Энгельса городскому загсу о запрещении в 1932-1933 гг. фиксировать диагноз «умер от голода». Обосновывалось это тем, что «контрреволюционные элементы», якобы засорявшие статистический аппарат, «пытались всякий случай смерти мотивировать голодом, в целях сгущения красок, необходимого для определенных антисоветских кругов» [23].

Авторы сделали попытку вычислить возможные потери Саратовского Поволжья от голода 1930-х годов, воспользовавшись для этого данными о динамике численности населения СССР за соответствующий период, приведенной в работе В.Б. Жиромской [24, с. 34-60.]. Показатели по Саратовской области и АССР НП вычислены авторами в соответствии с темпами прироста (или убыли) населения Советского Союза за конкретный год. Получилась следующая картина.

Таблица 2. Численность населения СССР, темпы прироста (или убыли) населения Советского Союза и предполагаемая численность регионов Саратовского Поволжья на январь соответствующего года

Table 2. The population of the Soviet Union, the rate of growth (or decline) of the population of the Soviet Union and the estimated number of regions of the Saratov Volga Region in January of the respective year

Год	**Численность**	**% к предыдущему**	**% прироста населения**	**Предполагаемая численность Саратовской области**	**Предполагаемая численность населения АССР НП**
1926	147 027 915			2 450 537	571 400
1927	147 027 090	99,99	-0,01	2 450 292	571 343
1928	149 989 200	102, 01	2,01	2 499 543	582 827
1929	153 249 700	102,17	2,17	2 553 783	595 474
1930	155 995 800	101,79	1,79	2 599 664	606 133
1931	158 361 000	101,51	1,51	2 638 748	615 285
1932	160 444 500	101,31	1,31	2 673 315	623 346
1933	162 049 000	101,00	1,00	2 700 049	629 579
1934	160 455 200	99,02	-0,98	2 673 588	623 410
1935	161 272 200	100,51	0,51	2 687 224	626 589
1936	163 512 800	101,39	1,39	2 724 576	635 298

Источник: составлено авторами.
Source: completed by the authors.

Убыль населения по Саратовской области за десять приведенных в таблице лет авторами исчислена так. 1936 г.: расчетная величина численности населения области - 2 764 576 человек, факт - 1 886 611 человек, избыточная смертность - 877 965 человек. АССР НП: расчетная величина - 635 298 человек, факт - 489 328 человек, избыточная смертность - 145 970 человек.

Таким образом, Саратовская область и АССР Немцев Поволжья совокупно потеряли за 10 лет сталинских «преобразований» 1 023 935 человек. Авторы, не будучи специалистами в области демографии, понимают, что эти подсчеты приблизительны. Тут и прямые потери от голода, и не родившиеся дети и-за смерти от голода репродуктивной части населения, и жители, умершие от естественных причин.

Около трети избыточных потерь по возрастной структуре приходится на детей, это более 300 тыс. человек. Конечно, точное число погибших в Саратовском Поволжье от голода детей и взрослых как в начале 1920-х, так и в начале 1930-х годов может быть установлено только по результатам кропотливого исследования историков, демографов, социологов. Важен принципиальный подход к подсчету жертв - брать данные по нынешней территории области, которая значительно отличается от территории конца 1920-х - 1930-х годов или ограничиться тогдашним административным делением области без учета районов, входивших в состав АССР Немцев Поволжья и вошедших в состав области после ликвидации немецкой автономии в 1941 г.

Как рассказывать современным школьникам о труднейших и тяжелейших в эмоциональном восприятии моментов отечественной истории XX века? Авторы нашего инновационного учебного пособия «История Саратовского Поволжья» старались не сглаживать острых углов, а сообщать старшеклассникам только правду. Автор 12-й главы «Республика немцев Поволжья как исторический феномен на территории Саратовского Поволжья» д-р ист. наук, профессор А.А. Герман четко объясняет причины голода 1920-х годов:

«В область непрерывным потоком шли телеграммы **В.И. Ленина**, других руководителей страны с требованиями "немедленной" отгрузки и отправки хлеба в Москву, в центральные промышленные районы, в армию.

Возможности местного крестьянства в расчет не принимались. Постепенно продразверстка принимала характер тотального террора.

В Ровенском уезде крестьяне начали кампанию за выход уезда из немецкой области и включение его в состав соседнего Новоузенского уезда, так как там, по их словам, норма продразверстки была "во много раз" ниже, следовательно, меньше было "грубости и издевательства над населением"» [4, 196-197].

Какой же вывод в целом напрашивается из анализа приведенных архивных источников, воспоминаний очевидцев, мнений отечественных и зарубежных историков?

Голод в Саратовском Поволжье 1921-1923 гг. вызван совокупным действием объективных неблагоприятных природных условий, что было вполне типичным для природно-климатических особенностей данного района как зоны рискованного земледелия, особенно в Левобережной части губернии. Вызванный объективными причинами, голод усугублен причинами субъективными - Гражданской войной и политикой «военного коммунизма» - продовольственной разверсткой прежде всего. Опираясь на опыт царской власти в борьбе с последствиями голода, вызванными периодическими неурожаями конца XIX - начала XX в., советская власть, стремясь к самосохранению и удержанию своего авторитета в глазах крестьянства, предпринимает энергичные меры по ликвидации последствий голода - льготы и субсидии пострадавшим, медицинская помощь, обращение к классовым врагам, государственным и частным благотворительным организациям капиталистических стран, сумевшим оказать значительную гуманитарную помощь пострадавшим регионам страны, прежде всего Саратовскому Поволжью.

Вынеся урок из чрезвычайной ситуации голода 1921-1923 гг., лидер СССР В.И. Ленин находит обоснованное решение для поднятия экономики страны - НЭП, новая экономическая политика, главнейшей мерой которой в сельском хозяйстве была замена продразверстки продналогом. В 1920-е годы в Поволжье и в частности в Саратовской губернии увеличивается производство зерновых, картофеля, животноводства, крестьяне шире внедряют передовые технологии сельскохозяйственного производства.

Однако после смерти В.И. Ленина и прихода к политической власти в стране И.В. Сталина, не обладавшего классическим образованием, не знакомого с европейским опытом ведения сельского хозяйства, коммунистическая власть выстраивает командно-административную систему, основанную на методах принуждения и массового террора. В сельских районах страны такая система строилась на сплошной коллективизации крестьянских хозяйств, лишении колхозников элементарных прав и свобод, в частности даже паспортов.

В условиях государственно-плановой экономики ошибки власти - полное изъятие хлеба из колхозов и совхозов для обеспечения экспортных обязательств, нежелание прекратить или приостановить поставки зерна за рубеж, использовать государственные чрезвычайные резервы для ликвидации голода, игнорирование возможности иностранных благотворительных организаций для оказания гуманитарной помощи голодающим - привели к искусственно созданному голоду 1932-1933 гг., в котором по всему СССР погибло около 7 млн человек. Сравнительные данные двух Всероссийских переписей населения - 1926 и 1937 гг. - показывают, что наиболее пострадавшими в СССР были Саратовская область, Казахская АССР и АССР Немцев Поволжья, то есть фактически Саратовское Поволжье является регионом, пострадавшим в наибольшей мере от голода 1932-1933 гг. в границах современной России!

Победа над голодом, скрытым от мировой общественности, стала только результатом окончательного становления сталинской тоталитарной системы власти, основанной на безоговорочном подчинении личности гнету государства под угрозой репрессий за малейшее отклонение в политических взглядах или поведении, созданием экономики мобилизационного типа, эффективной только как ответ на угрозу нападения внешнего врага, что показали подготовка ко Второй мировой войне, Победа в Великой Отечественной войне, одержанная ценой громадных материальных лишений и голода сельского и городского населения, научившихся выживать после двукратного испытания голодом в начале 1920-х и начале 1930-х годов. Данная сталинская модель

политико-экономического развития страны, просуществовавшая практически без изменений во время холодной войны, рухнула на рубеже 1980-1990-х годов, когда в международных отношениях возобладала политика разрядки, а внутри страны началась эпоха гласности и перестройки. Крах сталинской модели привел к распаду советского государства, повторившего судьбу распавшейся Российской империи.

Великая российская революция, начавшаяся в феврале 1917 г., не закончилась в октябре того же года или в 1921 г., после окончания Гражданской войны на европейской территории страны. Вдумайтесь в семантику термина «революция». Он однокоренной «револьверу»: «Револьвер - от латинского *revolvere* ("катить назад", "вращаться") - многозарядное огнестрельное оружие ближнего боя, механизм питания патронами которого выполнен в виде вращающегося цилиндра (барабана), в каморах которого находятся патроны, при этом, в момент выстрела, ствол является продолжением очередной каморы» [25].

«Революция - коренное преобразование в какой-либо области человеческой деятельности. Слово считается заимствованием из французского, где *revolution* от латинского *revolutio* "откатывание; круговорот". Посмотрите, в предыдущем слове в объяснении "катить назад", тут то же самое - "откатывание". В научный язык термин вошел из названия книги Николая Коперника "De revolutionibus orbium coelestium" («О вращениях небесных сфер», 1543)» [25].

Великая российская революция закончилась, по мнению авторов, 10 февраля 1934 г., когда завершился XVII съезд ВКП(б), вошедший в историю как «съезд победителей». Если на февраль 1917 г. страна представляла собой империю царскую, то в феврале 1934 г. окончательно оформилась империя советская с И.В. Сталиным во главе. Все вернулось на круги своя. История нашей страны совершила очередной жуткий круг. Победа над собственным народом в голодной эпопее 1932-1933 гг., приведшая к смерти около семи миллионов человек, развязала руки малообразованному политическому лидеру, для сохранения власти которого потребуется еще большой террор 1937 года, не менее 27 миллионов жертв Великой Отечественной войны. Но объективное исследование этих событий - совсем другая история.

Возвращаясь к началу своей работы, хочется сказать, что, к сожалению, прав был великий русский философ Н.А. Бердяев: «Все революции кончались реакциями. Это - неотвратимо. Это - закон». Реакцией закончилась и Великая российская революция 1917-1934 годов. Чтобы век спустя после начала этой революции в нашей стране не повторился магический и жуткий круг чередований революций и реакции, надо помнить слова Джованни Гуайта, итальянского и российского историка, священника и писателя: «…Историческая память - единственный залог прогресса человечества. Человек XXI века может стать гуманнее, если не забудет про ужасы XX».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гардиан. - 1989. - 05.02.
2. Кишенкова О.В., Семке Н.Н. ЕГЭ. Обществознание. Универсальный справочник. - М.: ЭКСМО, 2010.
3. А. Давидович - человек-афоризм. - Воронеж: Кварта, 2013.
4. История Саратовского Поволжья (История России через историю регионов): Учебное пособие / отв. ред. В.Г. Петрович. - М.: Интеграция: Образование и наука, 2017. - 384 с., илл., карты.
5. Пайпс Ричард. McNamara P. A Catholic Cold War: Edmund A. Walsh, S.J. and the Politics of American AntiCommunism. - N.Y., 2005.
6. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. - СПб., 1909.
7. Царёв А.Р. Заслуги Императора Николая II перед Россией и миром: социально-экономический аспект / Царские дни в Иванове. Сборник тезисов докладов православно-патриотических чтений. - Иваново, 2001.
8. Носырев И. Всадник по имени голод / И. Носырев // Русская планета. - 2015. - 15 сентября.
9. Известия. - 1921. - 28 октября.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.14. Д.659. Л.64.
11. Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф.478. Оп.1. Д.2110. Л.6; НА РК. Ф.Р.-3. Оп.2. Д.298. Л.45; Р.-26. Оп.1. Д.47. Л.94
12. Известия Саратовского Совета рабочих и красноармейских депутатов. - 1921. - 9 декабря.
13. Флеровский И. Голод и церковное золото / И. Флеровский // Саратовские известия . - 1922. - 24 января.
14. Ленин В.И. ПСС. Т. 43.

15. Жукова Л., Ульянова Г. Не имея родного угла / Л. Жукова, Г. Ульянова // История. 1 сентября. - 2003. - № 40. - С. 20.
16. Носырев И. Указ. соч.
17. Голод в СССР. 1929-1934: В 3 т. Т. 1: 1929 - июль 1932: В 2 кн. Кн 2. / Отв. сост. В.В. Кондрашин. - М.: МФД, 2011.
18. Лория Е. Люди у нас такие голодные, что даже едят дохлую конину / Е. Лория // Известия. - 2006. - 24 ноября.
19. Конквест Р. Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом. - Лондон, 1988. - С. 409, 410.
20. РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.144. Л. 26-28. 41 или Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно». Всесоюзная перепись населения 1917 года. - М.: Наука, 1996.
21. Государственный архив Саратовской области (далее - ГАСО). Ф.Р-461. Оп.4. Д.39. Л.69.
22. ГАСО. Ф.Р-461. Оп.4. Д.33. Л. 31,32.
23. Центральный государственный архив народного хозяйства (ЦГАНХ) СССР. Ф.8040. Оп.8. Д.5. Л. 479, 486.
24. Жиромская В.Б. Динамика численности населения России в 1930-е гг. // Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. - М.: РОСПЭН, 2001.
25. Ерошкин А. Револьвер и революция. Проза ру. [Электронный ресурс] - URL: http://www.proza.ru/2013/12/27/1317/, свободный. - Загл. с экрана.

REFERENCES

1. Gardian = The Guardian, 1989, 05.02.
2. Kishenkova O.V., Semke N.N. EGEH. Obshchestvoznanie. Universal'nyj spravochnik. [Kishenkova O. V., Semke N. N. Exam. Social studies. Universal directory.] M.: EKSMO, 2010. (in Russ.)
3. Davidovich A.F. CHelovek-Aforizm. [Davidovich, A. F. Man-Aphorism.] Voronezh: Kvarta, 2012. (in Russ.)
4. Istoriya Saratovskogo Povolzh'ya (Istoriya Rossii cherez istoriyu regionov). Uchebnoe posobie. otv. red. V.G. Petrovich. [The history of the Saratov Volga region (the History of Russia through the history of regions). Textbook. ed. edited by G. V. Petrovich.] M.: OOO «Integraciya: Obrazovanie i Nauka», 2017. 384 p., ill., karty. = M.: Integration: Education and Science, 2017. 384 p., ill., card. (in Russ.)
5. Pajps Richard. [Pipes, Richard]. P. McNamara, A Catholic Cold War: Edmund A. Walsh, S. J. and the Politics of American AntiCommunism. N.Y., 2005. (in Engl.)
6. Ermolov A.S. Nashi neurozhai i prodovol'stvennyj vopros. [Ermolov A.S. Our crop failures and food question.]. SPb., 1909. (in Russ.)
7. Caryov A.R. Zaslugi Imperatora Nikolaya II pered Rossiej i mirom: social'no-ehkonomicheskij aspect. [Tsarev A. R. Achievements of Emperor Nicholas II of Russia and the world: socio-economic aspect. Carskie dni v Ivanove. Sbornik tezisov dokladov pravoslavno-patrioticheskih chtenij. Ivanovo, 2001. = the Imperial days in Ivanovo. The book of abstracts of the Orthodox-Patriotic readings. Ivanovo, 2001. (in Russ.)
8. Nosyrev I. Vsadnik po imeni golod. I.Nosyrev. [Nosyrev I. Horseman named famine] Russkaya planeta. 2015. 15 sentyabrya. = Russian planet. 2015. September 15. (in Russ.)
9. Izvestiya. 1921. 28 oktyabrya. [News. 1921. 28 Oct.] (in Russ.)
10. RGASPI. [RGASPI.] F. 17. Op. 14. D. 659. L. 64. (in Russ.)
11. 11. RGAEH. [RGAE.] F. 478. Op. 1. D. 2110. L. 6; NA RK. F. R.-3. Op. 2. D. 298. L. 45; R.-26. Op. 1. D. 47. L. 94 (in Russ.)
12. Proceedings of the Saratov Soviet of workers ' and red army deputies. 1921. 9 Dec. (in Russ.)
13. Flerovskij I. Golod i cerkovnoe zoloto. I.Flerovskij [I. Flerovsky Hunger and the Church's gold. I. Flerovsky]. Saratovskie izvestiya . 1922 . 24 yanvarya. = Izvestiya Saratov. 1922 . 24 Jan. (in Russ.)
14. Lenin V.I. [V. I. Lenin], PSS, vol. 43. (in Russ.)
15. Zhukova L., Ul'yanova G. Ne imeya rodnogo ugla. L. ZHukova, G. Ul'yanova [L. Zhukov, Ulyanov G. without having a native corner L. Zhukov, Ulyanov. History. September 1. 2003. No. 40. p. 20. (in Russ.)
16. Nosyrev I. Vsadnik po imeni golod. I.Nosyrev. [Nosyrev I. Horseman named famine] Russkaya planeta. 2015. 15 sentyabrya. = Russian planet. 2015. September 15. (in Russ.)

17. Golod v SSSR. 1929-1934: V 3 t. T. 1: 1929 - iyul' 1932: V 2 kn. Kn 2. Otv. sostavitel' V.V. Kondrashin.G [The famine in the USSR. 1929-1934: In 3 T. T. 1: 1929 - July 1932: In 2 kN. KN 2. Ed. the composer Vladimir Kondrashin.] M.: MFD, 2011. (in Russ.)
18. Loriya E. Lyudi u nas takie golodnye, chto dazhe edyat dohluyu koninu. E. Loriya [Loria E. People here are so hungry that they even eat dead horse meat. E. Loria]. News. 2006. November 24. (in Russ.)
19. Konkvest R. ZHatva skorbi. Sovetskaya kollektivizaciya i terror golodom. [Conquest R. the Harvest of sorrow. Soviet collectivization and the terror famine] London. 1988, pp. 409, 410. London. 1988, p. 409, 410. (in Engl.)
20. RGAEH. [RGAE.] F. 1562. Op. 329. D. 144. L. 26-28. 41 = F. 1562. Op. 329. D. 144. L. 26-28. 41 ili ZHiromskaya V.B., Kiselev I.N., Polyakov YU.A. Polveka pod grifom «sekretno». Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1917 goda. [or Zhiromskaja, V. B., and Kiselev, I. N., Polyakov Yu. a. half Century, classified as "secret". Census of 1917]. 1996. M.: Nauka, 1996. (in Russ.)
21. GASO [GASO] F. R-461. Op. 4. D. 39. L. 69. (in Russ.)
22. GASO [GASO] F. R-461. Op. 4. D. 33. L. 31,32. (in Russ.)
23. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv narodnogo hozyajstva (CGANH) SSSR [Central state archive of national economy (ZHANG) of the USSR] f. 8040, op. 8, d. 5, ll. 479, 486. = f. 8040, op. 8, 5. 479, 486. (in Russ.)
24. ZHiromskaya V.B. Dinamika chislennosti naseleniya Rossii v 1930-e gg. Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe. [Zhiromskaja V. B. Dynamics of population of Russia in the 1930s. The Demographic history of Russia in the 1930s, Look into the unknown.] M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya (ROSPEHN), 2001. = M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2001. (in Russ.)
25. Eroshkin A. Revol'ver i revolyuciya. Proza ru. [Eroshkin A. Revolver and revolution. Prose ru. Rezhim dostupa: Available at: http://www.proza.ru/2013/12/27/1317/ free. The title. screen. (in Russ.)

Информация об авторах:

Петрович Владимир Глебович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарного и эстетического образования, Саратовский областной институт развития образования, член Российского исторического общества,
г. Саратов, Россия
petro51@mail.ru

Самсонов Сергей Иванович, кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарного и эстетического образования, Саратовский областной институт развития образования,
г. Саратов, Россия
1011158@mail.ru

Получена: 26.11.2017

Для цитирования: Петрович В.Г., Самсонов С.И. Революция пожирает своих детей, или магический круг чередования революций и реакций (на примере Саратовского Поволжья). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.33-41.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-33-41.

Information about the authors:

Vladimir G. Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Humanitarian and Aesthetic Education, Saratov Regional Institute of Education Development, Member of the Russian Historical Society,
Saratov, Russia
petro51@mail.ru

Sergei I. Samsonov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Humanitarian and Aesthetic Education, Saratov Regional Institute of Education Development,
Saratov, Russia
1011158@mail.ru

Received: 26.11.2017

For citation: Petrovich V.G., Samsonov S.I. Revolution devours its children, or the magic circle of alternating revolutions and reactions (on the example of the Saratov Volga region). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 33-41.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-33-41. (in Russian)

УДК 94.316.472.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-42-46

ПРИЩЕПА Анастасия Сергеевна
Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
ana.prishepa@mail.ru

Anastasia S. PRISHEPA
Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
ana.prishepa@mail.ru

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: КАК ЭТО БЫЛО

OCTOBER REVOLUTION: HOW IT WAS

Автор предлагаемой статьи ставил перед собой задачу рассмотреть социально-экономические проблемы в первые годы становления советской власти, негативные последствия, тех или иных политических событий, излишне радикальных решений политических лидеров того периода, дающие о себе знать и в настоящее время. Особое внимание исследователь уделяет голоду и хозяйственной разрухе, развернувшейся в стране, ставшей одним из главных факторов начала революции. Именно голод, в большинстве своем, подвиг различные слои населения на разбои и грабежи. В статье также поднимается вопрос о тяжелых и напряженных отношениях советской власти и казаков в первые годы после Октябрьской революции и Гражданской войны. Несмотря на устоявшийся стереотип «о контрреволюционной сущности казачества», исследователь попытался оспорить его, подкрепив свою позицию архивными материалами, подтверждающими, что представители советской власти провоцировали прямыми и косвенными действиями казачество на контрреволюционные действия. Автор статьи обращает внимание на то, что решения и действия большевиков, направленные в сторону казачества порой были недопустимо жестоки и бесчеловечны, и носили характер геноцида, в результате которого численность казаков сократилась более чем в пять раз. Все это, безусловно, оставило неизгладимый след в истории и культуре казачества и потребовалось много лет на восстановление его попранного достоинства.

Ключевые слова: казаки, революция, социально-экономический кризис, репрессии, расказачивание, большевики, кровавый террор, массовые расстрелы, организованный голод, геноцид

The author of the proposed article set himself the task of examining socio-economic problems during the establishment of Soviet power, the negative consequences of certain political events, overly radical decisions of political leaders of that period, which are making themselves felt at the present time. The author pays special attention to the famine and economic devastation unfolding in the country, which has become one of the main factors in the beginning of the revolution. It was hunger, for the most part, that spurred various sections of the population on robberies and robberies. The article also raises the theme of the tense relations of Soviet power and the Cossacks in the first years after the October Revolution and the Civil War. Despite the already established stereotype of "the counter-revolutionary essence of the Cossacks", the researcher tries to argue with it, backing up his position with archival materials confirming that it was the Soviet government that provoked directly or indirectly the Cossacks to counter-revolutionary actions. The author of the article draws attention to the fact that the decisions and actions of the Bolsheviks towards the Cossacks were sometimes unacceptably cruel and inhuman, and had a direct character of genocide. As a result the number of Cossacks was reduced more than 5 times. All these facts heavily influenced the history and culture of the Cossacks and required many years of revival and restoration.

Keywords: Cossacks, revolution, socio-economic crisis, repression, raskazachivanie (repressions against Cossacks), Bolsheviks, bloody terror, mass executions, organized hunger, genocide

К началу 1917 г. в России сложился общенациональный кризис, который привел к падению монархии и революционным взрывам. 25 октября Россия провозглашена республикой Советов, сформировано правительство, его председателем стал В. Ленин. С ноября 1917 по март 1918 г. советская власть была установлена на большей части России. Мировая война еще не завершилась, а в России началась гражданская. Большевики свергли Временное правительство, их недемократические методы (диктатура, репрессии, разгон Учредительного собрания и др.) раскололи общество. Начались вооруженные восстания крестьян, рабочих, солдат, казаков и других слоев населения в Сибири, Закавказье, Архангельске и т.д. Как известно, когда совершаются великие перевороты, происходит смена одного образа жизни другим, государство, подобно женщине, рожающей младенца, испытывает страшные мучения. Так было при смене язычества христианством, католичества протестантством, рабства феодализмом, феодализма капитализмом. Так произошло и при смене капитализма коммунизмом [1].

Народ надеялся, что после революции освободится от жестокости и ущемлений. Однако на основании Декрета об отделении церкви от государства (Указ № 18 от 1918 г.) группам верующих накануне проведения публичных собраний вменялось в обязанность сообщать в местный Отдел управления о дне собрания и обсуждаемых вопросах за три дня до его проведения. В указанные сроки Отделы управления должны были рассмотреть дело и ответить заявителям о разрешении либо запрете на проведение собрания. При нарушении пунктов Указа № 18 Отделы управления привлекали «…к судебной ответственности лиц, нарушающих указанный порядок» [2].

Характерным явлением Октябрьской революции и длительного постреволюционного периода был голод. Газеты пестрели заголовками: «Сегодня по городу идет сбор теплых вещей для детей Поволжья. Граждане Ейска! Оденьте детей, умирающих от голода!.. Одесский уезд объявлен голодающим. В этой связи из запасов урожайных уездов Одесскому отпущено 20 000 пудов хлеба… В некоторых деревнях горной части Крыма население голодает. Из Чебоксарского уезда поступают сведения об учащающихся случаях голодной смерти» [3]. На почве голода в Уфименской губернии начались массовые болезни. В некоторых волостях более 70-90 % населения голодало. Положение детей тяжелое. В станице Усть-Медведицкой Донской области вследствие голода скот поголовно истреблялся. На почве голода наблюдались массовые заболевания. Родители бросали детей на произвол судьбы [4]. Голод коснулся не только беднеющих слоев населения в лице крестьян и простых рабочих, но и семей красноармейцев, хотя Красная армия являлась главным оружием в руках советской власти.

В кратчайшие сроки создалась могучая и непобедимая Красная армия. Взоры всех трудящихся были устремлены, все надежды, молитвы и благословения неслись к армии красных бойцов. Предатели, бандиты, насильники со всех сторон грозили молодой Советской России. Им надо было на насилие ответить насилием. Нелегкая задача была поставлена рабочим, крестьянам и трудовому казачеству, «…освободившемуся от гнета буржуазии, отпраздновавшему начало новой, светлой, долгожданной жизни, приступившему к творческой работе, вновь оторваться от всего этого и одеться в серую шинель» [5].

Несмотря на то, что красноармейцы, покидая свои дома, отдавая последние силы, а порой и жизни, сражались против капитализма и буржуазии, советская власть была не в состоянии обеспечить их семьи даже самым необходимым - продуктами.

По имеющимся в Облотделе сведениям, в станице Кореновской 24 марта 1922 г. произошло крупное волнение красноармеек на почве катастрофического материального положения. Не получив помощи от местных в комитете взаимопомощи, везде получая отрицательный ответ, многие красноармейки были обречены на голодную смерть. Не находя выхода из создавшегося положения, они собрались 24 марта толпой и учинили погром базара. Руководителей погрома арестовали, затем отпустили на свободу [6]. Информация о бедственном положении солдат Красной армии, вынуждающих их на погромы и грабежи, доходила до центра с опозданием. В отношении погрома в странице Кореновской 24 марта Красотупром провел расследование и на месте уладил проблемы, снабдил голодающих продуктами, переизбрал Комитет взаимопомощи, члены ранее избранного Комитета были освобождены от обязанностей, виновные преданы суду. Красотупром дал распоряжение о проведении в жизнь принципа «десять сытых кормят одного голодающего» - собирать пожертвования. Для удовлетворения нужд голодающих предлагалось «в Облпомголод отпустить финансовые средства или продукты, ибо, как выяснилось на месте, средств нет, к тому же в станице Кореновской был недород хлебов» [7].

Плачевное положение населения выражалось и в отсутствии средств отопления в социально значимых учреждениях. Ввиду отсутствия дров в лазаретах, больницах, приютах 12 декабря 1920 г. совнархоз устроил воскресник для заготовки дров в Круглике. Всем заведующим учреждений предлагалось выделить 50% служащих мужского пола, составить на них списки. Служащим, вошедшим в списки, объявили, чтобы «…они все как один с топорами и по возможности с пилами явились в местный Ревком» [8].

Для борьбы с назревшими проблемами, особенно в социальной сфере, требовались огромные усилия; новой власти это было не под силу. Она лишь усугубляла положение, несмотря на то, что Уральский комитет помощи голодающим ввел налог в пользу голодающих со всех лиц, имеющих прислугу. Гомельские спичечные заводы ежемесячно работали один день в пользу голодающих [9]. Вымирали от болезней и голода целые деревни, а председатели участковых комитетов требовали повышения жалованья. На заседании Отдела коммунального хозяйства станицы Славинской решили на содержание председателей и секретарей участковых комитетов обложить население денежным взысканием. Для этого по усмотрению участкового комитета необходимо было «…разбить жителей на 4 категории: торговцы и крупные домохозяйства должны вносить по 350 руб. в месяц; средние домохозяйства - по 150 руб. в месяц; мелкие домохозяйства и квартиранты - по 50 руб.; беднеющее население могло не платить» [10].

Более других слоев населения каток революции прошелся по казакам. Новая власть активно формировала у граждан негативный образ казака [11]. Газета «Красная Кубань» писала: «Когда рабочие и крестьяне России вместо того, чтобы безропотно подчиняться помещикам и фабрикантам, заставили их подчиняться собственной воле, тогда это золотопогонное ворье вспомнило о казаках и о казацкой побрякушке. И полилась братская кровь. К берегам казацких рек съезжалась вся кровососная рать и облекалась в казачьи мундиры...» [12]. В газетах чувствовалось откровенное давление на казаков, вынуждающее их на ответные действия.

В попытке оторвать казаков от общего дела значительную часть трудового казачества клеймили. Основной задачей казаки считали сплочение с рабочими и крестьянами Советской России, полагая, что только такой союз обеспечит им мир и спокойную жизнь. В лице советской власти трудовое казачество видело верного друга и защитника своих интересов. Для укрепления советской власти и строительства новой трудовой жизни казаки провозгласили лозунг: «Труд и дисциплина» [13].

Вместе с тем казаки оказались первыми в списке подвергшихся репрессиям новой власти. 24 января 1919 г. вышла секретная директива (циркулярное письмо) Оргбюро ЦК РКП(б), положившая начало геноциду казачества. В ней говорилось: «Необходимо учитывать опыт гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления... Необходимо провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью...» [14]. Активными исполнителями директивы Оргбюро ЦК РКП(б) являлись Я. Свердлов, Л. Троцкий и др. Они действовали в соответствии с установкой В. Ленина.

В погоне за властью люди теряли сострадание, гуманность и здравый смысл. На собрании партактива в Курске в декабре 1918 г. Л. Троцкий заявил: «Каждому из вас должно быть ясно, что старые правящие классы свое искусство, свое знание, свое мастерство управлять получили в наследие от своих дедов и прадедов... Что мы можем противопоставить этому?.. Только террор, террор последовательный и беспощадный! Устойчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожить десятки тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных активных наших врагов. Мы вынуждены встать на путь уничтожения. Казачество надо уничтожить как таковое… Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области...» [15]. Наряду с этим газета «Красная Кубань» опубликовала обращение 7-го съезда к казакам, в котором говорилось: «Братья-казаки, судьба контрреволюции предрешена. Она бьется в предсмертных судорогах. Ее не спасут уже ни золото союзников, ни английские танки, ни кровь несчастного казачества… Генералы и помещики уверяли вас, будто Советская Власть хочет отнять у вас земли, разрушить ваш быт, закрыть ваши церкви, насильно ввести коммуну. Это, братья-казаки, коварная ложь и наглая клевета!. Земель ваших Советская Власть не тронет, никого насильно не потянет в коммуну, никаких насилий над совестью, никакого оскорбления церквей и религиозных обрядов не допустит и не потерпит. Советской власти чужда месть. Она готова предать забвению ваши прошлые грехи, ваше преступное участие в борьбе с Советской Россией… Пробудитесь, опомнитесь, одумайтесь, казаки! И тогда мир, спокойствие и благоденствие, наступят и на Кубани, и на Урале, и по всей стране Российской. И да здравствует нерасторжимый союз рабочих, крестьян и казаков всей России!» [16].

Негативное отношение к казакам усиливалось. Идеологи «мировой революции» объявили их «контрреволюционным сословием», «опорой самодержавия», «сатрапами царизма». И. Рейнгольд (один из «теоретиков») писал Ленину: «Казаков, по крайней мере, огромную их часть, надо рано или поздно истребить, просто уничтожить физически..., ни на минуту нельзя забывать, что мы имеем дело с воинственным народом, у которого каждая станица - вооруженный лагерь, каждый хутор - крепость» [17].

Первые карательные акции против кубанских казаков были организованы силами «интернационалистов». У казаков реквизировали продовольствие, лошадей, иных пускали «в расход»: вырезали семьями, выбрасывали из собственных домов, разрушали храмы, кладбища. Ф. Миронов в приказе-воззвании в августе 1919 г. писал: «Население стонало от насилий и надругательств. Нет хутора и станицы, которые не считали бы свои жертвы красного террора десятками и сотнями... Восстания в казачьих областях вызывались искусственно, чтобы под этим видом истребить казачество» [18]. Станицы обезлюдели, в некоторых было уничтожено около 80% жителей, среди них старики, старухи, дети. Расстреливали на глазах у всей станицы сразу по 30-40 человек, с издевательствами, раздевали донага». «В станице Каргинской забрали сразу 1000 девушек для рытья окопов. Все девушки были изнасилованы и, когда восставшие казаки подходили к станице, выгнаны вперед окопов и расстреляны...» [19]. Станицы переименовывали в села, а понятия «станица», «атаман», «казак» и др. оказались под запретом.

Грабежи стали своего рода реакцией на поругание страны, растление семьи, кровь родных и близких. В сложившихся условиях трудно было отделить реквизиции от разбоя, определить, кто грабил больше - белые или красные. Славянское население, в первую очередь казаки, народам Северного Кавказа нередко представлялись колонизаторами.

К сожалению, «болезнь роста» (по выражению Н.Ф. Бугая) северокавказских народов продолжается [20]. Эти и иные факторы могут привести к непредсказуемым последствиям, цена которых окажется гораздо выше октябрьских событий 1917 г. Общественно-политическая ситуация в современной России заставляет оглянуться назад, дать собственную оценку Октябрьской революции, напомнить нынешнему поколению о непомерно высокой цене революционных потрясений, чтобы не повторить прежних ошибок. «Следует помнить, что этническая составляющая в критических ситуациях выходит из-под контроля властвующей элиты и начинает самостоятельно играть на политическом поле» [21].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 1.Газета «Красная Кубань», 1920. №5.
2. 2.Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф. Р-382 Оп. 2. Д. 299. Л. 15.
3. 3.ГАКК. Ф. Р-649. Оп. 1. Д. 101. Л. 98.
4. 4.Газета «Известие», 20.11.1921 г., №59.
5. Газета «Красная Кубань», 1920. №8.
6. 6.ГАКК. Ф.Р-382. Оп.2. Д. 299. Л. 12.
7. 7.ГАКК. Ф.Р-382. Оп.2. Д. 299. Л. 11.
8. ГАКК. Ф.Р-1013. Оп.1. Д. 24. Л. 21.
9. 9.Газета «Известие», 23.11.1921 г., №60.
10. 10.ГАКК. Ф. Р-1013. Оп. 1. Д.24. Л. 4.
11. 11.Газета «Красная Кубань», 1920. №12.
12. 12.Газета «Баталпашинская правда». 1920. №27.
13. Газета «Красная Кубань», 1920. №15.
14. 14.Куракеева М.Ф. Верхнекубанские казаки: быт, культура, традиции. – Черкесск, 1999. С.45.
15. Краснушкин К.К. Завершенная копия (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 83 Д. 8. Л. 43;52).
16. Газета «Красная Кубань», 1920. №18.
17. Титоренко М.Ф. Их вырезали семьями, выбрасывали из домов/ М.Ф. Титоренко// День республики. 2007. №13.
18. РЦХИДНИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 1016. Л. 7.
19. 19.Лосев Е., Миронов М. 1991. С. 349, 340-341 (РЦХИДНИ ф. 5, Оп.2, Д. 160, Л. 23.
20. 20.Титоренко М.Ф. Неэкономические регуляторы экономики // Материалы конференции «Приоритеты и механизмы обеспечения экономического роста, финансовой стабильности и социальной сбалансированности в России. – М., 2016. С.123.
21. Титоренко М.Ф. Указ. соч. С.124.

REFERENCES

1. 1.Gazeta «Krasnaya Kuban» [The newspaper «Red Kuban»] 1920.
2. Gosudarstvenny arkhiv Krasnodarskogo kraya (dalee GAKK) [State Archives of Krasnodar Region]. GAKK F.R-382 Op. 2. D. 299. L. 15.
3. GAKK F.R-649 Op. 1. D. 101. L. 98.
4. Gazeta «Izvestia» [The newspaper «News»] 20.11.1921, № 59.
5. .Gazeta «Krasnaya Kuban» [The newspaper «Red Kuban»] 1920. №8.
6. GAKK F.R-382 Op. 2. D. 299. L. 12.
7. GAKK F.R-382 Op. 2. D. 299. L. 11.
8. GAKK F.R-1013 Op. 1. D. 24. L. 21.
9. Gazeta «Izvestia» [The newspaper «News»] 20.11.1921, № 60.
10. GAKK F.R-1013 Op. 1. D. 24. L. 4.
11. Gazeta «Krasnaya Kuban» [The newspaper «Red Kuban»] 1920. №12.
12. Gazeta "Batalpashinskaya Pravda" [The newspaper «Batalpashinskaya truth»]1920. № 27.
13. Gazeta «Krasnaya Kuban» [The newspaper «Red Kuban»] 1920. №15.
14. Kurakeeva M.F. Verkhnekubanskie kazaki: byt, kultura, traditsii [Upper Kuban Cossacks: life, culture, traditions. – Cherkessk], 1999. P.45.
15. Krasnushkin K.K. Zavershennaya kopiya [Completed copy] GARF. FR. 1235. Op. 83 D. 8. L. 43-52.
16. Gazeta «Krasnaya Kuban» [The newspaper «Red Kuban»] 1920. №18.

17. Titorenko M.F. Ikh vyrezali semymi, vybrasyvali ix domov. Titorenko M.F. Den respubliki [They were cut out by their families, thrown out of their houses. M.F. Titorenko. Day of the Republic]. 2007. № 13.
18. RTCHIDNI. FR. 5. Op. 2. D. 1016. L. 7.
19. Losev, E., Mironov, M. 1991. P. 349, 340-341 (RCHIDNI F, 5, Op.2, D. 160, L. 23.
20. Titorenko M.F. Neekonomicheskie regulatori ekonomiki. Materiali konferencii «Prioriteti i mehanizmi obespechenia ekonomicheskogo rosta, finansovoi stabilnosti i socialnoi sbalansirovannosti v Rossii» [Non-economic regulators of the economy. Proceedings of the conference «Priorities and mechanisms for ensuring economic growth, financial stability and social balance in Russia»].
21. Titorenko M.F. Decree. op. L.124.

Информация об авторе:

Прищепа Анастасия Сергеевна, студент, кафедра экономики и финансов, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Научный руководитель: Титоренко Марина Федоровна - доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и право» Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
ana.prishepa@mail.ru

Information about the author:

Anastasia S. Prishepa, Student, Department of Economics and Finance, Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Scientific Adviser: Titorenko Marina Fedorovna - Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of «Philosophy, History and Law". The Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
ana.prishepa@mail.ru

Получена: 19.11.2017

Для цитирования: Прищепа А.С. Октябрьская Революция: как это было. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.42-46.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-42-46.

Received: 19.11.2017

For citation: Prishepa A.S. October Revolution: how it was. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 42-46.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-42-46. (in Russian)

УДК 94.316.472.4 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-47-50

ТИТОРЕНКО Марина Федоровна
Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
mtitorenko@yandex.ru

Marina F. TITORENKO
Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation
Krasnodar, Russia
mtitorenko@yandex.ru

ВЛАСТЬ И КАЗАЧЕСТВО: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Автор предлагаемой статьи ставил перед собой задачу рассмотреть отношения советской власти и казаков Кубани в первые после Октябрьской революции и Гражданской войны годы во взаимосвязи с происходящими событиями, не давать однозначной оценки исследуемому периоду, а, опираясь на реальную почву, показать крутой исторический поворот в судьбе кубанских казаков. Вопреки сложившемуся мнению, исследователь попытался опрокинуть «большевистский постулат о контрреволюционной сущности казачества», вычленить причины, втянувшие казаков «в орбиту политических течений и интриг» и расколовшие их на два враждебных лагеря; опираясь на архивные материалы, показать действия большевиков, направленные на укрепление советской власти в кубанских станицах. Автор статьи обращает внимание на то, что в рамках жесткой государственной регламентации хозяйственной, политической, социальной организации жизни казаков, традиции и многовековые устои семейного быта под влиянием глубоких социальных потрясений оказались неустойчивыми. Спорные территории с появлением новых административно-территориальных образований приводили к обострению межнациональных отношений. Большевики в отношении казаков, выступавших против советской власти, применяли жесткие карательные меры, в результате численность кубанских казаков сократилась в два раза, они оказались территориально рассредоточены между различными административно-территориальными образованиями.

Ключевые слова: казаки, революция, общественно-политический кризис, политическая борьба, репрессии, расказачивание, большевики, кровавый террор, массовые расстрелы, организованный голод, административно-территориальные преобразования

POWER AND COSSACKS: THE LOOK THROUGH THE CENTURY

The author of the article sets the task of examining the relations between the Soviet authorities and the Cossacks of Kuban in the first years after the October Revolution and the Civil War in connection with the events taking place, not assessing the period under study, but relying on real soil and showing a steep historical turn in the fate of the Kuban Cossacks. Contrary to the prevailing opinion, the researcher tried to overturn the "Bolshevik postulate on the counter-revolutionary essence of the Cossacks" to isolate the causes that dragged the Cossacks "into the orbit of political currents and intrigues" and split them into two hostile camps. Based on archival materials, the author shows the actions of the Bolsheviks, aimed at strengthening the Soviet power in the Kuban villages. The author of the article draws attention to the fact that under the strict state regulation of economic, political, social life of the Cossacks, the traditions and centuries-old foundations of family life under the influence of deep social upheavals proved to be unstable. The disputed territories with the appearance of new administrative-territorial entities led to an exacerbation of relations with neighboring peoples. The Bolsheviks applied severe punitive measures against the Cossacks who opposed the Soviet regime, as a result, the number of Kuban Cossacks was reduced by 2 times, they were territorially divided between administrative and territorial entities.

Keywords: Cossacks, revolution, socio-political crisis, repression, raskazachivanie (repressions against Cossacks), Bolsheviks, bloody terror, mass executions, organized hunger, administrative-territorial transformation

Казачество - уникальное явление в российской истории, его происхождение и эволюция до сих пор остаются дискуссионными для исследователей, так как именно эти позиции в жизни казаков более всего обросли мифами и легендами.

Начало изучению различных аспектов истории казачества, сломав жесткие рамки партийных установок, положила научная конференция «Казачество в Октябрьской революции и Гражданской войне» (1980, Черкесск). Позже конференции, отражающие казачью проблематику, проводились в Нальчике, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, станицах и городах Краснодарского края и других регионах с участием ученых постсоветского пространства, а также Великобритании, Германии, Канады, США и др.

С того времени круг источников заметно расширился, в научный оборот введены новые архивные документы, защищены кандидатские и докторские диссертации, опубликовано множество статей. Вместе с тем различные аспекты казачьей тематики и сегодня нуждаются в глубоком исследовании, тем более что казакам и в отдаленном прошлом, и в наши дни, их опыту взаимоотношений с другими народами принадлежит заметная роль. Кроме того, истоки многих нынешних проблем кроются в уже далеких от нас событиях. Поэтому сегодня «…нельзя сдавать без боя нашу историческую память, извращать ее, замалчивать многовековые традиции дружбы и братства, гиперболизировать значение отдельных драматических страниц истории» [1]. Социальные по-

трясения исследуемого периода и в наши дни будоражат умы историков, особенно в год столетия Октябрьской революции, что делает рассматриваемую проблему весьма актуальной.

Как известно, путь казаков в революциях и гражданской войне был сложным и противоречивым, их втянули «в орбиту политических течений и интриг», раскололи на два враждебных лагеря, поставили друг против друга с оружием в руках. Большевики с первых дней революции поставили перед собой задачу «об уничтожении имперской нации» (так стали называть казаков, которые верой и правдой служили России не одно столетие). Начало борьбы с казачеством положил Декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», принятый 10 ноября 1917 г. Декрет упразднял статус казачества как особого сословия. ЦИК партии большевиков в 1918 г. утвердил программу борьбы с казачеством. Казачьи станицы «наводнялись вооруженными отрядами», появился лозунг «Казачество надо уничтожить поголовно». Чтобы держать под контролем наиболее взрывоопасные станицы на Юге России, в них передислоцировали воинские части, подтянули отряды милиции и стрелковые дивизии. Под видом реквизиций красноармейцы, партийные и советские работники открыто грабили казаков, насиловали женщин, организовывали травлю атаманов и лидеров казачества. Атаман Краснов отмечал, что в феврале-марте 1918 г. «…произведены массовые расстрелы большевиками воинских чинов и казаков» [2]. Это вызвало озлобление казаков, за которым последовала расправа с красногвардейцами.

В хаосе революционных событий лидеры казаков колебались, примыкали то к белым, то к красным. По мере нарастания общественно-политического кризиса все более четко вырисовывалось размежевание во взглядах казаков на происходящие события. Середняки (до 75%) и зажиточные казаки (10-12 %), объединенные стремлением сохранить старый порядок, самобытность, сословные привилегии, сословно-этническую общность, многовековой опыт самоуправления и др., большей частью оказались в оппозиции новой власти. Интеллигенция в большинстве своем придерживалась оппозиционных либеральных взглядов. Беднота встала на сторону новой власти в надежде на материальную поддержку.

Глубокие социальные потрясения выносили казаков на линию конфронтации противоборствующих сил. Обыски, контрибуции, аресты, массовые расстрелы, организованный голод, выселение и другие жестокие меры усиливались по мере нарастания антибольшевистских выступлений. Новая власть требовала «…сдать местным Советам все оружие казенного образца, так как оно является достоянием народа, а не отдельных личностей». Лиц, отказавшихся сдать оружие, арестовывали, заключали под стражу до разбора дела военно-революционным судом [3].

Законодательные акты, принятые в отношении казачества, усугубляли негативное отношение казаков к советской власти. Довольно часто представители новой власти применяли в отношении казаков испытанное и безотказное средство - террор, руководствуясь «Циркулярным письмом об отношении к казакам», принятым 24 января 1919 г. В нем говорилось: «Признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми пороками казачества путем поголовного его истребления»; письмо фактически санкционировало уничтожение казачества. Секретные сводки того времени пестрели указами, распоряжениями, инструкциями об арестах. Смертельные приговоры выносились один за другим. Расстреливали детей, женщин, стариков. Особо уполномоченный Революционного Военного Совета 9-й армии, на основании предоставленного ему права, приказывал: «Расстрелять Гетманова Ивана, казака станицы Беломечетской, Калаушина Федота, казака станицы Баталпашинской и др.» [4]. Пытаясь спастись от произвола, казаки уходили в горы. Незамедлительно следовали приказы: «Чтобы препятствовать уходу в горы казачества, нужно брать заложников из членов их семей и близких родственников, а имущество конфисковать» [5].

В противовес действиям большевиков 3 января 1918 г. командир филимоновской дружины обращался к жителям кубанских станиц: «Товарищи граждане! Солдаты и не солдаты, вооруженные и невооруженные, покидающие свои очаги и бегущие из своих хуторов и селений в село Филимоновское, Царский дар и далее, убедительно просим Вас не бежать в вышеуказанные селения. Надо явиться на хутор Верхний Назаров, где в настоящее время находится филимоновская боевая дружина, к какой пристают все уходящие из своих хуторов» [6].

В борьбе против казаков большевики применяли политику разобщения и противопоставления их друг другу и иногородним. Казаков выселяли из родных мест, станицы заселяли крестьянами, прибывшими из центральных губерний. Л.Троцкий требовал «…снять с казаков лампасы, запретить именоваться казаками, выселить в массовом порядке в другие области». На казачьи станицы накладывались непомерные налоги, велась поголовная реквизиция лошадей, скота, конской утвари, продовольствие изымалось «под чистую». В новой структуре общества казакам места не было. По словам академика Д.С. Лихачева, никто не хотел решать казачьи вопросы с позиций здравого смысла. Правительственные органы принимали решения о немедленной ликвидации

казачьих организаций, передаче имущества, актива и пассива по описи комитету снабжения и товарообмена [7].

Представители новой власти, среди которых большей частью были военнопленные латыши, мадьяры, австрийцы и др., с особым рвением выполняли инструкции по уничтожению казачества и считали «…единственно правильным действовать по отношению к казакам мечом и огнем». В Кубанской области в органах власти казаков было менее 20%, не казачьего населения - около 80%. Сокольников и Бухарин в записке на имя Политбюро ЦК писали, что в Советах «на Северном Кавказе казаком и не пахнет» [8].

В.И. Ленин писал, что в местах скопления казаков советская власть устанавливалась и утверждалась «в военной форме», предлагал делать поблажки в привычных архаических пережитках; в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные цели, а вести точный учет конкретной исторической обстановки. Я. Свердлов приказывал нейтрализовать сначала столичные и фронтовые казачьи полки, а потом на местах с помощью идейно-политического и военного характера приступить к ликвидации казачества.

Широкое распространение в местах компактного проживания казаков (до 70% казаков России проживало на Дону и Северном Кавказе) получил так называемый «способ зачистки» (отправка на спецпоселение). Под «зачистку», как правило, в первую очередь попадали казаки, выражавшие недовольство новыми порядками. Их относили к разряду «неблагонадежных», немедленно высылали целыми семьями в Архангельскую область, Среднюю Азию и иные места без права возвращения. Тех, кто оказывал сопротивление «новоявленным хозяевам жизни», расстреливали на месте. Казаки-выселенцы нередко оказывались под открытым небом, без средств к существованию. Смертность взрослого населения в этих условиях достигала 60%, детей - до 80%.

К указанным выше проблемам прибавились вопросы «О совершенствовании национально-территориальных образований», о предоставлении автономий горскому населению. С мнением «врагов народа и советской власти» (в эту категорию попали казаки) никто не считался. Административно-территориальные и политические границы проводились явно не в пользу казаков. Через «игры» с народами и всевозможные политические манипуляции строилась государственная политика в сфере национальных отношений на Северном Кавказе. Центр как бы даровал автономии, получая взамен послушание. Так, после образования Карачаево-Черкесской автономной области (12 января 1922 г.) 26 февраля ликвидирован Баталпашинский казачий отдел Кубанской области. «Для получения права на пользование землей приходилось идти на всевозможные ухищрения, обман, вплоть до подкупов администрации и т.д. Каждый народ, обвиняя другого в несправедливости действий, в конечном итоге старался все-таки оставить за собой право и аргументацию на владение необходимой ему земельной территорией (пастбища, лесные массивы и т.д.)» [9].

Спорные территории, притязания приводили к обострению межнациональных отношений. Для борьбы с «сатрапами царизма» был утвержден Революционный комитет, которому принадлежала вся полнота власти [10]. По указу Центра Ростовское РПУ организовало карательные экспедиции на Кубань, в казачьи станицы были отправлены три отряда войск особого назначения, в основном латыши, мадьяры, китайцы, которые бесчинствовали в кубанских станицах.

Советская власть стала «беспощадным хирургом» в отношении кубанских казаков. В результате принятых мер их численность сократилась с 4,4 до 2,0 млн человек [11].

В заключение отметим, что казачество с его традициями, мировоззрением, укладом жизни в рассматриваемый период оставалось «оплотом вольнодумства», его политическое поведение было неустойчивым. В отношении казаков, выступавших против советской власти, применялись карательные меры, их положение заметно ухудшилось в ходе административно-территориальных преобразований. Возможно, высказанные позиции автора вызовут научные дискуссии. Не претендуя на истину в последней инстанции, отметим, что она рождается в спорах и проверяется временем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Титоренко М.Ф. Социальная организация казачества Верхнего Прикубанья: (1790 -1917 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2005. - С. 16.
2. Дедов Р.В. Преобразования государственного правового положения казачества в условиях Гражданской войны // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Российское казачество: проблемы истории и современность». - Краснодар, 2006. - С. 75.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф.Р-102. Оп.1. Д.39. Л.27.
4. Баталпашинская правда. - 1920. - № 27.

5. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики (далее - ГА КЧР). Ф.Р-102. Оп.1. Д.371. Л.85.
6. ГАКК. Ф.Р-102. Оп.1. Д.379. Л.59.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ). Ф.1235. Оп.1. Д.2. Ч.2. Л.145.
8. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. - Ростов н/Д. 1997. - С. 79.
9. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). - Ростов н/Д. 1997. - С. 7, 8.
10. ГА КЧР. Р-16. Оп.1. Д.4. Л.3.
11. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Указ. соч. - С. 6.

REFERENCES

1. Titorenko M.F. Socialnaya organizaciya kazachestva verxnego prikubanya [Social Responsibility of the Kuban Cossacs Living in the Northern Kuban]. Voprosy istorii. Issues of History. No. 6. 2007. Pp. 1-17. (in Russ.).: (1790-917 gg.). dis. ... d.i.n. M., 2005. p.16.
2. Dedov R.V. Preobrazovaniya gosudarstvennogo pravovogo polozheniya kazachestva v usloviyah Grazhdanskoj vojny [Changing of the state position of cossacks in the Civil War period)]. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Rossijskoe kazac hestvo: problemy istorii i sovremennost'».
3. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya (GAKK) [State Archive of the Krasnodar Territory]. Op.1.D.371. L.85.
4. Batalpashinskaya pravda. 1920. № 27.
5. Gosudarstvennyj arhiv Karachaevo-CHerkesskoj Respubliki [State Archive of the Karachaevo-Cherkessk Respublic)] (GA KCHR). F.R-102. Op.1.D.371. L.85.
6. GAKK.F.R-102. Op.1. D.379. L.59.
7. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of RF)]. F.1235. Op.1. D.2.CH.2.L.145.
8. Perekhov Ya.A. Vlast' i kazachestvo: poisk soglasiya. [The Power and the Cossacks: The Way Out] Rostov n/d. 1997. p. 79.
9. Bugaj N.F., Gonov A.M. Severnyj Kavkaz: granicy, konflikty, bezhency (dokumenty, fakty, kommentarii) [North Caucasus: Boarders, Conflicts, Refugees (Documents, Facts, Comments)]. Rostov n/D. 1997. pp. 7, 8.
10. GA KCHR. R-16.Op.1.D.4. L.3.
11. Bugaj N.F., Gonov A.M. Ukaz. [The Decree]. Soch. p. 6.

Информация об авторе:

Титоренко Марина Федоровна, доктор исторических наук, профессор кафедры «Философия, история и право», Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
г. Краснодар, Россия
mtitorenko@yandex.ru

Information about the author:

Marina F. Titorenko, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Philosophy, History and Law, Krasnodar branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Krasnodar, Russia
mtitorenko@yandex.ru

Получена: 10.12.2017

Для цитирования: Титоренко М.Ф. Власть и казачество: взгляд через столетие. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.47-50.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-47-50.

Received: 10.12.2017

For citation: Titorenko M.F. Power and cossacks: the look through the century. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 47-50.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-47-50. (in Russian)

Исторические науки и археология

Historical Sciences and Archaeology

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-53-58

АДЖИНИЯЗОВА Айгуль Камбиевна
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский научный центр Российской академии наук
г. Махачкала, Россия
aygul_adzhiniyazova@mail.ru

Aigul K. ADZHINIIAZOVA
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia
aygul_adzhiniyazova@mail.ru

ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ НОГАЙЦЕВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В КОНЦЕ XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX в.

TERRITORY OF SETTLEMENT AND THE NUMBER OF NOGAIS IN THE NORTH CAUCASUS AT THE END OF THE XVIIIth - THE MIDDLE OF THE XIXth CENTURIES

В статье с использованием специальной научной литературы и различного фактического материала рассматриваются территория расселения и численность северокавказских ногайцев в конце XVIII - сер. XIX в. Приведены подробные статистические данные о численности ногайцев указанного периода с привлечением данных о этом по историческим заметкам иностранных путешественников, а также документальные сведения из архивных источников, непосредственно касающихся истории ногайцев Северного Кавказа. В XVIII в. ногайцы в силу сложившихся обстоятельств были вынуждены кочевать разрозненно друг от друга и не представляли собой в политическом отношении единый народ. Установить точную численность ногайцев, проживавших на территории Северного Кавказа в конце XVIII - сер. XIX в., крайне тяжело. Это обусловлено их частыми миграциями по территории России, Крымского полуострова и Порты, а также участием в военных столкновениях, где количество потерь с ногайской стороны в русской историографии, на наш взгляд, намного приуменьшалось. Наибольший интерес и трудность для нас представляет определение численности кубанских и крымских ногайцев в конце XVIII в. В XVIII в. с территории Северо-Западного Прикаспия ногайцы в большом количестве все чаще стали переходить в Закубанье и на Крымский полуостров, и, таким образом, основная часть ногайцев оказалась сосредоточенной именно на этой территории.

It is considered the territory of settlement and the number of North Caucasian Nogais at the end of the 18th - middle of 19th centuries with using special scientific literature and various factual materials in this article. Statistical information on the number of the Nogais was given in detail for the period under review based information on the number of the Nogais according to historical notes of foreign travelers, as well as documentary information from archival sources directly related to the history of the North Caucasus Nogais. The Nogais were forced to nomadize separately from one another due to the circumstances in the XVIII century. But they did not represent a single nation politically. It is extremely difficult for us to establish an accurate number of the Nogais residing in the North Caucasus at the end of the 18th - middle of 19th centuries. This is due to their frequent migrations across Russia, the Crimean Peninsula and the Port where they took part in military clashes. By that, in our opinion the number of losses from the Nogais side in Russian historiography has been greatly diminished. Determination of the number of Kuban and Crimean Nogais in the late 18th century is the most interesting and the most difficult for us. A lot of Nogais began to move more and more frequently to Zakuban and the Crimean peninsula from the territory of the North-Western Caspian in the 18th century. Therefore, the bulk of the Nogais was concentrated on this territory.

Ключевые слова: Россия, Турция, Кавказ, Крым, Кубань, ногайцы, территория, численность, эмиграция, путешественники

Keywords: Russia, Turkey, Caucasus, Crimea, Kuban, Nogai, territory, quantity, emigration, travelers

В XVIII в. ногайцы в силу сложившихся обстоятельств, а именно вследствие разорительных набегов калмыков, стремления Российской империи включить в свой состав, а также использования ногайцев султанской Портой в своих целях против России, будучи вынужденными кочевать разрозненно друг от друга, не были единым в политическом отношении народом. К тому же частые набеги калмыцких тайш (правителей. - *авт.*) еще в XVII в. послужили одной из основных причин частого переселения ногайцев. Для ногайцев XVIII в. был веком, полным трагических событий: было потеряно национальное единство, потеряны исконные кочевья, огромное количество населения было вынуждено переселиться в султанскую Порту. Среди историков нет единого мнения насчет численности ногайцев в рассматриваемый период.

В конце XVIII в., как указывал И.А. Гильденштедт, ногайцы локализовались на равнинной части от Азовского до Каспийского морей, образуя Прикаспийскую, Кубанскую и Большую Ногайскую Орды. Численность ногайцев, населявших земли между реками Зеленчук и Арса, составляла около 8 тыс. семей. Прикаспийские ногайцы образовали 44 аула, в том числе 8 аулов, то есть примерно 500 кибиток (семей. - *авт.*), были во владении аксаевских князей, 12 - во владении князей эндиреевских и костековских (примерно 600 кибиток), а 24 аула (примерно 300 кибиток) находились во владении шамхала тарковского [1, с. 384-385].

Французский путешественник Карл Пейсонель, описывая ногайцев в сер. XVIII в., локализует территорию их расселения в Причерноморье и Предкавказье от р. Дунай до Азова и Кубани [2, с. 333-336, 338, 341.

Если смотреть с точки зрения международной политики, в силу своего расположения во второй половине XVIII в. на территориях, входивших в зону влияния двух соперничавших держав, Османской и Российской империй, то ногайцы подразделялись на: 1) ногайцев, проживавших в Крымском ханстве, входившем в состав Османской империи до 1783 г., а затем - России; 2) ногайцев, продолжавших кочевать вместе с калмыками в пределах России.

На протяжении всего XVIII в. ногайцы откочевывали из российских земель в пределы Турции и наоборот. К примеру, в ходе русско-османской войны в 1736-1739 гг. российскими отрядами была выведена часть ногайцев (солтанаульцев) из турецких земель и заселена в междуречье Терека и Кумы. Но уже в 1738 г. солтанаульцы в количестве 700 семей вновь возвратились в земли, принадлежавшие Османской империи. Чтобы не дать уйти оставшимся солтанаульцам, российские власти усилили по отношению к ним меры воздействия: было задумано использовать отряды калмыков, кабардинцев, донского, терского и гребенского казачьих войск, чтобы остановить исход номадов. Но тем не менее попытки урезонить солтанаульцев не увенчались успехом. Факт откочевки солтанаульцев в османские владения вновь повторился в 1738 г., когда 700 семей ногайцев во главе с мурзами Мансуром и Арсланбеком вновь ушли из России [3, с. 173-174]. В последующие годы российские власти решили усилить контроль над солтанаульцами. Астраханскому губернатору М.М. Голицыну было предписано предотвратить дальнейший уход солтанаульцев в Закубанье, принять для этого все надлежащие меры и при необходимости прибегнуть к помощи калмыков, кабардинцев, донских, терских и гребенских казачьих войск [4, с. 137]. Несмотря на все меры и старания российской администрации по предотвращению откочевки солтанаульцев за Кубань, в 1740 г. мурзы Мансур и Арсланбек во главе 100 семейств ушли за пределы России. В 1742 г. из Российской империи ушла еще одна часть солтанаульцев во главе с Муса-мурзой.

Так, джембойлуки, едисанцы и едишкульцы (согласно П.Г. Буткову примерно 10 300 семей) [5, с. 366], воспользовавшиеся смутой и распрями после смерти калмыцкого тайши Аюки и откочевавшие в декабре 1723 г. из калмыцких улусов, проживали на территории Крыма. К концу XVIII в. к ним присоединились ногайцы Буджакского (жившие возле Ейского залива) и другая часть Едисанского (жившие по левой стороне Кагальника) улусов. В общей сложности этих племен насчитывалось около 80 тыс. человек. Солтанаульские ногайцы, каспулатовцы, касаевцы, едишкульцы, джембойлуки - в Правобережной Кубани [6, с. 469]. Ногайцы Крыма и Северо-Западного Кавказа были разделены на четыре части: Буджакская, Едисанская, Джембойлукская и Кубанская. Границы их кочевок простирались от р. Дунай до Азова и Кубани.

Немецкий автор XVIII в. И.Э. Тунманн одну из частей расселившихся в Крыму ногайцев обозначает как «Восточный Ногай»: «Эта обширная страна лежит на северной стороне Черного и Азовского морей… Русские называют его Крымской степью» [7, с. 394]. Тунманн, руководствуясь результатами наблюдений немецкого путешественника Клеемана, в Западном и Восточном Ногае и на Кубани перечисляет следующих ногайцев, подвластных крымскому хану: 1) Едишкул, 2) Джембойлук, 3) Едисан, 4) Казай-аул, 5) Наурус-аул, 6) Кюргез, 7) Каспалладолу. Тунманн указывает, что из этих орд до 1770 г. первая и вторая, а также, вероятно, шестая пребывали в Восточном Ногае, исключая несколько семейств, кочевавших на Кубани. Орда Джембойлук имела пребывание у Джема.

Точное число ногайцев «Восточного Ногая», пребывавших в подданстве крымского хана в конце XVIII в., установить сложно, так как Н.В. Клееман считает, что число ногайских семей семи колен составляет 500 тыс., а в России считают четыре орды - Буджак, Едисан, Едишкул и Джембойлук - только в 70 тыс. луков (воинов. - *авт*.) [8, с. 390].

По мнению И.Э. Тунманна, область «Едисан, или Западный Ногай» сосредоточена «между Бугом и Днестром, с юга ограничена Черным морем, а с северо-запада отделяется от Польши Колымой и Егорлыком» [9, с. 397-399].

Помимо добровольно переселившихся племен на Кубань, ногайцы во главе с Дивей-мурзой, жившие на Тереке, в 1724 г. были силой уведены на Кубань кубанским султаном Бахты-Гиреем. Как указывает Б.Б. Кочекаев, их количество равнялось трем тысячам «юртов» (семей. - *авт*.) [10, с. 137].

В своей работе «История Кубанского казачьего войска» известный автор XIX в. Ф.А. Щербина отмечает, что «…четыре орды: Едисанская, Едишкульская, Джамбулукская и Буджацкая в мае 1771 года перешли р. Дон и заняли степныя части нынешней Кубанской области. Применительно к требованиям своего кочевого быта, татары (ногайцы. - *авт*.) расположились отдельными ордами вдоль степных речек Еи, Ясеней, Албашей, Челбас, Бейсугов, Керпилей, азовских рукавов Кубани и

проч. Часть их осела в пределах нынешней Донской области по левому берегу р. Кагальника или стариннаго Каяла». Насчет численности ногайцев, заселившихся на Кубани в эти годы, в работе указано следующее: «…в Едисанской орде, делившейся на два поколения - правое и левое, считалось около 20 тыс. казанов или семейств, в Едишкульской, состоявшей из четырех ний - Минскаго, Бурлацкаго, Кадшацкаго и Каракитайскаго - 24 тыс. казанов, в Джамбулуцкой - 11 тыс. казанов и в Буджацкой - 700 казанов». Помимо вновь прибывших из-за Кубани ногайцев, в данном исследовании указаны доселе жившие там «…три ногайския орды - Наврузская до 8 тыс. казанов, Бестинеевская до 6 тыс. казанов и Касаевская до 4 тыс. казанов». По подсчетам Ф.А. Щербины на Кубани в 70-х годах XVIII в. до прихода вышеупомянутых четырех орд кочевало около «7370 семейств или до 37 тысяч душ обоего пола, считая семью в 5 душ обоего пола» [11, с. 364].

Описывая население кубанских степей, П.П. Короленко писал: «С присоединением же в 1783 году Крыма и земель Севернаго Кавказа к России, нагайцы откочевали за Кубань. После чего вся эта страна совершенно опустела и на обширных ея степях, кроме волков и других мелких зверей, свободно разгуливали целые табуны диких коней…» [12, с. 15]. Через год ушедшие из Кубани ногайцы вновь стали постепенно возвращаться. Караногайцы, принявшие уже в 1722 г. российское подданство, состоявшие из четырех улусов - Найман, Кипчак, Мин и Терек, расселялись на Северо-Восточном Кавказе, в окрестностях крепости Терки; впоследствии в связи со строительством крепости Святой крест часть караногайцев переселилась на р. Сулак. Количество караногайцев к 80-м годам XVIII в. составляло 4,3 тыс. кибиток [13, с. 95; 14, с. 79].

В рассматриваемое время на Кумыкской плоскости, на территории аксаевских, эндиреевских и костековских князей, также жили ногайцы. Авторы обобщающего труда «Ногайцы» И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И. Сикалиев пишут, что костековские и аксаевские ногайцы жили на востоке от караногайцев, занимая побережье Аграханского залива Каспийского моря [15, с. 108]. Об этом также свидетельствуют данные Д.И. Тихонова, современника русско-турецкой войны 1787-1791 гг. и Персидского похода 1796 г. У него читаем: «От устья реки Сулак и вверх к югу по берегу Каспийского моря до самой речки Торкали-Озень их (ногайцев) считают до 300 кибиток. Оные ногайцы принадлежат шамхалу и работают ему когда только надобность его востребует, а большей частью летнее время дают своих быков для орания ему земли, а иногда и косят сено, а больше никаких сборов с них не собирает» [16, с. 131].

Еще один массовый уход ногайцев из России произошел после присоединения Крымского ханства к России, когда, опасаясь османского влияния на ногайцев, российское правительство пыталось их переселить на Урал. Итогом такой политики стал массовый уход ногайцев в 80-х годах XVIII в. в султанские владения. Ввиду тяжелого положения в Порте совсем скоро некоторые ушедшие ногайцы просились обратно в Россию. Таким образом, в марте 1784 г. вернулись 76 семей ногайцев, а чуть позже еще 57 семей переселились из Ейского укрепления в степи Северо-Восточного Кавказа, которые были причислены к «кизлярским ногайцам» [17, с. 111].

В условиях утери государственности улусная система тем не менее в политическом строе ногайцев сохранялась: все так же ногайцы делились на улусы, которыми главенствовали мурзы. Астраханский исследователь И.В. Торопицын констатирует, что при этом часть ногайцев оказалась в турецком, а часть - в российском подданстве [18, с. 330].

С учреждением в январе 1785 г. Кавказского наместничества ногайцы Северного Кавказа в 1793 г. были разделены на три приставства:

1) Калаусо-Саблинское и Бештово-Кумское (едисанцы, едишкульцы, касаевцы), расположенное на верховьях реки Калаус;

2) Калаусо-Джембойлукское (джембойлуки), расположенное на низовьях реки Калаус;

3) Ачикулак-Джембойлукское (караногайцы, едишкульцы, джембойлуки и едисанцы), расположенное на территории Кизлярского и Моздокского уездов.

По данным переписи населения, проведенной ген.-м. Веревкиным в 1794 г., установлено, что в Калаусо-Саблинском и Бештово-Кумском приставстве находилось 187 ногайских аулов, 3728 семей, а людей - 13 088 чел. [19, с. 147-156].

Установить точную численность ногайцев, проживавших на территории Северного Кавказа в конце XVIII - сер. XIX в., крайне тяжело. Это обусловлено их частыми миграциями по территории России, Крымского полуострова и Порты, а также участием в военных столкновениях, где количество потерь с ногайской стороны в русской историографии, на наш взгляд, намного приуменьшалось. Наибольший интерес и трудность для нас представляет определение численности кубанских и крымских ногайцев в конце XVIII в. (В XVIII в. с территории Северо-Западного Прикаспия ногайцы в большом количестве все чаще стали переходить в Закубанье и на Крымский полуостров и,

таким образом, основная часть ногайцев оказалась сосредоточенной именно на этой территории). Как было указано выше, по мнению Гильденштедта, численность кубанских ногайцев, населявших междуречье Зеленчука и Арса, в конце XVIII в. составляла около 8 тыс. семей. При условии, что каждая семья состояла из пяти человек, то, согласно его данным, численность кубанских ногайцев составляла 40 тыс. человек.

Как уже указывалось нами выше, Клееман, упоминая число ногайцев «Восточного Ногая», пребывавших в подданстве крымского хана в конце XVIII в., писал, что число ногайских семей 7 колен составляет 500 тыс. человек, а в России считают четыре орды - Буджак, Едисан, Едишкул и Джембойлук - только в 70 тыс. луков (при условии, что семья одного воина, в данном случае подсчитанного луками, состоит из пяти человек, в итоге получается 350 тыс. человек).

Крупный исследователь по кубанскому казачеству Ф.А. Щербина писал, что кубанских и буджакских (прибывших на Кубань в мае 1771 г.) ногайцев насчитывалось: едисанцев - 20 тыс. казанов (семейств. - *А.А.*), едишкульцев - 24 тыс. казанов, джембойлуковцев - 11 тыс. казанов, буджакцев - 700 казанов, что в итоге по нашим приблизительным подсчетам составляет около 300 тыс. человек.

Что касается караногайцев, укажем, что в 80-е годы XVIII в. их численность составляла 4,3 тыс. семейств, что достигало до 22 тыс. человек. Во владениях шамхала Тарковского проживали около 300 семейств ногайцев (не более 1,5 тыс. человек).

Таким образом, согласно нашим подсчетам, в конце XVIII в. общая численность ногайцев, населявших территории Крыма, Кубани и Прикаспийские степи, составляла примерно около 800 тыс. человек. Стоит обратить внимание на резкий спад численности ногайцев Кавказа в первой половине XIX в. Согласно Представлению Кавказского гражданского губернатора о состоянии области за 1833 г., указаны данные о кочующих ногайцах на территории Кавказа: «Инородцы. Класс инородцев в населении Кавказской области составляют кочующие на степях ея магометане. Число их… да 91 887 душ обоего пола… разделяются на 8 народов: Караногайский, Едишкульский, Калауско-Саблинский, Бештовокумский, Калауско-Джембулуковский, Едисанский, Ачикулак-Джембулуковский и Трухмянский» [НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.15. Л.547].

В 1844 г. Кавказский гражданский губернатор в своем отчете о состоянии области писал про кочующие народы Кавказа: «Инородцы: Класс инородцев в населении Кавказской области составляют кочующие на степях их магометане, число коих… простирается до 90 626 душ обоего пола. Они присоединены к ведомству Палаты Государственных Имуществ и состоят под ближайшим управлением Главного Пристава. К этому управлению временно причислены так называемые Казыларские или Шеретовские татары… до 140 кибиток… они (ногайцы. - *авт*.) разделяются на 8 народов, коих названия суть: Караногайский, Едшикульский, Калауско-Саблинский, Бештово-Кумский, Калауско-Джембулуковский и Трухмянский» [НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.15. Л.53].

В 1845 г. жители аула Шулак в районе Бештау (Пятигорье. - *авт*.) по своему желанию переселились в аул Крымгерей. В деле Канцелярии Общего Областного Управления Кавказской области за 1845 г. № 281 «по представлению Главного Пристава Магометанских народов о переселении жителей аула Шулак, состоящаго из 33 дворов, в аул Крымгерей» написано: «Калауско-Саблинские ногайцы аула Шулак, 33 двора, в виду недостатка земли и воды, возбудили в 1845 г. ходатайство о разрешении им переселиться в аул Крымгерей, находящийся на Мокром-Карамыке. Жители аула Крым-Гирей дали на это согласие. Кавказский областной начальник ген.-л. Завидовский 21 дек. 1845 г., разрешил ногайцам просимое переселение» [НА ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.1. Оп.1. Д.15. Л.390].

Таким образом, если в конце XVIII в. на территории России (с учетом присоединения Крыма и всех проживающих там ногайцев) проживало примерно 800 тыс. ногайцев, то в сер. XIX в. на Северном Кавказе проживало лишь около 90 тыс. Это было связано с эмиграцией после окончания Кавказкой войны народов Северного Кавказа, в том числе и ногайцев, в Османскую империю.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гильденштедт И.А. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост., введение, вступит. статьи Д.С. Кидирниязов. - Махачкала, 1999.
2. Пейсонель К. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост., введение, вступит. статьи Д.С. Кидирниязов. - Махачкала, 1999.
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. - СПб., 1869. Ч. 1.
4. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв.: политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами: Дис. ... д-ра ист. наук / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. - Махачкала, 2001.

5. Бутков П.Г. Указ. соч.
6. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV- XVIII вв. - Махачкала, 2000.
7. Тунманн И.Э. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост., введение, вступит. статьи Д.С. Кидирниязов. - Махачкала, 1999.
8. Клееман Н.Э. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост., введение, вступит. статьи Д.С. Кидирниязов. - Махачкала, 1999.
9. Тунманн И.Э. Указ. соч.
10. Кочекаев Б.-А.Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. - Алма-Ата, 1988.
11. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. - Екатеринодар, 1910. Т. 1.
12. Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска. 1696-1896. Исторический очерк. - Екатеринодар, 1896.
13. Зинеева З.З. Ногайцы Северо-Западного Прикаспия в пер. пол. XVIII в. - Черкесск, 2001.
14. Кидирниязов Д.С., Мусаурова З.К. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. - Махачкала, 2003.
15. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. - Черкесск, 1988.
16. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. - М., 1958.
17. Кидирниязов Д.С. Ногайцы в XV-XVIII вв. - Махачкала, 2000.
18. Торопицын И.В. Россия и ногайцы: поиск путей и самоопределения и сосуществования (первая половина XVIII в.). Тюркологический сборник. - СПб., 2011.
19. Дебу И.Л. О Кавказской линии к присоединенном к ней Черноморском войске или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. С 1816 по 1826 год. - СПб., 1829.

REFERENCES

1. Gil'denshtedt Iogann Anton. Nogaytsy v izvestiyakh russkikh, zapadnoevropeyskikh i vostochnykh avtorov XV-XVIII vv. Sost., vvedenie, vstupit. stat'i Kidirniyazov. [Gildenshtedt Iogann Anton. Nogai in the news of Russian, Western European and Eastern authors of the XV-XVIII centuries. Compilation, introduction, introductory articles Kidirniyazov D.S.]. Makhachkala, 1999. (In Russ.).
2. Peysonel' Karl. Nogaytsy v izvestiyakh russkikh, zapadnoevropeyskikh i vostochnykh avtorov XV-XVIII vv. Sost., vvedenie, vstupit. stat'i Kidirniyazov D.S. [Peysonel Kar. Nogai in the news of Russian, Western European and Eastern authors of the XV-XVIII centuries / Compilation, introduction, introductory articles Kidirniyazov D.S.]. Makhachkala, 1999. (In Russ.).
3. Butkov P.G. Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803.]. St. Petersburg. 1869. Part 1. (In Russ.).
4. Kidirniyazov D.S. Nogaytsy v XV-XVIII vv.: politicheskie, ekonomicheskie i kul'turnye aspekty vzaimootnosheniy s sopredel'nymi stranami i narodami Diss. na soiskanie uchenoy stepeni doktora ist. Nauk. Institut istorii, arkheologii i etnografii Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN. [Nogais XV-XVIII centuries: political, economic and cultural aspects of relations with neighboring countries and peoples / Thesis for the degree of Doctor of Historical Sciences / The Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences]. Makhachkala, 2001. (In Russ.).
5. Butkov P.G. Materialy dlya novoy istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god. [Materials for the new history of the Caucasus from 1722 to 1803.] St. Petersburg. 1869. Part 1. (In Russ.).
6. Kidirniyazov D.S. Nogaytsy v XV-XVIII vv. [Nogais XV-XVIII centuries]. Makhachkala, 2000. (In Russ.).
7. Tunmann Iogann Erikh. Nogaytsy v izvestiyakh russkikh, zapadnoevropeyskikh i vostochnykh avtorov XV-XVIII vv. Sost., vvedenie, vstupit. stat'i Kidirniyazov D.S. [Tunmann Iogann Erikh. Nogai in the news of Russian, Western European and Eastern authors of the XV-XVIII centuries. Compilation, introduction, introductory articles Kidirniyazov D.S.]. Makhachkala, 1999. (In Russ.).
8. Kleeman Nikolaus Ernst. Nogaytsy v izvestiyakh russkikh, zapadnoevropeyskikh i vostochnykh avtorov XV-XVIII vv. Sost., vvedenie, vstupit. stat'i Kidirniyazov D.S. [Kleeman Nikolaus Ernst. Nogai in the news of Russian, Western European and Eastern authors of the XV-XVIII centuries. Compilation, introduction, introductory articles Kidirniyazov D.S.]. Makhachkala, 1999. (In Russ.).
9. Tunmann Iogann Erikh. Nogaytsy v izvestiyakh russkikh, zapadnoevropeyskikh i vostochnykh avtorov XV-XVIII vv. Sost., vvedenie, vstupit. stat'i Kidirniyazov D.S. [Tunmann Iogann Erikh.

Nogai in the news of Russian, Western European and Eastern authors of the XV-XVIII centuries. Compilation, introduction, introductory articles Kidirniyazov D.S.]. Makhachkala, 1999. (In Russ.).
10. Kochekaev B.-A.B. Nogaysko-russkie otnosheniya v XV-XVIII vv. [Nogai-Russian relations in the XV-XVIII centuries]. Alma-Ata, 1988. (In Russ.).
11. Shcherbina F.A. Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska. [History of the Kuban Cossack Host.]. Ekaterinodar, 1910. T. 1. (In Russ.).
12. Korolenko P.P. Dvukhsotletie Kubanskogo kazach'ego voyska. 1696-1896. Istoricheskiy ocherk. [Bicentenary of the Kuban Cossack Host. 1696-1896. Historical essay]. Ekaterinodar, 1896. (In Russ.).
13. Zineeva Z.Z. Nogaytsy Severo-Zapadnogo Prikaspiya v per. pol. XVIII v. [Nogai of the North-Western Caspian in the first half of the 18th century]. Cherkessk, 2001. (In Russ.).
14. Kidirniyazov D.S., Musaurova Z.K. Ocherki istorii nogaytsev XV-XVIII vv. [Essays on the history of Nogais XV-XVIII centuries]. Makhachkala, 2003. (In Russ.).
15. Kalmykov I.Kh., Kereytov R.Kh., Sikaliev A.I. Nogaytsy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk. [The Nogais. Historical and ethnographic essay]. Cherkessk, 1988. (In Russ.).
16. Tikhonov D.I. Opisanie Severnogo Dagestana. 1796 g. Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana XVIII-XIX vv [Description of Northern Dagestan. 1796. History, geography and ethnography of Dagestan XVIII-XIX centuries.]. Moscow, 1958. (In Russ.).
17. Kidirniyazov D.S. Nogaytsy v XV-XVIII vv. [Nogais XV-XVIII centuries]. Makhachkala, 2000. (In Russ.).
18. Toropitsyn I.V. Rossiya i nogaytsy: poisk putey i samoopredeleniya i sosushchestvovaniya (pervaya polovina XVIII v.). [Russia and Nogai: the search for ways and self-determination and coexistence (the first half of the XVIII century)]. Tyurkologicheskiy sbornik. Spb., 2011. (In Russ.).
19. Debu I.L. O Kavkazskoy linii k prisoedinennom k ney Chernomorskom voyske ili Obshchie zamechaniya o poselennykh polkakh, ograzhdayushchikh Kavkazskuyu liniyu, i o sosedstvennykh gorskikh narodakh. S 1816 po 1826 god. [About the Caucasian line to the Black Sea army attached to it or General remarks about the shelves that shelter the Caucasian line, and about the neighboring mountain peoples. From 1816 to 1826].SPb., 1829. (In Russ.).

Информация об авторе:

Аджиниязова Айгуль Камбиевна, аспирант, отдел древней и средневековой истории, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский научный центр Российской академии наук,
г. Махачкала, Россия
aygul_adzhiniyazova@mail.ru

Получена: 11.10.2017

Для цитирования: Аджиниязова А.К. Территория расселения и численность ногайцев Северного Кавказа в конце XVIII - сер. XIX в. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.53-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-53-58.

Information about the author:

Aigul K. Adzhiniiazova, Postgraduate Student, Department of Ancient and Medieval History, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, Russia
aygul_adzhiniyazova@mail.ru

Received: 11.10.2017

For citation: Adzhiniiazova A.K.Territory of settlement and the number of nogais in the North Caucasus at the end of the 18th - the middle of the 19th centuries. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 53-58.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-53-58. (in Russian)

УДК 94(6) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-59-69

АЛЕКСЕЕВ Дмитрий Владиславович
Российский университет дружбы народов
г. Москва, Россия
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

Dmitrv V. ALEKSEEV
RUDN University
Moscow, Russia
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

ФЕНОМЕН АФРИКАНСКОЙ МИГРАЦИИ В ИСПАНИЮ: СТРУКТУРА, ДИНАМИКА И ТЕНДЕНЦИИ

PHENOMENON OF AFRICAN MIGRATION TO SPAIN: STRUCTURE, DYNAMICS AND TRENDS

В статье рассматриваются причины и характер африканской иммиграции в Испанию в период 2000-2017 гг., анализируются основные маршруты и характеристики, тенденции и динамика. Гибралтарский пролив - это зона с повышенной интенсивностью миграционных потоков, ключевыми точками которого являются Марокко и Испания. Миграционные процессы оказывают все более заметное воздействие на экономику, политику, социальную и культурную сферы, затрагивают внешнеполитические отношения, переплетаются с проблемами экономической отсталости и бедности. Актуальность исследования определяется стратегическим значением Средиземноморья, взаимоотношения стран которого имеют первостепенное значение для баланса безопасности в регионе. Рост миграционных потоков стал одной из важнейших проблем не только Испании, но ЕС в целом, попытки решения которой предпринимаются в рамках европейской стратегии безопасности. Преимущественно трудовой характер иммиграции и высокий удельный вес молодого трудоспособного населения в ее структуре требует развития двусторонних отношений со странами-эмитентами как в социально-экономической, так и в правовой сфере, позволяя добиться экономического развития этих стран и возможности регулирования миграционных потоков на законодательном уровне.

Ключевые слова: Марокко, Испания, Средиземноморье, сотрудничество, легальная иммиграция, нелегальная иммиграция, трудовая иммиграция, миграционная политика, миграционное регулирование

The article considers the problems of African immigration to Spain within the period of 2000-2017, namely, its dynamics, latest tendencies, and changes in structure. Primarily, the author focuses on an in-depth analysis of the following main features of immigrant's population in Spain: nationality, gender and age structures, type of entry and level of the legalization of their status. The Strait of Gibraltar is a zone with increased intensity of migration flows where Morocco and Spain are the key points. The irregular migration from Africa to Europe affects on the economy, politics, social and cultural spheres, foreign policy relations, closely intertwine with the problems of economic backwardness and poverty. The relevance of the study is determined by the strategic importance of the Mediterranean, the relationship between countries of which has a great importance for the security balance in the region. The growth of migration flows has become one of the most important problems not only for Spain, but for the EU as a whole, attempting to resolve it within the scope of the European security strategy. It is becoming recognised that immigration resulted from the social, demographic and economic reasons, and the author's research once again confirmed it, so it is necessary to develop bilateral relations between sending and receiving countries both in the socioeconomic and legal spheres, allowing to achieve economic development of these countries and to manage migratory flows at the legislative level.

Keywords: Morocco, Spain, Mediterranean, cooperation, legal immigration, illegal immigration, labor immigration, migration policy, immigration regulation

Усиление миграционных потоков из Африки в Европу с конца 1990-х годов до настоящего времени является одной из основных причин, по которым европейские страны заинтересованы в укреплении сотрудничества со странами южного побережья Средиземного моря. Средиземноморье - это область с высоким стратегическим значением, и взаимоотношения стран этого региона имеют первостепенное значение для баланса безопасности. В Средиземном море сконцентрированы миграционные потоки Юг-Север, Африка-Европа, здесь регистрируется самый большой миграционный поток на планете. Существующий экономический разрыв и отсутствие результата в мерах, принятых для достижения большего экономического и социального равновесия, приводят к сохранению этого феномена [1].

Начиная с 1990-х годов, когда активизировалась иммиграция из стран Африки в Европу, Гибралтарский пролив становится зоной с повышенной интенсивностью миграционных потоков, являясь воротами в Европу для большинства африканских мигрантов. Марокканский порт Танжер - это не только удобный пограничный пункт для связи с Европой, но и область, в которой сконцентрированы финансовые потоки. Танжер широко используется для перемещения в Шенгенскую зону временных сельскохозяйственных работников. Также исторически через Танжер проходят морские и сухопутные маршруты возвращения во время летних отпусков мигрантов, имеющих вид на жительство в Европе, число которых достигло в 2013 г. 2,5 млн человек [2, с. 104].

Неправильно было бы рассматривать Марокко только как страну-поставщика мигрантов, поскольку в последние десятилетия возросла ее роль как страны-транзита. Мигранты из стран Африки южнее Сахары (АЮС), направляясь в Европу, используют страны Магриба как перевалочную базу, не стремясь поселиться в Алжире, Марокко, Мавритании или Тунисе, а лишь используя эти страны как плацдарм для продвижения вглубь Европы. Марокко, таким образом, становится

транзитным регионом, временной принимающей страной, мостом через Гибралтарский пролив для мигрантов из стран АЮС на пути в Европу.

«Голубой путь» - это маршрут для выходцев из стран АЮС в Европу через Северную Африку. Это очень сложный и долгий путь, который проходится пешком и с помощью сухопутных видов транспорта и занимает по времени от года до полутора лет в зависимости от экономических возможностей мигрантов. Чаще всего маршрут проходит через Мали на север Алжира, где пересекается граница с Марокко в районе города Уджда. Впоследствии мигранты либо углубляются в Марокко, либо концентрируются рядом с городом Надор, чтобы попытаться въехать в Мелилью [1]. Остальные мигранты добираются до крупнейших марокканских городов, в которых работают нелегально, пока не накопят достаточно денег для поездки в Танжер и не рискнут в последующем пересечь пролив на лодке, или направятся в Тетуан и попытаются преодолеть заграждение в Сеуте. Миграция в Европу становится все более дорогостоящей из-за усиления пограничного контроля, и цены на контрабандные перевозки растут. В 2003 г. незаконный переезд на лодке из Марокко в Испанию стоил от 200 долл. для несовершеннолетних, от 500 до 800 долл. для марокканцев и от 800 до 1200 долл. для африканцев из стран АЮС [3, с. 26].

Миграция из стран АЮС через Марокко в Европу значительно выросла, достигая 80% от общего числа иммигрантов, пересекающих пролив [2, с. 102]. Хотя указанный маршрут и является наиболее распространенным, он не перестает быть опасностям и чересчур затруднительным для некоторых граждан. Длительная продолжительность маршрута и высокие цены за перевозку предполагают возможность ее осуществления только для африканских граждан, обладающих достаточными финансовыми средствами.

Основные причины миграционных процессов - демографические и социально-экономические различия между Европой и Африкой. Как страны Магриба, так и страны АЮС обладают общими чертами, обусловливающими иммиграцию. Среди них - огромное демографическое давление и высокий удельный вес молодого трудоспособного населения. Уровень развития экономики этих стран не способен создать необходимое количество рабочих мест, отвечающих потребностям. В результате несовершеннолетние обычно отказываются от учебы, чтобы помочь семье, и не получают квалификации, которая была бы необходима для развития страны. Высокие показатели рождаемости, низкий уровень образования и развитие экономики, не обеспечивающее достаточных средств к существованию, находят отражение в низких значениях индекса человеческого развития (ИЧР). Среди стран Северной Африки к группе с высоким ИЧР относятся Тунис (0,725), Алжир (0,745), Ливия (0,724); к средним - Марокко (0,647), Кабо-Верде (0,648); страны АЮС входят в группу с низким ИЧР (0,350-0,450). Страны ЕС относят к группе с очень высоким ИЧР, например ИЧР Испании - 0,884 [4, с. 22-25].

Среди основных факторов, влияющих на выбор в качестве принимающей страны Испании, можно выделить следующие [2, с. 121]:

- *Возможность трудоустройства*. Начиная с 70-х годов развитые страны начали привлекать временных работников из-за границы для удовлетворения спроса на рабочую силу в некоторых отраслях экономики. В Испании эта практика начала применяться с конца 1980-х годов во время экономического подъема. Сыграл свою роль и демографический фактор, связанный со старением коренного населения и сокращением его трудоспособной части. Правительство Испании стало привлекать иммигрантов для заполнения вакантных рабочих мест, а также для снижения среднего возраста по стране [5] при одновременном контроле над нелегальной иммиграцией, которая широко использовалась в теневом секторе испанской экономики.
- *Высокий уровень жизни*. Пик развития экономики Испании пришелся на 1990-е годы, со времени вхождения в ЕС, когда уровень жизни в стране приблизился к уровню наиболее развитых стран, в которых гарантируется возможность получения образования, высококвалифицированной медицинской помощи и удовлетворения других основных потребностей человека.
- *Хорошие условия для проведения досуга*. Для людей важно не только физическое выживание, но и возможность качественного и полноценного отдыха. Развитие сферы услуг и стиль жизни Испании в полной мере предоставляет такую возможность иммигрантам.
- *Гендерное равенство и гражданские свободы*. Отсутствие межэтнических конфликтов, развитая система демократических свобод и гендерное равенство может рассматриваться в качестве преимущества для мигрантов, в особенности для женщин, хотя их решение эмигрировать обычно зависит от решения мужа или отца.
- *Близость*. На выбор страны влияет ее восприятие как близкой по языку и культуре. Часто прошлые колониальные связи позволяют рассматривать бывшую метрополию как страну,

близкую по своей идентичности колонии, упрощая адаптацию при миграции за счет знания языка и обычаев принимающей страны. По этой причине, например, Франция позиционирует себя как принимающая страна для выходцев из стран Магриба. Выбор же Испании, хотя и имевшей свое колониальное прошлое на территории Марокко, определяется в основном географической близостью.

- *Устоявшиеся общины мигрантов*. Наличие разветвленной миграционной сети, созданной в целях информирования и упрощения процедур легализации и трудоустройства сограждан, которые хотели бы повторить их путь, позволяет принять решение об иммиграции. Поддержка со стороны сообществ мигрантов дает возможность находиться в родственном окружении, в котором сохраняется культура, язык и обычаи.
- *Разрешительный характер законодательства*. В то время как решение покинуть страну происхождения обычно имеет личный характер или исходит от решения семьи, на выбор страны назначения могут повлиять третьи стороны, например мафиозные группы, занимающиеся контрабандой иммигрантов. Эти люди знают наилучший способ проникновения в Европу, районы, через которые проще всего попасть в страны с наиболее либеральным законодательством. Многие пользуются услугами этих групп, позволяя мафии наживаться на нищете и надеждах иммигрантов. Эту проблему стараются игнорировать в странах происхождения мигрантов, продолжая в одностороннем порядке обвинять развитые страны и снимая с себя какую-либо ответственность, что только усугубляет конфликт с обеих сторон. Например, в 2006 г., когда отмечался массовый приезд африканских мигрантов на Канарские острова, министерство внутренних дел Сенегала заявляло, что наплыв мигрантов провоцируется законодательством Испании об иностранных гражданах, согласно которому нелегальные иммигранты после нахождения в течение 40 дней под стражей должны быть выпущены на свободу, если их не депортируют обратно в страну происхождения [2, с. 106]. Либеральность испанского закона об иностранцах, отсутствие общей политики по миграционным вопросам и немногочисленные соглашения со странами-эмитентами о реадмиссии делают Испанию страной, легкой для проникновения.

На рост потока иммигрантов влияют факторы спроса и предложения на рабочую силу в странах происхождения и пребывания. В странах-эмитентах экономика обычно находится в состоянии спада, и перспективы для достойного заработка практически отсутствуют. Эти страны характеризуются значительным неравенством между слоями населения и отсутствием социальной мобильности. С другой стороны, в принимающих странах существуют широкие возможности по привлечению рабочей силы, значительная часть которой используется в теневой экономике, что и привлекает иммигрантов. Экономический разрыв между странами происхождения и принимающими странами должен быть значительным, чтобы создать поток мигрантов. Существуют исследования, в которых определяется, до какой степени должны различаться две экономики, чтобы создать необходимые условия для такого явления, как миграция. Также одним из основных параметров, влияющих на миграцию, являются темпы экономического роста. Увеличение темпов роста на 1% вызывает увеличение объема миграции на 8% [2, с. 104].

Все вышеуказанные факторы определили роль Испании как принимающей страны, начиная с периода экономического роста 1990-х годов и вплоть до начала кризиса 2007 г., последствия которого проявляются, хотя и в меньшей степени, и в настоящее время.

Обычно между соседними странами наблюдаются умеренные различия уровня экономического развития. Гибралтарский пролив, однако, представляет собой исключение из этого правила, поскольку экономический разрыв между Испанией и Марокко значительно выше среднего. Это является главной причиной роста миграционного потока, что наряду со всеми другими факторами определяет выбор Испании как принимающей страны и формирует сегодняшнюю миграционную обстановку этого региона.

Начиная с 2000 г. иммиграционный поток в Испанию резко увеличился, и если в 1994 г. общее число иностранцев составляло 0,5% (187 тыс. чел.) [6], то к 2017 г. их относительная доля выросла до 9,7% (около 4,55 млн чел.). Среди иммигрантов преобладают выходцы из стран Африки и Латинской Америки. За последние 15 лет характер иммиграционных потоков изменился: если на 2002 г. число иммигрантов из стран Латинской Америки превосходило в 2 раза число иммигрантов из Африки, то в 2013 г. их количество сравнялось, а по данным на 2017 г. число африканских иммигрантов примерно в 1,3 раза превышает число латиноамериканских иммигрантов [6].

Наиболее многочисленным является миграционный поток из Марокко, включающий не только марокканцев, но и выходцев из Алжира и стран АЮС, превращающий Испанию в один из эпицентров распространения миграции. Несмотря на зачастую нелегальный характер пребывания иммигрантов в Испании, данные об их количестве можно проанализировать на основе двух официальных показателей. Первый из них - данные муниципального реестра. Для регистрации в ре-

естре не требуется подтверждения легальности пребывания на территории Испании, а достаточно только предоставления договора аренды и квитанции об оплате электроэнергии или воды, поэтому это один из немногих статистических показателей, который отображает реальные данные о пребывании иммигрантов в стране. Следующий показатель - разрешение на пребывание или вид на жительство, выдаваемый правительством, позволяет получить сведения о реальном числе иммигрантов, обосновавшихся в стране легально.

	Число иммигрантов из Африки	**Число иммигрантов из Южной Америки**
2002	364 732	603 294
2003	458 708	866 524
2004	542 089	1 061 569
2005	642 147	1 178 933
2006	739 425	1 277 451
2007	817 882	1 399 088
2008	917 729	1 525 069
2009	1 012 705	1 563 305
2010	1 057 690	1 498 952
2011	1 069 599	1 370 141
2012	1 059 719	1 252 135
2013	1 039 150	1 126 643
2014	977 788	900 226
2015	939 263	763 635
2016	929 258	723 157
2017	914 409	716 285

Табл. 1. Динамика иммиграции в Испанию из стран Африки и Латинской Америки (2002-2017 гг.)
Table 1. Immigration trends to Spain from Africa and Latin America (2002-2017)

Источник: составлено автором научной статьи по данным национального института статистики Испании.
Source: compiled by the author of the scientific paper based on the data provided by the National Statistics Institute of Spain.

По данным реестра на 1 января 2017 г., общее число иммигрантов из Африки в Испанию составляет 1 037 138 человек, из них 72,11% - иммигранты из Марокко (747 872), 6,13% - из Сенегала, 5,81% - из Алжира, 3,83% - из Нигерии, 2,23% - из Мали и 1,84% - из Гамбии [6]. Данные показывают значительное (до 10 раз и выше) превышение марокканского контингента над другими мультиэтническими группами.

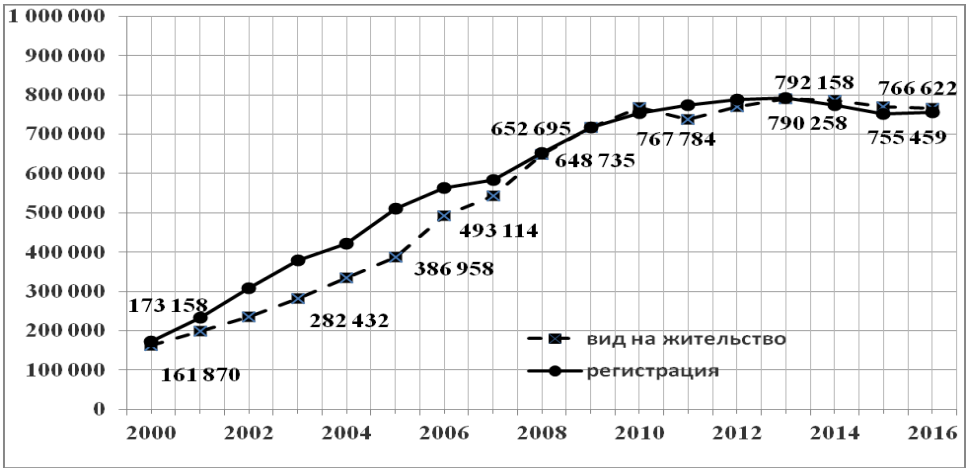

Рис. 1. Иммиграция из Марокко (2002-2017 гг.)
Fig. 1. Immigration from Morocco (2002-2017)

Источник: составлено автором научной статьи по данным национального института статистики Испании и министерства занятости и социального обеспечения Испании.
Source: compiled by the author of the scientific paper based on the data provided by the National Statistics Institute and the Ministry of Employment and Social Security of Spain.

Анализируя данные муниципальных реестров жителей (рис. 1), можно выделить следующие черты марокканской иммиграции [6]:

- неуклонный рост иммиграции до 2013 г. (увеличение числа иммигрантов в 4,6 раза в 2013 г. по сравнению с 2000 г.);
- постепенное замедление темпов роста (в 2008-2009 гг. ежегодно регистрировалось по 70 и 65 тыс. прибывших, в то время как в 2010 г. это число уменьшилось вдвое и составляло 36 тыс. человек и продолжало уменьшаться в последующие годы;
- в период 2013-2014 гг. отмечается отрицательный прирост, вызванный кризисом;
- начиная с 2015 г. в связи с улучшением экономической ситуации в Испании отмечается незначительный рост иммиграции.

В структуре иммиграции из стран Африки в Испанию следует выделить группу стран АЮС. При анализе данных муниципального реестра об иммиграции из стран АЮС (рис. 2) можно отметить схожие с марокканскими тенденции: рост (с 2000 по 2012 гг. число иммигрантов выросло примерно в 5,7 раз с 43 тыс. до 245 тыс.), спад после 2012 г. и незначительный рост, начиная с 2015 г. [6]. Следует отметить наряду с более высокими темпами роста до 2012 г. и более раннее (на 1 год) начало спада иммиграции по сравнению с марокканской, что можно объяснить большей уязвимостью выходцев из АЮС в плане трудоустройства.

Сравнивая данные числа зарегистрировавшихся и легализовавшихся иммигрантов, можно сделать вывод, что выходцы из Марокко в большинстве своем стремятся получить официальный статус, и начиная с 2009 г. расхождение между этими показателями минимальное. В то время как для выходцев из стран АЮС это расхождение достигало 25% в 2009-2010 гг. и сократилось до 12% лишь в последние годы [7].

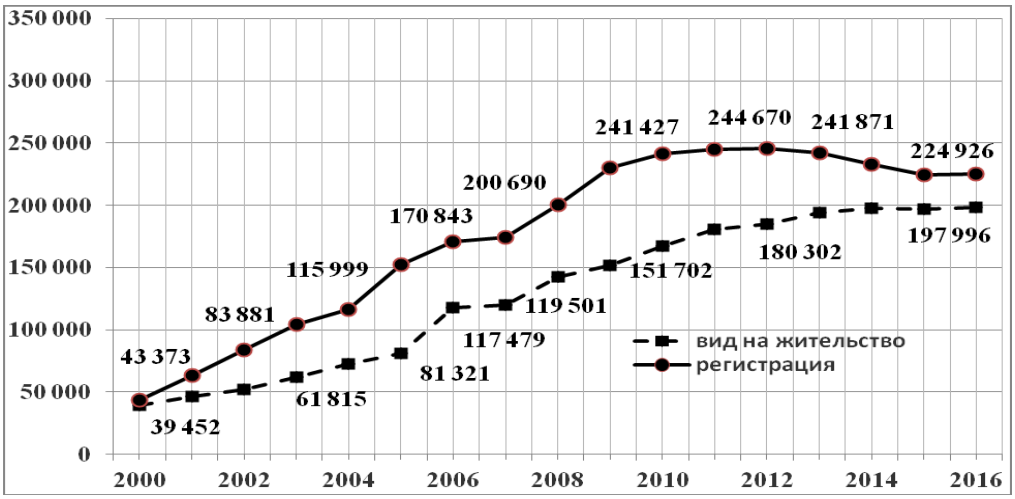

Рис. 2. Иммиграция из стран АЮС (2002-2017 гг.)
Fig. 2. Immigration from sub-Saharan Africa (2002-2017)

Источник: составлено автором научной статьи по данным национального института статистики Испании и министерства занятости и социального обеспечения Испании.
Source: compiled by the author of the scientific paper based on the data provided by the National Statistics Institute and the Ministry of Employment and Social Security of Spain.

Это объясняется тем, что для получения вида на жительство необходимо предоставить официальный контракт на работу, тогда как многие иммигранты из стран АЮС работают нелегально. Беженцам же, движимым на север из-за конфликтов в Мали, Судане, Южном Судане, Камеруне, Нигерии, Чаде и Центрально-Африканской республике сложно предоставить необходимые документы для подтверждения своего статуса.

Также можно отметить, что число иммигрантов с видом на жительство увеличивалось во время кризиса и одновременно с этим отмечалось снижение количества зарегистрированных жителей. Это могло быть прямым следствием уменьшения потока нелегальных мигрантов, наблюдавшееся в 2013-2014 гг., хотя начиная с 2015 г. и улучшения экономического положения Испании снова отмечается рост нелегального въезда в страну.

Анализ численности иммигрантов из Марокко по возрастам на 2017 г. (табл. 2) показывает, что около 54% из них приходится на возрастную группу 20-49 лет, то есть на трудоспособное население, что подтверждает экономические причины иммиграции. Следует отметить, что в 2002 г. на эту группу приходилось 68%, основное сокращение произошло за счет молодежи 20-29 лет, но при этом выросла доля группы 40-49 лет, представители которой имеют, как правило, более высокую квалификацию и уровень занятости [6].

	Марокко		**АЮС**	
Возрастные группы	**2002**	**2017**	**2002**	**2017**
0 - 9	12,21%	21,77%	10,29%	14,74%
10 - 19	14,01%	12,49%	8,67%	9,84%
20 - 29	29,95%	13,86%	34,14%	16,14%
30 - 39	26,54%	22,83%	30,74%	28,03%
40 - 49	11,94%	17,51%	12,19%	21,39%
50 - 59	3,23%	7,68%	2,52%	7,01%
60+	2,12%	3,85%	1,46%	2,84%

Табл. 2. Возрастная структура иммиграции из Марокко и АЮС (2002-2017 гг.)
Table 2. Age structure of immigration from Morocco and sub-Saharan Africa (2002-2017)

Источник: составлено автором научной статьи по данным национального института статистики Испании.
Source: compiled by the author of the scientific paper based on the data provided by the National Statistics Institute of Spain.

Анализ изменений структуры иммиграции по возрастным группам по сравнению с 2002 г. (табл. 2) также показал существенный рост на 9,5% доли несовершеннолетних от 0 до 9 лет, что напрямую связано с увеличением числа женщин-иммигрантов и семейных групп.

Наибольшие изменения в период 2002-2017 гг. произошли в возрастной группе от 20 до 29 лет, в которой отмечается снижение на 16% [6]. Это явление можно объяснить естественным переходом с течением времени части лиц в более старшую возрастную группу, а также снижением притока новых иммигрантов из-за экономического кризиса в Испании, в ходе которого уровень безработицы доходил до 25% и был особенно велик как раз для указанной возрастной группы, достигая 50% [8]. По данным ассоциации ITRAN (Asociación de Amigos del Pueblo Marroquí) безработица для марокканцев составляла в 2013 г. 60% [9]. Однако на падение доли молодежи оказал влияние и другой фактор. Традиционно родители поощряли своих детей иммигрировать, потому что закон Испании не допускал возвращения несовершеннолетних, перемещающихся по территории страны без сопровождения взрослых.

Несовершеннолетние оставались на территории Испании и по достижении ими 18 лет получали вид на жительство, что позволяло впоследствии их родителям запрашивать разрешение на воссоединение семей. Особенно активно несовершенством закона пользовались молодые люди 16-17 лет, а также более старшие, выдававшие себя за несовершеннолетних [2, с. 101].

В 2006 г. между Испанией и Марокко было подписано соглашение о репатриации детей, что вызвало сокращение иммиграции несовершеннолетних 15-19 лет в 1,5 раза к 2011 г. и поддержание их доли на уровне 5-5,5% в последующий период [6], тогда как иммиграция детей 10-14 лет выросла за это же время, достигнув 7% в 2017 г. (рис. 3). Этим объясняется незначительное изменение совокупной доли группы 10-19 лет и значительное изменение доли группы 20-29 лет в возрастной структуре иммиграции.

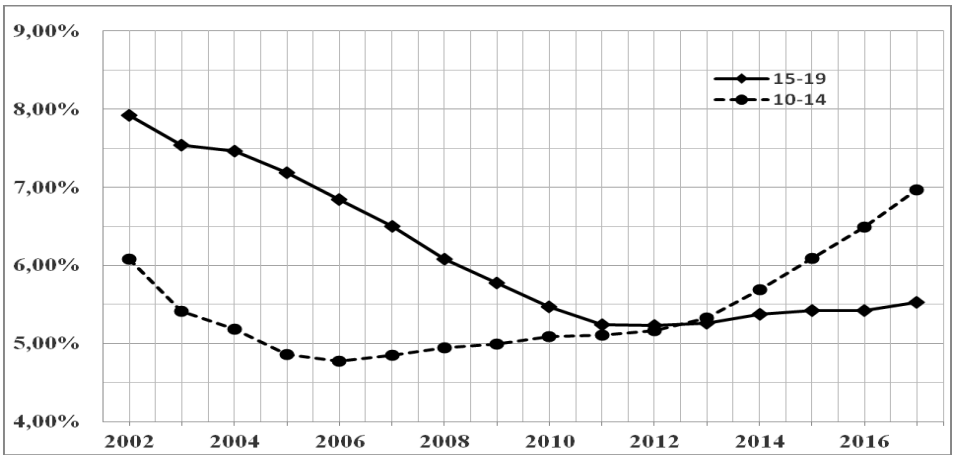

Рис. 3. Сведения о регистрации иммигрантов из Марокко в Испании по возрастным группам 10-14 и 15-19 лет (2002-2017 гг.)

Fig. 3. Registration of immigrants from Morocco in Spain by age groups 10-14 and 15-19 years (2002-2017)

Источник: составлено автором научной статьи по данным национального института статистики Испании.

Source: compiled by the author of the scientific paper based on the data provided by the National Statistics Institute of Spain.

В целом изменение возрастной структуры иммиграции показывает снижение доли молодежи, с одной стороны, и рост группы лиц более старшего возраста (от 40 лет) - с другой, наряду с увеличением числа детей-иммигрантов. В докризисный период 2002 г. доля молодежи от 15 до 29 лет составляла примерно 40%, что в известной мере способствовало омоложению испанской нации, к 2017 г. их доля сокращается вдвое.

Анализ возрастной структуры иммиграции из стран АЮС на 2017 г. показывает, что 28% из них приходится на возрастную группу 30-39 лет, и эта цифра остается практически неизменной по сравнению с данными 2002 г. Около половины иммигрантов относятся к группе 30-49 лет, то есть в структуре иммигрантов из стран АЮС, в отличие от Марокко, преобладает группа лиц более старшего возраста (табл. 2).

Рост числа детей в возрасте 0-9 лет также не был таким значительным, как для Марокко, и не превысил 5%, что можно объяснить как сложностью маршрута миграции из стран АЮС для семей с детьми, так и требованиями финансового обеспечения для воссоединения семей. Так же, как и в случае Марокко, резко (в 2 раза) снизилась доля молодежи 20-29 лет, что обусловливалось аналогичными причинами.

Главная проблема иммигрантской молодежи из Африки связана с низким уровнем образования (около 45% имеют только начальное образование, тогда как для выходцев из Латинской Америки этот показатель составляет 21% [10]), не позволяющим им занимать рабочие места, требующие квалификации и обеспечивающие достаточный уровень дохода.

Африканская миграция в значительной степени продолжает быть трудовой (46%), однако в период кризиса выросла доля мигрантов, целью которых является воссоединение с семьей (31% на 2015 г.) [11, с. 124]. Хотя в целом в возрастной структуре иммиграции намечается тенденция на старение, все еще велика доля молодежи.

Одним из наиболее интересных явлений миграционного процесса является его прогрессирующая феминизация. Доля женщин-иммигрантов из таких стран, как Кабо-Верде, Экваториальная Гвинея и Кения, превышает долю мужчин-иммигрантов, причем наиболее характерной является Кения, женщины-иммигранты которой составляют 77% [6]. Рост феминизации проявляется в значительной степени для иммиграции из Марокко, достигая к 2017 г. 43,5%, тогда как иммиграция женщин из стран АЮС держится примерно на одном и том же уровне, около 30% [6]. Еще одной чертой женской иммиграции является двойная дискриминация в принимающей стране: в качестве женщины и иммигранта. Этническая принадлежность, особенно женщин АЮС, также играет существенную роль - их зарплата и условия труда обычно уступают остальным женщинам-иммигрантам.

Существуют два основных варианта иммиграции: в первом из них мужчины приезжают в

одиночку и поддерживают свои семьи, находящиеся на родине, и классический вариант, в котором мужчина прибывает в страну назначения, а со временем женщина присоединяется к партнеру с целью посвятить себя заботе о семье, не претендуя на рабочие места.

И хотя роль женщин-иммигрантов постепенно диверсифицируется, они начинают иммигрировать по своим собственным причинам и занимают рабочие места в сельскохозяйственном секторе и сфере обслуживания, сегодня иммигранты-мужчины по-прежнему доминируют на рынке труда.

Еще одним из наиболее распространенных заблуждений является то, что большинство иммигрантов прибывают в Испанию нелегально, переплывая пролив тайно на лодках. Существуют и другие способы как законного, так и незаконного въезда, который следует отличать от нелегального пребывания в стране. Мигранты с достаточными финансовыми средствами получают туристические визы или вид на жительство посредством (реального или фиктивного) брака, заключают трудовые договоры, путешествуют с поддельными документами или используют транзитные авиаперевозки, на которых отсутствует проверка документов. Некоторые пытаются преодолевать заграждения вокруг испанских анклавов Сеута и Мелилья в северном Марокко или проникнуть в них с моря. Часть мигрантов использует пассажирские или грузовые суда, плывущие из Северной и Западной Африки в Европу, проникая на них тайно, подкупая членов экипажа или водителей автомобилей, фургонов или грузовиков, в которых они часто прячутся [3, с. 23].

Однако данные национального опроса иммигрантов за 2007 г. [12] показывают, что наиболее распространенным методом въезда являются авиаперевозки: 9% для Марокко и 69% для остальной части Африки (табл. 3). Территориальная близость Марокко обусловливает преимущественное использование морских судов (67%) для въезда в страну. То есть большинство иммигрантов обычно въезжают в Испанию легально с туристической визой, оставаясь затем в стране нелегально. Использование лодок и мелких судов составляют около 1% в целом (6,7% для Марокко), но именно эти случаи пересечения границы наряду с проникновением через заграждения Сеуты и Мелильи (около 1%) являются наиболее драматичными и зачастую трагичными, что привлекает особое внимание СМИ.

Тип въезда	**Всего**	**Марокко**	**Остальные страны Африки**
Автомобиль	10,1%	7,0%	0,7%
Автобус	15,1%	9,0%	1,4%
Самолет	**62,7%**	9,2%	**69,3%**
Морское судно	9,2%	**66,7%**	19,6%
Поезд	1,4%	0,0%	1,3%
Лодка, плот	1,0%	6,6%	5,3%
Пешком	0,2%	1,0%	1,4%
Другое	0,3%	0,5%	1,0%

Табл. 3. Распределение иностранцев по типам въезда (2007)
Table 3. Foreigners according to the mode of entry (2007)

Источник: отчет национального опроса иммигрантов (2007).
Source: National Immigrants Survey Report (2007).

Отсутствие легальных вариантов и существующие трудности доступа мигрантов в пограничные страны для запроса убежища делают преодоление ограждений и стен анклавов, а также услуги контрабандистов единственными возможностями проникновения.

По данным жандармерии Марокко в 2014 г. пересечь границу в Сеуте и Мелилье пытались 18 тыс. мигрантов из стран АЮС, зафиксировано 90 групповых попыток попасть на территорию ЕС. Для снижения проникновения через Сеуту и Мелилью между Марокко и Испанией заключен договор о возвращении мигрантов, усилена пограничная служба Марокко по защите ограждений на границе анклавов и произведен демонтаж лагерей нелегальных мигрантов [13].

В 2015 г. в Испанию из Северной Африки по морю прибыли 3 593 человека, 1 492 - из Сеуты и 7 956 - из Мелильи (всего 13 039). Это в 2 раза больше, чем в 2014 г. [14].

Хотя ранее преимущественно марокканцы использовали лодки и мелкие суда для проникновения в Испанию, с 2000 г. к ним добавился поток иммигрантов из стран АЮС: Нигерии, Каме-

руна, Сьерра-Леоне, Конго, Гвинеи и Ганы. Это объясняется отсутствием двусторонних соглашений о высылке нелегальных иммигрантов с этими странами. Только в 2001 г. Испания подписала соглашение с Нигерией о репатриации иммигрантов, но продолжает существовать множество стран, с которыми подобное соглашение не подписано. Тем не менее по данным 2007 г. после значительного роста числа иммигрантов, прибывающих на лодках в Испанию, этот вариант въезда оказался лишь на 5-м месте для марокканцев и на 3-м - для иммигрантов из стран АЮС (5,3%).

По данным властей Марокко, в 2014 г. было предотвращено проникновение на территорию Испании по морю 12 267 иммигрантов, 41% которых были из Сенегала, 33% - Мали, 12% - Гвинеи, 9% - Кот-д'Ивуар (до 1985 г. страна называлась: Берег Слоновой Кости) [14].

Испания активизировала прибрежные патрули, установила систему морского наблюдения вдоль своей южной границы и усилила пограничный контроль в основных портах, что является серьезным сдерживающим фактором для потенциальных мигрантов, использующих для перевозки грузовые суда и контейнеры на паромах, направляющихся в Альмерию и Альхесирас - традиционный пункты незаконного въезда. Рост безработицы в Испании и, следовательно, уменьшение возможностей для трудоустройства также снизили поток мигрантов в этом направлении.

Можно утверждать, что большинство нелегальных мигрантов прибывает в Испанию с соответствующими визами, но по истечении их срока действия остается в стране нелегально, пытаясь впоследствии получить контракт на работу, легализоваться по оседлости, а потом ввезти в страну свою семью, воспользовавшись законом о воссоединении семей. Другими словами, визовая система не в состоянии контролировать нелегальные иммиграционные потоки в одиночку, так как более 90% иммигрантов получили разрешение на въезд.

Иммиграция в настоящее время является одной из самых острых тем, поскольку связана с проблемой обеспечения безопасности и из-за той драматической окраски, которую она приобрела в последние десятилетия.

Рост миграционных потоков стал одной из важнейших проблем не только Испании, но ЕС в целом, попытки решения которой принимаются в рамках европейской стратегии безопасности. Двусторонние отношения со странами-эмитентами развиваются и требуют более активного участия ЕС в решении проблемы миграции. Расширяется международное сотрудничество, и одновременно с этим границы защищаются как физически, с помощью возведения стен, так и в правовой форме, путем внесения поправок в законы.

Так, в феврале 1992 г. было подписано Соглашение между Королевством Испания и Королевством Марокко о перемещении лиц, транзите и реадмиссии незаконно прибывших иностранцев, дополненное в 2006 г. Соглашением о репатриации детей с указанием особенностей этого вида иммиграции. Все это еще раз отразило интерес Испании к улучшению контроля над въездом в страну и необходимости сокращения нелегальной миграции.

ЕС также заключил двусторонние соглашения с некоторыми странами на южном побережье Средиземного моря, в том числе с Марокко. Особенно важным является предоставление королевству Марокко 13 октября 2008 г. на седьмой сессии Совета ассоциации Марокко - Евросоюз статуса продвинутого членства с ЕС [15], который способствует диалогу между обеими сторонами, содействуя поиску общих интересов для достижения соглашений в сфере безопасности, политики и экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. González del Miño P. La emigración marroquí en España. El mediterráneo como núcleo de migraciones. Migraciones y desarrollo: II Jornadas Iberoamericanas de Estudios Internacionales, Montevideo, 25, 26 y 27 de octubre de 2006 / coord. por Francisco Aldecoa Luzárraga, José Manuel Sobrino Heredia, 2007. - Pp. 103-126.
2. Montesinos M.S. Evolución de las migraciones entre Marruecos y España (1999-2014): la gestión migratoria en Ceuta ante la encrucijada de intereses UE-Marruecos. - Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 2015. - 432 p.
3. Hein de Haas. The Myth of Invasion: Irregular migration from West Africa to the Maghreb and the European Union. IMI Research Report. - Oxford, International Migration Institute, University of Oxford, 2007. - 83 p.
4. Informe sobre Desarrollo Humano 2016. UNDP, 2016. - 40 p.
5. Parsons C., Smeeding T. Immigration and the transformation of Europe. - Hampshire, Ashgate Publishing, 2007. - Pp. 11-17.

6. Instituto Nacional de Estadística. Available at: http://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254734710984 (accessed 15.12.2017).
7. Extranjeros con certificado de registro o tarjeta de residencia en vigor. Ministerio de Empleo y Seguridad Social. Available at: http://extranjeros.empleo.gob.es/es/estadisticas/operaciones/con-certificado/Antes_2008/Extranjeros31Diciembre2003/index.html (accessed 15.12.2017).
8. Desemleo en España. Expansión. Available at: https://www.datosmacro.com/paro/espana (accessed 15.12.2017).
9. Susi Alami. El paro entre los marroquíes en España roza el 60%. Available at: http://www.marruecosdigital.net/el-paro-entre-los-marroquies-en-espana-roza-el-60/ (accessed 15.12.2017).
10. Понеделко Г. Иммиграция в Испании // Мировая экономика и международные отношения. - 2015. - № 9. - С. 80-92
11. Arango J., Mahía R., Moya D. y Sánchez-Montijano E. El año de los refugiados. ANUARIO DE LA INMIGRACIÓN nueva época CIDOB. 2015-2016. 324 p.
12. Informe Encuesta Nacional de Inmigrantes (ENI-2007). Available at: http://www.empleo.gob.es/oberaxe/ficheros/documentos/Informe_ENI_2007.pdf (accessed 15.12.2017).
13. Tisera F. España y Marruecos son los polémicos ejemplos de Frontex para detener el flujo de inmigrantes// Bez. 2016, 03 de febrero. Available at: http://www.bez.es/999883361/espana-marruecos-inmigracion-subsahariana-frontex.html (accessed 15.12.2017).
14. Tisera F. España recibió 13.000 solicitantes de asilo en 2015, más del doble que en 2014 // Bez. 2016, 14 de enero. Available at: http://www.bez.es/95724908/Trece-mil-solicitantes-de-asilo-llegaron-en-2015.html (accessed 15.12.2017).
15. Конкин К.С. Марокко и Евросоюз: новый уровень взаимоотношений // Вестник РУДН, серия: Международные отношения. - 2011. - № 1. - С. 20-31.

REFERENCES

1. González del Miño P. La emigración marroquí en España. El mediterráneo como núcleo de migraciones. Migraciones y desarrollo: II Jornadas Iberoamericanas de Estudios Internacionales, Montevideo, 25, 26 y 27 de octubre de 2006 / coord. por Francisco Aldecoa Luzárraga, José Manuel Sobrino Heredia. 2007. Pp. 103-126.
2. Montesinos M.S. Evolución de las migraciones entre Marruecos y España (1999-2014): la gestión migratoria en Ceuta ante la encrucijada de intereses UE-Marruecos. Madrid. Universidad Complutense de Madrid. 2015. 432 p.
3. Hein de Haas. The Myth of Invasion: Irregular migration from West Africa to the Maghreb and the European Union. IMI Research Report. Oxford, International Migration Institute, University of Oxford. 2007. 83 p.
4. Informe sobre Desarrollo Humano 2016. UNDP. 2016. 40 p.
5. Parsons C., Smeeding T. Immigration and the transformation of Europe. Hampshire, Ashgate Publishing. 2007. Pp.11-17.
6. Instituto Nacional de Estadística. Available at: http://www.ine.es/dyngs/INEbase/es/categoria.htm?c=Estadistica_P&cid=1254734710984 (accessed 15.12.2017).
7. Extranjeros con certificado de registro o tarjeta de residencia en vigor // Ministerio de Empleo y Seguridad Social. Available at: http://extranjeros.empleo.gob.es/es/estadisticas/operaciones/con-certificado/Antes_2008/Extranjeros31Diciembre2003/index.html (accessed 15.12.2017).
8. Desemleo en España. Expansión. Available at: https://www.datosmacro.com/paro/espana (accessed 15.12.2017).
9. Susi Alami. El paro entre los marroquíes en España roza el 60% Available at: http://www.marruecosdigital.net/el-paro-entre-los-marroquies-en-espana-roza-el-60/ (accessed 15.12.2017).
10. Ponedelko G. Immigratsiya v Ispanii [Immigration In Spain]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2015. № 9. Pp. 80-92. (in Russian)
11. Arango J., Mahía R., Moya D. y Sánchez-Montijano E. El año de los refugiados. ANUARIO DE LA INMIGRACIÓN nueva época CIDOB 2015-2016. 324 p.

12. Informe Encuesta Nacional de Inmigrantes (ENI - 2007) Available at: http://www.empleo.gob.es/oberaxe/ficheros/documentos/Informe_ENI_2007.pdf (accessed 15.12.2017).
13. Tisera F. España y Marruecos son los polémicos ejemplos de Frontex para detener el flujo de inmigrantes. Bez. 2016. 03 de febrero. Available at: http://www.bez.es/999883361/espana-marruecos-inmigracion-subsahariana-frontex.html
14. Tisera F. España recibió 13.000 solicitantes de asilo en 2015, más del doble que en 2014. Bez. 2016. 14 de enero. Available at: http://www.bez.es/95724908/Trece-mil-solicitantes-de-asilo-llegaron-en-2015.html (accessed 15.12.2017).
15. Konkin K.S. Marokko i Evrosoyuz: novyy uroven' vzaimootnosheniy [Morocco and European Union: new level of the relationship]. Vestnik RUDN, seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. № 1. Pp. 20-31. (in Russian)

Информация об авторе:

Алексеев Дмитрий Владиславович, аспирант, кафедра арабистики и африканистики, Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

Получена: 08.12.2017

Для цитирования: Алексеев Д.В. Феномен африканской миграции в Испанию: структура, динамика и тенденции. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.59-69.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-59-69.

Information about the author:

Dmitry V. Alekseev, Postgraduate Student, Department of Arabic and African Studies, RUDN University,
Moscow, Russia
dmitry-vl-alekseev@yandex.ru

Received: 08.12.2017

For citation: Alekseev D.V. Phenomenon of african migration to Spain: structure, dynamics and trends. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 59-69.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-59-69. (in Russian)

УДК 9.94 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-70-76

ГРЕЧИШКО Дмитрий Николаевич
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
me_eum_esse@mail.ru

ПИСЬМЕННАЯ Татьяна Геннадьевна
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
pismennayat@mail.ru

РЯБИКОВ Александр Николаевич
Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани
г. Славянск-на-Кубани, Россия
riybicov@mail.ru

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ КУБАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА)

Актуальность исследования социального контроля в России во второй половине XIX - начале XX в. объясняется устойчивым интересом к проблеме со стороны не только представителей научных кругов, но и практиков и политиков. Изучение социального контроля в историческом прошлом может способствовать объективному восприятию данной проблемы в современном обществе. К тому же в историографии данная проблематика практически не изучена. Многие аспекты развития социального контроля в России в историческом плане остаются малоисследованными. К их числу относится вопрос о влиянии не только социально-политических, но и исторических факторов на формы и методы, механизмы реализации социального контроля. В статье социальный контроль рассматривается в контексте девиантности и модернизационной трансформации дореволюционного российского общества. Причем данная проблематика анализируется на региональной почве. На основе осуществленного теоретического и источникового анализа раскрываются особенности реализации социального контроля в пореформенном казачьем социуме. Рассматривается влияние модернизации на механизм социального контроля, который усложнялся и одновременно становился более гибким, отвечающим запросам социального прогресса. В статье также раскрываются особенности трансформации нормативного поведения кубанского казачества, его системы ценностей, что было обусловлено разрушением традиционного уклада жизни в пореформенный период. Делается вывод, что развитие капиталистических отношений на Кубани, изменение традиционных ценностей казачества вызвали рост уголовных преступлений. Показана особая роль в повседневной жизни кубанского казачества норм обычного права, которое выступало зачастую единственным регулятором поведения. Оно регламентировало общинный быт казачества, семейные отношения, образ жизни.

Ключевые слова: социальный контроль, модернизация, традиционный уклад, социотипическое поведение, кубанское казачество, Кубань

Dmitriy N. GRECHISHKO
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
me_eum_esse@mail.ru

Tatiana G. PISMENNAYA
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
pismennayat@mail.ru

Alexander N. RYABIKOV
Kuban State University
(Branch in Slavyansk-on-Kuban)
Slavyansk-on-Kuban, Russia
riybicov@mail.ru

TO THE QUESTION OF SOCIAL CONTROL IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE CUBAN COSSACKS)

The relevance of the study of social control in Russia in the second half of the 19th - the beginning of the 20th century is due to the steady interest in the problem on the part not only of representatives of the scientific community, but also of practitioners and politicians. The study of social control in the historical past can contribute to an objective perception of this problem in modern society. Moreover, in historiography, this problematic has not been practically studied. Many aspects of the development of social control in Russia in the historical plan remain poorly researched. Among them is the question of the influence not only of socio-political but also historical factors on forms and methods, mechanisms for implementing social control. In the article, social control is considered in the context of deviance and modernization transformation of pre-revolutionary Russian society. And this problematic is analyzed on a regional basis. On the basis of the theoretical and source analysis, the specifics of the implementation of social control in the post-reform Cossack society are revealed. The influence of modernization on the mechanism of social control is being considered, which has become more complex and, at the same time, more flexible, responding to the demands of social progress. The article also reveals the features of the transformation of the normative behavior of the Kuban Cossacks, its value system, which was due to the destruction of the traditional way of life in the post-reform period. It is concluded that the development of capitalist relations in the Kuban, a change in the traditional values of the Cossacks, led to the growth of criminal offenses. A special role is played in the daily life of the Kuban Cossacks in the norms of customary law, which often acted as the only regulator of behavior. It regulated the communal life of the Cossacks, family relations, and way of life.

Keywords: social control, modernization, traditional way of life, sociotypic behavior, Kuban Cossacks, Kuban

Институты социального контроля отвечают за интеграцию индивидуума в социум. И каким бы многообразием не отличались варианты реакции на ненормативное поведение, на сегодняшний день главной целью всех форм контроля по-прежнему является подчинение человека обществу. Проблема социального контроля становится наиболее актуальной в кризисные ды - когда общество охватывают проблемы социально-экономического и политического характера.

Сегодня в России наблюдается целый ряд негативных социальных явлений, усугубляемых экономическим кризисом. Социологи отмечают неустойчивость нормативного (социотипического) поведения россиян, что обусловливает потребность проведения анализа специфики социального контроля в России в исторической ретроспективе. Наш исследовательский интерес обращен к социальной повседневности пореформенной России (вторая половина XIX и начало XX в.), поскольку в данный период происходили аналогичные современности трансформации социально-политического характера: стремление к быстрому «социальному продвижению», отставание реального материального благополучия от ускоренного роста потребностей и т.д.

В настоящей статье автор ставит цель проанализировать проблему социального контроля в России, на материалах Кубанской области во второй половине XIX - начале XX в.

Изучению проблемы социального контроля и девиантности посвящен определенный пласт социологической литературы, среди которой следует выделить труды Т.В. Шипуновой, О.А. Лиходей, Н. Бойко, Е.М. Кузнецовой, И.В. Зизиашвили и др. [16; 10; 2; 8; 6; 11]. Следует отметить многомерность понятия «социальный контроль» и широту его определений.

Отдельные аспекты заявленной проблемы нашли отражение в труде Д.Н. Гречишко [5], в котором автор анализирует проблему социотипического поведения кубанского казачества.

Во второй половине XIX в. под влиянием проводимой государством масштабной модернизации изменялась вся система государственного и общественного устройства. Российское самодержавие стало проводником экономического, культурного и социального прогресса [13, с. 734].

Аналогичные процессы протекали в Кубанской области, образование которой единовременно с созданием Кубанского казачьего войска в 1860 г. стало отправной точкой трансформации, затронувшей кубанское казачество. В регионе происходило ускоренное экономическое развитие, наблюдался рост благосостояния граждан, социальный прогресс, изменения демографической ситуации и т.п.

Однако любой прогресс дается определенной ценой. Поскольку «Великие реформы» во многом опережали уровень социально-политического развития России [13, т. 2. с. 736], возникло множество социальных противоречий, приведших в начале XX в. к общественной фрустрации. Социальное неравенство, разница в доходах населения страны создавали ощущение депривации, порождали недовольство имеющимся уровнем жизни и в итоге формировали конфликтогенность общества.

Социально-политическая эволюция российского общества в пореформенный период поставила на повестку дня проблему подавления конфликтов и создания дисциплинарного общества, осуществление чего возможно через формальные (институты, политика, чиновники) и неформальные (гражданские ценности, чувство общности, нормы поведения) институты социального контроля.

В российском традиционном обществе можно выделить три основных института социального контроля - семья, религия и государство, которые обеспечивали конформное поведение индивидов в пределах существующих общественных институтов [16, с. 180].

В сфере особого внимания российских властей находились те социальные слои, которые мыслились как опора существующего режима. Безусловно, к таковым относилось кубанское казачество.

Кубанское казачество во второй половине XIX в. постепенно обретало завершенный вид в общественном отношении, инкорпорируясь в государственность Российской империи. Завершение формирования территориальных пределов Российского государства и установление его юрисдикции на Северный Кавказ побуждало власти пересмотреть систему управления казачьими областями Северного Кавказа в целях «устройства гражданского быта населения».

Важнейшей составляющей политики правительства по реорганизации и развитию казачьей общности являлась попытка изменить казачьи юридические обычаи и соответствующие им формы социального контроля. Первоначальный военизированный быт кубанского казачества обусловливал репрессивный характер социального контроля (смертная казнь, членовредительство), который осуществлялся казачьим же обществом. Общество постоянно и активно реагировало на отклонения от стандартов: пьянство, прелюбодеяние, трусость, воровство, убийство и т.п. Система наказаний за провинности включала: сечение нагайками, разрывание лошадьми, штраф «напоем», отсидку в воде, посадку в колодку и др. По мере развития казачьего сообщества наказания не-

сколько смягчались, но и во второй половине XIX в. к нарушителям применялись жесткие или даже позорящие их меры: высылка, публичная порка, самосуды [3, с. 32]. Наказание для казаков было также необходимым средством при воспитании. Детям с детства внушали, что наказание неотвратно и не обсуждаемо. Собственно, семья является первейшим и естественным институтом социального контроля [8, с. 57].

Развивать правовую культуру казачества и новые формы социального контроля российские власти намеревались через судебную реформу, которая планомерно претворялась в жизнь в 1860-1870-х годах. В соответствии с Положением «Об общественном управлении в казачьих войсках» 1870 г., казачьим станичным обществам предоставлялось полное самоуправление по делам распорядительным, хозяйственным и судебным. В области учреждался окружной суд, а для удобства осуществления судебной деятельности вся область была разделена на судебно-мировые участки. Для рассмотрения споров между жителями станицы был учрежден станичный суд, состоявший из трех судей, избираемых станичным сходом. Судебные преобразования получили свое продолжение в 1891 г., когда вышло новое положение «Об общественном управлении станиц казачьих войск», изменившим систему судопроизводства. Станичный суд на формально-процессуальном уровне был поставлен под жесткий контроль государства. Однако именно через судейство в станичных судах казачество обретало социальный опыт, изменялись его юридические обычаи. Этому содействовала гласность заседаний станичных судов, утверждавшийся приоритет письменных документов и необходимость их должного и процессуального оформления [7, с. 90].

Однако процесс формирования гражданственно-правовой культуры у кубанского казачества во второй половине XIX - начале XX в. тормозился существованием устойчивых форм обычного права. Подчиняясь в своей жизни законам российского государства, традиционные устои казачества продолжали играть важнейшую роль на общественном и бытовом уровнях. Кубанское казачество, будучи вписанным в систему многоярусного контроля, по-прежнему ориентировалось на народные обычаи, традиционные понятия морали и нравственности.

В повседневной жизни казаки придерживались в большей степени норм обычного права, нежели законных предписаний. Более того, обычное право выступало зачастую единственным регулятором поведения. Оно регламентировало общинный быт казачества, семейные и половые отношения, образ жизни, манеру вести себя со старшими, сверстниками, вышестоящими и нижестоящими на социальной лестнице людьми. Д. Эварницкий отмечал, что «казаки руководствовались не писаными законами, а стародавним обычаем, словесным правом и здравым смыслом. В основе всей казачьей общины лежал их обычай» [5, с. 99].

Обычное право имело достаточно крепкие позиции в казачьей общине вплоть до начала XX в. Объясняется это во многом несовершенством и крайне примитивным характером системы судебных учреждений кубанских казаков [7, с. 81]. «Канцелярская кляуза, крючкотворство, произвол, медлительность, потворство, суровое наказание, низкий уровень общественной нравственности и пр. легко уживались с канцелярскими формами казачьего суда», - писал Ф.А. Щербина [17, с. 804]. Судопроизводство было далеко от юридических идеалов и не выполняло своих обязанностей.

С разрушением традиционного общественного и бытового уклада жизни (под влиянием либеральных реформ) кубанское казачество сталкивается с различными трудностями. Проводимая модернизация способствовала рационализации человека и общественных отношений. Казачье общество теперь не всегда понимало, как правильно реагировать на новые жизненные реалии. Развитие капиталистических отношений, к примеру, демонстрировало возможность быстрого обогащения, при условии проявления инициативы и предприимчивости. Сословный же характер социальной структуры российского общества не предусматривал широкой социальной мобильности. Неопределенность правительственного курса в отношении кубанского казачества - развитие в казачестве гражданских начал, с одной стороны, и удерживание его в рамках военно-служилого сословия, с другой стороны, - порождала неустойчивость казачьего социума. Казаки не могли определиться, на какие ценности им необходимо ориентироваться в общественной и повседневной жизни. Соответственно, давал сбой и внутренний механизм социального контроля.

Неустойчивость социальных норм приводила к росту жестокости, преступности, аморальности человека [13, т. 3. с. 740]. Социальные, экономические и культурные изменения обусловливали экономическую и социальную эмансипацию казачьей молодежи (освобождение от консерватизма), снижению роли семьи и церкви (как институтов социализации).

Еще одной важной предпосылкой изменения социального контроля над отклоняющимся поведением явилось падение веры в способность системы отечественной правоприменительной и правоохранительной практики повлиять на снижение уровня преступности. Проблема борьбы с преступностью на Кубани становится весьма актуальной в конце XIX - начале XX в.

Приход капитализма на Кубань, разрушение традиционных ценностей обусловили рост уголовных преступлений - воровства, грабежей, насилия. Настоящим бедствием становится воровство, о чем свидетельствует резко увеличившееся количество приговоров о выселении казаков за «порочное поведение» начиная с 90-х годов XIX в. [ГАКК. Ф.454. Оп.2. Д. 161, 334, 335, 336, 762, 798; РГВИА. Ф.330. Оп.42. Д. 1080, 1083, 1089, 1090, 1123, 1125]. Сложившуюся обстановку могло изменить наличие конкретного механизма правового регулирования (то есть реализации законов и социальных норм), но он был развит в недостаточной мере.

Разумеется, рост преступности на Кубани в пореформенный период был обусловлен множеством факторов, в том числе наплывом из европейской части России большого числа людей, переселявшихся в регион в поисках лучшей доли. Не найдя заработка, такие переселенцы усугубляли криминогенную ситуацию. И собственно казачья доля среди преступников была невелика - 0,04% [14, с. 57].

Можно отметить и то, что свершаемые преступления зачастую были следствием грубого невежества и пьянства. Эти негативные социальные явления формировались в условиях ухудшения имущественного и социального положения населения Кубани, нарушения иерархии первых жизненных потребностей. Падение общей нравственности, в том числе среди казачества, отмечается в многочисленных отчетах начальствующих лиц Кубанской области.

В попытке противостоять общественному упадку власть по максимуму использует ресурсы формальных институтов, контролирующих поведение людей, что означало переход от репрессивного контроля к сдерживающему. Контроль со стороны государства, судебных органов, прокурорского надзора, полиции, начальства, церкви, школы становится важной частью социальной жизни кубанского казачества.

Вместе с тем используемые механизмы социального контроля не давали должного результата. Развитие в стране рыночных отношений, права частной собственности, индивидуализма приводило к быстрому разложению традиционного уклада, социальному разобщению.

Контроль казачьей общины за поведением своих членов существенно ослаб, в связи с чем исчезла возможность контролировать членов общины, склонных к девиантному поведению.

Особенно заметным это стало в начале XX в., когда на Кубани произошли выступления иногородних крестьян. Край насыщался представителями люмпенизированных, пауперских слоев населения, готовых ради наживы на многое.

Об этом свидетельствуют архивные данные, которые приводит В.Н. Ратушняк: с 1898 по 1913 гг. численность населения в области выросла на 62%, а число привлеченных к суду и осужденных - на 92,7%, то есть налицо опережающий рост числа осужденных по сравнению с ростом населения (с. 89). Увеличилось число преступников - выходцев из казачьей среды. К тому же преступность на Кубани значительно «помолодела» [14, с. 90].

Рост преступности сочетался с падением доверия жителей кубанских городов и станиц к правосудию. Власти оказались не способны противодействовать захлестнувшей население Кубани социальной патологии - грабежам, разбоям, воровству, убийствам. Многие из преступников не несли какого-либо наказания, продолжая свободно проживать в станицах: административно высланные самовольно возвращались на места прежнего проживания, отданные на поруки продолжали заниматься своим привычным делом, а мирное население находилось под страхом, ожидая мести со стороны преступников, а также их подельников [ГАКК. Ф.454. Оп.1. Л.39-40].

В условиях кризиса государственной власти, правоохранительных и правоприменительных органов, из-за их недееспособности у людей вырабатывалась привычка ставить свои локальные правовые нормы выше законов государства. В связи с чем на Кубани распространяются самосуды. Официальные власти признавали: «население Кубанской области в последнее время обнаруживает довольно-таки наглядно наклонность к самосуду: убивают и калечат самым безжалостным образом. Ломают ребра, выбивают зубы, вывертывают руки, рвут бороды и всячески увечат…» [9, с. 254].

Деморализация населения становится основным процессом, протекавшим в общественных отношениях на Кубани к началу XX в. Важно отметить, что это было явлением общероссийского масштаба, о чем говорит резкий рост преступности среди населения страны. За период 1906-1909 гг. в Российской империи количество осужденных выросло со 100 тыс. до 180 тыс. человек [4, с. 15]. Здесь можно вспомнить и самосуды, которые с конца XIX в. стали практически основными «внесудебными» действиями. Государство не справлялось с процессом общественного регулирования поведения людей, с которым связано формирование и развитие социальных норм. Следовательно, происходили изменение мировоззрения населения, разрушение существовавшей традиционной системы ценностей. Причем данные процессы затронули все без исключения социально-классовые и этносоциальные структурные элементы российского общества, все социальные слои, этносы и этнические группы [15, с. 514].

Претерпевали изменения и общественное сознание и ментальность кубанского казачества. Кубанское казачество хоть и представляло из себя довольно устойчивую и достаточно замкнутую общность с традиционным, устоявшимся мировоззрением, тем не менее было подвержено в своей среде и сознании определенным подвижкам [12, с. 523-531]. Трансформации идеологии и политических воззрений казаков способствовало общение с иногородними. На иногородних приходилось большое количество уголовных, административных правонарушений, пьянство, бродяжничество и т.д., что не могло не оказывать влияния на казачество. Вместе с тем поведение казаков во многом обусловливал замкнутый традиционный быт казачьей общины. Станичный сход был всегда снисходителен к любому своему члену. Совершившего преступление казака общество всегда прощало. Только наиболее отъявленные преступники выселялись из станицы [ГАКК. Ф.1. Оп.1. Д.499. Л.4]. Причем из Кубанской области казаки выселялись нечасто, чаще их отправляли в другие уезды Кубанской области, что, конечно, не означало начало праведной жизни высланного, а головную боль для той станицы, куда высылали человека, гарантировало. Привычка не выдавать на расправу государству «своих» играла, на наш взгляд, отрицательную роль, мешая нормальному функционированию казачьего социума. Скрывались казачьим обществом многие преступления: пьянство в войске среди офицеров и рядовых казаков, самоуправство и произвол начальствующих лиц, насилие в обществе и дома и прочие неприглядные явления общественной и личной жизни. Отсюда возникает иллюзия более высоких, чем у остального населения России, нравов казаков. В свою очередь, это не означает наличия у кубанского казачества каких-либо выдающихся нравственных пороков. Редкое применение официального права не способствовало преодолению негативных явлений в общественной жизни казачества во второй половине XIX - начале XX в., так как с приходом капитализма с его культом наживы и удовольствий, утверждением индивидуализма традиционное моральное порицание и осуждение общества становилось пустым звуком для некоторой части кубанского казачества. Моральный климат в кубанских станицах изменился.

Таким образом, социальный контроль предполагает целенаправленное воздействие на общество в целях формирования у его представителей желаемых моделей поведения, мировосприятия и нравственных ориентиров [8, с. 58]. Функции социального контроля выполняют различные государственные и общественные институты.

В дореволюционной России долгое время господствовали репрессивные формы контроля со стороны государства и такие же формы контроля со стороны социальных групп, строго следящих за нормативным поведением членов своего общества. Такая модель социального контроля была оптимальной для существующего традиционного, по сути феодального, уклада государственной и общественной жизни.

Вместе с тем модернизация страны во второй половине XIX в. обозначила проблему необходимости приведения в соответствие нового уклада жизни с существующими формами социального контроля. Социальный прогресс, со всеми его положительными и отрицательными сторонами, достаточно быстро показал, что в новых условиях социальный контроль и его механизмы должны обладать гибкостью. Мы могли убедиться в этом на примере казачьей жизни, которая была вписана в систему многоярусного контроля со стороны государства и общества. За тяжкие проступки казаков ожидала суровая система уголовной ответственности, с одной стороны, и жестокое наказание самим казачьим обществом - с другой. Однако подобный репрессивный социальный контроль дает сбой в пореформенный период.

Несовершенство судебной системы, правоохранительной и правоприменительной практики не позволяло успешно бороться с растущей преступностью. Разложение же традиционных социальных связей, рационализация поведения индивидуумов казачьего социума привели к краху норм обычного права, регулирующих социотипическое поведение казачества. В конце XIX - начале XX в. процесс размывания традиционных казачьих ценностей становится наиболее заметным. Свидетельствуют об этом судебные процессы между родственниками, участившиеся жалобы членов семейств друг на друга. Наказной атаман граф Сумароков-Эльстон отмечал, что судебные процессы открывают не одну семейную язву, но целый ряд преступных деяний, «столько же противных нравственности, сколько гибельных для семейств» [ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2458. Л.1]. Между молодыми казаками распространяется тяга к алкоголю, праздному времяпрепровождению, сквернословию, антиобщественному поведению.

Переход от репрессивного контроля к сдерживающему (формальному и неформальному) социальному контролю (со стороны государства, судебных органов прокурорского надзора, полиции, начальства, церкви, сети учебных и просветительских учреждений, печатных органов) компенсировал негативные следствия пореформенной социальной трансформации. Однако взятый социумом курс на революционный путь социально-политических преобразований не дал воспользоваться результатами нового подхода к социальному управлению российским обществом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антонович И.И. Капитализм и социальный контроль. - М.: Мысль, 1978. - 174 с.
2. Бойко Н. Социальный контроль и демократизация общества. - Киев: Институт социологии НАНУ, 2007. - 272 с.
3. Бондарь Н.И. Модель традиционной культуры кубанского казачества // Бондарь Н.И. Традиционная культура Кубанского казачества. Избранные работы / Научно-исследовательский Центр традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор». - Краснодар: Тип. КПП «Кубанькино», 1999. - С. 26-45.
4. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других отклонений. - СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. - 528 с.
5. Гречишко Д.Н. Трансформация социотипического поведения кубанского казачества во второй половине XIX - начале XX века: Монография / Д.Н. Гречишко. - Славянск-на-Кубани: Филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, 2014. - 170 с.
6. Зизиашвили И.В. Превенция девиантного поведения как форма социального контроля: региональный аспект: Дис. ... канд. соц. наук: 23.00.02 / Зизиашвили Инна Вахтанговна. - Саратов, 2006. - 155 с.
7. Копанева О.И. Казачество и Российская государственность (историко-правовой анализ): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Копанева Ольга Ивановна - СПб., 2003. - 174 с.
8. Кузнецова Е.М. Социальный контроль - сущность и методы реализации: фия. - Saarbrucken (Germany): LAMBERT Academic Publishing, 2012. - 188 с.
9. Куценко И.Я. Кубанское казачество. - Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1993. - 583 с.
10. Лиходей О.А. Девиантное поведение и социальный контроль: на примере бродяжничества и попрошайничества в России: Дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.04 / Лиходей Ольга на. - СПб., 2006. - 363 с.
11. Макаревич Э.Ф., Карпухин О.И., Луков В.А. Социальный контроль масс. - М.: Дрофа, 2007. - 432 с.
12. Мамонов В.Ф. К вопросу о «естественном расказачивании» // Очерки традиционной культуры казачеств России / Научно-исследовательский Центр традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор»; под общ. ред. Н.И. Бондаря. - Краснодар: ЭДВИ, 2005. - Т. 2. - С. 523-531.
13. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. - Т. 2. - СПб : Дмитрий Буланин, 2015. - 912 с.; Т. 3. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. - 992 с.
14. Ратушняк В.Н. На страже порядка. Полиция Кубани в борьбе с преступностью (конец XIX - начало XX века). - Краснодар: Перспективы образования, 2010. - 192 с.
15. Трут В.П. Идеология казачества и его политические искания в XIX - начале XX века // Очерки традиционной культуры казачеств России / Научно-исследовательский Центр традиционной культуры Государственного научно-творческого учреждения «Кубанский казачий хор»; под общ. ред. Н.И. Бондаря. - Краснодар: ЭДВИ, 2005. - Т.2. - С. 514-523.
16. Шипунова Т.В. Девиантология: современные теоретико-методологические мы. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. - 245 с.
17. Щербина Ф.А. История кубанского казачьего войска. В 2 т. Репринтное издание. - Краснодар: Советская Кубань, 1992. - 880 с.

REFERENCES

1. Antonovich I. I. Kapitalizm i sotsial'nyy kontrol'. M. : Mysl', 1978. 174 p.
2. Boyko N. Sotsial'nyy kontrol' i demokratizatsiya obshchestva. Kiev : Institut sotsiologii NANU, 2007. 272 p.
3. Bondar' N. I. Model' traditsionnoy kul'tury kubanskogo kazachestva // Bondar' N. I. Traditsionnaya kul'tura Kubanskogo kazachestva. Izbrannye raboty. / Nauchno-issledovatel'skiy Tsentr traditsionnoy kul'tury Gosudarstvennogo nauchno-tvorcheskogo uchrezhdeniya «Kubanskiy kazachiy khor». Krasnodar : Tipografiya KPP «Kuban'kino», 1999. P. 26-45.
4. Gilinskiy, Ya. I. Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiystv i drugikh otkloneniy. SPb. : Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskiy tsentr Press», 2004. 528 p.
5. Grechishko D. N. Transformatsiya sotsiotipicheskogo povedeniya kubanskogo kazachestva vo vtoroy polovine XIX - nachale XX veka : monografiya / D. N. Grechishko. Slavyansk-na-Kubani : Filial Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta v g. Slavyanske-na-Kubani, 2014. 170 p.

6. Ziziashvili I. V. Preventsiya deviantnogo povedeniya kak forma sotsial'nogo kontrolya: regional'nyy aspekt : dis. ... kand. sots. nauk : 23.00.02 / Ziziashvili Inna Vakhtangovna. Saratov, 2006. 155 p.
7. Kopaneva O. I. Kazachestvo i Rossiyskaya gosudarstvennost' (istoriko-pravovoy analiz): dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01 / Kopaneva Ol'ga Ivanovna. SPb., 2003. 174 s.
8. Kuznetsova E. M. Sotsial'nyy kontrol' - sushchnost' i metody realizatsii. Monografiya. Saarbrucken (Germany): LAMBERT Academic Publishing, 2012. 188 p.
9. Kutsenko I. Ya. Kubanskoe kazachestvo. Krasnodar : Krasnodarskoe knizhnoe izd-vo, 1993. 583 p.
10. Likhodey O. A. Deviantnoe povedenie i sotsial'nyy kontrol' : na primere brodyazhnichestva i poproshaynichestva v Rossii : dis. ... d-ra sots. nauk : 22.00.04 / Likhodey Ol'ga Arkad'evna. SPb., 2006. 363 p.
11. Makarevich E.F., Karpukhin O.I., Lukov V.A. Sotsial'nyy kontrol' mass. M. : Drofa, 2007. 432 p.
12. Mamonov V. F. K voprosu o «estestvennom raskazachivanii» // Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii / Nauchno-issledovatel'skiy Tsentr traditsionnoy kul'tury Gosudarstvennogo nauchno-tvorcheskogo uchrezhdeniya «Kubanskiy kazachiy khor»; pod obshch. red. N. I. Bondarya. Krasnodar: EDVI, 2005. T. 2. P. 523-531.
13. Mironov B. N. Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t. T. 2. SPb : Dmitriy Bulanin, 2015. 912 p.; T. 3. SPb : Dmitriy Bulanin, 2015. 992 p.
14. Ratushnyak V. N. Na strazhe poryadka. Politsiya Kubani v bor'be s prestupnost'yu (konets XIX - nachalo XX veka). Krasnodar : Perspektivy obrazovaniya, 2010. 192 p.
15. Trut V. P. Ideologiya kazachestva i ego politicheskie iskaniya v XIX - nachale XX veka // Ocherki traditsionnoy kul'tury kazachestv Rossii / Nauchno-issledovatel'skiy Tsentr traditsionnoy kul'tury Gosudarstvennogo nauchno-tvorcheskogo uchrezhdeniya «Kubanskiy kazachiy khor»; pod obshch. red. N. I. Bondarya. Krasnodar: EDVI, 2005. T.2. P. 514-523.
16. Shipunova T. V. Deviantologiya: sovremennye teoretiko-metodologicheskie problemy. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2012. 245 p.
17. Shcherbina F. A. Istoriya kubanskogo kazach'ego voyska. V 2 t. Reprintnoe izdanie. Krasnodar : Sovetskaya Kuban', 1992. 880 p.

Информация об авторах:

Гречишко Дмитрий Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани,
г. Славянск-на-Кубани, Россия
me_eum_esse@mail.ru

Письменная Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани,
г. Славянск-на-Кубани, Россия
pismennayat@mail.ru

Рябиков Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и методики ее преподавания, факультет экономики, истории и права, Филиал ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» в г. Славянске-на-Кубани,
г. Славянск-на-Кубани, Россия
riybicov@mail.ru

Получена: 01.12.2017

Для цитирования: Гречишко Д.Н., Письменная Т.Г., Рябиков А.Н. К вопросу о социальном контроле в России во второй половине XIX - начале XX в. (на примере кубанского казачества). Историческая и социально-образовательная мысль.
2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.70-76.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-70-76.

Information about the authors:

Dmitriy N. Grechishko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban),
Slavyansk-on-Kuban, Russia
me_eum_esse@mail.ru

Tatiana G. Pismennaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban),
Slavyansk-on-Kuban, Russia
pismennayat@mail.ru

Alexander N. Ryabikov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Methods of Teaching, Faculty of Economics, History and Law, Kuban State University (Branch in Slavyansk-on-Kuban),
Slavyansk-on-Kuban, Russia
riybicov@mail.ru

Received: 01.12.2017

For citation: Grechishko D.N., Pismennaya T.G., Ryabikov A.N. To the question of social control in Russia in the second half of the XIX - the beginning of the XX century (on the example of the cuban cossacks). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 70-76.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-70-76. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-77-83

ГРИГОРЬЕВ Олег Вячеславович
Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Oleg V. GRIGORYEV
I.K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the Russian National Guard Troops
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

ЗАРОЖДЕНИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВОЕННО-СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА ПЕРВИЧНОМ ЭТАПЕ ВОЕННО-СУДЕБНЫХ РЕФОРМ ПЕТРА I

ORIGIN, FORMATION AND FUNCTIONING OF THE MILITARY-JUDICIAL INSTITUTIONS ON THE PRIMARY STAGE OF THE MILITARY-JUDICIAL REFORMS OF PETER I

Статья посвящена исследованию проблемных вопросов зарождения, становления и функционирования военно-судебных органов на первичном этапе военно-судебных реформ Петра I. Дана краткая характеристика литературы, раскрывающей некоторые вопросы реформирования военно-судебной системы времен правления Петра I в истории Российского государства. В проведенном исследовании выявляется место и роль «Уложения или права поведения генеральных, средних и низших чинов» 1702 г. (или Уложения Б.П. Шереметева) и «Краткого артикула» 1706 г. (или Краткого артикула А.Д. Меншикова) на первичном этапе военно-судебных реформ Петра I в начале XVIII в. В статье называется дата создания военных судов России - 27 января 1702 г. В этот день по именному указу генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева Уложение 1702 г. обрело законную силу, что законодательно закрепило отправление правосудия «собранным военным судом» (коллегиальным органом). Сделана попытка установить нормативные источники, легшие в основу создания Уложения Б.П. Шереметева и Краткого артикула А.Д. Меншикова, а также определить цели и задачи, которые ставились законодателем при составлении описываемых сводов норм поведения для военнослужащих в России. В статье раскрыт утвердившийся на практике термин, которым стали именовать реформированные органы военного правосудия, - «кригсрехт», проанализирован порядок рассмотрения дел в военном суде, охарактеризованы участники процесса, их права и обязанности. Названы органы центрального военного управления, которые не потеряли судебных функций, несмотря на создание системы кригсрехтов. Сделано заключение о том, что вновь созданные военные суды отправляли правосудие обособленно, замыкаясь на военное командование. На примере конкретных военно-уголовных процессов показана деятельность военных судов (кригсрехтов) по поддержанию дисциплины и правопорядка в войсках.

Ключевые слова: свод норм поведения, кригсрехт, военно-уголовный процесс, военные суды, отправление правосудия

The article is devoted to the study of problematic issues of the origin, formation and functioning of military-judicial bodies at the primary stage of the military-judicial reforms of Peter I. A brief description of the literature revealing some issues of reforming the military-judicial system of the reign of Peter the Great in the history of the Russian state is given. In the study, the place and role of the "Code or the law of conduct of general, middle and lower ranks" of 1702 (or the Code of B.P. Sheremetev) and the "Short article" of 1706 (or the Short article by A.D. Menshikov) on the primary stage of the military-judicial reforms of Peter I at the beginning of the XVIII century. The article refers to the date of the creation of Russian military vessels on January 27, 1702. On that day, by a decree, General-Field Marshal B.P. Sheremetev The Code of 1702 became valid, which legislatively ensured the administration of justice by the "assembled military court" (collegial body). An attempt has been made to establish the normative sources that formed the basis for the creation of the BP Code. Sheremetev and a brief article by A.D. Menshikov, as well as to identify the goals and objectives that were set by the legislator in compiling the described codes of conduct for military personnel in Russia. The article gives the established term in practice, which was used to refer to the reformed bodies of military justice as krigsrecht, the procedure for considering cases in a military court, the participants in the process, their rights and duties were characterized. The organs of the central military administration are mentioned, which have not lost judicial functions, despite the creation of the krigsrecht system. It is concluded that the newly created military courts sent justice, apart, closing in on the military command. On the example of specific military-criminal processes the activities of military courts (krigsrecht) the maintenance of discipline and law and order troops are shown.

Keywords: code of conduct, krigsrecht, military-criminal process, military courts, administration of justice

Как известно, государственные и военные реформы Петра I способствовали динамичному развитию страны, победному завершению войны со Швецией, имевшей одну из самых сильных армий того времени.

Проведенные преобразования способствовали развитию государственных институтов. Судебная реформа упорядочила, централизовала и усилила всю судебную систему России.

В армии архаичные суды полковых воевод, рассчитанные на поместно-даточную организацию войск, уже не соответствовали существующим реалиям, поэтому в начале 1700-х годов в России были сформированы специализированные военные суды - кригсрехты.

В историографии рассматриваемой проблемы условно можно выделить три периода:

1. Военное строительство и реформирование военного права Петром I в дореволюционный период (с середины XVI в. до событий 1917 г.) находились в центре внимания военно-научной общественности России. Прежде всего, это размышления Д.Ф. Масловского «Главнейшие источники

по русской военной администрации XVIII столетия», где он обозначает проблемы изучения истории российской армии, так как отсутствует необходимая документальная база. Необходимо отметить исторические труды П.О. Бобровского.

Ключевыми стали монография М.П. Розенгейма, основанная на архивных данных, «Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого» и работы З.А. Мышлаевского, особенно труд, изданный в Санкт-Петербурге в 1894 г., «Петр Великий. Военные законы и инструкции».

В дореволюционный период историографии у историков и юристов не получилось разрешить задачу создания целостной научной картины становления и особенностей функционирования системы военных судов Петра I. Особенность данного периода историографии состоит в том, что именно в этот отрезок времени в исторической науке появляются первые историографические произведения, посвященные отдельным проблемам строительства российской армии, становления и развития военно-судебной системы России. Очевидной слабостью трудов дореволюционного периода является их оторванность от общего контекста развития исторической науки в целом. Об этом говорит библиографическая, справочная направленность многих обзоров.

2. Советский период (1917-1991 гг.) зафиксировал государственную идеологию о ретроградстве императорской России в целом и военно-судебных преобразований Петра I в частности. Военные суды представлялись как инструмент «карательной политики» государства. Пожалуй, только в 30-е годы отношение к военным достижениям и истории российской армии стало меняться.

Значимым для историографии рассматриваемой проблемы стали труды Б.Б. Кафенгауза и В.В. Мавродина, осуществленные в годы Великой Отечественной войны. После ее окончания появились труды П.П. Епифанова «Воинский устав Петра Великого», П.С. Ромашкина «Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I», Ю.П. Титова «Материалы по истории процессуального права России конца XVII - начала XVIII веков» и др.

Историография данного периода в рамках большинства его фундаментальных работ, монографий и диссертаций показывает, что их авторы, исследуя отдельные проблемы обозначенной темы, придерживались положений и идей существовавшей политической установки в стране и обществе. Более того, часть из них в некоторых случаях замалчивали или искажали исторические факты, связанные с реформированием и функционированием военно-судебных органов петровского периода.

В постсоветский период (1992 г. и до настоящего времени) возрос интерес к исследованию истории судебных учреждений страны в прошлом. Отдельные аспекты реформирования военно-судебных органов петровского периода, не только в историческом, но и в юридическом плане, затрагивались в работах Н.Н. Ефремовой, Л.В. Батиева, Л.А. Хрусталёва, М.О. Акишина, Т.Ю. Амплеевой, О.И. Чистякова, Д.О. Серова, Н.А. Петухова.

Таким образом, для работ как дореволюционного, так и советского периодов характерны идеологические крайности, которые обедняют отечественную военно-историческую науку и позволяют несколько тенденциозно и предвзято трактовать одни и те же явления, факты и события. Современные авторы рассматривали анализируемые проблемы не с позиций военно-исторической науки, либо в отрыве от деятельности вооруженных сил.

В целом проведенное изучение и анализ историографии рассматриваемой проблемы позволяет заключить, что полноценного военно-исторического научного исследования до сего времени не проводилось.

Актуальность темы обусловливается как существенным возрастанием роли судебной власти, в том числе и военных судов, так и отсутствием полномасштабного военно-исторического анализа проводимых Петром I в начале XVIII в. военно-судебных преобразований в целях заимствования положительного опыта.

Актуальность темы исследования предопределила научную задачу: на основе достоверных источников провести комплексный, всесторонний военно-исторический анализ условий и факторов, оказавших существенное влияние на процесс зарождения, становления и функционирования военно-судебных органов на первичном этапе военно-судебных реформ Петра I.

Итак, как уже было сказано, в период правления Петра I вооруженные силы были приведены к европейским стандартам, что, в свою очередь, побудило руководство страны к решительным мерам по реформированию военно-судебной системы. Были сформированы коллегиальные военные суды нового типа. Тогда же утвердился термин, которым стали именовать реформированные органы военного правосудия - «кригсрехт», калька с нем. *Kriegsrecht* («военное право»; «военный суд» по-немецки звучит как *Kriegsgericht*) [1, с. 802].

В начале XVIII в. деятельность военно-судебных органов регламентировали «Уложение или право поведения генеральных, средних и низших чинов» 1702 г. (или Уложение Б.П. Шереметева) и «Краткий артикул» 1706 г. (или Краткий артикул А.Д. Меншикова) [2, с. 66-82; 3, с. 184-190; 4, с. 536-541; 5, с. 27-28; 6, с. 130-132].

«Уложение или право поведения генеральных, средних и низших чинов» 1702 г. вступило в законную силу 27 января 1702 г. по именному указу генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева. Поэтому Уложение вошло в историю как Уложение Б.П. Шереметева 1702 г. и стало первым сводом норм поведения для военнослужащих в России. В основу Уложения вошло датское законодательство.

Важно отметить, что в Уложении Б.П. Шереметева 1702 г. впервые законодательно закреплялось отправление правосудия коллегиальным органом («собранным военным судом»), назначаемым командиром полка. По мнению Н.А. Петухова, дату «введения в действие Уложения - 27 января 1702 г. - следует считать появлением в российской армии военного суда как коллегиального органа судебной власти» [7, с. 44-51].

Анализируемое Уложение состояло из 10 глав («О главных преступлениях и злодеяниях», «О мятежах и злых возмущениях и побеге», «О смотре, о недостатках жалования и достоинствах», «Об измене, побеге, переметывании, договорах с неприятелем или учинении договора и сдачи крепости» и др.), 113 статей и предусматривало ответственность за 79 видов преступлений.

Любопытно, что Уложение Б.П. Шереметева 1702 г. было принято сразу после изданного Манифеста «О вызове иностранцев в Россию» от 16 апреля 1702 г. По-видимому, одной из целей законодателя было сделать понятными правила несения военной службы для иностранных офицеров. А дабы призываемые на военную службу «иноземцы не удерживаемы были от приезда в Россию опасением, чтобы их не подвергли установлениям, судебной расправе или иному роду наказаний, несообразных с их земскими законами и обычаями», всем им обещалось царское покровительство, отменялись все запреты на въезд и выезд, объявлялась свобода вероисповедания. «Тайная Военного совета коллегия» правосудие должна была отправлять не по русским обычаям, а «по законам Божеским, а потом по римскому гражданскому праву и другим народным обычаям... полагаясь на то, что притом наши царские преимущества, права и принадлежности всегда соблюдаемы будут» [8, с. 537].

Краткий артикул 1706 г., составленный бароном фон Гюйссеном на базе саксонских военных кодексов, сначала тоже использовался для осуждения иностранцев, служивших в русском армии. Позже Краткий артикул перевели на русский язык и сделали следующую надпись: «Артикул К., выбранный из древних христианских воинских прав, иже о богобоязни и о наказании различных злостей. А именно: за смертное убивство, за прелюбодяние, за воровство, за измену, за неверность и прочая. Также о команде, о осторожности, храбрости и како имеют в квартирах и обозех воинские генеральные и полковые суды и особливые должности по различию чинов». Краткий артикул применялся в войсках князя А.Д. Меншикова, поэтому известен как «Краткий артикул А.Д. Меншикова 1706 г.».

Краткий артикул А.Д. Меншикова 1706 г. состоял из 12 глав и 141 статьи и представлял собой перевод компилятивного *Moskowitische Kriegs-Reglement* [2, с. 294-313]. При этом 3 из 12 глав Краткого артикула 1706 г. посвящались непосредственно организации военного суда и военно-уголовного процесса («О полковом воинском суде», «О состоятельном праве (скорорешительном суде)», «О генеральном воинском суде»), а 9 глав были посвящены военно-уголовной составляющей («О наказании простых прегрешений, яко смертоубийство, и что к сему прегрешению надлежит», «О прелюбодеянии и что к тому принадлежит», «О воровстве, татьбе и повторном воровстве, уличенном в разбое и зажигательстве», «О клятвопреступлении и лживости», «О команде, почтении, послушании» и др.).

В ст. 2 гл. 10 Краткого артикула А.Д. Меншикова 1706 г. было сделано (беспрецедентное в отечественном праве) разграничение преступления и проступка по степени общественной опасности, разведена уголовная и дисциплинарная ответственность военнослужащих («дела... которые точию в аресте… офицеру подлежит, который вышнюю команду… имеет») [9, с. 70-71].

Что касается преступлений, совершаемых военнослужащими, то главы 1-5 Краткого артикула включали в себя государственные, общеуголовные и преступления против церкви, а 6-9 - непосредственно воинские преступления

Главы 10-12 определяли военные суды как коллегиальный судебный орган, который формировался из действующих военнослужащих с целью рассмотреть определенное уголовное дело.

Вне всякого сомнения, строевые офицеры, прапорщики и сержанты не имели достаточной юридической подготовки для квалифицированного отправления правосудия, поэтому в Кратком артикуле был предусмотрен профессиональный юрист - аудитор, который готовил дело к слушанию и консультировал суд в вопросах военного права.

По завершении судебного процесса каждый член суда был обязан представить «сентенцию» (изложить свое суждение и высказать предложение о наказании военнослужащего за совершенное преступление).

Самым известным примером неоднозначных сентенций, вынесенных в рамках заседания военного суда, может стать дело, возбужденное в отношении драгунов Чернышева и Зубкова по обвинению их в изнасиловании «девки Христианицы». Для рассмотрения дела по существу сформировали военный суд, в состав которого вошли «презус» (председатель) майор Сибирского полка Челюскин, капитаны, поручики, подпоручики, сержанты, капралы и ефрейторы по одному военнослужащему от Московского и Сибирского полков соответственно.

Ст. 3 гл. 3 действовавшего на тот момент Краткого артикула А.Д. Меншикова 1706 г. за совершение «прелюбодеяния насильством» предписывала наказать преступника «аркебузированием», то есть расстрелять, однако на практике единого мнения у членов суда не возникло:

сентенция ефрейторов - «бить батогами перед полком»;

сентенция капралов - «прогнать батогами сквозь строй батальона один раз»;

сентенция сержантов - «прогнать батогами сквозь строй полка один раз»;

сентенция поручиков - «бить кнутом перед полком по 50 ударов и сослать на каторгу»;

сентенция капитанов - «казнить смертью через повешение»;

сентенция презуса - «казнить смертью».

По Краткому артикулу приговор кригсрехта представлялся на «конфирмацию» (утверждение) воинскому начальству (ст. 9 гл. 10; ст. 5 гл. 12).

Генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, составляя конфирмацию, согласился с мнением презуса: «По вышеобъявленному кригсрехту подтверждаем драгунам за их насильное растление девки, в котором они обще явились, учинить смертную казнь - расстрелять, понеже в артикуле, в 3-й главе и 3-й же статье, предложено за насилие чинить смертную казнь. А по учинении той экзекуции над теми драгунами, допросы их с сей конфирмациею и подлинной кригсрехт паки прислать в Военную канцелярию. А при той экзекуции быть артиллерийским служителем в строю» [2, с. 87, 88].

Процедура конфирмации, по сути, восстанавливала ревизионно-решающий порядок в уголовном процессе России, который уже существовал в конце XV - первой половине XVI в., то есть пересмотр и утверждение судебных решений. Приговор являлся окончательным, апелляционного производства в Кратком артикуле законодатель не предусматривал.

Итак, Уложение 1702 г. и Краткий артикул 1706 г. стали первыми сводами правил для русской армии. По мнению Д.О. Серова, «до настоящего времени исследователями не выявлено документальных свидетельств утверждения Уложения 1702 г. и Краткого артикула 1706 г. Петром I, по юридической силе их, возможно, следует отнести к ведомственным актам. Вероятнее всего, именно по этой причине ни Уложение Б.П. Шереметева 1702 г., ни Краткий артикул А.Д. Меншикова 1706 г. не были впоследствии включены в состав "Полного собрания законов Российской империи с 1649 года"» [10, с. 165-173].

Уголовно-правовые санкции Уложения 1702 г. и Краткого артикула 1706 г. были достаточно суровы и соответствовали духу времени. Достаточно сказать, что смертная казнь (простая и квалифицированная) являлась часто безальтернативной мерой наказания (в Уложении - в 52 случаях, в Кратком артикуле - в 65). Кроме того, применялись: членовредительные наказания; тяжкие и легкие телесные наказания; непродолжительный арест; лишение чести в виде увольнения со службы, лишение должности; имущественные наказания.

При составлении лестницы наказаний законодатель явно делал ставку на то, чтобы физически устранить преступника или устрашить возможного правонарушителя: «чтоб каждый, ведая за вины положенные казни, от всяких злых дел воздержался и свою должность честно и благопорядочно отправлял, как честному кавалеру надлежит».

Военные суды в начале XVIII в. подразделялись на полковые и генеральные. Полковые суды рассматривали дела в отношении рядовых, сержантов и младших офицеров. Генеральный военный суд рассматривал дела: по обвинению любого старшего и высшего офицера, а также дела о преступлениях, совершенных воинской частью. Презусом генерального военного суда назначался генерал или фельдмаршал.

В чрезвычайной обстановке, в период ведения боевых действий, в осажденной крепости, во время возникновения бунтов и массового неповиновения, бегства с поля боя правосудие отправлялось «скорорешительным» судом.

На практике подобные меры были применены, например, в период неудачных действий войск Петра I на Пруте. Для того чтобы остановить панические настроения в войсках, в местах стоянки устанавливались виселицы, на которых казнили всех, кто проявил малодушие и неустой-

чивость. Важно отметить, что Пётр I всегда был суров к трусам и маловерам: «Я приказываю вам стрелять во всякого, кто бежать будет, и даже убить меня самого, если я буду столь малодушен, что стану ретироваться от неприятеля» [11, с. 145].

Необходимо отметить, что в этот же период предпринималась попытка кодифицировать военное законодательство. «Устав прежних лет», дату утверждения которого, по мнению Л.Г. Бескровного, нужно датировать 1706 г. [11, с. 142-143], составлялся под общей редакцией Петра I [3, с. 185-187].

К сожалению, до настоящего момента не выявлено документов, подтверждающих применение норм «Устава прежних лет» в практике военных судов, в то же время в войсках генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева в 1711 г. правосудие отправляли по Краткому артикулу 1706 г. [2, с. 87-88].

Важно также отметить и тот факт, что новоиспеченные военные суды не были никак связаны с другими органами военного управления, не утратившими судебные функции (Адмиралтейским приказом, Разрядным приказом и Приказом артиллерии, Военной канцелярией и др.) [6, с. 135]. Кроме того, по мнению принятого на русскую службу «камералиста-практика» Генриха фон Фика, российские губернаторы в рамках решаемых административных вопросов имели «суд и росправу полную» [12, л. 2 об.-3].

В связи с этим возможно сделать вывод о том, что вновь созданная система военных судов (кригсрехтов), выполняя возложенные на них военно-судебные функции, была обособлена от вышеуказанных органов и замыкалась непосредственно на военное командование.

Таким образом, Уложение или право поведения генеральных, средних и низших чинов 1702 г. и Краткий артикул 1706 г. восполнили определенные недостатки нормативной базы, явились важнейшими правовыми актами начального периода военно-судебной реформы 1700-х годов, в полной мере заложили основы преобразования военного судоустройства и судопроизводства.

Полностью оценить эффективность функционирования военных судов России начала XVIII в. представляется затруднительным по причине отсутствия в документах архивов и в публикациях сводных статистических данных. Однако мы можем привести некоторые конкретные примеры о деятельности военных судебных органов.

В начале Северной войны Петр I вел активную борьбу с дезертирами. В письме Т.Н. Стрешнёву, который на тот момент являлся судьей Приказа военных дел, царь требует: «Когда сие письмо получишь, изволь немедленно сих проклятых беглецов <...> сыскать, сыскав, всех бить кнутом и уши резать, да сверх того 5-го с жребья ссылать на Таганрог...» [13, с. 37].

Для суда над дезертировавшими из Лейб-гвардии Преображенского полка 28 солдатами в 1708 г. был создан кригсрехт, который приговорил 15 солдат к смертной казни, а остальных - к каторжным работам. Пётр I сделал в своей конфирмации следующую запись: «А впредь таких, которые збегут и поиманы будут, без всякой пощады казнить» [14, с. 226].

Любопытно, что когда в 1709 г. из Лейб-гвардии Преображенского полка снова дезертировали военнослужащие, разгневанный Пётр I пишет своему сподвижнику Ф.Н. Глебову: «Когда к Вам из Киева привезут беглых солдат нашего полку Матвея Вьялова да Матвея Полякова, и оных вели расстрелять при полку...» [15, с. 334].

Традиционно много проблем в действующей армии связано с мародерством и насилием над местным населением. Инструктируя генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева о походе в Померанию (1708 г.), Пётр I требовал строгой воинской дисциплины и поддержания правопорядка в отношениях с гражданским населением. Уличенных в мародерстве рядовых предписывалось направлять на каторжные работы, а в отношении допустивших мародерство и замеченных в злоупотреблениях офицеров назначать кригсрехт [16].

Деятельность полковых судов по реализации указанных норм ярко проявилась во время нахождения русской армии в землях Речи Посполитой. Так, для пресечения мародерства в отношении местного населения Петр I, обращаясь к Г.Б. фон Огильви и Б.П. Шереметьеву, которые командовали русской армией, писал: «…понеже войско всё вам, двум фельдмаршалам вручено с полным воинским правилом, судом и указом, по которым вы должны чинить праведный и воинской суд» [17, № 824].

Примером деятельности Генерального кригсрехта может послужить дело генерала Никиты Ивановича Репнина. Так, 3 июня 1708 г. шведы неожиданно атаковали позиции дивизии, возглавляемой Н.И. Репниным. В результате наступления неприятеля «многие полки пришли в комфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не салдацким боем». Понеся значительные потери, дивизия вынуждена была отступить, оставив на поле боя 10 орудий.

В результате Петр I назначил «фергер» (следствие), наказав при этом провести его «не маня никому» и «со всякою правдою» [18, с. 15, 16, 28].

Состоявшийся кригсрехт вменил генералу Н.И. Репнину халатность при выборе позиции, неготовность дивизии к обороне, утрату в ходе боя управления войсками («никто не ведал, куда уступить в лесу») и потерю боевого оружия («люди разбегались - оставив на поле боя десять пушек»).

Необходимо отметить, что генерал Н.И. Репнин не запирался и всю вину взял на себя, хотя мог привести в свое оправдание довод о том, что просил и не получил подкрепления от генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева [19, с. 48].

Приговор кригсрехта Н.И. Репнину был суров - «достоин быть жития лишен», но с учетом того, что содеянное «не к злости, но из недознания», смертная казнь была заменена разжалованием в солдаты [20, с. 65; 21, с. 112].

Таким образом, в начале XVIII в. Петр I существенно реформировал военное правосудие, сделав военные суды (кригсрехты) мощным инструментом для поддержания дисциплины и правопорядка в войсках. Военно-судебные преобразования Петра I явились важным элементом военной реформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чистяков О.И. Процессуальное законодательство // Законодательство Петра I / под ред. А.А. Преображенского и Т.Е. Новицкой. - М., 1997. - 658 с.
2. *Очерк истории военно-судных учреждений* в *России до кончины Петра Великого* / *Розенгейм М.П.* - СПб.: Тип. *М*. Эттингера, *1878*. - 386 с.
3. Епифанов П.П. Воинский устав Петра Великого // Петр Великий. - М.-Л., 1947.
4. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России. История. ты. - М., 2003. - Т. 2. Период абсолютизма. - 848 с.
5. Акишин М.О. Судебная реформа Петра I: дис. … канд. юрид. наук. - СПб., 2005. - С. 27-28 [М.: РГБ, 2006. Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки].
6. Серов Д.О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование: Монография. - М.: Зерцало-М. 2009. - 488 с.
7. Петухов *Н.А*. *История военных судов России*: Монография / под ред и с предисл. д.ю.н., проф. В.*М*. Лебедева. - *М*.: НОРМА, *2003*. - 352 с.
8. Законодательство Петра I. - С. 537.
9. Мышлаевский А.З. Пётр Великий: 1672 -1725. Военные законы и инструкции (изданные до 1715 г.) / [собрал и снабдил предисловием] Ген. штаба полковник А.З. ский. - СПб., 1894. - 122 с. (Сборник военно-исторических материалов; вып. IX).
10. Серов Д.О. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. (опыт систематического обозрения) // Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 2. - С. 165-173.
11. Бескровный Л.Г. *Русская армия* и *флот* в XIX веке - М.: Наука, 1972. - 622 с.
12. Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф.248. Кн.58.
13. Письма и бумаги Императора Петра Великого: 1688-1701. (Том 1), Петр I (Император Всероссийский) Институт истории АН СССР, Центральный государственный архив древних актов (Руссиа) (далее - ПиБ), 1887.
14. ПиБ. - М.; Л., 1948. - Т. VIII, вып. 1.
15. ПиБ. - М.; Л., 1950. - Т. IX, вып. 1.
16. РГАДА. Ф.9 (Кабинет Петра Великого). Отд.II. Кн.53.
17. ПиБ. - СПб., 1893. - Т. III. № 824.
18. ПиБ. - Т. VIII, вып. 1.
19. Мышлаевский А.З. Северная война. Летняя кампания 1708 г. // Военный ник. - СПб. - 1901. - № 10.
20. Андреев И.Л. На пути к Полтаве. - М.: Вече. 2009. - 384 с.
21. Павленко Н.М. Меншиков: полудержавный властелин. - М.: Молодая гвардия, 1999. - 363 с.

REFERENCES

1. Chistyakov O.I. Processual'noe zakonodatel'stvo [Procedural Legislation]. The Legislation of Peter I. Ed. A.A. Preobrazhensky and T.E. Novitskaya. Moscow, 1997. 658 p. (In Russ.).
2. Ocherk istorii voenno-sudnyh uchrezhdenij v Rossii do konchiny Petra Velikogo [An outline of the history of military-ship institutions in Russia until the death of Peter the Great]. Rosenheim M.P. St. Petersburg: Type. Moscow. Attinger, 1878. 386 p. (In Russ.).
3. Epifanov P.P. Voinskij ustav Petra Velikogo [The military regulations of Peter the Great]. Peter the Great. Moscow - Leningrad, 1947. (In Russ.).
4. Kutafin O.E., Lebedev V.M., Semigin G.Yu. Sudebnaja vlast' v Rossii. Istorija. Dokumenty. [Judicial power in Russia. History. Documentation.]. Moscow, 2003. Vol. 2. The period of absolutism. 2003. 848 p. (In Russ.).

5. Akishin M.O. Sudebnaja reforma Petra I: dis. ... kand. jurid. Nauk [Judicial reform of Peter I: dis. ... candidate of law]. St. Petersburg, 2005. Pp. 27-28 [Moscow: RSL, 2006. An electronic resource from the collections of the Russian State Library]. (In Russ.).
6. Serov D.O. Sudebnaja reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie [Judicial reform of Peter I: Historical and legal study]. Monograph. Moscow: ICD "Zertsalo-M", 2009. 488 p. (In Russ.).
7. Petukhov N.A. Istorija voennyh sudov Rossii [History of military courts of Russia]. Monograph. Ed. and pred. of Doctor of Law, Prof. V.M. Lebedev. Moscow: Publishing House NORMA, 2003. 352 p. (In Russ.).
8. Zakonodatel'stvo Petra I [Legislation of Peter I]. P. 537. (In Russ.).
9. Myshlaevsky A.Z. Pjotr Velikij: 1672 -1725. Voennye zakony i instrukcii (izdannye do 1715 g.) [Peter the Great: 1672 -1725. Military laws and regulations (issued before 1715)]. [Collected and provided with a foreword] Gen. Staff Colonel A.Z. Myshlaevsky. St. Petersburg, 1894. 122 p. (Collection of military-historical materials, issue IX). (In Russ.).
10. 10 Serov D.O. Voenno-ugolovnoe i voenno-processual'noe zakonodatel'stvo Rossii pervoj chetverti XVIII v. (opyt sistematicheskogo obozrenija) [Military-criminal and military-procedural legislation of Russia in the first quarter of the XVIII century (experience of systematic review)]. Actual Problems of Russian Law. 2014. No. 2. Pp. 165-173. (In Russ.).
11. Beskrovny L.G. Russkaja armija i flot v XIX veke [Russian army and navy in the XIX century]. Moscow: Science. 1972. 622 p. (In Russ.).
12. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov. f. 248, kn. 58 [Russian State Archive of Ancient Acts. F. 248, book 58]. (In Russ.).
13. Pis'ma i bumagi Imperatora Petra Velikogo: 1688-1701. (Tom 1), Petr I (Imperator Vserossijskij) Institut istorii (Akademija nauk SSSR), Central'nyj gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (Russia) 1887. [Letters and papers of the Emperor Peter the Great: 1688-1701. (Vol. 1), Peter I (The Emperor of All-Russia) Institute of History (USSR Academy of Sciences), Central State Archive of Ancient Acts (Russia) 1887]. (Further - P&B). (In Russ.).
14. P&B. Moscow; Leningrad, 1948. Vol. VIII. Vol. 1. (In Russ.).
15. P&B. Moscow; Leningrad, 1950. Vol. IX. Vol. 1. (In Russ.).
16. RGADA. F. 9 (The Office of Peter the Great). Otd. II. Book. 53. (In Russ.).
17. P&B. St. Petersburg, 1893. Vol. III. No. 824. (In Russ.).
18. P&B. Vol. VIII. Vol. 1. (In Russ.).
19. Myshlaevsky A.Z. Severnaja vojna. Letnjaja kampanija 1708 g. [North War. The Summer Campaign of 1708]. Military Collection. St. Petersburg, 1901. № 10. (In Russ.).
20. Andreev I.L. Na puti k Poltave [On the way to Poltava]. Moscow: Veche, 2009. 384 p. (In Russ.).
21. Pavlenko N.M. Menshikov: poluderzhavnyj vlastelin [Menshikov: the half-sovereign lord]. Moscow: Young Guard, 1999. 363 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Григорьев Олег Вячеславович,кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации,
г. Новосибирск, Россия
3411208@mail.ru

Information about the author:

Oleg V. Grigoryev, Candidate of Law, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, I.K. Yakovlev Novosibirsk Military Institute of the Russian National Guard Troops,
Novosibirsk, Russia
3411208@mail.ru

Получена: 22.11.2017

Received: 22.11.2017

Для цитирования: Григорьев О.В. Зарождение, становление и функционирование военно-судебных органов на первичном этапе военно-судебных реформ Петра I. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.77-83.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-77-83.

For citation: Grigoryev O.V. Origin, formation and functioning of the military-judicial institutions on the primary stage of the military-judicial reforms of Peter I. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 77-83.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-77-83. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-84-87

ДОМНИЧ Евгения Анатольевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
eadomnich@mail.ru

Evgeniya A. DOMNICH
Kuban State University
Krasnodar, Russia
eadomnich@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В 1980-е ГОДЫ

MAIN DIRECTIONS OF NATIONAL SOCIAL POLICY AND ITS IMPLEMENTATION IN KRASNODAR REGION IN THE 1980s

В статье на примере Краснодарского края анализируется осуществление государственной социальной политики на региональном уровне. Показана важность таких социальных функций государства, как социальные расходы и социальное обеспечение. Автор на основе данных статистики анализирует основные показатели социального развития Краснодарского края в 1980-е годы. Показано, что в СССР многое делалось, чтобы помочь семье в ее нелегком труде. Была создана система мер, включающая заботу о материнстве, охрану женского труда и здоровья, облегчение домашнего хозяйства и быта. В статье показан рост доходов трудящихся, развитие бытового обслуживания, торговли, обеспечения населения жильем и социокультурными объектами. Автор отмечает, что важным направлением социальной политики было бытовое обслуживание населения. В статье показано, что служба быта в 1980-е годы развивалась в двух направлениях. Первое - это обеспечение доступности и комплексности в обслуживании населения через дома бытовых услуг и сеть комплексных приемных пунктов. Второе - специализация и концентрация производства услуг, их индустриализация, особенно по пошиву одежды, обуви, изготовлению мебели, фотоуслугам, прачечным, химчистке. В статье подробно анализируется состояние торговли и жилищного строительства на Кубани. Отмечаются достижения и проблемы в развитии этих отраслей. В исследовании рассмотрена прямая взаимосвязь между снижением уровня экономического развития государства и происшедшим замедлением социального развития в конце 1980-х годов, а вследствие этого - снижением социальных показателей уровня жизни в обществе. Автор делает вывод о том, что переход к рыночной экономике разрушил основы советской системы социального обеспечения, усилив экономические трудности, традиционно испытываемые населением страны.

Ключевые слова: советское государство, государственная социальная политика, коммунистическая партия, уровень жизни, социальные расходы, социальное обеспечение, советская торговля, бытовое обслуживание, жилье, строительство

There is a comprehensive study of social policy in regions of Russia in the article by the example of Krasnodar Region. The author notes the importance of such social functions of the state as social expenditures and social welfare. The article is considered the level of working people's incomes, development of consumer services, trade, and provision of the population with housing and construction of socio-cultural facilities. On the actual material, for the first time the author shows how the issues of national social policy in Krasnodar Region were solved in the 1980s. We can see that in the USSR much was done to help the family in its hard work. A system of measures was created, which included caring for motherhood, protecting women's labor and health, and facilitating household and everyday life. The article shows the growth of incomes of working people, the development of consumer services, trade, and provision of housing and sociocultural objects for the population. The author notes that the important directions of social policy were consumer services for the population. The article shows that the service life in the 1980s.was developed in two directions. The first is the providing of accessibility and complexity in servicing the population through the Households of Household Services and a network of integrated reception points. The second is the specialization and concentration of production of services, their industrialization, particularly for tailoring, footwear sewing, furniture manufacturing, photo services, laundry, and dry cleaning. The article analyzes in detail the state of trade and housing construction on Kuban. The achievements and problems in the development of these sectors are noted. The study examined the direct relationship between the decrease in the level of economic development of the state and the slowdown in social development that occurred in the end of 1980s, and as a result - a decline in social indicators of the standard of people's living. The author concludes that the transition to a market economy had destroyed the foundations of the Soviet social security system, strengthening the economic difficulties traditionally experienced by the population of the country.

Keywords: Soviet State, national social policy, Communist Party, standard of living, social expenditures, social welfare, Soviet trade, consumer services, housing, construction

Государственная социальная политика в 1980-е годы отвечала социалистической модели распределительных отношений и бюджетного финансирования, без учета регуляторов социального воспроизводства, которыми являлись доходы населения. Нужно отметить, что потери, которые возникали в процессе перераспределения в период социализма, были велики и никогда не анализировались [5, с. 29-44]. Поэтому развитие социальной политики, как важнейшего фактора государства, нуждается в объективном изучении на уровне отдельных регионах, в том числе на примере Краснодарского края.

В период 1980-х годов наблюдался рост доходов населения края. Так, в 1987 г. среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих составляла 172 руб. против 168 руб. прошло-

го года. Вклады населения в сберегательные кассы увеличились на 245 млн рублей [6]. Среднесписочная численность рабочих и служащих в народном хозяйстве Краснодарского края в 1988 г. уменьшилась на 1,4%, однако фонд заработной платы рабочих и служащих возрос на 7,9%. Среднемесячная заработная плата составила 186 руб. Вклады населения края в сберегательные кассы в 1988 г. возросли на 367 млн рублей.

В СССР многое делалось, чтобы помочь семье в ее нелегком труде. Государство открывало детские садики и школы, больницы и санатории, финансировало строительство дворцов молодежного творчества, выплачивало детские пособия [4, с. 36-45]. В советском обществе остро стояла проблема молодежи, существовали многочисленные проблемы, с которыми сталкивались женщины, ветераны войны и труда. В связи с этим возникла необходимость создания целостной системы мер, включающей заботу о материнстве, охрану женского труда и здоровья, облегчение домашнего хозяйства и быта [2]. К середине 1980-х годов в СССР выплачивалось 14 видов семейных пособий. На выплаты пяти из них (по беременности и родам, на рождение ребенка, по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, многодетным и одиноким матерям) выделялось 80% всех средств на семейные пособия. КЗоТ предоставлял одну из важнейших привилегий для одиноких матерей - запрет на их увольнение с производства до достижения ребенком 14 лет. На предприятиях и в органах, ответственных за распределение жилой площади, действовали квоты для одиноких матерей. Профсоюзы организаций на предприятиях предлагали льготные путевки в пионерлагеря и санатории, учитывая тяжелое положение одиноких матерей. Также были предусмотрены бесплатные детские сады, ясли, бесплатные детские обеды, бесплатное обучение в школе [2].

Важным направлением социальной политики было бытовое обслуживание населения. Служба быта в 1980-е годы как отрасль, собранная в единое целое из ранее разрозненных полукустарных производств и вставшая на путь хозяйственной самостоятельности, развивалась в двух направлениях. Первое - это обеспечение доступности и комплексности в обслуживании населения через дома бытовых услуг и сеть комплексных приемных пунктов. Второе - специализация и концентрация производства услуг, их индустриализация, особенно по пошиву одежды, обуви, изготовлению мебели, фотоуслугам, прачечным, химчистке и др. [3, с. 291-292]. Предприятия службы быта не выпускали массовую продукцию с высокой рентабельностью производства, а в основном ремонтировали изделия, изготовленные «большой» промышленностью, оказывая личные услуги непосредственно населению. Внутри отрасли бытового обслуживания существовало деление на две сферы: производственную и непроизводственную. В результате отдельные трудовые коллективы, работающие в объединении, предприятии и даже в одном здании, переводились на новые тарифные ставки и оклады, а другие нет. Одни получали отпуск 24 дня, другие - 15 или 18 дней. Один коллектив, одни задачи, примерно одинаковые условия труда, а подходы к оплате труда были разные, что вызывало недовольство среди работников. Поэтому необходимо было отнести службу быта полностью к производственной сфере, как это было сделано в торговле [3, с. 291-292].

По информации отдела статистики жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения, в целом по СССР за 1981 г. при объеме реализации бытовых услуг в ценах, принятых в плане, было запланировано всего услуг на сумму 8 382,3 тыс. руб., что на 445,3 тыс. руб. больше, чем объем реализованных бытовых услуг 1980 г. Стоимость всех материалов (запасных частей) предприятия, использованных при выполнении заказов, в 1981 г. составила 3 520,1 млн рублей.

Из запланированного объема на долю городских территорий было оказано услуг на сумму 6 096,7 тыс. рублей [1, л.1623].

Объем реализации всех услуг за 1981 г. по сравнению с 1980 г. был выполнен на 106,2%, из которых по ремонту обуви был выполнен на 105,8%, на индивидуальный пошив обуви - 107,7%, индивидуальный пошив швейных, меховых и кожаных изделий, головных уборов и изделий текстильной галантереи был выполнен на 102,8%, ремонт вышеперечисленных изделий - на 111,9%. План ремонта трикотажных изделий реализован на 110,1%, индивидуальный пошив и вязка трикотажных изделий выполнен на 104,7%, ремонт бытовых машин и приборов, ремонт и изготовление металлоизделий - на 110,9%, из него гарантийного ремонта - 118,8% [1, л.1623].

Удельный вес выполненных работ по заказам организаций, учреждений и предприятий по ремонту обуви составил 2,6%, на индивидуальный пошив обуви - 0,8%, на ремонт бытовых машин и приборов, ремонт и изготовление металлоизделий - 24,8% [1, л.1623].

Гарантийный ремонт телевизоров, радиоаппаратуры, магнитофонов, проигрывателей, радиол составил 20,3%. Гарантийный ремонт холодильников, пылесосов, стиральных и швейных машин - 40,2%, ремонт часов - 3%, ремонт фотоаппаратуры - 29,3% [1, л.1623].

В 1986 г. населению Краснодарского края было предоставлено платных услуг на 716 млн

рублей, что на 10% больше, чем в 1985 г., и установленный план по оказанию платных услуг населению был выполнен [1, л.1623].

Объем реализации бытовых услуг в 1986 г. также увеличился на 10% по сравнению с предыдущим годом, население получило их на 180,6 млн рублей. План по объему реализации услуг населению был выполнен на 102%, в том числе в сельской местности - на 102%. Однако из 26 основных планируемых видов услуг план был выполнен только по 15 видам. По итогам 10 месяцев 1987 г. не справлялись с выполнением плана реализации бытовых услуг предприятия Главкраснодарстрой, Главсочиспецстрой, объединения «Краснодаргражданстрой», «Агропромстрой» [6].

Улучшить бытовое обслуживание население должны были кооперативы по производству товаров народного потребления. В общественном питании по оказанию различных услуг населению трудилось около 3 тыс. человек, параллельно развертывалась индивидуальная трудовая деятельность. В крае было создано около 3 тыс. кооперативов, из них по состоянию на 1 октября 1988 г. действовало около 1300. Наибольшее развитие получили кооперативы по производству товаров народного потребления - 422, бытовому обслуживанию населения - 359, общественному питанию - 182. Выручка от реализации продукции (работ, услуг, оказанных кооперативами) составила 56 млн рублей [6]. Однако решить проблему обеспечения населения товарами народного потребления с помощью развития кооперации в полной мере не удалось.

Немало проблем было и в сфере торговли. Так, розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли Краснодарского края за 9 месяцев 1987 г. составил 4,5 млрд рублей и увеличился по сравнению с соответствующим периодом 1986 г. в сопоставимых ценах по общему объему на 2,1%, а без реализации алкогольных напитков - на 3,8%. Вместе с тем план товарооборота не был выполнен как по общему объему, так и без реализации алкогольных напитков. Не выполнили план розничного товарооборота крайпортебсоюз, местные тресты и конторы, местные торги, управления торгами и общественного питания Главкурорта г. Сочи, УРС объединения «Краснодарнефтегаз», УРС Министерства лесного хозяйства РСФСР и другие. Годовая продажа отдельных товаров государственной и кооперативной торговли Краснодарского края за 1987 г. в процентном отношении к 1986 г. характеризуется следующим образом: хлебопродукты - 110%, мясо и мясопродукты - 114%, рыба и морепродукты - 105%, животное масло - 107%, растительное масло - 118%, маргариновая продукция - 104%, цельномолочная продукция - 106%, сыр - 102%, яйца - 114%, сахар - 107%, кондитерские изделия - 126%, чай - 125%, картофель - 111%, овощи - 115%, фрукты и цитрусовые - 102%, безалкогольные напитки - 111% [6]. Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли Краснодарского края за 9 месяцев 1988 г. составил 4,7 млрд руб. и увеличился по сравнению с соответствующим периодом 1987 г. на 251 млн рублей, однако девятимесячный план товарооборота не был выполнен и составлял 98,2% [6].

По-прежнему не удовлетворялся спрос населения на одежду, обувь, трикотажные изделия, ряд товаров культурно-бытового назначения (телевизоры, холодильники, стиральные машины, пылесосы, швейные машины). В 1988 г. заявки торговли на эти товары были удовлетворены на 45-75%. Несмотря на рост продажи мясных и молочных продуктов, спрос населения на них удовлетворялся не полностью [6].

В 1980-е годы на Кубани увеличились масштабы жилищного строительства. Государственными, общественными и кооперативными предприятиями и организациями, включая жилищно-строительные кооперативы, а также колхозами было сдано свыше 800 тыс. м^2, что на 22% больше, чем за 9 месяцев 1986 г. План 9 месяцев ввода жилья был выполнен, и трудящиеся края получили свыше 13 тыс. новых благоустроенных квартир [6].

В 1987 г. на территории Краснодарского края сданы в эксплуатацию дошкольные учреждения на 5,6 тыс. мест, общеобразовательные школы на 13,8 тыс. ученических мест, больницы на 525 коек, поликлиники на 3,2 тыс. посещений в смену [6].

Определенные успехи были достигнуты и в обеспечении населения товарами. Так, по сравнению с 1987 г. в 1988 г. выпуск товаров народного потребления увеличился на 3% и составил 4,5 млрд рублей.

Ускорилось развитие производства непроизводственных товаров (без товаров легкой промышленности). Общий их выпуск возрос на 9,5%. Выпуск готовых изделий легкой промышленности 1988 г. в розничных ценах по сравнению с предыдущим годом возрос на 56 млн рублей, или на 8,7% [6].

Вместе с тем следует отметить, что в конце 1980-х годов на фоне недостаточного финансирования государственный социальной политики существенно падает уровень реальных зарплат и, соответственно, способность домохозяйств индивидов самостоятельно покрыть свои расходы. Начавшаяся экономическая реформа в России повлияла на снижение государственных трансфер-

тов, уменьшение числа субсидируемых государством детских дошкольных учреждений и ухудшила возможности женщин на рынке труда. Переход к рыночной экономике разрушил основы советской системы социального обеспечения, усилив экономические трудности, традиционно испытываемые населением страны [4, с. 36-45].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1562. Оп.I. Д.64. Л.1623.
2. Первый съезд народных депутатов СССР 25 мая - 9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. Т.1. - М., 1989.
3. Первый съезд народных депутатов СССР 25 мая - 9 июня 1989 г.: Стенографический отчет. Т.5. - М., 1989. - С. 291-292.
4. Овчарова Л.Н., Прокофьева Л.М. Социально-экономические факторы феминизации бедности в России // Экономика и социальная политика: тендерное измерение. - М., 2002. - С. 36-45.
5. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. - 2003. - Т.1. - № 1. - С. 29-44.
6. Итоги социально-экономического развития Краснодарского края в 1986 году. Сообщение краевого статистического управления // Советская Кубань. - 26.02.1987 г.

REFERENCES

1. GARF (Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii). [SARF (State Archives of Russian Federation]. F.1562. Op.I. D.64. L. 1623. (in Russ.)
2. Pervyj s'ezd narodnyh deputatov SSSR 25 maya - 9 iyunya 1989: Stenograficheskij otchet. [The First Congress of People's Deputies of the USSR. Verbatim report]. T.1. M., 1989. (in Russ.).
3. Pervyj s'ezd narodnyh deputatov SSSR 25 maya - 9 iyunya 1989: Stenograficheskij otchet. [The First Congress of People's Deputies of the USSR. Verbatim report]. T.5. M., 1989. Pp. 291-292 (in Russ.).
4. Ovcharova L.N., Prokof'eva L.M. Social'no-ehkonomicheskie faktory feminizacii bednosti v Rossii. Ekonomika i social'naya politika: tendernoe izmerenie. [Socio-economic factors of the feminization of poverty in Russia.Economics and social policy: the gender dimension]. M., 2002. Pp. 36-45. (in Russ.).
5. Grigor'eva I.A. Social'naya politika: osnovnye ponyatiya. ZHurnal issledovanij social'noj politiki. [Social policy: basic concepts. Journal of Social Policy Research]. 2003. T.1. № 1. Pp. 29-44. (in Russ.).
6. Itogi social'no-ekonomicheskogo razvitiya Krasnodarskogo kraya v 1986 godu. Soobshchenie kraevogo statisticheskogo upravleniya. Sovetskaya Kuban'. [Results of social and economic development of the Krasnodar Territory in 1986. Communication of the Territorial Statistical Office. Soviet Kuban]. 26.02.1987. (in Russ.).

Информация об авторе:

Домнич Евгения Анатольевна, аспирант,
Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
eadomnich@mail.ru

Получена: 31.10.2017

Для цитирования: Домнич Е.А. Основные направления государственной социальной политики и их реализация в Краснодарском крае в 1980-е годы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.84-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-84-87.

Information about the author:

Evgeniya A. Domnich, Postgraduate Student,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
eadomnich@mail.ru

Received: 31.10.2017

For citation: Domnich E.A. Main directions of national social policy and its implementation in Krasnodar region in the 1980s. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 84-87.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-84-87. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-88-98

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич
Южно-Российский институт управления
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
г. Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Sergey A. KISLITSYN
South-Russian Institute of Management
of Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

П.М. АБОВИН-ЕГИДЕС - ВЫДАЮЩИЙСЯ РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛИСТ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

OUTSTANDING RUSSIAN SOCIALIST AND POLITICAL THEORIST P.M. ABOVIN-EGIDES (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTHDAY)

П.М. Абовин-Егидес - теоретик и практик инновационной модели самоуправленческого социализма. Политическая социализация П.М. Егидеса прошла в советских условиях, что обусловило его становление как комсомольца, ставшего диссидентом. Он ушел добровольцем на фронт, попал в плен, но бежал и в итоге получил десять лет «за измену Родине», семь из которых он провел в лагерях. После реабилитации он вступил в партию, возглавил колхоз и, проанализировав свою управленческую практику, сделал вывод о возможности строительства социализма снизу на основе самоуправления. Вернувшись в вузовскую систему, он защитил диссертацию на степень кандидата философских наук на тему «Проблема смысла жизни и ее решение в марксистской этике», подготовил инновационную монографию. В конце 1960-х годов он присоединился к диссидентскому движению. В своих рукописях П.М. Абовин-Егидес доказывал, что в СССР социализм построен не был, так как социализм и демократия в их подлинности невозможны друг без друга. Нигилистические оценки реального социализма противоречили официальной доктрине советского марксизма, и поэтому властями было принято решение изолировать автора в психбольнице. После освобождения он в 1970-х годах организовал оппозиционный социалистический журнал «Поиски», за что был фактически изгнан из СССР. Во Франции П.М. Абовин-Егидес продолжал свои социально-философские изыскания, выпуская типографским способом старые и новые «Поиски». Вернувшись в СССР, он в 1991 г. выпустил книгу «Сквозь Ад. В поисках третьего пути», в которой не только убедительно изложил свою концепцию самоуправленческого социализма, но сделал глубокий научный анализ дискуссий в советском обществе в период перестройки. Позднее П.М. Абовин-Егидес жестко критиковал гайдаровские реформы и яростно разоблачал Б.Н. Ельцина за расстрел парламента. Отрицая советский строй как «тоталитарный этатизм», П.М. Абовин-Егидес одновременно отказался превозносить авторитарный режим Б.Н. Ельцина. В середине сентября 1992 г. на трибуне Конституционного Суда диссидент припомнил новой власти все ее преступления: от насаждения нищеты и безработицы до морального разложения российского народа. Его разноплановая деятельность, все его произведения, в том числе посмертный сборник его трудов «Наш звездный час», убеждают в том, что П.М. Абовин-Егидес вписал свое имя в историю мировой социалистической мысли.

Ключевые слова: теория и практика социализма, тоталитарный этатизм, оппозиционная модель самоуправленческого социализма, теория оазисного развития социализма, диссидентское движение, карательная психиатрия, перестройка, Партия самоуправления трудящихся

P.M. Abovin-Egides was theorist and practitioner of the innovative model of “socialist self-administration”. His political socialization P.M. Abovin-Egides took place in Soviet Union that led to his formation as a young communist (komsomolets) and later as a dissident communist. He volunteered for the front, was taken prisoner, but escaped and eventually received 10 years “for treason”, 7 years of which he spent in the camps. After rehab he joined the party, led the collective farm (kolkhoz) and having analyzed his management practices he made a conclusion about the possibility of building socialism from below on the basis of self-government. After returning to the University he made his PhD in philosophical sciences with the theme: “The meaning of life problem and its solution in Marxist ethics”, prepared innovative monograph. At the end of the 1960s he joined the dissident movement. In their manuscripts, P.M. Abovin-Egides argued in his manuscripts that Soviet socialism was not built, since socialism and democracy in their authenticity are impossible without each other. Nihilistic assessment of real socialism was contrary to the official doctrine of Soviet Marxism and therefore the authorities decided to isolate the author in a mental hospital. After his release in the 1970s he organized the oppositional socialist magazine “The Search”, for which he was actually expelled from the USSR. P.M. Abovin-Egides continued his socio-philosophical research in France, producing typographically old and new "The Search." Back in the USSR, he published the book “Through Hell. In search of a third way” in 1991, which not only convincingly presented his concept of “socialist self-administration”, but took a deep scientific analysis of the discussions in Soviet society during the period of "perestroika". Later P.M. Abovin-Egides harshly criticized Gaidar reforms and fiercely denounced the B. Yeltsin’s shelling of the Parliament. Denying the Soviet system as “totalitarian statism”, P.M. Abovin-Egides refused at the same time to extol the authoritarian regime of B.N. Yeltsin. In mid-September 1992 the podium of the constitutional Court of the dissident recalled the new government all its crimes - spread of poverty and unemployment to moral decay of the Russian people. His diverse activities, all his works, including the posthumous collection of his writings, “Our finest hour”, convinced that P.M. Abovin-Egides wrote his name in the history of the world socialist thought.

Keywords: theory and practice of socialism, totalitarian statism, oppositional model of “socialist self-administration”, oasis theory of socialism, dissident movement, punitive psychiatry, restructuring, Party of self-administration of workers

Биография известного ученого и диссидента П.М.Абовина-Егидеса (1917-1997) уникальна по многим параметрам. Замечательный философ, ровесник Великого Октября, не просто прожил удивительную жизнь как оригинальный исследователь-обществовед, политик-социалист и марксист-диссидент, но вписал себя в историю мировой социалистической мысли и стал ее выдающимся российским классиком и практиком. Последнее обстоятельство мы попытаемся раскрыть более подробно, тем более что ряд авторов ничтоже сумняшеся узко и прямолинейно именуют его анархо-синдикалистом, троцкистом, умеренным социал-демократом, антисоветским диссидентом, социально активной личностью, просто свободомыслящим философом.

Родился Петр Маркович Егидес в 1917 г. в Киеве. Его отец встал на сторону революции, но вошел в конфликт с местными чекистами и был ими в 1920 г. расстрелян. Т. Самсонова-Егидес пишет: «Потеряв отца, он вскоре стал детдомовцем: бабушка прокормить не могла и вынуждена была отдать внука новому нарождавшемуся Государству. Там он закончил школу. Ему повезло: он любил своих воспитателей, они любили мальчика, от природы наделенного умом, добротой и неистовой жаждой познания и поиска» [1]. Получив типично советское воспитание, Петр стал учиться на на рабфаке - уникальном изобретении нового строя для создания советской интеллигенции. В 1932 г. он был направлен в сельскую школу учителем истории, при этом он одновременно экстерном окончил десятилетнюю школу в районном центре. Через четыре года он, как обладатель диплома с отличием, был принят без экзаменов на философский факультет знаменитого Института философии, литературы и истории в Москве. Когда философский факультет там закрыли, П.М. Егидес перешел на исторический факультет. В 1938 г. философфак в ИФЛИ восстановили, и он сразу же вернулся туда на стационар, заканчивая изучать историю экстерном. Историческая подготовка обусловила и социальный характер его последующих философских изысканий, и политическую акцентацию выводов. В целом, блестящее образование и политическая социализация П.М. Егидеса прошли в советских условиях, что обусловило его становление как комсомольца, а впоследствии и инакомыслящего коммуниста, ставшего диссидентом.

Хотя П.М. Егидес, судя по его более поздним публикациям, был настроен весьма антисталински, но при этом он оставался советским патриотом и приверженцем классических идей социализма. И когда началась война, он записывается в Сокольническом РК ВЛКСМ добровольцем в ополчение, точнее в 1-й Московский добровольческий отряд коммунистов и комсомольцев. В составе 19-й армии он сражается под Смоленском. Командир минометной батареи П.М. Егидес попал в окружение, где и был ранен. Очнулся в плену, но через месяц ему удалось бежать и даже перейти линию фронта в расположение своей части. По законам военного времени он был арестован, отправлен в фильтрационный лагерь. Особое совещание НКВД не стало разбираться и назначило ему десять лет «за измену Родине», семь из которых он провел в северных лагерях. Известно, что, когда П.М. Егидес работал в лагерной медсанчасти, к нему явился местный «пахан». Ему нужна была справка, чтобы не перевели в другой лагерь. Медбрат отказал, и уголовник стал угрожать ножом. П.М. Егидес схватил топор, которым колол лучину на растопку, и ударил уголовника по голове. В это время его очередное письмо с просьбой о помиловании легло на стол Поскребышева, и тот поставил печатку: «Дело пересмотреть. И. Сталин» [2]. Суд за убийство назначил П.М. Егидесу два года условно, но учел, что он весь срок находился под следствием и в конце концов его освободил. Это было просто фантастическое везение, хотя в этом, на наш взгляд, была определенная логика.

В конце 1948 г. П.М. Егидес был реабилитирован за недоказанностью состава преступления. Он вернулся в Москву, однако не мог устроиться на работу, так как понятие реабилитации не вошло еще в общественное сознание и администрация считала его подозрительным. А в это время в связи с убийством Ярослава Галана приехал во Львов Н.С. Хрущёв, и на партактиве жена П.А. Егидеса написала ему записку, что вот, мужа реабилитировали, а на работу не принимают. Через две недели его вызвали в Львовский обком партии, который дал указание принять его на работу в местное педучилище.

Вскоре первая жена П.М. Егидеса Г. Титова защитила диссертацию и стала работать сначала в Черкассах, затем в Пензе преподавателем кафедры марксизма-ленинизма индустриального института. П.М. Егидес стал ассистентом этой же кафедры и аспирантом. Но тут новый поворот в его удивительной жизни. В сентябре 1953 г. пленум ЦК КПСС принял решение о «коренной перестройке села». П.М. Егидесу удалось уговорить жену добровольно поехать в колхоз на должность председателя. Сам он получил председательство в колхозе позже, когда вступил в компартию. Он возглавил колхоз «Рассвет» села Санниковка Тамалинского района Пензенской области. Приступая к работе, он исходил из того, что при Сталине «подлинный колхоз даже с относительной независимостью от государства» был уничтожен, что сложившаяся система управления колхозами подразумевает произвол, аферы и преступления, что в колхозах «вообще нет советской власти» и все это на фоне «бездуховного, безморального вакуума». То есть на самом деле в Советском Союзе

никаких колхозов нет, поэтому «сделать колхозы колхозами - вот в чем суть. С самоуправлением. Хоть один колхоз сделать равным своему понятию - посмотреть, как это может и должно быть. Иначе говоря, совершить бы социалистическую революцию хотя бы в одном отдельно взятом колхозе» [3]. Новый курс партийного руководства на подъем села дал П.М. Егидесу надежду и уверенность, что это в принципе вполне возможно.

Чтобы воплотить в жизнь изначальную идею колхоза как кооператива, по мнению П.М. Егидеса, нужно найти решение не в «способах производства» и не в технологической «рутине», а прежде всего в моральной ипостаси. «...На селе пока сейчас главное не в специалистах: мужик изверился в самой идее, в коммунистах, в том, что есть честные, действительно идейные социалисты». Наверняка честные, правильные коммунисты где-то есть, но они не идут в деревню. А те, кого назначают председателями «сверху», по своему статусу - не настоящие хозяева, а временщики, и относиться к земле и к труду нравственно, по-хозяйски они тоже не в состоянии, поскольку деморализованы своей фактической безнаказанностью и вседозволенностью. Вот реплика рядовой доярки на колхозном собрании: «Ха, сколько у нас перебывало их, этих ваших новых председателев - и своих, и чужих, хоть пруд пруди... А только что? Приедут, обопьются, обожрутся, баб перещупают, девок перепортят, награбят колхозное добро - и сматываются... и только их видали». «"Новые председатели" - ...это лишь суррогаты настоящего хозяина, как и райкомовские уполномоченные, "погонялы", которые считают себя крупными "специалистами" в колхозном деле. Чтобы стать настоящим хозяином, недостаточно уметь считать и приспосабливаться». «Можно посмотреть на пребывание в селе как на каторгу, на ссылку, а можно - как на глубокий смысл жизни. Настоящий хозяин должен быть один, и он должен быть сувереном, а не вассалом и не передаточным механизмом, не шестеренкой, не "диспетчером"». «...Диспетчер не в состоянии решать что-либо самостоятельно, а ведь получалось так, что председатель колхоза - диспетчер между райкомом и колхозниками, секретарь райкома - диспетчер между секретарем обкома и председателями колхозов, а секретарь обкома - диспетчер между ЦК и секретарями райкомов... И никто ничего не вправе решать и не должен думать <...> только делом можно убедить этих функционеров-роботов, только явочным порядком, ставя их перед свершившимся фактом». Созданный им радиоузел П.М. Егидес использовал не только для организации труда, но и для радиогазеты, бесед и лекций. В конечном счете целью является именно духовное развитие, а не экономика. Хотя и экономические результаты на свой страх и риск введенной новым председателем поамбарной системы оплаты труда впечатляют [4].

П.М. Егидес говорил о том, что нужна логико-этическая переориентация общества с нынешней прагматически-потребительски-производственной ориентации на морально-нравственную. От радиобесед с колхозникам он переходит к реформированию сельской школы. Его занимала идея создания производственно-воспитательного комбината, идея сближения колхоза и школы, так как колхозу нужны не роботы, а личности. Образовывать и воспитывать предполагалось не только детей, но и взрослых, чтобы семья не была деморализующим и оглупляющим противовесом школе. Для взрослых были организованы лекции по логике, философии, социологии, этике и эстетике. П.М. Егидес считал, что, получив такую всестороннюю подготовку, колхозники смогут стать независимо от экономических и политических условий настоящими хозяевами на своей земле [5]. Но такие оригинальные подходы показались странными и опасными партийному руководству области. После схватки на пленуме обкома с первым секретарем областного комитета КПСС Бутузовым П.М. Егидесу пришлось уйти с должности по собственному желанию и уехать в другие края. Причем этот эпизод не был исключением: имеются факты о подобном отношении со стороны секретарей Щетинина, Соломенцева и др. П.М. Егидес вспоминал позитивно только одного секретаря обкома - Ф.Д. Кулакова.

Что же дал П.М. Егидесу его опыт руководителя колхоза? Очень многое. На основе управленческой практики он сделал вывод о реальной возможности строительства социализма снизу на основе самоуправления. П.М. Егидес считал, что самоуправляющееся общество, то есть ассоциации самоуправляющихся индивидов, будут возникать оазисно, в разных странах, на разных континентах и станут, накапливая позитивный опыт, пробуя разнообразные формы организации свободного труда и справедливого распределения прибыли, создавать оазисы подлинного, а не мнимого социализма. П.М. Егидес позднее сформулировал закон «оазисного развития социализма», устраняя необходимость насилия для его возникновения и развития. Именно сеть самоуправляющихся предприятий и хозяйств должна составлять, по его мнению, сердцевину новой социалистической экономической системы, причем между предприятиями устанавливаются рыночные отношения (так называемый социалистический рынок). Концепция «оазисного» развития предполагает в глобальном плане, что в сегодняшних условиях он не видел возможности планетарного и моментального изменения общества, которое приведет к социализму, так как перевороты подобного рода («революции») чреваты забвением истории и несут в себе силы, которые деформируют про-

цесс и результаты переворота. Стабильными могут стать те «оазисы», где практически уже сложились отношения свободного труда, справедливости, гуманизма. Такие оазисы появляются в разных системах - их поддержка, изучение и распространение их опыта может стать способом построения демократии и социализма.

После конфликта с партийным руководством Пензы в 1959 г. П.М. Егидес добровольно-вынужденно вернулся к собственно научной работе в сфере философии. Это не была просто смена рода деятельности, ибо П.М. Егидес решил, отталкиваясь от практики, разработать методологические основы подлинно социалистического самоуправления. Он стал печататься в центральных журналах, преподавать на кафедре философии Брянского сельскохозяйственного института. В 1965 г. он защитил диссертацию на степень кандидата философских наук на тему «Проблема смысла жизни и ее решение в марксистской этике». В ней он писал: «Смерть - не просто ничто: она имеет великий смысл как вечный стимулятор. Без перспективы смерти мы бы при жизни погрязли в энтропии бездеятельности. И истории бы не было. Смысл смерти вытекает из смысла самой жизни. Поэтому смерти бояться действительно нечего - однако лишь при условии, что живешь достойно...!» [6]. П.М. Егидес стремился доказать, что основной вопрос философской науки - это вопрос о смысле жизни, считая его третьей стороной основного вопроса философии, поскольку он раскрывает отношение нравственного сознания к самому отношению между человеком и окружающим миром. Согласно теории П.М. Егидеса, смысл жизни имеет, с одной стороны, космическое, с другой - вполне практическое социальное значение.

В 1966 г. П.М. Егидес трудился в Иркутском университете, но уже в следующем году переехал в Ростов-на-Дону. В 1967 г. он работал в Ростовском педагогическом институте, а в 1968-1970 гг. уже преподавал в Ростовском университете на кафедре марксистско-ленинской философии экономико-философского факультета. В это время РГУ возглавлял выдающийся организатор науки Юрий Андреевич Жданов, который пытался сосредоточить во вверенном ему университете лучшие творческие кадры [7]. В РГУ П.М. Егидес работал над инновационной монографией «Личность как категория общей социологии», которую хотел представить в качестве докторской диссертации. Но академическая карьера не стала смыслом его жизни. Изменившаяся политическая обстановка в стране и развитие диссидентского движения внесли значительные поправки в жизнь философа. Позднее П.М. Егидес дал следующее объяснение сложившейся ситуации.

«*Становление при эпигонах Сталина демократического (диссидентского, либералистского, правозащитного) движения было лучом света в царстве стагнации, в условиях 25-летнего послесталинского топтания на месте по основным вопросам социального бытия. Движение это было вызвано к жизни трагедией нашего общества. Руководство страны и партии, якобы исповедующей социализм, не в силах понять (ибо опирается на те слои, которые не заинтересованы в этом), что из сущности человека как саморефлектирующего существа вытекает его стремление состояться как личность, что реализовать себя как личность человек может только в условиях всесторонней демократии, что без демократии личность невозможна, а без последней мы будем иметь что угодно, только не социализм. Вот почему вместо того, чтобы мужественно пойти на столь необходимую демократизацию, сусловско-брежневское руководство, поставив себе целью покончить с оттепелью, имевшей место в первые годы хрущевского руководства, заменило ее заморозками такой степени, которая была бы, по расчетам "верхов", достаточной для ликвидации малейшей оппозиции. По существу, новое руководство ознаменовало начало своей деятельности не косыгинской экономической реформой (которая оказалась лишь ширмой и, к сожалению, провалилась), а трапезниковской попыткой реабилитировать сталинщину и судебной расправой над писателями Синявским и Даниэлем: ведь осуществить такую акцию куда легче, чем экономическую реформу - ни ума, ни умения для этого не требуется. Второй "великой исторической акцией" (антидемократической и антисоциалистической) была оккупация Чехословакии, ликвидировавшая в зародыше "Пражскую весну" - весну, возможно, подлинного социализма. Но заморозки привели к обратному результату по сравнению с тем, который ожидало правительство: вспыхнуло демократическое движение, вылившееся в формы "подписантства", демонстраций, протестов, требований, а затем - в создание различных инициативных групп и общественных комитетов, в выпуск "Хроники текущих событий" и самиздатовской литературы*» [8].

С 1967 г. П.М. Егидес стал открыто участвовать в диссидентском, фактически оппозиционном движении, в частности он пишет и непосредственно подписывает письма в ЦК КПСС, в которых осуждал вторжение советских войск в Чехословакию. Он направляет в ЦК КПСС письмо с требованием освободить А. Синявского и Ю. Даниеля, предложением провести выборы с альтернативными кандидатами, преобразовать газету «Правда» из органа ЦК КПСС в газету всей партии, реорганизовать колхозы в действительно коллективные хозяйства крестьян, реорганизовать КГБ и т.д. Почувствовав угрозу ареста, он в 1969 г. срочно уволился из РГУ и переехал в Москву, но все-таки там был арестован по постановлению прокуратуры и отправлен в Ростов с предъявлением

обвинения «клевета на советский государственный строй» по ст. 190-1 УК РСФСР. 7-8 декабря в Ростовском областном суде в закрытом заседании слушалось его дело. Диссидентская «Хроника текущих событий» сообщала, что председательствовал на суде Алексеев, обвинение поддерживал прокурор Заикин, защищал П.М. Егидеса адвокат Сарри. Самого П.М. Егидеса на суде не было - экспертиза института им. Сербского признала его невменяемым. В качестве свидетелей на суде были допрошены В.Е. Давидович (проф., зам. секретаря парткома РГУ), Кивенко (проф. РГУ), Л.Н. Дямант, А.В. Потемкин (доцент РГУ) [9]. Впоследствии профессор В.Е. Давидович, когда речь заходила на эту тему, гневно и возмущенно отрицал свое участие в гонениях на П.М. Егидеса, называл «негодяями и подонками» свидетелей обвинения и даже восхищался П.М. Егидесом, объявляя его образцом настоящего коммуниста. Он говорил, что «если кто-то будет вам хаять коммунистов, посмотрите на Егидеса и поймете, что это ложь». Более того, В.Е. Давидович считал, что никаким диссидентом в смысле понятия «противник Соввласти» Егидес не был, а просто имел свое мнение и не опасался его высказывать [10]. Тем не менее из компартии П.М. Егидеса партком РГУ быстро исключил. В 1990-х годах П.М. Егидес и В.Е. Давидович встретились, объяснились и расстались по-хорошему.

Как бы то ни было, суд установил, что П.М. Егидес создавал свои рукописи в Ленинградской области и в Ростове. В январе 1970 г. Л.Н. Дямант задержала милиция, произвела обыск у него на квартире и изъяла чемодан с рукописями П.М. Егидеса, среди которых были проекты устава КПСС и Конституции. Эти проекты содержали предложения по демократизации партии и политической системы, что радикально расходилось с курсом Л.И. Брежнева на консервацию советского общества и латентную реабилитацию И.В. Сталина. Проекты посягали на самое «святое» для КПСС - диктатуру партии, что вызвало не только содержательное, но и нравственное отторжение проектов. Свидетель Кивенко охарактеризовал на суде соответствующий «моральный» облик диссидента. Эксперт Ландау (институт им. Сербского) показал, что П.М. Егидес является психопатической личностью с черепно-мозговой травмой и атеросклерозом, что правонарушение было совершено в «состоянии паранойяльной реакции с охваченностью бредовыми идеями величия и реформаторства». В настоящий момент, заключила экспертиза, выход из реакции неполный, в связи с чем П.М. Егидес нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа. Судом было признано, что его рукописи «К основным направлениям социализма» и «Единственный выход» содержат клеветнические измышления.

В интервью П.М. Егидеса журналу «Община» было сказано: «*...за книгу "Единственный выход" я сидел как умалишенный. Не может же нормальный советский человек быть против вторжения в Чехословакию и за демократизацию. А самое главное обвинение было в том, что у меня <...> борода! Нормальный советский лояльный человек бороду не носит. Я возражал: "Ну, хорошо, а Маркс, а Ленин, а Фидель Кастро?" Но профессор-психиатр Лунц говорит: "О, значит, у вас мания величия. Вы приравниваете себя к великим людям". Я ответил, что не считаю Ф. Кастро великим человеком, а сравнение не есть приравнение. "Ну, ладно, - сказал Лунц, - это словоблудие, и вас надо лечить"*» [11].

П.М. Егидес был помещен в больницу им. Кащенко, в отделение для беспокойных. До 1972 г. он находился в психбольнице им. Кащенко. Трехгодичное пребывание в системе советской карательной психиатрии П.М. Егидес подробно описал в одной из своих публикаций [12].

Безусловно, дело было не в психике автора. В своих рукописях П.М. Егидес научно доказывал, что в СССР социализм так и не был построен, так как социализм и демократия в их подлинности невозможны друг без друга. По мнению философа, идея социализма соответствовала естеству человека и его стремлению к свободе, а политическая система в СССР противоречила ей. Не принимая распространенную среди диссидентов теорию необходимости конвергенции социализма и капитализма, П.М. Егидес занялся вопросами оптимального социального устройства именно социализма, логико-этическими самоуправленческими аспектами его перспективного развития. Созданная им концепция социалистического панперсонализма фиксировала, что личность - это не только психологические особенности каждого человеческого индивидуума, а особое отношение между человеком и обществом, возникшее на определенном уровне развития последнего. Личность есть мера экономического, политического, бытового, духовного и т.п. просторов между человеком и обществом, мера автономии человека, что объективно необходимо и достаточно для развертывания его потенций. Человек является личностью лишь в той мере и в той сфере, в какой он имеет реальную возможность что-то конкретно решать. Поэтому в тоталитарном обществе «рядовой» человек не является личностью ни в политической, ни в экономической сферах, ибо он в них ничего не решает; в капиталистическом же обществе человек - лишь фрагментарная личность, ибо имеет право только политического голоса, но ничего не решает в экономической сфере. В экономике он - только наемный работник, отчужденный от управления производством; полною

же личностью человек может быть только в обществе всестороннего самоуправления, то есть в обществе подлинного социализма.

Такие взгляды и особенно оценки реального социализма кардинально противоречили официальной доктрине советского марксизма. Но в то же время были очевидны общий социалистический характер теорий, отсутствие реальных связей автора с заграницей и, наконец, альтруистические личные намерения. Партийными властями было принято и реализовано решение изолировать автора в психбольнице, но не доводить дело «до конца», а освободить его без права работать по специальности, позднее - отправить его со своими самоуправленческими идеями «куда подальше» - в эмиграцию, а если откажется, - опять в лагеря.

П.М. Егидес был освобожден в 1972 г. и потом долго был безработным, пока не устроился в ИПК бытового обслуживания, где преподавал теорию дизайна. Но при этом он стал сотрудничать с журналом «XX век» Г.О. Павловского (1975-1976), подписал документ Московской Хельсинской группы «Десять лет спустя», посвященный годовщине вторжения в ЧССР, и т.п. Но самое главное, он стал одним из основателей социалистического журнала «Поиски**»,** наряду с Р. Лерт и Г. Павловским. Авторами журнала были В.Ф. Абрамкин, В.Л. Гершуни, Ю.Л. Гримм, В.В. Сокирко, М.Я. Гефтер, П.А. Подрабинек и др. Журнал выходил открыто, с указанием подлинных фамилий издателей. Это была уникальная легальная попытка вступить в открытый и честный теоретический диалог с властями по поводу сущности советского строя. «*На это - на требование диалога - правительство, называющее себя <...> "социалистическим, народным, демократическим, советским", ответило серией репрессалий - судебных процессов, психиатрических расправ, увольнений, изгнаний из страны, покрыв позором себя и весь режим*» [13]. Идеологи КПСС считали П.М. Егидеса и его товарищей врагами социализма, западные идеологи - «красными» пропагандистами советского социализма. И те, и другие сильно ошибались: П.М. Егидес и его журнал стояли на позициях демократического социализма. Свои статьи П.М. Егидес подписывал различными псевдонимами, в том числе именем Абовин, с этого времени и пошла в свет его итоговая двойная фамилия Абовин-Егидес. Как известно, журнал выходил в Москве с мая 1979 г. до конца 1980 г., всего было распространено восемь номеров с ничтожным тиражом в 20-30 экземпляров. Именно тогда была впервые опубликована знаменитая программная статья П.М. Егидеса «Принципы социализма». Однако политически-практическая эффективность журнала в силу мизерной тиражности была почти нулевой. Тем не менее за саму организацию оппозиционного социалистического журнала П.М. Абовин-Егидес был уволен из института, и, более того, ему вообще было фактически запрещено преподавать философию. Философ-историк-социалист стал подвергаться новым административным преследованиям, в том числе задержаниям, обыскам, допросам, увольнениям с работы. В 1980 г. КГБ буквально принудил его эмигрировать.

Во Франции П.М. Абовин-Егидес продолжал свои социально-философские социалистические изыскания. Он стал членом Социалистической партии Франции и выпустил типографским способом старые и новые номера журнала «Поиски». У него были сложные взаимоотношения с эмигрантами, не принимавшими его социалистические взгляды, лидерами компартии Франции, не говоря уже об идеологах СССР [14]. При этом он был президентом Объединенного комитета спасения Сахарова, которого очень уважал и написал о нем целую монографию [15]. Т. Самойлова-Егидес подчеркивала: «Пётр с огромным вниманием относился к социальным идеям А.Д. Сахарова, в частности - к его идее конвергенции, которую он считал необходимым уточнить, но в которой его привлекала суть. Под этой сутью он мыслил не синтез социализма и капитализма, а историческую необходимость ответственных отношений к опыту, практике, которые накапливались трудящимися и учеными разных народов и стран мира. В своей книге об А.Д. Сахарове он призывал учиться у Сахарова внеидеологическому гуманизму» [16].

После восстановления советского гражданства в 1990 г. П.М. Абовин-Егидес часто приезжал в Россию, выступал с лекциями, в которых пропагандировал социалистические идеалы самоуправления, чем вызвал сильное раздражение либералов всех мастей. В 1991 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу П.М. Абовина-Егидеса «Сквозь Ад. В поисках третьего пути». Это была своеобразная научно-публицистическая монография с некоторыми элементами воспоминаний. В ней автор не только убедительно изложил свою концепцию самоуправленческого социализма, но сделал широкий аналитический обзор дискуссий в советском обществе периода перестройки. При этом он дал отпор некоторым ультра-либералам, которые посмели обвинить его в оправдании советского тоталитаризма. Но категорически отрицая советский строй как тоталитарный этатизм, П.М. Егидес одновременно отказался превозносить новый авторитарный режим Б.Н. Ельцина.

В середине сентября 1992 г. представители коммунистов вывели его на трибуну Конституционного Суда в процессе о правомерности запрета КПСС. Не стесняясь в выражениях, бывший

диссидент припомнил новой власти все ее преступления от насаждения нищеты и безработицы до морального разложения российского народа, выразившегося в открытии «некоторых заведений, где человек за определенную сумму денег может купить себе девицу, точнее, ее гениталии...». Досталось на орехи и бывшим соратникам эксперта по правозащитному движению, выступавшим в качестве свидетелей президентской стороны, - В. Буковскому, С. Ковалеву и др. Но наиболее подробно он остановился на роли высшего российского руководства в «насильственном уничтожении СССР». Он подчеркнул, что Запад выиграл третью мировую войну без единого выстрела, благодаря содействию десяти человек - восьми гекачепистов, Горбачева и Ельцина. И как раз это преступление российского президента должно было бы стать предметом рассмотрения в Конституционном Суде, а может быть, и в Суде Верховном... Потрясенный председатель суда В.Д. Зорькин объявил перерыв, чтобы обсудить неожиданную ситуацию в закрытом заседании. В итоге все суждения эксперта объявили недействительными. КС решил отныне предоставлять слово экспертам только после предварительного ознакомления с их материалами [17].

Подготовленную для Конституционного Суда речь П.М. Абовина-Егидеса напечатала только коммунистическая газета «Советская Россия» в статье «Я обвиняю» [18]. В тексте подчеркивалось: «*Запрет КПСС выгоден ее беспринципному руководству: то, что сваливают вину на всю партию, на рядовых членов, отвлекает внимание от конкретных пакостей этого руководства. Их-то лично не судят, а удовлетворяются обвинением партии вообще, запретом ее в целом, а они выходят не только невредимыми, а еще и новые синекуры занимают, приспосабливаются к новой конъюнктуре. Им наплевать на партию - они никогда в ней не были по идейным мотивам. Они-то и готовы отдать рядовых членов - всю партию - "на позор и разграбление", лишь бы скрыться самим <...> дело нынче в другом - в том, что новый режим остается антидемократическим, он насильно навязывает народу одно ярмо вместо другого, новую кабалу вместо старой. И КПСС запретили именно для того, чтобы новое насилие легко было осуществить*» [19].

Но не следует представлять П.М. Абовина-Егидеса даже косвенным сторонником традиционной компартии. Ее курс на реабилитацию Сталина он категорично не принимал и всегда разоблачал. При этом писал, что сталинизм, сталинщина - не случайный эпизод русской истории, а этап, имеющий некоторые объективные основания. Все такого рода безобразия происходили не только от личности Сталина, хотя многие преступления происходили именно от него, но в то же время и в силу каких-то исторических черт самого народа. «Могут сказать и говорят (особенно те, кто чувствует себя причастным к сталинско-брежневским преступлениям): Зачем ворошить прошлое? Это уже ушло. Нужно думать об устройстве сегодняшнего бытия. Конечно надо. Но, увы, прошлое не ушло. Сталин не умер. Прошлое сменило только форму» [20]. Он призывал различать сущность исторического процесса и его специфическую форму, но это не должно означать отсутствия персональной ответственности за случившиеся. П.М. Абовин-Егидес писал: «Безусловно, история России наложила отпечаток на послеоктябрьский режим СССР, но не она виновата, что социализм здесь не удался, а прежде всего - лидеры, которые предали идею подлинного социализма и постепенно подменили его имперством на основе тоталитаризма, причем подменили незаметно для народа» [21].

П.М. Абовин-Егидес жестко критиковал гайдаровские реформы, особенно гневно обрушился на Б.Н. Ельцина за «расстрел парламента». Вместе с известными диссидентами В. Максимовым и А. Синявским он написал потрясающий документ: *«Господин президент! Почему Вы стреляли в свой народ? Верховный Совет плохой? Так это Ваш Верховный Совет, это парламент Вашего народа, и другого народа у Вас не будет. Потому что Вас выбрали президентом всея Руси, а не только своей команды. Господин президент! В Вашем конфликте с Верховным Советом виноваты как минимум обе стороны и, может быть, больше виноват тот, у кого больше власти. Предвидим возражение. А "Останкино"? Штурм? Кровь? В ответ мы спросим вас, братья по разуму: что бы случилось, если бы вышел Верховный Совет в эфир со своим дурацким парламентским часом и кто-нибудь прокричал с экрана что-нибудь непотребно-призывное? Сколько жизней было бы спасено. Что вам дороже - человеческие жизни или коммунистические принципы? Ибо патологическая боязнь неугодного слова - это и есть сталинизм. Неужели вы все коммунисты, ибо кто, кроме них, готов был заткнуть рот оппоненту любой ценой: умрем, но не уступим, а заодно еще не одну сотню народу положим... И наконец - не забудем, что трагедия началась с президентского указа, и спросим хотя бы себя: неужели глава государства настолько близорук, что не мог рассчитать последствий, когда нарушал закон, по которому стал президентом? И каков в этих событиях процент президентской близорукости, а каков - расчета? Но не называется ли такой расчет провокацией? И еще: откуда появилось это странное убеждение, что демократия - это Ельцин и ничего, кроме Ельцина? Живут себе народы разных стран, Франция, скажем, или Германия, без всякого Ельцина, но вполне при демократии... И опять же - без президентов демократии бывают, а вот без парламента, без независимого суда, без свободы слова и неприкосновенности личности - нет. Мы не защища-*

ем Верховный Совет. Иногда он был ужасен. Но это был первый, понимаете - первый парламент России, избранный на альтернативной основе. Хорошо англичанам: у них этой, как говорил тов. Ленин, "говорильне" уже почти 800 лет. Было время подучиться. А нам, что делать нам, если плохо умеем? Отказаться от этой идеи? Прикрыть по указу? Отключить свет и канализацию? Но даже Хасбулатов имеет право есть, пить и спускать за собой воду. Во всем цивилизованном мире отношения Президента и парламента регламентируются не личными симпатиями, а только законом. Вот французский Президент может распустить Национальную ассамблею, а американскому конституция такого права не дает, и если Клинтон завтра замахнется на конгресс - мы не завидуем Клинтону. Свое "Лефортово" ему обеспечено. Поэтому не перевыборы. Только отставка. Монастырь. Грехи замаливать» [22].

Но Б.Н. Ельцин остался во власти и разваливал страну еще семь лет.

П.М. Абовин-Егидес, как убежденный социалист, видел возможность социалистической демократии исключительно на основе практического самоуправления. В этой связи он не только продолжал разрабатывать проблемы производственного самоуправления [23]. Вернувшись из эмиграции, организовал вместе с известным общественным деятелем, знаменитым офтальмологом, президентом концерна МНТК «Микрохирургия глаза» С.Н. Федоровым политическую Партию самоуправления трудящихся. Эта партия своей целью поставила построение самоуправленческого социализма, превращение всех трудящихся из наемного персонала частных или государственных предприятий в свободных совладельцев средств производства. В книге «Самый нормальный человек в России. К практицизму Святослава Федорова от критицизма Александра Солженицына» он обосновал идеологическую программу партии и лидерство С. Федорова, который создал «оазис социализма» на основе своей знаменитой клиники.

В августе 1995 г. П.М. Абовин-Егидес написал письмо к М. Горбачеву, А. Руцкому, С. Федорову, Ю. Скокову, М. Лапшину, А. Тулееву, С. Глазьеву, А. Казаннику с призывом объединиться. «Мы подошли к последнему рубежу развилки. Либо укрепится на несколько десятилетий "бешеный" капитализм с полярным расслоением народа, либо люди труда возьмут предприятия в свои руки». В программах лидеров этих партий и движений он видел много общего, и его возмущало, что они идут врозь, создавая ненужную конкуренцию. Между тем все они приемлют третий путь: путь формирования производственной кооперации и самоуправленческого общества.

2 сентября 1995 г. на съезде ПСТ П.М. Абовин-Егидес заявил, что главными противниками Партии самоуправления трудящихся являются НДР, ЛДПР, ЯБЛоко и КПРФ. Включение КПРФ в список врагов социалистов, на наш взгляд, вызвано просталинской ориентацией лидера партии Г.А. Зюганова, оказавшегося совершенно не способным осознать перспективность для компартии социалистических идей П.М. Абовина-Егидеса. Т. Самойлова-Егидес пишет, что «Пётр Егидес не был ординарным социалистом советско-"марксистско-ленинского" толка, он был последовательным приверженцем социализма как общества социальной справедливости, освобожденного труда, общества самоуправления, общества, которое способно к демократии, к защите прав человека, к действенным формам гуманизма. Егидес настаивал на разборчивости (нравственности) в средствах, он понимал, что любыми средствами построить социализм невозможно, вот поэтому он и считал, что в нашей стране не было никакого социализма, кроме его лживой декларации, прикрывающей совершенно иную общественную форму. Он никогда не звал народ назад - к разновидностям тоталитаризма или, как он писал, этатизма. Он призывал народ идти вперед, к еще никогда не удававшемуся, подлинному социализму» [24].

П.М. Абовин-Егидес всегда последовательно отстаивал социалистические позиции и постоянно критиковал реальное советское общество, доказывая, что настоящего социализма в СССР и не было. В 1979 г. он писал: «Имеется фундаментальное различие между социалистическим государством по определению и тем, каким оно оказалось в Советском Союзе», … нет «и проблеска того, что представлял себе Ленин как рабочее государство. В нем нет рабочей демократии… В Советском Союзе возник бюрократический слой, который исходит из собственных интересов, имеет огромную неконтролируемую политическую власть, подчинил себе партию и рабочий класс» [25]. Он отмечал, что в Советском Союзе был некий «симбиоз государственного рабовладения, государственного феодализма и элементов государственного капитализма» при наличии некоторых квазисоциалистических элементов. Это квазиформационное определение, конечно, носит дискуссионно-эпатажный характер, но заставляет задуматься. При этом он пришел к научно обоснованному выводу о недопустимости отождествления социализма и сталинизма. По мнению М.И. Воейкова, «П.М. Абовин-Егидес был вообще, если не единственным, то очень из немногих, которые в советское время пришли к выводу о необходимости разделения социализма и сталинизма. Тем самым П.М. Абовин-Егидес спас теорию социализма, которую он ставил очень высоко» [26]. П.А. Абовин-Егидес писал*:* «Социализм в его современном истолковании можно определить как

общество универсального самоуправления или как общество осуществленного панперсонализма. "Убийственный" аргумент тоскующих по капитализму: социализм не способен накормить и одеть народ, и "доказательство" тому - пустые полки в магазинах. Пустые полки, увы, это факт. Но виноват в этом не социализм, виновато его отсутствие. Социализм же, самоуправленческие трудовые коллективы, колхозы (кстати, именно они вырастили в прошлом году отличный урожай, а его огромные потери - вина не их, а правительства) могут накормить и одеть население» [27]. Эта концепция в полном объеме содержится в его статьях, опубликованных после смерти в сборнике лучших авторских статей «Наш звездный час» [28].

Он считал, что путь после Октября был трагичен, так как утвердилась система партэлитаризма, но Октябрь не был ошибкой. «Будет ли 100-летие Октября? Я убежден, что вопреки воле врагов Октября, его столетие будет (хотя меня, конечно, при этом не будет), если народ уйдет от обеих концепций перестройки, как консерваторов, которые хотели бы просто обновить, подкрасить старый строй государственной собственности, так и буржуазных демократов, которые хотят ввести строй частно-корпоративной собственности, и выберет третью концепцию - концепцию народного самоуправления» [29]. Но надежда не сбылась.

П.М. Абовин-Егидес считал себя критическим марксистом и говорил, что ему претят всякие именные названия: марксизм, ленинизм, сталинизм и т.д. М.И. Воейков подчеркивает, что «Петр Маркович Абовин-Егидес создал весьма оригинальную и органичную концепцию самоуправленческого социализма, ориентированную на развитие и полное проявление личности человека в качестве центра и смысла всего общественного развития» [30]. Но признания этого достаточно очевидного факта совершенно недостаточно. П.М. Абовин-Егидес был, подобно В.И. Ленину, теоретиком, опирающимся на практику российского общества и свою личную социальную практику [31]. Его социалистически-самоуправленческая деятельность включала в себя, помимо создания уникальной теоретической концепции, военный и лагерный опыт, руководство колхозом, преподавание в вузе, организацию журнала «Поиски», организацию Партии самоуправления трудящихся. Он сам был самоуправляющейся личностью в высшей степени. Все это придает особую значимость его теоретическим выводам, делает их верифицированными и доказательными и заслуживает рассмотрения в совокупности, как весомый вклад в мировую теорию и практику социализма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Самсонова-Егидес Т. Я хочу вам рассказать. - URL: http://libelli.ru /magazine/9_3/vi.htm
2. Апресян З. Хроника одной судьбы. Послесловие // Абовин-Егидес П.М. Сквозь ад. В поисках третьего пути. - М.: Молодая гвардия, 1991. - С. 27; Фадеев Ю. Четыре мобилизации Петра Егидеса. - URL: http:parkbelinskogo.ru
3. Абовин-Егидес П. Философ в колхозе. - М., 1998. - С. 45-46.
4. Там же. - С. 159.
5. Форум С. Кара-Мурзы. - URL: vif2ne.org›nvz/forum/archive/102/102434.htm
6. Самсонова-Егидес Т. Указ. соч.
7. Кислицын С.А. Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым. - М.: URSS, 2013.
8. Абовин-Егидес П., Подрабинек П. Некоторые актуальные проблемы демократического движения в нашей стране. - URL: www.old.russ.ru›ist_sovr/poiski_sssr.html
9. Хроника текущих событий. - URL: www.wikilivres.ru
10. [Электронный ресурс] - URL: https://rostov-80-90.livejournal.com/47598.html
11. Четыре мобилизации Петра Егидеса. - URL: www.parkbelinskogo.ru
12. Абовин-Егидес П.М. Паралогизмы полицейской психиатрии и их соотношение с медицинской этикой // Поиски. - 1982. - № 4. - С. 221-248.
13. Абовин-Егидес П., Подрабинек П. Указ. соч.
14. И моя вина. Меморандум всем, кто заинтересован в демократическом движении в СССР. - Париж, 1987.
15. Абовин-Егидес П.М. Андрей Сахаров. Трагедия великого гуманиста // - Париж: Поиски, 1985.
16. Самсонова-Егидес Т. Указ. соч.
17. Новое заседание Конституционного суда. Власть. - URL: www.kommersant.ru›doc/6811
18. Правда. - 1992. - 18 июня.
19. Правда. - 1992. - 16 июня.
20. Самый нормальный человек в России. К практицизму Святослава Федорова от критицизма Александра Солженицына. Ч.1. - Москва-Париж: Поиски, 1996. - С. 21.
21. Там же. - С. 78.
22. Владимир Максимов, Андрей Синявский, Петр Егидес // Независимая газета. - 16.03.1993.
23. Как каждому стать богатым. Манифест сторонников самоуправления трудящихся (проект). - Москва-Париж: Поиски, 1994. - 209 с.
24. Самсонова-Егидес Т. Указ. соч.
25. Абовин-Егидес П.М. Наш звездный час: Сб. ст. - М.: 2000. - С. 94.

26. Воейков М.И. П.М. Абовин-Егидес. Проблема свободного научного творчества. К 25-летию высылки из СССР // Альтернативы. - 2005. - № 4.
27. Абовин-Егидес П.М. Хождение великой идеи по мукам // Перспективы. - 1991. - № 4.
28. Абовин-Егидес П.М. Наш звездный час: Сб. ст. / Сост. Т.В. Самсонова. - М.: РОО Центр «Содействие реформе уголовного правосудия», 2000. - 510 с. Содержание: Годы гонений и борьбы. «Поиски» должны жить. (Открытое письмо); Интервью читателям «Поисков». (соавтор Валерий Абрамкин); По поводу книги Каррилльо. Еврокоммунизм перед судом «Поисков». Страна-сфинкс (25 лет без Сталина по сталинскому пути); Некоторые актуальные проблемы демократического движения в нашей стране (соавтор П. Подрабинек); Так брать зонтик или не брать? Положение в демократическом движении: трудности и перспективы; Жить империей; Молчаливая уния; Паралогизмы полицейской психиатрии и их соотношение с медицинской этикой; Реабилитация социализма; Принципы социализма; Панперсоналнизм как философия самоуправления; Беспрограммная программа; Социализм - это полнота личности; Человейник и человечество и др.
29. Сквозь ад. В поисках третьего пути. - М., 1991. - С. 242.
30. Воейков М.И. Указ. соч.
31. До большевика В.И. Ленина бесхитростному идеалисту П.М. Абовину-Егидесу было, конечно, далеко. Он, признавая значение работы Ленина «Государство и революция» и его статей по кооперации, был, скорее всего, новым меньшевиком. Не случайно в диссидентских кругах Петра Марковича называли князем Мышкиным (персонаж романа «Идиот» Ф.М. Достоевского). Диссидент-романтик, он верил в нравственность в политике и ею всегда руководствовался.

REFERENCES

1. Samsonova-Egides T. Ja hochu vam rasskazat' [I want to tell you]. http://libelli.ru/magazine/9_3/vi.htm (In Russ.).
2. Apresyan Z. Hronika odnoj sud'by. Posleslovie [Chronicle of one fate. Afterword]. Abovin-Egides P.M. Through hell. In search of the third way. Moscow: Young Guard. 1991. P. 27; Fadeev Yu. Four mobilizations of Peter Egides. http:parkbelinskogo.ru (In Russ.).
3. Abovin-Egides P. Filosof v kolhoze [A philosopher on the collective farm]. Moscow, 1998. P. 45-46. (In Russ.).
4. Abovin-Egides P. Filosof v kolhoze [A philosopher on the collective farm]. Moscow. 1998. P. 159. (In Russ.).
5. Forum S. Kara-Murzy [Forum of S. Kara-Murza]. vif2ne.org> nvz/forum/archive/102/102434.htm (In Russ.).
6. Samsonova-Egides T. Ja hochu vam rasskazat' [I want to tell you]. http://libelli.ru/magazine/98_3/vi.htm (In Russ.).
7. Kislitsyn S.A. Jurij Zhdanov: rjadom so Stalinym, Sholohovym, Il'enkovym [Yury Zhdanov: next to Stalin, Sholokhov, Ilyenkov]. Moscow. URSS. 2013. (In Russ.).
8. Abovin-Egides P., Podrabinek P. Nekotorye aktual'nye problemy demokraticheskogo dvizhenija v nashej strane [Some actual problems of the democratic movement in our country]. www.old.russ.ru>ist_sovr/poiski_sssr.html (In Russ.).
9. Hronika tekushhih sobytij [Chronicle of current events]. www.wikilivres.ru (In Russ.).
10. https://rostov-80-90.livejournal.com/47598.html (In Russ.).
11. Chetyre mobilizacii Petra Egidesa [Four mobilizations of Peter Egides]. www.parkbelinskogo.ru (In Russ.).
12. Abovin-Egides P.M. Paralogizmy policejskoj psihiatrii i ih sootnoshenie s medicinskoj jetikoj [Paralogisms of police psychiatry and their correlation with medical ethics]. Searches. 1982. No. 4. Pp. 221-248. (In Russ.).
13. Abovin-Egides P., Podrabinek P. Nekotorye aktual'nye problemy demokraticheskogo dvizhenija v nashej strane [Some actual problems of the democratic movement in our country]. www.old.russ.ruist_sovr/poiski_sssr.html (In Russ.).
14. I moja vina. Memorandum vsem, kto zainteresovan v demokraticheskom dvizhenii v SSSR [And my fault. Memorandum to all who are interested in the democratic movement in the USSR]. Paris, 1987. (In Russ.).
15. Abovin-Egides P.M. Andrej Saharov. Tragedija velikogo gumanista [Andrei Sakharov. The tragedy of the great humanist]. Search. Paris. 1985. (In Russ.).
16. Samsonova-Egides T. Ja hochu vam rasskazat' [I want to tell you]. http://libelli.ru/magazine/98_3/vi.htm (In Russ.).
17. Novoe zasedanie Konstitucionnogo suda [New session of the Constitutional Court]. Power. www.kommersant.ru>dock/6811 (In Russ.).
18. Pravda [True]. 1992. 18 June. (In Russ.).
19. Pravda [True]. 1992.16 June. (In Russ.).
20. Samyj normal'nyj chelovek v Rossii. K prakticizmu Svjatoslava Fedorova ot kriticizma Aleksandra Solzhenicyna [The most normal person in Russia. To the practicality of Svyatoslav Fyodorov from the criticism of Alexander Solzhenitsyn]. Part 1. Moscow-Paris. Searches. 1996. P. 21. (In Russ.).
21. Ibid. P. 78. (In Russ.).
22. Vladimir Maksimov, Andrei Sinyavsky, Peter Egides. Nezavisimaya gazeta. 03/16/1993. (In Russ.).

23. Kak kazhdomu stat' bogatym. Manifest storonnikov samoupravlenija trudjashhihsja (proekt) [As everyone becomes rich. Manifesto of supporters of self-management of workers (project)]. Moscow-Paris. Publishing House "Searches". 1994. 209 p. (In Russ.).
24. Samsonova-Egides T. Ja hochu vam rasskazat' [I want to tell you]. http:libelli.ru/magazine/98_3/vi.htm (In Russ.).
25. Abovin-Egides P.M. Nash zvezdnyj chas. Sbornik statej [Our high point. Digest of articles]. Moscow. 2000. P. 94. (In Russ.).
26. Voeikov M.I. P.M. Abovin-Egides. Problema svobodnogo nauchnogo tvorchestva. K 25-letiju vysylki iz SSSR [P.M. Abovin-Egides. The problem of free scientific creativity. Towards the 25th anniversary of expulsion from the USSR]. Alternatives. 2005. No. 4. (In Russ.).
27. Abovin-Egides P.M. Hozhdenie velikoj idei po mukam [Walking the great idea of anguish]. Prospects. 1991. No. 4. (In Russ.).
28. Abovin-Egides P.M. Nash zvezdnyj chas. Sb. statej. Sost. Samsonova T.V. M.: ROO Centr «Sodejstvie reforme ugolovnogo pravosudija», 2000. 510 s. Soderzhanie: Gody gonenij i bor'by. «Poiski» dolzhny zhit'. (Otkrytoe pis'mo); Interv'ju chitateljam «Poiskov». (soavtor Valerij Abramkin); Po povodu knigi Karrill'o. Evrokommunizm pered sudom «Poiskov». Strana-sfinks (25 let bez Stalina po stalinskomu puti); Nekotorye aktual'nye problemy demokraticheskogo dvizhenija v nashej strane (soavtor P. Podrabinek); Tak brat' zontik ili ne brat'? Polozhenie v demokraticheskom dvizhenii: trudnosti i perspektivy; Zhit' imperiej; Molchalivaja unija; Paralogizmy policejskoj psihiatrii i ih sootnoshenie s medicinskoj jetikoj; Reabilitacija socializma; Principy socializma; Panpersonalizm kak filosofija samoupravlenija; Besprogrammnaja programma; Socializm — jeto polnota lichnosti; Chelovejnik i chelovechestvo i dr. [Our high point. Comp. of articles. Comp. by Samsonova T.V. Moscow. ROO Center "Assistance to Criminal Justice Reform", 2000. 510 p. Contents: Years of persecution and struggle. "Quest" should live. (Open letter); Readers of the "Quest". (co-author Valery Abramkin); About the book Carrillo. Eurocommunism before the court of "Quest". Sphinx country (25 years without Stalin along the Stalinist path); Some actual problems of the democratic movement in our country (co-author P. Podrabinek); So to take an umbrella or not to take? The situation in the democratic movement: difficulties and prospects; To live an empire; A silent union; Paralogisms of police psychiatry and their correlation with medical ethics; Rehabilitation of socialism; The principles of socialism; Panpersonalism as a self-management philosophy; Free program; Socialism is the fullness of the personality; Man and mankind, etc]. (In Russ.).
29. Skvoz' Ad. V poiskah tret'ego puti [Through Hell. In search of the third way]. Moscow. 1991. P. 242. (In Russ.).
30. Voeikov M.I. P.M. Abovin-Egides: Problema svobodnogo nauchnogo tvorchestva. K 25-letiju vysylki iz SSSR [P.M. Abovin-Egides: The problem of free scientific creativity. Towards the 25th anniversary of expulsion from the USSR]. Alternatives. 2005. No. 4. (In Russ.).
31. Before the Bolshevik V.I. Lenin simple-minded idealist P.M. Abovin-Egides was, of course, far away. He, recognizing the significance of Lenin's work "The State and Revolution" and his articles on cooperation, was most likely a new Menshevik. It is no accident that in the dissident circles of Peter Markovich was called Prince Myshkin (the character of the F.M. Dostoevsky's novel "Idiot"). He likes dissident romantic believed in morality in politics and always it guided.

Информация об авторе:

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
г. Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Information about the author:

Sergey A. Kislitsyn, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

Получена: 09.12.2017

Для цитирования: Кислицын С. А. П.М. Абовин-Егидес - выдающийся российский социалист и политический мыслитель (к 100-летию со дня рождения). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.88-98.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-88-98.

Received: 09.12.2017

For citation: Kislitsyn S.A. Outstanding Russian socialist and political theorist P. M. Abovin-Egides (to the 100th anniversary of the birthday). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 88-98.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-88-98. (in Russian)

УДК 94. 7

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-99-106

КРАСНОВА Регина Юрьевна
Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова
г. Москва, Россия
regi.crasnova@yandex.ru

Regina Yu. KRASNOVA
Moscow State Art and Industry Academy named after S.G. Stroganov
Moscow, Russia
regi.crasnova@yandex.ru

КОЛЛЕКЦИЯ ТКАНЕЙ ТОВАРИЩЕСТВА КУВАЕВСКОЙ МАНУФАКТУРЫ, ЭКСПОНИРОВАВШИХСЯ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ (1900 г.)

К концу первой четверти XIX в. ситцепечатное производство в Ивановском крае достигает высокого уровня, совершенствуются отделочные технологии, возрастает потребность в поиске и расширении рынков сбыта. Оживление экономической ситуации в России, промышленная революция в западноевропейских странах сделали актуальными необходимость обмена производственными достижениями. В большой мере этому способствовали всероссийские, а затем и всемирные выставки, которые начали регулярно проводиться со второй четверти XIX в. В статье впервые исследуется коллекция хлопчатобумажных тканей Товарищества Куваевской мануфактуры, представленных на всемирной выставке в 1900 г. Показанный в ней ассортимент весьма разнообразен и включает разные группы хлопчатобумажных тканей (ситцы, сатины, лино и др.), предназначавшиеся как для пошива одежды - платьев, рубашек, модных жилетов, так и для декоративных целей (текстиль для обивки мебели). Выявлены принципы, по которым осуществлялось комплектование образцов тканей для демонстрации на выставке. Данная статья демонстрирует основные стилистические влияния в орнаментации текстиля. Обращает на себя внимание разнообразие орнаментов, в которых отчетливо просматривается дань модной тенденции рубежа XIX-XX вв. - стилю модерн, в частности эстетике геометризированных и флористических форм. Тщательная и виртуозная композиционная проработка, разнообразное колористическое оформление этих видов тканей свидетельствовали о расширении покупательской аудитории и изменчивости ее вкусовых предпочтений в соответствии с модными трендами. На основе изученных архивных данных проанализировано участие ситценабивной фабрики на всемирной художественно-промышленной выставке в Париже 1900 г. Коллекция хлопчатобумажных тканей Товарищества Куваевской мануфактуры отражает как достижения ситцепечатной промышленности своего времени, так и высокий уровень мастерства и профессионализма представителей Ивановской школы ситцепечатания.

Ключевые слова: всемирная выставка, мануфактура, орнамент, ткани

COTTON FABRIC COLLECTION OF KUVAEVSKAYA MANUFACTURE PARTNERSHIP, REPRESENTED AT THE INTERNATIONAL EXHIBITION IN PARIS (1900)

By the first quarter of 19th century cotton-printing manufacture in Ivanovo region had reached its high level, decorative technologies were developing and the demand in search and extension of market outlet were ramping up. Recovery of economic situation in Russia and industrial revolution in West-European countries made the necessity of exchange of industrial achievements important. Russian and then international exhibitions made it possible to a greater extent. They started to be held regularly from the second quarter of 19th century. The article for the first time investigates the cotton fabric collection of Kuvaevskaya manufacture Partnership, represented at the international exhibition in 1990. Displayed collections are rather diverse and include different types of cotton cloth (cotton, sateen, doup etc.), they were aimed both for fabrication of clothes - dresses, shirts, fashionable jackets and for decorative needs (textile for furniture lining). The principles of assorting of fabric samples, featured in the exhibition, are revealed. This article demonstrates the main stylistic influences in the textile embroidery. What calls our attention is the Variety of ornaments, in which we can see a nod to the fashionable practice at the turn of 19-20th centuries - Art Nouveau style, which is reflected in esthetics of geometrical and floral forms. The participation of the calico-printing factory at the World Art and Industrial Exhibition in Paris in 1900 was analyzed having based the archival data. The collection of cotton fabric made by the Kuvaevskaya Manufactory Association reflects both the achievements of the calico-print industry of that time and the high level of workmanship and professionalism of the Ivanovo Calico-Printing School representatives.

Keywords: international exhibition, manufacture, ornament, cotton

Введение

Начиная со второй половины XIX в. ивановские текстильные предприятия активно включились в выставочную деятельность и регулярно принимали участие как в отечественных, так и международных выставках. К этим событиям специально готовились фирменные альбомы с образцами продукции экспонентов выставок.

В собрании Музея ивановского ситца хранится богатая коллекция хлопчатобумажных тканей, выпускавшихся на фабриках Иваново-Вознесенска в XIX - начале XX в. и экспонировавшихся на ряде всероссийских и международных художественно-промышленных выставок. Одним из та-

ких экспонатов является коллекция образцов тканей Товарищества Куваевской мануфактуры, представленных на всемирной выставке в Париже в 1900 г.

Цель статьи заключается в том, чтобы впервые исследовать указанную коллекцию тканей и выявить принципы, в соответствии с которыми осуществлялось комплектование образцов для демонстрации их на всемирной выставке в Париже 1900 г.

Одной из последних всемирных художественно-промышленных выставок, в которых принимали активное участие иваново-вознесенские текстильные фабрики, была выставка, проходившая в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 г. Ее символом стала встреча нового, XX столетия, а главенствующим стилем - модерн. Отличительной чертой этой всемирной экспозиции промышленных достижений рубежа веков стало особенно широкое представительство России, на тот период одного из ближайших союзников Франции. «Стремясь собрать как можно больше интересных экспонатов, - отмечалось в каталоге «Всемирная Парижская выставка 1900 года в иллюстрациях и описаниях», - русское правительство утвердило для экспонентов ряд льгот: бесплатное предоставление помещений на выставке, принятие за счет казны расходов по пересылке экспонатов, страхованию в пути, устройству и убранству русского отдела («Проект положения о русском отделе на выставке», 1897 г.)» [1, с. 27]. Благодаря особым дружественным отношениям России и Франции для русского отдела была выделена самая большая экспозиционная площадь - 24 тыс. м^2. Многочисленные экспонаты делились на 15 групп, каждая из которых охватывала 9-10 классов [1, с. 28].

Экспонаты по хлопчатобумажному производству входили в 13-ю группу и были представлены, например, такими знаменитыми российскими фирмами, как Товарищество Соколовской мануфактуры Асафа Баранова, Акционерное общество бумажных мануфактур Гейнцеля и Куницера, Кренгольмская мануфактура бумажных изделий, Товарищество мануфактур Викулы Морозова, Прохоровская трехгорная мануфактура, Товарищество ситценабивной мануфактуры Эмиля Цинделя [2, с. 36]. Всего по итогам экспертной оценки жюри выставки наград разного достоинства (гран-при, золотых, серебряных, бронзовых) было удостоено 493 экспоната данной группы [2, с. 96].

История Товарищества Куваевской мануфактуры уходит своими корнями в конец XVIII в., когда в 1793 г. крестьянином графа Шереметева Я.Е. Куваевым в селе Иваново была основана небольшая набойная мастерская с ручной выработкой. Однако начало развития собственного производства, что и указано на обложке самой коллекции, относится к 1817 г. Именно в этом году Я.Е. Куваеву удалось, выкупив землю у графа Шереметева, создать на основе семейной мастерской ситценабивную мануфактуру с использованием ручного труда.

После смерти основателя ситценабивной мануфактуры в 1833 г. предприятием стал управлять его сын Иван Яковлевич. При нем в 1841 г. появилась на нем первая одноколерная печатная машина с конным приводом. В 1847 г., после смерти Ивана Яковлевича, заведение перешло в руки его сына, плесского купца 2-й гильдии Харлампия Ивановича Куваева, под руководством которого производство значительно расширилась. Еще при жизни отца в 1845 г. Харлампий Куваев приобрел участок земли, на котором были построены производственные здания. На предприятии работало 30 набойщиков, а всего - 70 рабочих [3, с. 38].

В конце 40-х годов в четырех каменных зданиях была установлена простейшая техника: галандра, крахмальня, перротина на конном приводе. Затем из Берлина была выписана трехколерная цилиндрическая машина, а несколько позже - перротина для набивки ситцев в четыре колера. Работала также заварка на реке Уводь, в которой стояли два белильных и четыре красильных котла, имелась теплая мытилка. Сокращалась ручная выработка ситцев (в 1867 г. была установлена граверная машина, паровой котел в 10 сил, приводивший в движение печатные механизмы, сушильные барабаны и галандру), производство расширялось (в 1870-е годы были открыты новые отделения: красильное, отбельное и ситцепечатное и введено электрическое освещение помещений) [4, с. 30].

Расширение и совершенствование производства в 60-80-е годы XIX в. связаны с деятельностью Н.Г. Бурылина, который, заключив брак с дочерью владельца предприятия Н.Х. Куваевой, стал работать управляющим этой фабрикой. При нем начали строиться новые корпуса (1880-1894 гг), но при этом не останавливалась и работа в здании старой фабрики.

В 1867 г. было учреждено «Товарищество Куваевской мануфактуры», членами правления которого стали Н.Г. и Н.Х. Бурылины, сын Д.Г. Бурылина Иван и бухгалтер В.Г. Мыльников как правая рука хозяина. Основной капитал предприятия составлял 1 млн руб., а в 1889 г. вырос до 1,5 млн руб. [3, с. 31]. Директором-распорядителем фабрики и председателем правления Товарищества

был избран Н.Г. Бурылин. В 1895 г. все производство Куваевской фабрики было переведено в новые каменные корпуса, оборудованные по последнему слову современной техники (паровое отопление, вентиляция, электрическое освещение).

Фабрика славилась рисовальным и граверным отделениями, оборудованными 16 граверными машинами и двумя пантографами. Рисовальная мастерская была известна по всей России - в ней работали лучшие художники по тканям. Товары Товарищества Куваевской мануфактуры выгодно отличались от продукции других фабрикантов как прочностью красок, так и изяществом рисунков. Н.Г. Бурылин сумел стать серьезным конкурентом даже московским ситцевикам - Цинделю, Прохорову, Копшину. Успех Куваевской мануфактуры был отмечен на Нижегородской выставке 1896 г.: было получено право помещать на изделиях предприятия государственный герб - черного двуглавого орла. Ткани мануфактуры неоднократно завоевывали российские и международные медали: в 1876 г. на всемирной Филадельфийской выставке - бронзовую медаль, в 1882 г. на всероссийской выставке в Москве - золотую медаль, в 1885 г. на всемирной Луневильской выставке - золотую медаль, в 1889 и 1890 гг. на Всемирной выставке в Париже - золотые медали.

Основная часть

Коллекция образцов тканей Товарищества Куваевской ситценабивной мануфактуры, подготовленных для Всемирной выставки в Париже 1900 г., насчитывает 272 экземпляра. Представленный в ней ассортимент весьма разнообразен и включает разные группы хлопчатобумажных тканей (ситцы, сатины, лино и др.), предназначавшиеся как для пошива одежды - платьев, рубашек, модных жилетов, так и для декоративных целей (текстиль для обивки мебели).

Обращает на себя внимание разнообразие орнаментов, в которых отчетливо просматривается дань модной тенденции рубежа XIX -XX вв. - стилю модерн, в частности эстетике геометризированных и флористических форм. Тщательная и виртуозная композиционная проработка, разнообразное колористическое оформление этих видов тканей свидетельствовали о расширении покупательской аудитории и изменчивости ее вкусовых предпочтений в соответствии с модными трендами.

Орнамент стиля модерн появился на русских тканях с 1890-х годов, но производство текстиля с характерными для него орнаментальными мотивами приходится на начало XX в. Наиболее передовыми и успешными предприятиями России по производству орнаментированных тканей были фабрика Э. Цинделя, мануфактура А. Гюбнера, Прохоровская Трехгорная мануфактура.

Композиционное решение на основе сочетания простейших геометрических орнаментов отличается интересными ритмическими построениями, образующими стройную, целостную композицию. Жесткие геометрические очертания смягчаются за счет разработки форм с необычными фактурами, разнообразного колористического решения. Геометризированные очертания рождают ассоциации, связанные с природой, напоминая морозный узор на стекле (рис. 1), растущие кораллы (рис. 2), набегающие волны (рис. 3).

Следуя модным тенденциям эпохи, художники Куваевской мануфактуры создавали сложные и разнообразные построения раппортных рисунков. В образцах, представленных в рассматриваемом каталоге, встречается большое разнообразие вариантов геометрических композиционных схем. Наряду с традиционным прямым раппортом создавались и усложненные раппортные композиции. Это достигалось за счет сочетания определенного ритмического строя внутри раппортной клетки со сложным ритмом ее повторения, например повторение раппорта со смещением или одновременно со смещением и понижением (так называемое «французское понижение»). При такой композиции даже присутствие в орнаменте статичных по своей природе замкнутых элементов (например, окружностей) в целом создавало динамичный мотив (рис. 4). Динамику орнаментам задавало и проектирование с раппортной клеткой, вытянутой как по вертикали, так и по горизонтали. Вместе с тем широко представлены и образцы тканей со статичными мотивами, в которых округлые линии модерна сменились четкими геометрическими: вместо извивающейся линии в композиции стала преобладать прямая линия.

В колористическом оформлении тканей, с одной стороны, просматривается тяготение к характерной для модерна пастельной цветовой палитре, с преобладанием серовато-дымчатого, пепельного цветов, а также цвет чайной розы, серо-голубой и светло-коричневый. Вместе с тем нельзя не отметить, как смело и интересно художники экспериментируют с цветом. В колористической отделке плательных ситцев Куваевской мануфактуры присутствуют главным образом родственно-контрастные и контрастные цветосочетания, что, по словам А.Р. Коржуевой, в принципе

было характерно для русского модерна [5, с. 11]. Интересен в этом плане ряд образцов ситцев с одинаковым орнаментом, где путем комбинирования оттенков серого и красно-бордового (рис. 5), фиолетового и оранжевого (рис. 5), серо-зеленого, оранжевого и фиолетового цветов (рис. 5) достигается удивительный эффект мерцания. Другой пример - образцы тканей с волнообразным орнаментом (рис. 6), предлагаемые в трех цветовых гаммах (серо-желто-коричневой, серо-коричнево-голубоватой и красно-серо-голубоватой), создают оптический эффект перелива волны (задолго до художественных экспериментов оп-арта).

Разнообразно представлена в коллекции флористическая и отчасти анималистическая тематика в чрезвычайно популярном в конце столетия стиле модерн, наиболее заметно выраженная в декоративных ситцах (гардинных, мебельных). Декоративный текстиль с новыми рисунками, заполнивший городские интерьеры в виде обивки стен и мебели, пологов кроватей, занавесок, скатертей, покрывал, был настолько характерен и разнообразен, что стал «лицом» всего текстиля конца XIX - начала XX в.

Возникший далеко от России, стиль модерн оказался весьма востребованным атрибутом российского городского быта и обстановки дворянских и купеческих усадеб.

Орнаменты в стиле модерн создавались на основе заказанных абонементов. В фондах Ивановского историко-краеведческого музея хранятся, например, альбом, пожертвованный Санкт-Петербургским центральным училищем технического рисования барона Штиглица для библиотеки Иваново-Вознесенской рисовальной школы (1899 г.), книга текстильного дизайна Франца Доната.

Действительно, работавшие на Куваевской мануфактуре художники (архивные документы сохранили имена таких мастеров текстильного рисунка, как П.И. Комиссаров, А.С. Медведев, И.К. Голубков), создавая модные орнаменты в стиле модерн, обычно копировали зарубежные образцы из заграничных «абонементов». Однако «перевод» множества абонементных западноевропейских рисунков на ткани местного производства отличался столь высоким качеством и точностью, что можно сказать, что такого чистого французского модерна никто больше в текстильном крае не выпускал.

Анализ орнаментальных предпочтений показывает, что популярный с 1840-х стиль рококо (неорококо), или a la Pompadour, для которого основным является мотив розы, отличающийся детализацией, жизнеподобием образа, уходит в прошлое. Лишь на одной набойке встречается изображение приближенного к натуре букета цветов, композиционным центром которого является роскошная распустившаяся роза в обрамлении мелких пестрых цветов (рис. 7). Зато чрезвычайно разнообразны вариации на тему этого мотива, выполненные в стиле модерна или ориентального коврового орнамента.

Изображение розы как центрального мотива орнамента эволюционирует в направлении его стилизации. Большая группа образцов, представленных в данном каталоге, позволяет судить о том, насколько разнообразные композиционные и колористические решения использовали художники Куваевской мануфактуры. В орнаменте декоративных тканей преобладают причудливые растительные формы с разнообразными изгибами и завитками, распустившимися цветочными бутонами, открывающими сердцевину цветка (рис. 8). Собранные в букеты или образующие гирлянды (рис. 9), разбросанные по всему полю ткани, в целом, они создают образ фантастического райского сада. Пышные, вычурные декоративные флоральные орнаменты соседствуют с неброскими, скромными цветами, напоминающими простые садовые или полевые растения (незабудки, ромашки, сирень). В этих орнаментах почти отсутствуют изгибы в виде «удара бича», цветовая гамма отличается сдержанностью и преобладанием родственно-контрастных цветов.

В ряде набоек, воспроизводящих стилистику коврового орнамента, напротив, наблюдается большое колористическое разнообразие, которое достигается не только за счет изобилия цветов и оттенков, присутствующего в самих орнаментальных мотивах, но и посредством контрастных сочетаний цвета фона (от серо-голубого до ярко-синего) и рисунка (рис. 10). Преобладание замкнутого орнамента, заполняющего все поле ткани, создает ощущение яркой, многоцветной мозаики.

Ряд декоративных ситцев из выставочной коллекции Товарищества (рис. 11) являют собой примеры того, сколь виртуозно «куваевские» художники воплощали западные сюжеты в отделке ивановских хлопчатобумажных тканей. Крупные растительные мотивы с цветами (ирисами, хризантемами, розами) или экзотичными птицами и животными, занимающие иногда всю ширину ткани, отчетливо выражены на плоскости полотна. Силуэты, как правило, проработаны линией, условность и универсальность которой позволяет гибко переходить от плоскостности к объему и наоборот. Каждый элемент изображения обладает собственной эстетической выразительностью.

В то же время обращает на себя внимание лаконичное цветовое решение с использованием трех цветов - красного, белого и черного, что еще более подчеркивает сложность и изящество линий и контуров, излюбленные атрибуты модерна.

Достаточно широко в коллекции Куваевской мануфактуры представлены хлопчатобумажные ткани, отражающие традиционные для Ивановского края разновидности набойки: краснофонные (рис. 12), чернофонные ситцы (рис. 13), белоземельные ткани с мелкоузорными цветочными и геометрическими композициями (рис. 14).

Краснофонные ситцы были своего рода «визитной карточкой» ивановского ситцепечатания. Известно, что уже в конце XVIII в. ситец с красным рисунком выпускался на мануфактурах Сокова и Витова; их ткани вообще отличались особой яркостью и значительным применением красного цвета. Однако первенство в производстве красноземельных вытравных ситцев, бесспорно, принадлежало Ф.Н. Баранову. О том, что барановские ситцы, прославившиеся как на отечественных, так и на международных выставках, рассматривались как своего рода эталон, свидетельствует, например, фрагмент переписки брата Н.Г. Бурылина Дмитрия Геннадьевича с агентом, представлявшим интересы ивановских мануфактуристов на ряде международных выставок, М.М. Баранцевичем. «Если Ваши изделия будут подходить к Барановским, - писал Баранцевич, - в чем не сомневаюсь, то можно надеяться, что получите заказы и награду. Ткани присылайте с крупными и мелкими узорами» [6].

Ткани отличаются яркостью и сочностью красок, преобладанием цветочного орнамента. По красному, синему, черному фону разбросаны гирлянды или отдельные букеты крупных роз, шиповника, полевых цветов. Иногда в рапорте присутствует чередование распустившихся цветов, нераскрытых бутонов и веточек с листьями, свободно разбросанных по полю и заполняющих все пространство, как бы создавая образ летнего цветущего луга. В этих тканях, особенно исполненных по темным фонам, отчетливо прослеживается определенное сходство с колористическими сочетаниями, близкими к эстетике Жестово и Палеха. Удачно обыгрывается декоративный эффект, который дает черный фон, его способность «примирять», «удерживать» самые яркие и контрастные цветовые сочетания. Встречается интересная разработка фона в виде вуали, как бы драпирующейся мягкими складками на темном фоне и скрепленной в местах драпировки нераспустившимися крупными и мелкими розовыми бутонами.

В цветочной набойке, наряду с натуралистичными или слегка стилизованными изображениями цветов и растений, представлена группа тканей с флоральным орнаментом, имитирующим технику вышивки или кружевоплетения. На одном из образцов яркий красный фон приглушается за счет тонко прорисованного цветочного и геометрического орнамента, создающего эффект тонкого кружева, наброшенного на ткань (рис. 15). На другом, напротив, синий (в другом це - красный) фон заполнен стилизованными белыми трилистниками, резные очертания которых напоминают кружево (рис. 15).

Неизменно популярными оставались и белоземельные набойки с узором «мильфлер», впервые показанные на выставке в Петербурге в 1861 г. фабрикой П.А. Зубкова, но успешно разрабатывавшиеся и на других предприятиях, в том числе на Куваевской мануфактуре. Этот орнамент особенно хорошо сочетался с тонкой фактурой тканей, для которой он предназначался, и давал возможность рисовальщикам проявить все богатство своей фантазии и мастерство.

Широко представлены в каталоге так называемые «мраморные» ситцы с мелкоузорчатыми композициями, сплошным ковром покрывающими поверхность ткани. Этот особый визуальный эффект достигался с помощью ритмического чередования отдельных мелких геометрических мотивов. В целом, обращает на себя внимание сложность композиционных и ритмических построений орнаментов, когда на узорный фон с определенным ритмом чередования отдельных элементов орнамента накладывается более крупный узор с другим ритмом чередования элементов. Иногда цветочные формы, расположенные в шашечном порядке, перебиваются геометрическими мотивами с более сложным ритмом построения узора.

В коллекции немало образцов тканей, в отделке которых один и тот же орнамент дан в различной колористической гамме. Это позволяло по-разному обыграть рисунок и в то же время учесть разнообразные цветовые предпочтения покупателей.

Традиционной покупательской аудиторией, на которую ориентировались производители хлопчатобумажных тканей прежде всего, были крестьяне и рабочие, то есть бедные и в силу этого не очень взыскательные потребители. Если говорить о внешних торговых связях, то одним из наиболее важных было среднеазиатское направление. Средняя Азия еще до начала ее присоединения к России (до 60-х годов XIX в.) была важным рынком сбыта текстильной продукции России.

После реформы 1861 г. его значение еще более возросло: за первое пореформенное десятилетие вывоз туда хлопчатобумажных изделий увеличился более чем в пять раз [7, с. 56]. Кроме того, проникновение в Среднюю Азию открывало возможности для торговых связей России с соседними странами: Ираном, Афганистаном, Индией, Китаем, Персией [8, с. 8].

Однако к концу XIX в. отмечается заметная эволюция вкусов основных покупателей ивановских ситцев. Во-первых, ситец стал популярным не только среди крестьянского, но и городского населения, в том числе и среди его зажиточных слоев. Считается, что именно Николай Геннадьевич Бурылин первым из ивановских текстильных фабрикантов попытался изменить рынок хлопчатобумажных тканей, переориентировавшись с крестьянского потребителя на городского, более требовательного к качеству товара и восприимчивого к новым модным веяниям. Во-вторых, выяснилось, что и среднеазиатский потребитель не столь непритязателен, как это представлялось раньше. В начале 70-х годов «Владимирские губернские ведомости» констатировали, что прошли те времена, когда в Среднюю Азию сбывали «всякую дрянь». Теперь восточные купцы отказывались от простых линючих кубовых ситцев, а требовали цветных [9].

Представленная коллекция отражает эту сложившуюся на рынке ситуацию, когда производители «Куваевской мануфактуры» ориентировались при составлении каталога в первую очередь на массового, но при этом заинтересованного в высоком качестве и модном товаре потребителя (хорошее качество при относительно невысокой цене).

Вывод

Завершая описание коллекции тканей Товарищества Куваевской мануфактуры, отобранных для участия во Всемирной выставке в Париже (1900 г.), коротко резюмируем его.

Во-первых, ассортимент тканей отражает ориентацию производителя на разные категории потребителей. В ней представлены и традиционные «крестьянские» ситцы, и ткани, удовлетворявшие вкусам более взыскательной публики (купцы, промышленники, аристократия), материалы, использовавшиеся как для пошива одежды, так и для декорирования интерьеров.

Во-вторых, следует отметить большое разнообразие орнаментальных мотивов, тем и сюжетов, использовавшихся в ситцевой набойке, что отражало стремление производителей следовать модным тенденциям эпохи, не только тиражировать уже завоевавшие признание рисунки, но и формировать вкусы потребителей.

В-третьих, отличительной чертой коллекции является сложность и разнообразие как композиционных, так и колористических решений, что свидетельствует о большом внимании владельцев предприятия к совершенствованию мастерства рисовальщиков и художников по тканям.

В-четвертых, отмечая заметное влияние на отделку хлопчатобумажных тканей популярного в конце XIX в. стиля модерн, выражавшееся в выборе орнаментальных мотивов, цветовой гаммы, копировании образцов рисунков западных мастеров, следует подчеркнуть определенное своеобразие местного модерна и его специфические формы проявления: преобладание контрастных и родственно-контрастных цветов в орнаменте, активное использование традиционных для Ивановского края красного и черного фона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Орлов М.А. Всемирная Парижская выставка 1900 года в иллюстрациях и описаниях. - СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1900.
2. Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900. Отчет генерального комиссара русского отдела. - СПб., 1901.
3. Кохова Л.А. Ситцевые короли. Из истории текстильной промышленности Ивановской области. - Иваново: ЛИСТОС, 2014.
4. Экземплярский П.М. История города Иванова. - Иваново, 1958.
5. Коржуева А.Р. Принципы и методы проектирования текстильного рисунка стиля модерн. Западноевропейский и отечественный опыт: Автореф. дис. ... канд. искусств. - М., 2006. - С. 11.
6. Письмо М.М. Баранцевича Д.Г. Бурылину // Ф. 205. Оп. 1. Л. 3.
7. Кабанов П.И., Кузнецов Н.Д. и др. История СССР 1861-1917. - М., 1984.
8. История торговли и промышленности в России / под ред. П.Х. Спасского. - СПб., 1914. - С. 8.
9. Владимирские губернские ведомости. - 1870. - № 50.

REFERENCES

1. Orlov M. A. Vsemirnaya Parizhskaya vystavka 1900 goda v illyustraciyah i opisaniyah [The World Paris Exhibition of 1900 in illustrations and descriptions]. SPb.: Tipografiya brat. Panteleevyh, 1900. (In Russ.).
2. Uchastie Rossii na Vsemirnoj Parizhskoj vystavke 1900 [Participation of Russia at the Paris World Exhibition 1900]. Otchet general'nogo komissara russkogo otdela. SPb., 1901. (In Russ.).
3. Kohova L.A. Sitcevye koroli. Iz istorii tekstil'noj promyshlennosti Ivanovskoj oblasti [Calico Kings. From the History of the Textile Industry of the Ivanovo Region]. Ivanovo: LISTOS, 2014. (In Russ.).
4. Ehkzemplyarskij P.M. Istoriya goroda Ivanova. [History of Ivanovo]. Ivanovo, 1958. (In Russ.).
5. Korzhueva A.R. Principy i metody proektirovaniya tekstil'nogo risunka stilya modern. Zapadnoevropejskij i otechestvennyj opyt: avtoref. dis. kand. iskusstv [Principles and methods of designing a textile art nouveau pattern. Western European and domestic experience: the author's abstract of the thesis of the candidate of arts]. M., 2006. p. 11. (In Russ.).
6. Pis'mo M.M. Barancevicha D.G. Burylinu. [Letter from M.M. Barantsevich DG Burylin]. F. 205. Op. 1. L. 3. (In Russ.).
7. Kabanov P.I., Kuznecov N.D. i dr. Istoriya SSSR 1861-1917 [History of the USSR 1861-1917]. M.., 1984. (In Russ.).
8. Istoriya torgovli i promyshlennosti v Rossii. [History of trade and industry in Russia]. Pod red. P.H. Spasskogo. SPb., 1914.p. 8. (In Russ.).
9. Vladimirskie gubernskie vedomosti. [Vladimir Province Gazette]. 1870. No. 50. (In Russ.).

Информация об авторе:

Краснова Регина Юрьевна, аспирант, Московская государственная художественно-промышленная академия им. С.Г. Строганова,
г. Москва, Россия
regi.crasnova@yandex.ru

Получена: 21.11.2017

Для цитирования: Краснова Р.Ю. Коллекция тканей товарищества Куваевской мануфактуры, экспонировавшихся на всемирной выставке в Париже (1900 г.). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.99-106.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-99-106.

Information about the author:

Regina Yu. Krasnova, Postgraduate Student, Moscow State Art and Industry Academy named after S.G. Stroganov,
Moscow, Russia
regi.crasnova@yandex.ru

Received: 21.11.2017

For citation: Krasnova R.Yu. Cotton fabric collection of Kuvaevskaya manufacture partnership, represented at the international exhibition in PARIS (1900). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 99-106.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-99-106. (in Russian)

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

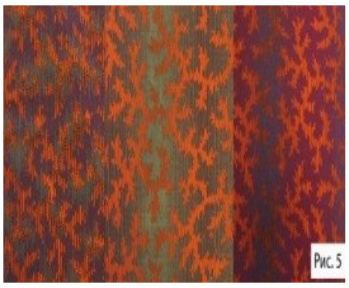

Рис. 5

Рис. 6

Рис.7

Рис. 8

Рис. 9

Рис.10

Рис.11

Рис.12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

УДК 94(470.6):39

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-107-113

КТИТОРОВ Сергей Николаевич
Армавирский государственный педагогический университет
г. Армавир, Россия
ktitorovsn@rambler.ru

Sergey N. KTITOROV
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia
ktitorovsn@rambler.ru

КТИТОРОВА Ольга Васильевна
Армавирский государственный педагогический университе,
г. Армавир, Россия
olgakti1@rambler.ru

Olga V. KTITOROVA
Armavir State Pedagogical University
Armavir, Russia
olgakti1@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ НАУЧНОГО ДИСКУРСА О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУБЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ЧЕРКЕСО-ГАЕВ (ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН)

В статье рассматриваются основные аспекты проблемы происхождения субэтнической группы черкесо-гаев (черкесских армян), представители которой сыграли заметную роль в развитии экономической и социокультурной сферы Кубани. Авторы анализируют широкий круг мнений и подходов, сложившихся в рамках научного и публицистического дискурса об этногенезе горских армян. На основе обобщения большого массива историографии, документальных, этнографических, лингвистических и других источников в работе аргументируется вывод о том, что разнообразные мнения и гипотезы о происхождении рассматриваемого субэтнического сообщества являются отражением двух основных концепций, которые условно можно назвать «миграционной» и «автохтонной». Приверженцы первого подхода считают черкесо-гаев потомками армянских переселенцев, прибывавших на Кубань из Византии, Армении, Крыма и других регионов, а сторонники второго - в качестве первоосновы субэтноса называют часть коренного, преимущественно адыгского, населения Северо-Западного Кавказа, принявшего армяно-григорианскую веру. В статье представлено комплексное видение проблемы происхождения черкесских армян, учитывающее доводы представителей двух указанных позиций. Авторами обосновывается вывод о том, что миграция армян в горы Северо-Западного Кавказа представляла собой длительный и многовекторный процесс, а наиболее значимым ядром будущего субэтноса стали выходцы из Крымского ханства конца XV-XVII вв. При этом существенным фактором формирования сообщества черкесо-гаев являлось инкорпорирование в его состав многочисленных представителей автохтонных горских народов, в первую очередь адыгов и абазин.

Ключевые слова: черкесские армяне, субэтническая группа, этногенез, традиционная культура, религиозная идентичность, этническая идентичность, аккультурация, миграции

PROBLEMS OF SCIENTIFIC DISCOURSE ON THE ORIGIN OF THE CHERKESO-GAI SUB-ETHNIC GROUP (CIRCASSIAN ARMENIANS)

The main aspects of the problem of the origin of the sub-ethnic group of Cherkeso-Gai (Circassian Armenians) are considered in the article, the representatives of which played a significant role in the development of the economic and socio-cultural sphere of the Kuban. The authors analyze a wide range of opinions and approaches developed within the framework of the scientific and publicist discourse on the ethnogenesis of the mountainous Armenians. On the basis of the generalization of a large array of historiography, documentary, ethnographic, linguistic and other sources, the argument that a variety of opinions and hypotheses about the origin of the sub-ethnic community in question is a reflection of two basic concepts that can be conditionally called «migration» and «autochthonous» is argued. Adherents of the first approach consider the Circassians to be the descendants of the Armenian settlers who arrived to the Kuban from Byzantium, Armenia, the Crimea and other regions, and the supporters of the second approach, as the basis of the sub-ethnos, call part of the indigenous, mostly Adygeyan, population of the North-Western Caucasus, who accepted the Armenian-Gregorian faith. The article presents a comprehensive vision of the problem of the origin of the Circassian Armenians, taking into account the arguments of the representatives of the two indicated positions. The authors justify the conclusion that the migration of Armenians to the mountains of the North-Western Caucasus was a long and multi-vector process, and the most significant nucleus of the future sub-ethnos was the people from the Crimean Khanate of the late 15th-17th centuries. At the same time, an important factor in the formation of the community of Circassian Armenians was the incorporation into its membership of numerous representatives of autochthonous mountain peoples, primarily the Adygs and Abazin.

Keywords: Circassian Armenians, sub-ethnic group, ethnogenesis, traditional culture, religious identity, ethnic identity, acculturation, migration

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (отделение гуманитарных и общественных наук) и Министерства образования, науки и молодежной политики Краснодарского края в рамках научного проекта № 17-11-23013 а(р) «Субэтническое сообщество черкесо-гаев (черкесских армян): историко-культурное развитие в контексте интеграции в социальное пространство Российского государства (конец XVIII - начало XX в.)».

Acknowledgement. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Sciences) and the Ministry of Education, Science and Youth Policy of the Krasnodar Territory within the framework of the scientific project № 17-11-23013 a(p) «Sub-ethnic community the cherkeso-gai (Circassian Armenians): historical and cultural development in the context of integration into the social space of the Russian state (the end of 18th - beginning of 20th centuries)».

Актуальность изучения истории субэтнической группы черкесо-гаев (черкесских, горских, закубанских армян) связана с той значительной ролью, которую ее представители играли в различных сферах жизнедеятельности населения Северо-Западного Кавказа и всего Юга России в XIX - начале XX в. Анализ феномена данного этнолокального сообщества позволяет акцентировать внимание на конструктивных механизмах политики Российского государства по отношению к сохранению этнической идентичности и национальной культуры включаемых в состав империи народов. В числе наиболее дискуссионных проблем истории черкесо-гаев до сих пор остается вопрос о происхождении этой субэтнической группы.

Многочисленные свидетельства историков, этнографов, географов, представителей российской военной администрации конца XVIII - первой трети XIX в. позволяют уверенно говорить о том, что в этот период армянские семьи встречались почти во всех черкесских аулах [1, с. 86]. По авторитетному мнению советской исследовательницы Г.С. Аракелян, общая численность черкесогаев в начале XIX в. могла доходить до 18 тыс. человек [1, с. 89].

Как правило, сам факт проживания сравнительно крупного субэтнического сообщества армян среди автохтонных народов Северо-Западного Кавказа в историографии практически не подвергается сомнению. Однако проблема происхождения черкесо-гаев до сих пор не может считаться окончательно решенной. Основные причины, хронология и пути переселения армян в Восточное Причерноморье и горные районы Закубанья уже на протяжении многих десятилетий служат предметом оживленной дискуссии историков, этнографов, лингвистов и других исследователей.

Разнообразные мнения и гипотезы об этногенезе черкесских армян являются отражением двух основных концепций, которые условно можно назвать «миграционной» и «автохтонной». Как правило, в советской и новейшей историографии численно доминируют сторонники первого подхода, считающие первоначальной основой и кристаллизующим ядром формирования субэтнического сообщества армянских переселенцев, прибывавших на Кубань из Византии, Османской империи, Закавказья, Крыма, городов Золотой Орды и других регионов. Следует заметить, что среди многочисленных авторов вплоть до настоящего времени нет единой позиции по вопросу о начальной точке, а также причинах исхода армян на земли Кубани.

По утверждению советских исследователей Х.А. Поркшеяна и Г.С. Аракелян, предтечей черкесо-гаев стали армяне-воины, вышедшие из Византии и обосновавшиеся в «стране касогов», то есть в Черкесии, еще на рубеже X-XI вв. [2, с. 75; 3, с. 37]. Х.А. Поркшеян при этом ссылался на «весьма правдоподобную» версию одного из коренных армавирских старожилов о том, что «пришедшие на Таманский полуостров армяне были не что иное, как воинская часть, которую византийский император, армянин по происхождению, Василий II выслал из Армении в Болгарию, для защиты границ Византии». Якобы эта дружина по каким-то причинам не дошла до места назначения и остановилась в стране касогов, то есть средневековых адыгов [2, с. 73-74].

Г.С. Аракелян в своих работах подробно рассмотрела широкий круг источников, преимущественно фольклорных, о маршрутах и ведущих факторах миграции армян на Северо-Западном Кавказе. Историко-лингвистический анализ этногенетических преданий, сохранившихся в среде армавирских черкесо-гаев, привел ее к выводу о том, что «в конце X или в начале XI в. группа воинов-армян, возможно из Балкан или других мест, оказалась в черкесских горах. Они поддерживали постоянную связь с армянской колонией в Крыму… Видимо, именно это обстоятельство обусловило и в дальнейшем приток новых групп переселенцев-армян, за счет чего и пополнялось армянское население в черкесских горах. Эти выходцы могли быть как из самой Армении, так и из различных районов Малой Азии, Крыма и др.» [1, с. 58].

Еще в 1846 г. проблема происхождения субэтнического сообщества стала объектом внимания армянского священника Иоанна Хазрова, указывавшего в своей работе, что после окончательного уничтожения Армянского царства выходцы оттуда рассеялись «по всему свету», причем многие армяне с торговыми целями обосновались среди адыгов Кубани, где обзавелись недвижимым имуществом, получили власть над крепостными крестьянами, а с помощью брачных союзов завязали тесные родственные отношения с представителями коренных народов региона. Вместе с тем тот же автор приводил легенду, согласно которой предки горских армян были выходцами из Анатолии, Трапезунда, Царьграда, Крыма и Грузии, и что некоторые фамилии появились среди адыгов

около 200 лет назад, то есть в XVII в. [4, с. 87].

В начале XX в. авторитетный кубанский историк Ф.А. Щербина по заказу армавирского сельского общества подготовил большую работу, специально посвященную происхождению и этнокультурному развитию черкесо-гаев. Материал для своей книги, изданной в 1916 г., исследователь получил не только путем изучения архивных документов и работ предшественников, но и в результате непосредственных опросов представителей коренного населения Армавира черкесских армян. Ссылаясь на их предания, он писал, что миграция армян в горные районы Закубанья и в Восточное Причерноморье началась «лет 400 тому назад, непосредственно после того, как было разрушено Армянское царство. После к этим первым поселенцам присоединились выходцы из Крыма, Константинополя, Трапезунда, Синопа и др. мест». При этом Ф.А. Щербина пришел к заключению, что процесс исхода беженцев из Армении развернулся в конце XIV в. [5, с. 2, 177].

Включение в фокус исследовательского внимания источников, авторами которых являются сами представители субэтнического сообщества, позволяет существенно дополнить и конкретизировать приведенную выше информацию. Так, в одном из прошений, составленном в 1913 г. членами армавирского сельского общества, сообщалось буквально следующее: «Предки наши четыре века тому назад, волею исторических судеб, бежали из Армении в Крым - в эпоху Гирендов. Вначале принятые благосклонно татарскими ханами, вскоре они стали подвергаться притеснениям и тяготам, заставившим их переселиться в Черкезстан» [6, № 59].

Как и коренные армавирцы, большинство отечественных специалистов в качестве начальной точки миграции армян в горы Северо-Западного Кавказа также указывали Крымское ханство. Вместе с тем следует отметить, что среди ученых нет консенсуса по вопросу о временных границах и побудительных мотивах упомянутого переселенческого движения. Например, Л.А. Погосян и Ц.П. Агаян аргументировали положение о том, что наиболее ранние общины армян появились в Черкесии в последней четверти XV в., после подчинения Крыма Османской империи [7, с. 21; 8, с. 56]. Основу переселенцев, по мнению этих авторов, составляли беженцы-христиане, спасавшиеся от религиозных притеснений.

Ростом-бек Ерзынкян и Шаган-Симон обосновывали вывод, что предками черкесо-гаев были те армяне, которые по своей воле перешли из Крыма в горные районы Закубанья и в Восточное Причерноморье в XVI в. для занятия торговлей [9, с. 80; 10, с. 59]. Указанный промысел сулил переселенцам особенные выгоды, так как в указанный период среди самих адыгов, в силу натурального характера их хозяйства и специфического негативного отношения к наживе и барышу, собственной прослойки коммерсантов не было. Отсутствие конкуренции, а также покровительство со стороны представителей местных аристократических фамилий, нуждавшихся в посредниках в организации «пленопродавства», открывало для армянских купцов новые перспективы, являясь, таким образом, существенным фактором миграции из Крыма в земли Черкесии.

Подобная трактовка вопроса о происхождении черкесо-гаев была изложена в пояснительной записке «О личных правах туземного населения Кубанской области», подготовленной в 1873 г. председателем комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей Д.С. Кодзоковым. В этом официальном документе он указывал, что коренные армавирцы «…вышли к кубанским горцам из Крыма не позже конца XVI века и, заручившись покровительством сильных лиц, водворились между ними вероятно с торговыми целями…» [11, л. 55об.].

По мнению первого исследователя Армавира и бытописателя его жителей И.И. Иванова, крымские армяне-христиане, спасаясь от религиозных гонений, бежали в Черкесию в XVII в. В 1853 г. в одной из газетных статей он, в частности, сообщал: «По рассказам армавирских стариков, назад тому лет двести или более прадеды их, недовольные смутами, происходившими в Крыму, во время владычества ханов, обремененные налогами и претерпевая сильные гонения за веру, давно задумывали куда-либо удалиться от этих неприятностей; наконец, при одном хане, который два раза был свергнут с престола, они приняли решительное намерение и, бросив свои жилища и имущество, бежали в Черкесию, знакомую им еще прежде, по торговым сношениям. По прибытии в горы, черкесы приняли их ласково и дали у себя убежище, обещая защищать от всех стеснений ханских… Заметим еще здесь, что кроме крымских армян в Черкесию бежало также много армян из Трапезонта, Синопа и других мест Оттоманской Порты» [12, № 14].

Одним из самых компетентных авторов в решении вопроса об этногенезе черкесо-гаев является главный организатор их переселения из гор на равнину и основатель Армавира, начальник Кубанской линии генерал Г.Х. Засс. В 1840 г. он собрал и обобщил все сведения о предках жителей Армянского аула и специфике их традиционного уклада жизнедеятельности. Свой вывод генерал изложил в журнале военных действий Лабинского отряда: «В давние времена выгоды торговли увлекли сих армян в Анапу из Крыма, Астрахани, Армении, Цареграда и Трапизонта. Их торговля и промышленность были полезны горцам. Снискав покровительство их, они перевезли в горы свои семейства и там основались. Главная торговля их была с турками, у которых они выменивали

большую часть товаров на русских пленных обоего пола и на молодых азиаток, которых покупали у горцев» [13, л. 5-5об.].

В исторической литературе и публицистике можно также обнаружить довольно сомнительные и субъективные мнения о путях формировании рассматриваемой субэтнической группы. Например, в пространном газетном очерке, напечатанном в 1889 г. в ставропольской газете «Северный Кавказ» и подписанном инициалами «С.А. Ц-в», излагается оригинальная гипотеза о том, что черкесо-гаи являются потомками тех армян, которые, «подвергнувшись каре русских законов», в незапамятные времена бежали в горы Черкесии, а в 1835-1838 гг. российское правительство поселяет их на Кубани «под наблюдение» крепости Прочный Окоп [14, № 84]. Данная версия вступает в прямое противоречие с хорошо известной политической ориентацией черкесо-гаев, общим устремлением которых с конца XVIII в. становится желание переселиться из гор Черкесии на подконтрольную России территорию, под защиту кордонных укреплений и казачьих станиц.

В вышедшей в свет в 1904 г. работе кубанского исследователя Д. Соколова приводится еще одна оригинальная трактовка происхождения черкесо-гаев, которые до основания в 1839 г. Армавира якобы были «рабами» у горцев, приобретавшими их на невольничьих рынках Турции [15, с. 59]. Эта не подкрепленная никакими источниками концепция также не выдерживает научной критики. Многочисленные свидетельства современников и исследователей говорят о том, что главным занятием черкесских армян до их переселения в первой половине XIX в. на равнины Кубани являлась продажа поставлявшихся горской знатью пленников в Османскую империю. При этом большинство черкесо-гаев сами владели крепостными крестьянами и рабами, происходившими из среды местных народов и поселившимися вместе со своими хозяевами в Армавире.

Выразители второй, «автохтонной» концепции происхождения черкесских армян в качестве первоосновы субэтноса называют часть коренного, преимущественно адыгского, населения Северо-Западного Кавказа, принявшего армяно-григорианскую веру. Количественно они уступают сторонникам «миграционной» теории. Как правило, их позиция излагалась в публицистических очерках, в основном на страницах периодических изданий. Строго говоря, большинство таких работ не обладает признаками научных исследований, отражая весьма поверхностный, обывательский взгляд на этнокультурную специфику субэтнического сообщества. Авторы, разделяющие «автохтонный» подход, обычно не апеллируют к первоисточникам, выстраивая систему рассуждений на чисто умозрительной основе. Вместе с тем определенные основания для предположений об этногенетической связи черкесо-гаев с коренным населением Северо-Западного Кавказа имеются. Главным же фактором для появления подобных взглядов выступает феномен культуры субэтноса, с доминирующими адыгскими традициями и языком.

Первые свидетельства об автохтонном характере этногенеза черкесо-гаев появляются еще в дореволюционный период. Так, в одной из пространных корреспонденций газеты «Кавказ» за 1907 г. анонимный автор сообщал, что Армавир был основан «выходцами из черкесских племен, принявших армяно-григорианское вероисповедание» [16, № 270]. Наличие же у представителей рассматриваемой субэтнической группы элементов армянской культуры и их конфессиональную принадлежность к григорианской церкви современники наивно объясняли межкультурными контактами: «когда были переселены на Северный Кавказ армяне из Персии и, между прочим, водворились в Армавире, то эти черкесы окончательно обармянились и приняли не только армянские имена, но и армянские фамилии» [17, № 172].

В самом Армавире в конце XIX - начале XX в. иногородние обыватели нередко называли коренных жителей черкесами. Этот факт служит иллюстрацией этнических стереотипов в восприятии иной, яркой и самобытной культуры, в которой горские образцы и нормы, с внешней стороны несомненно, превалировали над армянскими традициями. На принадлежность коренных армавирцев к черкесам (адыге) указывала в своих воспоминания и заведующая музеем Армавирского общества попечения о детях М.С. Фиалковская [18, л. 232].

Российские официальные власти, в целом признавая армянское происхождение черкесогаев, иногда обращали особое внимание на их интегрированность в северокавказскую социокультурную среду. В этом отношении показательно мнение члена совета Наместника его Императорского Величества на Кавказе Н.Ф. Джунковского, который в 1912 г. в одной из аналитических записок отмечал, что в годы завоевания региона Россией среди горских мусульманских аулов войска встретили «поселение горцев-христиан, армяно-григорианского исповедания», впоследствии выведенных на плоскость и собранных на левом берегу Кубани в отдельном ауле, будущем Армавире [19, л. 1].

В историографии и публицистике советского периода версии об автохтонном происхождении черкесо-гаев не встречались, однако в первой половине 1990-х годов в ряде газетных очерков представителей кубанского казачества упомянутая концепция была реанимирована и даже полу-

чила новое развитие. Так, в статье члена Армавирского казачьего круга И.В. Чернова, опубликованной «по просьбе атамана Лабинского отдела», без какой либо аргументации прямо отрицался сам факт существования на Кубани этнической группы горских армян. Первопоселенцы Армавира, по словам этого автора, - «самые обычные, настоящие черкесы, они же - адыги», из племен «хатукай, егерукай, бжедуг, шапсуг, темиргор (так в тексте. - *С.К., О.К.*), часть которых придерживалась христианства, пришедшего в Прикубанье в IV веке из Византии» [20, № 20].

Введенный в научный оборот в 1850-е годы И.И. Ивановым и ставший традиционным для историографии термин «черкесо-гаи», объединивший экзоэтноним «черкесы» и самоназвание армян «хай (hay)», в упомянутой заметке И.В. Чернова получил совсем иную трактовку. По его мнению, это название появилось по причине того, что в 1830-х годах черкесы-христиане поселились на берегу Кубани в местности, которую казаки именовали «гай». Данный же топоним автор, видимо, апеллируя к словарю В.И. Даля, переводит, как «остров», «поселение», «нехвойная роща, или поляна, или вырубка». Завершением же смелых умозрительных конструкций члена Армавирского казачьего круга стал вывод о том, что армянская идентичность черкесо-гаям («черкесам-островитянам») с попустительства российских властей была навязана армянскими священниками, которые «быстро освоили эту паству» [20, № 20].

Практически аналогичная позиция по вопросу о происхождении субэтнической группы примерно с тем же уровнем аргументации была изложена в 1994 г. в пространной газетной статье заместителя атамана Лабинского отдела Всекубанского казачьего войска С. Лукаша. В отличие от предыдущего автора, он допускает, что определенная часть представителей адыгейских племен черкесо-гаев «могла иметь армянские корни», однако тут же резюмирует, что «в этом случае мы имеем дело с полной ассимиляцией переселенцев среди адыгов» [21, № 176, 179].

Появление упомянутых штудий представителей армавирского казачества следует рассматривать не в качестве факта историографии, а в контексте непростой этнополитической ситуации 1990-х годов, когда Краснодарский край, и в частности г. Армавир, стали зоной притяжения массовой миграции армян из Еревана, Нагорного Карабаха, Баку, Сумгаита, Гянджи и других мест.

В отличие от публицистики постсоветского периода, мнения дореволюционных авторов о горском происхождении черкесо-гаев представляют собой, прежде всего, укоренившийся в сознании современников этнический стереотип, обусловленный внешним сходством основных элементов традиционной культуры рассматриваемого субэтноса, а также адыгов, абазин и других кубанских народов. Вместе с тем было бы поспешным полностью отвергать факт горского влияния на процесс этнической консолидации коренных армавирцев.

Важным фактором формирования субэтноса стало инкорпорирование в его состав многочисленных представителей народов Северного Кавказа. Такое внедрение происходило преимущественно через принятие крещения по обряду Армянской апостольской церкви, а также благодаря установлению брачных и иных родственных связей. Свидетельством этому являются сохранявшиеся у коренных армавирцев семейные предания о предках неармянской этнической принадлежности. Так, из числа представителей рассматриваемого субэтнического сообщества Тамбиевы вели свое происхождение от кабардинцев, Богарсуковы - от черкесов махошевцев, Джантемировы (Чентемировы) - от абазин, Бароновы и Сеферовы - от крымских татар, Матеосовы и Кастановы - от греков, Хазаровы - от горских евреев, Нагаевы - от ногайцев и т.д. [22]. Эти и многие другие факты указывают на пограничный характер этнической идентичности черкесо-гаев, что, впрочем, является отличительным признаком целого ряда субэтнических групп.

Внимательное знакомство с отдельными сторонами жизни черкесо-гаев в Армавире (прежде всего, очевидная неоднородность в степени выраженности горских проявлений у конкретных фамилий) позволяет констатировать, что адыго-абазинский аспект их культуры был следствием не только межкультурного взаимодействия, но одновременно являлся итогом более глубоких этногенетических процессов. В материалах армавирского старожила и краеведа Р.К. Аракелова, являвшегося непосредственным носителем этнической традиции черкесо-гаев, часто встречается информация, которая прямо подтверждает факт влияния горского компонента на процесс формирования данного сообщества [22].

Таким образом, следует отметить, что проблема этногенеза субэтнической группы черкесо-гаев не может быть решена только в пределах традиционной и доминирующей миграционной концепции. Характер этнокультурного облика, явственно проступающие глубокие межэтнические параллели и заимствования, фамильно-родовые связи, вовлекающие в этническое поле черкесо-гаев (на уровне фамилий, родовых тамг, семейных преданий) довольно широкий круг коренных народов региона (абазин, адыгов, ногайцев, карачаевцев), - все это позволяет ставить вопрос о сложном процессе формирования сообщества горских армян, отразившем своеобразие и полиэтничность северокавказского региона.

В итоге можно сделать заключение, что миграция армян в горы Северо-Западного Кавказа

представляла собой длительный, многовекторный и порой противоречивый процесс. Переселение включало в себя разные потоки, как из Армении, так и из Византии, Османской империи и Крымского ханства, и могло охватывать длительный период с X-XI вплоть до XVII в. При этом наиболее значимым ядром субэтноса черкесо-гаев являлись выходцы из Крыма [23, с. 37-38; 24, с. 114-124].

Проведя в Черкесии несколько сотен лет, армяне практически полностью утратили свой национальный облик. Важным фактором данных аккультурационных процессов служили разнообразные межэтнические связи, в том числе инкорпорирование в состав складывавшегося субэтнического сообщества многочисленных представителей автохтонных горских народов. Черкесогаи переняли у адыгов их язык, нравы, обычаи и основные элементы материальной культуры, однако сохранили свое этническое самосознание и приверженность к Армянской апостольской церкви. Сосредоточив в своих руках почти всю торговлю закубанского края, они заняли своеобразную экономическую нишу, что позволяет рассматривать черкесо-гаев как особую этнопрофессиональную группу в среде адыгов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аракелян Г.С. Черкесогаи (историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып.4. - Ереван, 1984.
2. Поркшеян Х.А. Происхождение черкесогаев и основание г. Армавира // Вестник общественных наук. - Ереван, 1971. - № 5.
3. Аракелян Г.С. Некоторые вопросы истории переселения армян на Северо-Западный Кавказ и становления черкесо-гаев // Кавказ и Византия. Вып.3. - Ереван, 1982.
4. Хазров И. Остатки христианства между закубанскими племенами, прошедшее и нынешнее состояние их нравов и обычаев // Живая старина. - Нальчик, 1993. - № 3.
5. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. - Екатеринодар, 1916.
6. Кубанский край. - Екатеринодар, 1913.
7. Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. - Ереван, 1981.
8. Агаян Ц.П. Россия в судьбах армян и Армении. - М., 1994.
9. Григорян В. Труд Ростом-бека Ерзынкяна «Черкесские армяне» // Вестник архивов Армении. - Ереван, 1971. - № 1. (На арм. яз.).
10. Шаган-Симон. Памятник армавирскому четырехголосному хору. - Тифлис, 1914. (На арм. яз.).
11. Государственный архив Краснодарского края (далее - ГАКК). Ф.348. Оп.1. Д.9.
12. Иванов И. Армавир // Ставропольские губернские ведомости. - Ставрополь, 1853.
13. ГАКК. Ф.347. Оп.1. Д.2.
14. Ц-в С.А. Чем быть Армавиру, - городом или селом? // Северный Кавказ. - Ставрополь, 1889.
15. Соколов Д. Хаджи Магомет // Кубанский сборник. - Т.11. - 1905. - Екатеринодар, 1904.
16. По Кавказу // Кавказ. - Тифлис, 1907.
17. Дикси. Заселение южных окраин. Современное их положение и дальнейшие задачи // Русское знамя. - М., 1911.
18. Архивный отдел администрации г. Армавира. Ф.Р-1194«а». Оп.1. Д.4.
19. Российский государственный исторический архив. Ф.1090. Оп.1. Д.133.
20. Чернов И.В. Кто основал Армавир? // Новая армавирская газета. - Армавир, 1993.
21. Лукаш С. Нет уз святее товарищества // Армавирский собеседник. - Армавир, 1993.
22. Материалы армавирского краеведа и старожила Р.К. Аракелова (1912-2001 гг.).
23. Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839-1918 гг.). - Армавир, 2002.
24. Ктиторов С.Н. Проблемы этногенеза и социально-экономического статуса черкесо-гаев Северо-Западного Кавказа // «Деятельность И. Аргутинского-Долгорукого в контексте геополитики России на Кавказе» (к 230-летию переселения армян из Крыма на Дон): Мат-лы межрегион. конф. - Ростов н/Д, 2010.

REFERENCES

1. Arakelyan G.S. Cherkesogai (istoriko ehtnograficheskoe issledovanie) [Cherkeso-Gai (historical and ethnographic research)]. Kavkaz i Vizantiya. Vyp.4. Erevan, 1984. (in Russ.).
2. Porksheyan H.A. Proiskhozhdenie cherkesogaev i osnovanie g. Armavira [The origin of Circassian Armenians and the foundation of Armavir]. Vestnik obshchestvennyh nauk. Erevan, 1971. No. 5. (in Russ.).
3. Arakelyan g.s. Nekotorye voprosy istorii pereseleniya armyan na Severo-Zapadnyj Kavkaz i stanovleniya cherkeso-gaev [Some issues of the history of the resettlement of Armenians to the North-Western Caucasus and the formation of Circassian Armenians]. Kavkaz i Vizantiya. Vyp.3. Erevan, 1982. (in Russ.).
4. Hazrov I. Ostatki hristianstva mezhdu zakubanskimi plemenami, proshedshee I nyneshnee sostoyanie ih nravov i obychaev [The remnants of Christianity between the Kuban tribes, the past and the present state of their customs and customs]. Zhivaya starina. Nalchik, 1993. No. 3. (in Russ.).
5. Shcherbina F.A. Istoriya Armavira i cherkeso-gaev [The history of Armavir and Circassian Armenians]. Ekaterinodar, 1916. (in Russ.).

6. Kubanskij kraj. Ekaterinodar, 1913. (in Russ.).
7. Pogosyan L.A. Armyanskaya koloniya Armavira [Armenian colony of Armavir]. Erevan, 1981. (in Russ.).
8. Agayan C.P. Rossiya v sudbah armyan i Armenii [Russia in the fates of Armenians and Armenia]. M., 1994. (in Russ.).
9. Grigoryan V. Trud Rostom-beka Erzynkyana «Cherkesskie-armyane» [Work of Rost-bey Yerzyankyan "Circassian Armenians"]. Vestnik arhivov Armenii. Erevan, 1971. № 1. (in Armenian).
10. Shagan-Simon. Pamyatnik armavirskomu chetyrekhgolosnomu horu [The monument to the Armavir four-part chorus]. Tiflis, 1914. (in Armenian).
11. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya [State Archives of Krasnodar Region]. F.348. Op.1. D.9. (in Armenian). (in Russ.).
12. Ivanov I. Armavir. Stavropolskie gubernskie vedomosti. Stavropol, 1853. (in Russ.).
13. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraya [State Archives of Krasnodar Region]. F.347. Op.1. D.2. (in Russ.).
14. C-v S.A. Chem byt Armaviru - gorodom ili selom [What is Armavir, a city or a village?]. Severnyj Kavkaz. Stavropol, 1889. (in Russ.).
15. Sokolov D. Hadzhi-Magomet. Kubanskij sbornik. T.11. 1905. Ekaterinodar, 1904. (in Russ.).
16. Po Kavkazu [In the Caucasus]. Kavkaz. Tiflis, 1907. (in Russ.).
17. Diksi. Zaselenie yuzhnyh okrain. Sovremennoe ih polozhenie i dalnejshie zadachi [Settlement of southern outskirts. Their current situation and further tasks]. Russkoe znamya. M., 1911. (in Russ.).
18. Arhivnyj otdel administracii g. Armavira [Archive department of the city of Armavir]. F.R-1194«a». Op.1. D.4. (in Russ.).
19. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive]. F.1090. Op.1. D.133. (in Russ.).
20. Chernov I.V. Kto osnoval Armavir? [Who founded Armavir?]. Novaya armavirskaya gazeta. Armavir, 1993.
21. Lukash S. Net uz svyateye tovarishchestva [No connection more sacred than friendship]. Armavirskiy sobesednik. Armavir, 1993.
22. Materialy armavirskogo kraeveda i starozhila R.K. Arakelova (1912-2001gg.) [Materials of the Armavir ethnographer and old-timer R.K. Arakelov]. (in Russ.).
23. Ktitorov S.N. Istoriya Armavira (dosovetskiy period: 1839-1918 gg.). [History of Armavir (pre-Soviet period: 1839-1918)]. Armavir, 2002.
24. Ktitorov S.N. Problemy etnogeneza i sotsial'no-ekonomicheskogo statusa cherkeso-gayev Severo-Zapadnogo Kavkaza [Problems of ethnogenesis and socio-economic status of Circassian Armenians of the North-West Caucasus]. «Deyatel'nost' I. Argutinskogo-Dolgorukogo v kontekste geopolitiki Rossii na Kavkaze» (k 230-letiyu pereseleniya armyan iz Kryma na Don): Materialy mezhregional'noy konferentsii. Rostov-na-Donu, 2010.

Информация об авторах:

Ктиторов Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и отечественной истории, Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Россия
ktitorovsn@rambler.ru

Ктиторова Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей и отечественной истории, Армавирский государственный педагогический университет,
г. Армавир, Россия
olgakti1@rambler.ru

Получена: 27.11.2017

Для цитирования: Ктиторов С.Н., Ктиторова О.В. Проблемы научного дискурса о происхождении субэтнической группы Черкесо-Гаев (черкесских армян). Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.107-113.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-107-113.

Information about the authors:

Sergey N. Ktitorov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of World and Russian History, Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia
ktitorovsn@rambler.ru

Olga V. Ktitorova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of World and Russian History, Armavir State Pedagogical University,
Armavir, Russia
olgakti1@rambler.ru

Received: 27.11.2017

For citation: Ktitorov S.N., Ktitorova O.V. Problems of scientific discourse on the origin of the Cherkeso-Gai sub-ethnic group (Circassian Armenians). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol. 9. no.6 Part.2. Pp. 107-113.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-107-113. (in Russian)

УДК 930.2

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-114-120

МАТВЕЕВА Александра Михайловна
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)
г. Москва, Россия
alexmatveeva828@mail.ru

Alexandra M. MATVEEVA
Moscow State Automobile and Road Technical Universitv (MADI)
Moscow, Russia
alexmatveeva828@mail.ru

ГЕОПОЛИТИКА ВНУТРЕННЕГО ПРОСТРАНСТВА КАК НАПРАВЛЕНИЕ РУССКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

В условиях глобализации научного знания актуальность приобретают исследования на стыке наук, среди которых особое место занимает геополитика, как область знания, в которой синтезированы сведения о социально-экономическом, политическом, культурно-идеологическом развитии и устройстве стран с данными об их уникальной географии (местоположение, удаленность от морей, климат, почвенно-ботанические зоны, обеспеченность ресурсами т.д.). Некоторые современные исследователи выделяют отдельное направление - геоисторию, занимающуюся выявлением геополитических закономерностей в процессе исследования пространственно-силового взаимодействия государств. Геополитику можно рассматривать и как исторический подход со своей пространственной специфической методологией к анализу внутренних процессов жизни государств. Основоположниками такого подхода можно считать ярких представителей русской геополитической лы - В.И. Ламанского, Д.И. Менделеева, В.П. Семенова-Тян-Шанского, П.Н. Савицкого. Систематизировав их теоретические построения, можно говорить об особой методологии истории - геополитике внутреннего пространства. Она нацелена на выявление универсальных, выработанных в процессе исторического развития государств правил их внутреннего устройства, исходя из специфики занимаемого ими пространства страны. Эти правила подчинены императиву безопасности государства и сохранения целостности его границ. Для континентальной России геополитика внутреннего пространства устанавливает в качестве важнейших задач такую организацию социально-экономической и политической систем, которая обеспечивает ее автаркию - независимость от мирового океанического рынка и политического влияния извне. В этой связи можно говорить об этатизме - широком государственном вмешательстве в социально-экономическую сферу и об идеократии как форме народоправства через представительство выразителей коллективного многонационального «народного духа» российского государства, стремящегося к самодостаточности. Самодостаточность России возможна при условии рассеивания промышленных и культурных центров, равномерного распределения плотности населения, развития инфраструктуры по всей ее протяженности. Необходимо также соблюдать принципы геополитической и экономической рациональности в системе административно-территориального деления страны. В частности, районирование должно учитывать распределение транспортных магистралей. Принципы, выработанные геополитикой внутреннего пространства, основаны на статичной (большей частью) географии страны, актуальны как для Российской империи, СССР, так и для современной России.

GEOPOLITICS OF INNER SPACE AS THE DIRECTION OF RUSSIAN GEOPOLITICAL SCHOOLS AND THE METHODOLOGY OF HISTORY

In the context of globalization of scientific knowledge is of particular urgency of research "at the crossroads of Sciences", among which a special place is geopolitics, as a field of knowledge, which synthesized information on the socio-economic, political, cultural and ideological development and structure of the countries with data about their unique geography (location, distance from seas, climate, soil and Botanical zones, availability of resources etc.). Some modern researchers allocate a separate direction – geohistory responsible for identifying geopolitical regularities in the research process, the spatial force of interaction between States. Geopolitics can be seen as a historical approach with their spatially specific methodology to the analysis of the internal processes of life. The founders of this approach can be considered as the brightest representatives of the Russian geopolitical school of V.I. Limanskogo, D.I. Mendeleev, V.P. Semenov-Tyan-Shansky, P.N. Savitsky. Systematized their theoretical construct it is possible to talk about a special methodology of history - geopolitics of inner space. The geopolitics of inner space reveals the generic for States that could adapt over the space of the country, geohistorical rules of the internal device. These rules are subordinated to the imperative of the country's security and preserving the integrity of its borders. Continental Russia, the geopolitics of inner space sets as a critical task, such an organization of economic and political systems, which provides it with autarky - independence from the global ocean market. In this regard, we can talk about statism - wide state intervention in the socio-economic sphere and about the idiocracy as a form of popular rule through representation of the collective voice of the multinational "national spirit" of the country and the Russian state, striving for self-sufficiency. Self-sufficiency Russia is possible under condition of dispersion of the industrial and cultural centers, uniform distribution of population density, infrastructure development along its entire length. You must also comply with the principles of geopolitical and economic rationality in the system of administrative-territorial division of the country. In particular, zoning should be based on the distribution of highways. The principles developed by the geopolitics of inner space, based on the static, for the most part, the geography of the country, so they are relevant for the Russian Empire, USSR and modern Russia.

Ключевые слова: геополитика внутреннего пространства, месторазвитие, естественные границы, обороноспособность, этатизм, плановая экономика, автаркия, идеократия, СССР, Россия

Keywords: geopolitics of inner space, mastersuite, natural boundaries, defenses, statism, planned economy, autarchy, ideocracy, USSR, Russia

Классическая западная геополитика зародилась в идеологической сфере империалистической эпохи как форма обоснования экспансионистской политики колониальных государств и претензий на мировое господство. Выявление механизмов мироустройства в геополитике являлось производным от этой цели. В преддверии Первой мировой войны наукообразные формулировки геополитики были задействованы всеми колониальными державами. Позже в Третьем рейхе геополитика даже получила статус «национальной науки». В этой связи вплоть до относительно недавнего времени геополитика рассматривалась как «разбойничье фашистское и насквозь антинаучное учение, стоящее на службе у монополистов» [1, с. 78].

Отечественная геополитическая традиция - явление принципиально иного характера. Она зародилась вне связи с империализмом - в середине XIX в. и исходила из свойств континентальной Российской империи. Свои истоки русская геополитика брала в областях научного знания: географии, экономики, военной стратегии и истории. Основной ее задачей являлось обеспечение безопасности государства и, исходя из этого, поиск адекватной геостратегии на мировой арене. В Российской империи вместо термина «геополитика» употребляли изначально другие определения: «военная статистика» (понятие, введенное в оборот военным министром Д.А. Милютиным), «высшая стратегия» (термин генерала А.Е. Вандама), «стратегия» (термин генерала А.А. Свечина).

В отечественной геополитике можно выделить две школы: военно-стратегическую, представленную в основном военными учеными (Д.А. Милютин, А.Е. Снесарев, А.А. Свечин, А.Е. Вандам, А.Н. Куропаткин, Н.Н. Головин, Н.П. Михневич, А.Х. Елчанинов, В.Л. Черемисов и др.) и экономико-географическую (основоположники: В.И. Ламанский, Д.И. Менделеев, В.П. Семенов-Тян-Шанский и др.). В рамках второй школы сформировалась оригинальная концепция - геополитики внутреннего пространства. Целостное оформление данная теория получила в 1920-1930-е годы в трудах лидера евразийского течения русского зарубежья, экономиста, географа, философа Петра Николаевича Савицкого.

Суть данного подхода заключается в том, что определяющим фактором в развитии и функционировании государства является географическое пространство, или «месторазвитие», на котором оно (государство) исторически существует. Необходимым условием для поддержания целостности границ государства является соблюдение политической властью правил, геоисторических законов внутреннего устройства, выработанных в ходе исторического развития самим месторазвитием-пространством. Эти правила определяются как универсальные для любой политической системы в рамках месторазвития.

Согласно геополитическому подходу, историческое развитие государства уходит корнями в землю - то есть в естественную среду его формирования. Географическое положение страны, месторазвитие на ранних этапах становления государственности играют особо важную роль в созидании государств. Свойства территории - удаленность от морей, протяженность границ, климат и т.д., определяя векторы геополитического развития, оказывают также большое влияние и на социально-историческую среду, внутреннюю политику и даже менталитет этноса.

Объединенная еще князем Олегом Киевско-Новгородская Русь занимала обширное равнинное пространство. Отсутствие внутренних естественных преград, разветвленная речная система способствовали быстрой экономической, политической и культурной унификации исторического ядра Руси, народному и государственному единению. Можно предположить, что это свойство территории передалось русскому народу, наделив его культуру колоссальной ассимиляционной силой. В ее основе лежали принципы равенства и дружбы народов.

Относительно влияния географического фактора на менталитет народа П.Н. Савицкий подмечал, что свойственная климату России широта амплитуд температурных колебаний нашла отражение в присущем русской душе «сочетании такой душевной темноты и низости с такой напряженностью просветления и порыва, которое недоступно европейской душе» [2, с. 155]. О полярности и антиномичности русского характера писали многие мыслители - от немецкого философа В. Шубарта до академика Д.С. Лихачёва. Вспомнить хотя бы известные строки А.К. Толстого:

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,

Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой.
Коли пир, так пир горой!

Суровый климат, распутицы, замкнутость в континенте предопределили стремление Российского государства еще со времен первых князей к теплым открытым морям и солнечным краям, что являлось формой борьбы народа за жизнь. Это, в свою очередь, предопределило южное (выход к Черному морю) и юго-западное (выход к Балканам) направления в качестве важнейших приоритетов геополитической активности России во все периоды ее истории.

Процесс образования Российского государства шел путем не захвата территорий, что присуще колониальным империям, а посредством активной самозащиты: «Пришлось нам со всех-таки сторон только защищаться, а при защите нередко занимать места, из которых наши теснители сами вытеснялись» [3, с. 395]. Это предопределило восточную направленность русской колонизации, а также естественные границы государства, в рамках которых оно может быть самодостаточным, исходя из необходимой стратегической защиты. Оборона государства, по верному замечанию Д.И. Менделеева, подразумевает «защиту самостоятельности и возможность развивать народные исторические особенности» [3, с. 180]. В этой связи естественными рубежами для Российского государства выступают границы СССР, которые почти полностью воспроизводили территорию бывшей Российской империи. Именно в рамках Советского Союза наша страна еще в годы первых пятилеток обрела самодостаточность.

Расположение нашей страны между государствами Европы и Азии, которые воспринимают ее территории в качестве плацдарма для укрепления собственного геополитического и экономического могущества; открытость пограничных рубежей, отсутствие естественных защитных барьеров от военных вторжений; большая протяженность сухопутной границы, огромные расстояния требовали концентрации народных усилий по созданию автракичного, независимого или, как говорили евразийские геополитики, «самодовлеющего» государства, что было возможно при наличии организующей их сильной и жесткой власти. А это предопределяло усиление этатистских позиций государства, а также принципов единоначалия и сакральности власти в жизни страны.

В качестве определяющих принципов геополитики внутреннего пространства России можно выделить: стремление к автаркии, этатизм и идеократию, о чем речь пойдет ниже. Стремление России к самодостаточности, с одной стороны, является необходимым условием для защиты государства, с другой стороны, по мнению Савицкого, географически детерминировано, поскольку ее природно-сырьевая база заключает «все то разнообразие природно-экономических данных, которое содержит в себе планета» [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.189. Л.2].

Достижение данной цели было возможно, по убеждению ученого, при реализации важного принципа организации внутреннего пространства месторазвития - этатизма, то есть активного государственного вмешательства в жизнь общества. Отрезанность России от Мирового океана, связанной с ним системы экономической конкуренции и торговли, обусловливало монополистические тенденции в ее экономике, что неизбежно влекло государственное вмешательство. Этатизм предполагает организацию экономики в виде планового хозяйства, поскольку «только государство в силах охватить все народнохозяйственное целое» [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.189. Л.7].

Широкое государственное регулирование рассматривалось как исторически присущая России форма хозяйствования, которая начала проявляться еще в торговых операциях русских князей, потом в государственном предпринимательстве московского и императорского периодов [4, с. 175]. А затем произошла Октябрьская революция 1917 г., которая сопровождалась «взрывом необузданного этатизма», который присущ российскому месторазвитию [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.189. Л.3-4]. В русле закономерностей и традиций геополитики внутреннего пространства России был и провозглашенный И.В. Сталиным в 1925 г. курс на индустриализацию и более широко - на модернизацию страны как средство к достижению автаркии в условиях вызревающей мировой войны, направленной против СССР.

В частности, коллективизация, как когда-то поместное землевладение XVI - XVII вв., имела своей целью также создание подготовленных кадров на случай войны, которые могли бы явиться «людными и оружными» [ГА РФ Ф.5783. Оп.1. Д.41. Л.18]. Таким образом, согласно теории геополитики внутреннего пространства, было закономерно возрождение тягловых и служилых начал в социальном режиме СССР и «государевой пашни» в совхозах и колхозах. В этой связи стоит вспомнить идеи А.И. Герцена, Н.П. Огарева, народников о традиционности социализма, «идущего от земли и крестьянского быта» в России. Ячейкой этого социализма русским народникам и социалистам виделась община с ее черным переделом. Сама община возникла как единственно возможный

«компенсационный механизм выживания» в суровых климатических условиях континентальной России [5, с. 10].

По мнению П.Н. Савицкого, социализм был шире крестьянской общины, он распространялся на весь строй русского «служилого» и «тяглового» государства; и вытекал не из свободного самоопределения коллектива, но «из высшего напряжения этатизма» [ГА РФ Ф.5783. Оп.1. Д.225. Л.12-13]. Современные ученые доказывают правоту этих положений, говоря, что из традиций крестьянской общины в России вырастали фабзавкомы и рабочее самоуправление [6, с. 35].

Форсированное развитие в 1930-е годы, нацеленное на повышение обороноспособности страны и ее самодостаточности, было возможно лишь в условиях «обобществленной» экономики. Именно русская община, воспроизведенная в советских условиях в виде колхозов и совхозов, могла обеспечить, с одной стороны, максимальную выжимаемость средств для страны, а с гой - выживаемость народа в нелегких условиях. У России, никогда не имевшей колоний, иной альтернативы не было. В этой связи политика коллективизации соответствовала геополитическим целям и задачам нашей страны. Савицкий полагал, что это универсальный принцип геополитики внутреннего пространства России-СССР: «Не только коммунистическая, но и любая русская власть принуждена будет насаждать крупные государственные сельскохозяйственные предприятия и оказывать покровительство ассоциациям сельскохозяйственных производителей» [ГА РФ Ф.5783. Оп.1. Д.41. Л.18а].

Петр Николаевич считал, что России геоэкономически свойственна модель смешанной экономики, или «экономики третьего пути». Это предопределялось ее местоположением между Востоком и Западом. Экономика России синтезная - не по-европейски частная и не восточная - коллективистская, а плановая государственно-частная система экономики с преобладанием государственного начала, действующего через рынок. Отношения между государственным и частным секторами здесь должны были урегулироваться по принципу поместного землевладения: за невыполнение обязанностей перед государством собственник может быть лишен собственности [4, с. 178].

Распространение мелких частных сельскохозяйственных предприятий, розничной частной торговли в деревне, по мысли Савицкого, может дать импульс к развитию крупного «обобществленного» хозяйства, составив ему конкуренцию, и держать его, таким образом, в «постоянном творческом напряжении, не давать ему распускаться» [ГА РФ Ф.5783. Оп.1. Д.189. Л.10]. Государство же при помощи налоговой и ценовой политики должно охватить мелкое производство, не подрывая автономности отдельной хозяйственной единицы, общим плановым замыслом [ГА РФ Ф.5783. Оп.1. Д.189. Л.12].

Как известно, критерием истинности теории является практика. Наша страна показала наивысшие темпы экономического развития в период 1930-х - начала 1950-х годов. Это время ускоренной модернизации и послевоенного восстановления. Что из себя представала экономика СССР этого периода? Плановую государственно-частную систему хозяйства. Современные исследования показывают, что при Сталине существовал предпринимательский сектор - около 114 тыс. мастерских и предприятий различного профиля, на которых было задействовано около 2 млн рабочих, которые производили около 6% валовой продукции промышленности СССР. Эти предприятия стояли в авангарде советской промышленности - «первые советские ламповые приемники (1930 г.), первые в СССР радиолы (1935 г.), первые телевизоры с электронно-лучевой трубкой (1939 г.) выпускала ленинградская артель "Прогресс-Радио"», - отмечает А.К. Трубицын [7]. Существовали артели промысловой и потребкооперации на селе. Были и колхозники-предприниматели. Самый популярный пример колхозника Ферапонта Головатого, который занимался пчеловодством, торговал на рынке своим медом. Вырученные от продаж 200 тыс. рублей он вложил на постройку двух истребителей для Советской армии в годы Великой Отечественной войны. Была еще категория так называемых сельских пролетариев, имевших свой подсобный участок, но трудившихся на фабриках.

Геоэкономическая специфика России заключается в целесообразности децентрализации ее хозяйственного развития, промышленности по всей территории страны. До революции индустриальные центры концентрировались в Центральной России и Санкт-Петербурге, в то время как богатые полезными ископаемыми юго-восточные регионы пребывали в запустении. На эти недостатки, тормозящие путь государства к достижению автаркии, указывали в своих работах такие столпы отечественной геоэкономики, как Д.И. Менделеев и В.П. Семенов-Тян-Шанский. Неравномерность в сосредоточении промышленных анклавов вела к стратегической уязвимости России. Поэтому выход из подобного положения мог быть один - выравнивание периферии и центра по плотности населения посредством создания культурно-экономических баз и промышленных центров на Урале, Алтае, горном Туркестане с Семиречьем и на Кругобайкалье. В советское время ин-

дустриализация решила эту задачу, однако после развала страны ситуация с неравномерностью в развитии регионов вернулась.

В деле экономического развития России необходимо также учитывать следующую особенность: отсутствие колоний, доминионов - аграрных придатков - ставит предел в превращении ее в сплошную страну-город. Как следствие, индустриальное развитие нашей страны тесно связано с сельским хозяйством. Именно деревня давала толчок к подъему производительной энергии русского народного хозяйства. Это обстоятельство учитывалось советскими руководителями при проведении индустриализации и восстановлении страны после войны. Сегодняшняя Россия в условиях экономических санкций стремится к автаркии. Без возрождения села, русской деревни - без понимания особенностей внутренней геополитики страны - реализация этой важной цели невозможна.

Политическая система России сообразно рациональной геополитике внутреннего пространства должна быть организована в виде жесткой, централизующей огромные просторы нашей страны власти. Жесткость власти, то есть нацеленность на упорядоченность в управлении страной, имеет историческую традицию. Достаточно вспомнить «Челобитную» Ивана Пересветова с просьбой о «грозном царе» (то есть царе, который наведет порядок в стране), запросы российского общества в годы ельцинского лихолетья на сильную руку, которая будет «мочить» террористов и, построив вертикаль власти, не позволит стране распасться.

Жесткость власти в России, поддерживающей в единстве огромную территорию государства, обосновывалась ее сакральностью. В этом отношении можно говорить о геоисторически присущем нашей стране сакрализованном авторитаризме - от первых русских князей-жрецов, от обожествления императорской власти петровских времен, уваровской триады до красного вождизма и современного восприятия главы государства. Это проявляется в отношении народа к «доброму царю», генсеку, президенту. Поэтому в России руководитель страны никогда не был и не будет простым управленцем, менеджером.

Геополитика внутреннего пространства охватывает также и вопрос о государственной власти. По мнению П.Н. Савицкого, политическая элита России должна иметь историчность мышления, уважение к национальной истории в окружающей его среде. Правление такой элиты можно назвать идеократией - властью, выражающей присущие интересам государства установки, которые во многом отражают геополитическую логику организации пространства и поведения страны на международной арене. Савицкий же считал, что идеократия - это идея «народного духа», выразительница самобытности нации и ее «жизненного пространства», стремящегося к самодостаточности [8, с. 119-120].

В евразийской концепции практическое оформление идеократии шло через высший слой - «идеократическую интеллигенцию», выражающую интересы всего народа и приводящую его хозяйственную деятельность в гармоничное единство. О такой же власти, чувствующей «пульсы страны», ставящей во главу угла «благо народное», грезил и Д.И. Менделеев.

Теории элит, появившиеся еще в конце XIX - начале XX века в трудах В. Парето и Г. Моска, в 1920-1930-е годы были широко распространены в Европе у представителей движений «третьего пути», «консервативных революционеров». Представление об интеллигенции как о «мозге нации» были свойственны и отечественной как либеральной, так и народнической общественно-политической мысли. В концепции евразийцев идеократия геополитически чужда колониальному империализму, поскольку в основе ее лежит «благо совокупности народов» империи и связывающая их наднациональная идея [9, с. 199]. В этой связи под определение идеократии, по мнению П.Н. Савицкого, не подходило ни одно государство, за исключением СССР. По отдельности ни одно европейское государство не могло претендовать на статус автаркии, да и чтобы выступить в качестве имперского ядра, надо было отказаться от идеологии либерализма и демократии и выработать панъевропейскую идеократическую идею. Может ли идеократическая элита выражать интересы народа, принадлежа к иному классу? На этот вопрос русские геополитики не отвечали. Исторический опыт показывает, что только единицы могут возвыситься над классовыми притязаниями. В какой-то мере идеократии созвучен ленинский посыл о диктатуре пролетариата, получившего в ходе культурной революции высококачественное образование. Напомним, главами советского государства были выходцы из рабочего класса - токари М.И. Калинин, Н.М. Шверник, слесарь К.Е. Ворошилов…

Организация внутреннего пространства нашей страны имеет и определенные правила административно-территориального деления. В их основе лежат принципы геополитической и экономической рациональности. Во-первых, это создание административных центров в крупных и оживленных городах, что позволяло связывать центр со средоточием рабочего населения. Во-вторых, это принцип согласования административного районирования с распределением желез-

нодорожных и водных путей [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.245. Л.12-13]. Эти правила имели историческую традицию. По наблюдениям Савицкого, в 1921 г. с образования областей и краев началось возвращение к «петровским масштабам» - их центры совпадали с центрами петровских губерний [ГА РФ. Ф.5783. Оп.1. Д.245. Л.38]. Таким образом, произошла своеобразная административно-территориальная «контрреформа», не лишенная глубокого геополитического смысла и исторического преемства. К 1930-м годам административно-территориальное деление на области и края максимально воспроизводило дореволюционные губернии, как современная Россия воспроизводит советские области.

Таким образом, свойства территории российского государства на протяжении всей истории во многом определяли закономерности геополитики его внутреннего пространства, то есть организации его социально-экономической и общественно-политической жизни. Эти геополитические правила государственного устройства являлись необходимым условием не только для поддержания целостности его границ, но и существования России как геополитического феномена, а также жизни русского народа.

Геополитика внутреннего пространства как исторический подход требует доработки и конкретизации. Однако бесспорным остается одно обстоятельство - государство развивается и функционирует в пространственно-временном континууме. Хронология его жизни, то есть история, имеет материальное оформление в пространстве. Поэтому географический фактор необходимо учитывать при исследовании не только внешнеполитических, но и внутренних процессов функционирования государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гейден Г. Критика немецкой геополитики. - М.: Изд-во иностр. лит., 1960.
2. Савицкий П.Н. Европа и Евразия (по поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и Человечество») / Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
3. Менделеев Д.И. Познание России. Заветные мысли. - М.: Эксмо, 2008.
4. Евразийство (Формулировка 1927 года) // Основы евразийства. - М.: Арктогея-Центр, 2002.
5. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. - М.: РОССПЭН, 1998.
6. Чураков Д.О. Фабзавкомы в борьбе за производственную демократию. Рабочее самоуправление в России. 1917-1918 гг. - М.: Прометей МПГУ, 2005.
7. Трубицын А.К. О Сталине и предпринимателях [Электронный ресурс]. (Дата обращения: 22.11.2011) - URL: http://archive.li/4YvTG#selection-287.1-287.12
8. Савицкий П.Н. Два мира / Континент Евразия. - М.: Аграф, 1997.
9. Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Основы евразийства. - М., 2002.

REFERENCES

1. Geyden G. Kritika nemetskoy geopolitiki. [Criticism of German geopolitics]. Moscow. Publishing house. Foreign. lit.1960. (in Russ).
2. Savitskiy P.N. Evropa i Evraziya (po povodu broshyury kn. N.S. Trubetskogo «Evropa i Chelovechestvo»). [Europe and Eurasia (on the brochure vol. N. With. Trubetskoy "Europe and Humanity")]. Kontinent Evrazija = the Eurasian Continent. Moscow. Agraf. 1997. (in Russ).
3. Mendeleev D.I. Poznanie Rossii. Zavetnye mysli. [Knowledge Of Russian. Cherished thoughts]. Moscow. Eksmo. 2008. (in Russ).
4. Evrazijstvo. (Formulirovka 1927 goda). [Eurasianism. (The wording 1927)]. Osnovy evrazijstva = The foundations of Eurasianism. Moscow. ARCTOGAIA Center, 2002. (in Russ).
5. Milov L.V. Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa. [the Great Russian ploughman and peculiarities of Russian historical process]. Moscow. ROSSPEN. 1998. (in Russ).
6. Churakov D.O. Fabzavkomy v bor'be za proizvodstvennuyu demokratiyu. Rabochee samoupravlenie v Rossii. 1917-1918 gg. [Fabzavkomii in the struggle for industrial democracy. Worker self-management in Russia. 1917-1918]. Moscow. Prometey. Moscow state pedagogical University. 2005. (in Russ).
7. Trubitsyn A.K. O Staline i predprinimatelyakh. [Stalin and entrepreneurs] Updated: 2011-11-22. URL: http://archive.li/4YvTG#selection-287.1-287.12

8. Savickij P.N. Dva mira. [Two worlds]. Kontinent Evrazija = the Eurasian Continent. Moscow. Agraf. 1997. (in Russ).
9. Trubetskoy N.S. Ob idee-pravitel'nitse ideokraticheskogo gosudarstva. [About the idea-the ruler of the ideocratic state]. Osnovy evrazijstva = The foundations of Eurasianism. Moscow. ARCTOGAIA Center, 2002. (in Russ).

Информация об авторе:

Матвеева Александра Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ),
г. Москва, Россия
alexmatveeva828@mail.ru

Information about the author:

Alexandra M. Matveeva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and Cultural Studies, Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI),
Moscow, Russia
alexmatveeva828@mail.ru

Получена: 12.12.2017

Для цитирования: Матвеева А.М. Геополитика внутреннего пространства как направление русской геополитической школы и методология истории. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.114-120.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-114-120.

Received: 12.12.2017

For citation: Matveeva A.M. Geopolitics of inner space as the direction of russian geopolitical schools and the methodology of history. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 114-120.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-114-120. (in Russian)

УДК 94(470) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-121-125

РОЖКОВ Александр Юрьевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
avro14@mail.ru

Alexander Yu. ROZHKOV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
avro14@mail.ru

АЛЬБОМНАЯ КУЛЬТУРА ШКОЛЬНИКОВ В 1920-1930-е ГОДЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Несмотря на заметное возрастание интереса к изучению школьного фольклора и альбомной традиции учащихся (В. Бахтин, А. Белоусов, С. Борисов, В. Лурье, Е. Неелов, Ю. Тынянов, А. Ханютин, М. Чеканова и др.), лучше всего разработаны рукописные альбомы гимназисток конца XIX в. Альбомная культура школьников первой половины XX в. до сих пор мало изучена. Поэтому исследование структуры, символов, смыслов рукописных альбомов, созданных в 1920-е годы учащимися школ, весьма актуально. В 1920-1930-е годы в ученической альбомной культуре происходят серьезные изменения. Специалисты связывают их с рядом факторов: сменой социального статуса и снижением образовательного уровня владельца альбома, сменой ценностных ориентиров, кардинальными изменениями культурного быта. Однако самую главную причину альбомных новаций они видят в том, что новый советский ученик часто являлся носителем крестьянской или фабрично-заводской («посадской») фольклорной традиции. В альбомах 1920-х годов еще долго сохранялись альбомные традиции гимназисток - любовные послания, однако теперь их авторами и адресатами чаще становились девушки (до революции - юноши писали девушкам). Некоторые альбомы 1920-1930-х гг. еще сохраняли свою традиционную живописную форму - изображение сердец и цветов, орнаментов, портретов подруг, местных пейзажей. Вместе с тем активно применялась новая техника иллюстрирования: вырезанные и наклеенные картинки из книг и открыток, а также украшения из фольги. В конце 1920-х годов в стране развернулась антиальбомная кампания, которая проникла в ряды школьников. Ученический альбом стал стигматизироваться как мещанство, которое становилось опасным идеологическим ярлыком. Активную роль в этой кампании играл журнал «Пионер». Во многих школах, наряду со стенгазетами, стали выпускаться ученические легальные журналы - литературные сборники. В 1920-1930-е годы массовый альбом окончательно утвердился как специфическая форма письменного фольклора. Главная особенность альбомной традиции в раннесоветском обществе - жесткий идеологический контроль, осуществлявшийся как «сверху», так и «снизу».

Ключевые слова: 1920-1930-е годы, альбомная культура, гимназический альбом, ученический альбом, мещанство, антиальбомная кампания, дискуссия об альбомах, журнал «Пионер»

ALBUM CULTURE OF SCHOOLCHILDREN IN THE 1920-1930S: TRADITIONS AND INNOVATIONS

In spite of the growing interest in studying the students' album tradition, hand-written gymnasium students' albums of the late 19th century have been most developed. To say about schoolchildren' album culture of the first half of 20th century, it is still not studied enough. Therefore, the study of the structure, symbols, meanings of hand-written albums created by students in the 1920s, is of current importance. In the 1920-1930-ies there were serious changes in the student's album culture. The changes were related to shifts of social status and the decrease of the album owner's educational level. They were also concerned with the modifications in value orientations and the dramatic changes in cultural life. In the albums of the 1920s album traditions of gymnasium girls were still preserved for a long time. The most important of them were love letters. Notably, before the revolution young men had written love letters to girls, but then girls became authors and addressees. Some albums of 1920-1930's kept containing their traditional pictorial form - paintings of hearts and flowers, ornaments, portraits of girlfriends, local landscapes. But at the same time a new illustration technique started being used: cut and pasted pictures from books and postcards, as well as ornaments from foil. In the late 1920's there was an anti-album campaign launched in the country, which also expended into the ranks of schoolchildren. The student album became stigmatized as philistinism, which was a dangerous ideological label. The active role in the campaign was played by "The Pioneer" magazine. Literary collections (student legal journals) began to be published in many schools and wall newspapers. In the 1920-1930-ies the massive album was finally established as a specific form of written folklore. The main feature of the album tradition in the early Soviet society was a tough ideological control, carried out by both "above" and "below".

Keywords: 1920-1930s, album culture, gymnasium album, student album, philistinism, anti-album campaign, discussion about albums, "The Pioneer" magazine

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 11-01-00345а «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, "детские тексты"»
(руководитель - А.Ю. Рожков).

Acknowledgement. The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation of Humanities within the framework of the research project of the Russian Foundation of Humanities No. 11-01-00345a "Child in the changing Russia of the XX century: images of childhood, everyday practices, "children's texts"»
(Chief: A.Yu. Rozhkov).

Статьей со стихотворением революционного поэта А. Жарова «Альбом - мещанская лазейка! Гляди, отряд! Смотри, ячейка!» журнал «Пионер» открыл в 1929 г. дискуссию об альбомах [1, с. 15]. Надобность в дискуссии назрела давно. Завершилось первое десятилетие советской власти, а новые когорты учащейся молодежи очень медленно приближались к идеальной модели «нового человека». Вопреки ожиданиям большевистских лидеров, значительная часть школьников, включая пионеров и комсомольцев, жила эгоистическими и вполне прагматичными устремлениями, «мещанскими» идеалами. В школе еще сохранялись определенные черты бытового уклада прежней гимназии. Особенно заметными они были в школах II ступени, находившихся в крупных городах. Традированию школьного быта способствовали некоторые предметы материальной культуры гимназистов, извлекавшиеся учащимися советских школ из родительских сундуков. Среди этих артефактов были альбомы гимназистов, в основном девичьи. Обычно они представляли собой тетрадь с большим количеством листов (более 24-36), в которой девочка 10-15 лет делала записи и предлагала делать записи другим [2, т. 1, с. 11].

Школьная альбомная традиция стала предметом внимания фольклористов и этнографов сравнительно недавно. Несмотря на заметное возрастание интереса к изучению школьного фольклора и альбомной традиции (В. Бахтин, А. Белоусов, С. Борисов, В. Вацуро, В. Головин, В. Лурье, А. Ханютин, А. Чеканова и др.), лучше всего изучены рукописные альбомы гимназисток конца XIX в. В настоящей статье предпринята попытка обзорно описать основные тенденции в альбомной культуре учащихся советских школ 1920-1930-х годов и выявить новые формы литературного творчества детей.

Как утверждает А.В. Чеканова, «традиция рукописных альбомов пришла в Россию в середине XVIII в. из Западной Европы, главным образом из Германии и Франции. Наибольшее влияние на формирование русской альбомной традиции оказали немецкие рукописные альбомы, первые образцы которых привезли в Россию выходцы из Германии во второй половине XVIII столетия. Тогдашний альбом имел очень торжественный и солидный вид: большого размера, с переплетом из обтянутых кожей деревянных досок, украшенным тиснением, с крупными бронзовыми застежками. <…> В альбомы записывали стихи популярных авторов, собственные сочинения, а также торжественные посвящения и цитаты из известных произведений» [3]. В начале XIX в. в моду вошли небольшие альбомы, помещавшиеся в дамские сумочки. В последней трети XIX в. традиция рукописного альбома постепенно переходит от элитарного типа творчества к массовому, перемещается из семейного дворянского круга в ученическую среду - прежде всего в женские гимназии и закрытые пансионы. Альбомный репертуар, тексты, визуальные образы значительно упрощались. Альбомы становились более доступными и соответствующими городской фольклорной традиции [4, с. 269].

А.А. Сальникова отмечает, что в рукописных журналах девочек прослеживается ориентация на фиксацию повседневности, быта; мальчики же более склонны к романтично-возвышенному отображению действительности, к рассуждениям на морально-этические темы [5, с. 85]. В альбомах гимназисток начала XX в. все еще строго соблюдались правила их заполнения: вначале следовали советы родителей и старших, затем стихи, пожелания, рисунки от подруг и знакомых. Так, в альбоме за 1915-1920 гг. гимназистки Фемы Бахтамовой, дочери полковника русской армии, находим типичное пожелание от «Л. З.»: «*Веруй в Бога, молись, / Будь скромна и трудись, / Будь покорна судьбе - / Вот совет мой тебе*» [Центр документов «Народный архив», Ф.45. Оп.1. Д.1. Л.2]. Первые страницы не заполнялись вообще, последние страницы владелицы альбомов оставляли для наиболее интимных надписей своих возлюбленных.

В 1920-1930-е годы в альбомной культуре происходят заметные изменения. Специалисты связывают это со сменой социального статуса и ценностных ориентиров, снижением образовательного уровня владельца альбома, кардинальными изменениями культурного быта. Однако самую главную причину альбомных новаций они видят в том, что новый советский ученик часто являлся носителем крестьянской или фабрично-заводской («посадской») фольклорной традиции. Вместо материнского наказа альбом 1920-х годов начинается, как правило, формульным зачином, написанным самим владельцем альбома и обращенным к его читателям: «*Если хочешь наслаждаться / И стихи мои читать, / То прошу не насмехаться / И ошибок не считать*» [6, с. 270]. Иногда альбомы начинались с мемориального послания друзей и подруг: «*Когда окончишь курс науки / Забудешь школу и меня / Тогда возьми альбом свой в руки / И вспомни, кто любил тебя*» [7]. В альбомах 1920-х годов еще долго сохранялись альбомные традиции - любовные послания: «*Гимназист пред гимназисткой / В позе рыцаря стоит, / И, краснея от смущенья, / Говорит: вы в душе моей царица. / Из-за вас мне единица. / Мне на это наплевать, / Лишь бы вас поцеловать*» (Н. К., 1928 г.) [8, с. 14-15].

В отличие от альбомов гимназисток, где любовные послания писались юношами, в школьных альбомах 1920-х годов авторами и адресатами таких посланий чаще являлись девушки. На этом основании фольклористы делают вполне резонный вывод о том, что альбом гимназистки стал своеобразной компенсацией отсутствия диалога между полами в пределах школы при раздельном обучении [9, с. 272]. В начале 1920-х годов в альбомах заметен статус владельца. Во многих альбомах воспроизводится гимназическая лирика, раздражавшая комсомольских функционеров: «*О, Нюра, зачем эти глазки, / Зачем на ресницах слеза. / Зачем эти чудные глазки, / Когда ты не любишь меня*» [10]. В альбомах появилась новая городская лирика: «*Писать красиво не умею, / Альбом украсить не могу. / Когда окончу семилетку, / Тогда красиво напишу*» [11, с. 274-275].

В.В. Головин и В.Ф. Лурье фиксируют основные мотивно-тематические единицы в альбомах 1920-1930-х годов: восхищение красотой и умом владелицы альбома; пожелания счастья, любви; клятвы в верности и преданности; наставления владелице альбома никогда не забывать друзей, клятвы в вечной дружбе; «все, кто пишет в альбом, кроме меня, лгут»; сентенции о лукавстве и лицемерии; любовь - твоя погибель, «тебе рано влюбляться, мой друг», коварство мужчин; детство - лучшая пора, не торопись казаться взрослой; значение и приоритет учебы, насмешки над нерадивым учеником; типичные шуточки, эпиграммы; снисходительные насмешки над альбомными стихами; стихи-пародии на альбомный жанр [12, с. 272-275]. Некоторые альбомы 1920-1930-х годов еще сохраняли свою традиционную живописную форму - изображение сердец и цветов, орнаментов, портретов подруг, местных пейзажей. Вместе с тем активно применялась новая техника иллюстрирования: вырезанные и наклеенные картинки из книг и открыток, а также украшения из фольги. Этим альбомы учащихся мало отличались от задних стенок крестьянских сундуков или солдатских чемоданов, густо оклеенных яркими картинками и фотографиями. Во многих альбомах стала появляться пионерская и тюремная тематика. Альбомы стали более открытыми для фольклорных проявлений разных культур и субкультур: крестьянской, воровской, детско-подростковой. В альбомах школьниц вперемешку находились тексты революционных, советских и любовных песен. В каждом альбоме были стихи С. Есенина.

В конце 1920-х годов в советских школах развернулась антиальбомная дискуссия, площадкой которой стал журнал «Пионер». Пионер Катышев пишет в редакцию, что совет их отряда постановил собрать альбомы. Ребята принесли свои альбомы и сами же их уничтожили. Деткор из Лебедяни Коля Матюнин сообщает, что в их отряде выдвинут лозунг: «Даешь альбом в бумажный лом!». Фамилии владельцев альбомов попали в стенгазету. Деткор Геухеров из Ростова-на-Дону пишет о том, как антиальбомная кампания подействовала на одну из школьниц, которая превратила свой альбом стихов в альбом рисунков. Более брутальным образом поступил пионер-комсомолец Алексей Катышев из Алтая. Он выхватил у одной ученицы альбом и держал его у себя около трех месяцев. Валя Савельева из Бийского округа предложила вместо писания «всякой ерунды» и «рисования цветочков» записывать пионерские песни и частушки. Таня из с. Александров-Гай предлагала завести дневник для записей о прочитанных книгах, событий из домашней жизни и пр. С. Мураевич из Рязанской губернии предложила завести групповой журнал, куда записывать стихи, песни, частушки, игры, а также засушивать цветы. Дальше всех пошла Маруся Губкина: она предложила в альбомах делать чертежи и описывать устройство радиоприемника, модели аэроплана, устройство волшебного фонаря, электрического звонка, лодки и т.д. Итоги пионерской дискуссии об альбомах подвела ветеран партии, подпольщица С. Смидович: «*Плохого нет, что у некоторых пионеров или пионерок есть альбом. Плохо то, что в этом альбоме они <…> пишут как раз тот вздор и чепуху, которыми полны альбомы мещанских детей. <…> Пускай пишут стихи. Но естественно, что пионер будет писать другие стихи, чем мещанин: не о локонах, глазках, ручках будет пионер рассказывать своим товарищам - он найдет что-нибудь более интересное*» [13, № 5, с. 12; № 11, с. 12; № 18, с. 12-13].

Прессинг в отношении владельцев альбомов способствовал развитию нелегальных альбомов, что, впрочем, не было новацией 1920-х годов. В одной из школ г. Таганрога выходил подпольный журнал под названием «Межпланетный конгломерат нелепостей», выпускавшийся под копирку в 18 экземплярах. Авторы, ерничая, поясняют, что вначале они хотели дать журналу название «Винегрет», но «*так как это название мелкобуржуазное употребляется только в мещанской среде в отрицательные для человека моменты алчности, <…> решили одарить более конкретным, культурным химико-биологическим названием*». Затем декларировались цели журнала - «*осветить темноту нашего народа, все наше бытье, нытье, вытье и пр. и представить нашим класскорам неограниченные границы в своем творчестве*» [Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф.171. Оп.1. Д.212. Л.2 об., 4]. Во многих школах стали выпускаться коллективные легальные журналы - литературные сборники. Новацией первых советских лет стали школьные стенгазеты.

Подведем некоторые итоги. В 1920-1930-е годы массовый альбом окончательно утвердился как специфическая форма письменного фольклора. В альбомной культуре школьников можно отметить несколько аспектов, заслуживающих отдельных исследований: потаенный язык детской субкультуры, эмоциональный режим переживаний школьниками дружбы и любви, литературное и изобразительное творчество учащихся, гендерные особенности владельцев альбомов. Как и в дореволюционный период, альбом продолжал выполнять функцию диалога между его владельцем и социальным окружением. Наряду с традиционными формами альбомного творчества появляются новые - коллективные литературные журналы, школьные стенгазеты. Особенность альбомной традиции в раннесоветском обществе - жесткий идеологический контроль, осуществлявшийся как «сверху» по отношению к ученическому сообществу (учителя, комячейки), так и «снизу» - через пионеров и комсомольцев. Школьный альбом стигматизировался как мещанство, которое с каждым годом сталинского «наступления социализма» становилось все более опасным идеологическим ярлыком.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Альбомы // Пионер. - 1929. - № 4. - С. 15-16.
2. Борисов С.Б. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. - Т. 1. А-Н. - 2-е изд. - Шадринск, 2008.
3. Чеканова А.В. Альбомы милые, преданья старины… [Электронный ресурс] - URL: http//www.istrodina.com/rodina_articul.ph (дата обращения: 17.11.2017).
4. Головин В.В., Лурье В.Ф. Девичий альбом XX века / Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. - М., 1998.
5. Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика ния. - Казань, 2007.
6. Головин В.В., Лурье В.Ф. Указ. соч.
7. Девичьи альбомы прошлого [Электронный ресурс] - URL: http//blogs.privet.ru/community/RETRO/42489338 (дата обращения: 17.11.2017).
8. Альбомы…
9. Головин В.В., Лурье В.Ф. Указ. соч.
10. Девичьи альбомы прошлого…
11. Головин В.В., Лурье В.Ф. Указ. соч.
12. Головин В.В., Лурье В.Ф. Указ. соч.
13. Пионер. - 1929. - № 5, № 11, № 18.

REFERENCES

1. Al'bomy. [Albums]. *Pioner = Pioneer*. 1929. No 4. P. 15-16. (In Russian).
2. Borisov S.B. Entsiklopedicheskiy slovar' russkogo detstva. [Encyclopedic Dictionary of Russian Childhood]. T. 1. A-N. Shadrinsk. 2008. (In Russian).
3. Chekanova A.V. Al'bomy milye, predan'ya stariny… (Nice Albums, Legends of Old Times) Available at: http//www.istrodina.com/rodina_articul.ph (accessed 17 November 2017). (In Russian).
4. Golovin V.V., Lur'e V.F. Devichiy al'bom XX veka. [The Girl's Album of the Twentieth Century]. *Russkiy shkol'nyy fol'klor: ot «vyzyvaniy» Pikovoy damy do semeynykh rasskazov = Russian School Folklore From «Summoning» the Queen of Spades to Family Stories*. Moscow. 1998. (In Russian).
5. Sal'nikova A.A. Rossiyskoe detstvo v XX veke: istoriya, teoriya i praktika issledovaniya. [Russian Childhood in the Twentieth Century: History, Theory and Practice of Research]. Kazan'. 2007. (In Russian).
6. Golovin V.V., Lur'e V.F. Op. cit. (In Russian).
7. Devich'i al'bomy proshlogo (The Girl's Albums of the Past) Available at: http//blogs.privet.ru/community/RETRO/42489338 (accessed 17 November 2017). (In Russian).
8. Al'bomy. [Albums]… (In Russian).
9. Golovin V.V., Lur'e V.F. Op. cit. (In Russian).
10. Devich'i al'bomy proshlogo… [The Girl's Albums of the Past]. (In Russian).
11. Golovin V.V., Lur'e V.F. Op. cit. (In Russian).
12. Golovin V.V., Lur'e V.F. Op. cit. (In Russian).
13. *Pioner = Pioneer*. 1929. № 5, № 11, № 18. (In Russian).

Информация об авторе:

Рожков Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии, Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
avro14@mail.ru

Information about the author:

Alexander Yu. Rozhkov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Sociology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
avro14@mail.ru

Получена:27.11.2017

Для цитирования: Рожков А.Ю. Альбомная культура школьников в 1920-1930-е годы: традиции и новации. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.121-125.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-121-125.

Received: 27.11.2017

For citation: Rozhkov A.Yu. Album culture of schoolchildren in the 1920-1930s: traditions and innovations. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 121-125.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-121-125. (in Russian)

УДК 32.019.5(571:73):94(73)"19" DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-126-130

ТИХИЙ Константин Теодорович
Дальневосточный федеральный университет
г. Уссурийск, Россия
Kontih@mail.ru

КУМАНЕВА Ирина Петровна
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия
editor.irenn@mail.ru

Konstantin T. TIHIJ
Far Eastern Federal University
Ussuriysk, Russia
Kontih@mail.ru

Irina P. KUMANEVA
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
editor.irenn@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ США И СССР (1920-Е - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1930-х гг.)

В статье рассматриваются некоторые проблемы культурных отношений между США и СССР в 1920-е - первой половине 1930-х годов. Авторы обозначают особенности, характерные для культурных связей США и СССР в 1920-1930-е годы. Особое внимание обращается на порядок приема иностранцев через деятельность советских («Интурист», ВОКС, РАПП) и иностранных организаций и агентств («Open Road»). Отмечается, что основной задачей этих организаций и агентств стало установление, развитие и укрепление культурных связей между государствами, в том числе посредством «особенного» приема иностранных граждан. Также в статье обозначаются основные направления деятельности советских и иностранных организаций и агентств: сотрудничество с зарубежными обществами дружбы с СССР и национальными обществами, работа с иностранными учеными для знакомства с советской системой здравоохранения и развития научных связей, партнерство с туристскими агентствами для обмена специалистами. На основе анализа зарубежных источников показаны негативные и позитивные результаты в идеологической обработке американских интеллектуалов с целью создания позитивного образа Советского государства. В заключении работы делается вывод о неравноценном интересе двух государств в отношении друг друга, Советский Союз в установлении культурных связей отличался избирательностью.

Ключевые слова: американо-советские отношения, культурный обмен, американские интеллектуалы, образ СССР в США, культурные связи, советская пропаганда

SOME PROBLEMS OF CULTURAL RELATIONS OF THE USA AND THE USSR (THE 1920S - THE FIRST HALF OF THE 1930S)

The article discusses some problems of cultural relations between the United States and the Soviet Union in the 1920s - the first half of the 1930s, the Authors outline the features of cultural relations of the United States and the Soviet Union in the 1920s-1930s, attention was drawn to the order of admission of foreigners through the activities of the Soviet Union («Intourist», All-Russian public organization for cultural relations with foreign countries, Russian Association of proletarian writers) and foreign organizations and agencies («Open Road»). It is noted that the main task of these organizations and agencies has become the establishment, development and strengthening of cultural ties between the two countries, including through «special» admission of foreign nationals. Also, the article identifies the main directions of the activities of Soviet and foreign organizations and agencies: cooperation with foreign societies of friendship with the Soviet Union and national societies, working with foreign scientists to explore with the Soviet system of healthcare and the development of scientific relations, partnership with tourist agencies for the exchange of professionals. Based on the analysis of foreign sources shows the negative and positive results in the indoctrination of American intellectuals with the aim of creating a positive image of the Soviet state. In conclusion, the work concludes unequal interest of the two States against each other, the Soviet Union in the establishment of cultural relations differed selectivity.

Keywords: American-Soviet relations, cultural exchange, American intellectuals, image of Soviet Union in United States, cultural relations, Soviet propaganda

На период 1920-х годов пришелся пик культурных контактов между американской и советской общественностью за весь межвоенный период. До середины 20-х годов XX в. эти связи носили бессистемный, спорадический характер. Но уже тогда было видно, что советские власти уделяют особое внимание приему западных интеллектуалов. На протяжении 20-х годов XX в. с приезжими иностранцами в СССР в основном работали три организации. Всероссийская общественная организация по культурным связям с заграницей (ВОКС) занималась обслуживанием известных представителей западной культуры. «Интурист» преимущественно имел дело с менее известными людьми. Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП) работала в основном с теми иностранными писателями, которые уже заявили о своих революционных симпатиях. Две первые организации в меньшей степени, чем РАПП, занимались прямой коммунистической агитацией среди приезжих [1, p. 68].

ВОКС была основной советской организацией, работавшей с западными интеллектуалами. Созданная декретом СНК СССР в августе 1925 г., она заменила ранее действовавшее Информационное бюро в Москве. Первым председателем ВОКС была О.Д. Каменева. С 1929 по 1933 гг. организацию возглавлял Ф.Н. Петров из Народного комиссариата просвещения, которого после этого сменил А.Ю. Аросев.

Основной задачей ВОКС была популяризация советской культуры за границей и мобилизация групп зарубежных интеллектуалов против планов военного нападения на Советский Союз. Общество надеялось через различные виды связи распространить больше адекватной информации о культурной и научной жизни Советского Союза и способствовать установлению и развитию культурных связей различных советских общественных организаций с аналогами за рубежом [2, p. 126].

Общество подразделялось на несколько разных секций, которые занимались отправкой советских выставок за границу, обменом книг с другими странами, оформлением библиографий. Одной из самых важных секций был отдел по приему приезжих иностранцев. ВОКС обеспечивал им доступ к различной информации и в различные учреждения, предоставлял переводчика, организовывал встречи с официальными лицами, оплачивал лекции и, в целом, помогал иностранцам больше узнать о советской жизни [2, p. 127].

Другая сторона деятельности ВОКС была направлена на интересы ученых, включая обеспечение серии занятий в Москве для иностранных докторов с тем, чтобы ознакомить их с системой государственного здравоохранения в Советском Союзе, впоследствии с проведением нескольких международных научных конференций [3, p. 106].

Еще одним важным направлением деятельности ВОКС было тесное сотрудничество с различными зарубежными обществами дружбы с Советским Союзом и национальными обществами по культурным связям, которые возникли во многих странах. Национальные общества согласились регулярно высылать отчеты о своей деятельности в Москву. ВОКС, в свою очередь, предлагал им помощь в составлении программ работы и обеспечивал их материалами [4, p. 58].

Деятельность таких обществ заключалась в обслуживании информационных центров и организации специальных экскурсий в СССР. Например, Американское общество по культурным связям, в состав директоров которого входили такие признанные фигуры, как Дж. Дьюи, Е. Росс и Л. Уальд, открыто огласили своей целью «собрать всех американцев, кто интересуется русской жизнью и современной культурой, собирать и распространять в США и СССР достижения науки, образования, философии, живописи, музыки, театра в обеих странах» [5, p. 100]. Фактически наличие в таких сообществах не прокоммунистических интеллектуалов было большим подспорьем для советской пропаганды, эти организации представлялись как независимые группы доброжелателей Советского Союза.

Московское руководство ВОКС зачастую не имело представлений о специфике ситуации в той или иной стране. Во многих акциях этой организации за рубежом просматривалась почти открытая пропагандистская направленность. Так, например, под предлогом «валютных соображений» коллегия Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) отказала О.Д. Каменевой в поездке в США. Но главная причина заключалась в том, чтобы «не давать повода комментировать эту поездку как принятую с целью пропаганды» [6, с. 139]. Причина отказа заключалась и в элементарной нехватке валютных средств, что было характерным для мотивировки отказов от заграничных поездок для представителей отечественной культуры на многие десятилетия позже. Но случай с О.Д. Каменевой был особым, поскольку он негативно отражался на ее профессиональной деятельности как главы организации, призванной осуществлять и развивать отношения между народами.

Планы ВОКС по работе в США мало или совершенно не учитывали конкретной обстановки в Америке. Планируемые выставки в США, например, были связаны со значительными валютными затратами. С посылкой театров нередко возникали проблемы, связанные с отказами актеров возвращаться в Советский Союз [6, с. 32-33]. И это учитывая то, что отбор командируемых за границу был жестким и осуществлялся «с точки зрения социально-политической личности» [6, с. 128].

Наиболее важными контролирующими элементами в зарубежной деятельности ВОКС выступали валютные средства, которые отпускались организации после утверждения их решением Политбюро ВКП (б), и предоставление въездных и выездных виз, чем занимался НКИД. Именно у дипломатов было больше всего претензий к деятельности ВОКС. За рубежом ВОКС воспринимался как государственная организация, поэтому все ее промахи относили на счет советского государства.

Организацией приезда американцев занимались и несоветские учреждения. Некоторым из них удавалось найти общий язык с советскими представительствами. Среди таких агентств можно назвать независимое туристское бюро «Amalgamated Bank Travel Service» и «Pocono Study Tours», которые сотрудничали с «Интуристом» и проводили соответствующую организационную подготовку туров перед отправкой в Союз.

Одним из наиболее известных компаньонов «Интуриста» было турагентство «Open Road», которое характеризовало себя как «предусматривающая членство организация, способствующая дружбе и образованию». Вовлечению «Open Road» в туристский бизнес с «Интуристом» способ-

ствовал директор Института международного образования д-р Стефан Дагген после того, как он побывал в Советском Союзе в ознакомительной поездке в 1926 г. Он вернулся в США с твердым убеждением, что все студенты и специалисты должны иметь возможность побывать в СССР.

Поскольку в то время механизма организации таких поездок не было, он попросил директора «Open Road» Джона Ротшильда что-нибудь предпринять в этом направлении. Дж. Ротшильд сомневался, что в этом деле можно обойтись без одобрения Государственного департамента США. Поэтому С. Дагген через Аллена Даллеса (в то время не профессиональный разведчик, а простой юрист, имевший связи в Госдепартаменте) организовал встречу Ротшильда с главой Восточноевропейского отдела Р. Келли. Получив одобрение последнего, Ротшильд направился в Москву, где провел переговоры с главой ВОКС Каменевой и представителями Советского торгового флота. Совторгфлот являлся предшественником «Интуриста».

Поскольку агентство «Open Road» работало с «Интуристом» и вынуждено было покупать у него некоторые услуги, то, со своей стороны, оно компенсировало часть расходов последнего по организации туров. В частности, Агентство привлекало за свой счет многих американских специалистов по России, таких как М. Гиндус, Л. Фишер, М. Стюарт, Г. Шапиро, Ф. Моусли и других, в качестве гидов-переводчиков для специальных экскурсий. «Интурист» предоставил агентству относительно широкие возможности для организации таких поездок. Но была большая разница в подходах к делу. «Интурист» хотел «массового производства», то есть организации группового туризма, который с административной точки зрения было проще контролировать. «Open Road» предпочитал организовывать персональные, эксклюзивные туры. Трудности во взаимоотношениях возрастали. В 1936 г. «Интурист» под предлогом «дублирования служб» стал сомневаться в необходимости постоянного представительства агентства «Open Road» в Москве.

На рубеже 1936-1937 гг. советские власти стали создавать трудности при возобновлении визы сотрудникам «Open Road» в Москве [7, p. 75]. В условиях начавшихся массовых чисток и террора лишние наблюдатели были не нужны. Да и контакты визитеров из-за границы с местным населением были практически невозможны. Советские граждане знали, чем это для них может закончиться. К 1937 г. все остальные совместные советско-американские учреждения (например, Американо-русская торговая палата), через которые можно было организовывать туры, кроме ВОКСа и «Интуриста», прекратили свое существование.

Как отмечалось, до 1925 г. контакты в культурной сфере носили случайный характер, часто осуществлялись по инициативе известных советских деятелей культуры или заинтересованных ведомств. Широко известно обращение за помощью к мировой общественности А.М. Горького в период голода в Поволжье (1921-1923 гг.). В России у него были не менее известные сподвижники. Зимой 1922 г. известный художник Ф.А. Малявин обратился в наркомпрос к А.В. Луначарскому с предложением организовать в Европе и США выставку его работ в целях оказания помощи голодающим. Ввиду скудного бюджета, Луначарский обратился с просьбой в малый Совнарком выделить на организацию этого дела 15 тыс. руб. золотом, разумеется, с последующей компенсацией. Выставка преследовала не только цель сбора гуманитарной помощи, но и в известном смысле возобновления культурных отношений с Западом. Соответствующие средства были выделены. Художнику предоставили минимальный штат сотрудников и предписали всем художественным учреждениям и частным лицам, владеющим картинами Малявина, передать их во временное пользование автору [8, с. 212, 215]. Ф.А. Малявин в 1922 г. выехал из России, обосновался в Париже, затем в Ницце. В Советском Союзе он больше не появлялся, хотя его заграничные выставки проводились в крупнейший городах Европы и Америки до 1937 г.

По американской инициативе были налажены контакты по линии обмена кинопродукцией. Такое предложение поступило от Американского кинематографического треста советскому Кинофотокомитету через американского адвоката Ч. Рехта, который представлял интересы Советского государства в американских судах. В письме к А.В. Луначарскому заместитель народного комиссара по иностранным делам М.М. Литвинов отмечал, что дело даже не в коммерции. Такой контракт был предпочтительным по сравнению с предложениями мелких фирм и даже Общества друзей Советской России, последнее «никакими капиталами… не располагает и привлекать их со стороны не в состоянии» [6, с. 128]. В итоге такого решения российской общественности удалось ознакомиться с лучшими образцами американского кинематографа.

Большой резонанс в США вызвали гастроли советских артистов. Осенью 1925 г. музыкальная студия МХАТ выезжала на год в Западную Европу и Северную Америку. Интерес к новому театральному искусству за рубежом был велик. В письме к М.М. Литвинову В. Немирович-Данченко упоминал о крупных «подъемных расходах» [8, с. 432].

Фактически это означало, что никаких валютных расходов со стороны государства не предвиделось. Тем не менее список членов музыкального коллектива на выезд утверждался особым комитетом заграничных поездок при ЦИК СССР.

Самым активным образом шел культурный обмен в области литературы. Имена В. Маяковского и С. Есенина были широко известны за рубежом. В Советском Союзе наиболее популярной фигурой в эти годы был Эптон Синклер. Советской читательской аудитории импонировал антикапиталистический пафос его романов, интерес к теме труда рабочего класса. В первое послевоенное десятилетие выдвинулась группа писателей критико-реалистической направленности (С. Льюис, Ш. Андерсон, Ю. О'Нил, Дж. Дон Пассос и др.), их произведения привлекли внимание советских литературных критиков. Труды американских авторов стали активно переводиться и рецензироваться.

Культурные контакты между странами проявлялись и в соглашениях о публикациях советских и зарубежных писателей соответственно в США и СССР. Однако в этой сфере не все обстояло благополучно. Несмотря на большой интерес в Советском Союзе к таким известным писателям, как Т. Драйзер, М. Голд, Э. Синклер, Л. Хьюз и другим, возникали значительные трудности, связанные с выплатами им гонораров и признанием авторских прав. Гонорары иностранным авторам, как правило, выплачивались в советской и иностранной валюте. При этом валютные обязательства Госиздательство соблюдало очень ограниченно и лишь при наличии старых договоров. В советской валюте гонорары выплачивались тем авторам, которые регулярно посещали Советский Союз либо были близкими по своим взглядам советской идеологии.

Т. Драйзер был одним из немногих зарубежных деятелей культуры, который получил персональное приглашение М.М. Литвинова и О.Д. Каменевой на празднование юбилея Октябрьской революции в 1927 г. Все льготы (внутренние переезды, питание, обслуга и пр.) обеспечивались принимающей стороной. Тем не менее отзывы и впечатления об увиденном в Советском Союзе у писателя оказались критичными по отношению к советским властям [7].

В других случаях советским властям удавалось сыграть на честолюбивых чувствах американцев. Корреспондент «Associated Press» Ю. Лайонс с приятным удивлением обнаружил, что многие его статьи по американской тематике были опубликованы в советских журналах. Его биографии о Н. Сакко и Б. Ванцетти были дважды опубликованы в разных советских издательствах с высокими отзывами рецензентов [9, p. 218].

Таким образом, на протяжении 1920-х - начала 1930-х годов контакты в сфере культуры развивались по восходящей. К началу 30-х годов XX в. нормализовался туристический обмен, носящий преимущественно односторонний характер. Содержание культурных контактов с советской стороны носило избирательный характер. Это определялось задачами пропаганды, прежде всего необходимостью достижения официального американского признания Советского правительства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Margulies S. the Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924-1937. - Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1968.
2. Soviet Union Review (SUR). - Sept. 1927.
3. SUR. - June, 1929.
4. SUR. - Apr. 1928.
5. SUR. - June, 1927.
6. Советско-американские отношения. 1927-1933 гг. - М.: МФД, 2003.
7. Dreiser Th. Dreiser Looks at Russia. - N.Y., 1928.
8. Советско-американские отношения. 1918-1926 гг. - М.: МФД, 2002.
9. Lyons E. Assignment in Utopia. 1-st print. - N.Y., 1937. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1971.

REFERENCES

1. Margulies S. the Pilgrimage to Russia. The Soviet Union and the Treatment of Foreigners, 1924-1937. - Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1968.
2. Soviet Union Review (SUR). - Sept. 1927.
3. SUR. - June, 1929.
4. SUR. - Apr. 1928.
5. SUR. - June, 1927.

6. Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1927-1933. (Soviet-American relationships. 1927-1933.) - M., MFD., 2003.
7. Dreiser Th. Dreiser Looks at Russia. - N.Y., 1928.
8. Sovetsko-amerikanskie otnosheniya. 1918-1926. (Soviet-American relationships. 1918-1926.) - M., MFD., 2002.
9. Lyons E. Assignment in Utopia. 1-st print. - N.Y., 1937. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1971.

Информация об авторах:

Тихий Константин Теодорович, доктор исторических наук, профессор, кафедра исторического образования, Школа педагогики, Дальневосточный федеральный университет,
г. Уссурийск, Россия
Kontih@mail.ru

Куманева Ирина Петровна, кандидат исторических наук, ассистент, департамент коммуникаций и медиа, Школа гуманитарных наук, Дальневосточный федеральный университет,
г. Владивосток, Россия
editor.irenn@mail.ru

Получена: 01.12.2017

Для цитирования: Тихий К.Т., Куманева И.П. Некоторые проблемы культурных связей между США и СССР (1920-е – первая половина 1930–х гг.). Историческая и социально-образовательная мысль.
2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.126-130.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-126-130.

Information about the authors:

Konstantin T. Tihij, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History Education, School of Pedagogy, Far Eastern Federal University,
Ussuriysk, Russia
Kontih@mail.ru

Irina P. Kumaneva, Candidate of Historical Sciences, Assistant, Department of Communication and Media, School of Humanities, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
editor.irenn@mail.ru

Received: 01.12.2017

For citation: Tihij K.T., Kumaneva I.P. Some problems of cultural relations of the USA and the USSR (the 1920s. – the first half of the 1930s.). Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 126-130.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-126-130. (in Russian)

УДК 791.43.03 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-131-136

ХРЮКИН Денис Андреевич
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
г. Санкт-Петербург, Россия
denis_hryukin@mail.ru

Denis A. HRYUKIN
Saint-Petersburg State Institute of Cinema and Television
Saint-Petersburg, Russia
denis_hryukin@mail.ru

«ВОЕННЫЙ ФИЛЬМ» КАК ЖАНР: МОТИВЫ ПАМЯТИ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ФИЛЬМОВ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1970-х ГОДОВ

Мотив памяти о Великой Отечественной войне - ведущий в образной системе отечественных фильмов 1970-х годов на военную тему, занимавших прочное место в производственном плане киностудий и значительных в жанровой палитре советского кино 1968-1985 гг. Именно на рубеже 1960-1970-х годов память о войне получает институциональное закрепление: начинаются официальные празднования Дня победы, ведется активное возведение и открытие мемориальных комплексов, формируются общности ветеранов войны, публикуются историко-патриотические романы и мемуары военачальников и т.п. Советский кинематограф 1970-х годов объемно и многообразно отразил эти изменения в мемориальной культуре страны, художественно воплотил на экране различные формы и смыслы индивидуальной и народной памяти о войне. Анализируются обозначившиеся в этот период два экранных подхода, в которых осуществлялось осмысление войны. Первый - масштабные «художественно-документальные эпопеи», выдержанные в русле официальной советской историографии. Иной художественный подход к осмыслению войны - не эпические, не панорамные, а, напротив, «камерные» и «малоформатные» по охвату событий картины о военном времени и о памяти поколений, возвращающейся к войне. На материале советских фильмов 1970-х годов, главным образом ленинградского игрового кинематографа, раскрываются различные способы воплощения мотива памяти в художественном строе картин и его значение в формировании идейно-стилистического облика фильмов. В военных картинах мотив памяти выступает сюжетообразующим началом, реализуется как композиционный прием ретроспекций-воспоминаний героя, воплощается в параллельном развитии сюжетных линий, смыкающих события войны и современность, звучит в различном внефабульном материале, открывающем или завершающем фильм. Делается вывод, что художественная направленность на сохранение и актуализацию памяти о событиях войны выделяет рассмотренные картины в оригинальную фильмографическую общность советского кино 1970-х годов. Кинематографическая специфика этой общности заключена в смыслообразующей значимости художественного мотива памяти в образной системе фильмов.

Ключевые слова: военный фильм, кинематографический жанр, советское кино, киностудия «Ленфильм», жанровая теория, жанровый фильм

«WAR FILM» AS GENRE: MOTIVES OF MEMORY IN THE IMAGINATIVE SYSTEM OF FILMS OF THE 1970TH YEARS ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

The motif of the memory of the Great Patriotic War is the leading in the figurative system of soviet films of the 1970s on the military theme, which occupied a firm place in the production plan of film studios and significant in the genre palette of soviet cinema in 1968-1985. It was at the turn of the 1960s and 1970s that the memory of the war was institutionalized: official celebrations of the Victory Day were starting, active erection and opening of memorial complexes were being started, communities of war veterans were being formed, historical and patriotic novels and memoirs of military commanders, etc. Soviet cinema in the 1970s reflected this change in the country's memorial culture in a voluminous and diverse manner, artistically embodied on the screen various forms and meanings of individual and popular memory of the war. The two screen approaches, identified in this period, were analyzed, in which the comprehension of the war was realized. The first - large-scale “artistic and documentary epics”, sustained in the mainstream of official Soviet historiography. Another artistic approach to understanding the war is not epic, not panoramic, but, on the contrary, “chamber” and “small-scale” in the coverage of events of a picture about the war time and the memory of generations returning to war. The material of the Soviet films of the 1970s, mainly the Leningrad fiction cinema, reveals various ways of embodying the motive of memory in the artistic structure of paintings and its significance in the formation of the ideological and stylistic image of films. In war films, the motive of memory is a plot-forming beginning, realized as a narrative technique of flashbacks of the hero, is embodied in the parallel development of the story lines that close the events of the war and modernity, sounds in various non-diegetic material that opens or closes the film. It is concluded that the artistic focus on the preservation and actualization of the memory of the events of the war highlights the considered films in the original filmography community of soviet cinema of the 1970s. The cinematographic specificity of this community lies in the meaning of the artistic motive of memory in the imaginative system of films.

Keywords: war film, film genre, soviet cinema, Lenfilm studio, genre theory, genre movie

Фильмы на военную тему, посвященные событиям Великой Отечественной войны, пользовались широкой зрительской популярностью в советском кинематографе 1955-1985 гг. Однако их культурное значение в «оттепельный» период и период 1968-1985 гг. было различным. В 1950-1960-е годы «военные фильмы» активно посещались зрителями, обходя по приоритету зрительских предпочтений иные жанровые направления, например комедийные, приключенческие,

«историко-революционные» фильмы [1, с. 32-33]. Указывая на особенности структуры киноперепертуара и социодинамики зрительской активности в оттепельном кинематографе, социолог и историк кино Л.Д. Рондели отмечает: «Киноаудитория в 1950-е, 1960-е годы обладала определенным единством. На рубеже 50-60-х годов такие разные и новаторские по содержанию и образной системе ленты, как «Сорок первый», «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Судьба человека», «Иваново детство», «Чужие дети», были приняты миллионами зрителей, людьми разных художественных вкусов и кинопредпочтений» [1, с. 7]. Подобное зрительское единодушие в принятии и высокой оценке многих знаковых для оттепельного кинематографа кинокартин, посвященных Великой Отечественной войне, - «Баллада о солдате», «Летят журавли», «Судьба человека», «Живые и мертвые», «Тишина», - объяснялось во многом тем, что вплоть до середины 1960-х годов все советское общество было вовлечено в осмысление событий недавней истории, коснувшихся большинства советских граждан [2, с. 200].

Однако уже в конце 1960-х годов в жизни советского общества отчетливо обозначаются культурные изменения в отношении к событиям Великой Отечественной войны. Именно на рубеже 1960-1970-х годов память о войне получает институциональное закрепление: начинаются официальные празднования Дня победы, ведется активное возведение и открытие мемориальных комплексов («Брестская крепость», «Хатынь», «Мамаев Курган», «Партизанская поляна», «Зеленый пояс Славы» и др.), формируются общности ветеранов войны, публикуются историко-патриотические романы и мемуары военачальников, выходит многотомная «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг.».

Широкое возникновение официальных мемориальных форм и практик, направленных на трансляцию и актуализацию памяти о войне и связанных с ней культурных смыслов и ценностных ориентаций, было обусловлено двумя причинами. С одной стороны, стремлением советской власти черпать символический авторитет в событиях Великой Отечественной войны. С другой - тем, что сами эти события все более отдалялись в прошлое: начинают уходить из жизни фронтовики (потрясения от этого для военного поколения передано в фильме «Белорусский вокзал» А. Смирнова), вырастают молодые поколения, родившиеся в послевоенные десятилетия. Советский кинематограф 1970-х годов объемно и многообразно отразил эти изменения в мемориальной культуре страны, художественно воплотил на экране различные формы и смыслы индивидуальной и народной памяти о войне.

Мотив памяти о Великой Отечественной войне - ведущий в образной системе отечественных фильмов 1970-х годов на военную тему, занимавших прочное место в производственном плане киностудий и значительных в жанровой палитре советского кино 1968-1985 гг. В этот период отчетливо обозначились два экранных подхода, в которых осуществлялось осмысление войны.

Первый - масштабные «художественно-документальные эпопеи», выдержанные в русле официальной советской историографии (многосерийные циклы «Освобождение» и «Солдаты свободы» Ю. Озерова, «Фронт» И. Гостева, «Блокада» М. Ершова). Эти фильмы имели в основе сюжета главные военные операции и представляли ход войны с командного пункта. Изобразительный строй этих картин был незамысловат и однообразен: постановочная масштабность, обилие панорам и пиротехнических эффектов в натурных батальных сценах, монументальная «портретность» средних планов нависших над картами военачальников в интерьерах фронтовых штабов и Ставки Верховного Главнокомандования. Главными в этих фильмах были образы реальных исторических военачальников, а отдельные персонажи служили лишь «утеплению» сюжета и представляли собой типизированные характеристики военного времени (враг, пленный, солдат, командующий) в экстремальных унифицированных ситуациях (подготовка к бою, атака, отступление, совещание в штабе фронта и т.п.). Основные черты сложившегося образа войны - представление руководящей народной массой государственной машины как главного действующего лица, гипертрофированная жертвенность во имя Родины, акцент на подвигах. Подобные картины продолжали официальную концепцию одиозных лент сталинского кинематографа конца 1940-х, - «Падение Берлина», «Сталинградская битва», «Третий удар», - представлявшей войну как столкновение двух политических систем, двух государственных машин и двух армий, в котором советская система и армия доказали свое превосходство.

В отношении же батальных сцен художественное новаторство военных фильмов 1970-х годов заключалось в совмещении «панорамного» взгляда с «окопной» правдой (к примеру, «Горячий снег» Г. Егиазарова, созданный на литературном материале «лейтенантской прозы»). Яркий художественный успех подобного совмещения - «Они сражались за Родину» С. Бондарчука по роману Михаила Шолохова. Сама фабула фильма резко контрастировала с фильмами «панорамного» направления. Четыре горьких дня второго года войны, остатки вышедшего из окружения стрел-

кового полка отступают за Дон. Пекло сражений и часы затишья, героика и лирика, юмор и трагедия, ближнее и дальнее, солдатский окоп и все поле сражения, минуты отдельной жизни и История, солдатское ерничество и трагедийный пафос, народность и углубленность в психологию и своеобразие каждого солдата, - бытовое и монументальное, грубая проза и поэтическая символика просвечивают друг в друге.

Иной художественный подход к осмыслению войны - не эпические, не панорамные, а, напротив, «камерные» и «малоформатные» по охвату событий картины о военном времени и о памяти поколений, возвращающейся к войне: лирико-драматические «А зори здесь тихие...» С. Ростоцкого и «В бой идут одни старики» Л. Быкова, исповедальные «Подранки» Н. Губенко, полные обеспокоенных размышлений фронтовиков «Белорусский вокзал» А. Смирнова и «Вдовы» С. Микаэляна, проникнутые памятью о погибших отцах «Аты-баты, шли солдаты…» Л. Быкова. В этих военных картинах внешняя камерность фабулы оборачивается внутренней эпичностью сюжета, значительностью подробностей и деталей, включенных в орбиту повествования и охватывающих широкие горизонты событий и судеб.

Именно в фильмах подобного формата экранных историй мотивы памяти являются важным компонентом их образного строя и значимым образом определяют их художественное звучание. Значительность *мотива памяти*, концептуально определяющего повествовательные структуры, изобразительный строй, актерско-персонажные решения большого числа картин на военную тему 1968-1985 гг., позволяет говорить о «военном фильме» этого периода как оригинальной кинематографической общности. На материале фильмов ленинградского игрового кинематографа 1970-х годов, рассматриваемых в общем контексте советского кино, попытаемся раскрыть различные способы воплощения мотива памяти в художественном строе картин.

Мотив памяти в военных фильмах реализуется как *сюжетообразующее начало повествования и развертывания экранной истории.* В фильме «Вдовы» С. Микаэляна (1976), как и в знаковом «Белорусском вокзале» А. Смирнова, а также «Аты-баты, шли солдаты…» Л. Быкова, воспоминания о событиях военных лет и их отзвуки, драматично возникшие в сегодняшнем дне, становились завязкой основного конфликта картины и движущим началом его развития. Две вдовы-солдатки ухаживают за могилой похороненных ими в 1941 году неизвестных воинов. Районное начальство к очередному Дню победы для возведения в районе мемориального парка решает перезахоронить могилу. Увидев во всесоюзной газете единственную сохранившуюся фотографию неизвестных солдат, к вдовам начинают съезжаться люди, уверенные, что они сохранили могилу их «мужа», «отца», «брата», «сына», «жениха», «друга».

Кольца незамысловатой интриги, расходясь, как круги на воде, постепенно включали в повествование все новых персонажей, своим характером, мотивами и поведением рельефно и драматично обрисовывающих живущую в людях и среди людей память о погибших на войне, различное ее понимание и отношение к ней: главных героинь, непосредственных и открытых, простых и душевно щедрых, суматошных и одиноких, трепетно оберегающих могилку неизвестных солдат и хранящих память о своих погибших мужьях и братьях; сельского бригадира и председателя, прагматичных и равнодушных к судьбе вдов; районное начальство, решившее провести «идеологическое мероприятие государственного значения», не удосужившись получить согласие бабушек; молодых ребят, младшеклассников и подростков, размышляющих о войне официально-декларативными штампами и объявляющих свою несхожесть со «стариками»; целую галерею персонажей, собравшихся со всей страны в доме у вдов и вспоминающих о своих погибших на войне родных и близких людях.

Внимание к актеру, тонкая и богатая разработанность персонажей и их взаимоотношений в фильме сочетались со значимостью житейских деталей, достоверных подробностей быта и пространственной среды: капли с потолка прохудившейся избы, «курятинка» два раза в год на 23 февраля и День победы, кусок забора, перетаскиваемый в зимнюю стужу для сооружения оградки, красивая пачка сигарет, прибереженная для «солдатиков», - из всего этого и рождалось пронзительное звучание фильма, исполненное любовного и сострадательного отношения его создателей к героиням. Память о войне становилась главной темой картины, ее существом: в художественном мире фильма она не заключалась в «военнопарадно-пионерском» церемониале открытия братских могил и мемориалов неизвестному солдату, но жила в том, что в неизвестном этом солдате каждый узнавал своего пропавшего на войне любимого и родного человека.

Наряду с сюжетообразующим значением мотив памяти в фильмах на военную тему мог звучать в особой *повествовательной конструкции* фильмов. Погружение в воспоминания и переживания личности главного героя, обращающегося памятью к событиям войны, осуществлялось в череде *ретроспекций* в таких фильмах, как «Пристань на том берегу» С. Шустера (1971), «Расскажи мне о себе» С. Микаэляна (1971), «Подранки» Н. Губенко (1976). Фильм Соломона Шустера, снятый по сценарию Ю. Нагибина, рассказывает о поездке кинорежиссера Климова (С. Любшин) в далекую

деревню, где во время войны, будучи военным переводчиком, он познакомился с девушкой Марией (И. Гулая). История не сложившейся в военное время любви обретает напряженную глубину благодаря ретроспекциям, то повествовательным, проясняющим фабулу, то субъективно-созерцательным, открывающим внутренние переживания героя. Необычное нарративное строение фильма художественно оправдывается характером главного героя, одновременно углубляя его, - интроверта, погруженного в себя, в созерцание своих чувств нерешительного мужчины. Интонация рефлексивного размышления-воспоминания, присущая фильму, подкрепляется свойственной ранним черно-белым картинам С. Шустера изобразительной манерой контрастного освещения, активно драматизирующего пространство и портретные характеристики. В «Пристани на том берегу» память словно выхватывает неровным светом из темноты пространства фигуры и лица.

Развертывание событий военного времени с помощью ретроспекций как воспоминаний героя - композиционная особенность, на которой построен фильм «Память» Г. Никулина (1975). Судьба жительницы блокадного Ленинграда раскрывается перед зрителем в обрамлении двух сцен. Начинает и завершает фильм открытие мемориала «Героическим защитникам Ленинграда» на площади Победы, участником церемонии которой является главная героиня. Дав панорамными планами представление о месте действия, авторы фильма сразу переключаются на субъективный взгляд героини, обращенный к многофигурным скульптурным композициям защитников Ленинграда и участников блокады. Монтажно и ритмически организованные планы, перемежающиеся с портретными планами героини, постепенно вовлекают нас в ее мысли и переживания. Благодаря такому композиционному обрамлению краткое мемориальное событие настоящего художественно переплавлялось с событиями прошлого в единое интенсивное время-пространство. Монумент, увековечивающий славу защитникам Ленинграда, соединялся с живой памятью человеческого сердца.

Однако подобный прием, данный вне художественной субъективности переживаний героя, лишался образного значения и превращался в расхожий декларативный штамп. Внефабульной сценой торжественного открытия монумента героям Великой Отечественной войны открывается фильм «Ижорский батальон» Г. Казанского (1972), в картине «В то далекое лето» Н. Лебедева (1974) схожая сцена завершает фильм. Подобные сцены были представлены с точки зрения нейтрального повествователя и сопровождались закадровым комментарием, повторяющим уже зафиксированные кадрами высеченные на монументах строки. Лишенные художественных связей с главными событиями фильма, эти сцены выглядят декларативными вставками. А сама история, как, например, в фильме «В то далекое лето», оказывается безыскусной иллюстрацией внешней событийной канвы героического подвига.

Открытие мемориальных монументов, активно ведущееся на рубеже 1960-1970-х дов, - очень распространенный момент в военных фильмах 1970-х годов. Но лишь изобретательная и осмысленная работа с ним как органичным компонентом повествования и образной целостности фильма наделяла его силой художественного воздействия (как, например, потрясающий финал картины «А зори здесь тихие...» С. Ростоцкого с возложением старшиной памятной таблички на месте гибели девушек-зенитчиц).

Наряду с ретроспекциями в повествовательной организации фильмов мотив памяти находил свое воплощение в *параллельном развитии двух сюжетных линий*, смыкающих события войны и современность. Такова драматургическая особенность картин «А зори здесь тихие...» С. Ростоцкого и «Аты-баты, шли солдаты…» Л. Быкова. Юная девушка, ровесница зенитчиц, открывает для себя красоту и тишину живописных мест, где когда-то «вторым эшелоном» велся «бой местного значения» (характерное название серий фильма). Финал картины, в котором девушка, положив собранные цветы и обменявшись робким участливым взглядом со старшиной, становится сопереживающим участником, соединяет в единый голос памяти основную и побочную линии фильма.

Схожим образом в «Аты-баты, шли солдаты…» две равнозначные сюжетные линии смыкаются к концу фильма на поле боя, произошедшем весной 1944 г. и память о котором чтят собравшиеся весной 1974 г. дети погибших бойцов противотанкового взвода. Помимо оригинального повествования, фильм выделяется особой теплотой и душевностью, свойственными военным картинам Леонида Быкова, а также точностью художественно отраженных явлений. Так, к примеру, в упомянутом фильме был отображен феномен «фольклоризации» военных событий. Едущим на место боя родственникам молодой водитель передает о рассказанном ему от односельчан подвиге 18 пехотинцев, привязавших к себе гранаты и подорвавших 18 танков. Однако уже в следующих сценах начинают раскрываться объемные и разные характеры людей, по-разному погиб-

ших, но до конца «стоявших насмерть во имя жизни» (эпиграф фильма), за своих детей, через 30 лет по велению сердца приехавших к отцам на братскую могилу.

Мотив памяти возникает и в военных фильмах ленинградского режиссерского дуэта А. Вехотко и Н. Трощенко: «О тех, кого помню и люблю» (1973) и «Кадкина всякий знает» (1976). В обеих картинах, крепких и художественно изобретательных, мотив памяти реализуется во *внефабульном материале*, событийно никак не соотносящимся с основным действием фильмов. «О тех, кого помню и люблю» с первых кадров настраивает зрителя на интонацию откровенной дружеской беседы, личных и дорогих воспоминаний, которыми делится герой-рассказчик, чей голос звучит за кадром (исполнителя главной роли В. Золотухина). Камера, фиксирующая фрагменты-впечатления от движения по Невскому проспекту, затем вглядывающаяся в лица людей на ленинградских улицах и площадях, словно воспроизводит траекторию заинтересованного взгляда героя с его взволнованным обращением: «Здравствуй, Ленинград! Как ты живешь?». И лишь создав особую атмосферу повествования, интригующую и вовлекающую зрителя, фильм начинает рассказ о командире женского саперного батальона, набранного из эвакуированных девушек-ленинградок.

По-иному звучит подобный внефабульный компонент в фильме «Проверка на дорогах» А. Германа. Начальные кадры с фашистами-немцами, поливающими бензином картошку и загружающими в вагоны угнанный у крестьян скот, идут на фоне закадровых воспоминаний пожилой женщины-очевидца, повторяющей на словах то, что зритель видит на экране. Никак не соотносясь с основным событийным рядом картины, такое начало становится как бы воплощенным словом, зримым воспоминанием, чуть ли не документальным запечатлением того, чем угловатым пожилым голосом делится очевидец, участник войны. Этот образный компонент находил свое развитие и в другом фильме А. Германа - «Двадцать дней без войны», продолжавшим эстетику документальной фотографии, бытовой и психологической конкретики. Картина проведенных Лопахиным двадцати дней складывается из череды деталей, событий, лиц, воскрешенных памятью то ли самого героя (исполнитель Ю. Никулин), то ли уже отдаленного от событий рассказчика (закадровый голос К. Симонова), чьи размышления звучат в начале и конце фильма.

В отличие от картины А. Вехотко и Н. Трощенко «О тех, кого помню и люблю» с ее интонацией личных воспоминаний, фильм «Кадкина всякий знает» обращается к историческим образам народной памяти о войне. Осуществляется это изобретательно посредством не относящегося к художественному миру экранных героев материала, а именно титров и закадровой музыки: хрестоматийных военных фотографий и марша «Прощание славянки», исполненного с нарастанием силы звучания и сменой инструментов от одинокой и печальной балалайки до воодушевленного оркестра (подобное привлечение фотографического и музыкального материала можно встретить в фильмах «Горячий снег» Г. Егиазарова и «В бой идут одни старики» Л. Быкова). Такое начало создавало эмоциональный настрой фильма, задавало темы народной судьбы и народной памяти, в горизонтах которой затем велся экранный разговор со зрителем. В центре рассказа был деревенский мужик, солдат Кадкин (Г. Бурков), вернувшийся к семье с неожиданным «трофеем»: потерянным матерью грудным ребенком.

Мотив памяти - значимый компонент образной системы многих отечественных фильмов 1970-х годов, посвященных осмыслению Великой Отечественной войны. В военных фильмах мотив памяти выступает сюжетообразующим началом («Вдовы» С. Микаэляна, «Белорусский вокзал» А. Смирнова, «Аты-баты, шли солдаты…» Л. Быкова), реализуется как композиционный прием ретроспекций-воспоминаний героя («Пристань на том берегу» С. Шустера, «Подранки» Н. Губенко, «Память» Г. Никулина), воплощается в параллельном развитии сюжетных линий, смыкающих события войны и современность («А зори здесь тихие...» С. Ростоцкого, «Аты-баты, шли солдаты…» Л. Быкова), звучит в различном внефабульном материале, открывающем или завершающем фильм («Ижорский батальон» Г. Казанского, «В то далекое лето» Н. Лебедева, «Проверка на дорогах» и «Двадцать дней без войны» А. Германа, «О тех, кого помню и люблю» и «Кадкина всякий знает» А. Вехотко и Н. Трощенко). В каждом из фильмов рассматриваемый мотив несет жизнетворческую миссию сохранения и передачи живой памяти о Великой Отечественной войне.

Художественная направленность на сохранение и актуализацию памяти о событиях войны и выделяет рассмотренные нами картины в *оригинальную фильмографическую общность советского кино 1970-х годов, кинематографическая специфика которого заключена в смыслообразующей значимости художественного мотива памяти в образной системе фильмов*. Эта эстетическая особенность вырастает из социальных реалий своего времени, мемориальной культуры 1970-х годов. В этом отношении «военный фильм» 1970-х как жанровая общность картин, обладающих своим оригинальным эмоционально-смысловым контекстом, является кинематографическим феноменом жанровой системы советского кино 1968-1985 гг.

Сложность жанрового анализа и жанрового определения военных картин 1970-х годов заключается в том, что объединяющее начало этих фильмов лежит глубже тематического родства

(событийного материала) и формальных приемов (сюжетные ходы, операторские решения, типы персонажей). Как отмечает киновед А. Гусев, военный фильм не имеет «универсальных, оптимальных правил драматургического или изобразительного устройства фильма», формальной трактовки материала (как, например, в вестерне, гангстерском фильме, лирической комедии) [3]. Однако и сам «материал», изображаемые явления и события, не являются надежным критерием для понимания внутреннего родства рассмотренных фильмов, что убедительно демонстрируют упомянутые «художественно-документальные» эпопеи. В их основе лежат военные события 1941-1945 гг., но концептуальный посыл фильмов отличен от идейного звучания таких картин, как «В бой идут одни старики» и «Белорусский вокзал». Иными словами, при единстве материала эти картины не составляют единый эмоционально-смысловой контекст. Отвлекаясь от проблемы жанрового анализа, отметим, что такие фильмы-циклы 1970-х, как «Освобождение», «Фронт», представляют собой образцы «батального фильма» («combat movie»), художественно реконструирующего сражения и военные операции [4, pp. 117-124; 5; 6].

В случае же таких военных фильмов 1970-х годов, как «А зори здесь тихие...», «Аты-баты, шли солдаты…», «Они сражались за Родину», «Двадцать дней без войны», речь идет об иной сверхзадаче. Жанровым стержнем подобных картин является мотив памяти как повторяющийся значимый компонент образной системы фильмов, связанный с определенным смысловым материалом и активно причастный идейной концепции картин. Жанровый анализ помогает в самой поэтике фильмов обнаружить и сформулировать объективную художественную близость многих военных картин 1970-х годов, ставших достоянием отечественной культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рондели Л.Д. Кино и его аудитория. Аналитическая летопись взаимоотношений (1969-2010 гг.). - М.: НИИ киноискусства ВГИК им. С.А. Герасимова, 2013.
2. Марголит Е.Я. Советское киноискусство. Основные этапы становления и развития // Киноведческие записки. - 2004. - № 66.
3. Гусев А. Спасение по правилам: Военный фильм // Сеанс: [сайт]. Режим доступа: http://seance.ru/blog/war-film/ (дата обращения: 08.11.2017).
4. Neale S. War Films in Genre and Hollywood. Psychology Press, 2000.
5. Eberwein R.T. The War Film. Rutgers University Press, 2005.
6. Clarke J. War Films. Virgin Books, 2006.

REFERENCES

1. Rondeli L. D. Kino i ego auditoriya. Analiticheskaya letopis' vzaimootnosheniy (1969-2010 gg.) [Cinema and its audience. Analytical chronicle of relationship (1969-2010)], Moscow, NII kinoiskusstva VGIK im. S. A. Gerasimova, 2013. (In Russ.).
2. Margolit E. Ya. Sovetskoe kinoiskusstvo. Osnovnye etapy stanovleniya i razvitiya [Soviet cinema. Main stages of formation and development] Kinovedcheskie zapiski = Film Studies article: Journal of 2004, Vol. 66. (In Russ.).
3. Gusev A. Spasenie po pravilam: Voennyy fil'm [Rescue by rules]. Seans = Movie show: [site]. Access mode: http://seance.ru/blog/war-film/ (date of reference: 08.11.2017). (In Russ.).
4. Neale S. War Films in Genre and Hollywood. Psychology Press, 2000. (In Eng.).
5. Eberwein R. T. The War Film. Rutgers University Press, 2005. (In Eng.).
6. Clarke J. War Films. Virgin Books, 2006. (In Eng.).

Информация об авторе:

Хрюкин Денис Андреевич, аспирант, кафедра драматургии и киноведения, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения,
г. Санкт-Петербург, Россия
denis_hryukin@mail.ru

Information about the author:

Denis A. Hryukin, Postgraduate Student, Department of Screenwriting and Film Studies, Saint-Petersburg State Institute of Cinema and Television,
Saint-Petersburg, Russia
denis_hryukin@mail.ru

Получена: 11.12.2017

Received: 11.12.2017

Для цитирования: Хрюкин Д.А. «Военный фильм» как жанр: мотивы памяти в образной системе фильмов о Великой Отечественной Войне 1970-х годов. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.131-136.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-131-136.

For citation: Hryukin D.A. «War film» as genre: motives of memory in the imaginative system of films of the 1970th years about the Great Patriotic War. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 131-136.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-131-136. (in Russian)

УДК 572:392.85 (571.651) + 364.12 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-137-143

ЯРЗУТКИНА Анастасия Алексеевна
Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова
г. Анадырь, Россия
jarzut@mail.ru

Anastasia A. YARZUTKINA
Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University of M.K. Ammosov
Anadyr, Russia
jarzut@mail.ru

ПРИЮТЫ, РЕЙДЫ, ДЕСАНТЫ: ПРАКТИКИ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ С АЛКОГОЛЕМ В ЧУКОТСКИХ СЕЛАХ. СТРАТЕГИИ МИНИМИЗАЦИИ ПРОБЛЕМЫ

SHELTERS, RAIDS, INVASIONS: PRACTICE OF INHABITANTS COEXISTENCE WITH ALCOHOL IN CHUKOTKA VILLAGE SETTLEMENTS. STRATEGIES FOR PROBLEM MINIMIZATION

В данной статье на примере ряда сельских поселений Чукотки исследуется вопрос о том, каким образом люди в небольших сообществах приспособились к присутствию алкоголя в их жизни, а также рассматривается жизнь населения национальных сел через призму присутствия в их повседневной жизни алкоголя. Актуальность выбранной темы обусловливается целым рядом факторов, в том числе: необходимостью более глубокого изучения влияния на человека продуктов прогресса (алкоголя), которые проникли даже в самые отдаленные и труднодоступные поселения; важностью исследования влияния алкоголя на жизнь различных коренных сообществ (и, в частности, на жителей Крайнего Севера) и их культурный облик; недостаточной научной разработанностью данного вопроса и т.д. Цель статьи - рассмотрение алкоголя не просто как элемента материальной культуры, а как составляющей части сети действий, включенной в социальные взаимодействия, а также как один из «актантов», обладающих материальными, символическими, смысловыми характеристиками и способностью модифицировать деятельность человека. На основе проведенного анализа утверждается, что в современном микросообществе алкоголь является одним из катализаторов, который раскрывает гендерные роли и показывает статус мужчин и женщин. Несмотря на остроту проблемы алкоголизма среди коренного населения Чукотки, в микросообществе села ограничения на употребление спиртного налагаются только на женщин, имеющих детей. Если же женщина детей не имеет, то ее статус приближается к статусу мужчины, которого общество открыто не осуждает за употребление алкоголя. В случае же если женщина, имеющая детей, «запила», она на время лишается своих детей и, тем самым, своего статуса женщины.

Ключевые слова: культурная антропология, социальность алкоголя, локальность и повседневность, алкогольная зависимость, сельские приюты, рейды и десанты, современное микросообщество, чукотское население, народы Чукотки, моральные ценности, гендерные роли

This article, on the example of a number of rural settlements in Chukotka, explores how people in small communities have adapted to the presence of alcohol in their lives, and also considers the life of the population of national villages through the prism of the presence of alcohol in their daily lives. The relevance of the chosen topic is determined by a number of factors, including: the need for a deeper study of the impact on people of products of progress (alcohol) that penetrated even the most remote and hard-to-reach settlements; the importance of studying the influence of alcohol on the life of various indigenous communities (and, in particular, on the inhabitants of the Far North) and their cultural appearance; and insufficient scientific elaboration of this issue, etc. The purpose of the article is to consider alcohol not just as an element of material culture, but as a component of the network of actions included in social interactions, and also as one of the «actants» with material, symbolic, semantic characteristics and the ability to modify human activities. Based on the analysis, the author claims that alcohol is one of the catalysts in the modern micro society, which reveals gender roles and shows the status of men and women. Despite the severity of the problem of alcoholism among the indigenous population of Chukotka, restrictions on alcohol consumption are imposed only on women with children in the village micro-community. If a woman does not have children, her status approaches the status of a man whom society does not openly condemn for drinking alcohol. In the case of a woman who has children «washed down», she loses her children for a time and, thereby, her status as a woman.

Keywords: cultural anthropology, sociality of alcohol, locality and everyday life, alcohol addiction, rural shelters, raids and landings, modern microcommunity, Chukchi population, peoples of Chukotka, moral values, gender roles

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Алкоголь в микросоциуме чукотского села: этнографическое исследование этнокультурных, социальных и экономических взаимодействий», № 15-31-01272

Acknowledgement. The study was performed with financial support RFBR, research project "Alcohol in microsocium the Chukotka village: an ethnographic study of ethnocultural, social and economic interactions," No. 15-31-01272

В эпоху глобализации большинство культур интегрировались в мировую капиталистическую систему. Важнейшим двигателем такой интеграции оказались материальные объекты - продукты прогресса, которые проникли даже в самые отдаленные и труднодоступные поселения.

Спор о пользе или вреде такого проникновения может быть бесконечным, однако стоит признать, что в настоящее время «продукты цивилизации» включились в жизнь коренных сообществ и повлияли на изменение их культурного облика. Для Крайнего Севера среди множества знаковых атрибутов современной жизни можно назвать алкоголь. Этот «нетрадиционный» для коренных народов Северо-Востока России напиток относительно недавно, с середины XIX в., стал доступен для приобретения местными жителями. С тех пор он постепенно входил в повседневную жизнь северных народов и в настоящее время стал ее неотъемлемой частью.

В данной статье на примере ряда сельских поселений Чукотки исследуется вопрос о том, каким образом люди в небольших сообществах приспособились к присутствию алкоголя в их жизни, и дается взгляд на жизнь населения национальных сел через призму присутствия в их повседневной жизни алкоголя.

Теоретические рамки исследования можно обозначить тремя основными позициями: социальность алкоголя, локальность и повседневность. ***Локальность*** как подход и как метод подразумевает обращение к конкретным селам и сельским микросообществам и их детальное внутреннее изучение [1; 2; 3]. Каждое микросообщество имеет свою собственную локальную культуру, приспособленную к условиям окружающего микроландшафта и социального, экономического, национального микропространства села. Учитывая изолированность сел Чукотки, сложную транспортную схему, эта культура хоть и трансформировалась, но происходило это в рамках культуры сельского социума. Нельзя также не учитывать личностных связей, существующих в рамках отдельного села, и того факта, что с момента создания поселений прошло более 60 лет, соответственно, для всех информантов старше 50 лет культурный фон соответствует территориальной идентичности [4].

Также локальность подразумевает отход от типичности и усредненности [5, с. 47]. Взаимоотношения, главным фигурантом которых выступает алкоголь, различаются в каждом отдельном селе, так как различается контекст этих взаимодействий, создаваемый общностью и устойчивостью смыслов, понятных и практикуемых только его жителями. Эти различия могут зависеть, например, от национального состава населения, соотношения количества «коренных» и «приезжих», численности населения, личности главы села.

Теоретическая рамка «***повседневность***» подразумевает способ описания и восприятие этнографической реальности [6; 7; 8]. Повседневные практики - это зеркала, которые отражают адаптацию культуры к изменениям и к различным внешним воздействиям.

Взаимодействие понимается нами как процесс обмена значениями и процесс реализации не только физического, но и духовного контакта, при котором каждый человек неосознанно пользуется своими методами осмысления процесса взаимодействия и механизмами социальной коммуникации [7]. В процессе полевой работы и изучения повседневного опыта людей автор данной статьи пыталась понять контекст ситуации через фиксацию биографий информантов, их представлений о мире, их чувств, особенности быта и отношений с родственниками. Также учитывались самые разные трансляции культурных презентаций и проявлений социальных взаимодействий. Например, невербальные коммуникации, эмоции, диалоги, игнорирования и др.

Алкоголь является центральным объектом данного исследования, при этом он рассматривается не просто как элемент материальной культуры, но и как составляющая часть сети действий, включенная в социальные взаимодействия [9]. Это позволило отойти от проблемно-ориентированного подхода, при котором акцент делается на исследовании проблем алкоголизма, а изложение фактического материала часто смешивается с моральными суждениями о последствиях употребления спиртного. Работы Б. Латура, И. Копытоффа, Р. Харре, К. Кнорр-Цетиной, Г. Зиммеля, И. Гофмана сделали возможным «социологическое исследование вещи - изучение ее культурной биографии, нарративной артикуляции или обиходного использования» [10, с. 20]. Алкоголь представляется одним из «актантов», обладающих материальными, символическими, смысловыми характеристиками и способностью модифицировать деятельность человека. В конкретно выбранном обществе он в большей степени, чем многие другие неодушевленные сущности, влияет на взаимодействия.

В современном чукотском селе напитки, содержащие этиловый спирт, относительно доступны и известны, а все действующие общероссийские правовые ограничения не препятствуют их употреблению. Житель чукотского села, даже в случае, если он трезвенник, сталкивается с алкоголем, последствиями его употребления односельчанами, алкогольными дискурсами. Алкоголь внедрился в повседневную жизнь. Это включение вызвало реакцию социума, выразившуюся в адаптации к его присутствию.

Приют

Почти в каждом сельском поселении Чукотки существует приют. Он может размещаться в школе-интернате, при дошкольном учреждении или в отдельном помещении. Как социальное яв-

ление сельский приют возник в качестве ответа на последствия употребления жителями сел, имеющих детей, алкоголя. В период запоя, когда родители не могут ухаживать за своими детьми, воспитатели, учителя или глава сельской администрации забирают ребенка из семьи и передают в приют.

Сейчас школы-интернаты работают в районных центрах и крупных селах. На время обучения туда съезжаются дети из более мелких сел и оленеводческих стойбищ. При школе-интернате предусмотрен приют - место для временного проживания детей и подростков, имеющих родителей в этом селе (их называют «группы временного пребывания»). Официально ребенка оформляют как «попавшего в трудную жизненную ситуацию», и фактически он на несколько дней переходит на попечение государства. Таким образом, приют становится временным домом, в котором дети ограждаются от алкогольной повседневности.

В небольших отдаленных селах также существуют приюты. В селе Агвык раньше приют располагался в здании малосемейного общежития, а в настоящее время - в школе. По данным протокола Совета старейшин этого села, дети пьющих родителей проживают там до двух недель [11]. В селе Койнын приют размещен в свободной квартире двухэтажного дома, которая иногда также используется в качестве временного размещения приезжающих специалистов. Для ухода за детьми в период пребывания в приюте одна из сельских организаций оплачивает работу воспитателю.

«*Положено детей из других сел в этих ситуациях [при запое родителей] увозить в район, в школу-интернат. Хотя бы из Койнына. Там дорога есть… Но зачем ребенка таскать в район? Там может на день, на два, может быстро пропьется [мать]. Потом обратно. И если ночью, например, остался ребенок. Как его увезти. А в районе еще могут разбираться начать… Тут ребенок со своими. Все ситуацию знают. Поэтому это помещение и есть. Они его держат. Не знаю, легальное оно или нет, ну в смысле, как там по бумагам*» [12].

В селе Ыннэн, в котором мне удалось прожить шесть месяцев, я присутствовала при создании приюта. После стабилизации финансирования образовательной и социальной сфер в Чукотском регионе школа постепенно становится центром села. И если в советское время ключевой фигурой в сельской жизни был председатель совхоза, то с начала 2000-х лидерство разделили глава администрации и директор школы. Ввиду этого решение многих социальных проблем села, а также поддержка общественных инициатив стали замыкаться на руководителе школы. Первоначально приюты являлись общественной инициативой и не финансировались за счет государственных средств. «*Ну, мы думали, вот куда его [ребенка]? Идет весь грязный, голодный, понятно, что. И опять, эта [показывает жестом, что запила]. И таких много. Ну, приведем мы его в школу, и что? Там или учатся, или выходной. Кто за ним следить будет? Жалко… Директор [школы] была, Глава наш…, Галина Федоровна [врач], акэмэнээс, еще кто-то, не помню. Договорились, что школа комнатку выделит, ну, там такая, для приезжих раньше была. Там сторож в школе. Больница кровать даст. Там белье какое-нибудь старенькое, еще. Ну, каждый что-то. Так договорились… И вот ребенка туда. И он сидит. Убегали, конечно, но зато в тепле и со [школьной] столовой всегда покушать остается… а мать, что? Пьет. Ей и все равно*» [13].

Вариантом временного приюта является помещение ребенка на время запоя в приемную семью или к родственникам. Автор статьи наблюдала ситуацию, при которой к Главе села пришла женщина и стала жаловаться на свою племянницу по мужу. Та, по ее словам, уезжает на несколько дней в районный центр, чтобы употреблять спиртное, а дети в это время остаются одни. Женщине приходится их брать к себе и кормить. По ее словам, такая ситуация повторялась уже четыре-пять раз, и она просила Главу села повлиять на племянницу. «*Они, конечно, мои родственники, мне не жалко еды и так, пусть бы были у меня. Но это уже сколько раз повторяется! Это неправильно. Это же ее дети*» [14].

В Чукотском АО имеется ГКУ СО «Чукотский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», куда направляются и где проживают дети-сироты со всего региона. В отличие от этого социального института сельский приют - это попытка микросообщества села справиться с последствиями употребления его членами алкоголя. С одной стороны, ребенок не может оставаться в семье из-за пьянства родителей, с другой - местные социальные службы, состоящие из тех же сельчан и зачастую родственников пьющих родителей, не торопятся лишать их родительских прав и отправлять ребенка из села в город. Ответственность за «временных сирот» в это время переходит к сельскому сообществу. В результате сообщество получает право порицать пьющих родителей, накладывать на них какие-то ограничения, наказывать.

Д. Левинсон и Е. Галлахер, изучая приюты для психиатрических больных, увидели в них нечто промежуточное между тюрьмой и общежитием при колледже. Пациент может быть помещен в приют насильно и оказаться заключенным, а может попасть туда добровольно, как студент колледжа [15, с. 23-33]. Если рассматривать сельский приют в подобном ракурсе, то его положение тоже можно назвать промежуточным. Некоторые дети сами приходят в приют, когда их родители начинают употреблять спиртное, других приводят туда. Основание деятельности приюта - это факт

начала употребления родителями спиртного. Находясь в приюте, дети пьющих родителей существуют в промежуточной ситуации: с одной стороны, у них сохраняется семья, дом, родители, с другой - их повседневность сменяется на «казенную».

Сельские приюты на Чукотке - это способ адаптации сообщества к последствиям присутствия алкоголя и влияния его на семейные традиции и повседневность. Также сельские приюты - пример того, как алкоголь нарушает приватность семьи. Семья становится публичной - ее проблемы обсуждаются членами микросообщества, а общественность села берет на себя функции родителей.

Рейды

В селах существует такая практика, как «рейды» по пьющим семьям. «*Мы рейды делаем. Собирается человек 7-8. Глава, милиционер, от Ассоциации человек, потому что он активист. Обязательно - директор школы. Потому что дети. Обязательно врач. И от детского сада. Кто там. И еще пару активистов разных. И пошли. Сигналы уже есть. Со школы или соседи*» [16]. Или: *«…Дети, первый сигнал - перестают ходить в школу или детский сад или приходят грязные, немытые. Ну и информация по селу, что запили. И все, пошли проверять. Прямо по домам, заходят, никто никого не спрашивает - можно ли… С нами милиция. Где дети? Где готовят еду, где отдыхают, где делают уроки? Холодильник открывают, сарай, кладовку. Проверка полная... Приходит рейд, если [мать] пьяная - пропесочивают ее. Прямо она сидит пьяная, головой болтает, а ей все выговаривают - что ты пьешь? Дети у тебя! Голодные, не кормленные. Она в ответ мычит что-то. И итог, что бросай пить, иначе лишат тебя родительских прав, а детей в детский дом отдадут. Только методы угроз. Моральное давление… Иногда приходишь, в доме чисто, печка топится, еда, ребенок сидит уроки делает. Но мать сидит, видно, что с похмелья. Все проверили, все нормально, но ей сказали еще раз. Это организует их. Раз в месяц рейд - это обязательно. А так, по сигналу - если кто скажет, что запили*» [17].

В некоторых селах рейды проводятся и в семьи, где нет детей. Это редкая практика. Поводом для рейда служит санитарная проверка состояния дома или сигнал о незаконной продаже в этом доме спиртного, или жалобы соседей на нарушение общественного порядка. Основная же причина - моральное давление на пьющего со стороны общественности.

Еще одним вариантом воздействия микросоциума на злоупотребляющих спиртным является публичное общественное осуждение. Выпивающих женщин приглашают в администрацию либо на заседание Совета старейшин и проводят беседу, в ходе которой, по словам одного из информантов, «*всячески их стыдят и морально угнетают*». Похожие практики существовали в селах в 80-е годы, когда в советском государстве повсеместно при местных административных органах создавались комиссии по борьбе с пьянством. В это время проблемы, связанные с употреблением алкоголя, вышли на новый уровень - они начали публично обсуждаться и стали одним из аспектов работы сельских исполкомов. Исполкомы ставили перед общественными формированиями задачи и обсуждали их исполнение. В частности, посещение «трудных» семей являлось функцией добровольной народной дружины.

Вопросы злоупотребления алкоголем отдельными сельчанами выносились на товарищеский суд. Например, согласно протоколу сельского схода жителей села Агвык, наиболее серьезное дело, рассматриваемое на товарищеском суде в 1985 г., было о злоупотреблении алкоголем несколькими сельчанами. В ряде сел автором статьи зафиксированы дополнительные стратегии пресечения пьянства среди родителей. Вне учебной программы учителя в школе проводят среди школьников урок, на котором дети пишут сочинения о том, как им живется дома или о чем они мечтают. Затем перед праздниками классные руководители собирают родительские собрания и зачитывают родителям сочинения детей.

Во всех культурах употребление алкоголя окружено неформальными нормами и правилами, касающимися того, кто может пить, сколько пить, что, когда, как, в каком контексте и т.д. Несмотря на то, что в разных культурах эти правила различаются, кросс-культурное исследование Оксфордского научно-исследовательского центра социальных проблем показало, что существует сходство - некие универсальные ограничения. К ним относятся запрет употребления спиртного в одиночку; общение как ключевая цель употребления алкоголя; социальный контроль потребления и поведения после потребления спиртного и ограничения на употребление алкоголя женщинами. Эти неофициальные правила зачастую работают намного эффективней узаконенных норм и правового контроля [18]. В вопросе ограничения на употребление спиртного женщинами в настоящее время нет единого мнения. Часть исследователей объясняют это правило исключительно культурными особенностями. Другая часть склонилась к тому, что распространенность таких ограничений может быть связана с внекультурными факторами, такими как различия в мужской и женской физиологии при формировании зависимости от алкоголя и воздействии спиртного на репродуктивную систему женщины.

Паула Хаас указала на очень противоречивые моральные ценности, связанные с алкоголем, существующие внутри одного и того же сообщества [19]. В селе, как показал пример с рейдами, сообщество авторитетных в селе людей, которые не имеют проблем с алкоголем, «давит на мораль» пьющих спиртное. В текстах морального осуждения акценты делаются не столько на сам процесс потребления человеком спиртного, сколько на то, что в процессе употребления спиртного человек не выполнил свои обязанности.

Десанты

Еще одной проблемой, связанной с алкоголем, является его завоз. В ряде сельских поселений уже предприняты попытки ограничить время продажи спиртного в магазинах, что не исключает, однако, нелегальную продажу. Большинство сел Чукотки являются труднодоступными, и завоз туда продуктов осуществляется не круглогодично, а только в период навигации или действия зимних дорог. В остальное время самое необходимое завозится авиатранспортом, что достаточно дорого. Соответственно, большая часть алкоголя также поступает в села или на кораблях и баржах, или по автозимникам. Одной из местных практик ограничения ввоза алкоголя в село являются сельские десанты. В одном из протоколов Совета старейшин села Агвык зафиксирована информация о создании и работе такого десанта. Десант состоял из старейшин села и участников группы трезвости, прекративших употреблять спиртное. Они организовали дежурство на берегу моря и досматривали груз с судна «Бей», которое завозило в село уголь. Груз с алкоголем возвращали на судно и пресекали всякие попытки продать его на берегу [20].

В селе Умэкэт десант из сельских жителей - наиболее активных, возглавляемых главой поселения, - встречает корабли, когда они завозят в село уголь или стройматериалы. Участник десанта рассказывал: «*Отдельно встречали корабли-угольщики. Они всегда, кроме угля, спиртное привозят. ... Эти баржи начинают торговать. Мы стояли там и призывали всех, чтобы не торговали. Глава сказала, что будет ходить и выливать [спиртное]*» [21]. В селах Таучин, Умэкэт, Рокыр и Чьэчен, например, за ограничением ввоза и продажи спиртного следит глава сельской администрации. Главы поселений, если узнают информацию о том, что кто-то из жителей везет алкоголь, специально идут и встречают его на подъезде к селу. Разговаривают с этим человеком, призывают уничтожить груз или не торговать, иногда используют методы морального давления.

В данной статье теоретическими рамками автора обусловлено рассмотрение алкоголя буквальным и полноправным элементом общества, «актантом», наравне с людьми вовлеченным в действие и, соответственно, во взаимодействие. Исходя из идеи Б. Латура о том, что вещь может быть антропоморфизирована [22], в описанной ситуации десанта алкоголь можно сравнить с человеком, который нарушил границы и от которого исходит опасность для сообщества. В этом случае сельский десант - это отряд, который выступает на защиту границ села от проникновения материальных объектов. Несомненно, алкоголь не приходит сам, его привозят люди, но в одном случае эти люди - чужаки, и они даже не заходят в село, и десант выдворяет не их, а те материальные объекты, которые они привезли. Во втором - алкоголь привозит гость или житель поселения, и если его пропускают, то спиртное - нет. Ментально или физически (в случае, когда спиртное выливают) алкоголь остается за границами села.

Осознание границ, за пределы которых алкоголь не может быть допущен, касается не только сел, но и Чукотки в целом. Примером может служить ситуация, когда общественные объединения коренных малочисленных народов Чукотки выступили против решения суда о возвращении владельцу крупной партии спирта, который он привез на территорию Чукотки и который был изъят у него [23; 24]. Данное дело имело серьезный общественный резонанс в округе. Общественность была возмущена: несмотря на предпринятые усилия по задержанию, алкоголь проник через границу. Практикуемые в селах Чукотки описанные стратегии минимизации проблем, связанных с алкоголем, позволили вскрыть целый ряд вопросов, интересных антропологии.

Таким образом, в современном микросообществе алкоголь является одним из катализаторов, который раскрывает гендерные роли и показывает статус мужчин и женщин. Несмотря на остроту проблемы алкоголизма среди коренного населения Чукотки, в микросообществе села ограничения на употребление спиртного налагаются только на женщин, имеющих детей. Если же женщина детей не имеет, то ее статус приближается к статусу мужчины, которого общество открыто не осуждает за употребление алкоголя. В случае же если женщина, имеющая детей, «запила», она на время лишается своих детей и, тем самым, своего статуса женщины.

В селах, где большинство населения относят себя к эскимосам, трансляторами норм и правил микросообщества выступают в основном старейшины - наиболее активные представители коренного населения, связанные с территорией села. Они же являются контролерами исполнения этих норм и правил. Их авторитет определялся личными качествами, что было характерно и для традиционного общества эскимосов [25, с. 607]. В смешанных селах (эвены, чукчи, юкагиры, русские) и селах, где преобладает чукотское население, группу «борцов за трезвость» составляли в

основном руководители организаций и учреждений села - русские. В эту группу включался представитель общественного объединения «Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки», вернее включалась его должность. Группа руководителей сельских учреждений обеспечивала причастность коренных народов к управлению и установлению норм. Присутствие представителя от коренных народов морально оправдывало право русских, особенно приезжих, не связанных с территорией села, на стигматизацию пьющих коренных жителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Уайт У.Ф. Общество на уличных перекрестках // История социологии XX век: университетский курс: Хрестоматия / Сост. В.Г. Николаев, Н.Е. Покровский, О.А. Симонова. - М., 2007. - С. 528-540.
2. Embree J. Suye Mura: A Japanese Village. - Chicago: University of Chicago Press, 1939. - 354 p.
3. Lynd R.S., Lynd H.M. Middletown: A Study in Contemporary American Culture. - L.: Constable & Co. Ltd., 1929. - Pp. 21-24.
4. Вахтин Н.Б., Головко Е.В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. - М.: Новое издательство, 2004. - 292 с.
5. Абашин С.Н. Советский кишлак. Между колониализмом и модернизацией. - М.: Новое литературное обозрение, 2015. - 848 с.
6. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. - М.: Медиум, 1995. - 323 с.
7. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. - 2002. - Т. 2. - № 1. - С. 42-70.
8. Шюц А. Структура повседневного мышления / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич // Социологические исследования. - 1988. - № 2. - С. 129-137.
9. Вахштайн В.С. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. - 2005. - Т. 4. - № 1. - С. 94-115.
10. Вахштайн В.С. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей: Сборник статей / Под ред. В. Вахштайна. - М.: Территория будущего, 2006. - С. 7-42.
11. Полевые материалы автора (далее - ПМА). Протоколы Совета старейшин - 3, от 13.01.2012, от 23.04.2015.
12. ПМА. Ж-1952, ГСА-1, 05.03.2017.
13. ПМА. Ж-1975, КИИ-2, 12.07.2003.
14. ПМА. Ж-1953, ГНИ-3, 14.07.2015.
15. Levinson D.J., Gallagher E.B. Patienthood in the Mental Hospital. Houghton-Mifflin. - Boston, 1964. - Pp. 17-39.
16. ПМА. Ж-1955, СОА-5, 20.05.2015.
17. ПМА. М-1966, КНИ-1, 12.06.2016.
18. Social and Cultural Aspects of Drinking. A report to the European Commission. March 1998: [Электронный ресурс] // The Social Issues Research Centre Oxford, UK. - URL: http:// www.sirc.org/publik/social_drinking.pdf (дата обращения: 08.07.2017).
19. Paula Haas. Contradictory moralities: alcohol consumption in Inner Mongolia // Asian Anthropology. - 2014. - № 13:1. - Pp. 20-35.
20. ПМА. Протокол Совета старейшин - 3, от 23.12.2011.
21. ПМА. М-1962, РВВ-7, 17.08.2017.
22. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Неприкосновенный пас. - 2004. - № 2(34). - С. 5-19.
23. Роман Копин возьмет под личный контроль дальнейший ход действий в сложившейся ситуации с судебным делом о контрафактном спирте: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Чукотского автономного округа - URL: чукотка.рф/press_center/news/7548/?prt=yes (дата обращения: 04.04.2017).
24. Коренные жители Чукотки объединили усилия в борьбе с алкоголизмом: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Чукотского автономного округа - URL: чукотка.рф /press_center/news/7579/ (дата обращения: 04.04.2017).
25. Народы Северо-Востока Сибири / Отв. ред. Е.П. Батьянова, В.А. Тураев. - М.: Наука, 2010. - 772 с.

REFERENCES

1. Uajt U.F. Obshhestvo na ulichnyh perekrestkah [Society at street crossroads]. Istorija sociologii XX vek: universitetskij kurs. Hrestomatija = History of sociology XX century: university course. Reader. Compiled by V.G. Nikolaev, N.E. Pokrovskij, O.A. Simonova. M., 2007. P. 528-540. (in Russ.).
2. Embree J. Suye Mura: A Japanese Village. Chicago: University of Chicago Press, 1939. 354 p. (in Eng.).
3. Lynd R. S., Lynd H. M. Middletown: A Study in Contemporary American Culture. L.: Constable & Co. Ltd., 1929. P. 21-24. (in Eng.).

4. Vahtin N.B., Golovko E.V., Shvajtcer P. Russkie starozhily Sibiri: Social'nye i simvolicheskie aspekty samosoznanija [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-awareness]. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 292 p. (in Russ.).
5. Abashin S.N. Sovetskij kishlak. Mezhdu kolonializmom i modernizaciej [Soviet village. Between colonialism and modernization]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 848 p. (in Russ.).
6. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti: traktat po sociologii znanija [Социальное конструирование реальности: treatise on the sociology of knowledge]. M.: Medium, 1995. 323 p. (in Russ.).
7. Garfinkel' G. Issledovanie privychnyh osnovanij povsednevnyh dejstvij [The study of the usual bases of everyday actions]. Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review, 2002. T.2. no.1. P. 42-70. (in Russ.).
8. Shjuc A. Struktura povsednevnogo myshlenija [Structure of everyday thinking]. Translation from English E.D. Rutkevich. Sociologicheskie issledovanija = Sociological research, 1988. no. 2. P. 129-137. (in Russ.).
9. Vahshtajn V.S. Vozvrashhenie material'nogo. «Prostranstva», «seti», «potoki» v aktorno-setevoj teorii [Return of the material. «Spaces», «networks», «flows» in the actor-network theory]. Sociologicheskoe obozrenie = Sociological Review, 2005. T.4. no.1. P. 94-115. (in Russ.).
10. Vahshtajn V.S. Sociologija veshhej i «povorot k material'nomu» v social'noj teorii [Sociology of things and the «turn to material» in social theory]. Sociologija veshhej. Sbornik statej = Sociology of things. Digest of articles. Edited by V. Vahshtajna. M.: Izdatel'skij dom «Territorija budushhego», 2006. P. 7-42. (in Russ.).
11. Polevye materialy avtora [Field materials of the author]. PMA, Protokoly Soveta starejshin [FMA, Protocols of the Council of Elders]. 3, 13.01.2012, 23.04.2015.
12. PMA, zh-1952, GSA-1, 05.03.2017.
13. PMA, zh-1975, KII-2, 12.07.2003.
14. PMA, zh-1953, GNI-3, 14.07.2015.
15. Levinson D.J.. Gallagher E.B. Patienthood in the Mental Hospital. Houghton-Mifflin. Boston, 1964. P. 17-39. (in Eng.).
16. PMA, zh-1955, SOA-5, 20.05.2015.
17. PMA, m-1966, KNI-1, 12.06.2016.
18. Social and Cultural Aspects of Drinking. A report to the European Commission. March 1998. The Social Issues Research Centre Oxford, UK. Available at: URL: http:// www.sirc.org/publik/social_drinking.pdf (accessed 08.07.2017).
19. Paula Haas. Contradictory moralities: alcohol consumption in Inner Mongolia. Asian Anthropology, 2014. #13:1. P. 20-35. (in Eng.).
20. PMA, Protokol Soveta starejshin. [FMA, Protocols of the Council of Elders]. 3, 23.12.2011.
21. PMA, m-1962, RVV-7, 17.08.2017.
22. Latur B. Gde nedostajushhaja massa? Sociologija odnoj dveri [Where is the missing mass? Sociology of one door]. Neprikosnovennyj zapas = Emergency ration, 2004. No.2(34). P. 5-19. (in Russ.).
23. Roman Kopin voz'met pod lichnyj kontrol' dal'nejshij hod dejstvij v slozhivshejsja situacii s sudebnym delom o kontrafaktnom spirte. [Roman Kopin will take under his personal control the further course of action in the current situation with the judicial case of counterfeit alcohol]. Official site of the Chukotka Autonomous Okrug. Available at: URL: chukotka.rf/press_center/news/7548/? prt=yes (accessed 04.04.2017).
24. Korennye zhiteli Chukotki ob#edinili usilija v bor'be s alkogolizmom. [The indigenous inhabitants of Chukotka joined forces in the fight against alcoholism]. Official site of the Chukotka Autonomous Okrug. Available at: URL: chukotka.rf /press_center/news/7579/ (accessed: 04.04.2017).
25. Narody Severo-Vostoka Sibiri. [Peoples of the North-East of Siberia]. Edited by E.P. Bat'janova, V.A. Turaev. M.: Nauka, 2010. 772 p. (in Russ.).

Информация об авторе:

Ярзуткина Анастасия Алексеевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чукотский филиал Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова,
г. Анадырь, Россия
jarzut@mail.ru

Получена: 02.12.2017

Для цитирования: Ярзуткина А.А. Приюты, рейды, десанты: практики сосуществования жителей с алкоголем в чукотских селах. Стратегии минимизации проблемы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.137-143.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-137-143.

Information about the author:

Anastasia A. Yarzutkina, Candidate of Historical Sciences, Research Scientist, Chukotka Branch of the North-Eastern Federal University of M.K. Ammosov,
Anadyr, Russia
jarzut@mail.ru

Received: 02.12.2017

For citation: Yarzutkina A.A. Shelters, raids, invasions: practice of inhabitants coexistence with alcohol in Chukotka village settlements. Strategies for problem minimization. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 137-143.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-137-143. (in Russian)

Социологические и гуманитарные науки

Sociological and Humanities Sciences

УДК 81'272 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-147-153

АНДРЕЕВА Людмила Анатольевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия

ХОПИЯЙНЕН Ольга Анатольевна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия

ФИЛИМОНОВА Наталья Владимировна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия
nota1606@mail.ru

ЯКИМЧУК Александра Валентиновна
Югорский государственный университет
г. Ханты-Мансийск, Россия

Ludmila A. ANDREEVA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia

Olga A. HOPIAYNEN
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia

Natalia V. FILIMONOVA
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

Alexandra V. YAKIMCHUK
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russia

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ПИТАНИЕ: НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ КАК ЭТНОМАРКЕР В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Обязательным условием этнической идентификации считается способность отождествления индивидом себя с этнической общностью, позволяющая ему принять определенные стереотипы поведения, нормы образа жизни, культурные традиции и ценности. Осознание этнической принадлежности происходит через усвоение и принятие этнических маркеров, среди которых яркой аутентичностью обладает национальная кухня. В настоящей статье рассматриваются изменения в питании молодежи на примере студентов Югорского государственного университета, а также отличительные черты национальной кухни, позволяющие студентам данного вуза идентифицировать себя с определенным народом. Исследование базируется на материалах, полученных в результате проведения анкетирования и интервьюирования обучающихся. Анкетирование проводилось в дистанционном формате, исключающем контакт опрашиваемого и опрашивающего. Во время устного интервью студентам предлагалось ответить на определенное количество вопросов, распределенных на тематические блоки. В статье представлены результаты опросной деятельности по следующим направлениям: повседневная пища, праздничная пища, ритуальная пища и знание традиционных блюд своего народа. Полученные данные позволяют сделать выводы об особенностях и трансформациях в питании студентов, их осведомленности в национальных блюдах своего народа, а также других национальностей.

Ключевые слова: этномаркер, традиции питания, трансформация, национальная кухня, этническая идентичность, анкетирование, интервьюирование

LANGUAGE, CULTURE, FOOD: NATIONAL CUISINE AS AN ETHNO-MARKER IN YOUTH

Being able to identify oneself with the ethnic community which allows following the behavior patterns, norms, cultural traditions and values is considered to be an essential condition of ethnic identification. Ethnic self-awareness occurs through learning and accepting ethnic markers among which the national cuisine is a salient marker with vivid authenticity. The article discusses changes in the nutrition of the youth on the example of the students of Yugra State University as well as the hallmarks of national cuisine that allow students to identify themselves with the certain nation. The study is carried out on the materials of questionnaires and interviews with students. The questionnaires were conducted remotely, which excluded the contacts between respondents and interviewers. During the oral interviews students answered a certain number of questions divided into thematic clusters. The article presents the results of the interviewing activities in the following areas: everyday meal, holiday meal, ritual meal and traditional meal. The collected data point to the conclusions about features and changes in the students' nutrition, their knowledge of their national dishes and of other nations.

Keywords: ethno-marker, food traditions, transformation, national cuisine, ethnic identity, questionnaire, interviewing

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ №17-13-86004 и Правительства ХМАО-Югры № 06/17.0252 «Национальная кухня как фрагмент этнической идентичности в диалоге культур народов Югры».

Acknowledgement. The project is supported by the Russian Foundation for Basic Research Grant No.17-13-86004 and the Government of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra Grant No.06/17.0252 "National Cuisine as a Fragment of Ethnical Identity in Cultural Interaction of Yugra Peoples".

Традиционная культура этноса формируется различными культурными элементами, которые в своей совокупности придают уникальность этнокультуре. Признаки*, позволяющие* отличать одну этническую группу от других, выступая своего рода средством сохранения социальных границ между группами, называют этническими маркерами. К этномаркерам можно отнести территорию*, объединяющую этнос, его* историю*, культуру,* язык. Так, язык отражает условия существования народа и содержит имена и реалии, специфические для данного народа. Исследователи указывают на тесную связь между жизнью общества и языком, который является родным для данного этноса. Наглядно эту связь, по мнению А. Вежбицкой, можно проследить на примере традиций питания. Не случайно в каждом языке есть особые слова, относящиеся к наименованию традиционной пищи, которые могут немало рассказать об обычаях народа [1]. Американские исследователи выражают идею о том, что пища любого этноса имеет коммуникативную функцию, являя собой сообщение, несущее информацию о статусе, социальных ролях и социальных практиках, этносе, религии, идентичности и др. Для категории «свои» пища имеет символическое значение [2]. Это своего рода текст, который необходимо анализировать и интерпретировать [3, p. 7].

Национальную кухню следует отнести к этномаркированным характеристикам культуры народа, при этом необходимо заметить, что традиции питания оказывались на протяжении многих веков более устойчивыми. Согласно А.В. Павловской [4], именно они нередко позволяют проследить этническое происхождение в условиях поликультурного общества. Авторы статьи «Общие нормы и эволюция этнических маркеров» отмечают, что видимые черты (поддающиеся наблюдению), такие как диалект, стиль одежды, кухня, становятся релевантными при идентификации представителей «своей» этнической группы [5, p. 123]. Установка в отнесении блюд к категориям «свой» и «чужой» представляется важной характеристикой в условиях усиливающихся процессов миграции и ассимиляции в инокультурной среде.

Процессы глобализации влияют на культуры по-разному: с одной стороны, наблюдается диалог культур, то есть взаимодействие различных социокультурных миров, при котором происходит осознание не только своей этнической идентичности, но и переопределение содержания национальной самобытности посредством контактирования с иными этническими группами и переосмысления культурных элементов других народов; с другой стороны, нарастающее давление глобализации, интенсификация межэтнических контактов имеет своим следствием проявление тенденции нивелирования этнических элементов, появления так называемой «усредненной» интернациональной культуры.

В системе культурных маркеров определенного этноса кухня является естественным национальным феноменом, развивающимся стихийно, но в соответствии с внутренними закономерностями и представляет собой механизм формирования этнической идентичности на уровне повседневности. Процесс приготовления пищи и ее принятие представляет собой некий культурный ритуал, выполняя который человек осознает себя частью своей культуры и обособляет себя от другой, признавая тем самым свою идентичность.

Считается, что в культуре конкретного народа именно национальная кухня далека от конструирования и способна сохранять свою уникальную специфику даже на протяжении определенного периода времени [6, с. 5; 7, с. 10; 8, с. 4]. В повседневной жизни люди легко классифицируют какие-либо кулинарные техники как этнические. Однако национальная кухня может включать в себя не только кулинарные практики, которые считаются традиционным для определенного народа и которые обусловлены территориальными и экономическими особенностями региона исторического проживания группы, но и те, которые сами носители определенной культуры причисляют к таковым.

В данном исследовании представляется интересным проследить, насколько устойчивым (консервативным) выступает этномаркер, связанный с национальными традициями питания, в среде современной учащейся молодежи. Сохраняются ли традиции питания в молодежной среде и осознает ли молодежь национальную кухню как показатель национальной идентичности? Для ответа на эти вопросы проведен опрос студентов Югорского государственного университета.

Целью данной статьи являются рассмотрение трансформаций в питании студентов ЮГУ и выявление знаний традиционных блюд, отличительных черт, которые помогают им идентифицировать себя с определенным народом. Для достижения данной цели определены следующие задачи: охарактеризовать повседневный пищевой рацион студентов разных национальностей; определить степень осведомленности обучающихся о традиционной и современной праздничной-обрядовой пище; выявить продукт или блюдо, которые прочно ассоциируются с тем или иным народом, выступают его «визитной карточкой».

Проведение исследования потребовало применения типологического и классификационного методов для выделения общих и особенных элементов питания у разных народов. Эмпирическую базу статьи составили материалы, собранные в результате опросной деятельности рабочей

группы проекта, предполагающей проведение анкетирования и интервьюирования обучающихся в Югорском государственном университете в 2017 г. в Ханты-Мансийске.

Метод анкетирования предполагал использование для опроса специально разработанных анкет, которые содержали упорядоченные по тематическому принципу формулировки вопросов, допускающие близкие к тексту перефразировки применительно к каждому респонденту.

Проведение анкетирования осуществлялось в дистанционном формате, исключающем контакт опрашиваемого (респондента) и опрашивающего (анкетера). Студентам было предложено заполнить анкеты с возможностью индивидуального определения временной необходимости ответа на тематический вопрос. Респонденты также имели возможность получить инструктаж для заполнения анкеты. Из общего числа анкетируемых (193 студента), 70% - студенты русской национальности, 30% - студенты других национальностей. Анкетирование проводилось в нескольких фокусах: личный опыт приготовления национальных блюд, конкретные кулинарные техники приготовления, контекст их реализации, комментарии о застольях, празднествах, представления информантов о кулинарной культуре настоящего времени и взгляд на исторические особенности развития пищевых традиций народов, которые они представляют.

Следующим этапом опросной деятельности стало проведение устного интервью среди студентов, во время которого информантам предлагалось ответить на 13 вопросов, распределенных на четыре тематических блока:

1) повседневная пища студентов, при этом обращалось внимание на трансформацию питания в семье и вне семьи (в университете, в общежитии, на работе);

2) праздничная пища;

3) ритуальная пища (во время свадеб, похорон);

4) традиционные блюда своего народа (блюда национальной кухни).

Блок 1. Повседневная пища.

С целью выявления трансформаций, происходящих в повседневной практике приготовления и принятия пищи, проведен опрос студентов, проживающих в общежитии. Преимущественно девушки-респонденты отмечают, что их повседневная пища не отличается или незначительно отличается от домашней. Девушки предпочитают готовить сами (*так дешевле, выгоднее, вкуснее*), блюда являются идентичными с теми, которые готовят дома: различные супы (борщ, куриный с лапшой, овощной), тушеные овощи, картофель (отварной, жареный, запеченный в духовке, пюре), разнообразные каши (гречневая, рисовая, овсяная, из разных злаков), плов, пельмени (*иногда лепят сами*), макароны (*с сыром, колбасой, сосисками*). Из напитков присутствуют чай в пакетированной форме, растворимый кофе, простая вода (*у многих установлены фильтры для воды*), кисель и компоты (*из сухофруктов, ягод*), приготовленные в домашних условиях, приобретенные в магазинах соки и газированные напитки. К чаю выбирают различные сладости (печенье, шоколад), иногда сами пекут пиццу, блины, оладьи, сырники. Многие респонденты указывают на то, что предпочитают заказывать готовую еду, в основном пиццу и роллы, объясняя этот факт стремлением к экономии времени, а также нежеланием готовить. Некоторые информанты отмечают, что *дома больше разнообразия*. Работающие студенты или занятые в спортивной или общественной жизни чаще всего питаются в студенческой столовой, но *не каким-нибудь там фаст-фудом, а нормальной едой (первое, второе)*.

Юноши тоже предпочитают готовить самостоятельно (*дешевле)*, но делают это реже, чем девушки (*когда не лень, некуда идти или мало денег*), используют больше полуфабрикатов (*котлеты, наггетсы, сосиски, тушенка, пельмени*), покупают каши в пакетах для варки (*то, что можно приготовить быстро и не заморачиваться*). Респонденты отмечают, что на приготовление супа уходит много времени (*а его все-равно только на день хватает*). Некоторые упоминают, что изредка заказывают пиццу, иногда роллы, суши. Часто питаются не в общежитии: в столовой университета, в кафе, по пути часто покупают шаурму (*шаурма - самая вкусная еда*). Из напитков употребляют воду (фильтрованную), газированные напитки, редко чай (*всегда в пакетиках*), кофе, энергетические напитки Burn (*когда пар много*). И девушки, и юноши посещают кафе быстрого питания, но фаст-фуд потребляют не часто (*дорого; можно поправиться; от такой еды болит желудок*).

Студенты обычно получают от родителей помощь в виде готовых посылок из замороженных домашних котлет, голубцов, пельменей, фаршированных перцев, колбас, солений, йогуртов, картофеля, консервированных блюд и напитков и др.

Во время беседы с информантами выяснилось, что их пищевые предпочтения изменились с переходом на старшие курсы обучения, появилась большая осознанность в выборе продуктов,

тенденция к экономии денежных средств, в то время как на начальном этапе обучения часто *питались в кафе, но это выходило дорого, теперь готовим сами.*

В особую группу информантов выделяются те, у которых питание отличается от привычного «домашнего». К таким респондентам относятся представители Казахстана, Азербайджана, Узбекистана, Дагестана, коренных народов Югры - ханты и манси, то есть тех национальностей, у которых в семьях принято готовить национальные блюда. Например, студентка-ханты отмечает: «*Здесь не ем ни мясо, ни рыбу, везти далеко, неудобно, рыбу ем только, когда в гости хожу к сестре*». Респонденты-девушки, представляющие азербайджанскую и казахскую национальности, подчеркивают отличие питания в общежитии от домашнего, поскольку дома готовят в основном национальные блюда. Они указывают, что сами изредка в студенческой среде готовят национальные блюда: *друзья просили показать, что такое баурсаки, поэтому мы им приготовили*. Следует отметить, что данная категория опрашиваемых четко идентифицируют блюда, приготовленные в семейной среде, как «традиционные», считая их национальными, то есть характерными для своей этнической группы. В ответах респондентов демонстрируется прочная установка в отнесении блюд к категориям «свой» и «чужой», что представляется в данном исследовании важной характеристикой этнической идентичности представителей молодежной среды как группы, которая наиболее интенсивно вовлечена в процессы миграции и ассимиляции в инокультурной среде, и тем не менее показывает сохранность представлений о специфических этнических характеристиках.

В блоке вопросов, касающихся набора блюд, традиционно готовящихся в семье, от респондентов получены ответы, которые поясняют определенную установку блюд принадлежностью к национальности и к территории проживания, при этом не только в настоящий момент, но и в какой-то момент в прошлом. Например, семья русской студентки какое-то время проживала в Таджикистане, поэтому наряду с традиционными русскими блюдами, такими как *борщ, пельмени, квас, мясные пироги*, в семье часто готовят *манты, плов, бешбармак*, *лагман*, также в рационе питания присутствуют и местные блюда: строганина - рыбные нарезки.

Трансформации пищевой культуры присутствуют в смешанных семьях. В семьях, где родители принадлежат к разным национальностям, наблюдается взаимопроникновение пищевых традиций. Например, в семье студента, у которого мама относится к хантыйской национальности, а папа - представитель Татарстана, с одинаковой периодичностью готовят и уху по-хантыйски, и азу по-татарски, и бешбармак. Студентка, у которой мама - украинка, а папа - татарин, указывает на то, что предпочтение отдается приготовлению борща и мант. Ярким примером сосуществования национальных культурных традиций является пример семьи студентки чеченской национальности, у которой папа - чеченец, мама - русская, а живут родители в Казахстане. Мама иногда готовит блины, борщ, папа предпочитает чеченские блюда, поэтому именно они составляют основной процент повседневных и праздничных блюд (чепалгаш, чеченские галушки - жижиг-галнаш, плов), но на праздники, ритуальные трапезы обязательно готовят казахские блюда (бешбармак, баурсаки), когда *собираются соседи-казахи*.

Стремление вести здоровый образ жизни также оказывает влияние на особенности питания учащейся молодежи. Те студенты, которые занимаются спортом, готовят постные, нежирные блюда (*каши, салаты нежирные, овощи, отварная курица*), в то время как дома, по их словам, *много блюд из теста и мяса*. Студентка-манси рассказывает, что дома одним из повседневных блюд является строганина, замороженная рыба или оленина, нарезанная кусочками, которую они едят с хлебом, солью, после чего обязательно пьют горячий чай, заваренный с листьями смородины: *дома у нас всегда есть замороженная рыба, но мама ругается, что мы ее едим*, *можно заболеть описторхозом*.

Блок 2. Праздничная пища.

Праздники, как правило, предполагают приготовление более сложных, праздничных блюд, что могло бы позволить через национальный стол ближе соприкоснуться с материальной культурой народа. Однако в студенческой среде к наиболее популярным праздничным событиям относятся дни рождения. На другие праздники большая часть обучающихся, которые проживают в общежитии, отправляются в родные города и села. Студенты считают праздничной пищей разнообразные торты, салаты, приготовленные самостоятельно. Следует отметить, что особой популярностью пользуется пицца - ее любят готовить сами, а также заказывают. 50% студентов отмечают, что на праздники предпочитают заказывать готовые блюда: пиццу, роллы, суши.

Блок 3. Ритуальная пища

Необходимо указать, что основная масса студентов затрудняется ответить, какие традиционные блюда готовят на свадьбу. Большая часть респондентов отмечают, что свадьбы проводятся *универсально, как у всех, как у русских*. Все информанты признают, что обязательным элементом

свадебного стола являются свадебный торт, салаты, горячие блюда. На похоронах, поминках неизменными блюдами считаются блины, выпечка, кутья, горячие мясные блюда с гарниром, *салатов, как правило, нет*.

Блок 4. Традиционные блюда

Вопросы данного блока направлены на выяснение степени осведомленности обучающихся о названиях и технике приготовления блюд и напитков, считающихся традиционными для своей национальности. Вопрос объяснения причин подобного отнесения представляется важным с исследовательской точки зрения. Необходимо указать, что список блюд, причисляемых студентами к традиционным блюдам своей национальности, разнообразен и широк, а комментарии, касающиеся выяснения причин отнесения того или иного блюда к традиционной кухне определенного народа, ограничиваются ответами: *так принято*, *так готовила бабушка, у нас всегда это стоит на столе.*

Самое популярное русское традиционное блюдо, названное информантами, - ***суп*** (*традиционный для русской национальности; готовили наши предки-славяне; это традиционное блюдо русской кухни; распространенное в России блюдо*). Говоря о супах, студенты перечисляют разнообразные виды супов: куриный с лапшой, суп из круп, грибной, солянка, рассольник, гороховый, со щавелем, морковный, на кефире; отдельно выделяют борщ, щи, уху, окрошку. 52% респондентов относят борщ к традиционным русским блюдам (*потому что это русское блюдо; так сложилось испокон веков; русские любят; готовят борщ именно на Руси; вкусный; является визитной карточкой России; готовили с самых древних времен*); 20% опрошенных считают традиционным первым блюдом щи (*просто по-русски; щи да каша - пища наша; готовили с самых древних времен*), 17% - окрошку, 6% - уху (*часто употребляем*).

Далее, по степени популярности следуют ***салаты*** «Оливье» (*его готовят все; в России очень любят этот салат*) и «сельдь под шубой» (*готовят во время праздников в России*).

Традиционно русским блюдом 29% опрошенных называют ***блины*** (*мы славяне, и это наше блюдо; еще древние славяне начали их печь на камнях; готовили наши бабушки; ели наши предки; готовили наши предки-славяне; испокон веков; их едят на масленицу; готовили с самых древних времен; часто употребляем; так зародилось в стародавние времена*; *наши бабушки и мамы часто баловали нас вкусными блинами и оладушками с вареньем домашним*); блины с икрой отмечаются информантами как особо вкусное блюдо.

Несколько уступают по частотности упоминания блинам ***пельмени*** (27%), респонденты также причисляют их к традиционным блюдам русской кухни и указывают на особую значимость в семейных традициях ритуала «лепки» пельменей к определенным праздникам (*Новый год, день рождения*), когда за одним столом собирается вся семья и каждый член семьи включается в процесс приготовления этого блюда.

Картофель в различных видах (*вареный, жареный, запеченный, картофель с грибами, картофель с мясом, отварной в мундире с селедкой, картофельное пюре*) также причисляется к традиционным блюдам русской кухни, так как *готовить просто и очень вкусно*.

Каша **(***каша на молоке, каша на воде, каша с тыквой, гречневая, манная*) считается необходимым составляющим традиционного русского стола. Так, В.В. Похлебкин относит кашу к числу самых распространенных русских национальных блюд, которое уступает по своему значению на русском столе лишь щам [9]. Ответы 16% респондентов подтверждают этот факт: *русские издавна ели кашу; щи да каша - пища наша; это традиционное блюдо русской кухни; готовили с самых древних времен*.

Все опрашиваемые традиционно русским блюдом считают ***пироги,*** которые с древнейших времен существуют в русской кухне, украшая стол в будни и праздники, и которые, как полагают респонденты, в наименьшей степени ощутили иностранное влияние (*в России очень любят пироги; ели наши предки; клишированный образ*), а также ***пирожки*** (*российские пирожки считаются лучшими; готовили еще наши бабушки*).

В списке популярных традиционных русских блюд оказался также ***холодец*** (*потому что много лет его подают к праздничному столу; готовят во время праздников в России*).

Традиционные блюда других национальностей:

азербайджанцы: плов, голубцы, долма, чай, лаваш, гранатовый сок, вино;

башкиры: бешбармак, манты, чак-чак, бэлиш, кумыс, чай;

казахи: бешбармак, кумыс, баурсаки;

манси: уха, строганина (рыба, оленина), сосьвинская селедка;

татары: чак-чак, перемяч, эчпочмак, чай;

ханты: уха, строганина (рыба), мясо (оленина). Следует отметить, что студенты-ханты из ЯНАО указывают, что строганина - это только замороженная рыба, *замороженную оленину строганиной не называют*;

украинцы: борщ, холодец, сало, вареники, голубцы;

чеченцы: чеченские галушки (жижиг-галнаш), чепалгаш, чай.

Итак, питание большинства студентов в общежитии все же несколько отличается от традиционного домашнего, несмотря на то, что многие предпочитают готовить сами. Более 60% студентов не употребляют фаст-фуд, напротив, следует отметить тенденцию здорового питания среди молодежи благодаря увлечению каким-либо видом спорта. Привычки питания изменяются в большей степени у тех студентов, в чьих семьях преимущественно готовят национальные блюда. Трансформации присутствуют в пищевых предпочтениях: в студенческой среде наблюдается тенденция к универсализации пищи и пищевых привычек, в частности к пищевым привычкам русских; в семейной среде необходимо отметить приверженность к национальным привычкам питания.

Практически все студенты идентифицируют блюда со своей национальной кухней и отмечают их этническую маркированность, например: *у русских - борщ, у татар - чак-чак, у башкир и казахов - бешбармак, у ханты и манси - уха*. Многие знают наименования традиционных блюд и технологии их приготовления, но относительно небольшое количество респондентов могут рассказать об особенностях свадебного, поминального стола.

При описании блюд, традиционных для свадебного стола, отмечается их универсальность, то есть отсутствие каких-либо отличительных черт, нередко стол накрывается в соответствии с предпочтениями меню ресторана / кафе, в котором организуется празднование события. Единственный элемент, объединяющий все традиционные свадебные столы у различных национальностей, - каравай или свадебный торт. Для похорон, поминок обязательным блюдом называют кутью.

Отдельные респонденты отмечают, что их традиционный праздничный стол практически не отличается от свадебного или поминального стола. Подчеркивается также, что праздничной едой считаются и блюда, приобретенные в ресторанах, кафе (пицца, роллы, суши). Популярность такого способа оформления праздничного стола отмечается всеми информантами. По этому поводу Н.С. Марушкина считает, что «рост увлечения суши, роллами и пиццей является скорее данью моде, а не приобщением себя к чужой культуре» [10, с. 34].

Безусловно, семья играет большую роль в сохранении традиций питания. С изменением условий проживания, необходимостью обучения вне родной страны, родного города, в условиях активизации межэтнических контактов происходят трансформации в культуре питания и переопределение пищевых предпочтений с тенденцией к унифицированию. Празднично-ритуальные элементы национальной кухни среди молодежи выделяются с трудом, легко забываются вне родной среды при отсутствии контактов с членами семей.

В то же время следует констатировать наличие интереса учащейся молодежи к блюдам разных национальностей, что выражается в положительных вербальных реакциях на перечисление блюд различных народов, способности их называть, а также причислять к определенной этнической группе.

Полученные данные свидетельствует о необходимости сохранения элементов своей национальной кухни, изучения ее особенностей и неповторимости для того, чтобы не терять внутренней связи со своим этносом в условиях не столько поликультурного общества, сколько уникультурного молодежного сообщества, продолжать осознавать себя частью истории и культуры своего народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. A Wierzbicka. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German and Japanese. Oxford University Press, 1997.
2. Ternikar Farha. Ethnicity, Ethnic Identity, and Food // Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics, 2014.
3. Anderson E.N. Everyone Eats: Understanding Food and Culture. - New York: New York University Press, 2005.
4. Павловская А.В. Нужна ли нам наука о еде // Еда и культура: Сб. ст. - М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. - 362 с.
5. 5. Richard McElreath, Robert Boyd and Peter J. Richerson Shared Norms and the Evolution of Ethnic Markers // Current Anthropology. - Vol. 44. - No. 1 (February 2003). - Pp. 122-130.
6. Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии / Отв. ред. С.А. Арутюнов. - М.: Наука, 1981. - 256 с.

7. Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные варианты у народов России / С.А. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. - М.: Наука, 2001. - С. 10-17.
8. Чудова Т.И. Кухня коми (зырян): Этнографический словарь / Т.И. Чудова. - Сыктывкар: Изд-во СыкГУ, 2008. - 156 с.
9. Похлебкин В.В. Национальные кухни наших народов. - URL: http://supercook.ru/pohlebkin-nknn/pohlebkin-nknn-11.html (дата обращения: 05.09.2017).
10. Марушкина Н.С. Концепт «Еда» в контексте диалога культур: дис. … канд. культурологии / Н.С. Марушкина. - Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. - 166 с.

REFERENCES

1. A Wierzbicka. Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. Oxford University Press, 1997.
2. Ternikar Farha. Ethnicity, Ethnic Identity, and Food. Encyclopedia of Food and Agricultural Ethics. 2014.
3. Anderson E.N. Everyone Eats: Understanding Food and Culture. New York: New York University Press, 2005.
4. Pavlovskaja A.V. Nuzhna li nam nauka o ede ?[Do we need science about food?] Eda i kul'tura [sbornik statej. M.: Centr po izucheniju vzaimodejstvija kul'tur, 2015. 362p. (In Russ).
5. Richard McElreath, Robert Boyd, and Peter J. Richerson Shared Norms and the Evolution of Ethnic Markers. Current Anthropology, Vol. 44, No. 1 (February 2003). Pp. 122-130
6. Jetnografija pitanija narodov stran zarubezhnoj Azii: opyt sravnitel'noj tipologii. [Ethnography of food of the peoples living in the countries of Foreign Asia: Experience of comparative typology]. Otv. red. S.A. Arutjunov. M.: Nauka, 1981. 256 p. (In Russ).
7. Arutjunov, S. A. Osnovnye pishhevye modeli i ih lokal'nye varianty u narodov Rossii. [Basic food models and their local versions of the peoples of Russia]. S.A. Arutjunov. Tradicionnaja pishha kak vyrazhenie jetnicheskogo samosoznanija. M.: Nauka, 2001. pp. 10 - 17. (In Russ).
8. Chudova, T.I. Kuhnja komi (zyrjan): Jetnograficheskij slovar' [Cuisine of the Komi people (Zyrian): Ethnographic dictionary]. T.I. Chudova. - Syktyvkar: Izd-vo SykGU, 2008. - 156 p. (In Russ).
9. Pohlebkin V.V. Nacional'nye kuhni nashih narodov [National cuisines of our peoples]. Available at: http://supercook.ru/pohlebkin-nknn/pohlebkin-nknn-11.html (accessed: 5.09.2017). (In Russ).
10. Marushkina, N.S. Koncept «Eda» v kontekste dialoga kul'tur: dis. … k. kul't. nauk [A concept "food" in the context of dialogue of cultures]. N.S. Marushkina. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t, 2014. 166 p. (In Russ).

Информация об авторах:

Андреева Людмила Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия

Хопияйнен Ольга Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия

Филимонова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия
nota1606@mail.ru

Якимчук Александра Валентиновна, магистрант, кафедра русского языка и литературы, Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Россия

Получена: 11.12.2017

Для цитирования: Андреева Л. А., Хопияйнен О.А., Филимонова Н. В., Якимчук А.В. Язык, культура, питание: национальная кухня как этномаркер в молодежной среде. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.147-153.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-147-153.

Information about the authors:

Ludmila A. Andreeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Modern Languages Department, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia

Olga A. Hopiaynen, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Modern Languages Department, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia

Natalia V. Filimonova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Modern Languages Department, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia
nota1606@mail.ru

Alexandra V. Yakimchuk, Master's Degree Student, Department of Russian Language and Literature, Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russia

Received: 11.12.2017

For citation: Andreeva L.A., Hopiaynen O.A., Filimonova N.V., Yakimchuk A.V. Language, culture, food: national cuisine as an ethno-marker in youth. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 147-153.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-147-153. (in Russian)

УДК 159.9

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-154-160

БЕЛАН Елена Альбертовна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
propedevtika00@yandex.ru

ГУТНИК Елизавета Павловна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

ШИБИТОВА Алена Александровна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

Elena A. BELAN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
propedevtika00@yandex.ru

Elizaveta P. GUTNIK
Kuban State University
Krasnodar, Russia

Alena A. SHIBITOVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ МОДЕЛИ СИТУАЦИИ НА ПЕРЕЖИВАНИЕ ОДИНОЧЕСТВА ВЗРОСЛОЙ ЛИЧНОСТЬЮ

Ситуационный подход к анализу активности личности в жизнедеятельности раскрывает новые возможности для анализа индивидуального жизненного опыта личности. В настоящей статье предложен метод диагностики и анализа одиночества как жизненной ситуации. Методика «Оценка ситуационной активности взрослой личности (ОСА)» позволяет диагностировать 4 компонента ситуационной активности личности: физиологический, ментальный, поведенческий и рефлексивный. В совокупности они составляют индивидуально-оценочную модель ситуации. Сам по себе факт переживания одиночества как жизненной ситуации оказывается малоинформативным для понимания индивидуально особенных процессов жизнедеятельности личности, тем более что для наблюдателя они скрыты в индивидуальном сознании и не всегда отчетливо осознаются самой личностью. Между тем, первичная категоризация ситуации одиночества, а именно, восприятие ее личностью как повседневной, значимой или трудной, оказывает влияние на субъективные характеристики переживания одиночества. Однако непосредственная поведенческая стратегия личности в ситуации одиночества не взаимосвязана с субъективными характеристиками переживания одиночества, что противоречит логике ситуационной активности личности. Данной противоречие обусловливает необходимость учета индивидуально-оценочной модели ситуации в анализе генезиса ситуационной активности личности в ситуации одиночества. Показано, что характеристики индивидуально-оценочной модели ситуации влияют на переживания и психологические состояния личности, находящейся в данной ситуации, неоднозначно. Представлены практико-ориентированные выводы, которые могут задавать направление психологического сопровождения личности в ситуациях переживания одиночества.

Ключевые слова: личность, ситуация, генезис ситуационной активности, компоненты ситуационной активности личности, субъективное переживание одиночества, ситуация одиночества, трудная жизненная ситуация, индивидуально-оценочная модель ситуации, поведенческие стратегии, гиперсовладание

INFLUENCE OF INDIVIDUAL AND ESTIMATED MODEL OF THE SITUATION ON EXPERIENCE OF LONELINESS BY THE ADULT PERSONALITY

Situational approach to the analysis of activity of the personality in activity opens new opportunities for the analysis of individual life experience of the personality. In the present article the method of diagnostics and the analysis of loneliness as life situation is offered. The inventory "Assessment of situational activity of the adult personality (ASA)" allows to correlate primary categorization of a life situation – her assessment as daily, significant or difficult and type of behavioral strategy – adaptive, active and adaptive, coping-activity and hipercoping-activity (the allocated E.A. Belan special type of activity, an extreme form of mastering the expressed imbalance of personal and situational determination of activity); and also to diagnose 4 components of situational activity of the personality: physiological, mental, behavioral and reflexive. In total they make individual and estimated model of a situation. The fact of experience in itself of loneliness as life situation is less informative for understanding of individually special processes of activity of the personality especially as for the observer they are hidden in individual consciousness and aren't always distinctly realized by the personality. Meanwhile, primary categorization of a situation of loneliness, namely, perception by her personality as daily, significant or difficult, exerts impact on subjective characteristics of experience of loneliness. However the direct behavioral strategy of the personality in a situation of loneliness isn't interconnected with subjective characteristics of experience of loneliness that contradicts logic of situational activity of the personality. Given a contradiction causes need of accounting of individual and estimated model of a situation for the analysis of genesis of situational activity of the personality for a loneliness situation. It is shown that characteristics of individual and estimated model of a situation influence experiences and psychological states of the personality who is in this situation, ambiguously. The practice focused conclusions which can set the direction of psychological escort of the personality in situations of experience of loneliness are presented.

Keywords: personality, situation, situational genesis of activity, components of situational activity of individual, subjective experience of loneliness, situation of loneliness, difficult life situation, individual assessment situation model, behavioral strategies, hypercoping

Одиночество как психологическая проблема сохраняет актуальность в современном социальном обществе. В научной психологии одиночество традиционно рассматривается преимущественно в личностной перспективе - как состояние, процесс, переживание, личностная позиция, феномен межличностного взаимодействия (например, К.А. Абульханова-Славская [1], А.У. Хараш

[2], С.Л. Вербицкая [3], Г.М. Тихонов [4], С.В. Духновский [5], Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев [6] и др. [7]). Между тем одиночество может быть рассмотрено как определенная жизненная ситуация, и тогда ситуационный аспект обозначенной проблематики требует особого отдельного анализа.

Еще один важный вопрос для психологического анализа заключается в объяснении и прогнозировании индивидуальных переживаний и состояний личности, и впоследствии - минимизации негативных дискомфортных состояний и получении позитивного жизненного опыта.

Ранее мы отмечали, что в жизненных ситуациях активность личности, реализованная в форме конкретного поведения - поведенческих стратегиях и в форме внутренней сти - психологических состояниях, является следствием индивидуально-специфического восприятия сложившейся жизненной ситуации, отраженной в индивидуальном сознании в форме индивидуально-оценочной модели [8-9].

Технология актуализации интегративно-аналитических процессов генезиса ситуационной активности взрослой личности опирается на систему индивидуально-специфических характеристик этого процесса и, прежде всего, на блок индивидуально-оценочных характеристик, в совокупности составляющих индивидуально-оценочную модель наличной ситуации. Не имея детального представления о нюансах индивидуально-специфического восприятия взрослой личностью жизненной ситуации, психолог-практик лишен достаточной информации для эффективного психологического сопровождения личности в жизнедеятельности.

На основании анализа более 4000 жизненных ситуаций были определены типовые характеристики повседневных, значимых и трудных жизненных ситуаций (подробнее см.: [8-9]). Индивидуально-оценочные модели включают 17 измеренных характеристик индивидуально-специфического уровня генезиса ситуационной активности взрослой личности:

1) физиологический компонент:

- сила активации субъекта;
- модальность эмоциональных состояний субъекта;
- степень интенсивности эмоционального переживания;

2) ментальный компонент:

- общий уровень значимости ситуации;
- степень желательности ситуации;
- частота повторяемости ситуации;
- давление (сила воздействия) ситуации;
- остаточное давление ситуации;
- область воздействия ситуации;
- плотность ситуации;
- качество целостного образа ситуации;

3) рефлексивный компонент:

- степень привыкания субъекта к ситуации;
- эффективность противодействия субъекта ситуации;
- уровень подконтрольности ситуации субъекту;
- пространственное соотнесение субъекта и ситуации;
- результативность применяемой поведенческой стратегии;
- эффективность применяемой поведенческой стратегии.

Различие в индивидуально-оценочных моделях повседневных, значимых и трудных жизненных ситуаций заключается в разной степени выраженности каждой характеристики и специфики их сочетаний (подробнее см.: [9]).

Поведенческий компонент фиксируется в виде предпочитаемой стратегии поведения (1 из 16). Данный список был составлен Е.А. Белан на основе стандартизированных методик подобной направленности [10-11], унифицирован, приведен в соответствие с типами ситуационной активности и прошел экспертную оценку:

1) стратегии адаптивной активности:

- делаю все, как обычно, выполняю привычные действия;

— сосредоточиваюсь на своем внутреннем состоянии, даже если не переживаю ярких эмоций;

— мысленно проигрываю ситуацию, думаю об обычных действиях и их вариантах;

— не обращаю внимания на ситуацию, не замечаю ее и не придаю ей никакого значения;

2) стратегии активной адаптации:

— предпринимаю различные действия, стараюсь активно приспособиться к ситуации;

— эмоционально реагирую на происходящее и пытаюсь уравновесить свои эмоции;

— сосредоточенно думаю о ситуации, перебираю различные варианты и пытаюсь найти особенные способы поведения;

— старательно отвлекаюсь от ситуации и усилием воли переключаюсь на другие жизненные события;

3) стратегии совладания:

— предпринимаю различные действия, различные варианты поведения до тех пор, пока не разрешу ситуацию;

— переживаю сильные эмоции, беспокоюсь и нервничаю, мне очень трудно справиться со своими эмоциями;

— мысленно анализирую проблему, тщательно обдумываю варианты поведения и их последствия, несколько раз «прокручиваю» одно и то же;

— стараюсь выдернуть себя из ситуации, отвлечься и забыть о ней;

4) стратегии гиперсовладания:

— готов на любые действия, пойду на любой риск, даже себе во вред, чтобы одолеть эту ситуацию;

— испытываю эмоциональный шок, полностью погружаюсь в свои эмоции, не могу справиться с эмоциональным напряжением своими силами;

— постоянно думаю о ситуации, не могу отвлечься, все время мысленно возвращаюсь к происходящему в ущерб своей повседневной жизни, «зацикливаюсь» на случившемся, не могу заснуть, размышляя о том, как выйти победителем из этой ситуации;

— прилагаю все усилия, чтобы игнорировать ситуацию, категорически избегаю любых напоминаний о ситуации, не допускаю даже мыслей о ней, прибегаю к лекарствам и разным «допингам», только чтобы отдалиться от ситуации [9].

В настоящем исследовании одиночество рассматривалось с позиции жизненной ситуации, фиксировались компоненты индивидуально-оценочной модели ситуации одиночества и изучались закономерности влияния компонентов индивидуально-оценочной модели ситуации на характеристики переживания одиночества взрослой личностью.

В исследовании приняли участие 59 женщин и 38 мужчин в возрасте 20-60 лет, имеющих образование не ниже неоконченного высшего.

Для измерения характеристик переживания одиночества использовались методики «Субъективное переживание одиночества» С.В. Духновского [5] и «Дифференциальный опросник переживания одиночества» Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева [6]. Испытуемым предлагалось пройти обследование в соответствии с инструкциями.

Для измерения показателей индивидуально-оценочной модели ситуации одиночества использовалась методика «Оценка ситуационной активности взрослой личности (ОСА)» Е.А. Белан [9]. Испытуемым предлагалось обозначить любую жизненную ситуацию, в которой они ощущали одиночество. После этого они оценивали обозначенную ситуацию по предложенному алгоритму [9].

В подвыборке женщин 23 испытуемых обозначили ситуацию одиночества как повседневную (что составляет 39% от числа подвыборки), 27 (46%) испытуемых - как значимую и 9 (15%) испытуемых - как жизненную трудность. В подвыборке мужчин 15 испытуемых обозначили ситуацию одиночества как повседневную (что составляет 39,5% от числа подвыборки), 15 (39,5%) испытуемых - как значимую и 8 (21%) испытуемых - как жизненную трудность. Таким образом, все виды первичной категоризации ситуаций встречаются в подвыборке.

В повседневных ситуациях в подвыборке женщин адаптивные стратегии встречаются 10 раз, активно-адаптивные - 7, совладающие - 4, гиперсовладающие - 2. В значимых ситуациях адаптивные стратегии встречаются 2 раза, активно-адаптивные - 11, совладающие - 10, гиперсовладающие - 4. В трудных ситуациях адаптивные стратегии встречаются 1 раз, активно-адаптивные не встречаются, совладающие - 6, гиперсовладающие - 2. В повседневных ситуациях в подвыборке

мужчин адаптивные стратегии встречаются 7 раз, активно-адаптивные - 5, совладающие - 2, гиперсовладающие - 1. В значимых ситуациях адаптивные стратегии встречаются 5 раз, активно-адаптивные - 5, совладающие - 2, гиперсовладающие - 3. В трудных ситуациях адаптивные стратегии не встречаются, активно-адаптивные встречаются 2 раза, совладающие - 5, гиперсовладающие - 1. При наличии общей тенденции к одновременному уменьшению количества адаптивных и увеличению количества совладающих и гиперсовладающих стратегий от повседневных к трудным ситуациям отмечается наличие гиперсовладающих стратегий во всех категориях ситуаций, что показывает высокую степень дисбаланса генезиса ситуационной активности личности в ситуациях одиночества.

С целью изучения влияния компонентов индивидуально-оценочной модели ситуации на характеристики переживания личностью одиночества был проведен статистический анализ с применением непараметрического аналога однофакторного дисперсионного анализа - *H*-критерия Краскалла - Уоллиса [12].

Анализ проводился отдельно по подвыборкам мужчин и женщин.

В подвыборке мужчин фактор первичной категоризации ситуаций достоверно влияет на выраженность характеристики «Зависимость от общения» (p = 0,03). При этом испытуемые, отрицающие трудность ситуации одиночества и оценивающие ее как повседневную ситуацию, более склонны к болезненным переживаниям в уединении, в отличие от испытуемых, признающих трудность ситуации одиночества.

Индивидуально-оценочный показатель «Сила активации субъекта» влияет на выраженность характеристики «Позитивное одиночество» (p = 0,07) на уровне статистической тенденции. При этом испытуемые с высоким уровнем активации чаще воспринимают ситуации одиночества как позитивные, находя в них ресурс саморазвития. Испытуемые с умеренным уровнем активации сложнее переживают одиночество, их эмоциональный фон отклоняется в сторону дискомфортных состояний.

Индивидуально-оценочный показатель «Общий уровень значимости ситуации» достоверно влияет на выраженность характеристики «Позитивное одиночество» (p = 0,01). При этом испытуемые, оценивающие одиночество как личностно высокозначимую ситуацию, имеют более высокие показатели по позитивному одиночеству. Испытуемые, признающие умеренную значимость одиночества, не видят ресурса в уединении - их показатели по позитивному одиночеству ниже в сравнении с другими подгруппами испытуемых.

Индивидуально-оценочный показатель «Степень желательности ситуации» достоверно влияет на выраженность характеристики «Зависимость от общения» (p = 0,01). При этом испытуемые, оценивающие одиночество как нейтральную для себя ситуацию, имеют максимально негативное представление об одиночестве и склонны искать общения, чтобы избежать негативных переживаний. В то же время как повышение, так и понижение желательности одиночества способствует развитию толерантного отношения к подобным ситуациям.

Индивидуально-оценочный показатель «Область воздействия ситуации» достоверно влияет на выраженность характеристики «Зависимость от общения» (p = 0,03). При этом максимально негативное представление об одиночестве диагностируется у испытуемых, чья самооценка страдает в таких ситуациях. Те испытуемые, у которых ситуация одиночества влияет на привычки и предпочтения, вполне спокойно переживают одиночество.

Индивидуально-оценочный показатель «Степень привыкания субъекта к ситуации» влияет на выраженность характеристики «Позитивное одиночество» (p = 0,07) на уровне статистической тенденции. При этом наиболее позитивно относятся к одиночеству испытуемые, для которых данная ситуация знакома, но недостаточно привычна. Испытуемые, которые привыкли к одиночеству, и испытуемые, которые воспринимают данную ситуацию всякий раз как новую и непривычную, не видят в одиночестве ресурсных моментов.

Индивидуально-оценочный показатель «Эффективность противодействия субъекта ситуации» достоверно влияет на выраженность характеристики «Позитивное одиночество» (p = 0,03). При этом наиболее негативно относятся к одиночеству испытуемые, прилагающие умеренные усилия сопротивления одиночеству. Те испытуемые, кто способен эффективно противодействовать ситуации, умеют ценить уединение.

Индивидуально-оценочный показатель «Уровень подконтрольности ситуации субъекту» достоверно влияет на выраженность характеристики «Зависимость от общения» (p = 0,00) и на выраженность характеристики «Позитивное одиночество» (p = 0,07) на уровне статистической тенденции. При этом испытуемые, не умеющие контролировать ситуации одиночества, склонны искать общения, избегая уединения и связанных с ним неприятных эмоций. Испытуемые, пытающиеся контролировать одиночество, спокойно переживают и ценят время уединения.

Индивидуально-оценочный показатель «Пространственное соотнесение субъекта и ситуации» влияет на выраженность характеристик «Общее переживание одиночества» (p = 0,07) и «Позитивное одиночество» (p = 0,07) на уровне статистической тенденции. При этом испытуемые, чувствующие себя за пределами ситуации, не переживают негативных эмоций и не считают себя одинокими людьми. В то же время испытуемые, ощущающие себя в центре происходящего, склонны к негативным переживаниям.

В подвыборке женщин фактор первичной категоризации ситуаций влияет на выраженность характеристики «Зависимость от общения» (p = 0,03) на уровне статистической тенденции. При этом испытуемые, отрицающие трудность ситуации одиночества и оценивающие ее как повседневную ситуацию, стараются избегать уединения и связанных с ним отрицательных эмоций, в отличие от испытуемых, признающих трудность ситуации одиночества.

Индивидуально-оценочный показатель «Частота повторяемости ситуации» достоверно влияет на выраженность характеристики «Зависимость от общения» (p = 0,03). При этом испытуемые, которые оценивают одиночество как часто повторяющуюся ситуацию, склонны воспринимать одиночество негативно.

Индивидуально-оценочный показатель «Область воздействия ситуации» достоверно влияет на выраженность субъективного переживания одиночества (p = 0,02). При этом у испытуемых, у которых одиночество задевает их самооценку, более выражен эмоциональный дискомфорт и беспокойство по поводу различных препятствий в жизнедеятельности.

Индивидуально-оценочный показатель «Эффективность противодействия субъекта ситуации» достоверно влияет на выраженность субъективного переживания одиночества (p = 0,03). При этом испытуемые, прилагающие некоторые усилия, сопротивляясь одиночеству, более склонны, по сравнению с другими группами испытуемых, к негативным переживаниям и нуждаются в доверии и помощи других людей. Испытуемые, эффективно противодействующие одиночеству, более уверены в себе, активны, открыты в общении и не боятся одиночества.

Индивидуально-оценочный показатель «Уровень подконтрольности ситуации субъекту» влияет на выраженность характеристики «Общее переживание одиночества» (p = 0,06) на уровне статистической тенденции. При этом с повышением уровня подконтрольности ситуации одиночества снижается болезненность переживания одиночества и повышается эмоциональная близость во взаимодействии с другими людьми.

Индивидуально-оценочный показатель «Пространственное соотнесение субъекта и ситуации» достоверно влияет на выраженность характеристик «Общее переживание одиночества» (p = 0,03). При этом тяжелее всех переживают одиночество испытуемые, чувствующие себя на периферии ситуации, в то время как испытуемые, чувствующие себя за пределами ситуации, не чувствуют себя одинокими.

Индивидуально-оценочный показатель «Результативность применяемой поведенческой стратегии» достоверно влияет на выраженность характеристик «Общее переживание одиночества» (p = 0,01). При этом с повышением результативности поведенческих стратегий снижаются негативные последствия переживания одиночества и увеличивается количество социальных взаимодействий.

Индивидуально-оценочный показатель «Эффективность применяемой поведенческой стратегии» влияет на выраженность характеристик «Общее переживание одиночества» (p = 0,07) на уровне статистической тенденции. При этом с повышением эффективности поведенческих стратегий снижаются негативные последствия переживания одиночества и увеличивается количество социальных взаимодействий.

Отметим, что большинство выявленных закономерностей имеет нелинейный характер, что определяет сложность прогнозирования состояний личности в ситуациях одиночества.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие *теоретические выводы:*

1. Испытуемые, которые осознают и не отрицают трудность ситуации одиночества, имеют меньше негативных эмоциональных последствий.
2. В обеих подвыборках первичная категоризация ситуации одиночества оказывает влияние на субъективные характеристики переживания одиночества. У женщин задействованы ментальный и рефлексивный компоненты ситуационной активности, в подвыборке мужчин - физиологический, ментальный и рефлексивный компоненты. Поведенческий компонент (конкретный тип поведенческой стратегии) не оказывает влияния на субъективные характеристики переживания одиночества в обеих подвыборках.
3. Рефлексивный компонент индивидуально-оценочной модели ситуации одиночества чаще остальных компонентов оказывает влияние на субъективные характеристики переживания одиночества. Поэтому оптимизация рефлексии личностью своего восприятия ситуационных па-

раметров позволит эффективно снизить негативные последствия субъективного переживания ситуаций одиночества.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие *психопрактические выводы:*

1. Ситуация должна быть для личности «знакомой» (понятной, обдуманной, критически осознанной), но не ежедневно (слишком часто) повторяющейся. Следует учиться максимально контролировать и управлять ситуацией, поскольку именно эта личностная позиция обеспечивает минимизацию негативных последствий переживания одиночества
2. Одиночество не должно задевать самооценку личности. Лучше всего, если личность будет субъективно ощущать себя за пределами сложившейся ситуации, научится «подниматься» над ситуацией (отстраняться от ситуации).
3. Нежелательно культивировать нейтральное отношение к ситуации одиночества ввиду развития дискомфортных эмоциональных состояний. Следует ориентироваться на факт, что даже отрицательное отношение к одиночеству как к нежелательной жизненной ситуации более предпочтительно для личности, поскольку снижает негативный эмоциональный фон.
4. Не следует фиксироваться на поведенческих стратегиях без учета изменяющихся особенностей ситуации. Обучение результативным и эффективным поведенческим стратегиям способствует снижению травмирующих последствий переживания одиночества.
5. Личность должна прилагать достаточные усилия для совладания с одиночеством или (что, на первый взгляд, парадоксально) не прилагать никаких усилий. Крайне нежелательно пытаться противодействовать ситуации одиночества неэффективно, прилагать недостаточные усилия, поскольку это будет способствовать усугублению негативных последствий болезненных переживаний.
6. Личности следует занимать активную позицию в совладании с одиночеством, поскольку такая позиция обеспечивает возможность извлечения позитивного опыта из переживания подобных ситуаций.

Таким образом, ситуационный аспект в психологическом анализе одиночества раскрывает новые возможности как для психологической теории, так и для психологической практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. Москва, 1991.
2. Хараш А.У. Психология одиночества. Педология – новый век. 2000. № 4.
3. Вербицкая С.Л. Социально-психологические факторы переживания одиночества. Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2002.
4. Тихонов Г.М. Феномен одиночества: теоретические и эмпирические аспекты. Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Нижний Новгород, 2006.
5. Духновский С.В. Диагностика межличностных отношений. Психологический практикум. СПб., 2009.
6. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства. Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1.
7. Лабиринты одиночества. Москва, 1989.
8. Белан Е.А. Субъективный образ ситуации как фактор дифференциации поведенческих стратегий личности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. № 4.
9. Белан Е.А., Худик В.А. Психологические особенности оценивания жизненных ситуаций взрослыми: монография. СПб., 2015.
10. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб., 2009.
11. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома, 2007.
12. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб., 2007.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni [Strategy of life]. Moskva, 1991. (In Russ.).
2. Kharash A.U. Psikhologiya odinochestva [Loneliness psychology]. Pedologiya – novyy vek [Pedology – a new century]. 2000. № 4. (In Russ.).

3. Verbitskaya S.L. Sotsial'no-psikhologicheskie faktory perezhivaniya odinochestva [Social and psychological factors of experience of loneliness]. Dis. ... kand. psychol. nauk. St. Petersburg, 2002. (In Russ.).
4. Tikhonov G.M. Fenomen odinochestva: teoreticheskie i empiricheskie aspekty [Loneliness phenomenon: theoretical and empirical aspects]. Avtoref. dis. ... d-ra filosof. nauk. Nizhniy Novgorod, 2006. (In Russ.).
5. Dukhnovskiy S.V. Diagnostika mezhlichnostnykh otnosheniy. Psikhologicheskiy praktikum [Diagnostics of the interpersonal relations. Psychological practical work]. St. Petersburg, 2009. (In Russ.).
6. Osin E.N., Leont'ev D.A. Differentsial'nyy oprosnik perezhivaniya odinochestva: struktura i svoystva [Differential questionnaire of experience of loneliness: structure and properties]. Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2013. T. 10. № 1. (In Russ.).
7. Labirinty odinochestva. [Loneliness labyrinths]. Moskva, 1989. (In Russ.).
8. Belan E.A. Sub"ektivnyy obraz situatsii kak faktor differentsiatsii povedencheskikh strategiy lichnosti [Subjective image of a situation as factor of differentiation of behavioural strategy of the personality]. Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya [Bulletin of the Baltic federal university of I. Kant. Series: Philology, pedagogics, psychology]. 2011. № 4. (In Russ.).
9. Belan E.A., Khudik V.A. Psikhologicheskie osobennosti otsenivaniya zhiznennykh situatsiy vzroslymi: monografiya [Psychological features of estimation of life situations by adults: monograph]. St. Petersburg, 2015. (In Russ.).
10. Vodop'yanova N.E. Psikhodiagnostika stressa [Stress psychodiagnostics]. St. Petersburg, 2009. (In Russ.).
11. Kryukova T.L. Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping-shkaly [Methods of studying of sovladayushchy behavior: three coping-scales]. Kostroma, 2007. (In Russ.).
12. Nasledov A.D. Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh [Mathematical methods of a psychological research. Analysis and interpretation of data]. St. Petersburg, 2007. (In Russ.).

Информация об авторах:

Белан Елена Альбертовна, кандидат психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
propedevtika00@yandex.ru

Гутник Елизавета Павловна, старший преподаватель, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Шибитова Алена Александровна, магистрант, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Получена: 03.12.2017

Для цитирования: Белан Е.А., Гутник Е.П., Шибитова А.А., Влияние индивидуально-оценочной модели ситуации на переживание одиночества взрослой личностью. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.154-160.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-154-160.

Information about the authors:

Elena A. Belan, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
propedevtika00@yandex.ru

Elizaveta P. Gutnik, Senior Lecturer, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia

Alena A. Shibitova, Master Student, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia

Received: 03.12.2017

For citation: Belan E.A., Gutnik E.P., Shibitova A.A. Influence of individual and estimated model of the situation on experience of loneliness by the adult personality. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 154-160.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-154-160. (in Russian)

УДК

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-161-166

БОНКАЛО Татьяна Ивановна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

БОНКАЛО Сергей Васильевич
Московский социально-педагогический институт
г. Москва, Россия
bonkaloserg@yandex.ru

Tatyana I. BONKALO
Kuban State University
Krasnodar, Russia
bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Sergey V. BONKALO
Moscow Social Pedagogical Institute
Moscow, Russia
bonkaloserg@yandex.ru

БЛОКИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ПАТРИОТИЗМА В НАЦИОНАЛИЗМ КАК УСЛОВИЕ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Одной из актуальных проблем реализации государственной национальной политики современной России является проблема профилактики возникновения и развития экстремистских и националистических настроений в молодежной среде. В условиях обострения геополитической обстановки задача формирования патриотических установок у подрастающего поколения становится первоочередной задачей, стоящей на повестке дня современного общества. Однако реализация мероприятий, ориентированных на решение такой задачи, может привести к самым неожиданным последствиям, среди которых следует выделить трансформацию патриотических установок в националистические убеждения и ценности. В статье представлены результаты многолетних исследований авторов, посвященные обозначенной проблеме. На основе представленных эмпирических материалов авторы приходят к выводу о том, что основным условием успешной реализации национальной политики современной России является разработка способов блокирования механизмов трансформации патриотизма в национализм.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, психологические механизмы трансформации, этническая идентичность, национальное самосознание

BLOCKING MECHANISMS OF TRANSFORMATION OF PATRIOTISM IN NATIONALISM AS THE CONDITION OF SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL POLICY OF CONTEMPORARY RUSSIA

One of the topical problems of implementing the state national policy of contemporary Russia is the problem of preventing the emergence and development of extremist and nationalistic sentiments in the youth environment. In the context of the aggravation of the geopolitical situation, the task of forming patriotic attitudes among the younger generation becomes a priority task on the agenda of modern society. However, the implementation of activities aimed at the solution of such a task can lead to the most unexpected consequences, among which the transformation of patriotic attitudes into nationalist beliefs and values should be emphasized. The article presents the results of many years of research by the authors on the problem. Based on the presented empirical materials, the authors come to the conclusion that the main condition for the successful implementation of the national policy of contemporary Russia is the development of ways to block the mechanisms for the transformation of patriotism into nationalism.

Keywords: patriotism, nationalism, psychological mechanisms of transformation, ethnic identity, national identity

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-06-10966 «Психологические механизмы трансформации патриотизма в национализм в условиях информационной агрессии».

Acknowledgement. This publication was prepared within the framework of a research project supported by the RHF No. 15-06-10966 "Psychological Mechanisms of Transformation of Patriotism into Nationalism in the Conditions of Information Aggression".

В современной России государственное регулирование межнациональных отношений осуществляется в соответствии с основными положениями Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятой Указом Президента РФ от 17.12.2012 года № 1666. Новое стратегическое планирование было разработано в целях решения тех проблем, которые возникли в период реализации «Концепции национальной политики Российской Федерации», одобренной Постановлением Правительства Российской Федерации в мае 1996 года и утвержденной Указом Президента России от 15 июня 1996 года № 909.

Сравнительный анализ содержания двух обозначенных документов показал, что национальная политика России, с одной стороны, имеет конкретно-историческую социальную направленность, раскрывающую ее взаимосвязь с особенностями этнонациональных отношений, складывающихся на определенных этапах развития общества, а с другой - приверженность централь-

ной ее идее - идее сохранения и приумножения культурного многообразия народов России при укреплении духовной общности и целостности единой российской нации.

Изменение социально-политической ситуации в России, произошедшее с конца XX в., обусловили необходимость уточнения основных вопросов ее государственной национальной политики.

Так, национальная политика России конца 90-х годов строилась исходя из таких особенностей межнациональных отношений, как стремление многих ее народов к самоопределению и усилению самостоятельности в решении своих проблем [5]. В характеристике современной ситуации в области национальных отношений, содержащейся в Концепции 1996 года, указывается, что на межнациональные отношения оказывают существенное влияние противоречивые тенденции, такие как: с одной стороны, стремление народов к самоопределению, а с другой - процесс интеграции российского общества; возрастающая самостоятельность субъектов Российской Федерации и одновременно - воля граждан к упрочению общероссийской государственности [5]. Трудности «переходного периода» и связанные с ним проблемы межнациональных отношений обусловили особенности приоритетных целей и задач национальной политики России конца XX в. Уже к началу XXI в. остро чувствовалась необходимость разработки новой государственной национальной политики, содержащей ряд мер превентивного характера, направленных скорее не на регулирование межнациональных отношений и межнациональных конфликтов, а на предупреждение их возникновения и развития негативных тенденций в межнациональном взаимодействии [3].

Помимо этого, в «Концепции национальной политики Российской Федерации» 1996 года, в качестве приоритетных задач указывается задача поддержки соотечественников, проживающих в странах СНГ, а также прибалтийских республиках.

В новом стратегическом планировании такая задача переформулирована в связи с обострением напряженности политических отношений с некоторыми бывшими союзными республиками, с которыми интеграция в достаточной степени затруднена. В Стратегии национальной политики на период до 2025 года уделяется меньше внимания, чем в Концепции 1996 года, вопросам поддержки своих соотечественников, проживающих за рубежом [4]. Данный факт может свидетельствовать о переносе приоритетных задач национальной политики современной России на внутренние проблемы российского государства - проблему развития единой русской нации [3]. Если в 1996 г. приоритет все-таки отдавался вопросам оптимизации и гармонизации межнациональных отношений в России и в странах бывшего СНГ, то уже с 2012 г. основным направлением государственной национальной политики становится формирование единой российской нации при сохранении и обогащении этнокультурного наследия всех народов, ее составляющих.

Именно эта задача стоит на повестке дня современного российского общества.

Суть государственной национальной политики современной России заключается, прежде всего, в укреплении ее государственного единства и целостности. Об этом свидетельствуют результаты анализа текста Стратегии, в частности результаты анализа особенностей употребления в ней таких категорий и понятий, как «нация», «народ», «этнос». В данном документе они употребляются как синонимы. Однако контекстуальный анализ позволяет говорить о том, что ключевым здесь является понятие «русский народ» как понятие, обозначающее объединяющую роль русского этноса. В Стратегии указывается: «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ».

В ближайшее десятилетие государственная национальная политика будет ориентирована на сохранение этнокультурного многообразия народов России при укреплении ее единства и целостности, формировании единой общегражданской идентичности, духовной общности - русской нации [3].

За последние годы в целях создания законодательной базы, всесторонне обеспечивающей реализацию государственной национальной политики РФ в отношении всех народов, были разработаны и приняты Федеральные законы «О национально-культурной автономии» (№ 74 - ФЗ от 17.06.96 г.), «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (№ 82 - ФЗ от 30.04.99 г.), Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации.

В качестве ответной реакции на возрождение и приумножение национальных традиций и национальной культуры других этнических групп выступает рост националистических и экстремистских настроений в российской молодежной среде [6], обусловленный действием психологических механизмов трансформации патриотических установок в националистические [2], а также возникновение и развитие амбивалентных этнических и общероссийских гражданских чувств русского народа, оказавшегося в ситуации этнической мобилизации других этнических групп и роста числа мигрантов [1].

В связи с этим представляются важными и необходимыми раскрытие психологических закономерностей и механизмов трансформации патриотизма в национализм и разработка на этой основе действенных способов их блокирования.

В этих целях нами в течение многих лет проводились эмпирические исследования, ориентированные на выявление особенностей личности молодых людей, охваченных националистическими идеями и ценностями.

Интерес здесь представляет тот факт, что при сравнительном анализе эмпирических данных, отражающих уровень развития патриотизма у членов националистических организаций и объединений и у молодежи, не разделяющей неофашистские взгляды и убеждения, был выявлен высокий уровень патриотизма именно у молодых людей с националистической направленностью личности.

Так, при исследовании эмоций молодых людей, вызываемых фразой «Я русский», члены националистических объединений и движений («Национальная социалистическая инициатива» (НСИ), «Реструкт», «Русское национальное единство», «Гвардия Христа», «Национальный союз», «Национал-социалистическая партия Руси» (НСПР) и «Движение против нелегальной иммиграции») испытывают только позитивные чувства в отношении своей принадлежности к титульной этнической группе: чувство гордости (97,86%), удовлетворения (79,94%), восхищения (76,48%), превосходства (82,35%), тогда как студенты, не разделяющие националистические взгляды и убеждения, наряду с позитивным чувством гордости (58,64%) отметили и такие чувства, как чувство обиды (21,18%), стыда (7,96%), разочарования (22,44%) (рис. 1).

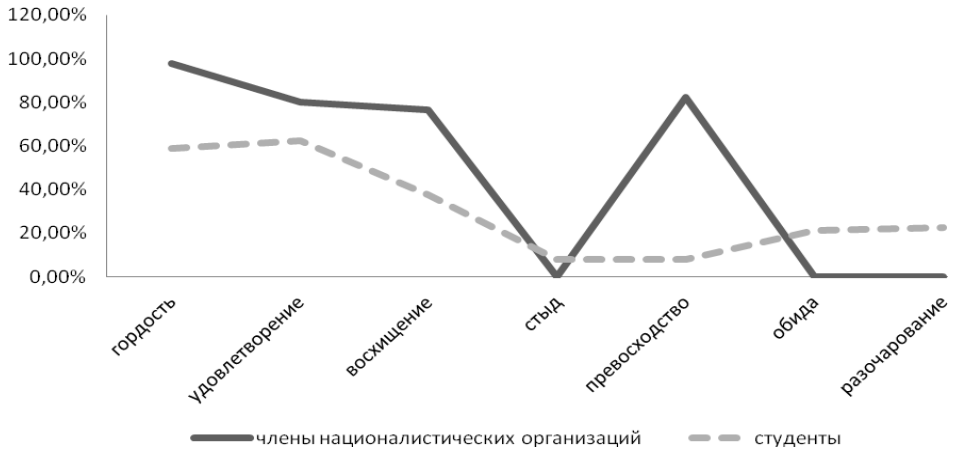

Рис. 1. Результаты исследования эмоций молодых людей, вызываемых фразой «Я русский»
Fig. 1. Results of the research of the emotions of young people caused by the phrase «I am Russian»
Источник: составлено авторами статьи.
Source: completed by the authors.

Интересны также исследования особенностей этнической идентичности российской молодежи двух исследовательских групп. Были выявлены достоверно значимые различия между группами по всем показателям типов этнической идентичности, предложенных Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой (см. табл.).

Таблица. Результаты сравнительного анализа степени выраженности у респондентов двух групп типов этнической идентичности (методика Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой)

Table. The results of a comparative analysis of the degree of expression in respondents of two groups of types of ethnic identity (the methodology of G.U. Soldatova and S.V. Ryzhova)

Типы	**Студенты**	**Члены нац.объединений**	**t**	**p**
Этнонигилизм	6,95 ± 0,7	2,05 ± 0,3	6,45	< 0,001
Индифферентность	8,05 ± 0,8	3,15 ± 0,3	6,90	< 0,001
Норма	10,25 ± 1,1	4,55 ± 0,5	4,71	< 0,001
Этноэгоизм	8,85 ± 0,9	11,65 ± 1,2	1,87	> 0,05
Этноизоляционизм	5,70 ± 0,6	10,45 ± 1,1	3,96	< 0,001
Нац. фанатизм	5,15 ± 0,5	12,95 ± 1,4	4,80	< 0,001

Источник: составлено авторами статьи.
Source: completed by the authors.

Результаты проведенного исследования достаточно предсказуемы. Члены националистических организаций в большей степени, чем их сверстники, не относящиеся к таким объединениям, могут быть охарактеризованы как националистически настроенные.

В этой связи интересны и результаты другого исследования, в котором приняли участие студенты ведущих вузов России и Украины. На рисунке 2 наглядно представлены такие результаты.

Рис. 2. Степень выраженности типов этнической идентичности у российской и украинской молодежи в 2016 г.

Fig. 2. The degree of expression of types of ethnic identity among Russian and Ukrainian youth in 2016

Источник: составлено авторами статьи.

Source: completed by the authors.

Мы сравнили эмпирические данные, полученные нами в ходе обозначенного исследования, с данными исследования, проведенного на российской выборке молодых людей, разделяющих и, соответственно, не разделяющих националистические взгляды и настроения. Результаты такого сравнительного анализа позволяют нам говорить о том, что всплеск патриотизма на Украине достаточно легко приводит к трансформации его в национализм. Достоверно значимых различий между группами националистически настроенной российской молодежи и группами обычных украинских студентов (студентов ведущих вузов Украины) нами обнаружено не было (рис. 3).

Здесь необходимо уточнить еще один факт, выявленный нами в результате многолетних исследований, - факт наличия достоверных различий в динамике этнической идентичности российской и украинской молодежи с 2004 по 2016 гг. [2].

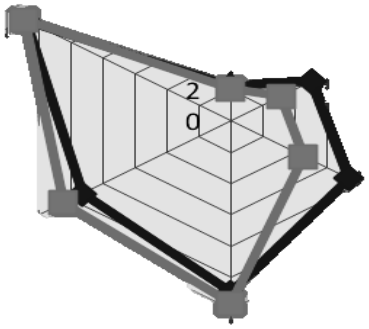

Рис. 3. Степень выраженности типов этнической идентичности у «русских националистов» и украинской молодежи в 2016 г.

Fig. 3. The degree of expression of types of ethnic identity among «Russian nationalists» and Ukrainian youth in 2016

Источник: составлено авторами статьи.
Source: completed by the authors.

Таким образом, представленные здесь результаты исследований свидетельствуют о действии механизмов трансформации патриотизма в национализм. Такая трансформация может быть обусловлена многими факторами, среди которых следует выделить, прежде всего, фактор негативного воздействия СМИ и методов информационной агрессии на деструктивное развитие национального самосознания молодежи.

В результате многолетних исследований нами были раскрыты такие механизмы. К ним мы относим, например, механизм относительной депривации, возникающий вследствие сравнения своего положения в социуме с тем, которое постоянно демонстрируется в СМИ, и его неудовлетворительной оценки. Ощущение невозможности достичь того состояния и уровня жизни, которое пропагандируется в СМИ, приводит к возникновению и развитию у молодого человека фрустрации, что связано с поиском выхода из нее через обвинения «Другого». Еще одним механизмом является процесс возникновения и развития амбивалентности чувств и эмоций молодых людей в отношении своей принадлежности к определенной этнической группе. Такая амбивалентность обусловливает развитие не индивидуальной личности, а так называемого массового индивида, лишенного личностного своеобразия. Одним из сильнодействующих механизмов трансформации естественного чувства патриотизма, связанного с любовью к своей Родине, является механизм замещения, который, по сути, представляет собой процесс переориентации негативных эмоций человека на внешние цели.

Действие таких механизмов обусловливает возникновение многих проблем в реализации национальной политики современной России.

На наш взгляд, механизмы трансформации патриотизма в национализм могут быть блокированы как на государственном уровне, так и на уровне психологической и педагогической работы с молодежью по формированию у них национального самосознания, патриотических чувств и убеждений.

Однако такое формирование будет конструктивным и неискаженным, если все предпринимаемые меры с насаждением идеи о национальном единстве и процветании, гордости за свою страну, за ее историческое прошлое будут осуществляться параллельно общему развитию личности, ее духовно-нравственной, ценностно-смысловой, эмоционально-волевой, мотивационно-потребностной и когнитивной сфер. В противном случае информация о достижениях своей нации, патриотические лозунги и призывы могут иметь противоположный эффект, запускающий психологические механизмы трансформации патриотизма в национализм.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бонкало Т.И., Колесник Н.Т., Варавина Л.В. Государственное и общественное регулирование миграционных процессов в современной России: психологический аспект: Монография. - М., 2015. - С. 28.
2. Бонкало Т.И., Бонкало С.В. Механизмы трансформации этнонационалистических установок в условиях информационной агрессии // Человеческий капитал. - 2017. - № 9 (105). - С. 62-66.
3. Зорин В.Ю. Современные проблемы и перспективные векторы реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Вопросы культурологии. - 2016. - № 7. - С. 10-18.
4. Указ Президента РФ от 17.12.2012 года № 1666 «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
5. Указ Президента России от 15 июня 1996 года № 909. «Концепция национальной политики Российской Федерации».
6. Хухлаев О.Е. Национализм и патриотизм как социальные установки: теоретический анализ и экспериментальные исследования // Ученые записки РГСУ. - 2012. - № 10.

REFERENCES

1. Bonkalo T.I., Kolesnik N.T., Varavina L.V. Gosudarstvennoe i obshchestvennoe regulirovanie migratsionnykh protsessov v sovremennoy Rossii: psikhologicheskiy aspekt: monografiya. [State and public regulation of migration processes in modern Russia: the psychological aspect: monograph]. M., 2015. P. 28. (in Russ.).
2. Bonkalo T.I., Bonkalo S.V. Mekhanizmy transformatsii etnonatsionalisticheskikh ustanovok v usloviyakh informatsionnoy agressii. [Mechanisms of transformation of ethnonationalist attitudes in conditions of information aggression]. Chelovecheskiy kapital. 2017. № 9 (105). Pp. 62-66 (in Russ.).
3. Zorin V.Yu. Sovremennye problemy i perspektivnye vektory realizatsii «Strategii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda». [Modern problems and perspective vectors of the implementation of the «Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the period until 2025»]. Voprosy kul'turologii. 2016. № 7. Pp. 10-18 (in Russ.).
4. Ukaz Prezidenta RF ot 17.12.2012 goda № 1666 «Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» (in Russ.).
5. Ukaz Prezidenta Rossii ot 15 iyunya 1996 goda № 909. «Kontseptsiya natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii» (in Russ.).
6. Khukhlaev O.E. Natsionalizm i patriotizm kak sotsial'nye ustanovki: teoreticheskiy analiz i eksperimental'nye issledovaniya. [Nationalism and patriotism as social attitudes: theoretical analysis and experimental research]. Uchenye zapiski RGSU. 2012. № 10 (in Russ.).

Информация об авторах:

Бонкало Татьяна Ивановна, доктор психологических наук, доцент, кафедра педагогики и психологии, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Бонкало Сергей Васильевич, кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии, Московский социально-педагогический институт,
г. Москва, Россия
bonkaloserg@yandex.ru

Получена: 30.11. 2017

Для цитирования: Бонкало Т.И., Бонкало С.В. Блокирование механизмов трансформации патриотизма в национализм как условие успешной реализации национальной политики современной России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.161-166.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-161-166.

Information about the authors:

Tatyana I. Bonkalo, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

Sergey V. Bonkalo, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of Social Psychology, Moscow Social Pedagogical Institute,
Moscow, Russia
bonkaloserg@yandex.ru

Received: 30.11. 2017

For citation: Bonkalo T.I., Bonkalo S.V. Blocking mechanisms of transformation of patriotism in nationalism as the condition of successful implementation of the national policy of contemporary Russia. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 161-166.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-161-166. (in Russian)

УДК 304 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-167-172

КАЛЯЕВА Екатерина Николаевн
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия
ekalyaeva@hse.ru.

Ekaterina N. KALIAEVA
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia
ekalyaeva@hse.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ВОПРОС» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

THE EMERGING OF THE CONCEPT «PUBLIC ISSUE» IN THE DOMESTIC SOCIOLOGICAL THOUGHT

В статье проанализирован генезис понятия «общественный вопрос» в отечественной литературе периода 1858-1872 гг. В современной науке растет внимание к изучению феноменов, называемых «социальные проблемы». Употребляя термин «социальная проблема», важно понимать, как этот термин сформировался, что несет в себе, какие смыслы из истории мы привносим в современность вместе с этим термином. Сегодня существует недостаток теоретической проработанности понятия в российской социологической мысли, что затрудняет целостное понимание термина и не позволяет использовать в готовом виде разработки к изучению социальных проблем зарубежных коллег. В России понятие «социальная проблема» начало использоваться лишь в XX в. В XIX в. в отечественной социологии доминировали понятия «социальный вопрос» и «общественный вопрос». В данной статье внимание сосредоточено на возникновении понятия «общественный вопрос». В качестве объекта выбраны работы первых российских социологов и общественных деятелей, публицистов периода 1858-1872 гг. Поставлена цель определить основные направления интерпретации понятия «общественный вопрос» в дореволюционном российском обществе. Приведены общая характеристика понятия «общественный вопрос» в отечественной литературе и характеристика общественного вопроса как вопроса преимущественно крестьянского. Введены в оборот тексты отечественных мыслителей, ранее не подвергавшиеся социологическому анализу. Важным результатом анализа источников является обнаружение в них первого общего определения термина «общественный вопрос». Основным выводом является факт, что к 1870-м годам понятие «социальный вопрос» включало в себя 33 интерпретации: от морального неблагополучия населения до экономических реформ.

Ключевые слова: общественный вопрос, социальный вопрос, социальная проблема, генезис понятия, реконструкция смыслов, Российская социология, история социологии, дореволюционная социология, крестьянский вопрос, смежные вопросы

The article analyses the genesis of the concept «public issue» in the Russian papers of the period 1858-1872. Attention to research phenomena named «social problems» is growing in contemporary science. Using the concept «social problem» it is necessary to understand how the term has rise, what does it originally mean and what meanings we brings from the history to contemporary discourse when we use the term. There is lack of theoretical development of the concept. It makes difficult the overall understanding of the term and does not allow using approaches for studying social problems made by foreign colleges. The term «social problem» began to be using in Russia just in XX century. Concepts “public issue” and “social issue” dominated in Russian sociology in XIX century. That article pays attention on the emerging of the concept «public issue». The object of the article is literature written by Russian initial sociologists, public figures, publicists in the period 1858-1872. The general aim of the article is to define key interpretational directions of the concept «public issue» in pre-revolutionary Russian society. The article provides general characteristic of the concept «public issue» in Russian papers and characteristic the public issue mostly as a peasant. Texts of the Russian intellectuals, previously not subjected to sociological analysis, were put into circulation. Important result of the literature analysis is the first general determination of the concept «public issue». The general conclusion is: there are 33 ways of interpretation the concept «public issue» to the 1870: from population moral ill-being to economic reforms.

Keywords: public issue, social issue, social problem, genesis of concept, reconstruction of meanings, Russian sociology, history of sociology, pre-revolutionary sociology, peasant issue, related issues

Введение

В современном обществе все чаще подвергается изучению и обсуждению феномен, носящий название «социальная проблема». Под социальной проблемой исследователи понимают достаточно широкий спектр вопросов, разрабатывают подходы к изучению и определению феномена, используют отечественные и зарубежные практики. Но очевидно, как и любое явление, понятие социальной проблемы имеет свою историю становления и развития в России, несет в себе нагромождение пластов и смыслов, которые необходимо учитывать при использовании термина. На сегодняшний день в отечественной социологии существует недостаток теоретической проработанности значения самого понятия, что не позволяет использовать термин без учета исторических интерпретаций, так как затрудняет целостное понимание понятия. Употребляя термин «социальная проблема», мы втягиваем все многообразие смыслов в современный дискурс. В частно-

сти, именно такая формулировка возникла не сразу, а трансформировалась из понятия «социальный вопрос». Анализ литературы показал, что и «социальный вопрос» имеет предпосылку к своему возникновению, а именно понятие «общественный вопрос». Для понимания современного значения понятия «социальная проблема» необходима историческая реконструкция понятий, предшествующих его появлению: как понятия «социальный вопрос», так и «общественный вопрос». В данной статье внимание будет сосредоточено на реконструкции концептуального значения понятия «общественный вопрос» в российской социологической мысли.

Для анализа была выбрана российская литература периода 1858-1872 гг. Выбор временного отрезка объясняется тем, что именно в 1850-х годах впервые начинает фигурировать понятие «общественный вопрос». А к 1880-м годам на интерпретацию понятия «общественный вопрос» начинает оказывать влияние революционное движение, что, без сомнения, требует отдельного внимания.

Общая характеристика понятия «общественный вопрос» в отечественной литературе

В сеедине XIX в. отечественная социология была только в начале развития, поэтому первых авторов, кто использовал понятие «общественный вопрос», вряд ли можно назвать социологами; преимущественно это были писатели, историки, публицисты, к 1870-м годам присоединяются философы. Так, одним из первых авторов, кто использовал в своем труде понятие «социальный вопрос», была А. Милюкова [1, с. 139]. В 1858-м г., анализируя поэзию Крылова, она называет общественным вопрос, поднятый Крыловым в басне «Пушки и паруса». С этой точки зрения общественный вопрос - это вопрос согласованности гражданской власти и обороны страны. И только в результате этой согласованности страна станет великой державой, в отсутствие же такой согласованности страна погибнет. Басню Крылов написал после восстания декабристов 25 декабря 1825 г., показав, тем самым, на примере корабля, что нормальное функционирование всего государства и становление великой державы возможно только в соответствии слаженной работы всех отраслей власти. Если же в государстве будет все основано на военной силе или, наоборот, на гражданской, такое государство ждет крах. Именно этот вопрос впоследствии Милюкова и назвала общественным.

В 1950-е годы XIX в. наблюдается всплеск использования изучаемого понятия. Среди первых можно выделить употребление термина «общественный вопрос» в значении застарелой неправды, неправосудия и взяточничества Александром Афанасьевым [2, с. 220], спор между западниками и славянофилами у Павла Анненкова [1, с. 14], женский вопрос у Николая Страхова [14, с. 180]. Д. Щеглов относит сюда «вопросы политики, права, политической экономии» [16, с. 7], на земских собраниях к общественным вопросам относят «неприкосновенность собственности, справедливый суд, равенство перед законом, безопасность государства» [11, с. 390]. Помимо этого на земских собраниях к общественным вопросам относят вопрос «освещения города» [12, с. 182], открытия народных школ, которые не смогут посещать дети крестьян, откуда автоматически вытекают следующие вопросы - вопрос детского труда и вопрос образования. По размышлению Уманца, плохие школы должны стать хорошими, плохие учителя хорошими, открытие народных школ должно стимулировать участие деятелей, ранее остававшихся в тени. «Лучше иметь одну хорошую школу во всей волости, чем по плохой в каждом селении этой волости» [12, с. 399].

Важным результатом анализа для определения концептуального значения понятия «общественный вопрос» является факт, что уже к 1862-му году статский советник Берте и член Комитета статского советника Янкевич сформулировали первое общее определение «общественного вопроса». «Вопрос государственной жизни высшей важности или правительственных и общественных предметов, способных произвести в более или менее обширных кругах читателей сильное впечатление, полезное или вредное, смотря по времени их оглашения и способу изложения…способные возбудить в публике или несбыточные ожидания или предубеждения» [3, с. 30].

В художественном дискурсе обсуждается вопрос семейный. М.П. Погодин при анализе повести «После обеда» Кохановской общественными вопросами называет следующее: «Мать отдает насильно дочь за ненавистного ей человека из только того, что у него есть состояние! ... Мать бьет свою дочь! ... Как бы удобно можно было казнить и мать, продавшую дочь, и человека, женившегося на женщине, его не любящей!» [15, с. 73].

Стоит отметить, что ряд авторов используют в своих работах понятие «общественный вопрос», при этом никак его не интерпретируя. К таким авторам можно отнести Алексея Мехельсона [10, с. 447], Юлия Жуковского [5, с. 5], Николая Калачова [6, с. 217], М. Владиславлева [4, с. 299]. Однако при таком неопределении понятия можно встретить и возможные причины всплеска обще-

ственных вопросов. Этими причинами является «стремление общества к самоулучшению и осуществлению высоко-нравственных начал в своем устройстве» [15, с. 20].

В конце XIX в. Г. Караулов связывает общественный вопрос с вопросом народонаселения. Анализируя труды М. Ломоносова, Караулов отмечает спад народонаселения. Его причины он находит у Ломоносова в браках между несоответственными лицами и браках насильственных. Эти причины «не только уменьшают народонаселение страны, но и унижают человеческое достоинство» [7, с. 344]. Одновременно с этим общественные вопросы у Караулова - «подслуживание и выслужение перед высшими, грубость и жесткое обращение высших с низшими и другие неблаговидные черты в современных русских нравах» [7, с. 484].

Таким образом, на основе проанализированных источников можно сделать вывод, что в период 1858-1870 гг. авторы включают в понятие «общественный вопрос» 23 различных интерпретации, отдельные авторы не интерпретируют в твоих трудах понятие, но при этом активно его используют и высказывают возможные причины появления общественных вопросов в стране. На основе этого можно сказать, что понятие «общественный вопрос» довольно быстро вошло в оборот и укоренилось в общественной и научной среде России XIX в.

Характеристика «общественного вопроса» как преимущественно крестьянского и смежных с ним вопросов

Наряду с описанными выше значениями, большой объем публикаций утверждает тождество общественного вопроса с вопросом крестьянским. Важнейший среди них - «Русские общественные вопросы: сборник Недели», изданный в 1872 г., который вобрал в себя основные аспекты толкования понятия «общественный вопрос» в конце XIX в. Сборник вышел после полугодичной приостановки выпуска газеты «Недели», связанной с покупкой газеты новым владельцем и отказом в утверждении нового редактора Главным управлением по делам печати. Важно отметить, что Михайловский крайне критично отозвался о сборнике: «Мы не найдем тут чего-нибудь очень крупного или блестящего, найдем, напротив, не мало слабого, поверхностного и ненужного. Но взамен того, мы найдем во многих статьях сборника задатки трезвого понимания требований нашей общественной жизни, … такие мысли не часто встречаются в русской литературе и заслуживают полного внимания» [9, с. 655]. Учитывая критику, сборник представляет важность для целостного понимания понятия «общественный вопрос». Составители сборника ставили перед собой задачу обстоятельного исследования по всем крупным вопросам русской жизни той эпохи. Составители убеждены, что большинство описанных ими вопросов должны быть названы важнейшими вопросами нашей жизни. Появление общественных вопросов авторы связывают с освобождением литературы от цензуры, а собственно общественные вопросы - это практические интересы, а именно: крестьянский, земский, духовный, военный, податной вопросы и т.п.

1) Крестьянский вопрос. В первую очередь составители говорят о реформах в российском обществе, которые не только не смогли улучшить экономическое положение крестьян, но чуть ли не ухудшили. Причиной тому стало увеличение массы налогов, а суд присяжных дал почувствовать крестьянам бремя новой повинности. В самом обществе отмечается дряблость характера, сословные инстинкты, мелочность интересов, равнодушие к общественным интересам, а литература оказалась лишена всякого развивающего значения. С одной стороны, происходит реформирование российского общества, с другой - все эти реформы «бесцельны и ничего не предвещает лучшего будущего» [13, с. 3]. Эта диаметральность и есть первый важный общественный вопрос российского общества. Отрицательные последствия реформ возможны не только по причине реформ, но и по вине самого населения или чиновников, которые недобросовестно исполняют предписания реформ. Крестьянская реформа, например, повлекла за собой другой вопрос - убытки помещиков, которые необходимо было возместить, положительная же цель крестьянской реформы - возбудить в крестьянах самостоятельную деятельность, в которой они должны найти обеспечение всех своих потребностей. Сорок членов редакционных комиссий и представители 19 губерний спорили по этому поводу, несмотря на положительные последствия крестьянской реформы, на другом полюсе выделяли негативные последствия от наделения крестьян землей, с точки зрения сорока членов, возделывание земли не дает прав собственности на нее. Среди негативных последствий выделяются: борьба двух сословий, недоверие собственников к правительству, путаница понятий о праве собственности, справедливости и законности, требования обеспечения потребностей посредством правительства, всеобщий упадок деятельности и остановка развития промышленности. Общий вывод был сделан, что, несмотря на необходимость земли крестьянам, это не дает им оснований для права собственности. В этом смысле крестьянский общественный вопрос делится на два более конкретных: экономический вопрос и вопрос о поземельном устройстве крестьян. Существует мнение, что представители губерний, отвергая предложение редакционных комиссий и предлагая собственное решение, преследовали те или иные корыстные цели.

2) Податной вопрос. За крестьянской реформой последовала податная реформа, которая также вызвала споры. В первую очередь спор вызвало введение всесословного налога. Однако податной вопрос считается вопросом экономического возрождения России. Составители сборника обращают внимание на перемену восприятия и отношения к социальному вопросу за десятилетие: «В начале десятилетия образованное общество упорно отстаивало неприкосновенность своих исключительных прав и своего привилегированного положения - в конце того же десятилетия оно настойчиво доказывает необходимость уничтожения последствий экономической привилегии, какою оно еще пользуется насчет крестьянского населения» [13, с. 24]. В этом же контексте составители указывают, что в то же время в земствах исчезла всякая инициативность, ничего установившегося в университетах, отсутствие развития провинций, все это, несомненно, и есть общественные вопросы. При этом социальные реформы, призванные решить общественные вопросы, порождают собой новые вопросы, что и составляет в своем единстве один из важнейших общественных вопросов той современности - «вопрос о направлении, в каком должно совершаться развитие русского общества» [13, с. 33].

3) Вопрос создания земств. На появление земств возлагались надежды и упования, что они смогут уладить все невзгоды и бедствия народа, стремление оказывать народу пользу. Однако на практике оказалось, что земства воспринимают народ как своих подчиненных, с народом обращаются небрежно, что хотят народу, то дают (школы, врачей, больницы), а что не хотят, то и не дают, и никто им в этом не может указать.

4) Вопрос здравоохранения. В связи с распространением холеры встал вопрос передачи больниц в государственное управление и организации ежегодных съездов земских врачей.

5) Вопрос бедности крестьян. Отдельными социальными вопросами выносится вопрос бедности крестьян, плохого питания и употребления вина, даже не вина, а «сивухи», которая наносит вред здоровью. Одна их причин такой бедности населения - большие налоги, поэтому крестьянин вынужден выбирать: либо ему покупать хлеб, либо платить повинности. При этом причину бедности и пьянства перекладывают на самих крестьян. Для решения этого общественного вопроса крайне необходимо благоразумное взаимное отношение труда и капитала.

6) Вопрос законодательства. Всякий закон должен соответствовать двум условиям - справедливость и практичность. Кроме того что необходимы учреждения, контролирующие исполнение закона, предписания этого закона не должны делать его исполнение невозможным.

7) Создание ассоциаций России. Для решения этого вопроса необходимо «серьезное и острое расследование экономических условий труда и производства в России, выяснение препятствий, встречаемых народом к достижению благосостояния, и возможности преодоления их путем сгруппирования разрозненных сил» [13, с. 304]. Именно это сможет сделать ассоциации регулятором неравенства в России. Отсюда вытекает следующий немаловажный общественный прос - создание кредитных ассоциаций в стране. Авторы утверждают, что эти ассоциации необходимы для народного благосостояния России, и крайне важно предоставлять населению кредиты. Если кредит предполагает возврат средств с процентами, следовательно, автоматически он предполагает и увеличение труда.

8) Вопрос кассационного суда. Идея кассационного суда заключается в проверке правильности судебных решений в соответствии с законом. Здесь вопрос состоит в постоянных разногласиях кассационного суда и остальных судов. Кроме кассационных судов, к социальному вопросу относится и вопрос волостного суда, споры происходили на почве того, гражданские иски какой цены должны быть предоставлены в решение волостных судов. Составители обращают внимание, что в судебных разбирательствах крестьяне в провинции страдают от собственной неграмотности и необразованности, а многие положения устава судопроизводства являются неприменимыми к провинции. Здесь очевидная связь вопроса судебного с вопросом образования. К судебному же вопросу относится отсутствие ближних мировых судей в каждой провинции, и вопрос заключается в том, что для страны экономически невозможно организовать мировой суд в каждой провинции.

9) Духовно-общественные вопросы. «Духовенство - призванный страж и проповедник правды и закона, и в нем же самом недостаток - нередко отсутствие стремлений к правде и законности» [13, с. 405]. Непосредственно общественный вопрос в этом русле заключается в произволе духовных администраторов. Еще один вопрос, связанный с духовностью, - искусственная необходимость духовных лиц покинуть свое служение. Главные мотивы этого - «вдовство и убеждение в своей неспособности быть истинным пастырем» [13, с. 411]. Но какие бы мотивы ни были, нужно до конца оставаться там, куда попал.

10) Скопчество. Скопцы - своего рода секта в России, в которой определенным образом растили детей-сирот и прививали им духовные воззрения. Хотя секта и жила тихо и мирно, но действия их считались кощунством над духом и плотью человека в его неосознанном возрасте. «Скоп-

честву придавался политический характер и значение революционной пропаганды» [13, с. 421]. Скопцы отрицают православие и церковь, избавление от скопчества авторы сборника видят в терпимости, терпимость - тоже борьба, и если скопчество утратит свой кредит в народе, то угаснет без источника, его формирующего.

Авторы сборника «Недели» затронули самые основные и самые важные общественные вопросы XIX в., рассматривая их с дихотомической точки зрения. Особая заслуга составителей состоит в попытке предложить решение каждого из рассмотренных общественных вопросов. Однако стоит отметить, что каждый общественный вопрос прямо или косвенно относится к вопросу крестьянскому, что позволяет сделать вывод о том, что в самом общем смысле в период 1850-1872 гг. общественный вопрос можно отождествить с крестьянским.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, исходя из многообразия литературы, что понятие «общественный вопрос» довольно быстро вошло в лексикон российских деятелей и ученых. Среди тех авторов, кто операционализирует понятие в своих текстах, прослеживается широкий спектр толкования понятия «общественный вопрос», включающий в себя 33 интерпретации, уже к 1870-м годам: от морального неблагополучия населения до экономических реформ. Следовательно, в каждой сфере жизнедеятельности общества, будь то поэзия, семья, образование, политика, практически любая проблемная ситуация, возникающая в обществе при тех или иных обстоятельствах, понималась как общественный вопрос. Все выделенные общественные вопросы одного периода времени оказываются связанными между собой, один вопрос порождает следующий. В связи с отменой крепостного права в России 19 февраля 1961 г. центральным общественным вопросом оказался вопрос крестьянский. И другие вопросы, выделяемые авторами, так или иначе, имеют отношение к крестьянскому вопросу. Особым достижением является первое общее определение понятия «общественный вопрос». В последующее время спектр значений, которые включает в себя понятие «социальный вопрос», только увеличивается, подвергаясь трансформации и влиянию происходящих в российском обществе изменений, что является отдельной темой для анализа. К уже имеющимся значениям понятия «общественный вопрос» добавляются все новые, и постепенно в оборот входит понятие «социальный вопрос», и это говорит о том, что «общественный вопрос» можно назвать предпосылкой появления в дискурсе «вопроса социального».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анненков П.В. Егор Петрович Ковалевский: Биографический очерк. - СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, ценз. 1868. - 23 с.
2. Афанасьев А.Н. Русские сатирические журналы 1769-1774 годов: Эпизод из истории русской литературы прошлого века. - М.: Тип. Э. Барфкнехта и К°, 1859. - 282 с.
3. Берте А.А. Записка председателя Комитета для пересмотра цензурного устава, действительного статского советника Берте и члена сего Комитета статского советника Янкевича. Приложение. - СПб., 1862. - 40 с.
4. Владиславлев М.И. Логика: Обозрение индуктивных и дедуктивных приемов мышления и исторические очерки: логики Аристотеля, схоластической диалектики, логики формальной и индуктивной. - СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. - 257 с.
5. Жуковский Ю.Г. Политические и общественные теории XVI-го века. - СПб.: Тип. А. Головачева, 1866. - 160 с.
6. Калачов Н.В. Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. - СПб.: В Тип. II-го отд-ния собственной Е. И. В. Канцелярии, 1858. - 449 с.
7. Караулов Г.Э. Очерки истории русской литературы. - Одесса: Тип. П. Францова, 1870. - 627 с.
8. Милюкова А. Очерк истории русской поэзии. - СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1858. - 233 с.
9. Михайловский Н.К. Сочинения Н.К. Михайловского. Т. 1. Ч. 2. - СПб.: Ред. журн. «Рус. богатство», 1896. - 90 с.
10. Михельсон А.Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней. - М.: А.И. Манухин, 1865. - 718 с.
11. Московское губернское земское собрание. Журналы заседаний и постановления Московскаго губернскаго земскаго собрания. - М.: Тип. Д.И. Иноземцева, 1866. - 437 с.
12. Речи консерватора: сочинения князя В. Мещерскаго. - СПб.: Типогр. и литогр. В. Оболенскаго, 1876. - 445 с.
13. Русские общественные вопросы: сборник Недели. - СПб.: Гайдебуров и Конради, 1872. - 307 с.
14. Страхов Н.Н. Женский вопрос. - СПб.: Тип. Майкова, 1871. - 149 с.
15. Утро: Литературный сборник. Т 1. - М.: Тип. Барфкнехта и К°, 1859. - 434 с.
16. Щеглов Д.Ф. История социальных систем от древности до наших дней. - СПб.: Тип. Н.А. Лебедева, 1870. - 611 с.

REFERENCES

1. Annenkov P.V. Egor Petrovich Kovalevskij : Biograficheskij ocherk. [Yegor Petrovich Kovalevsky: Biographical sketch]. Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. nauk, cenz. 1868. 23 p. (in Russian).
2. Afanas'ev A.N. Russkie satiricheskie zhurnaly 1769-1774 godov: Jepizod iz istorii russkoi literatury proshlogo veka. [Russian satirical magazines of 1769-1774: Episode from the history of Russian last century literature]. Moskva: tip. Je. Barfknehta i K°. 1859. 282 p. (in Russian).
3. Berte A.A. Zapiska predsedatelja Komiteta dlja peresmotra cenzurnogo ustava, dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Berte i chlena sego Komiteta statskogo sovetnika Iankevicha. Prilozhenie. [Note by the Chairman of the Committee for the revision of the censorship statute, the actual State Counselor Berthe and the member of this Committee of the State Counselor Yankevich. Application]. Sankt-Peterburg. 1862. 40 p. (in Russian).
4. Vladislavlev M.I. Logika : Obozrenie induktivnyh i deduktivnyh priemov myshlenija i istoricheskie ocherki: logiki Aristotelia, sholasticheskoi dialektiki, logiki formal'noi i induktivnoi. [Logic: An overview of inductive and deductive methods of thinking and historical essays: the logic of Aristotle, scholastic dialectics, the logic of the formal and inductive]. Sankt-Peterburg: tip. V. Demakova. 1872. 257 p. (in Russian).
5. Zhukovskij Ju.G. Politicheskie i obshhestvennye teorii XVI-go veka. [Political and social theories of the XVI century]. Sankt-Peterburg: Tip. A. Golovacheva. 1866. 160 p. (in Russian).
6. Kalachov N.V. Arhiv istoricheskih i prakticheskih svedenii, otnosiashhihsia do Rossii, izdavaemyi Nikolaem Kalachovym. [The archive of historical and practical information relating to Russia, published by Nikolai Kalachov]. Sankt-Peterburg: V Tip. II-go otd-nija sobstvennoj E. I. V. Kanceljarii. 1858. 449 p. (in Russian).
7. Karaulov G.Je. Ocherki istorii russkoj literatury. [Essays on the history of Russian literature]. Odessa: tip. P. Francova. 1870. 627 p. (in Russian).
8. Miljukova A. Ocherk istorii russkoj pojezii. [Essay on the history of Russian poetry]. Sankt-Peterburg: tip. Jeduarda Vejmara. 1858. 233 p. (in Russian).
9. Mihajlovskij N.K. Sochinenija N.K. Mihajlovskogo. T 1. Ch 2. [Compositions of N.K. Mikhailovsky. T 1. 2]. Sankt-Peterburg: Red. zhurn. "Rus. bogatstvo".1896. 90 p. (in Russian).
10. Mihel'son A.D. Ob#jasnenie 25 000 inostrannyh slov, voshedshih v upotreblenie v russkii iazyk, s oznacheniem ih kornei. [Explanation of 25,000 foreign words, which are now in use in Russian, with the meaning of their roots]. Moskva: A.I. Manuhin. 1865. 718 p. (in Russian).
11. Moskovskoe gubernskoe zemskoe sobranie. Zhurnaly zasedanij i postanovlenija Moskovskago gubernskago zemskago sobranija. [Moscow Provincial Zemsky Assembly. Magazines of meetings and resolutions of the Moscow Provincial Zemsky Assembly]. Moskva: Tip. D. I. Inozemceva. 1866. 437 p. (in Russian).
12. Rechi konservatora: sochinenija knjazja V. Meshherskago. [Conservative speeches: works of Prince V. Meshcherskago]. Sankt-Peterburg: Tipogr. i litogr. V. Obolenskago. 1876. 445 p. (in Russian).
13. Russkie obshhestvennye voprosy : Sbornik "Nedeli". [Russian public issues: Collection of the Week]. Sankt-Peterburg: Gajdeburov i Konradi. 1872. 307 p. (in Russian).
14. Strahov N.N. Zhenskij vopros. [Women's issue]. Sankt-Peterburg: tip. Majkova. 1871. 149 p. (in Russian).
15. Utro : Literaturnyj sbornik. T 1. [Morning: Literary collection. T 1]. Moskva: tip. Barfknehta i K°. 1859. 434 p. (in Russian).
16. Shheglov D.F. Istorija social'nyh sistem ot drevnosti do nashih dnej. [The history of social systems from antiquity to the present day]. Sankt-Peterburg: Tip. N.A. Lebedeva. 1870. 611 p. (in Russian).

Информация об авторе:

Каляева Екатерина Николаевна, аспирант, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия
ekalyaeva@hse.ru

Information about the author:

Ekaterina N. Kaliaeva, Postgraduate Student, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
ekalyaeva@hse.ru

Получена: 14.10.2017

Для цитирования: Каляева Е.Н. Возникновение понятия «общественный вопрос» в отечественной социологической мысли. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.167-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-167-172.

Received: 14.10.2017

For citation: Kaliaeva E.N. The emerging of the concept «public issue» in the domestic sociological thought. *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 167-172.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-167-172. (in Russian)

УДК 316 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-173-178

КИКОТЬ Анастасия Сергеевна
Институт социологии и регионоведения
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия
ikot.anastasia@yandex.ru

Anastasia S. KIKOT
Institute of Sociology and Regional Studies
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia
ikot.anastasia@yandex.ru

РИСКИ ДЕЗАДАПТАЦИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В РОССИИ

RISKS OF DISADAPTATION OF A YOUNG FAMILY IN RUSSIA

В данной статье с позиций адаптационного подхода предпринимается попытка выявить рискогенные факторы в процессе социальной адаптации молодых семей к условиям российской реальности. При этом определяются методологические приоритеты исследования, в качестве которых выступают положения структурно-деятельностной парадигмы к изучению адаптационных процессов. Разработанная отечественными исследователями специально для исследования трансформирующегося российского общества, данная парадигма позволяет рассматривать социальную адаптацию молодых семей в контексте их ресурсного потенциала как отражающего субъектный характер адаптационной деятельности. Тем не менее, являясь субъектом адаптационного процесса, молодая семья зависима от объективных факторов макросреды, определяющей институциональный фон развития семейно-брачных отношений в российском обществе и характер государственной политики в области поддержки и развития института семьи, в том числе молодой семьи. Автором рассматриваются микро- и макросоциальные факторы влияния на эффективность социальной адаптации молодых семей и делается вывод о высокой степени рискогенности этого институционального сектора в сфере семьи, о чем свидетельствует высокий конфликтный потенциал молодых семей и уровень разводов. В качестве важного аспекта подчеркивается вынужденный характер социальной адаптации молодых семей к условиям российской действительности, в которой отсутствуют условия для полноценной жизненной самореализации молодых семей. На фоне кризиса семейной культуры в обществе факторы риска социальной дезадаптации молодой семьи автоматически трансформируются в факторы ее распада.

Ключевые слова: семья, молодая семья, социальная адаптация, социальная дезадаптация, риски

This article attempts to identify risky factors in the process of social adaptation of young families to the conditions of Russian reality from the standpoint of the adaptation approach. It identifies methodological research priorities, which are the provisions of structural-activity paradigm to study adaptive processes - Furthermore research methodological priorities are identified, which are presented by provisions of structural-activity paradigm to study adaptive processes. Developed by its researchers specifically to study the transforming Russian society, this paradigm allows us to consider the social adaptation of young families in the context of their resource potential as reflecting the subjective nature of adaptation activities. However, being the subject of the adaptation process, the young family is dependent on the macro environment objective factors, which defines the institutional background of the family-marriage relations development in the Russian society and the nature of state policy on support and development of the institution of the family, including a young family. The author considers micro - and macro-social factors of influence on the efficiency of social adaptation of young families and the conclusion about a high degree of riskogenics of this institutional sector in the sphere of the family, as evidenced by the high conflict potential of young families and the divorce rate. An important aspect is emphasized due to the forced nature of the social adaptation of young families to the conditions of Russian reality, in which there are no conditions for a life of self-fulfillment needs of young families for proper self-fulfillment of young family living needs. On the background of the family culture crisis in the society, the risk factors of the young family social exclusion are automatically altered into its collapse factors.

Keywords: family, young family, social adaptation, social exclusion, risks

Устойчивость и благополучие молодой семьи, проявляющиеся в уровне ее социальной адаптированности, способности и готовности активно и эффективно включаться в систему социальных отношений и развиваться в логике прогрессивных изменений, являются важнейшим фактором безопасного развития не только института семьи, но всего общества, социально-демографическая безопасность которого во многом определяется состоянием института молодой семьи. В этой связи, конечно же, крайне важно понимать специфику и природу проблем молодых семей, а также способы их решения, что, в целом, укладывается в понимание адаптивной деятельности молодых семей, хоть и протекающей в едином для всего общества экономическом, политическом и социокультурном пространстве с его проблемами и доминирующими тенденциями, но имеющей свою ярко выраженную специфику, производную от специфики самой молодой семьи как самостоятельного социального феномена со своими ресурсами адаптации и адаптационным потенциалом [7, с. 97].

Следует заметить, что, несмотря на достаточно обширное исследовательское поле изучения молодой семьи в самых различных аспектах, связанных с анализом ее типов, конфликтного потенциала, рисков распада, адаптационных, социализационных проблем, факторов стабильности / нестабильности и т.д. [2; 10; 12], единого понимания того, что она собой представляет и по каким параметрам следует ее идентифицировать, на данный момент не сложилось, если не считать того,

что зачастую исследователи обращаются к формально закрепленным нормативным критериям на уровне российского законодательства, которые определяют возрастные границы супругов в молодой семье (не более 30 лет), а также возраст самого брака, дифференцирующийся в зависимости от наличия или отсутствия детей в семье. Неполные семьи, в которых один из родителей не достиг 30-летнего возраста, также причисляются к молодым семьям, а на уровне целевых программ, реализуемых в государстве в рамках поддержки молодых семей, возраст родителей в молодых семьях продлен до 35 лет [9, с. 75].

В условиях трансформации российского общества и кризисного состояния базовых социальных институтов, определяющих характер развития в обществе семейных ценностей и отношений, их трансляции молодому поколению, благополучие и устойчивость семьи, молодая семья привлекает к себе особое внимание как субъект и объект социальной адаптации. И это далеко не случайно, так как ее репродуктивное поведение, ресурсный потенциал и уровень социальной стабильности / нестабильности выступают значимыми детерминантами демографического развития общества. В процессе адаптации к едва созданному молодыми людьми семейному миру и внешней по отношению к нему реальности молодая семья выстраивает свою семейную траекторию, историю своей семейной жизни и проходит путь институционализации с целью приобретения устойчивых общесемейных характеристик как основ для ее дальнейшего устойчивого развития как целостного образования со своими ценностями, нормами, стилями и стратегиями поведения [7, с. 95].

Именно этими обстоятельствами объясняется значимость и достаточно активное использование адаптационного подхода к исследованию молодых семей в России при всем том, что подходы применяются самые разные ввиду значительного многообразия самой теории социальной адаптации, представленной трудами как российских, так и зарубежных ученых, приоритетность которых в рамках различных исследований определяется их целями и задачами. Достаточно популярным в социологии является теория адаптации, разработанная в рамках структурного функционализма. Т. Парсонс отводил важнейшую роль адаптации как базовому условию существования социальной системы вместе с такими ее функциями, как интеграция, достижение цели и сохранение ценностных образцов [5, с. 154]. Однако в рамках исследования адаптационных процессов, связанных с адаптивной деятельностью индивидов, социальных групп, общностей в условиях трансформирующейся российской реальности, чаще используют структурно-деятельностный подход, специально разработанный российскими учеными для изучения особенностей социальной адаптации населения в условиях «переходного» периода, трансформации всей системы социальных отношений и институтов [6; 13].

Если коротко осветить суть данного подхода, то в качестве его родового свойства можно выделить первостепенную значимость субъективной деятельности субъекта адаптации, обладающего своим ресурсным потенциалом, включающим компоненты субъективного (личностного) характера и объективного, связанного со спецификой социокультурной реальности и ограничивающими свободу адаптивной деятельности индивида социоструктурными факторами. Таким ограничителями выступают особенности экономического, правового, политического, культурного, образовательного пространства общества. Однако в ряде случаев и для определенной категории лиц эти же факторы могут выступать в роли расширяющих границы адаптационной деятельности - все зависит от субъективной компоненты актора адаптивной деятельности. Важным постулатом структурно-деятельностного подхода является положение о том, что адаптация может выступать в двух формах - в форме добровольный адаптации или вынужденной.

В первом случае субъект адаптации, выбирая из представленных социальной средой возможностей адаптации, принимает происходящие в ней изменения и перспективы новых условий жизнедеятельности, так как они не противоречат его жизненным установкам, ценностным ориентациям и планам, в то время как во втором случае все кардинально наоборот - субъект адаптации вынужден принимать новую реальность, те или иные изменения в ней, хотя они и противоречат его жизненным планам и установкам, препятствуют их реализации.

В рамках структурно-деятельностного подхода социальная адаптация рассматривается как процесс приспосабливания личности, социальной группы, социальной общности, социального института, организации, общества и социальной системы в целом к внутренним и внешним изменениям, характеризующийся изменением социальных практик, стереотипов поведения, ценностей, способов восприятия реальности, а также структурно-функциональной специфики социальной системы [6, с. 39]. Нам также импонирует определение социальной адаптации как способа приспособления социального субъекта к социальной среде путем взаимодействия и согласования деятельности, а также средств для ее реализации [11, с. 183]. Так или иначе, основной чертой процес-

са социальной адаптации выступает его двусторонний характер, отражающий взаимодействие субъекта и социальной среды и предстающий в виде результата этого взаимодействия.

Социальная адаптация любой социальной группы, в том числе малой семьи, происходит на двух уровнях и, соответственно, должна изучаться в контексте адаптации к микросоциальной среде и к макросоциальной среде. На каждом из уровней процесс социальной адаптации малой семьи имеет своеобразие. На микроуровне социальная адаптация молодой семьи обусловливается спецификой микромира семейных отношений, который включает огромную палитру сюжетов и аспектов внутрисемейных отношений, детерминированных культурой и традициями различных народов, индивидуальными особенностями каждого из членов семьи, условиями (материальными, территориальными и т.д.) ее проживания и т.д.

Социальная адаптации на макроуровне связана с особенностями определяющего развития общественных отношений, тенденциями развития институтов семьи и брака, реализуемой на уровне государства семейной и демографической политикой, экономическим состоянием общества.

В совокупности микро- и макропараметров социальная адаптация молодой семьи по итоговым результатам может принять прогрессивную или регрессивную (разрушительную) форму. Последняя угрожает риском распада молодой семьи, что и определяет актуальность и значимость обращения к проблеме социальной адаптации этих семей в условиях современной, постоянно и динамично меняющейся реальности, в российских условиях имеющей ярко выраженный рискогенный характер, а это означает, что единственным способом адаптации, согласно О.Н. Яницкому, является развитие способности существовать в мире неопределенности и неожиданных перемен [14, с. 72].

Основная проблема здесь заключается в том, что семья - по своей сути система, тяготеющая к постоянству, стабильности, устойчивости и надежности (иначе теряется ее экзистенциальная сущность), должна адаптироваться к обществу, в котором эти понятия давно утратили статус отраженных в реальности, имеющих к ней непосредственное отношение, ибо «текучая современность» (З. Бауман [1]) не может быть постоянной и стабильной - разве что в своей текучести и изменчивости.

Социальная адаптация, лишенная своих созидательных основ и интенций, способностей и ресурсов, становится мощным фактором разрушения социальности, дезадаптации ключевых социальных институтов и социальных групп, и в этой связи принципиально важно знать о том, какой характер носит социальная адаптация молодых семей в российском обществе, какие силы в ее основе получают свое развитие - разрушительные или созидательные, какие риски угрожают ее благополучию и что выступает питательной почвой для их воспроизводства в сложившейся реальности.

Исходя из предложенной схемы социальной адаптации молодой семьи в России, связанной с влиянием микро- и макрофакторов социальной среды на данный процесс, можно проследить риски, угрожающие социальной адаптации этих семей. Прежде всего, необходимо сказать о том, что риски дезадаптации молодых семей в условиях российской реальности проявляются в высоком уровне разводов. Именно в первые годы создания семьи, когда ее мир еще так хрупок и неустойчив, любые негативные влияния могут привести к распаду семейного союза, и потому, по данным специалистов, порядка 30% и более всех семейных разводов в России приходится на молодые семьи [4]. Возникает закономерный вопрос: почему это происходит? Какие факторы обусловливают столь негативную ситуацию в российском обществе в сфере семейно-брачных отношений и в функционировании института молодой семьи в частности?

Обратимся к микросоциальным факторам социальной адаптации молодой семьи в России, которые, как уже отмечалось, связаны с особенностями микромира семьи и ее устоями, ценностями и ролевыми ожиданиями, типом семьи и ее этнокультурной спецификой. Непрочность молодой семьи в ряду указанных микрофакторов определяется, с нашей точки зрения, разрушением традиционных устоев семейной жизни, плюрализацией семейных норм и ценностей, разрушением системы социального контроля, осуществлявшегося со стороны родственных и общественных кругов, распадом единой семейной культуры на уровне общества, что в совокупности приводит к тому, что, вступая в семейную жизнь, в мир, полный незнакомого и ранимого, молодые люди зачастую просто не знают о «правилах игры», соблюдение которых позволило бы предотвратить семейные конфликты или вовремя их разрешить конструктивным способом.

Эти «правила игры» составляют основу семейной культуры, в которой заложены знания, ценностные представления и поведенческие нормы в области семейных отношений. В условиях кризиса семейных отношений как проявления разрушения традиционного института семьи семейная культура общества тоже испытывает кризисные явления, и механизм ее передачи через семейные, образовательные, информационные и иные каналы нарушается. Результатом этого

становится то, что молодая семья образуется и функционирует в стихийном пространстве, не содержащем в себе устойчивых ценностей и норм семейного поведения, семейной культуры.

Специалисты в области социологии семьи очень верно заметили, что «институт молодой семьи в современной России - это пространство поиска семейного счастья в условиях полумрака, который обеспечило ему трансформирующееся российское общество. Многое из того, что прежде в российском обществе рассматривалось как безусловная ценность, сегодня подвергается сомнению или вовсе отрицается. Семья, оставаясь безусловной ценностью для всех россиян, тем не менее наполняется своим ценностным содержанием для различных народов, поколений, социальных групп. И на примере молодых семей плюрализм семейных ценностей наиболее заметен» [3, с. 27].

Эффективность социальной адаптации молодой семьи в обществе зависит во многом от типа семьи, которая, по словам российских ученых, может выступать в самых различных ипостасях в соответствии с тенденциями, отражающими всю гамму развития семейных отношений в социуме, и в этой связи ими выделяются молодые семьи полные и неполные (по составу семьи), маргинальные, кризисные, благополучные, процветающие (по уровню благополучия), бедные, обеспеченные, состоятельные (по уровню экономического благосостояния); зарегистрированные и незарегистрированные (по форме брака); бездетные, малодетные, многодетные (по численности детей в семье); студенческие, однокарьерные, двухкарьерные, равные, неравные (по роду деятельности и социальному статусу супругов); моноэтнические, межэтнические, межконфессиональные, межрасовые (по этническому, расовому и конфессиональному составу); традиционные (патриархальные) и современные (эгалитарные) - по характеру семейных отношений [4].

В молодой семье каждого из указанных типов будут наблюдаться особые адаптационные проблемы и механизмы, эффективность решения которых во многом связана с благоприятной внешней средой функционирования института семьи в обществе. И в этой связи первостепенное значение приобретают факторы, связанные с социально-экономическим состоянием и развитием государства, спецификой семейной, демографической, молодежной и социальной политикой, состоянием рынка труда и перспективами жизненной (трудовой, профессиональной, семейной, экономической) самореализации.

Одним словом, на макроуровне создаются (или не создаются) условия, позволяющие с той или ной степенью эффективности решать возникающие на микроуровне семейные проблемы. Как пример можно привести неполную молодой семью, которая в современных российских условиях практически автоматически попадает в зону риска бедности и в целом дезадаптации, поскольку государство оградило себя от решения социальных проблем, и семейных проблем в частности, а одному родителю, которым в большинстве случаев оказывается мать, в условиях кризисной социально-экономической реальности невозможно справиться. В недалеком же советском прошлом в подобной ситуации молодая неполная семья имела куда более прочные экономические основания, так как составляла значимый объект государственной социальной политики и поддержки не на формальном уровне, как это происходит в современной России, а на реальном.

В завершение следует сказать, что сегодня большинство молодых семей стоят перед проблемой жилищного характера, экономического благополучия и комфортности внутрисемейных отношений, высокий конфликтный потенциал которых с последующей динамикой разводов есть отражение вынужденной адаптации к условиям трансформирующейся российской реальности с ее высоким уровнем неопределенности и кризисности. Отсутствие стабильности и определенности в социальной сфере российского общества определяет нестабильный характер развития семейных отношений в молодежной среде, в которой получают распространение «гражданские браки», стремительно утрачивается культура семейного общения, изменяется отношение к детности с акцентуацией на гедонистический образ жизни и свободные отношения, наблюдается снижение семейной ответственности, распространение девиантных форм семейных отношений, рост неполных семей в результате высокой динамики разводов [8]. Эти и другие проявления дезадаптации молодых семей в России нуждаются в глубоком социологическом осмыслении и предотвращении на уровне реальных институциональных практик с учетом совокупности факторов микро- и макросреды, определяющих адаптационный потенциал молодых семей в России, на данный момент не позволяющий эффективно адаптироваться к условиям российской реальности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. - М.: Логос, 2002.
2. Верещагина А.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Проблемы и риски распада молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики // Гуманитарий Юга России. - 2016. - № 6.

3. Верещагина А.В., Бандурин А.П., Самыгин С.И. Кризис института традиционной семьи в России и семейные траектории молодой семьи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2016. - № 11.
4. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Щербакова Л.И. Молодая семья на Юге России: проблемы адаптации в полиэтничном пространстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2016. - № 10.
5. Ковалев А.Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. - М., 1998.
6. Корель Л.В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. - Новосибирск: Наука, 2005.
7. Кострова Ю.А. Эмпирическая модель социальной адаптации молодой семьи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. - 2015. - № 3(12).
8. Михайленко Т.Н. Постмодернистская деконструкция культуры семейно-брачных отношений молодежи // URL - https://elibrary.ru/download/elibrary_26082653_59517800.pdf
9. Ростовская Т.К. Статус молодой семьи в современном российском обществе // Человек в мире культуры. - 2014. - № 3.
10. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Роль массовой коммуникации в социализации молодежи и молодых семей // Информационное общество. - 2014. - № 2.
11. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / под ред. Ж.Т. Тощенко. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
12. Федосеева М.М., Афанасьева Л.И. Социальная адаптация молодых супругов к семейной жизни // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2017. Т. 26 // URL - http://e-koncept.ru/2017/770751.htm
13. Шабанова М.А. Массовые адаптационные стратегии и перспективы институциональных трансформаций // Мир России. - 2001. - № 2.
14. Яницкий О.Н. Адаптация как вечная проблема // Власть. - 2016. - № 4.

REFERENCES

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshhestvo. [Individualized society]. M.: Logos, 2002. (In Russ.).
2. Vereshhagina A. V., Kovalev V. V., Samygin S. I. Problemy i riski raspada molodoj sem'i pervogo goda zhizni s pozicij ee tipologicheskoj harakteristiki, Gumanitarij Juga Rossii. [Problems and risks of disintegration of a young family's first year of life from the perspective of its typological characteristics], Humanities of the South of Russia, 2016, No. 6. (In Russ.).
3. Vereshhagina A.V., Bandurin A.P., Samygin S.I. Krizis instituta tradicionnoj sem'i v Rossii i semejnye traektorii molodoj sem'i, Gumanitarnye. [The Crisis of the traditional institution of family in Russia and the family trajectories of young family the Crisis of the traditional institution of family in Russia and the family trajectories of young family], Humanitarian, socio-economic and social Sciences, 2016, No. 11. (In Russ.).
4. Vereshhagina A.V., Samygin S.I., Shherbakova L.I. Molodaja sem'ja na Juge Rossii: problemy adaptacii v polijetnichnom prostranstve. [the Young family in the South of Russia: problems of adaptation in the multiethnic space], Humanitarian, socio-economic and social Sciences, 2016, No. 10. (In Russ.).
5. Kovalev A.D. Formirovanie teorii dejstvija Tolkotta Parsonsa [the formation of the theory of action of Parsons Talcott], History of theoretical sociology, M., 1998. (In Russ.).
6. Korel' L.V. Sociologija adaptacij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki [Sociology adaptations: theory, methodology and methods] Novosibirsk: Nauka, 2005. (In Russ.).
7. Kostrova Ju.A. Jempiricheskaja model' social'noj adaptacii molodoj sem'i [Empirical model of social adaptation of young family], azimuth of research: pedagogy and psychology, 2015, No. 3, p. 12. (In Russ.).
8. Mihajlenko T.N. Postmodernistskaja dekonstrukcija kul'tury semejno-brachnyh otnoshenij molodezhi. [The postmodern deconstruction of the culture of the family relations of the youth], Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_26082653_59517800.pdf (In Russ.).
9. Rostovskaja T.K. Status molodoj sem'i v sovremennom rossijskom obshhestve [the Status of a young family in modern Russian society], Man in the world culture, 2014, No. 3. (In Russ.).
10. Rostovskaja T.K., Rostovskaja N.A. Rol' massovoj kommunikacii v socializacii molodezhi i molodyh semej. [The role of mass communication in the socialization of youth and young families], Information society, 2014, No. 2. (In Russ.).
11. Tezaurus sociologii Tematicheskij slovar'-spravochnik. [Thesaurus of sociology], Thematic dictionary, Pod red, Toshhenko Zh.T. (In Russ.).
12. Fedoseeva M.M., Afanas'eva L.I. Social'naja adaptacija molodyh suprugov k semejnoj zhizni [Social adaptation of young spouses to family life], Scientific-methodical electronic journal "Concept", 2017, T, 26 Available at: http://e-koncept.ru/2017/770751.htm (In Russ.).

13. Shabanova M.A. Massovye adaptacionnye strategii i perspektivy institucional'nyh transformacij [Mass adaptation strategies and perspectives of institutional transformation], World of Russia, 2001, No. 2. (In Russ.).
14. Janickij O. N. Adaptacija kak vechnaja problema Vlast' [Adaptation as the eternal problem of Power], 2016, No. 4. (In Russ.).

Информация об авторе:

Кикоть Анастасия Сергеевна, аспирант, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия
ikot.anastasia@yandex.ru

Information about the author:

Anastasia S. Kikot, Postgraduate Student, Department of Theoretical Sociology and Methodology for Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
ikot.anastasia@yandex.ru

Получена: 03.12.2017

Для цитирования: Кикоть А.С. Риски дезадаптации молодой семьи в России. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.173-178.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-173-178.

Received: 03.12.2017

For citation: Kikot A.S. Risks of disadaptation of a young family in Russia. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 173-178.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-173-178. (in Russian)

УДК 340 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-179-182

КУЗНЕЦОВА Екатерина Евгеньевна
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
г. Москва, Россия
lkoi@list.ru

Ekaterina E. KUZNETSOVA
MGIMO University
Moscow, Russia
lkoi@list.ru

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С БЮРОКРАТИЗМОМ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

PROBLEM OF COMBATING BUREAUCRACY IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

В данной статье приведены взгляды на бюрократизм в сфере государственного управления. Выявлены современные оценки, а также пути преодоления бюрократизма в современной системе государственного управления. Проблематика разнообразия подходов к противодействию государственной бюрократии определяется тем, что каждый из методов противодействия ей заставляет определиться с целями противодействия. Бюрократия понимается как конечная проблема развития государства и ведущий источник дисбаланса системы государственного управления. В работе использованы статистический, факторный и структурный методы исследования. В ходе проведения исследования установлено, что каждый из источников бюрократии стремится к своей институционализации при снижении ответственности за принимаемые решения. Определено, что бюрократия имеет в своем генезисе общий институт государственного управления. В качестве выводов исследования определен тот факт, что отношение к государственной структуре противодействию бюрократии сводится к формированию целостности понимания методов противодействия ей. Каждый из методов должен быть обеспечен экономическими расчетами, которые определят возможность стратификации отношения населения к данной проблеме. Новизна исследования определяет возможность формирования общей расположенности исследования по структурированию противодействия государственной бюрократии на общей безусловной основе.

This article presents views on bureaucracy in the sphere of public administration. The modern estimations, and also ways of overcoming of bureaucracy in modern system of the government are revealed. The problem of diversity of approaches to confronting the state bureaucracy determined that each of the methods of countering it makes to determine the counter. Bureaucracy is understood as the ultimate problem of the development of the state and the leading source of imbalance in the system of public administration. The study used statistical, factorial and structural method of research. During the research it was established that each of the sources of bureaucracy committed to its institutionalization by reducing the responsibility for decision-making. Determined that bureaucracy has in its Genesis a General Institute of public administration. In conclusion, the study identified the fact that the attitude of the state structure of the anti-bureaucracy is reduced to the formation of integrity knowledge of the ways of countering it. Each of the methods must be provided for the economic calculations that determine the possibility of stratification of the population's attitudes to the problem. The novelty of the research determines the possibility of the formation of a General location study of structuring of the counter state bureaucracy on a common unconditional basis.

Ключевые слова: бюрократия, бюрократизм, дебюрократизация, государственное управление

Keywords: bureaucracy, bureaucratism, de-bureaucratization, public administration

Актуальность исследования. Любая управленческая система в определенной мере несет в себе бюрократизм. В истории имеются многочисленные примеры обюрокрачивания управленческого аппарата. В данном случае мы наблюдаем попытку системы государственного управления соответствовать тенденциям развития общества. То есть речь идет не только о возможности становления бюрократии как источника государственного развития, но также и как формы, которая осуществляет не только сервисные функции, но также и стремится к развитию себя как комплексного государственного решения, определяющего вектор развития государства.

Для целей понимания противодействия бюрократии необходимо четкое понимание общей структуры, которая используется бюрократией, и возможностей по формированию безусловного противодействия со стороны населения.

Цель исследования. Бюрократизм, по мнению населения, является продуктом деформации всей системы социальных интересов. Государственные органы утрачивают сугубо служебную роль, устанавливая в своих руках властные полномочия. Чем шире полномочия у управляющего органа, тем больше власти в его руках. Если контроль со стороны общества отсутствует, то власть начинает переходить в интересы самого аппарата.

Методы исследования. В исследовании применялся преимущественно метод прямого анализа, выборочного социологического исследования и общего анализа литературных данных.

Источники исследования. Источниками исследования являются статические, исторические и культурные показатели, а также материалы национальных статистических бюро.

Результаты исследования. Одна из основных причин живучести бюрократизма - отсутствие действенного контроля исполнительной власти со стороны общества. В Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» под общественным контролем понимается деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за действиями органов и организаций, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений [1]. Одни эксперты к организации общественного контроля относят привлечение некоммерческих организаций, другие - категорически против этого.

Необходимо отметить, что в первой версии законопроекта, подготовленной Общественной палатой Российской Федерации совместно с Советом при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, круг субъектов общественного контроля был значительно шире, что было нецелесообразным.

Степень бюрократизации системы в какой-то мере является фактором, определяющим ее жизнеспособность. Сам факт существования государства и государственного управления подразумевает существование бюрократии. Ее нельзя искоренить полностью, однако можно взять под общественный контроль и по возможности минимизировать. В результате развития бюрократизма формируются изощренные механизмы безответственности: желание из простого сделать сложное, распыление полномочий, многочисленные визирования, превращение сотрудника любого ранка в подчиненного. В таких условиях интересы чиновника не зависят от общественной оценки. Бюрократия считает саму себя конечной целью.

Бюрократизм необходимо воспринимать как искусственно созданную, тяжелую и хроническую болезнь органов управления на основе узурпации власти [7]. Власть бюрократизма - это власть, превращенная в самостоятельную организацию, работающую исходя лишь из собственных интересов, предающая игнорированию интересы общества. Основными свойствами бюрократизма являются отчуждение аппарата от народа, равнодушие к интересам общества в зависимости от их финансовой обеспеченности. Бюрократизм открывает негативный идеал своего чиновничьего регулирования, который состоит в том, чтобы самим издавать нормативные акты, принуждать людей к их исполнению, не допуская над собой контроля. Таким образом, основной интерес бюрократизма в управлении заключается в реализации и защите монопольного отправления бюрократией властных функций в общество.

Однако бюрократизм - это еще и практика ограничения органами участия общественности в управлении, стремление ограничить возможности каждого института гражданского общества. Характерный признак бюрократии отражает такое крылатое выражение, как «эффект вспотевшей майки». Когда все суетятся, имитируют бурную деятельность, а на выходе - никакого результата. Отсюда ни инноваций, ни творческой мысли, стремление к тоталитаризму, исключение всякого риска.

Как показали наши исследования деятельности исполнительной власти, в настоящее время бюрократизация проявляется в такой форме, как большой поток нормативных правовых документов, устанавливающих новые требования и ужесточающих существующие. Вокруг этих документов и требований формируются все новые отрасли продуктов и услуг, контролирующих органов и общественных организаций.

Ярким примером может служить бюрократизация системы госзакупок в Российской Федерации. Оформление большого объема бумаг приводит к «раздуванию» бюрократического аппарата, организации специальных разделов и подразделений, которые работают только с госзаказом, что увеличивает издержки в текущей деятельности, кроме того, отвлекаются денежные и кадровые ресурсы на оформительские и процедурные вопросы [2].

Предприниматели указывают на то, что очень сложно разобраться в забюрократизированных процедурах. Требования, предъявляемые к представителям бизнеса, написаны бюрократическим языком, а юридическая составляющая малого предпринимательства находится еще на невысоком уровне. Все это характеризует систему в контексте ее высокой бюрократизации.

В этой связи необходимо создать механизмы, обеспечивающие дебюрократизацию государственных и муниципальных институтов управления.

Дебюрократизация системы государственного управления остается трудоемким процессом. Это кропотливая работа, которая своей конечной целью имеет последовательное раскрытие возможностей демократического общества, создание достойного уровня жизни граждан.

Длительный опыт борьбы с бюрократизмом, накопленный во многих странах, показывает, что процесс дебюрократизации заменялся попыткой улучшить бюрократизированное управление.

Как отмечают многие авторы, формы «борьбы» с бюрократизмом были самыми разнообразными: от ленинских увольнений до горбачевских сокращений, от сталинских чисток до андроповских облав. Но результат один и тот же: нет побежденных и все победители. Это самый простой, но малопродуктивный путь, потому что, воздействуя на несколько миллионов чиновников, общество вряд ли покончит с бюрократизмом [2; 3].

Формирование эффективной системы социального контроля за действиями управляющей системы - реальный механизм дебюрократизации управления.

К числу универсальных способов и первоочередных мер по дебюрократизации ряд авторов относит повышение общей, в особенности управленческой, культуры, внедрение профессионального делопроизводства, использование средств автоматизации в управленческих процессах, упрощение процедур управления, придание им наглядности и доступности для широких слоев населения, возможность общественного контроля над органами исполнительной власти.

К существенным элементам дебюрократизации аппарата государственного управления можно отнести открытость и прозрачность процессов принятия общих решений, сокращение государственного аппарата, свободу доступа к информации, имеющей социальную значимость, повышение роли общественных организаций в управленческом процессе, реализацию принципа многопартийности.

Отметим, что меры по дебюрократизации могут стать действенными лишь при условии повышения общественно-политической активности граждан, новых взаимоотношений центра и периферии, «верхов» и «низов». Глубинный смысл осуществляемых в России перемен по дебюрократизации должен состоять в создании предпосылок подлинной демократизации общества, ликвидации отчуждения человека от власти, что приведет в конечном счете к ликвидации самих основ бюрократизма. Преодоление бюрократизма невозможно без глубокой и последовательной демократизации всей системы общественных отношений.

К числу других способов преодоления бюрократизма важно отнести придание большей открытости процессам принятия решений, оптимальное сокращение государственного аппарата, свободу доступа к информации, имеющей социальную значимость, повышение роли общественных организаций в управленческом процессе [4].

На повестке дня существенное упрощение процедур управления, придание им наглядности и доступности для широких слоев населения. Данный вопрос можно решить путем широкого внедрения такой формы отношений, как электронное правительство.

Обсуждение исследования. По нашему мнению, необходимо выделить направления, на которые в первую очередь необходимо обратить внимание, чтобы если не решить проблемы бюрократии в целом, то приблизиться к их решению в частности: совершенствование фундаментального образования, квалифицированных специалистов, занятых в области управления; повышение ответственности, нравственности сотрудников, занятых в сфере государственного управления; совершенствование законодательной базы, информационного обеспечения; создание условий для увеличения доли активного участия в политической жизни общества простых граждан; создание неблагоприятных условий для культивирования бюрократии в России.

По нашему мнению, среди всех предложенных средств борьбы с бюрократизмом одним из первых и главных должно быть повышение нравственности, моральных норм сотрудников государственного аппарата управления. Только гражданам с высокой политической, нравственной культурой будет по силам приблизиться к решению большинства проблем бюрократии в нашей стране.

Выводы. Главным, первичным в борьбе с бюрократией является применение совокупности мер для постепенного уменьшения размаха бюрократизма, а вторичным - давление на бюрократа. Выделяя главное, нельзя забывать, что мероприятия, направленные против бюрократизации управления, должны вестись одновременно во всех сферах жизни общества, не оставляя отдельные «островки» его возрождения.

Данные меры значительно упростят все государственные процедуры для граждан и бизнеса при предоставлении государственных услуг, что заметно уменьшит бюрократические проявления в системе государственного и муниципального управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федеральный Закон от 21 июля 2014 г. №212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» принят Государственной Думой 4 июля 2014 года // СПС «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] (Режим доступа: 05.10.2017).
2. Аристархова М.К. Стратегизация в системе института государственных закупок в России / М.К. Аристархова [и др.] // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. - 2016. - № 2. - Т. 10. - С. 23.
3. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии / В.А. Томсинов. - М.: Молодая гвардия, 2016. - С. 332.
4. Троцкий Л.Д. Немецкая революция и сталинская бюрократия / Л.Д. Троцкий. - М.: Книга по Требованию, 2011. - С. 96.
5. Туфанов А.Н. О власти и бюрократии. Туфанов А.Н.: Моногр. / А.Н. Туфанов. - М.: Спутник+. 2013. - С. 180.
6. Хасбулатов Р.И. "Бюрократия тоже наш враг…": Социализм и бюрократия / Р.И. Хасбулатов. - М.: Издательство политической литературы, 2011. - С. 334.
7. Храмцов А.Ф. Бюрократия и социальное государство / А.Ф. Храмцов. - М.: Институт социологии РАН, 2010. - С. 244.

REFERENCES

1. Federal Law of July 21, 2014 №212-FZ "On fundamentals of public control in the Russian Federation" adopted by the State Duma on 4 July 2014. ATP "Consultant Plus": [Electronic resource] Mode of access from 05.10.2017. (In Russ.).
2. Aristarkhova M.K. Strategizatsiya v sisteme instituta gosudarstvennykh zakupok v Rossii [Strategiesare in the system of state purchases in Russia]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment = Bulletin of South Ural state University. Series: Economics and management. 2016. Vol 10. No 2. P. 23. (In Russ.).
3. Tomsinov V.A. Svetilo rossiyskoy byurokratii [VA star of the Russian bureaucracy]. Molodaya Gvardiya = Young Guard. 2016. Vol. 1. P. 332. (In Russ.).
4. Trotskiy L.D. Nemetskaya revolyutsiya i stalinskaya byurokratiya [The German revolution and the Stalinist bureaucracy]. Book on Demand. 2011. Vol. 1. P. 96. (In Russ.).
5. Tufanov A.N. O vlasti i byurokratii [About power and bureaucracy]. Sputnik+ = Sputnik+. 2013. Vol. 1. P. 180. (In Russ.).
6. Khasbulatov R.I. Byurokratiya tozhe nash vrag…: Sotsializm i byurokratiya [Bureaucracy is our enemy...: Socialism and bureaucracy]. Izdatel'stvo politicheskoy literatury = Publishing house of political literature. 2011. P. 334. (In Russ.).
7. Khramtsov, A. F. Byurokratiya i sotsial'noye gosudarstvo [Bureaucracy and the welfare state]. Institut sotsiologii RAN = Institute of sociology. 2010. Vol. 1. P. 244. (In Russ.).

Информация об авторе:

Кузнецова Екатерина Евгеньевна, аспирант, кафедра социологии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России,
г. Москва, Россия
lkoi@list.ru

Information about the author:

Ekaterina E. Kuznetsova, Postgraduate Student, Department of Sociology, MGIMO University,
Moscow, Russia
lkoi@list.ru

Получена:09.12.2017

Для цитирования: Кузнецова Е.Е. Проблема борьбы с бюрократизмом в системе государственного управления. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.179-182.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-179-182.

Received: 09.12.2017

For citation: Kuznetsova E.E. Problem of combating bureaucracy in the system of public administration. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 179-182.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-179-182. (in Russian)

УДК 327

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-183-188

ПЕНЬКОВЦЕВ Роман Владимирович
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия
Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

ХАЛИД Гамдан Хаммод Мокбел
Институт международных отношений, истории и востоковедения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Россия
gamdanalzaid@gmail.com

Roman V. PENKOVTSEV
Institute of International Relations, History and Oriental Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

GHAMDAN H-M. KHALID
Institute of International Relations, History and Oriental Studies
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia
gamdanalzaid@gmail.com

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ» НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В РЕСПУБЛИКЕ ЙЕМЕН

INFLUENCE OF «ARAB SPRING» EVENTS ON THE POLITICAL SITUATION IN THE REPUBLIC OF YEMEN

В статье всесторонне анализируются предпосылки, ход и результаты «арабской весны» в странах Ближнего Востока и Северной Африки, дается системная характеристика понятия «арабская весна» в контексте исследований по истории современных международных отношений. Авторами даются основные характеристики политических режимов, находившихся у власти накануне событий «арабской весны», и объясняются основные причины возникновения народных выступлений в зависимости от конкретной государственно-политической ситуации. Особое внимание уделено уникальным прецедентам «арабской весны» в контексте политической ситуации Республики Йемен. Авторами были подробно изучены внутренние факторы, сопутствовавшие революционным процессам, как отсутствие развитой социально-экономической инфраструктуры, низкий уровень жизни, безработица и маленькая заработная плата, отсутствие программ поддержки молодежи. Также обращается внимание на основные внешние факторы, такие как инспирирование событий и даже управление ими со стороны западных (прежде всего американских) структур посредством системы Интернет и глобальных социальных сетей. В ходе исследования были выявлены основные проявления революционного процесса в йеменском народном менталитете и государственной власти, исследован феномен «арабской весны» в контексте событий в Йемене.

Ключевые слова: международные отношения, мировая политика, международная безопасность, Ближний Восток, Йемен, «арабская весна», региональные конфликты, международный терроризм, гражданская война, проблема беженцев

The article analyzes the prerequisites, the course and results of the «Arab Spring» in the countries of the Middle East and North Africa, and provides a systematic description of the concept of «Arab Spring» in the context of research on the history of contemporary international relations. The authors give the main characteristics of political regimes that were in power on the eve of the «Arab Spring» events, and explain the main reasons for the emergence of popular speeches, depending on the specific state-political situation. The main manifestations and consequences of the «Arab Spring», such as the emergence of civil wars and internecine conflicts, the formation and activities of international terrorist groups, the destruction of economic infrastructure and the refugee problem are studied in detail. Particular attention is paid to the unique precedents of the «Arab Spring» in the context of the political situation in the Republic of Yemen. The authors studied the internal factors that accompanied the revolutionary processes, such as the lack of developed socio-economic infrastructure, low living standards, unemployment and small wages, and the lack of youth support programs. Attention is also drawn to external factors, such as inspiring events and even managing them from Western (primarily American) structures through the Internet and global social networks. Thus, the events of the «Arab Spring» in Yemen represent a complex combination of internal and external factors that have affected the destabilization of the socio-political situation and, as a result, led to a systemic state-political crisis. In the course of the study, the main manifestations of the revolutionary process in the Yemeni people's mentality and state power were revealed, and the phenomenon of the «Arab spring» was investigated in the context of the events in Yemen.

Keywords: international relations, world politics, international security, Middle East, Yemen, «Arab Spring», regional conflicts, international terrorism, civil war, refugee problem

Благодарность. Авторы выражают благодарность Институту международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета.

Acknowledgement. The authors are grateful to the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of the Kazan (Volga Region) Federal University

Нет никаких сомнений в том, что революции «арабской весны» принесли известность Восточному миру. Революционное движение, которое проявилось на территории стран арабского мира в последние годы, стало крупным шагом к разрушению модели повиновения арабского народа диктаторской власти. Несмотря на разрушительную силу явления революции, оно создало плодородную среду для исследования учеными причин и факторов, которые повлияли на радикальные перемены в менталитете арабского гражданина, совершившего действия, никогда ранее не прогнозируемые большинством аналитиков и наблюдателей.

В декабре 2010 г. в арабском мире произошло то, чего не случалось в течение многих десятилетий, когда Восток был за пределами перемен и демократических преобразований. События «арабской весны» были неожиданными как для самого арабского, так и для всего мира и важнейшими в истории Востока. Эти события быстро распространялись по всем арабским государствам разного уровня, и даже государства с развитой экономикой, хорошим уровнем жизни и доходом, например страны Персидского залива, Сирии и Ливии, не стали исключением.

Существует два мнения касательно данной ситуации. Первое: арабские революции и протесты являются исключительно внутренними событиями. Сторонники этой тенденции также считают, что Запад, особенно Соединенные Штаты Америки, не положительно относятся к событиям арабской революции и рассматривают это как свершившийся факт. Второе мнение: внешний фактор играет важную роль в продвижении событий на арабских митингах и изменениях в них. В ряде рассекреченных документов, открытых на сайте WikiLeaks, написано, что Соединенные Штаты заплатили миллионы долларов организациям, которые поддерживают демократию в странах региона. Некоторые считают, что эти документы и сам сайт сыграли важную роль в том, что произошло в арабском мире, потому что в этих документах было обнаружено много информации о правителях, их окружении и коррупции, которая существует в этих странах.

Фактически революции в арабских странах начались в декабре 2010 г., хотя, несомненно, толчком к этому послужили протесты в Западной Сахаре, разгоревшиеся еще в октябре того же года. 18 декабря 2010 г. гражданин Туниса Мохаммед Буазизи совершил акт самосожжения в знак протеста коррумпированной полиции и ее жесткого обращения. Успех протестов в Тунисе воодушевил гражданскую оппозицию на беспорядки в Алжире, Иордании, Египте и Йемене, распространяясь и на другие страны арабского мира. В целом же, протесты проходили против плохого качества жизни и против существующего гражданского строя.

К маю 2012 г. восстания привели к свержению глав в четырех государствах. Тунисский президент Зин эль-Абидин Бен Али был вынужден бежать в Саудовскую Аравию после 14 января. Египетский президент Хосни Мубарак подал в отставку после массовых протестов, которые длились около трех недель. Лидера Ливии Муаммара Каддафи свергли 23 августа 2011 г., после чего он был убит 20 октября того же года в его родном городе, занятом боевиками. Правитель Йемена Али Абдалла Салех оставил свой пост 27 февраля 2012 г. [1]. Постепенно происходило накопление негатива при диктаторских и авторитарных режимах, непрерывно приближаясь к критической массе. Диктаторские и авторитарные режимы правили без демократического волеизъявления народа и интеллигенции. Таким образом, некоторые решения авторитарных и диктаторских режимов были весьма непопулярны у населения.

По сравнению с другими арабскими странами, которые переживали подобные обороты, в Сирии революция длилась гораздо больше времени. Это привело к осложнению ситуации в стране, включая вопрос сирийской оппозиции, действия которой начались в первые месяцы революции. Во главе движения стояли две основные группы: Национальный совет и Национальный координационный орган.

Кризис оппозиции углубился с появлением растущего числа новых организаций, которые невозможно перечислить и распознать их ориентации, как и определить их истинную роль в революции. Мировые державы неоднократно проявляли инициативу в решении кризиса, организуя международные совещания, встречи и конференции, такие как Женева-1, Женева-2 и Женева-3.

Несколько столиц мира стали свидетелями решительных дипломатических шагов по урегулированию ситуации. И спор между сторонами кризиса и теми, кто стоит за ними, не был решен. В основном внимание уделялось отъезду Асада и этапу после его ухода. Также кризис в государстве осложнялся появлением террористической организации ИГИЛ и ее контролем над крупными районами Сирии и Ирака [2].

Спустя шесть лет сирийской революции ситуация складывалась так, что в марте 2016 г. политическая и военная перспективы казались закрытыми для полной победы над режимом или выбора политического решения, к которому хотел бы прийти сирийский народ, принимая во внимание размеры человеческих потерь в ходе переворота. Таким образом, кризис сирийских беженцев усугублялся, олицетворяя кризис самой страны.

С начала сирийской войны международное сообщество участвовало в двух отдельных дебатах. Первое - это стратегическая дискуссия, направленная на реализацию принципа надежной безопасности, основанного на сдерживании последствий войны и предотвращении нестабильности в регионе.

По мере развития войны к повестке безопасности добавился удар по исламскому государственному проекту. В то же время шли активные дискуссии по вопросу концепции «мягкой безопасности» - лучшего способа в вопросе помощи сирийцам и решении «худшего гуманитарного кризиса с начала холодной войны». Фактически разделение между надежной безопасностью и мягкой безопасностью подтолкнуло международное сообщество уделять первоочередное внимание надежной безопасности за счет развития принципа мягкой безопасности.

С течением времени и продолжением сирийской войны международные организации и страны также должны стратегически верно направлять финансовые ресурсы, чтобы эффективно помогать беженцам и принимающим их общинам. Стратегии международной помощи, такие как Региональный план беженцев 2015 года, повышают устойчивость в принимающих общинах, а также уровень оказания помощи в краткосрочной перспективе. «Нам нужна новая структура системы помощи, которая связывает поддержку беженцев с шагами, предпринятыми для стабилизации общин, которые они организуют» [3], - отмечает Верховный комиссар ООН по делам беженцев Антонио Гутерриш. Например, Ливан нуждается в 2,5 млрд долл., чтобы восстановить уровень услуг до того, который был в стране до начала сирийской войны, сообщает Всемирный банк. В другом докладе указывается, что кризис беженцев привел к тому, что к концу 2014 г. еще 170 тыс. ливанцев оказались в бедственном положении.

Среди причин и предпосылок революционного процесса можно выделить следующие важнейшие характеристики. Во-первых, это снижение уровня жизни и стагнация социальной ситуации. Во всех странах, за исключением Саудовской Аравии и пяти стран Персидского залива, произошло снижение уровня жизни. Та же социальная ситуация складывалась в Ливии, Тунисе, но хуже всего дела обстояли в Египте. Жалобы египетских демонстрантов были направлены также на правовую и политическую жестокость полиции и законов о ЧП, отсутствие свободных выборов и свободы слова, коррупцию и экономические вопросы, включая высокий уровень безработицы, инфляцию цен на продукты питания и низкую заработную плату. Основными требованиями протестующих были: положить конец режиму Хосни Мубарака, отменить закон о чрезвычайном положении, требовали свободу слова, справедливости, отзывчивости властей, невоенного правительства, скажем, в управлении ресурсами Египта. Забастовки профсоюзов привели к давлению на чиновников.

Ситуация в Тунисе была немного лучше, люди были менее несчастными, но именно здесь начинается серия арабских революций. Однако есть вещи, которые очевидны. Экономическая стабильность и прогресс не могут отрицать необходимости основных свобод. В то время рост цен на продовольствие и высокий уровень безработицы в сельской местности вызвал первые протесты. Протесты накапливались, вызывая напряженность даже в годы политических репрессий, но последние недовольства вывели народ на улицы. Социальная ситуация в Ливии была лучше, чем в Тунисе и Египте, но и здесь накапливалось недовольство режимом Муаммара Каддафи.

Почти все арабские страны прошли через арабский социализм, который был национальной формой государственного социализма. Идеологически это была попытка игнорирования принципов рыночной экономики, что на практике нанесло ущерб экономикам арабских стран. Финансовый и экономический кризисы также резко отрицательно сказались на состоянии экономик арабских стран. Арабские страны обладают огромными запасами нефти и газа, но это не спасало их от кризиса. Большая часть доходов государства поступала из доходов от нефти, цены на которую взлетели в 1970-х годах. В 1980-е годы большая часть нефтяных денег была потрачена на закупку вооружений и спонсорство групп боевиков и движений за независимость во всем мире.

Нефтяные доходы пополняли до 58% ВВП в Ливии, который в пересчете на душу населения был высоким; индекс развития человеческого потенциала и уровень грамотности были выше, чем в Египте и Тунисе. «Арабская весна» началась с революции в Тунисе и предшествовала вспышкам протестов в Ливии. Индекс восприятия коррупции в Ливии в 2010 г. составил 2,2, рейтинг 146 из 178 стран, ситуация хуже, чем в Египте (ранг 98) и Тунисе (ранг 59). Все это создает широкий контраст между хорошим образованием, высоким спросом на демократию и практику правительства (восприятия коррупции, политической системы, основ демократии). По оценкам ливийских граждан, 13% были безработными. Более 16% семей не имели ни одного из своих членов, получавших стабильный доход, в то время как 43,3% имели только одного работающего.

Несмотря на уровень собственной безработицы, в Ливии существовала «нехватка рабочей силы» и был более чем миллион рабочих - иммигрантов из-за рубежа, что было несправедливо по отношению к собственным рабочим. Эти мигранты сформировали основную часть беженцев, по-

кинувших Ливию после начала боевых действий. Индекс человеческого развития в 2010 г. в Ливии был выше, чем даже в Саудовской Аравии. Ливия имела добротную систему социального обеспечения, которая предоставляла доступ к бесплатному образованию, бесплатной медицинской помощи и финансовой помощи для жилищного строительства. Для Африки важно обеспечить в первую очередь свободный доступ к свежей воде на большей части страны. Худшие экономические условия были в восточной части Ливии, где для Каддафи добывали нефть. Несмотря на улучшение жилищных условий, состояние городской инфраструктуры оставалось на низком уровне. Потоки сточных вод из предприятий города Бенгази привели к полному разрушению окружающей среды [4].

Йемен считается страной с одним из самых низких индексов развития человеческого потенциала в арабском мире. Более половины страны живет на два доллара в день или меньше, а треть населения страдает от постоянного голода, в стране протекает длительный конфликт с Аль-Каидой, у которой в Йемене довольно прочные позиции, а на юге страны сильна поддержка сепаратистских движений, желающих возрождения Народной Демократической Республики Йемен. Также важно упомянуть племенной тип структуры йеменского общества. Таким образом, суть явления на территории республики имела свои особенности [5].

В Йемене движение против власти активизировалось еще в 2007 г., когда на юге были выдвинуты требования автономии или независимости от Северного Йемена, на том основании, что экономические и политические жалобы населения до сих пор не нашли решения. Также в период с 2004 по 2010 г. правительственные войска провели в провинции Саада, на севере Йемена, шесть этапов вооруженного конфликта с повстанцами, известными как хоуситы, которые обвинили власти в дискриминации по политическим и религиозным предпочтениям.

Гнев народа начал возрастать к тому же из-за безработицы и коррупции во власти. Известен беспрецедентный случай 8 января 2011 г., когда президент Салех предложил внести изменения в избирательное законодательство и Конституцию, чтобы в седьмой раз участвовать в президентских выборах к концу его срока в 2013 г. В январе 2011 г., после начала движения «арабской весны» в Тунисе и Египте, событий, которые вдохновляли народ, тысячи людей вышли на улицы, чтобы потребовать конец правления находившегося у власти в течение 33 лет.

В феврале количество протестующих возросло до нескольких сотен тысяч и демонстрации начали подавляться кровавыми методами со стороны государственной власти, особенно в столице Сане, Адене и Тайз [6]. Однако протесты продолжались уже в 17 провинциях страны, а перечень требований демонстрантов все возрастал. Так, оппозиция призывала снять всех родственников президента с руководящих должностей военных и государственных учреждений. Президент пробовал разными способами смягчить ситуацию, даже открыв свой офис с целью выслушать своих граждан и обсудить их вопросы и претензии. Но со стороны оппозиции, состоящей из молодых йеменцев, на площадях и улицах города непрерывно шли обвинения в попытке разжечь племенные разногласия среди общества.

В июне 2011 г. Али Абдалла Салех получил серьезное ранение в результате теракта. В связи с недееспособностью президента его полномочия были временно переданы вице-президенту Абдраббо Мансуру Хади, который стал ответственным за проведение переговоров с оппозицией на предмет передачи власти. Встречи велись при активном содействии ССАГПЗ, спецпосланника Генсекретаря ООН Джамаля Беномара, а также США, ЕС, Китая и России и увенчались подписанием в Эр-Рияде 23 ноября 2011 г. плана мирной передачи власти. В соответствии с достигнутыми тогда договоренностями А. Салех официально отказался от своих полномочий в пользу вице-президента А. Хади, который впоследствии был избран на пост главы государства [7]. А. Хади стал президентом и содействовал реструктуризации армии и отстранению всех родственников бывшего президента от руководства в министерствах обороны и внутренних дел, в остальных государственных учреждениях, чем вызвал положительную реакцию мятежников.

Новый виток противостояния начался в 2014 г. (президентское кресло вместо сметенного «арабской весной» Салеха уже занимал Абд Раббо Мансур Хади). Формальным поводом для шиитского мятежа послужило повышение цен на бензин, в котором хоуситы винили коррумпированное правительство. Численность «Ансар Алла» к тому моменту превышала 100 тыс. человек. За короткое время мятежникам удалось взять под контроль несколько мухафаз (провинций) на северо-западе страны, и к 21 сентября хоуситы с боями захватили часть столицы государства, включая некоторые правительственные здания и радиостанцию. Президент Хади был вынужден подписать с хоуситами договор, по которому представители движения могли получить шесть министерских портфелей в новом правительстве. Впрочем, этим правом мятежники так и не воспользовались [8]. Салех не совсем ушел с политической сцены в Йемене, он остался лидером партии Алмотамр Алшааби Аллам, главной партии в стране, верховодившей более 30 лет. Очевидно, что сторонники

партии действовали в ее интересах, в которые не входили так называемое мирное соглашение о переходе власти и стабильность в стране.

Хусииты не остановили войну, всегда находя новые поводы для продолжения конфликта, и двигались в сторону столицы с намерением перевернуть режим и возглавить государство. Также они выдвигали свои требования к А. Хади, который активно пытался противостоять их действиям. Таким образом, будучи следствием явных недостатков в государственном режиме арабского мира и бездействия властей, «арабская весна» стала логичной реакцией населения, однако ее результат лишь разочаровал народ.

Аналитики предполагали успех революционных действий, падение режима, приход новых молодых демократических деятелей власти, которые бы учитывали интересы граждан страны. Итогом, напротив, стала гражданская война, тотальное уничтожение инфраструктуры, свержение множества политиков без изменения в режиме и позитивных последствий. Не стоит и говорить о многочисленных человеческих потерях в ходе протестов, митингов и терактов. Государства разделились на более мелкие регионы, контролируемые несколькими вооруженными группировками, которые также воюют между собой, параллельно оказывая давление на ополченцев, на старый режим и новую перспективную власть, сея беззаконие, хаос и тиранию.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в арабском мире давно назревал конфликт на почве недовольства населения повышенным уровнем коррупции, отсутствием надлежащего уровня образования, распределением денежных средств в ряде государств, безработицей у молодежи, отсутствием свободы у СМИ, выборов. Это и послужило поводом для участия США в жизни населения под видом социальных, экономических, образовательных организаций, также организаций по защите прав человека и СМИ. Но это привело к тому, что арабский мир перестал быть самостоятельным в управлении своими государствами.

Что касается прогнозов относительно дальнейшего развития событий на территории арабских государств - проведение большого референдума за независимость на курдской территории, являющегося проектом США, не дает надежду на решение проблемы мирным путем. Однако нельзя отрицать вероятность начала еще нескольких гражданских войн и конфликтов на границах севера и юга государств.

Государства неумолимо подтверждают тенденцию дробления на все более мелкие регионы, и оптимальным решением в этой ситуации будет внедрение политики федерализма, но все это двояко, и ни один прогноз не дает стопроцентной вероятности его исполнения, как провалились прогнозы относительно результатов «арабской весны». Очевидным является лишь факт необходимости того, чтобы мировые державы обратили свое внимание на ситуацию в Восточном мире и поспособствовали скорейшему решению кризиса в регионе и в Йемене дипломатическим путем.

REFERENCES

1. Gali A. Prichiny i posledstviya arabskikh revolyutsiy poslednego vremeni (The causes and consequences of the recent Arab revolutions), Available at: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1427693760 (accessed 13.09.2017).
2. الثورةالسورية/ Syrian Revolution, Available at: http://www.aljazeera.net/encyclopedia/events/2016/3/7/الثورة-السورية(accessed 31.10.2017).
3. والامن الاقليميللاجئون السوريون/ Syrian refugees and regional security, Available at: http://carnegieendowment.org/sada/58981 (accessed 20.09.2017).
4. Posledstviya Arabskikh revolyutsiy i prichiny ikh vozniknoveniya (Consequences of the Arab revolutions and the reasons for their occurrence), Available at: http://rassvet-info.ru/events/rossiya/arabskie-revolyutsii.html#ixzz4sBtStvpU (accessed 21.10.2017).
5. Yemenis take to the streets calling for President Saleh to step down, Available at: https://www.theguardian.com/world/2011/jan/27/yemen-protests-president-saleh (accessed 26.10.2017).
6. إشكالية التحولات السياسية في اليمن ؛ الفرص والتحديات/ The problem of political transitions in Yemen; opportunities and challenges. 1990 - 2012, Available at: http://repository.aabu.edu.jo/jspui/handle/123456789/300 (accessed 26.09.2017).
7. Kassad K. Krizis v Yyemene i perspektivy rossiyskoy diplomatii (Crisis in Yemen and prospects of Russian diplomacy), Available at: http://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&sid=9261 (accessed 01.11.2017).
8. Dergachev S. Burya v pustyne (Storm in the desert), Available at: https://lenta.ru/articles/2015/01/29/desert/ (accessed 11.09.2017).

Информация об авторах:

Пеньковцев Роман Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия
Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

Халид Гамдан Хаммод Мокбел, аспирант, кафедра международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
г. Казань, Россия
gamdanalzaid@gmail.com

Получена: 05.12.2017

Для цитирования: Пеньковцев Р. В., Халид Г.Х.-М. Влияние событий «Арабской Весны» на политическую ситуацию в республике Йемен. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.183-188. doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-183-188.

Information about the authors:

Roman V. Penkovtsev, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Relations, Global Policy and Foreign Area Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
Roman.Penkovtsev@kpfu.ru

Ghamdan H-M. Khalid, Postgraduate Student, Department of International Relations, Global Policy and Foreign Area Studies, Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
gamdanalzaid@gmail.com

Received: 05.12.2017

For citation: Penkovtsev R.V., Khalid G. H-M. Influence of «Arab Spring» events on the political situation in the republic of Yemen. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 183-188.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-183-188. (in Russian)

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-189-193

САМОХИН Александр Анатольевич
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
samalex-55@mail.ru

Alexander A. SAMOKHIN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
samalex-55@mail.ru

МАРКАРЯН Врам Врамович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
vram.markaryan@mail.ru

Vram V. MARKARYAN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
vram.markaryan@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ УХУДШЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕС

KEY ASPECTS OF DETERIORATION RELATIONS BETWEEN TURKEY AND THE EU

В данной статье анализируются основные причины значительного ухудшения отношений между Турцией и Евросоюзом с 2015 г., аргументы сторон и тенденции развития в условиях кризиса отношений. С 2015 г. одним из главных факторов напряжения отношений между Турцией и Евросоюзом считается миграционный кризис в Европе, которым Турция на правах регулятора потока беженцев в страны ЕС попыталась воспользоваться в целях получения политических выгод, что привело к взаимной критике. Способствовали охлаждению отношений действия внутри самой Турции. После попытки военного переворота летом 2016 г. по стране прокатилась волна задержаний государственных чиновников, военных, журналистов и т.д., на что страны ЕС не могли не обратить внимание, обрушившись с критикой на турецкое руководство. В статье также анализируется сильнейшее обострение отношений в марте 2017 г., поводом которого стали итоги референдума 16 апреля 2017 г., когда ряд стран Евросоюза отказал в проведении митингов в поддержку референдума в Турции представителям правящей партии. Несмотря на различие и взаимные упреки, ни одна из сторон не перешла к решительным действиям, которые обозначили бы конец турецко-европейских отношений.

This article analyzes the main causes a significant deterioration of relations between Turkey and the European Union in 2015, the arguments of the parties and tendencies of development in the context of a crisis in relations. In 2015 one of the main factors of tension in relations between Turkey and the EU is the immigration crisis in Europe, to which Turkey on the rights of the regulator of the flow of refugees to the EU countries, tried to use with the aim of obtaining political benefits. That has led to mutual criticism. Contributed to the cooling of relations between activities in Turkey. After the coup attempt in the summer of 2016, around the country, a wave of arrests of government officials, the military, journalists, etc. On that EU countries could not pay attention, unleashed criticism on the Turkish leadership. The article also analyzes the strongest tensions in March 2017. The reason of which was the results of the referendum on 16 April 2017, when a number of EU countries refused to hold rallies in support of the referendum in Turkey's ruling party. In spite of differences and recriminations, not one of the parties moved to take decisive action that would end the Turkish-European relations.

Ключевые слова: Турция, Евросоюз, Германия, Нидерланды, Австрия, Еврокомиссия, Европарламент, Ангела Меркель, Тайп Рэджеп Эрдоган, Чавушоглу, Юнкер, миграционный кризис, военный переворот, референдум, Кипр, Гюлен, курды, интеграция, безвизовый режим, Боздагу, Зейкбенчи, Кайя, терроризм, Турецкая Республика, Ататюрк

Keywords: Turkey, European Union, Germany, Netherlands, Austria, European Commission, European Parliament, Angela Merkel, Recep Tayp Erdogan, Cavusoglu, Junker, migration crisis, military coup, referendum, Cyprus, Gulen, Kurds, integration, visa-free regime, Bozdag, Sakbani, Kaya, terrorism, Republic of Turkey, Ataturk

Проблема отношений Турции и Евросоюза (ЕС) является одной из самых острых и актуальных во внешней политике Турции. На протяжении 30 лет Турция демонстрировала свой политический выбор развития в пользу Европы, пытаясь добиться статуса полноправного члена ЕС.

Сам Евросоюз, как может показаться, несомненно заинтересован в сотрудничестве с Турцией, в первую очередь из-за ее географического и геополитического расположения. С 1987 г. Турция является стратегическим партнером Запада, играя роль сдерживающего фактора на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Есть у ЕС и другие аргументы в пользу интеграции с Турцией. Во-первых, это продвижение влияния через Анкару в страны Азии, во-вторых, это выход к новым источникам энергоресурсов, также интеграция Турции приведет к переходу расчетов с традиционного доллара к евро, что по факту приведет к усилению европейской валюты по отношению к доллару [1].

С 1987 г. Анкара подала заявку на членство, а в 1999 г. приобрела статус официального кандидата на вступление.

Несмотря на очевидные плюсы интеграции, ЕС не торопится принимать Турцию в семью европейских стран, ограничиваясь соглашениями и ассоциациями. В последние годы отношения между Турцией и Евросоюзом ухудшились. Пытаясь держать Турцию в союзниках, ЕС оттягивал процесс интеграции Турции обещаниями и продвигал социально-экономические реформы, которые сделали бы Турцию на шаг ближе к Европе. Знак вопроса во взаимоотношениях возник в 2004

г., когда членами ЕС стали почти десяток стран, толком не прошедших подготовительный путь. Турецкий народ увидел истинное отношение к их стране [2].

Одной из причин ухудшения отношений между Турцией и Евросоюзом можно считать миграционный кризис 2015 г.

Из-за огромного потока беженцев Евросоюз в спешке заключил 18 марта 2016 г. соглашение с Турцией, в котором Анкара выступает сдерживающей стороной у границ с Европой и регулирует поток беженцев. Евросоюз, в свою очередь, выплачивает Анкаре 3 млрд евро на содержание беженцев. В качестве оплаты Турция потребовала от ЕС предоставить безвизовый режим для граждан Турции с 1 июля 2016 г. и ускорить переговоры по будущему членству Турции в ЕС. У Анкары появляется рычаг давления на ЕС в целях получения политических и экономических преференций [3].

Однако соглашение дало трещину уже через два месяца. 24 мая 2016 г., выступая на стамбульском саммите ООН по гуманитарным вопросам, президент Тайип Рэджеп Эрдоган пригрозил Евросоюзу, что отменит соглашение по беженцам в случае, если для турецких граждан до 1 июля не будет введен безвизовый режим. Через два дня, 26 мая, в публичном заявлении председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер выразил недовольство тоном турецкого президента. В унисон с коллегой выступил и председатель Европейского совета Дональд Туск, призвав турецкую сторону воздержаться от угрожающей риторики в адрес ЕС. 25 мая канцлер Германии Ангела Меркель ответила на угрозы Т.Р. Эрдогана, довольно спокойно отметив, что Анкара не выполнила всех 72 условий для отмены визового режима и «для этого потребуется больше времени» [4].

В сложившейся ситуации «историческая» сделка по миграционному кризису между Турцией и Евросоюзом вышла на самый высокий уровень взаимных угроз и претензий.

В то же время Турция отказывается от выполнения основной части соглашения по членству в ЕС, а именно приведения своих антитеррористических законов в соответствие со стандартами ЕС, так чтобы выступающие с критикой политики правительства не подвергались преследованию и заточению. Т.Р. Эрдоган, однако, настаивает на том, что закон о борьбе с террористами используется против джихадистов Исламского государства (ИГИЛ) (организация, запрещенная в Российской Федерации) и в соседних странах, таких как Ирак и Сирия, а также против курдских боевиков. Параллельно на фоне осложнения отношений с Турцией и миграционного кризиса в самой Европе нарастают антиисламские настроения, особенно в Германии и Франции. С 2015 г. наблюдается стремительный всплеск авторитета правых сил, получивших реальную возможность в ходе предвыборных кампаний формировать негативное отношение в обществе в отношении проводимой властями миграционной политики и мигрантов.

Правые обрушили обвинения в адрес канцлера Германии, других глав государств, руководства ЕС и возложили на них ответственность за сложившуюся ситуации, а соглашение определили удобной почвой, создавшей основу для шантажа турецкой стороной.

Новым поводом ухудшения европейско-турецких отношений стали последствия неудавшегося военного переворота 16 июля 2016 г. и массовые аресты военных, депутатов, общественных деятелей, ученых и журналистов, причастных к попытке переворота, под руководством живущего в США проповедника-оппозиционера Фетхуллаха Гюлена. По состоянию на май 2017 г. было задержано по подозрению в организации мятежа более 50 тыс. человек. Подобным образом Т.Р. Эрдоган, воспользовавшись ситуацией, зачистил внутреннюю политическую площадку, репрессивно устранив политических конкурентов в лице лидеров прокурдской Демократической Партии Народов (ДПН), уличенных в связях с Рабочей Партией Курдистана (РПК), признанной террористической организацией на территории Турции.

Реакция на подобные аресты не заставила себя ждать. Члены Евросоюза обрушились с обвинениями в адрес турецких властей в нарушении международного права, отсутствии презумпции невиновности, утверждали, что списки арестованных по обвинению в подготовке переворота были составлены заранее. Еврокомиссар Йоханес Хан 18 июля заявил, что массовые аресты и угрозы вернуть смертную казнь - это не та реакция, которая должна быть у турецкого лидера после попытки военного переворота, а Анкара подвергла сомнению принципы правового государства. Фредерика Могерини обвинила турецкие власти в грубейшем нарушении принципа верховенства закона: «Ни одна страна, где существует смертная казнь, не может быть членом Евросоюза. ЕС занимает последовательную позицию против применения этой меры». Канцлер Германии Ангела Меркель выразила глубокую озабоченность арестами сотрудников оппозиционной газеты Cumhuriyet, заявив, что свобода слова и прессы будут играть центральную роль на переговорах о вступлении Турции в ЕС [5]. Евросоюз выступил единым фронтом, осуждая турецкое руководство. Подобные заявления представителей ЕС значительно понизили энтузиазм Анкары в стремлении интегрироваться в семью европейских народов, посеяв новые зерна раздора. По Центральной Ев-

ропе прошли митинги с участием курдов, которые призывали к ответу Анкару за крайние действия. В свою очередь, власти Турции обвинили Евросоюз во вмешательстве во внутренние дела страны, пособничестве терроризму и шантаже. Выступая перед студентами, президент Эрдоган заявил: «Запад не сделал ничего хорошего для Турции, которую вот уже на протяжении 53 лет заставляют ждать у дверей ЕС» [6].

Причиной другого рода дипломатического скандала послужил референдум 16 апреля 2017 г. о внесении изменений в турецкую конституцию, упраздняющих институт премьер-министра, предусматривающих подчинение кабинета министров и вооруженных сил непосредственно президенту. Тем самым изменялась структура государственной власти, создавалась опасность к сворачиванию демократических основ Турецкой Республики, заложенных Ататюрком, так как в руках президента сосредоточивались колоссальные полномочия, открывающие широкие возможности в принятии единоличных решений. Т.Р. Эрдоган верно оценил и решительно использовал благоприятно складывающуюся на тот момент геополитическую конъюнктуру и внутреннюю ситуацию в интересах укрепления собственной позиции посредством референдума. Впервые организовывая референдум, президентское окружение предприняло серьезные усилия, чтобы заручиться электоральной поддержкой турецких общин зарубежья. Наиболее многочисленные из них находятся в Германии, где проживают около 3 млн турок, во Франции - около 650 тыс., в Нидерландах - около 400 тыс., большая часть имеющих по турецкому законодательству право избирательного голоса на исторической родине.

Однако идея проведения референдума в части перспектив несбалансированного укрепления личной президентской власти и вовлечения в него турок-мусульман столкнулась с мощнейшим сопротивлением европейских политических элит. По мнению С. Корсунского, Евросоюз не мог оставаться в стороне от данного процесса из-за того, что Турция является кандидатом на вступление в ЕС. В Европе и так растут антиисламские настроения, правые приходят к власти и местным властям вовсе не нужно «исламского авторитаризма» [7]. Правительства Германии, Нидерландов и Австрии не разрешили на своей территории проведение массовых митингов с участием политиков и членов правительства Турецкой Республики в поддержку референдума. Так, 2 марта было отказано в проведении митинга и встрече с избирателями министру юстиции Турции Б. Боздагу в городе Гаггенау, хотя всего за неделю там же свободно прошел митинг, организованный оппозицией. Турецкому министру экономики Н. Зейкбенчи было отказано в участии на двух митингах. 5 марта он был вынужден проводить встречу со сторонниками в отеле. Также 6 и 7 марта не удалось выступить перед избирателями министру энергетики Т. Йилдызу в Нюрнберге и Гросскронценбурге. Правительство Нидерландов 5 марта рекомендовало не посещать страну и не проводить митинги в поддержку «укрепления авторитарной власти» президента Эрдогана министру иностранных дел Турции М. Чавушоглу. Властями была запрещена посадка самолета, на борту которого М. Чавушоглу летел в Роттердам, «по соображениям безопасности и в целях сохранения общественного порядка». По мнению турецких СМИ, это свидетельствует о противодействии свободному, демократическому волеизъявлению. Чуть позже был остановлен кортеж с министром социального развития и по делам семьи Турции Ф. Кайя, которая въехала в Нидерланды из Германии. Члена турецкого правительства объявили персоной нон-грата и выдворили из страны в Германию. Многочисленные демонстранты, ожидавшие министра Кайя, были разогнаны водометами и конной полицией.

Австрия также отменила митинги в целях сохранения общественного порядка. Однако митинги против изменений в конституции успешно прошли во многих европейских городах, на что турецкое правительство обвинило власти Германии и Нидерландов в «возрождении нацизма». МИД Турции пригрозил Нидерландам санкциями, а посольство и генконсульство Нидерландов в Анкаре и Стамбуле были заблокированы. Посла Нидерландов, который находился в Гааге, попросили не возвращаться в Турцию [8]. Турецкие газеты запестрили карикатурами и фотографиями Ангелы Меркель в образе Гитлера.

Евросоюз не заметил, как политикой противодействия консолидировал турецкий народ вокруг президента и укрепил его позиции, создав образ недоброжелательного соседа в своем лице.

16 апреля так называемый референдум «ДА» состоялся: с небольшим перевесом 51% за и 49% против победила правящая партия. У президента Эрдогана появилась возможность обратить вспять реформы, проведенные Ататюрком в 1923 г., сблизившие Турцию с западным миром.

Возникшие осложнения между Турцией и ЕС свидетельствуют, что в политических курсах обеих сторон больше серьезных различий, чем общих интересов. Страхи Европы ясны. В Германии, Бельгии и Нидерландах турок с радостью принимали, когда промышленность этих стран остро нуждалась в рабочей силе. С тех пор как сталелитейная и текстильная индустрии в результате кризиса умерли, дети и внуки первых турок-переселенцев стремительно теряют рабочие места. По этой причине проживающее общинами, целыми кварталами в европейских городах турецкое

население все более маргинализируется. Соответственно, повышается градус исламофобии и национализма у коренного населения. Кроме того, благодаря семидесятимиллионному населению, в случае обретения официального статуса государства-члена ЕС, Турции будет позволено иметь второе по количеству депутатское представительство в Европарламенте, что резко изменит общую политическую ситуацию и расстановку сил в Европе. Более того, фактически переговоры с Турцией в полную силу не идут уже много лет. Причиной тому является принципиальный отказ Турцией с 2005 г. признавать страну Евросоюза Кипр. Северную часть острова Турция оккупировала вопреки нормам международного права. Все попытки решить эту проблему не увенчались успехом. Нет даже признаков, что глава Турции пойдет на уступки [9].

Европейские страны по-настоящему вряд ли хотят видеть в своих рядах Турцию, потому что она иная: мусульманская, авторитарная, бедная. Еще Турция обладает внушительной армией (второй по численности в НАТО), имеющей значительный боевой опыт ведения боевых действий. Турция, управляемая крайне амбициозным лидером в лице Т. Эрдогана, претендует на роль регионального лидера и выстраивает многоходовую геополитику. Тем не мене, несмотря на все противоречия и возможные угрозы, исходящие от турецкой стороны, ЕС от такого союзника не откажется, а, учитывая объективные преимущества партнерских отношений, будет стремиться ситуационно их поддерживать на высоком уровне. Не стоит также воспринимать абсолютно заявления президента Т.Р. Эрдогана о вероятности прекращения отношений, направленных на интеграцию с ЕС. Евросоюз - главный инвестор и кредитор Турции, и выходить из важного для турецких экспортеров таможенного союза глава Турции не будет ни при каких обстоятельствах.

Стоит отметить также, что обе стороны, обмениваясь достаточно серьезными обвинениями, тем не мене воздерживаются от практики применения действий, наносящих непоправимый ущерб взаимовыгодным интересам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баширова А.Р. Исламский фактор в процессе интеграции Турции в Европейский Союз / А.Р. Баширова // Ислам на современном Востоке. - 2004. - Ст. 306.
2. Мирзаян Г. Взаимный шантаж // РИА Новости. - 29.11.2016.
3. Тимофеев П.П. Влияние миграционного кризиса в ЕС на отношения ЕС и Турции (2015-2016 гг.) // Вестник МГИМО. - 2016.
4. *Европейская редакция* **EADaily** [Электронный ресурс] / Углубляется Турецко-Европейский кризис. URL: http://ruskline.ru/ 28.05.2016.
5. Зорилэ Д., Самойленко А., Крючков И. [Электронный ресурс] / Газета.ru. - 18.07.2016.
6. Жирнов А. Эрдоган заявил, что Запад не сделал для Турции ничего хорошего [Электронный ресурс] // РИА Новости. - 07.11.2016.
7. Кюхлер Т. ЕС не может себе позволить конфликт с Турцией [Электронный ресурс] // Inosmi.ru. - 14.03.2017.
8. Корсунский С. Конфликт между Турцией и Европой: причины и последствия [Электронный ресурс] // Segodnya.ua. - 13.03.2017.
9. Коростиков М. Почему Турции не место в Евросоюзе [Электронный ресурс] // Коммерсант.Ru. - 05.09.2017.

REFERENCES

1. Bashirova A.R. Islamskiy factor v procese integracii Turcii v Evropeiyskiy souz [Islamic factor in the process of Turky's integration into the European Union]. Islam na sovremennom Vostoke, 2004. pp. 306.
2. Mirzajan G. Vzaimnyy shantazh [Mutual blackmail]. Available at: RIA Novosti, accessed: 29.11.2016.
3. Timofeev P.P. Vliyanie migracionnogo krizisa v ES na otnoshenija ES i Turcii 2015-2016 [The impact of the migration crisis in the EU on EU-Turkey relations 2015-2016]. Vestnik MGIMO 2016.
4. *Evropeijskaja redakcija EADaily. Uglubljaetsja Turecko-Evropejskij krizis [To deepen the Turkish European crisis].* Available at: /http://ruskline.ru/ (accessed: 28.05.2016).
5. Zorile D. Samojilenko A. Kruchkov I. Mest' Erdogana napugala Zapad (Erdogan's revenge scared the West) Available at: Gazeta.ru. (accessed: 18.07.2016).
6. Zhirnov A. Erdogan zajavil, chto Zapad ne sdelal dlja Turcii ne chego horoshego [Erdogan stated that the West did for Turkey not what good]. Available at: RIA Novosti. (accessed: 07.11.2016).

7. Kuhler T. ES ne mozhet sebe pozvolit' konflikt s Turcieji [The EU can not afford to conflict with Turkey]. Available at: Inosmi.ru (accessed: 14.03.2017).
8. Korsunskiji S. Konflikt mezhdu Turcieji I Evropoji [Conflict between Turkey and Europe: cause and consequences]. Available at: Segodnya.ua (accessed: 13.03.2017).
9. Korostikov M. Pochemu Turcii ne mesto v Evrosouze [Why Turkey does not belong in the European Union]. Available at: Komersant.Ru (accessed: 05.09.2017).

Информация об авторах:

Самохин Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории и международных отношений, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
samalex-55@mail.ru

Маркарян Врам Врамович, магистрант, кафедра всеобщей истории и международных отношений, факультет истории, социологии и международных отношений, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
vram.markaryan@mail.ru

Получена:05.12.2017

Для цитирования: Самохин А.А., Маркарян В. В. Ключевые аспекты ухудшения отношений между Турцией и ЕС. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.189-193.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-189-193.

Information about the authors:

Alexander A. Samokhin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations,
Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
samalex-55@mail.ru

Vram V. Markaryan, Master Student, Department of General History and International Relations, Faculty of History, Sociology and International Relations, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
vram.markaryan@mail.ru

Received: 05.12.2017

For citation: Samokhin A.A., Markaryan V.V. Key aspects of deterioration relations between Turkey and the EU. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 189-193.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-189-193. (in Russian)

УДК 338.574 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-194-199

ШАИДОВ Магомед-Арби Юнусович
Институт государственной службы и управления (ИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
г. Москва, Россия
mashaidov@mail.ru

Mohammed-Arbi Yu. SHAIDOV
Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russia
mashaidov@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В ПОСТРОЕНИИ ЭФФЕКТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ

RESEARCH OF FOREIGN EXPERIENCE IN BUILDING EFFECTIVE MODELS OF PENSION PROVISION OF THE POPULATION

В статье проведен сравнительный анализ пенсионной системы России и ряда европейских стран, являющихся по оценкам ведущих рейтинговых агентств наиболее развитыми. В частности, пенсионная системы Российской Федерации сравнивается с такими странами, как Австралия и Новая Зеландия. Для этого проведено сравнение пенсионных систем указанных стран по факторам соотношения среднего размера пенсии жителей со средней заработной платой, возрастом выхода на пенсию, иным условиям пенсионных накоплений. Уделено внимание и пенсионной системе стран, в которых она практически отсутствует, а пенсия выплачивается лишь отдельным категориям граждан (Индия, Китай, Таиланд). Актуальность темы обоснована тем, что пенсионная система государства является важным индикатором выполнения его социальных функций. В особенности это ставится на первое место в странах, бюджет которых имеет социальную направленность. В число таких стран входит и Российская Федерация, провозгласившая себя социальным государством. Однако в России пенсионная система находится в стадии становления и развития, исходя из чего, важно исследовать позитивный и негативный опыт пенсионного реформирования других стран. В работе использованы статистический, факторный и структурный метод исследования. Отрицательным моментом в пенсионной системе России, по нашему мнению, является размер отчислений заработной платы, который наиболее высокий среди анализируемых стран. Следует, однако, отметить, что в России наблюдаются преобладание показателя по отношению среднего размера пенсий с прожиточным минимумом. Впервые в научной литературы определено, что большинство структурных изменений в пенсионной системы протекает в неэффективной социально-экономической среде.

Ключевые слова: пенсионная система, модель, реформа, накопления, Пенсионный фонд, социальная функция, возраст, средняя заработная плата

In the article the comparative analysis of pension system of Russia and some European countries according to leading rating agencies, the most developed. In particular the pension system of the Russian Federation is compared with such countries as Australia and New Zealand. For this comparison of pension systems of these countries by factors of the ratio of the average size of pension's inhabitants of these countries with the average salary, age of retirement, other terms of pension savings. Focuses on the pension system of the countries in which it is practically absent, and the pension is paid only to certain categories of citizens (India, China, Thailand). The relevance of the topic is justified by the fact that the pension system of the state is an important indicator of the performance of its social functions. In particular, it placed first in the countries, the budget has a social orientation. In a number of countries including the Russian Federation, which proclaimed itself as a welfare state. However, in Russia the pension system is in the process of formation and development, therefore, it is important to explore positive and negative experience with pension reform in other countries. The statistical, factorial and structural method of investigation was used in the work. The negative point in Russia's pension system, in our opinion, is the size of payroll payments, which is the highest among the countries analyzed. It should be noted, however, that in Russia there is a predominance of the indicator in relation to the average size of pensions with a subsistence minimum. For the first time in the scientific literature it is determined that the majority of structural changes in the pension system take place in an inefficient socio-economic environment.

Keywords: pension system, model, reform, savings, Pension Fund, social function, age, average wage

Актуальность исследования. Современная пенсионная система Российской Федерации находится в стадии реформирования. Планируется, что итогом проводимых реформ станет формирование такой системы, которая в полном объеме обеспечит заботу обо всех гражданах нашей страны. Для достижения указанной цели Министерство финансов России решило использовать опыт благополучных в данном отношении стран - Австралии и Новой Зеландии. Стоит отметить, что до настоящего времени опыт этих стран активно не использовался зарубежными государствами.

Особенность пенсионной системы Австралии и Новой Зеландии заключается в том, что их граждане самостоятельно перечисляют деньги в государственный фонд на формирование размера пенсионных выплат. Этим они формируют страховую часть отчислений. Действующая система предполагает возможность отказа от получения пенсии в будущем либо забор всех средств [2].

Цель исследования. Цель данной статьи заключается в рассмотрении и проведении сравнительного анализа пенсионной системы России и ряда европейских стран.

Методы исследования. В исследовании применялся преимущественно метод прямого анализа, выборочного социологического исследования и общего анализа литературных данных.

Источники исследования. Источниками исследования являются статические, исторические и культурные показатели, а также материалы национальных статистических бюро.

Результаты исследования. В Австралии пенсию получают граждане страны и иммигранты, имеющие постоянную визу, которые прошли ценз оседлости. В качестве ценза в стране выступает критерий постоянного проживания на территории страны: он должен быть не менее десяти лет. Время проживания исчисляется суммарно, но один из периодов должен быть не менее пяти лет.

Пенсионный возраст граждан Австралии наступает в 65 лет, в независимости от пола. Здесь стоит отметить, что к 2023 г. правительство планирует поднять возраст до 67 лет [6]. Стаж и место работы будущих пенсионеров не имеют значения - пенсию выплачивают даже тем, кто никогда в жизни не работал. Размер выплат зависит от семейного положения, количества детей на иждивении, годового дохода и наличия имущества в собственности. Максимальная сумма - 1590 долл. в месяц на одинокого пенсионера и 1200 долл. для тех, кто состоит в браке. Пенсия в Австралии разделена на две части - государственную и частную (накопительную). Размер пенсии зависит от дохода - чем выше заработок, тем ниже пенсия. Максимальные выплаты получают одинокие пенсионеры, чей месячный заработок не превышает 328 долл., и пенсионеры, которые состоят в браке и зарабатывают не более 584 долл. в месяц [7].

Источником накоплений для выплаты государственной части пенсии являются ежемесячные отчисления работодателей, отчисляющие 9% от зарплаты работника в частный пенсионный фонд при условии, что сотрудник старше 18 лет и работает более 30 часов в неделю. К 2025 г. правительство планирует увеличить процент отчислений до 12%. Пенсионный фонд работник вправе выбрать сам. В Австралии таких фондов огромное множество, и различаются они размером вступительного взноса и процентами, которые взимаются с отчислений за обслуживание. Фонд можно менять. После того как работник определится с фондом, он может выбрать, оставить перечисляемые им средства на хранение под фиксированный процент или инвестировать. Вариантов для инвестиций несколько - акции австралийских или зарубежных компаний и недвижимость. Если вклад был успешным, фонд возвращает процент и пенсия повышается.

Большинство фондов предоставляет клиентам возможность отслеживать пенсионные накопления с помощью онлайн-кабинета. Они также могут переводить деньги с одного вида инвестиций на другой. Деньги из фонда возможно забрать по достижении 60 лет. Налогом накопленная сумма не облагается. Пенсионер сам решает, как с ними поступить - купить виллу на берегу моря или добавить накопления к государственной пенсии. В случае серьезных проблем со здоровьем или финансовых трудностей пенсию можно забрать в 55 лет. Но для этого необходимо предъявить соответствующие справки или документы [7].

Накопительную часть пенсии в Австралии можно увеличить, если воспользоваться программой Super Co-contribution [7]. За каждый дополнительный взнос в пенсионный фонд со стороны работника государство добавляет определенную сумму накоплений. Государственная доплата зависит от величины взноса работника и размера его годового дохода. Участвовать в программе могут лица моложе 71 года с годовым доходом не выше 50 тыс. австралийских долларов. Предприниматели имеют возможность открытия собственного пенсионного фонда. При успешном и умелом инвестировании такие фонды приносят большой доход. Кроме того, государство предоставляет бизнесменам со своим пенсионным фондом «скидку» на налог на прибыль предприятия - 15% вместо 30% общепринятых.

Государство строго следит за работой таких фондов. Раз в год их владельцы должны представлять отчет о работе фонда в Australian Taxation Office [7] и заключение аудитора, который контролирует инвестиционную деятельность фонда.

Чтобы поощрять работающих пенсионеров, правительство Австралии ввело еще одну пенсионную программу - Work Bonus [7]. В соответствии с ней первые 500 долл. с зарплаты работающих пенсионеров не учитываются при расчете пенсии. Если пенсионер зарабатывает 700 долл. в месяц, то по программе Work Bonus в налоговой декларации о доходах для пенсионного фонда учитываются только 200 долл., и пенсионер может претендовать на максимальный размер пенсионных выплат [6].

Еще одним видом пенсионной поддержки населения Австралии является инструмент Pensioner Concession Card, который предоставляет Центрлинк - ведомство министерства социаль-

ного обеспечения. С помощью карты пенсионер получает возможность скидки при покупке рецептурных лекарств в аптеках и медицинских услуг. По этой карте медикаменты можно купить всего за шесть долларов (стоимость лекарств в Австралии может достигать 300 долл.) [6]. В Австралии для пенсионеров имеются и другие льготы - бесплатный проезд на общественном транспорте и пр.

Таким образом, пенсионная система Австралии является привлекательной для жителей страны и позволяет им формировать достаточной капитал к пенсионному возрасту, который они вправе расходовать по своему усмотрению. Однако недостатком австралийской модели пенсионных накоплений является правило доходов: чем они больше, тем ниже размер государственной пенсии. Частная пенсия тоже входит в перечень доходов. Одинокий пенсионер получит пенсию в полном объеме, если его доход составляет сумму меньше 130 AUD. Для семейной пары - 230 AUD. Получая дополнительный доход, пенсионер рискует лишиться государственного пособия. Это является причиной удержания своих доходов работающими пенсионерами ниже установленного порога.

Далее рассмотрим пенсионную систему Новой Зеландии, которая является одной из самых щедрых в мире. Пенсия в этой стране выплачивается каждому жителю страны по достижении 65 лет.

Согласно данным 2016 г., размер пенсионных выплат в стране составляет [9]:

• $23 058.36 (по курсу новозеландского доллара - 961 066 руб.) в год на одинокого человека;

• $17 458.48 (728 261 руб.) в год на каждого супруга в паре.

Сумма выплачивается вне зависимости от доходов человека. Причем пенсионер имеет право продолжать работать и получать ежемесячные выплаты. Около 17% новозеландцев работают после достижения пенсионного возраста.

По данным сайта Enz.org, для того чтобы получать пенсию в Новой Зеландии, необходимо прожить в стране не менее 10 лет (с 20-летнего возраста). Пять лет из этого срока должны прийтись на период после 50 лет.

Новая Зеландия имеет страховые соглашения с Австралией, Канадой, Данией, Грецией, Ирландией, о. Гернси, Голландией и Великобританией. Это означает, что время, прожитое в этих странах, также учитывается при выплате пенсий в Новой Зеландии. И, наоборот, если человек не хочет терять новозеландскую пенсию, ему необходимо проводить в государстве не менее 26 недель в год.

Благодаря такой пенсионной политике страна всегда остается привлекательной для пожилых иностранцев. Например, многие британцы выбирают Новую Зеландию как место для проживания старости. В 2014 г. в государстве жило примерно 60 тыс. граждан Великобритании [9].

Как правило, государственной пенсии достаточно, чтобы поддерживать обычный образ жизни. Если жители хотят более дорогих развлечений, то на протяжении всей карьеры откладывают небольшие суммы в частные пенсионные фонды. Как правило, ежемесячно работник откладывает около 3-8% своего дохода. Многие работодатели также оказывают поддержку.

Кроме того, некоторые новозеландцы вкладывают средства в недвижимость. Они покупают дом и гасят ипотеку за счет арендаторов. По завершении выплат, как раз ближе к пенсионному возрасту, они получают дополнительные доходы от сдачи в аренду недвижимости.

При этом при продаже недвижимости нет налога на полученную прибыль. Это стало одной из причин бума недвижимости в стране. Цены растут с каждым годом, поэтому сегодняшняя покупка, скорее всего, будет стоить намного дороже в будущем. А прибыль идет в личный карман.

Большинство пенсионеров в Новой Зеландии живут самостоятельно.

В 2001 г. более 90% пожилых людей жили в своих домах. Государство это приветствует и оказывает всяческую поддержку:

• организовывает доставку горячих обедов на дом;

• социальные службы помогают людям с работой по дому;

• оказывается помощь в передвижениях по городу.

Остальные 10% людей живут в домах престарелых, пансионах и даже мотелях. Некоторые предпочитают переезд в специальные поселки для людей за 50 (дети и более молодые туда могут приехать только в гости), где они также живут независимо, но в непосредственной близости от всех необходимых услуг. Те, кто не может жить самостоятельно, живут в домах для престарелых. При отсутствии денег их содержание оплачивает государство. Весь общественный транспорт для пенсионеров бесплатный.

Что касается медицинской страховки, то пенсионеры Новой Зеландии получают хорошие скидки на общественную страховку, больничные услуги бесплатные. В стране существует широкая сеть организаций, помогающих пенсионерам физически, эмоционально и психологически.

Интересно, что многие новозеландцы после выхода на пенсию начинают учиться и берут курсы в университетах. Существуют даже специальные образовательные учреждения, ориентированные на пожилых студентов.

Также много людей занимается различными видами спорта и активного отдыха. Это повышает благополучие жизни. По данным 2008 г., наиболее популярными направлениями были: ходьба, садоводство, плавание, гольф, танцы, рыбалка, кегли, велоспорт и йога. 82% людей увлекались как минимум одним видом активного времяпрепровождения [9].

Таким образом, пенсионная система Новой Зеландии, по нашему мнению, отличается наибольшей эффективностью и привлекательностью для жителей. Ее изучение не представило возможности выделить хоть какие-то недостатки. О том же свидетельствует и тот факт, что продолжительность жизни новозеландцев к 2016 г. достигла максимальных значений: 83 года для женщин, 80 лет для мужчин.

Для того чтобы провести сравнительный анализ основных индикаторов эффективности пенсионной системы перечисленных стран и России, в таблице представим параметры исследуемой категории, сравнив их с Индией, как страной, не имеющей полноценной пенсионной системы.

Табл. 1. Параметры пенсионных систем России, Австралии, Новой Зеландии и Индии
Table. 1. Parameters of pension systems in Russia, Australia, New Zealand and India

Параметр оценки	**Россия**	**Австралия**	**Новая Зеландия**	**Индия**
Пенсионный возраст граждан страны	55,5 лет женщины, 60,5 лет мужчины	65 лет	65 лет	Выплачивается государственным служащим пенсионного возраста - 65 лет
Необходимый стаж работы для получения пенсии	15 лет	Нет ограничений	Нет ограничений	40 лет
Средний размер пенсии (долл. в мес.)	300	1921	1590	20
Возможность работы и получения пенсии	возможно	Имеется	Имеется	Нет
Размер отчислений от заработной платы	22%	9%	3%	10% от заработной платы госслужащих
Соотношение среднего размера пенсии: с величиной прожиточного минимума	1,74	0,87	0,87	0,03
Соотношение размера пенсии со среднемесячной заработной платой	0,55	0,59	0,61	0,01
Наличие дополнительных выплат пенсионерам	Имеются	Нет	Нет	Нет
Соотношение государственной и накопительной выплат	6/16	-	-	-

Источник: составлено автором самостоятельно по данным сайтов Правительства РФ, Новой Зеландии, Австралии, Индии.

Source: compiled by the author independently according to the websites of the Government of the Russian Federation, New Zealand, Australia, India.

Представленный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Преимущество российских пенсионеров заключается в возрастном ограничении, который в нашей стране ниже, чем во всех анализируемых странах. Однако преимущества австралийских и новозеландских пенсионеров перед российскими заключаются еще и в том, что для выхода на пенсию у граждан этих стран не существует ограничений по стажу работы. Для получения пенсии ограничение есть в Индии, где пенсия выплачивается только государственным служащим, к тому же возраст их должен быть не ниже 65 лет.

Примечательно, что во всех европейских странах имеется возможность продолжения дальнейшей работы для пенсионеров и одновременного получения пенсии, чего не наблюдается в Индии [8].

Данная тенденция связана с отсутствием активности частных накоплений населения в негосударственных пенсионных фондах. Естественно, на это есть ряд причин, среди которых нена-

дежность негосударственной пенсионной системы страны, недоверие населения страны к негосударственным финансовым и инвестиционным структурам, наличие фактов мошенничества со стороны накопительных структур.

Средний размер пенсии в стане превышает на 74% величину прожиточного минимума, что связано с сильной заниженностью официального уровня показателя в России, и не соответствует реальности. В то же время прожиточный минимум новой Зеландии и Австралии установлен на уровне средней заработной платы этих стран.

Соотношение средней пенсии и размера величины прожиточного минимума в Индии гораздо ниже, чем в исследуемых странах. Это связано с очень низким размером пенсии и низким уровнем жизни населения этой страны.

В то же время соотношение размера пенсий и средней месячной заработной платы россиян находится на меньшем уровне, чем тот же показатель у новой Зеландии и Австралии. А Индия находится вообще на очень низком месте по данному показателю.

Преимущество пенсионной системы России заключается в наличии дополнительных выплат пенсионерам, которых нет в других анализируемых странах. Так, например, по распоряжению правительства Российской Федерации всем пенсионерам по итогам января 2017 г. было дополнительно к пенсии выплачено по 5000 руб. [2]

Подобные выплаты встречались и ранее в размере 1000, 3000, 4000 руб. Однако это компенсируется низким уровнем пенсии, выплачиваемой российским пенсионерам, в сравнении с развитыми странами.

Показатель соотношения государственной и накопительной выплат актуален только для Российской Федерации, поскольку лишь у него пенсионный фонд делит привлеченные средства от работодателей на данные позиции.

Что касается Новой Зеландии и Австралии, то там преимущественно накопление происходит за счет частных накоплений граждан страны, которые активно производят их на протяжении всего периода жизни в разные частные пенсионные фонды.

Таким образом, несмотря на ряд недостатков пенсионного обеспечения в нашей стране, можно сделать вывод, что отечественная пенсионная система в определенной мере отвечает потребностям развитого общества и ей можно дать среднюю оценку, поскольку в мире имеется ряд стран, в которых она либо вообще отсутствует, либо сформирована на уровне обеспечения государственных служащих.

Выводы. Отрицательным моментом является, безусловно, то, что размер отчислений от заработной платы находится на довольно высоком уровне: это слишком высокая нагрузка на большую часть работодателей, что заставляет их уводить официальные доходы своих работников в тень.

К тому же далеко не вся сумма отчислений, получаемая Пенсионным фондом РФ от работодателей, поступает в распоряжение пенсионеров по выходе их на пенсию.

На наш взгляд пенсионная модель новой Зеландии и Австралии является более привлекательной для проживающих в этих странах граждан, поскольку она позволяет им обеспечивать свои потребности и достойное проживание в преклонном возрасте, не перегружая при этом бюджет страны в части социальных расходов. Правительству РФ возможно использовать опыт пенсионных систем указанных стран, однако следует помнить, что уровень недоверия российских граждан к негосударственным инвестиционным структурам достаточно высок ввиду негативного опыта прошлых лет. Поэтому следует обратить внимание на разработку мероприятий, формирующих определенный уровень лояльности российских граждан к негосударственной пенсионной системе, внедряя инструменты ее устойчивости и стабильности ее институтов. Это позволит не только повысить средний размер пенсии жителей страны, но и снизить нагрузку в части социальных расходов на бюджет страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 N 400-ФЗ
2. Клименко А. В. Пенсионная система России и зарубежных государств: сравнительно-правовой анализ // Молодой ученый. — 2017. — №12. — С. 406-409.
3. Понятие «пенсия» // Большой словарь русского языка. URL: http://www.dict.t-mm.ru/enc_sl/p/peno.html (дата обращения: 20.10.2017).
4. Понятие «пенсионное обеспечение» // Академик. URL: http://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/7619 (дата обращения: 20.10.2017).

5. Исследование Австралийского бюро статистики «Население по возрасту и полу, регионы Австралии, 2012». Электронный ресурс: http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Products/3235.0~2012~Main+Features~Main+Features?OpenDocument#PARALINK
6. Австралийская пенсионная система. Австралийский информационно- новостной портал. Электронный ресурс: http://australiaworld.ru/zakonodatelstvo-avstrali/avstraliiskaja-pensionnaja-sistema.html (дата обращения: 20.10.2017).
7. Годовая доходность фонда пенсионного фонда. Официальный сайт фонда AustralianSuper. Электронный ресурс: http://www.australiansuper.com/investments-andperformance/superannuationperformance/investmentsperformanceannual.asp (дата обращения: 20.10.2017).
8. Пенсионная система Индии // Кайлаш. URL: http://kailash.ru/c001/1420.html (дата обращения: 20.10.2017).
9. Пенсия в новой Зеландии// http://visasam.ru/emigration/australiafrica/pensiya-v-novoi-zelandii.html (дата обращения: 20.10.2017).

REFERENCES

1. Federal'nyy zakon «O strakhovykh pensiyakh» ot 28.12.2013 N 400-FZ. (In Russ.).
2. Klimenko A. V. Pensionnaya sistema Rossii i zarubezhnykh gosudarstv: sravnitel'no-pravovoy analiz [Pension system of Russia and foreign countries: comparative legal analysis]. Molodoy uchenyy = Young scientist. 2017. Vol 14. No 12. Pp. 406-409. (In Russ.).
3. Ponyatiye «pensiya» [The concept of "pension"]. Bol'shoy slovar' russkogo yazyka = Great dictionary of the Russian language. Available at: URL: http://www.dict.t-mm.ru/enc_sl/p/peno.html (accessed: 20.10.2017). (In Russ.).
4. Ponyatiye «pensionnoye obespecheniye» [The concept of "pension"]. Akademik = Academician. Available at: URL: http://yuridicheskaya_encyclopediya.academic.ru/7619 (accessed: 20.10.2017). (In Russ.).
5. Issledovaniye Avstraliyskogo byuro statistiki «Naseleniye po vozrastu i polu, regiony Avstralii, 2012» [A study by the Australian Bureau of statistics "Population by age and sex, regions of Australia, 2012"]. Available at: URL: http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/Products/3235.0~2012~Main+Features~Main+Features?OpenDocument#PARALINK (In Eng.).
6. Avstraliyskaya pensionnaya Sistema [The Australian pension system]. Available at: URL: http://australiaworld.ru/zakonodatelstvo-avstrali/avstraliiskaja-pensionnaja-sistema.html (accessed:: 20.10.2017). (In Eng.).
7. Godovaya dokhodnost' fonda pensionnogo fonda [The annual yield of the pension Fund]. Available at: URL: http://www.australiansuper.com/investments-andperformance/superannuationperformance/investmentsperformanceannual.asp (accessed: 20.10.2017). (In Russ.).
8. Pensionnaya sistema Indii [Pension system in India]. Available at: URL: http://kailash.ru/c001/1420.html (accessed: 20.10.2017). (In Russ.).
9. Pensiya v novoy Zelandii [Pension in new Zealand]. Available at: URL: http://visasam.ru/emigration/australiafrica/pensiya-v-novoi-zelandii.html (accessed: 20.10.2017). (In Russ.).

Информация об авторе:

Шаидов Магомед-Арби Юнусович, аспирант, Институт государственной службы и управления (ИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия
mashaidov@mail.ru

Получена: 16.12.2017

Для цитирования: Шаидов М-А. Ю. Исследование зарубежного опыта в построении эффективных моделей пенсионного обеспечения населения страны. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.194-199.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-194-199.

Information about the author:

Mohammed-Arbi Yu. Shaidov, Postgraduate Student, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
mashaidov@mail.ru

Received: 16.12.2017

For citation: Shaidov M-A.Yu. Research of foreign experience in building effective models of pension provision of the population. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 194-199.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-194-199. (in Russian)

УДК 811.161.1 (038) DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-200-205

ШАХБАЗЯН Марина Анатольевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
cappadocia@list.ru

ЛУЧИНСКИЙ Юрий Викторович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
lyv22@mail.ru

ФАКТОРОВИЧ Александр Львович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
af03@mail.ru

Marina A. SHAHBAZYAN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
cappadocia@list.ru

Yurii V.LUCHINSKY
Kuban State University
Krasnodar, Russia
lyv22@mail.ru

Alexander L.FAKTOROVICH
Kuban State University
Krasnodar, Russia
af03@mail.ru

МЕДИЙНЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

THE MEDIA RISKS IN THE TRANSFORMATION OF COMMUNICATIVE SPHERE

В статье рассматриваются медийные риски, возникающие при трансформации коммуникативного пространства. На основе рабочего определения медийного риска выделяются его зоны, рискогенные подсистемы, характерные для различных медийных условий и в ряде случаев требующие экспертирования. Обосновывается комплексный характер объектов лингвистических экспертиз текстов медиа. Дискурсивная поддержка и когнитивная координация определяются как взаимосвязанные тенденции. Слова, идеи, тексты объединяются как цельный объект рискогенного характера. Этот подход обусловлен сочетанием трех установок: растущей значимостью комплексных объяснительных установок; полиэпистемическими, междисциплинарными. Это позволяет показать, что коммуникативная категоричность и семантическая недостоверность спорных текстов коррелируют, формируя особую «рискогенную модель». Коммуникативная категоричность определяется как средство компенсировать конкретную семантическую недостоверность. И семантическая недостоверность характеризуется как предпосылка избыточной коммуникативной резкости.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная поддержка, жанр, когнитивные координаты, коммуникативная категоричность, коммуникативное пространство, лингвистическая экспертиза, медийные риски, семантическая недостоверность, объяснительная установка, системные отношения, спорный текст, трансформация коммуникативного пространства.

The article deals with media risks arising during the communicative space transformation. On the basis of a working definition of media risk, its zones, risk subsystems, characteristic of different media conditions and in some cases requiring expert evaluation are singled out. The complex character of objects of linguistic examinations of media texts is substantiated. Discursive support and cognitive coordination are defined as interrelated trends. Words, ideas, texts are united as a single object of a risk character. This approach is conditioned by a combination of three attitudes: growing importance of complex explanatory settings; polyepistemic, interdisciplinary. This allows us to show that the communicative categoricity and semantic unreliability of the disputed texts correlate, forming a special “risk-based model”. Communicative categoricity is defined as a means to compensate for a specific semantic unreliability. And semantic unreliability is characterized as a prerequisite for excessive communicative sharpness.

Keywords: discourse, discourse support, genre, cognitive coordinates, communicative categoricity, communicative space, linguistic expertise, media risks, semantic unreliability, explanatory attitude, system relations, controversial text, communicative space transformation

1. Преобразования в коммуникативных сферах, характерные для современного периода, крайне многогранны; они высвечивают и новую систему категориальных тенденций, и ее связь с обновлением практической деятельности. Все глубже открываются, например, грани и последствия глобализации: «Культурные связи, которые раньше формировались в рамках юрисдикции одного государства, теперь освобождаются от такой зависимости. Глобализация, кроме того, лишает власти возможности препятствовать проникновению в страну и распространению нежелательной информации» [10, с. 258]. Такое распространение, закономерное в условиях отмеченных преобразований, сопряжено с возможным риском для самих медиа, для аудитории, для социума.

Принципиальна установка именно на новые взаимные связи, которые показывают многомерную сущую динамику как в теории, так и в эмпирии.

В этих познавательных обстоятельствах для системы теоретизации становится особо значим феномен риска, осмысляемый в теории познания, в гуманитарных науках как потенциальная опасность в понятийном ряду «угроза - деструкция - дестабилизация» ...[3, с. 21 и след.]. Принятыми в этой сфере являются представления о зонах риска, о рискогенности, которые в

предлагаемой статье дополняются рабочим понятием «носитель риска». Показательно, что «концептуальные основы мониторинга рисков» у специалистов иллюстрирует яркий медийный материал [6, с. 281].

2. Основная задача статьи - выявить сущностную сторону медийного риска в связи с преобразованием в сфере общения; показательными проявлениями служат материалы СМИ, вызывающие целесообразность экспертизы.

Проиллюстрируем эту познавательную ситуацию примером /а/, который появился в Интернете в сентябре 2017 г. и вплоть до декабря распространялся в СМИ. (Далее, в разделе 3.2 предлагаемой статьи приводим соотносительный пример /б/ и по соображениям емкости ограничиваемся их анализом). См.:

/а/«Ассаляму аляйкум всем мусульманам и тем, кто себя считает таковыми, срочно этот человек на фото ниже оскорбляет аллаха, его посланника и насмехается над религией аллаха, оскорбляет мусульман и думает что ему это сойдет с рук, он - армянин, предположительно из Краснодара… Найдите его сами и зарежьте» (https://vk/com/wall243695280_1303).

Именно современное преобразованное коммуникативное пространство, в котором подобный контент, разжигающий вражду, уже бывал сопряжен со сверхтекстовыми действиями, включая убийства журналистов, оказывается «благоприятной средой» для новых рисков. Такой контент определяем как носитель риска, а ситуацию - как однозначно рискогенную. Рискогенность обусловлена нарушением целого ряда этических требований. Очевидно, момент осознанности риска связан с расчетом привлечь дополнительное внимание аудитории. Верификация этого предположения проводится далее в понятийном и эмпирическом планах.

3.1. Обратимся к первому аспекту характеристики медийных рисков в условиях преобразования коммуникативных сфер - к понятийному.

При всей новизне проблемы, можно отметить отдельные характерные линии ее теоретизации. Они глубинно связаны между собой. Таковы установка, во-первых, на широту представления, которая, во-вторых, преломляется в практике, а в-третьих, дополняется разнообразными линиями освещения.

Первая установка, расширение подходов, - сущая для пространства общения: «Конец XX - начало XXI века - это время парадигмальных сдвигов, когда меняются формы коммуникации и коммуникативные практики. Сегодня общепринято полагать, что это обусловлено технологическими изменениями, однако один из отцов-основателей подобного подхода М. МакЛюэн говорил о том, что религия и культура также имеют огромное значение в развитии общества. Кроме того, "инстанцией, многомерно конституирующей социум" становятся медиа. Однако лишь синхронное изучение медиапространства не позволяет точно отделить случайное от закономерного, а потому важен и исторический подход, который исповедовал старший коллега М. МакЛюэна Х. Иннис» [12, с. 5]. Соответственно, в науке о журналистике отмечается значительное понятийное и эмпирическое расширение объектной сферы. При этом объект определяется в системной динамике, а не только в устойчивости. Объектом оказывается именно расширение как процесс [см. 9, с. 154]. Эта понятийная доминанта находит воплощение в практике выявления рисков, когда все больше внимания привлекают именно комплексные спорные объекты, интегрируются «слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа» [см. 7, с. 216]. В свою очередь, такой рост эмпирического обеспечения закономерно приводит медиаведов, практиков к уточнению зон риска. Их область, при всей цельности, оказывается соответственно широкой: от возможной геополитической дестабилизации, именно в наше время показательной для медиа определенной направленности и не случайно отмеченной белорусским специалистом в 2017 г., - до освещения юбилеев в СМИ, которому тоже присущи риски, «опасности» [3; 11]. Три выявленных позволяют использовать комплекс шести взаимодополняющих рабочих представлений (обладающих и признаками понятия). Это носитель риска, зона медийного риска, рискогенный материал, рискогенная ситуация, рискогенная подсистема, рискогенная модель. Уместно также условное наименование «медиарискология» - область изучения медийных рисков.

3.2. Отметив первый аспект характеристики медийных рисков в условиях преобразования коммуникативных сфер - понятийный, перейдем ко второму, то есть к своеобразию медийного материала, раскрывающего риски. Подчеркнем, что медиа при этом отражают интенсификацию «взаимодействия, социальной интеграции и актуализации противоречий в современном обществе» [5, с.148].

3.2.1. Обратимся к ранее предваренному примеру /б/ - репрезентативному рискогенному тексту, который был представлен в различных версиях: от видеофайла до материала печатных СМИ «КУБАНЬ - ЭТО УКРАИНА!!!». (В мае-июне 2015 г. размещен в группе «Кубань! ОТКРОЙ ГЛАЗА», по адресу: vk.com/otkroy_glaza_kuban, социальной сети «В Контакте»; он стал предметом разбирательства в суде, принявшем решение, которое в октябре 2015 г. вступило в за-

конную силу; аналогичны иные многочисленные материалы, например уголовное дело № 15901085 по ст.280.1 ч.1 УК РФ, по нему 21.12.2015 Октябрьский районный суд г. Краснодара вынес обвинительный приговор; уголовное дело № 15901118 по ст.205.2 ч.1 УК РФ, аналогичный приговор 13.05.2016 вынесен Северо-Кавказским окружным военным судом).

3.2.2. Наиболее очевидно модельный характер рискогенности раскрывается в элементах двух смысловых полей медиатекста, представляющих этнополитическую и военную сферы. (В характеристике элементов опираемся на лексикографические источники, причем привлекаем и тематический словарь, поскольку в данном аспекте тематические и семантические систематики совместимы. Емко представляет эту линию системности актуальный *Источник:* Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В.Морковкина. М.: Рус.яз., 2010. 560 с., см. соответственно с.478 и 494, подразделы тематической области «Общество»: «***Вооруженные силы»; «Нации и национальные отношения».*** *Выделено авторами словаря).*

Первую, этнополитическую сферу иллюстрируют такие типичные для экспертируемого материала высказывания: «Дорогие кубанцы Украина поможет вам вернуться домой!».

Соответствующие номинации представлены в 62 единицах из 81 высказывания, составляющего материал; и высокую общую долю единиц данной группы, 76,5% , подкрепляет линейная распределенность по трем сильным текстовым позициям: исходной, центральной, финальной.

Сходные данные речевой системности, 80% с аналогичной линейной распределенностью, характеризуют вторую смысловую область, характерную для материала, - военную. См. единицы в нижеприведенных фрагментах (выделены нами. - *М.Ш., Ю.Л., А.Ф.*):

«Кубанцы,...чистите **пулемет (**...)

В сети появились якобы карты-схемы **генштаба ВСУ** по возврату Крыма и **захвату** Кубани. (...)

И вот уже партнеры Украины из НАТО проводят около Кубани свои **учения».**

3.2.3. Системную рискогенность создает категоричность в медиатексте и отражающие ее призывы. Категоричность связывается с их коммуникативной сущностью, отмечаемой и в специальных источниках по экспертизе: «Призыв - это особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой: "Я хочу, чтобы ты сделал Р"» [1, с. 412. Р - предикат, отражение того или иного действия, состояния и т.п.]. Для другого феномена, недостоверности как стороны комплексных объектов экспертирования, в качестве теоретической предпосылкой служит когнитивное несоответствие между информацией и представляемой в дискурсе реальностью (недостоверность в общем смысле). Наиболее актуальна для решаемой задачи медиаведческая конкретизация данного общего понятия, а именно «недостоверное субъективное знание» [8, с. 139]. В недостоверности могут обобщаться значимая неполнота представлений и намеренная искаженность. Соответственно, глубинные мерки такой недостоверности определяются в широких границах: от элементарного незнания до сложной манипулятивно-искажающей установки.

Обратимся к рассмотрению категоричности и недостоверности как сторон комплексного объекта экспертизы. Проиллюстрируем два данных феномена поочередно, а затем отметим специфику их единства.

3.2.3.1. Рискогенную категоричность в экспертируемом материале наиболее емко представляет ряд, объединяющий четыре основных компонента (см. ниже единицы, выделенные в примере). Это /а/ форма предложенческой предикативной парадигмы с побудительным значением; /б/ усиление этой коммуникативно-грамматической семантики эмоциональной окраской высказывания - троекратным восклицательным знаком в вышеприведенном заглавии; /в/ лексическое средство передачи категоричности-неизбежности, наречие «обязательно»; /г/ средства, системно связанные с вышеуказанными /а-в/ и намечающие мотивацию такой категоричности. См.:

/а/ «Кубанцы...открой глаза - ...чистите пулемет...!»;

/б/ «Кубань обязательно вернется в украинскую семью»;

/в/ «КУБАНЬ - ЭТО УКРАИНА!!!»;

/г/ «Осталось лишь проявить необходимую волю и решимость по возвращению Кубани на родину (...)

Александр Турчинов заявил, что на правах широкой автономии Украина готова принять в свою семью только Кубань - обширный регион России с глубокими украинскими корнями».

Последнее высказывание - одно из средств концентрированного выражения указанного намерения. Оно также подтверждает модельную суть рискогенности.

Минимальное представление семантической структуры релятивного типа и ее наполнение - «Украина примет в свой состав регион России».

В плане риска особенно важен совмещенный с категоричностью саморазоблачительный

оттенок. Риск становится очевиден: глубинным смыслом раскрывается противозаконность высказанных намерений: действия, которые «должны совершить» кубанцы по категоричному призыву Турчинова и его единомышленников, - нарушение норм, представленных в «Главе 1. Основы конституционного строя» действующей Конституции РФ. (Возможный выход той или иной территории из состава РФ оговорен конституционными - общепризнанными - нормами волеизъявления. Между тем в тексте призыв к этому выходу Кубани из РФ прямо противоречит конституционным нормативным условиям - он нацелен на насильственные действия). В заключительных фрагментах дискурса с повышенной весомостью эту категоричность усиливает своеобразное «пугающее коммуникативное радушие»:

«Дорогие кубанцы Украина поможет вам вернуться домой!»

3.2.3.2. Уже в приведенном высказывании представлена значимая связь между категоричностью и другим рискогенным феноменом - недостоверностью.

Заключительная единица, наречие «домой», представляет в качестве дома кубанцев, граждан России, совсем иное государство, Украину.

Данная установка предварена подсистемой соответствующих лексико-семантических средств. В ней взаимодействуют два рискогенных смысловых направления: это смещение согипонимии в гипо-гиперонимию и лексико-семантическая конверсия. Отметим каждое из двух средств. Объективно между двумя топонимами «Кубань» и «Украина», именованиями соседних территорий, определяются согипонимические отношения: обе единицы именуют земли, населенные восточными славянами (может быть выделена архисема «славянство»), преимущественно православными и т.п.

Однако в тексте - носителе риска - наводятся иные, гипо-гиперонимические отношения и, соответственно, представление кубанцев как частного по отношению к украинцам.

Это выражено специализированно на двух уровнях: заглавием «КУБАНЬ - ЭТО УКРАИНА!» и его раскрытием, разносторонней конкретизацией в озаглавленном тексте.

См.: «Культурная и ментальная Кубань всегда была и есть Украиной»; «…кубанская область, ставропольщина и черноморская губерния почти сто лет назад были с Украиной единым целым». Указанное смещение поддерживается следующим смысловым рядом: украинским землям объединиться - украинские патриоты - украинство.

Между тем заявляемые связи обладают всеми признаками недостоверности, измышления. Это подтверждается единством характеристик. Наводимая в дискурсе «соотнесенность» не представлена ни в одном актуальном источнике, включая самые разнообразные: российские украинофильские, классические и недавние украинские, в том числе учебники истории. Нет соответствующих утверждений даже в источнике, нацеливающем на исключительную роль Украины в развитии казачества вообще [13]. И в неоднозначном исследовании В.А.Брехуненко [2] отсутствуют подобные высказывания. Судя по документам, а также другим достоверным свидетельствам, в упомянутый период 1918 г. «Законодательная Рада в Екатеринодаре провозгласила Кубанскую область республикой» - 8 января 1918 г., но нигде не определялось вхождение ее в какую бы то ни было украинскую территорию.

Показательны в этой зоне риска 2015 г. утверждения о действиях «по возврату Кубани на родину. …В Украине никто не скрывает таких планов. В сети появились якобы карты-схемы генштаба ВСУ по возврату Крыма и захвату Кубани».

Возвратить можно то, что было твоим, возврат определяется как восстановление утраченных отношений собственности, принадлежности (в очень широком смысле). Это раскрывается толкованиями приведенного отвлеченного существительного с процессным значением и мотивирующих его глаголов, см.:

«**ВОЗВРАТ**. К Возвратить-возвращать и Возвратиться-возвращаться»; «**ВОЗВРАТИТЬСЯ**=Вернуться»; «**ВЕРНУТЬСЯ**. 1. Прийти, приехать обратно…». Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: РАН; Норинт, 2009. 1550 с. С. 142; 119. То же - в других актуальных словарях).

Между тем захват, как насильственное действие, резко отличен от декларируемого возврата.

Отнесенность к одной ситуации двух крайне различных смыслов уточняет их системную связь и раскрывает недостоверность как зону риска. Причем она явлена именно в коммуникативном пространстве.

3.3. Как показывает материал, рискогенность определяется сторонами двух феноменов, коммуникативной категоричности и семантической недостоверности.

С одной стороны, если необходимо когнитивное коммуникативное воздействие, а достоверность информации не определяется, - ее отсутствие влечет за собой у ангажированного, агрес-

сивного адресанта применение средств категоричности.

С другой стороны, доминанта категоричности сама по себе может приводить к игнорированию необходимой меры достоверности в смыслах формируемого дискурса.

Такая парадоксализация проблемы - предпосылка уменьшить деструктивную опасность медийного риска.

Итак, в материале на основе выявления медийного риска выделяются его зоны, рискогенные подсистемы, характерные для различных медийных условий и в ряде случаев требующие экспертирования. Анализ позволяет конкретизировать связь с ситемными конфликтами коммуникативного пространства, отмеченную в ранее цитированной работе [6].

4. Подытоживая характеристику, отметим подтвержденную установку на широту представления, характерную для медийных рисков в современном пространстве общения. Именно потому справедливо заострять внимание на цельности рискогенных комплексов, а возможно - и на усложненном характере соответствующих опасностей, Раскрываются же данные свойства не только и не столько в элементарных пределах, а в дискурсивном медийном пространстве, которое можно считать в ряде случаев комплексным носителем рисков. Соответственно, слова, идеи, тексты объединяются как цельный объект рискогенного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Наука; Флинта, 2009. 592 с.
2. Брехуненко В.А. Козаки на степовому кордоні Европы. Київ, 2011. 340 с.
3. Гончаренко Л.П. Риск-менеджмент. М.: КНОРУС, 2012. 244 с.
4. Гайшун А.Н. СМИ как фактор геополитической дестабилизации: из опыта новейшей истории// Медийные стратегии современного мира. Краснодар: КубГУ, 2017.С.52-54.
5. Кострова Н.А. К вопросу об интенсификации взаимодействия, социальной интеграции и актуализации противоречий в современном обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т.9.№ 4.Ч.1.С.148-153. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-148-153
6. Ларионова И.В.Концептуальные основы мониторинга рисков в условиях системных конфликтов // Проблемы анализа рисков. 2007.Т.4.№ 3.С.281-290.
7. Леонтьев Д.А. Слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С.216-227.
8. Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации. Екатеринбург: Ур-ФУ,2017. 236 с.
9. Локосова М.В. Хитросплетение категорий: анализ основных понятий философии процесса А.Н.Т.Уайтхеда // Вопросы философии. 2017. № 1. С.154-167.
10. Лучинский Ю.В. История зарубежной журналистики: от истоков до наших дней. Краснодар; Сухум: КубГУ; АГУ, 2010. 270 с.
11. Прохорова И.Е. Юбилей писателя и русская журналистика: задачи, удачи, опасности // Медийные стратегии современного мира. Краснодар: КубГУ, 2017.С.125-128.
12. Шахбазян М.А. Трансформация коммуникативного пространства религиозно-философской публицистики русского модернизма. Краснодар: КубГУ, 2012.
13. Історія українського козацтва. Т .1 / Авт.: О.К.Струкевич, В.М.Матях, А.М.Авраменко та ін. Київ, 2011. 294 с.

REFERENCES

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskiye osnovaniya i praktika [Linguistic expertise of text: the theoretical foundations and practice]. M.: Nauka; Flinta. 2009. 592 p. (in Russ.)
2. Brehunenko V.A. The Cossaks on borders of Europe. Kiev, 2011. 340 p. (in Ukranian)
3. Goncharenko L.P. Risk-menejment [Risk-Management]. M.: Knorus, 2012. 244 p. (in Russ.)
4. Gaishun A.N. SMI kak factor geopoloticheskoi destabilizacii: iz pyta noveishei istorii [Media as a factor of geopolitical destruction: new historical experience]. Mediynye strategii sovremennogo mira = Media strategies of the modern world. Krasnodar: KubGU, 2017. Pp.52-54. (in Russ.)
5. Kostrova N.A. K voprosu ob intensifikacii vzaimodeistviya, social'noi integracii i aktualizacii protivorechiy v sovremennom obschestve [To a question of intensification of interaction, social integration, and complication of contradictions in contemporary society]. Historical and Social-Educational Idea. 2017;9(4/1):148-153. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-148-153

6. Larionova I.V. lKonceptual'nye osnovy monitoringa riskov v usloviyah sistemnyh konfliktov [The conceptual basis of risk-monitoring in the conditions of system conflicts [Problemy analiza riskov = Problems o risk analysis]. 2007. V. 4. No. 3. P.281-290. (in Russ.)
7. Leontiev D.A. Slova, idei, teksty kak obyekty expertnogo analiza [Words, ideas, texts as objects of expert analysis]. Expertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti [Expertation in modern world: from knowledge to activity]. M.: Smysl, 2006. P.216-227 (in Russ.)
8. Lozovskiy B.N. Zhurnalistika i sredstva massovoi informacii [The journalism and mass-media]. Ekaterinburg: UrFU, 2017. 236 p. (in Russ.)
9. Lokosova M.V. Hitrospletenie kategoriy: analiz osnovnyh ponyatiy filosofii processa A.N.T.Uaitheda [The combination of categories: analysis of basic concepts of the philosophy of process of A.N.T.Whitehead]. Voprosy filosofii = The problems of philosophy. 2017. № 4. Pp. 154-167 (in Russ.)
10. Luchinskiy Yu.V. Istoriya zarubezhnoi zhurnalistiki: ot istokov do nashih dnei [The history of foreign journalism: from sources for our days]. Krasnodar; Sukhum: KubGU; AGU, 2010. 270 p. (in Russ.)
11. Prohorova I.E. Yubiley pisatel'a i russkaya zhurnalistika: zadachi, udachi, opasnosti [The Yubilee of writer: tasks, successes, risks]. Mediynye strategii sovremennogo mira = Media strategies of the modern world. Krasnodar: KubGU, 2017. P.125-128. (in Russ.)
12. Shahbazyan M.A. Transformaciya kommunikativnogo prostranstva religiozno-filosofskoy publicistiki russkogo modernizma [Transformation of communicative sphere of religious-philosophical publicism of Russian modernism]. Krasnodar: KubGU,2012. 200 p. (in Russ.)
13. The History of the Ukranian Cossaks. V.1. Auth.: O.K.Strukevich and oth. Kiev, 2011. 294 p. (in Ukranian)

Информация об авторах:

Шахбазян Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
cappadocia@list.ru

Лучинский Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
lyv22@mail.ru

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
af03@mail.ru

Получена: 07.12.2017

Для цитирования: Шахбазян М.А, Лучинский Ю.В., Факторович А.Л. Медийные риски в условиях трансформации коммуникативного пространства. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.200-205.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-200-205.

Information about the authors:

Marina A. Shahbazyan, doctor of philological Sciences, associate Professor of history and legal regulation of mass communications, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
cappadocia@list.ru

Yurii V. Luchinsky, doctor of philological Sciences, Professor, head. the Department of history and legal regulation of mass communications, Kuban State University
Krasnodar, Russia
lyv22@mail.ru

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University
Krasnodar, Russia
af03@mail.ru

Received: 07.12.2017

For citation: Shahbazyan M.A., Luchinsky Yu.V., Faktorovich A.L., The media risks in the transformation of communicative sphere. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 200-205.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-200-205. (in Russian)

Образование и педагогические науки

Education and Pedagogical Sciences

УДК 378

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-209-215

БОЛЬШАКОВА Мария Геннадьевна
Севастопольский государственный университет
г. Севастополь, Россия
marie-mary@yandex.ru

Mariya G. BOLSHAKOVA
Sevastopol State University
Sevastopol, Russia
marie-mary@yandex.ru

ПОТЕНЦИАЛ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВУЗА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У БУДУЩИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ, ИЗУЧАЮЩИХ НЕСКОЛЬКО ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

UNIVERSITY EDUCATIONAL PROCESS POTENTIAL IN THE DEVELOPMENT OF LINGUO-CULTURAL COMPETENCE OF THE FUTURE INTERPRETERS WHO LEARN SEVERAL FOREIGN LANGUAGES

В статье рассматривается потенциал образовательного процесса вуза при формировании лингвокультурологической компетентности у будущих переводчиков, изучающих несколько иностранных языков. Определены задачи, выдвигаемые вузам процессом глобализации, среди которых подготовка конкурентоспособных профессионалов в своей области, с развитыми чувствами патриотизма, гражданственности, нравственности, гуманизма и высоким уровнем культуры. Рассмотрены сущность и характеристики образовательного процесса вуза: системность, личностная ориентированность и поликультурная направленность. Переводчик осуществляет профессиональную деятельность в условиях мультикультурализма, поэтому ему нужно быть готовым к общению, сотрудничеству и дальнейшему сближению с представителями различных культур. В результате анализа ФГОС ВО по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение была определена актуальность формирования ЛКК у будущих переводчиков как интегративного свойства личности будущего переводчика, определяющего его готовность к взаимодействию с другими людьми в различных ситуациях межкультурного общения. Особую роль в образовательном процессе будущих переводчиков играет возможность обучения нескольким иностранным языкам. Процесс формирования лингвокультурологической компетентности у переводчиков, изучающих два и более иностранных языка, имеет ряд особенностей, среди которых: необходимость создания поликультурной среды и выбора методов и форм работы, направленных на интенсивное изучение большого объема нового материала, интеграция аудиторной, самостоятельной, научно-исследовательской работ и производственной практики и др.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетентность, высшее профессиональное образование, компетентностный подход, профессиональная подготовка переводчиков, поликультурная среда, образовательный процесс вуза, межкультурная коммуникация, диалог культур, полилог культур, иноязычная подготовка

The article considers the university educational process potential in the development of linguo-cultural competence of the future interpreters who learn several foreign languages. The author defines the tasks which are set to higher educational institutions by the process of globalization and concludes that training of competitive professionals with developed feelings of patriotism, citizenship, morality, humanism and a high level of culture is one of them. The educational process of the university is considered to be systematic, personality-orientated and multicultural. The translator needs to get prepared for communication, cooperation and further rapprochement with representatives of various cultures. The analysis of educational documents defined the aims of interpreters training, among which there is the development of linguo-cultural competence as an integrative property of the personality of the future interpreter, determining his willingness to interact with other people in various situations of intercultural communication. A special role in the future interpreters' educational process is played by the possibility of learning several foreign languages. The process of developing linguo-cultural competence of interpreters learning two or more foreign languages has a number of special features, including: the need to create a multicultural environment, the relevant choice of methods and forms of work aimed at intensive study of a large volume of new material, the integration of classroom and unsupervised work, research and practical training, etc.

Keywords: linguo-cultural competence, higher professional education, competence approach, professional training of interpreters, multicultural environment, educational process of the university, intercultural communication, dialogue of cultures, polylogue of cultures, foreign language training

В Российской Федерации высшие учебные заведения занимают ведущее место в системе образования. Они тесно связаны со всеми сферами жизни общества: экономической, политической, научной, культурной. Основной задачей вузов является не только подготовка профессионалов в своей области, но и воспитание обучающихся патриотами, гражданами своей страны с высоким уровнем культуры, нравственности и гуманизма. Образовательный процесс вуза представляет собой целенаправленную совместную деятельность профессорско-преподавательского состава и студентов, обеспечивающую профессиональную подготовку квалифицированных специалистов, конкурентоспособных на рынке труда. Образовательный процесс, отвечающий современным тре-

бованиям, должен строиться с учетом новейших методов, форм работы, технологий обучения в целях повышения его результативности. В быстро изменяющихся условиях современного мира модернизация вузов представляется одной из важнейших составляющих стратегии развития социума.

Процесс глобализации выдвигает перед вузами новую задачу - подготовку молодых специалистов к профессиональной деятельности в условиях мультинациональной и поликультурной среды, к общению, сотрудничеству и дальнейшему сближению с представителями различных национальностей, конфессий и рас. Особенно актуально такая задача стоит при профессиональной подготовке переводчиков как посредников между различными языками и культурами, которые в результате должны иметь знания, сформированные умения, навыки и развитые личностные качества, позволяющие им осуществлять эффективное взаимодействие в различных ситуациях межкультурного общения. Кроме того, необходимо отметить, что ввиду значительно возросшей конкуренции на рынке труда востребованными являются переводчики, владеющие двумя и более иностранными языками.

Целью данной статьи является рассмотрение потенциала образовательного процесса вуза при формировании лингвокультурологической компетентности (ЛКК), а также выявление роли поликультурной среды в профессиональной подготовке переводчиков.

Профессиональная подготовка переводчиков в вузе регламентируется Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение, анализ которого показал, что результатом подготовки будущих переводчиков должна стать сформированность у них общекультурных, общепрофессиональных, профессиональных и профессионально-специализированных компетенций. Среди компетенций мы выделили те, которые, на наш взгляд, направлены на формирование готовности выпускников к решению профессиональных задач, связанных с постижением культурного своеобразия стран изучаемых языков, взаимодействием с представителями других культур, трансляцией культурно-маркированных единиц в условиях межкультурного общения, то есть на формирование ЛКК [1, с. 115].

Формирование ЛКК у будущих переводчиков, владеющих двумя и более иностранными языками, может осуществляться в образовательном процессе вуза, характеризующемся системностью, личностной ориентированностью и поликультурной направленностью. Образовательный процесс высшего учебного заведения является целенаправленным и представляет собой взаимодействие профессорско-преподавательского состава и обучающихся, направленное на решение различного рода задач, а именно: образовательных, воспитательных и развивающих - в результате чего обучающиеся приобретают знания, умения, навыки и личностные качества. Системность является показателем качества профессиональной подготовки и имеет следующие признаки: «структурированность, взаимосвязанность составляющих частей, подчиненность организации системы определенной цели» [2]. Целью нашего образовательного процесса является формирование личности конкурентоспособного, лингвокультурологически компетентного переводчика, владеющего двумя и более иностранными языками. Все элементы системы находятся во взаимосвязи, взаимодействуют друг с другом и подчинены генеральной цели. Личностная ориентированность образовательного процесса предполагает индивидуальный подход к обучающимся, обеспечение комфортных условий развития их личности за счет установления доверительных отношений между педагогами и обучающимися, проявления уважения друг к другу. При таком подходе главной является личность обучающегося, а преподаватель лишь мотивирует студентов, которые самостоятельно ищут выход из возникающих проблемных ситуаций, делают выбор и принимают решения. Поликультурная направленность образовательного процесса вуза в первую очередь заключается в ориентации студентов на работу в условиях мультикультурализма, на постижение культурных, нравственных и этических норм представителей стран изучаемых языков, на изучение иностранных языков в тесной взаимосвязи с культурой, историей, традициями и может быть достигнута за счет создания для обучающихся специально организованной поликультурной среды, в которой будущие переводчики учатся поэтапному преодолению лингвокультурологических трудностей.

Различные аспекты поликультурного образования и обучения в поликультурной среде рассматривали в своих работах как отечественные, так и зарубежные ученые. Так, вопросы культуросообразности образования широко проанализированы в исследованиях С.И. Гессена, Э.В. Ильенкова, Е.Н. Шиянова, В.Д. Шадрикова и др. Многоаспектный анализ проблемы адаптации к иной культурной среде, приобретающей особую актуальность при подготовке переводчиков, представлен в работах В.Г. Крысько, Д. Ричардсона, Т.Г. Стефаненко и др. О возможностях выработки у обучаемых способности работать в поликультурном коллективе писали Дж. Бэнкс и П. Янг.

С.И. Маслов и Т.И. Маслова определяют поликультурную среду как «непосредственное окружение студента, интеграцию материальных, духовных, эстетических факторов, определяющих жизнедеятельность существующих в ней людей, которые, находясь в этой среде, испытывают на себе воздействие представителей иных этнических культур» [3, с. 496]. В поликультурно направленном образовательном процессе вуза за счет целенаправленного формирования поликультурной развивающей среды становится возможным формирование «человека культуры» [4, с.87] - личности, готовой к дальнейшей профессиональной деятельности в поликультурном обществе. Поликультурная среда - основа формирования межкультурных и социальных связей, которые являются неотъемлемым элементом взаимоотношений представителей различных национальностей в условиях глобализации и способствуют созданию общечеловеческих ценностей и норм. При этом основополагающим является многоязычное обучение - родной язык наряду с несколькими иностранными.

Поликультурная среда представляет собой ряд системно организованных условий, созданных преподавателем, которые способствуют освоению культуры, ценностей, смыслов, развитию адаптации как умения принимать культурные нормы других народов и помогают взаимодействовать с людьми разных национальностей в рамках диалога культур. Понятие «диалог культур» было впервые использовано М.М. Бахтиным, который определял «всеобщность гуманитарного мышления, как мышления, ориентированного на смысл, поскольку оно (гуманитарное мышление) обращено от человека к человеку и поэтому - в корне и замысле своем - диалогично» [4, с.72]. Ученый также отмечал, что в диалоге культур культуры не смешиваются и нет необходимости ради понимания чужой культуры забывать о своей, наоборот, сохраняя свою целостность, каждая из взаимодействующих культур обогащается.

Поликультурное пространство вуза рассматривается нами как образовательная среда для формирования ЛКК будущих переводчиков со знанием двух и более иностранных языков. При параллельном изучении нескольких языков целесообразно говорить о «полилоге языков и культур» (Л.Г. Веденина), подразумевающем интеграцию студентов в систему мировой культуры [5, с.119]. Данный процесс, на наш взгляд, имеет ряд положительных и отрицательных аспектов. Так, интегрируясь в мировую культуру, будущий переводчик легче переносит погружение в иную культурную среду, проявляет готовность участвовать в межкультурной коммуникации, толерантно относится к культурным, этническим, религиозным различиям. Осознание будущими переводчиками разнообразия людей, принятие их сходств и различий и понимание взаимозависимости оказывают значительное влияние на эффективность профессиональной переводческой деятельности. Однако существует вероятность утраты ими культурной самобытности. Именно поэтому мы говорим о необходимости формирования ЛКК как интегративного свойства личности будущего переводчика, готового к ориентации в пространстве культуры, к осуществлению профессиональной деятельности в поликультурном пространстве без потери идентификации с родной культурой, с пониманием и осознанием культурного своеобразия своей страны, сохранением чувства патриотизма и тесной связи с историей, бытом, традициями своего народа. Как справедливо отмечает Н.А. Красильникова, «изучая иноязычную культуру, обучающиеся … проходят путь культурного самоопределения - они приходят к осознанию себя в качестве культурно-исторических субъектов в спектре культур страны как родного, так и изучаемого языков» [6, с. 68]. Мы соглашаемся с автором и считаем, что задача образовательного процесса - создать такие условия, в которых обучающийся будет иметь возможность с позиции индивидуального самоопределения ознакомиться и принять ценности мировой культуры, признать ее сложную структурированность и освоить культурные особенности.

Поликультурная среда, в которой обучаются будущие переводчики, представляется не только социализирующей, то есть способствующей развитию личностных качеств, которые в дальнейшем помогут им стать частью общества, но и целенаправленно формирующей их профессиональные качества, знания, умения и навыки. Сущность процесса формирования ЛКК в образовательном процессе вуза понимается нами как целенаправленный процесс развития мотивационно-ценностного, профессионально-знаниевого, профессионально-деятельностного и адаптивно-культурологического компонентов [1, с. 116].

Формирование ЛКК у будущих переводчиков в образовательном процессе вуза должно осуществляться при интеграции аудиторной, самостоятельной, научно-исследовательской работ и производственной практики с использованием методов и форм работы, направленных на поэтапное преодоление лингвокультурологических трудностей.

В ходе аудиторной работы студенты получают основную информацию по изучаемым дисциплинам. Наиболее оптимальным нам представляется коммуникативно-деятельностный подход (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, И.А. Зимняя), в рамках которого осуществляются субъект-субъектные связи «студент - студент» и «студент - преподаватель». Такой подход позволяет пре-

подавателю строить занятия с учетом индивидуальных особенностей обучающихся, мотивировать их к самостоятельному решению поставленных задач посредством обмена мыслями и суждениями. Особое внимание следует уделить материалам, используемым в ходе подготовки будущих переводчиков к работе в поликультурном пространстве. Для объяснения и закрепления полученных знаний предпочтительно использовать релевантные аутентичные материалы, представляющие интерес с точки зрения наличия в них культурологической информации, лингвистических трудностей и объектов для локализации - культурной адаптации текста к специфическим особенностям родной страны. При отборе материалов необходимо руководствоваться следующими критериями: 1) высокая информативность; 2) актуальность представленной информации; 3) соответствие уровню знаний и интересам обучающихся; 4) наличие лингвокультурологических трудностей.

Удобными для использования источниками аутентичных материалов являются интернет-ресурсы, такие как: BBC World Service, TV5Monde, Deutsche Welle, El Mundo и др. Представленные на данных ресурсах тексты актуальны, знакомят обучающихся с новостями из жизни стран изучаемых языков, способствуют получению культурологической информации, демонстрируют особенности современного языка в речи представителей различных стран. Работа с такими материалами формирует у будущих переводчиков способность осуществлять предпереводческий анализ текста с целью выявления его лингвокультурологических трудностей, способность применять переводческие трансформации в целях достижения необходимого уровня эквивалентности (ПК-7, ПК-9), повышает мотивацию к обучению и достижению успеха. Различные виды работы с текстовыми материалами (письменный перевод, устный последовательный и синхронный переводы, обсуждение в аудитории представленной информации, поиск оптимальных вариантов перевода и др.) помогают создать на аудиторных занятиях коммуникативные ситуации, приближенные к реальным ситуациям профессиональной деятельности будущих переводчиков. Параллельное рассмотрение текстов одной тематики на двух или трех изучаемых языках способствует формированию умения быстро переключаться с одного рабочего языка на другой и адекватно применять правила построения текстов на рабочих языках для достижения их связности (ПК-4, ПК-14).

Кроме текстовых материалов во время аудиторных занятий в рамках аудиовизуального подхода целесообразно использовать аутентичные аудио- и видеоматериалы. К таким материалам мы относим музыкальные композиции, видеоклипы, рекламные ролики, документальные и художественные фильмы. Отметим, что обучающиеся в значительно большей степени проявляют интерес к изучению нового материала в формате просмотра видеозаписей с их последующей проработкой. Прослушивание аутентичной речи в естественном для носителей языка темпе формирует у обучающихся устойчивые навыки восприятия на слух информации, представленной на одном из изучаемых языков; видеоряд знакомит будущих переводчиков с культурологическими особенностями и реалиями стран изучаемых языков, а в целом, видеоматериалы способствуют развитию умения обнаруживать лингвокультурологическую информацию и передавать ее с учетом лингвистических и культурологических особенностей родной страны и формированию ЛКК. Эффективным является комбинирование работы с текстовыми и видеоматериалами. Могут быть предложены такие задания, как: 1) сопоставить текстовую информацию с услышанной речью носителя языка; 2) просмотреть отрывок видеозаписи и найти пропуски в соответствующем графическом тексте; 3) посмотрев отрывок, уловить в нем иноязычные эквиваленты слов из представленных в графическом формате [7].

На каждом этапе профессиональной подготовки будущих переводчиков необходимо уделять внимание развитию у них творческого мышления и исследовательских умений как неотъемлемых составляющих профессионализма, поэтому особое значение приобретает научно-исследовательская работа (НИР). Как отмечает О.В. Вакуленко, «ведущими принципами организации НИР как системы является обеспечение органического единства научного и учебного процессов и на этой основе повышение качества подготовки специалистов, усиление связи науки с производством, ускорение научно-технического прогресса» [8]. В образовательном процессе вуза будущие переводчики участвуют в научно-практических конференциях и семинарах - как внутривузовских, так и международных, представляют свои научные работы на конкурсах. Отмечается, что такая работа способствует формированию ЛКК, поскольку помогает будущим переводчикам овладеть большим объемом теоретических и практических знаний в области перевода (профессионально-знаниевый компонент), формирует умения анализировать научные источники, выделяя главное, выбирать адекватный задачам метод обработки информации (профессионально-деятельностный компонент), развивает познавательные потребности, мотивацию к работе, стремление к самоанализу и рефлексии, побуждает к саморазвитию (мотивационно-ценностный компонент). В ходе представления своей работы на конференциях и семинарах у будущих пере-

водчиков формируются коммуникативные навыки, вырабатывается стрессоустойчивость и умение, отвечая на вопросы аудитории, находить выход в проблемных ситуациях, отстаивать свое мнение. У будущих переводчиков появляется возможность продемонстрировать свои умения и навыки в общении с представителями других вузов и стран, благодаря чему развивается толерантность к культурным, этническим, религиозным и иным различиям, адаптивность в различных ситуациях межкультурной коммуникации (адаптивно-культурологический компонент).

Полученные на аудиторных занятиях и во время выполнения научно-исследовательской работы знания, умения и навыки будущие переводчики закрепляют в ходе производственной практики. Практика включена в состав основной образовательной программы, обязательна для прохождения всеми обучающимися в высших учебных заведениях и не может рассматриваться обособленно от основного образовательного процесса. Место прохождения практики зачастую определяется руководством вуза, однако студентам также предоставляется возможность выбрать его самостоятельно, что является «дополнительным стимулом для формирования четких личностных целевых установок, критической оценки своих знаний, умений и навыков переводческой деятельности» [9, с. 107]. Для того чтобы производственная практика была эффективной, необходимо согласовать ее с другими формами работы в вузе. Вся подготовка переводчика до производственной практики должна быть направлена на поэтапное обучение знаниям, умениям и навыкам профессиональной деятельности. Именно во время переводческой практики будущие переводчики впервые сталкиваются с ситуациями реальной профессиональной деятельности, оказываются в чуждой для них среде, что может привести к стрессу и снижению мотивации. Направленность образовательного процесса на формирование ЛКК позволяет будущим переводчикам получить те профессиональные качества, которые помогут им как во время производственной практики, так и в дальнейшей профессиональной деятельности.

Кроме знаний, умений и навыков, образовательный процесс вуза должен быть нацелен на развитие личностных качеств. Как отмечается в материалах ЮНЕСКО, хотя полученные знания и являются важными показателями, необходимо признавать важность некогнитивных аспектов обучения, таких как: освоение ценностей, этических норм, социальная ответственность и гражданское участие. А попытка научить людей жить вместе - это большой шаг к новой, гармоничной, устойчивой форме развития человечества [10]. Стремление к самообразованию, самореализации и самосовершенствованию является неотъемлемой составляющей ЛКК будущего переводчика. Развитие таких качеств может осуществляться не только при активном участии преподавателя, но и во время самостоятельной работы студентов, которая, в свою очередь, может быть реализована в рамках аудиторных занятий при самостоятельном выполнении переводов и вне университета при подготовке к занятиям, выполнении учебных и творческих заданий.

В заключение можно сделать вывод о том, что образовательный процесс вуза имеет огромный потенциал в формировании личности конкурентоспособного переводчика. Адекватно выбранные преподавателями подходы к обучению, тщательное планирование и подбор релевантных аутентичных материалов, грамотная интеграция аудиторной, самостоятельной, научно-исследовательской работ и производственной переводческой практики, создание в ходе профессиональной подготовки поликультурной среды при соизучении двух и более иностранных языков позволят сформировать лингвокультурологическую компетентность будущих переводчиков, подготовив их к профессиональной деятельности в условиях глобализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Большакова М.Г. Исследование проблемы формирования лингвокультурологической компетентности у будущих переводчиков в образовательном процессе вуза // Вестник высшей школы «Alma Mater». - М., 2017. - № 7. - С. 114-118.
2. Трушников Д.Ю. Инновационные процессы в образовании [Электронный ресурс]: Учебник / Д.Ю. Трушников, О.Б. Епишева. - Тюмень, 2009. - URL: http://lit.lib.ru/t/trushnikow_d_j/text_0180.shtml (дата обращения: 07.10.2017).
3. Маслов С.И. Педагогический потенциал поликультурной среды в педагогическом образовании высшей школы / С.И. Маслов, Т.А. Маслова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. - 2013. - С. 495-500.
4. Конопацкая Е.А. Формирование общекультурных компетенций студентов-бакалавров в поликультурном образовательном пространстве вуза (на примере профессиональных дисциплин гуманитарной направленности): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Е.А. кая. - Казань, 2015. - 226 с.

5. Брагина А.Д. Формирование поликультурных ценностных ориентаций будущих переводчиков как актуальная проблема профессионального языкового образования // Человек и образование. Институт педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования, 2011. - № 1. - С. 118-123.
6. Красильникова Н.А. Полилог культур в обучении иностранному языку как средство формирования толерантности / Н.А. Красильникова, К.Д. Тиханова // Педагогическое образование в России. - Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2014. - № 4. - С. 66-76.
7. Карева Н.В. Использование аутентичных аудио и видео материалов для повышения мотивации изучения иностранного языка / Н.В. Карева // Интернет-журнал «Науковедение». Институт Государственного управления, права и инновационных гий. - 2014. - №3. - URL: https://naukovedenie.ru/PDF/71PVN314.pdf (дата обращения: 15.10.2017).
8. Вакуленко О.В. Роль научно-исследовательской работы студентов вуза в подготовке будущих специалистов / О.В. Вакуленко // Вестник ШГПУ. - 2015. - № 2. - URL: http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/2015-2-21.pdf (дата обращения: 15.10.2017).
9. Гордеева Н.Г. Место производственной практики в профессиональной подготовке будущих лингвистов-переводчиков / Н.Г. Гордеева, Л.А. Метелькова // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. - 2015. - № 3. - С. 104-109.
10. The Heart of Education. Learning to Live Together // Selected documents presented at the 16th UNESCO-APEID International Conference. UNESCO Bangkok Office, 2014. - URL: http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002273/227373e.pdf (дата обращения: 19.10.2017).

REFERENCES

1. Bolshakova M.G. Issledovanie problemy formirovaniya lingvokul'turologicheskoy kompetentnosti u budushchikh perevodchikov v obrazovatel'nom protsesse vuza [The study of the problem of the future interpreters linguo-cultural competence development in the educational process of the university] Vestnik vysshey shkoly «Alma Mater». M., 2017. No. 7. Pp. 114-118. (in Russ.)
2. Trushnikov D.Yu., Episheva O. B. Innovatsionnye protsessy v obrazovanii [Innovative processes in education]. Tyumen', 2009. Available at: http://lit.lib.ru/t/trushnikow_d_j/text_0180.shtml (accessed 7 October 2017)
3. Maslov S.I., Maslova T.A. Pedagogicheskiy potentsial polikul'turnoy sredy v pedagogicheskom obrazovanii vysshey shkoly [Pedagogical potential of the multicultural environment in the pedagogical education of higher education]. Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Tula, 2013. Pp. 495-500. (in Russ.)
4. Konopatskaya E.A. Formirovanie obshchekul'turnykh kompetentsiy studentov-bakalavrov v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve vuza (na primere professional'nykh distsiplin gumanitarnoy napravlennosti) [Formation of general cultural competences of bachelor students in the multicultural educational space of the university (using the example of professional disciplines of humanitarian orientation)]. Kazan, 2015. 226 p. (in Russ.)
5. Bragina A.D. Formirovanie polikul'turnykh tsennostnykh orientatsiy budushchikh perevodchikov kak aktual'naya problema professional'nogo yazykovogo obrazovaniya [Formation of multicultural value orientations of future translators as an urgent problem of professional language education]. Chelovek i obrazovanie. Federal State Scientific Institution "Institute of Teacher Education and Adult Education" of the Russian Academy of Education, 2011. No.1. Pp. 118-123. (in Russ.)
6. Krasilnikova N.A., Tikhanova K.D. Polilog kul'tur v obuchenii inostrannomu yazyku kak sredstvo formirovaniya tolerantnosti [The polylogue of cultures in teaching a foreign language as a means of forming tolerance]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. Ekaterinburg, 2014. No. 4. Pp. 66-76. (in Russ.)
7. Kareva N.V. Ispol'zovanie autentichnykh audio i video materialov dlya povysheniya motivatsii izucheniya inostrannogo yazyka [Using authentic audio and video materials to increase the motivation for learning a foreign language]. Naukovedenie. Institute of Public Administration, Law and Innovation Technologies. No.3. 2014. Available at: https://naukovedenie.ru/PDF/71PVN314.pdf (accessed 15 October 2017)
8. Vakulenko O.V. Rol' nauchno-issledovatel'skoy raboty studentov vuza v podgotovke budushchikh spetsialistov [The role of research work of university students in the training of future specialists]. Vestnik ShGPU, 2015. No.2. Available at: http://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/2015-2-21.pdf (accessed 15 October 2017)

9. Gordeeva N.G., Metel'kova L.A. Mesto proizvodstvennoy praktiki v professional'noy podgotovke budushchikh lingvistov-perevodchikov [Place of work experience in the professional training of future linguists and translators]. Vestnik ChGPU named after I.Ya. Yakovlev. 2015. No. 3. Pp. 104-109. (in Russ.)
10. The Heart of Education. Learning to Live Together // Selected documents presented at the 16th UNESCO-APEID International Conference. UNESCO Bangkok Office, 2014. Available at: http://unesdoc.unesco.org/images/0022/002273/227373e.pdf (accessed 19 October 2017)

Информация об авторе:

Большакова Мария Геннадьевна, старший преподаватель, кафедра теории и практики перевода, Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия
marie-mary@yandex.ru

Information about the author:

Mariya G. Bolshakova, Senior Lecturer, Department of Theory and Practice of Translation, Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia
marie-mary@yandex.ru

Получена: 30.11.2017

Для цитирования: Большакова М. Г. Потенциал образовательного процесса вуза при формировании лингвокультурологической компетентности у будущих переводчиков, изучающих несколько иностранных языков. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.209-215.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-209-215.

Received: 30.11.2017

For citation: Bolshakova M.G. University educational process potential in the development of linguo-cultural competence of the future interpreters who learn several foreign languages. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 209-215.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-209-215. (in Russian)

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-216-221

ГРОМОВА Татьяна Николаевна
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
shipik74@mail.ru

ЛЕШЕР Ольга Вениаминовна
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
vlesher@rambler.ru

Tatiana N. GROMOVA
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia
shipik74@mail.ru

Olga V. LESHER
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Magnitogorsk, Russia
vlesher@rambler.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

FORMATION OF PROFESSIONAL-PEDAGOGICAL ORIENTATION OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL SPECIALTIES

В статье содержится анализ проблемы формирования профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей. Исследование было проведено путем изучения теоретической и практической литературы в области педагогики и психологии, а также анализа результатов собственной исследовательской деятельности. Актуальность статьи обусловлена тем, что на современном этапе развития отечественного образования, развития общества в целом общественные и общественно-экономические отношения выходят на новый уровень. В соответствии с этим выдвигаются новые требования относительно подготовки выпускников вуза. Одним из ведущих требований является усиление роли профессионально-педагогической направленности обучения и развития профессиональных качеств будущих специалистов. Авторами статьи проведена работа по исследованию эффективности формирования профессионально-педаго-гической направленности студентов педагогических специальностей.

Ключевые слова: личность, профессионально-педагогическая направленность, концепции развития, цели, компоненты, потребности, знания, умения, обучение, воспитание, этапы

The article contains analysis of the problem of formation of professional-pedagogical orientation of students of pedagogical specialties. The study was conducted by examining the theoretical and practical literature in the field of pedagogy and psychology with reference to authoritative sources. The relevance of the article is that at the present stage of development of national education, the work of the universities and the society develops, social and economic relations to the new level. There are new requirements regarding the training of workers. One of the leading requirements is the strengthening of the role of professional and pedagogical orientation of training and development of professional qualities of future specialists. The authors of the article conducted research of the modern educational environment of universities, to determine the efficiency of formation of professional-pedagogical orientation of students of pedagogical specialties.

Keywords: personality, professional-pedagogical orientation, development concept, objectives, components, requirements, knowledge, skills, training, education, stages

Актуальность проблемы развития профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей в процессе психолого-педагогической подготовки определяется следующими факторами:

- вхождением современных отечественных высших учебных заведений в мировое образовательное пространство (в рамках Болонского соглашения), в условиях которого смещаются акценты с принципа адаптивности на принцип компетентности выпускников образовательных учреждений;
- модернизацией высшего образования в связи с изменением парадигмы развития высшей школы и необходимостью повышения качества образования;
- необходимостью повышения роли психолого-педагогической подготовки участников процесса в силу изменения требований к их профессиональным качествам, позволяющим обеспечить конкурентоспособность на рынке труда и, соответственно, эффективность будущей профессиональной деятельности [2; 10];
- необходимостью подготовки выпускников вуза на основе современных научных подходов, теорий, концепций.

Проведенное исследование по выявлению содержания и структуры профессионально-педагогической направленности показывает, что у многих студентов отсутствует четкое представление о будущей профессии, особенности профессиональной деятельности, социальных отношениях, возможностях развития и самосовершенствования в рамках будущей профессии [6; 8].

Проблема профессионально-педагогической направленности личности в наше время обретает все большую значимость, отмечают в своих исследованиях Н.В. Балакина, Э.Ф. Зеер,

О.В. Лешер, что обусловлено новыми требованиями относительно подготовки будущих педагогов [5; 8].

Результаты исследования позволили сделать вывод, что в основе профессионально-педагогической направленности лежит во всем своем многообразии потребностно-мотивационная сфера личности, согласно точке зрения ряда исследователей (С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов и др.), и включает в себя потребности, идеалы, склонности, ценностные ориентации, мировоззрение, убеждения и установки.

Ученые, занимающиеся исследованиями проблемы направленности, определяют ее как совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельности личности. Направленность личности характеризуется ее интересами, склонностями, убеждениями, идеалами, в которых выражается мировоззрение человека [8].

На основе анализа понятия «профессионально-педагогическая направленость» нами выделены следующие ее компоненты, способствующие предпочтительному выбору целей, средств, способов и путей достижения жизненных целей будущих педагогов. Они включают в себя следующие: мотивационно-потребностный, ценностный, когнитивный и рефлексивный [7].

Мотивационно-потребностный компонент включает в себя потребности (физические и органические, духовные и социальные) и мотивы (цели профессиональной деятельности, намерения, интересы, идеалы).

Ценностный компонент содержит ценности и ценностные ориентации студентов (смысл труда, благосостояние, карьера).

Когнитивный компонент предполагает наличие знаний, умений, представлений о сущности профессионально-педагогической направленности и ее функциях.

Рефлексивный компонент содержит анализ и оценку особенностей собственной профессионально-педагогической направленности, оценивание образа своего «Я» как субъекта профессиональной активности.

Формирование профессионально-педагогической направленности студента, трактуется нами, согласно точки зрения К. В. Жуковой, как процесс закономерного, направленного на качественное изменение данного вида направленности, характеризующийся ее переходом одного состояния в другое более совершенное [4]

Теоретико-методологические основания формирования профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей, выделенные нами в процессе исследования, приведены в следующей таблице (табл. 1).

Таблица 1. Теоретико-методологические основания концепции развития профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей.

Table 1. Theoretical and methodological foundations of the concept of professional-pedagogical orientation of students of pedagogical specialties.

Современные психолого- педагогические теории личности, деятельности (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев и др.), фундаментальные работы отечественных ученых-педагогов (Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, И.Я Лернер, И.П. Подласый и др.)	Концепции личностно-профессионального развития студентов (Б.Г. Ананьев, М.А. Ахметова, Н.И. Виноградова, В.В. Давыдов, Э.Ф. Зеер и др)	Концепции по проблеме становления профессионально-педагогической направленности подготовки студентов педагогических специальностей (Л.А. Бордонская, Е.Р. Горелова, Т.С. Дергач, В.И. Жернов и др.)	Исследования в области качества образования, его модернизации (Д.Ц. Дугарова, А.И. Субетто, М.М. Поташник и др.)	Теоретические и методологические основы гражданского и патриотического воспитания, изложенные в трудах классиков (М.В. Ломоносов, В.А. Сухомлинский; К.Д. Ушинский и др.) и современников (В.В. Дьяченко, В.И. Лутовинов и др.)

Анализ литературы по проблеме позволяет сделать вывод, что профессионально-педагогическая направленность - это совокупность доминирующих жизненных целей субъекта, связанных с профессиональной деятельностью [9].

Помимо приведенных теоретико-методологических оснований формирования профессионально-педагогической направленности студентов-педагогов, в своем исследовании мы опирались также на ряд научных подходов, в частности: системный, личностно-ориентированный, деятельностный, аксиологический, акмеологический, андрагогический, индивидуальный, средовой, контекстный подходы, выступающие в качестве общеметодологических, а также интегративный, рефлексивный, технологический, задачный подходы, выступающие в качестве конкретно-методологических, среди которых компетентностный подход выступает в роли ведущего на конкретно-методологическом уровне, определяющего основное стратегическое направление органи-

зации процесса формирования профессионально-педагогической направленности студента педагогических специальностей [4].

Главными методами исследования было анкетирование, наблюдение, беседа.

С помощью опроса, который мы провели в двух экспериментальных группах студентов 1-х и 3-х курсов общим количеством 25 человек и результаты которого проверялись и уточнялись посредством других исследовательских методик (написание небольших сочинений типа «Мой любимый педагог» или «Почему мне понравилась профессия педагога», подготовка и проведение мини-уроков по темам, тестирование, наблюдение), нам удалось установить основные мотивы поступления студентов на педагогический факультет.

Первый вопрос анкеты требовал оценить роль внутренних факторов в выборе педагогической профессии. Участники опроса назвали следующие мотивы:

1) получение высшего образования - 40%;

2) возможность заниматься любимым делом - 24%;

3) так сложились обстоятельства - 20%;

4) привлекает работа с детьми - 12%;

5) убежденность в своих способностях к данной специальности - 4%.

Учитывая, что процесс формирования профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей является частью их общей профессиональной подготовки, включающей обучение и воспитание, и проходит на базе дисциплин психолого-педагогического блока, принципами формирования профессионально-педагогической направленности в разработанной нами методике стали следующие: общенаучные принципы, отражающие общие требования к рассматриваемому процессу, и принципы, отражающие его конкретное наполнение [12].

В нашей методике были выделены следующие этапы, последовательное прохождение которых обеспечивает формирование профессионально-педагогической направленности студента педагогических специальностей.

1) Анализ особенностей профессионально-педагогической направленности обучаемых. Цель - выявление собственных предпочтений (мотиваторов): потребностей, мотивов, интересов, желаний, ценностей, ценностных ориентаций.

2) Определение целевых предпочтений мотивов. Целеобразование, предполагающее определение жизненных целей, средств и ограничений в общем виде. Определение деятельностных и объектных предпочтений.

3) Выработка и принятие целей формирования профессионально-педагогической направленности студентом. Определение основных профессиональных целей.

4) Развитие выпускника, обладающего высоким уровнем профессионально-педагогической направленности [11].

На каждом этапе применялись методы, приемы и средства, отвечающие задачам этапа, которые приведены ниже в табл. 2.

Таблица 2. Методика поэтапного развития профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей.

Table 2. The technique of phased development of professional-pedagogical orientation of students of pedagogical specialties.

Этап	**Методы, средства реализации этапа**	**Результат**
1. Анализ особенностей профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей	Метод биографической рефлексии, предполагающий осмысление специалистами собственной биографии. Средства: самостоятельная работа с тестами оценки мотивации, потребностей, направленности, ценностных ориентаций, программа **LifeLine**- компьютерная версия каузометрии, метода анализа и проектирования жизненного пути (Головаха, Кроник, 1982)	Личностные потребности, мотивы, ценностные ориентации, отношение к жизненному пути

2. Определение целевых предпочтений, мотивов	Методы самоанализа с использованием тестовых методик профессиографии; методы проектирования идеала профессионала, самооценки, определения идеальных качеств профессионала. Средства: тесты, корректировка идеала на основе дополнительной информации, дискуссий, диспутов, исследовательской работы. Методики определения ценностных и смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев)	Виды предпочитаемой деятельности: анализирующая, преобразующая, инновационная. Сфера, объекты и предмет деятельности (объектные предпочтения): человек-человек, человек-машина, человек-природа и др. [3]. Представление о себе в будущем, оценка собственных профессиональных и жизненных устремлений: достижения, образ жизни. Степень удовлетворенности потребностей, уровень социального призвания и т.д.
3. Выработка и принятие целей формирования профессионально-педагогической направленности студентом	Методы конкретизации жизненных целей в рамках определенной профессиональной области; методы, основывающиеся на анализе представления студента об идеальной личности профессионала в избранной области профессиональной деятельности - анализе особенностей биографии (развития и жизни) выдающихся и знаменитых людей - представителей различных профессиональных сообществ, построение личного профессионального плана (ЛПП) (Н.С. Пряжников); метод направленного эксперимента; метод сравнения, кейс-метод	Представления об идеальном специалисте - профессионале, успешной в профессиональном и жизненном планах личности: потребности, мотивы, ценности и ценностные ориентации, профессиональная позиция; образ жизни, материальные условия, отношения с коллегами; отношение к себе - здоровье, саморегуляция, самоуправление; гражданская позиция. Представление о целях собственного профессионального развития. Определение собственных желательных качеств
4. Развитие выпускника, обладающего высоким уровнем профессионально-педагогической направленности	Метод ния - разработка обучаемыми собственной траектории формирования на основе системного анализа и сетевого планирования; исследование проблемного поля профессии, определение направлений работы, позволяющих подойти к решению профессиональных проблем. Методы: интерактивного моделирования; имитации - искусственное создание ситуаций и прогнозирования возможных вариантов и результатов их разрешения; кейс- метод; семиотический метод; метод формирования мотивации студентов к профессионально- педагогической деятельности. Средства: исследовательская поисковая работа, дискуссии, диспуты, ролевые игры. Графические средства, моделирования и планирования, компьютерные программы-«планировщики»	Определение основных профессиональных целей и средств их достижения. Выделение промежуточных целей - этапов профессионального формирования. Наличные ресурсы: способности, знания, умения, материальные ресурсы. Определение возможностей восполнения ресурсов, определение методик, саморазвития, применения методов саморазвития

Источник: составлено авторами.
Source: completed by the authors.

Таким образом, методика поэтапного формирования профессионально- педагогической направленности студентов, имеющая в своей основе комплекс методов, приемов, средств и форм, обеспечивает эффективное решение проблемы формирования профессионально-педагогической направленности обучаемых, поскольку заключается не в изолированном подборе отдельных методических механизмов, а в построении определенной методической системы, в которой делается упор на формирование каждого из ее компонентов вследствие того, что профессионально-педагогическая направленность представляет собой системное образование и их формирование возможно только через комплекс методов, учитывающий формирование каждого из ее компонентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акманова З.С., Гугина Е.М., Лешер О.В. Формирование ценностного отношения студентов технического университета к математическому образованию на основе компетентностного подхода в процессе непрерывной профессиональной подготовки // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. - 2009. - № 12. - С. 77-85.
2. Аришина Э.С., Лешер О.В. Введение в профессионально-педагогическую деятельность: Учеб. пособ. для студентов вузов, обуч. по пед. специальностям ка). - Магнитогорск: Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2007. - 176 с.
3. Додонов Б.И. Потребности, отношения и направленность личности // Вопросы психологии. - 1973. - № 5. - С. 18-29.
4. Жукова К.В. Психолого-педагогическая подготовка студентов вуза как фактор развития их профессиональной направленности: Дис. ... канд. пед наук. - Магнитогорск, 2007. - 184 с.
5. Зеер Э.Ф. Кризисы профессионального становления личности / Э.Ф. Зеер // Психологический журнал. - 1997. - № 6. - С. 35-44.
6. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения / Е.А. Климов. - Ростов н/Д: Феникс, 1996. - 509 с.
7. Лешер О.В., Аришина Э.С. Развитие аксиологического потенциала студентов университета в процессе профессиональной подготовки: праксеологический аспект: Монография / О.В. Лешер, Э.С. Аришина. - Магнитогорск: Магнитогорский гос. техн. ун-т им. Г.И. Носова, 2009. -102 с.
8. Лешер О.В., Балакина Н.В. Компоненты профессионально-педагогической направленности будущего учителя // Актуальные проблемы современной науки, техники и ния. - 2015. - Т.3. - № 1. - С. 100-104.
9. Немкин В.А. Дефинирование понятия «профессиональная направленность личности» // Воспитание и профессиональная подготовка молодежи. - Магнитогорск: МГПИ, 1994. - С. 64-68.
10. Сергеев И.С. Основы педагогической деятельности: Уч. пособ. для вузов. - СПб.: Питер, 2004. - 316 с.
11. Хуторской А.В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // Интернет-журнал «Эйдос». - 2002.
12. Чиркова Г.П. Формирование профессионально-педагогической направленности студентов национального факультета университета: Дис. ... канд. пед. наук. - Ижевск, 2007. - 177 с.

REFERENCES

1. Akmanova Z.S., Gugina E.M., Lesher O.V. Formation of the value ratio of technical university students to mathematical education on the basis of a competence approach in the process of continuous professional training. Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University. 2009. № 12. Pp. 77-85.
2. Arishina E.S., Lesher O.V. Introduction to professional pedagogical activity, a textbook for students of higher educational institutions studying in pedagogical specialties (OPD.F.02 - Pedagogy). Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University G.I. Nosova, 2007. 176 p.
3. Dodonov B.I. Needs, attitudes and orientation of the person. Questions of psychology. 1973. № 5. Pp.18-29.
4. Zhukova K.V. Psihologo-pedagogical preparation of students of high school as the factor of development of their professional orientation. Thesis, 2007, Magnitogorsk.
5. Seer E.F. Crises of professional formation of personality. EF. Zeer. Psychological Journal, 1997, No. 6, Pp. 35-44.
6. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination. E.A. Klimov. Rostov-on-Don: Phoenix, 1996. 509 p.
7. Lesher O.V., Arishina E.S. Development of the axiological potential of university students in the process of professional training: praxeological aspect. Monograph. O.V. Leshcher, E.S. Arishina; Magnitogorsk: Magnitogorsk State University. Technical University. G.I. Nosova., 2009.102 p.
8. Lesher OV, Balakina N.V. Components of the professional-pedagogical orientation of the future teacher. Actual problems of modern science, technology and education. 2015. T. 3. No. 1. Pp. 100-104.

9. Nemkin V.A. Definition of the concept "professional orientation of the individual". Education and training of youth. Magnitogorsk: MGPI, 1994. Pp. 64-68.
10. Sergeev I.S. Fundamentals of pedagogical activity: Uch. Manual for universities: St. Petersburg: Peter-2004, 316 p.
11. Khutorskoy A.V. Key competencies and educational standards. Internet-journal "Eidos". 2002.
12. Chirkova GP Formation of the professional pedagogical orientation of students of the national faculty of the university. Thesis, 2007, Izhevsk.

Информация об авторах:

Громова Татьяна Николаевна, аспирант кафедры педагогики, Магнитогорский Государственный Технический Университет им. Г.И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
shipik74@mail.ru

Лешер Ольга Вениаминовна, доктор педагогических наук, Академик Академии педагогических и социальных наук (звание), профессор кафедры педагогики, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск, Россия
vlesher@rambler.ru

Получена: 07 .12.2017

Для цитирования: Громова Т. Н., Лешер О.В. Формирование профессионально-педагогической направленности студентов педагогических специальностей. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.216-221.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-216-221.

Information about the authors:

Tatiana N. Gromova, Postgraduate Student,
Department of Pedagogy, Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia
shipik74@mail.ru

Olga V. Lesher, Academician of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy, Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia
vlesher@rambler.ru

Received: 07 .12.2017

For citation: Gromova T.N., Lesher O. V. Formation of professional-pedagogical orientation of students of pedagogical specialties. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 216-221.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-216-221. (in Russian)

УДК 371.3

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-222-228

ИГНАТОВИЧ Владлен Константинович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
vign62@mail.ru.

ИГНАТОВИЧ Светлана Сергеевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия

ЛИТВИНОВ Кирилл Александрович
Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования
Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова.
г. Краснодар, Россия
kir90@bk.ru

Vladlen K. IGNATOVICH
Kuban State University
Krasnodar, Russia
vign62@mail.ru.

Svetlana S. IGNATOVICH
Kuban State University
Krasnodar, Russia

Kirill A. LITVINOV
Krasnodar Multidisciplinary Institute of Furtheeducation
South-Russian State Polytechnic University after M. I. Platov name
Krasnodar, Russia
kir90@bk.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДИЧЕСКАЯ СХЕМА ОЦЕНКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В ФОРМЕ ЗАЩИТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРОЕКТА

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE PROBLEM AND THE METHODICAL SCHEME OF ESTIMATION OF THE EDUCATIONAL INDEPENDENCE OF THE OLD SCHOOLS IN THE FORM OF THE PROTECTION OF THE INDIVIDUAL PROJECT

Статья посвящена обоснованию методической схемы презентации индивидуального проекта старшеклассника как инновационной формы оценки его образовательной самостоятельности. Охарактеризованы теоретико-методологические основания проблемы формирования и оценки образовательной самостоятельности старшеклассников, связанные с пониманием индивидуального образовательного маршрута как собственного проекта ученика, мотивированного на осуществление личностного и профессионального самоопределения, разрабатываемого им совместно с педагогом-тьютором. Образовательная самостоятельность в этом контексте интерпретируется как готовность старшеклассника реализовать этот проект на последующих этапах непрерывного образования. Показано, что образовательная самостоятельность является, с одной стороны, характеристикой уровня субъектности ученика в образовательном процессе, с другой стороны, интегративным образовательным результатом, достигаемым в педагогической системе среднего общего образования. С этих позиций охарактеризовано состояние современной практики развития проектной деятельности учащихся. Сформулированы ключевые экспертные вопросы, лежащие в основе оценки образовательной самостоятельности старшеклассника в форме защиты индивидуального проекта. Описаны этапы и содержание этой защиты как совместного пробного действия участников, осуществляемого в условиях событийного пространства их творческого общения. Показано, что данная методическая схема способствует равитию смыслопоисковой активности учащихся, лежащей в основе проектирования ими индивидуального образовательного маршрута на последующих ступенях обучения.

The article is devoted to the substantiation of the methodical scheme of estimation of the educational independence of the old schools in the individual project form protection as an innovative form of evaluation of their educational independence. The relevance of the study is related to overcoming the contradiction between existing ideas about the educational independence of students and the need to develop modern models of the educational process in which the development of educational independence is an indispensable pedagogical condition for students to build an individual educational route. From the point of view of the needs of practice, the relevance is that the school needs to ensure that the maximum of individual creative abilities of students is reached on this path. The solution of this problem requires the formation of a qualitatively new level of their educational independence, which is not achieved in the traditional models of the pedagogical system of the senior school. The theoretical and methodological foundations of the problem of forming and evaluating the educational independence of high school students are described in the article. They are based on the understanding of the individual educational route as a student's own project, motivated by the realization of personal and professional self-determination. This project is being developed by the student together with the tutor. Educational independence is understood by us as the readiness of a high school student to implement this project in subsequent stages of continuing education. Two central aspects of the study of this problem are considered. First, educational autonomy is a characteristic of the student's subjectivity in the educational process. Secondly, it is an integrative educational result achieved in the pedagogical system of secondary general education. From these positions the state of modern practice of development of project activity of students is characterized. The contradictions characterizing the development of project activities of students are shown. In the practical part of the article, the key expert questions that form the basis for assessing the educational independence of a high school student in the form of individual project protection are formulated. The stages and content of this protection are described as a joint trial action of the participants, carried out in the context of the event space of their creative communication. It is shown that this methodological scheme contributes to the development of students' activity, which is the basis for designing an individual educational route for them at instruction subsequent levels.

Ключевые слова: образовательная самостоятельность, авторский проект, старшеклассники, индивидуальный образовательный маршрут, личностное и профессиональное самоопределение.

Keywords: educational independence, author's project, old schools, individual educational route, personal and professional self-determination

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Краснодарского края (проект № 16-16-23002 «Формирование образовательной самостоятельности школьников как педагогическое условие эффективности прохождения ими индивидуального образовательного маршрута на старшей ступени обучения»)

Acknowledgement. The study was conducted with the financial support of Russian Foundation for Basic Researches and Administration of Krasnodar Region (Project No. 16-16-23002 "Formation Educational Independence of Students as a Pedagogical Condition of Effective Completion of the Individual Educational Program for High School")

Цель исследования, результаты которого представлены в настоящей статье, состоит в обосновании модели формирования и оценки образовательной самостоятельности современных старшеклассников. Его актуальность связана с преодолением противоречия между существующими представлениями об образовательной самостоятельности учащихся как способности и условии самостоятельного получения ими знаний, предусмотренных единой образовательной программой (и частично - за ее пределами) и необходимостью разработки современных моделей образовательного процесса ступени среднего общего образования, в которых развитие образовательной самостоятельности выступает необходимым педагогическим условием построения учащимися индивидуального образовательного маршрута, ориентированного на достижение личностно значимых с точки зрения перспектив дальнейшей социализации и профессионализации целей и использования для этого современных информационно-образовательных ресурсов открытого социокультурного образовательного пространства.

Преодоление данного противоречия актуально и с точки зрения потребностей современной практики образования, ориентированной на достижение учащимися образовательных результатов как средств дальнейшего самостоятельного продвижения в открытом образовательном пространстве и достижения на этом пути максимума своих индивидуальных творческих возможностей, поскольку решение этой задачи требует формирования качественно нового уровня их образовательной самостоятельности, не достигаемого в традиционных моделях педагогической системы старшей школы.

Конкретная задача в рамках решения этой проблемы, которой посвящена настоящая статья, состоит в разработке научно-теоретических оснований и методической схемы оценки достигнутого учащимися уровня образовательной самостоятельности. Решая эту задачу, мы использовали методы анализа системы научных знаний и современной педагогической практики формирования образовательной самостоятельности старшеклассников, а также моделирования взаимодействия субъектов образовательного процесса средней школы, направленного на выявление спектра освоенных учащимися компетентностей, проявленных в ходе работы над индивидуальным проектом и его презентации экспертному сообществу.

Проблема исследования возникает в связи с обоснованием модели педагогической системы среднего общего образования, обеспечивающей уровень развития образовательной самостоятельности старшеклассников, необходимый для результативного освоения ими индивидуального образовательного маршрута на последующих этапах непрерывного образования. Этот маршрут рассматривается в современных исследованиях как собственный проект ученика, мотивированного на осуществление личностного и профессионального самоопределения, разрабатываемый им совместно с педагогом-тьютором [1]. С одной стороны, возникновение данной проблемы в поле научно-педагогических исследований непрерывного образовательного процесса обусловлено развитием представлений об учащемся как о субъекте этого процесса, поэтапно осваивающем новые возможности и средства самостоятельного продвижения по индивидуальному образовательному маршруту. Следует признать, что идея взаимосвязанности понятий субъектности и самостоятельности (независимости) учащихся не является принципиально новой. Так, в зарубежных исследованиях авторы рассматривали «независимость» студентов как их способность к самоуправлению учебной задачей («self-management of learning tasks»), лежащей в основе разнообразия видов и содержания их субъектной деятельности [2]. В другом случае речь идет о скрытой программе («la-

tent curriculum») как собственной активности ученика, лежащей в основе его самостоятельного продвижения в учебном материале [3].

В отечественной же концепции «возрастной» школы (В.С. Библер, А.Б. Воронцов, И.Д. Фрумин, Б.Д. Эльконин и др.) каждая ступень обучения характеризуется качественно новым уровнем субъектности учащегося. Так, в начальной школе субъектность ученика проявляется в первую очередь в достижении им контрольно-оценочной самостоятельности [4], в основной школе - в свободном выборе содержания совершаемых социальных проб и т.д. [5]. В данной логике образовательную самостоятельность старшеклассников необходимо рассматривать как сущностную характеристику нового уровня их субъектности , определяющего их возможности не только результативного освоения индивидуального образовательного маршрута на старшей ступени обучения, но и его осмысленного продолжения в дальнейшем с учетом специфики решаемых образовательных задач и используемых деятельностных средств на последующих этапах непрерывного образования.

С другой стороны, данная проблема вырастает из современных представлений о сущности образовательных результатов как индивидуальных достижений учащихся, становящихся для них средствами дальнейшего продвижения по индивидуальному образовательному маршруту в последующих образовательных системах [6]. В этой связи вполне закономерно в Федеральных государственных образовательных стандартах общего образования образовательная самостоятельности рассматривается как один из главных образовательных результатов, достигаемых средствами педагогической организации разнообразных видов образовательной деятельности учащихся и обеспечивающих их последовательное продвижение к достижению целей личностного и профессионального самоопределения. Образовательная самостоятельность учащихся как образовательный результат представляет собой не только интегративное личностное качество, определяющее успешность обучения и самообучения, но в первую очередь их готовность ставить и достигать цели своего дальнейшего образовательного продвижения на последующих этапах социализации и профессионализации, самостоятельно осваивая необходимые для этого средства.

В этом контексте возникает проблема обоснования не только методов и средств, но и методологических оснований оценки образовательной самостоятельности с точки зрения прогноза эффективности учащегося в качестве субъекта проектирования индивидуального образовательного маршрута на послешкольных этапах социализации и профессионализации, его способности «сканировать будущее» и определять пути достижения перспективных целей личностного и профессионального самоопределения. Понимание индивидуального образовательного маршрута как авторского проекта ученика выступает для нас исходным методологическим основанием ее решения. При этом мы выделяем две центральные идеи, открывающие путь к пониманию смысла индивидуального образовательного маршрута как авторского проекта: устремленность в будущее, отличающееся высокой степенью неопределенности, и со-бытийность с другими субъектами. Поясним их подробнее.

Первая идея восходит к пониманию сути проектирования как деятельности по приближению «потребного будущего» [7]. Решая проектную задачу, учащийся не просто находит «правильное» решение. Он преобразует исходную проблемную ситуацию, которая в заданном виде не имеет решения, к виду, в котором такое решение существует. Тем самым он в измененном виде перемещает эту ситуацию из настоящего в желаемое будущее. А для этого ему необходимо, как утверждал А.В. Брушлинский [8], увидеть заданную ситуацию в другой системе отношений. В этом смысле переход из настоящего в будущее непосредственно связан с изменением системы отношений, в чем, на наш взгляд, и состоит суть проектной деятельности как таковой.

Идея со-бытийности проектной деятельности восходит к философским взглядам В.С. Библера [9] и психологической теории неадаптивности В.А. Петровского [10]. Суть этих учений состоит в том, что, занимаясь подлинно творческой деятельностью, субъект неизбежно адресует ее Другому, через которого получает возможность познать и определить самого себя. С этой точки зрения проект индивидуального образовательного маршрута старшеклассника адресован им другим людям, с которыми ему предстоит строить социальные отношения в будущем (речь не идет о формальной адресации продукта деятельности конкретному потребителю).

Сразу же необходимо отметить, что в массовой практике образования судьба проектирования как нового вида образовательной деятельности учащихся складывается неоднозначно. Существует немало критических высказываний о том, что культивирование проектной деятельности учащихся осуществляется не вполне должным образом, в результате чего нередко утрачивается ее главный смысл. В качестве примера можно привести такое высказывание анонимного старшеклассника, сделанное им в рамках работы над собственным проектом по теме «Проект и проекти-

рование»: «В школе намеренно вводят в заблуждение учеников, подменяя понятия "реферат" и "доклад" на понятие "проект", создают ложные представления о проектной деятельности, принижают значимость профессии инженера, проектировщика. Учителя, озадачивая родителей своими проектами, заданиями не по возрасту и развитию, проектами и заданиями, которые не разобрали на примерах в школе, ради собственного тщеславия напрочь лишают учеников развития как самостоятельных личностей» [11]. (Мы не можем гарантировать, что данное высказывание принадлежит именно учащемуся, но оно выражает определенную точку зрения, присутствующую сегодня в образовательном сообществе России.)

Характерно, что в этой ситуации можно увидеть не только характеристики современной практики, но и аспекты научной проблемы становления проектирования как самостоятельной деятельности школьников, нуждающихся в теоретической рефлексии. Нетрудно заметить, что рассуждения о том, что в практике создаются ложные представления учеников о сути проектной деятельности, недвусмысленно пересекаются с базовыми теоретическими положениями, касающимися проблем детского развития в целом. Так, в исследовании В.Т. Кудрявцева отмечается факт симплификации детского развития, то есть его упрощения и обеднения в погоне за «современными» формами образования [12]. Есть немало оснований утверждать, что именно явление симплификации лежит в основе разработки современных моделей формирования проектной деятельности учащихся в том числе и старшего школьного возраста. В первую очередь можно отметить, что в существующих сегодня методических рекомендациях по организации проектной деятельности школьников и защите их индивидуальных проектов доминирует представление об академической форме такой презентации. По сути, старшекласснику предлагается вместить новую для него, еще становящуюся деятельность проектирования в формат «взрослой» защиты, требующей от автора ни больше ни меньше как методологической рефлексии совершенного проектного действия. Очевидно, что для уже состоявшегося профессионального исследователя и проектанта такое требование представляется вполне закономерным, однако едва ли это может относиться к старшекласснику, для которого методологическая рефлексия пребывает в зоне его даже не ближайшего, а скорее «дальнего» развития. Другими словами, методологической рефлексии еще только предстоит оформиться в сознании старшеклассника как отражения его субъектного отношения к окружающей действительности. В то же время его реальные образовательные результаты в общей рамке образовательной самостоятельности как способности к дальнейшему самостоятельному продвижению по индивидуальной образовательной траектории необходимо оценивать «здесь и сейчас».

Нетрудно заметить, что эта проблема имеет две взаимосвязанные стороны: педагогическое сопровождение собственно работы старшеклассника над индивидуальным проектом и необходимость разработки методической схемы защиты индивидуального проекта старшеклассника, позволяющей увидеть в нем и содержательно оценить не только состоявшийся шаг продвижения по образовательной траектории на этапе среднего общего образования, но и возможности ее продолжения на дальнейших этапах, в образовательных средах, значительно отличается от привычной «школьной» действительности. Другими словами, необходимо в предъявленном старшеклассником индивидуальном проекте, как в зеркале, увидеть перспективы его дальнейшего продвижения по индивидуальному образовательному маршруту.

Решая эту проблему, мы будем опираться на введенные нами ранее представления о продвижении ученика по индивидуальной образовательной траектории как о последовательности осваиваемых им социокультурных практик [13]. В этой модели освоение каждой из таких практик предполагает прохождение следующих закономерных этапов: 1) погружение в культурную проблематику осваиваемой практики, выявление и осмысление противоречий, устранение которых требует принятия оригинального проектного решения; 2) постановка проектной задачи как самоопределения автора по поводу «искомого» (термин А.В. Брушлинского), в которой проявляется личностная позиция автора проекта (превращение «задачи-для-всех» в «задачу-для-себя»; 3) определение способа решения постзадачи как общего проектного замысла и его конкретизация в заданных условиях решения задач; 4) оценка достигнутых результатов и определение их значения как новых возможностей дальнейшего освоения данной социокультурной практики. Именно способность старшеклассника реализовать данные этапы в рамках работы над индивидуальным проектом и составляют «смысловое ядро» его образовательной самостоятельности.

В свете сказанного ранее вполне очевидно, что попытки поместить субъектную деятельность ученика в формат академической деятельности проекта в наименьшей степени способствуют решению постзадачи, поскольку данный формат не позволяет выявить личностное отношение автора проекта к освоенной социокультурной практике. В основу предлагаемой нами модели защиты индивидуального проекта как формы оценки индивидуальной образовательной самостоя-

тельности старшеклассника заложены вопросы, ответы на которые и составляют главный результат экспертизы предъявленного учащимся проекта:

1. Достигнуто ли автором взаимное соответствие цели, ситуации и постановки проектной задачи?
2. Удалось ли автору занять и выявить свою собственную личностную позицию в отношении решаемой проблемы?
3. Состоялось ли обращение к необходимым для решения проектной задачи теоретическим знаниям? Каким именно? Продемонстрировал ли автор *культуру* этого обращения?
4. Насколько оригинальна, продуктивна и адекватна решаемой задаче идея проекта (найденный способ ее решения)?
5. Насколько грамотно выполнены автором действия, необходимые для реализации этой идеи и получения конкретного решения?
6. Удалось ли автору найти решение проектной задачи? Насколько это решение соответствует проблеме, ситуации и проектной задаче?
7. Удалось ли автору содержательно оформить найденное решение и донести его до экспертов?
8. В какой степени автор продемонстрировал культуру презентации проекта и общения с экспертами в ходе защиты?

Получение ответов на эти экспертные вопросы предполагает использование следующей методической схемы защиты индивидуального проекта старшеклассника.

На первом этапе необходимо реконструировать сам процесс работы ученика над индивидуальным проектом в форме ответов на экспертные вопросы:

1) насколько проблема проекта осознана и личностно значима для ученика;

2) насколько замысел проекта осмыслен автором как *найденный им самим способ решения проектной задачи*;

3) насколько полон и адекватен самой задаче спектр совершенных автором в процессе работы над проектом продуктивных действий.

Источниками ответов на эти вопросы могут служить материалы персонального портфолио старшеклассника и результаты интервью как вводной части защиты индивидуального проекта.

На втором этапе (собственно защита) перед автором индивидуального проекта ставятся следующие творческие задачи, результаты решения которых он непосредственно предъявляет экспертам:

1. Смоделировать и описать в виде кейса проблемную ситуацию, порождающую исходное противоречие, и сформулировать задачу, на решение которой направлен проект.
1. Показать с использованием различных креативных средств (макет, инсценировка и т.д.) созданный способ решения проектной задачи и продемонстрировать полученный результат.
2. В режиме дебатов со специально подготовленным оппонентом (из числа учащихся) доказать эффективность полученного решения и его соответствие поставленной проектной задаче.

И на третьем, завершающем этапе защиты индивидуального проекта автору предлагается по итогам состоявшихся процедур написать собственное экспертное заключение по поводу осуществленного проекта. На основании его анализа делается вывод о том, насколько автор рефлексирует и объективно оценивает состоявшийся шаг своего профессионально-личностного становления.

В заключение отметим, что описанная методическая схема, являясь альтернативой обычному, «академическому» формату презентации и защиты индивидуального проекта, обладает особым свойством, с которым связаны ожидания развития образовательной самостоятельности старшеклассника - автора собственного проекта индивидуального образовательного маршрута, приводящего его к целям личностного и профессионального самоопределения. Речь идет о том, что предложенная методическая схема реализуется во внутренней логике совместного пробного действия различных субъектов образовательного процесса, осуществляемого ими в условиях событийного пространства их общения [14]. По мнению Б.Д. Эльконина [15], эта логика есть не что иное, как логика игры, в процессе которой включаются механизмы смыслопоисковой активности ее участников. Таким образом, защита индивидуального проекта становится для старшеклассника своего рода пробой сил, модельной «примеркой» тех ситуаций личностного и профессионального самоопределения, которым еще только предстоит возникнуть в его жизненном поле на последующих этапах социализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гребенникова В.М., Игнатович С.С. Проектирование индивидуального образовательного маршрута как совместная деятельность учащегося и педагога // Фундаментальные исследования. 2013. № 11 (часть 3). С. 529–534.
2. Piercy S.W. Teacher perceptions of task importance and expectations of independence in student learning. Illinois State University, 1990. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=6648719 (дата обращения 13.12.2017 г.).
3. Engelhard, G. (1986). The discovery of educational goals and outcomes: A view of the latent curriculum of schooling. Dissertation Abstracts International, 46, No. 8, 2176-A.
4. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 544 с.
5. Концепция подростковой школы /под науч. ред. Б.Д. Эльконина, А.Б. Воронцова. М., 2003. URL.: http://www.ouro.ru/iro/exp/koncepciya/ (дата обращения 20.02.2015).
6. Остапенко А.А., Янковская Н.А. Переход в новую образовательную систему: готовность и маршрут (на примере перехода из начальной школы в основную) // Школьные технологии. 2014. № 1. С. 42–47.
7. Колесникова И.А., Горчакова-Сибирская М.П. Педагогическое проектирование / под ред. И.А. Колесниковой. М., 2005.
8. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М. – Воронеж, 1996. 392 с.
9. Библер В.С. Самостоянье человека. Кемерово: Алеф, 1993.
10. Петровский В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
11. Школьные проекты. URL: http://school-projects.ru/portal/projects (дата обращения 10.12.2017).
12. Кудрявцев В.Т. Развитое детство и развивающее образование: культурно-исторический подход. Ч. 1. Современное детство и инновации в дошкольном образовании. Дубна: ИЦ семьи и детства РАО, 1997. 174 с.
13. Игнатович В.К., Игнатович С.С., Гребенникова В.М., Бондарев П.Б. Проектирование индивидуального образовательного маршрута: проблема готовности субъекта: монография / под науч. ред. В.К. Игнатовича. М.: Ритм, 2015. 144 с.
14. Гребенникова В.М., Игнатович В.К., Игнатович С.С. Принцип событийности в организации социокультурных практик учащихся как проектных единиц их индивидуальных образовательных маршрутов // Историческая и социально-образовательная мысль: научный журнал. 2015. Т. 7. № 5. Ч. 1. С. 207 – 213.
15. Эльконин Б.Д. Педагогика развития: пробное действие как основа образования: доклад на IX конференции «Педагогика развития» (Красноярск, 2002). URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/vestnik (дата обращения 25.01.2014).

REFERENCES

1. Grebennikova V. M., Ignatovich S. C. Designing individual educational route as a joint activity of the student and teacher // Fundamental research. 2013. No. 11 (part 3). P. 529-534.
2. Piercy S. W. Teacher perceptions of task importance and expectations of independence in student learning. Illinois State University, 1990. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=6648719 (accessed 13.12.2017).
3. Engelhard, G. (1986). The discovery of educational goals and outcomes: A view of the latent curriculum of schooling. Dissertation Abstracts International, 46, No. 8, 2176-A.
4. Davydov V. V. Theory of developmental education. M.: intor, 1996. 544 p.
5. The concept of teenage school /under nauch. edited by B. D. Elkonin, A. B. Vorontsov. M., 2003. URL.: http://www.ouro.ru/iro/exp/koncepciya/ (date of application 20.02.2015).
6. Ostapenko A. A., Yankovskaya N.. The transition to a new education system: readiness and the route (for example, the transition from elementary school to main) // School technologies. 2014. No. 1. P.42-47.
7. Kolesnikova I. A., Gorchakova-Sibirskaya M. P. Pedagogical engineering / under the editorship of I. A. Kolesnikova. M., 2005.
8. Brushlinskii A.V. Subject: thinking, teaching, imagination. M. – Voronezh, 1996. 392 p.
9. Bibler, V. S. the Samostoyaniya man. Kemerovo: Aleph, 1993.
10. Petrovskiy V. A. the Person over the situation. M: Meaning, 2010. 559 p
11. School projects. URL: http://school-projects.ru/portal/projects (accessed 10.12.2017).

12. Kudryavtsev V. T. Development of childhood and developmental education: a cultural-historical approach. Part 1. Contemporary childhood and innovations in preschool education. Dubna: its family and of childhood of RAO, 1997. 174 C.
13. Ignatovich V. K. Ignatovich, S. S., Grebennikov V. M., Bondarev P. B. Design of individual educational route: the problem of readiness of subject: monograph / under scientific. edited by V. K. Ignatovich. M.: Rhythm, 2015. 144 p.
14. Grebennikova V.M., Ignatovich V.K., Ignatovich S.S. The principle of eventfulness in organization of students‟ sociocultural practices as project units of their individual educational routes. Historical and Social-Educational Ideas. 2015;7(5/1):207-213. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.207-213
15. El'konin B. D. Pedagogy of development: a trial action as the basis of education: report on the IX conference "Pedagogy of development" (Krasnoyarsk, 2002). URL: http://www.experiment.lv/rus/biblio/vestnik (accessed 25.01.2014).

Информация об авторах:

Игнатович Владлен Константинович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
vign62@mail.ru.

Игнатович Светлана Сергеевна, кандидат педагогических наук, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия

Литвинов Кирилл Александрович, кандидат педагогических наук, директор, «Краснодарский многопрофильный институт дополнительного образования», преподаватель Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова.
Краснодар. Россия
kir90@bk.ru

Получена: 15.12.2017

Для цитирования: Игнатович В.К., Игнатович С.С. Литвинов К.А. Теоретические основания проблемы и методическая схема оценки образовательной самостоятельности старшеклассников в форме защиты индивидуального проекта. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.222-228.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-222-228.

Information about the authors:

Vladlen K. Ignatovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Kuban State University.
Krasnodar, Russia
vign62@mail.ru.

Svetlana S. Ignatovich, Candidate of Pedagogical Sciences, Kuban State University
Krasnodar, Russia

Kirill A.Litvinov, Candidate of Pedagogical Sciences, Director, "Krasnodar Multidisciplinary Institute of Additional Education", lecturer, South-Russian State Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov.
Krasnodar, Russia
kir90@bk.ru

Received: 15.12.2017

For citation: Ignatovich V.K., Ignatovich C.C., Litvinov K.A. Theoretical foundations of the problem and the methodical scheme of estimation of the educational independence of the old schools in the form of the protection of the individual project. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 222-228.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-222-228. (in Russian)

УДК 371.14 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-229-234

КАЗАНЦЕВА Виктория Алексеевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
cerg.vika@mail.ru

Victoria A. KAZANTSEVA
Kuban State University
Krasnodar, Russia
cerg.vika@mail.ru

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ОПЫТА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ГЕТЕРОГЕННЫХ УЧЕНИЧЕСКИХ ГРУППАХ

ESSENCE AND CONTENT OF EXPERIENCE OF MORAL EDUCATION OF YOUNG SCHOOLCHILDREN STUDYING IN HETEROGENEOUS SCIENTIFIC GROUPS

Статья посвящена теоретическому анализу проблемы формирования опыта нравственного воспитания младших школьников, обучающихся в гетерогенных ученических группах. Актуальность данной проблемы обусловлена активизацией миграционных процессов в России, которые привели к изменению состава детей в современных школах, где рядом учатся дети - представители разных культур, говорящие на разных языках. Поступающие в начальную школу дети-мигранты часто плохо владеют русским языком, не знакомы с культурой, традициями населенного пункта, в котором они проживают в России. При всей необходимости воспитания уважения к детям мигрантов, к их культуре, обычаям не менее важно, чтобы и дети мигрантов знакомились с историей, культурными ценностями города, страны, в которой они сейчас проживают, проявляли уважение к людям, населяющим вместе с ними одну территорию. Освещаются подходы к поэтапному образованию будущих учителей начальных классов, подробно описываются требования к будущим педагогам, занимающимся нравственным воспитанием младших школьников. При этом выявлено, что молодые специалисты имеют недостаточный уровень профессиональных умений и навыков в формировании такого опыта. Этим обосновывается необходимость создания педагогических условий, включающих ряд определенных компонентов.

Ключевые слова: младший школьник, гетерогенность, обучающийся, нравственность, миграция, опыт, нравственное воспитание, ученическая группа, учитель начальных классов, общение

The article is devoted to the theoretical analysis of the problem of forming the experience of moral education of junior schoolchildren who are studying in heterogeneous student groups. The urgency of this problem is caused by the intensification of migration processes in Russia, which led to a change in the composition of children in modern schools where children from different cultures speak different languages. Migrant children entering primary school often do not speak Russian well, they are not familiar with the culture and traditions of the settlement in which they live and Russia. Considering the necessity of fostering respect for the children of migrants, their culture and customs, it is equally important that the children of migrants get acquainted with the history, cultural values of the city, the country in which they now reside, show respect for people who share the same territory with them. The approaches to the phased education of future primary school teachers are described; the requirements for future teachers engaged in moral education of younger schoolchildren are described in detail. At the same time, it was revealed that young specialists do not have sufficient level of professional skills in the formation of such experience. This justifies the need to create pedagogical conditions, which include a number of certain components.

Keywords: junior schoolboy, heterogeneity, trainee, morality, migration, experience, moral education, student group, primary school teacher, communication

Фактически современное образование эволюционирует пропорционально задачам, которые реализуются в соответствии с внутренней политикой Российского государства, имеющей своей отличительной чертой гетерогенность, а именно - разнообразие представленных в каждом учебном коллективе различных групп учащихся.

В связи с этим назревает вопрос об актуальности проблемы формирования у будущих учителей опыта нравственного воспитания обучающихся в гетерогенных ученических группах.

Гетерогенность представляет собой совокупность показателей, демонстрирующих степень пестроты, разнородности общества, подчеркивающих богатство оттенков этого общества. Это означает, что по этим показателям нельзя сказать, выше или ниже находится индивид, занимающий социальную позицию в группе, по отношению к индивиду, занимающему позицию в другой группе. Другими словами, гетерогенность говорит нам только о различиях в позициях индивидов, но не об их ранге [4].

Из всех видов человеческой деятельности одной из наиболее важных по праву считается педагогическая, то есть деятельность, обеспечивающая передачу от поколения к поколению накопленного духовно-практического опыта. Меняются эпохи, общественные формации, мировоззрения, разрушаются старые и формируются новые системы ценностей, умирают и рождаются профессии, но ровно столько, сколько будет существовать человечество, будет востребован и труд учителя [3; 5].

В процессе общения учащихся начальных классов, а именно во взаимодействии участников классного коллектива, формируются и развиваются такие качества личности, как нравственное

сознание и нравственное поведение. Попадая в новые условия, ученик начальных классов налаживает дружеские контакты, учится вести себя в новой социальной среде, соблюдая нормы и правила нравственного поведения.

В зависимости от того, какие правила и нормы существуют в группе учащихся начальных классов и как развиваются межличностные отношения в их коллективах, все это обусловливает формирование их нравственных поведения и чувств.

Проблема нравственного воспитания учащихся начальных классов достаточно актуальна в современном образовании и заключается в необходимости прогрессировать профессиональную подготовку учителей начальных классов к формированию нравственных качеств личности, обучающихся в совершенно иных условиях, а именно гетерогенной образовательной среды.

В психолого-педагогической литературе понятие «опыт» трактуется разными исследователями по-разному. К.К. Платонов, Ю.П. Поваренков под опытом профессиональной деятельности понимают целостную систему профессионально значимых знаний, умений и навыков; Л.И. Анцыферова - систему сформировавшихся в процессе жизнедеятельности способов решения профессиональных проблем; А. Турчинов - деятельность личности, распределенную в ее сознании; Ю.К. Стрелков - систему способов, приемов и правил осуществления профессиональной деятельности; Е.В. Конева - систему представлений о профессиональных ситуациях.

Если представить опыт нравственного воспитания учащихся начальных классов, которые учатся в гетерогенных группах, то можно это сделать в виде системы, которая будет включать в себя совокупность чувств (эмоций, впечатлений, переживаний и так далее), различного рода убеждений, знаний, умений, формирующихся в период усвоения будущим педагогом начальных классов на практике в процессе педагогической деятельности, ориентированной на координацию развития у обучающихся нравственного сознания и поведения, проявляющихся в их отношениях к себе, другим людям и миру в целом.

Теоретический анализ позволяет утверждать, что опыт нравственного воспитания формируется под влиянием опосредованного и непосредственного опыта.

Таким образом, если говорить об опосредованном опыте, то он включает в себя опыт: нравственного поведения, моральный, взаимодействия с представителями других этнических групп (взаимодействия лиц разной национальности), взаимодействия с инвалидами, взаимодействия с социально незащищенными слоями населения (восприятия лиц разного социального статуса), отношения к гетерогенности среды.

Если рассматривать процесс формирования опыта нравственного воспитания учащихся в гетерогенных группах с другой стороны, то значительное влияние оказывает и личностный опыт, который может быть как опосредованным, так и непосредственным. С одной стороны, это восприятие личностью знаний, умений, убеждений и чувств (опосредованный личностный опыт), с другой - это опыт, приобретенный младшими школьниками в процессе обучения (непосредственный личностный опыт).

Итогом обобщения опосредованного и непосредственного (субъектного) опытов также может являться формирование опыта нравственного воспитания младших школьников, обучающихся в гетерогенных группах.

Многие исследователями по-разному трактуют опыт - это видно из анализа современных работ по педагогике. Обычно проводят исследования в следующих направлениях педагогики: опыт оказания помощи, опыт взаимодействия, опыт решения ситуативных задач. Также достаточное внимание уделяется вопросам структуры опыта педагога. Это можно увидеть в работах Л.Н. Лисохиной, Н.Е. Щурковой, М.Н. Скаткина и др.

Стихийность формирования опыта, прослеживается в работах А.С. Белкина и Р.У. Богданова. По мнению А.С. Белкина, существует жизненный опыт и опыт жизни. Он описывает формирование опыта через трансформацию информации, которая основывается на полном анализе и оценке, как стихийный процесс. Через взаимообмен информациями между людьми происходит процесс управления развитием личности учащегося. Поэтому очень часто в научной литературе встречается такая точка зрения.

Очень важным элементом сознания личности будущего учителя является опыт.

Опыт формируется в результате концентрации внешних реакций, которые выборочно воспринимаются и индивидуально отражаются в сознании личности, определяя его разнообразие и постоянство в применении на практике.

Скрытый механизм формирования опыта можно представить как поэтапную смену фиксированных этапов, воссоздающих природу развития психических процессов.

Восприятие будущими учителями очевидных событий в своем жизненном процессе не всегда одинаково. Необходимо восприятие тех ситуаций, которые возникают в процессе их професси-

ональной подготовки, в том числе и сам теоретический и практический материал, предназначенный для его усвоения.

Немаловажным фактором является степень субъективной значимости, то есть восприятие теоретического и практического материала. Таким образом, для формирования опыта нравственного воспитания младших школьников учитель должен иметь педагогическую направленность и мотив соответствующей деятельности. Огромную роль в процессе усвоения теоретического материала и реализации его на практике играют социально обусловленные ассоциации как студента - будущего учителя, так и преподавателя.

В контексте нравственного воспитания в связи с воздействием социального опыта данный процесс бессознательно ассоциируется либо с организацией специально спланированных мероприятий, включающих в себя инсценировки, выступления, декларации нравственных ценностей самими обучающимися, либо с нравственными поучениями и назиданиями учителя.

Логичность воздействия социально обусловленной ассоциации на восприятие любого объекта становится препятствием в процессе формирования у будущих педагогов деятельности по нравственному воспитанию учащихся начальных классов. Один психологический механизма автоматически запускает другой - внешнее воздействие (действие предпочтительного восприятия объекта).

Формирование у будущих учителей определенного социального опыта является необходимостью, так как обучение инновационным методам и приемам деятельности по нравственному воспитанию, безусловно, имеет избирательный характер. Такой новый социальный опыт формируется уже непосредственно, а не опосредованно, только в действии и через действия.

Память, воображение и мышление также влияют на формирование опыта.

Любой процесс обобщения формирует фиксированные представления о причинно-следственных связях между явлениями. Для постепенного расширения объема избирательности принимаемой информации необходимо развитие у будущих педагогов начальных классов глубины мышления для становления ее основой.

Явление «шаблон» - немаловажный фактор формирования опыта у будущих учителей нравственного воспитания обучающихся в процессе их профессиональной подготовки, который неизбежно зафиксирован предшествующим опосредованным и непосредственным опытом. Шаблон, привычки или стереотип олицетворяют собой упрощенный эмоционально окрашенный образ какого-либо явления, процесса или предмета. Шаблоны восприятия опыта нравственного воспитания часто становятся психологическими препятствиями его формирования и пополнения.

За время обучения у учащихся начальных классов происходят ежедневно сложные ситуации, которые возникают в процессе воспитания младших школьников и требуют пристального внимания. Метод наблюдения является одним из способов разрушения шаблонов, привычек и т.д. Взывание к методу наблюдения в процессе формирования у будущих учителей опыта нравственного воспитания учащихся начальных классов, которые обучаются в гетерогенных группах, будет способствовать разрушению несерьезного отношения к реализуемой деятельности.

Важную роль в период формирования опыта играют социально-психологические механизмы памяти. В памяти хранятся основные элементы социального опыта, который так или иначе связан с опытом прошлых поколений. Опыт, передаваемый из прошлого поколения следующему и используемый им, называется традицией. Если говорить о традиции, то знание их направленности и содержания делает существенно легче процесс нравственного воспитания.

Структура опыта - это взаимосвязь трех его компонентов:

- интеллектуального (когнитивного);
- эмоционального (аффективного);
- поведенческого.

Интеллектуальный компонент отвечает за рациональную составляющую опыта. В процессе определенных действий переживания субъекта деятельности включают в себя эмоции - все это и есть переход опыта. Если рассматривать память школьника, то эмоциональный компонент связан с ней, актуализация происходит в моменты, тождественные с теми ситуациями, которые у субъекта деятельности в жизни уже происходили. Факторы мотивации и повторения аналогичных действий в схожих ситуациях связаны с различного рода эмоциями и с определенным поведением субъекта. Поведенческий компонент отражает особенности деятельности ее субъекта.

Пять компонентов выделяет Р.У. Богданова, анализируя смысл и содержание созидательного опыта человека:

- созидательно-преобразующий компонент, который включает опыт умения созидательно преобразовывать знания, культуру и себя самого;

- познавательно-мировозреческий, который включает опыт, связанный с умениями осмыслять и понимать мир;
- духовно-нравственный, связанный с нравственными ценностями человека и его духовной жизнью, его нравственными поступками;
- социально-гражданский компонент, отражающий гражданскую позицию субъекта деятельности, его действия на благо всего общества, его ответственность, чувство долга, патриотизм и добросовестность;
- эмоционально-волевой компонент, включающий в себя переживания человека, связанные с его прошлым опытом, с событиями его жизни [1].

Структуру опыта как взаимосвязь трех его компонентов рассматривает С.В. Христофоров:

- компонент, включающий в себя эмоции, чувства, ценности и отношения, проявляющиеся также на разных уровнях, - ориентационный;
- компонент, который включает в себя различные знания, проявляющиеся на трех основных уровнях: знания о сущностных характеристиках какого-либо явления или процесса, алгоритмизированные знания о том, что и как делать, как поступить в определенных ситуациях, эмоциональные и технологические знания, - когнитивный;
- компонент, который отражает всю систему умений субъекта деятельности, - непосредственный и опосредованный - технологический [2].

Анализ литературы показал, что исследователи рассматривают процесс формирования опыта обучающихся в системе «учитель - ученик».

Под технологией рефлексивного мышления (опыт обновляется в процессе рефлексии прошедших или происходящих событий) понимается реализация технологии критического мышления (стадия вызова сменяется стадией апелляции к имеющемуся у обучающихся опыту).

Таким образом, анализ современных представлений содержании опыта в педагогической деятельности, а также сущности, структуры дает возможность раскрыть сущностно-смысловые и структурно-содержательные характеристики опыта нравственного воспитания учащихся, обучающихся в гетерогенных начальных классах.

Опыт нравственного воспитания младших школьников, обучающихся в гетерогенных классах, может быть представлен как система нравственных и профессиональных ценностей учителя, его представлений о формах, средствах и методах педагогического воздействия на когнитивную, ценностно-смысловую, мотивационно-потребностную, эмоционально-волевую и поведенческую сферы личности учащихся начальных классов, которые проявляются в межличностном взаимодействии учащихся начальных классов в гетерогенной ученической группе.

Понятие «формирование» граничит с такими понятиями, как развитие, обучение, воспитание и образование. Достаточно часто понятия «развитие» и «формирование» употребляются как синонимы. Проследить здесь логику достаточно легко: и формирование, и развитие обозначают эволюционный процесс, приводящий к общим позитивным изменениям. Однако понятие «развитие» обозначает количественные и качественные изменения, происходящие в организме человека, в его психике, личностной сфере и пр. В данном случае аспект воздействия извне имеет минимальное значение. Понятие же «формирование» в большей степени, чем понятие «развитие», связано с педагогическим воздействием. Формирование - это, скорее, результат развития, обусловленный как субъективными, так и объективными факторами.

В педагогике под термином «формирование» понимают процесс становления чего- или кого-либо, который объективно и субъективно обусловлен.

Термин «формирование» заключается в воздействии на сознание обучающихся, которое осуществляет педагог в целях создания таких педагогических условий, которые обеспечивают возникновение и развитие у обучающихся нужных и ожидаемых качеств.

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что формирование опыта нравственного воспитания младших школьников, обучающихся в гетерогенных группах, можно представить в форме процесса по воздействию педагогов высшего учебного заведения (вуза) на сознание будущих учителей (студентов) с целью создать у них меняющуюся систему ценностей, склада мышления и практических навыков, необходимых им для эффективного осуществления воспитательной деятельности и достижения ее целей, заключающихся в актуализации воспитательного потенциала гетерогенной ученической группы.

Процесс, при котором происходит смена четырех этапов, который связан с внешними факторами воздействия и состоит из их выборочного перехода извне структур социальной деятель-

ности внутрь, объединения и накопления, называется процессом формирования опыта нравственного воспитания обучающихся в гетерогенных группах.

Необходимо выявить структуру формирования опыта нравственного воспитания обучающихся в гетерогенных группах для раскрытия сущностно-смысловых и структурно-содержательных характеристик процесса формирования у будущих учителей начальных классов данного опыта.

Можно предположить, что структура опыта нравственного воспитания младших школьников, обучающихся в гетерогенных классах, может быть представлена как взаимосвязанность следующих компонентов:

1) Компонент, отражающий три уровня профессиональных знаний, - когнитивный:

- знания об уровне сформированности у детей нравственности, комплекс знаний о воспитательной работе в начальной школе, о психических особенностях развития младших школьников, об организации процесса межличностного взаимодействии и характеристиках межличностных отношений в классном коллективе младших школьников;

- знания о формах, методах, средствах и приемах воспитательного воздействия;

- знания о закономерностях построения взаимодействия разных категорий детей.

Когнитивный компонент включает в себя следующие элементы: креативность и способность учителя к интеллектуальной научно-исследовательской и проектной деятельностям.

2) Компонент, демонстрирующий способность педагога понимать проблему, получить данные о школьниках, о нравственном их развитии, которое проявляется по отношению к своим одноклассникам, родителям и к окружающему миру, - герменевтический.

3) Компонент, который включает в себя сформированные практические умения и навыки взаимодействия детей в ученической группе, - операционально-технологический. Также данный компонент имеет «вторую сторону медали», а именно - умения учителя мотивировать своих «подопечных», влияя на их умение проявлять педагогический такт, умения планировать и реализовывать единый подход к нравственному воспитанию младших школьников.

4) Компонент, который раскрывает интересы учителя, его потребности в осуществлении нравственного воспитания, - аксиологический.

5) Компонент, включающий в себя спектр эмоций и чувств учителя, основанный на личном опыте и реализующий свой опыт в воспитательной деятельности младших
ков, - эмоционально-оценочный.

6) Компонент, состоящий из элементов: рефлексия, саморегуляция воспитательной деятельности, самоанализ действий учителя в различного рода педагогических ситуациях, - рефлексивно-регуляторный.

В соответствии с вышеизложенным формирование опыта нравственного воспитания обучающихся в гетерогенных группах можно представить как итог создания педагогических условий для поэтапного развития его компонентов: когнитивного, герменевтического, операционально-технологического, аксиологического, эмоционально-оценочного и рефлексивно-регуляторного.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богданова Р.У. Развитие творческой индивидуальности субъектов образования / Р.У. Богданова. - СПб.: Речь, 2000. - 220 с.
2. Волкодав Т.В. Профессионально-личностная готовность педагогов и образовательных менеджеров к работе с гетерогенными группами и организациями // Концепт [Электронный ресурс]. - 2015. - Т. 37. - С. 101-105. - URL: http://e-koncept.ru/2015/95643.htm.
3. Гребенникова В.М., Дорошенко В.В. Этика педагогической деятельности в контексте новой образовательной парадигмы // Современные проблемы науки и образования. - 2015. – № 1-1.
4. Казанцева В.А. Гетерогенность и социальное неравенство в начальной школе - актуальная проблема современности // Концепт [Электронный ресурс]. - 2015. - Т. 37. - С. 21-25. Социальное неравенство: проблемы и риски гетерогеннных групп. - URL: http://e-koncept.ru/2015/95627.htm (дата обращения: 18.02.2016). Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, г. Киров. ISSN: 2304-120X.
5. Карпенко А.В., Домрачева О.Е. Способы организации нравственного воспитания младших школьников в процессе учебной деятельности // Концепт. - 2017. - Т. 38. - С. 98-103.

REFERENCES

1. Bogdanova, R.U. Razvitie tvorcheskoj individual'nosti sub#ektov obrazovanija. R.U. Bogdanova. [Development of creative individuality of the subjects of education. R. U. Bogdanova]. SPb.: Rech', 2000. 220 p.
2. Volkodav T.V. Professional'no-lichnostnaja gotovnost' pedagogov i obrazovatel'nyh menedzherov k rabote s geterogennymi gruppami i organizacijami. [Professional-personal readiness of teachers and educational managers to work with heterogeneous groups and organizations of the economy]. Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2015. T. 37. pp. 101-105. Available at: URL: http://e-koncept.ru/2015/95643.htm.
3. Grebennikova V.M., Doroshenko V.V. Jetika pedagogicheskoj dejatel'nosti v kontekste novoj obrazovatel'noj paradigm. [Ethics teaching activities in the context of new educational paradigm]. Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2015. No. 1-1.
4. Kazanceva V.A. Geterogennost' i social'noe neravenstvo v nachal'noj shkole - aktual'naja problema sovremennosti. [Heterogeneity and social inequality in elementary school a current problem in the paper]. Koncept: jelektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal. T. 37. pp. 21-25. Social'noe neravenstvo: problemy i riski geterogennnyh grupp. [Social inequality: issues and risks geterogennykh groups]. Available at: http://e-koncept.ru/2015/95627.htm (accessed: 18.02.16), Mezhregional'nyj centr innovacionnyh tehnologij v obrazovanii, g. Kirov, 2015, T. 37. pp. 21-25 ISSN: 2304-120X.
5. Karpenko A.V., Domracheva O. E. Sposoby organizacii nravstvennogo vospitanija mladshih shkol'nikov v processe uchebnoj dejatel'nosti.[The Ways of organizing the moral education of younger schoolchildren in the process of educational activity are considered]. Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal «Koncept». 2017. T. 38. pp. 98-103.

Информация об авторе:

Казанцева Виктория Алексеевна, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
cerg.vika@mail.ru

Information about the author:

Victoria A. Kazantseva, Kuban State University, Krasnodar, Russia
cerg.vika@mail.ru

Получена: 07.12.2017

Для цитирования: Казанцева В.А. Сущность и содержание опыта нравственного воспитания младших школьников, обучающихся в гетерогенных ученических группах. Историческая и социально-образовательная мысль.
2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.229-234.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-229-234.

Received: 07.12.2017

For citation: Kazantseva V.A. Essence and content of experience of moral education of young schoolchildren studying in heterogeneous scientific groups. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 229-234.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-229-234. (in Russian)

УДК 37

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-235-242

КАРПЕНКО Анжелика Вячеславовна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
mardirosav@mail.ru

Angelica V. KARPENKO
Kuban State University
Krasnodar, Russia
mardirosav@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ В НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

ON THE QUESTION OF THE PEDAGOGICAL ESSENCE OF MORAL EDUCATION IN THE INITIAL EDUCATION

Статья обращается к проблеме нравственного воспитания в период модернизации системы начального общего образования, нацеленного на формирование нового образовательного пространства, позволяющего обеспечить духовно-нравственное становление подрастающего поколения, подготовку его к жизненному самоопределению, самостоятельному выбору в пользу гуманистических идеалов. Автор рассматривает отношение современных школьников к жизни, к общественному взаимодействию и общению, проявлению личностных качеств, отвечающих или не отвечающих нормам и требованиям общественной морали. Рассматривается система общественных отношений, содержащая в себе всю систему морально-этических отношений в обществе, приводятся показатели нравственной культуры с опорой на универсальные нравственные принципы. Приводятся градации совокупных значений морали, выделяются различные направления нравственного становления, его стадии и свойства. Способами воспитания и самовоспитания высших моральных и эстетических эмоций считаются: чтение художественной литературы, посещение выставок и музеев, знакомство с различными видами искусства, участие в художественной самодеятельность, посещение кружков и творческих студий, занятие туризмом, спортом. В статье говорится о противоречивости содержания нравственной жизни школьников как объекта воспитательного процесса, над организацией которого необходимо систематически и постоянно работать, сосредоточивая усилия на умелом разрешении противоречий, развитии у них в этом процессе нравственного чувства, сознания, привычек, привычных форм поведения.

Ключевые слова: нравственное воспитание, моральные нормы, взгляды, оценки, теории, поведение, нравственная культура, принципы, ценности, нравственные идеалы, морально-этические отношения

The article addresses the problem of moral education in the period of modernization of the primary general education system aimed at the formation of a new educational space that allows ensuring the spiritual and moral formation of the younger generation, its preparation for life self-determination, independent choice in favor of humanistic ideals. The author considers the attitude of modern schoolchildren to life, to social interaction and communication, the manifestation of personal qualities that meet or do not meet the norms and requirements of public morality. The system of social relations containing the entire system of moral and ethical relations in society is considered, and the indices of moral culture are cited with the support of universal moral principles. Gradations of the aggregate values of morality are cited, various directions of moral formation, its stages and properties are singled out. The methods of upbringing and self-education of the highest moral and aesthetic emotions are: reading of fiction, visiting exhibitions and museums, getting acquainted with various kinds of art, participating in amateur art activities, visiting circles and creative studios, engaging in tourism, sports. The article discusses the contradictory nature of the content of the moral life of schoolchildren as an object of the educational process, the organization of which must be systematically and constantly working, focusing efforts on skillfully resolving contradictions, developing moral sense, consciousness, habits, and habitual forms of behavior in this process.

Keywords: moral education, moral norms, views, assessments, theories, behavior, moral culture, principles, values, moral ideals, moral and ethical relations

Нравственное воспитание школьников является одной из важнейших составляющих образовательного процесса. Совершенствование системы начального общего образования ориентировано на формирование нового образовательного пространства, способного обеспечить нравственное воспитание подрастающего поколения, поиск своего места в жизни, своей жизненной стратегии, самостоятельный выбор в пользу гуманистического мироотношения, гуманистических идеалов.

Нравственное воспитание личности ребенка - одна из стратегических задач прогрессивной школы. В настоящее время колоссальное внимание уделяется ориентации учащихся на нравственные ценности, формированию умения соотносить поступки, действия, события с общепризнанными нормами и ценностями, способности к самостоятельному нравственному поступку во всевозможных жизненных ситуациях. Теперь, когда во всех сферах жизни общества происходят глубокие преобразования, особенно остро встал вопрос формирования нравственных ценностей подрастающего поколения [6].

Требования федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования к структуре основной образовательной программы определяют содержание и организацию образовательного процесса на ступени начального общего образования и направле-

ны на формирование общей культуры обучающихся, на их нравственное воспитание [3].

Воспитание нравственности - сложнейший процесс, требующий учета изменяющихся социальных критериев, индивидуального подхода. Отношение ребят к жизни - не только лишь основа их общественного взаимодействия и общения, но и проявление собственных личностных качеств, отвечающих или же не отвечающих общепризнанным нормам и требованиям общественной морали [1].

Общей целью духовно-нравственного развития и воспитания является социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России [4].

Для того чтобы понять действительные предпосылки нравственного и безнравственного поведения людей, нужно узнать, что же такое мораль, каковы ее истоки.

Под моралью следует понимать совокупность ограничений и претензий людей в системе общественного взаимодействия, взаимных свобод и обязательств, эквивалентов в процессах общественного обмена, производимых по собственной воле, без законодательного принуждения; одна из основных форм социального сознания, достижение гуманистической культуры человека [4].

Моральные общепризнанные нормы составляют основу нравственности, нравственность не сводится только лишь к моральным общепризнанным меркам, она включает в себя также моральные взгляды, оценки. К сфере морали относятся еще и моральное отношение людей, их моральные нормы обосновывают взаимосвязь с их нравственным поведением. Нет нравственного (или безнравственного) поведения за пределами контактов человека с другими людьми. Моральные отношения проявляются в любой сфере жизни общества: производственной, политической, бытовой, домашней, и в то же время их нет за пределами общественных социальных отношений. Каждый поступок может приобрести высоконравственное значение в случае, если в нем содержится отношение человека к обществу, коллективу, другому человеку.

Если говорить о системе общественных отношений, следует установить термин «нравственная культура», который также содержит в себе всю систему морально-этических отношений в обществе. Нравственная культура - это термин, который употребляется в этике и культурологии для характеристики состояния общества с точки зрения соблюдения им общепризнанных моральных норм и правил. В структуре нравственной культуры содержатся в качестве составных элементов обычаи, общепринятые нормы и манера поведения, нравы данного общества, касающиеся главным образом добра и зла - основных категорий этики; в нее включены еще и нравственные отношения - любовь, дружба; представление о понятиях: героизм, отвага, благо, счастье. Показателем нравственной культуры считается надобность и возможность гражданина находиться в согласии с собственной совестью, не причиняя вреда (не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе). Социум, где выбор благого дела является обыденным поведением его членов, считается обществом высокой нравственной культуры [4]. Нравственная культура опирается на универсальные нравственные принципы. Так, во всех вероисповеданиях мира вполне вероятно найти основы и системы нравственных ценностей. Так, как религии говорят от имени большого количества людей и выдержали испытание временем, вполне возможно говорить о существовании общечеловеческих эталонов. Для примера приведем «Золотое правило», проповедуемое шестью самыми крупными мировыми религиями.

Буддизм: Не делай другим того, что сам считаешь злом.

Индуизм: Не делай другим того, что причинило бы боль тебе.

Даосизм: Считай прибыль ближнего своей прибылью, его потерю - своей потерей.

Ислам: Нельзя назвать верующим того, кто не желает сестре или брату своему того же, чего желает себе.

Христианство: Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой.

Данные ключевые принципы пронизывают все без исключения культуры и веры, определяя истинную роль человеческого существования, его высоконравственные эталоны, высоконравственную культуру в целом.

Согласно суждению специалиста по психологии Л. Колберга, нравственные суждения, равно как и восприятие, понимание, движение, чувства и почти все без исключения проявления, присущие людям, подвергаются формированию. Они ни в коем случае не возникают в единственный период, в завершенном варианте, предоставляющем возможность отличать добро от зла. Нравственное становление ребенка проходит определенное количество стадий. Некоторые индивиды, например, так и не добиваются зрелого уровня нравственности, в то время как иные показывают моральную зрелость в отрочестве. Скорость прохождения ребенком этапов нравственного станов-

ления находится в зависимости от интеллектуального уровня общества, в котором они живут, и от установленных им традиций воспитания детей. Л. Колберг основал теоретическую схему, в общих чертах параллельную доктрине Пиаже о стадиях когнитивного развития; сообразно Л. Колбергу, становление нравственного чувства есть последовательный передовой процесс.

Им были предложены надлежащие градации: три совокупных значения морали (предшествующий традиционному; обычный, конформистский; автономный, принципиальный). Внутри каждой градации Л. Колберг различает шесть типов:

- ориентация на возможное наказание, послушание;
- наивный потребительский гедонизм;
- мораль «пай-мальчика», ориентированная на поддержание хороших отношений, одобрение окружающими;
- ориентация на авторитет;
- мораль, основанная на признании прав человека и демократически принятого закона;
- индивидуальные принципы, выработанные самостоятельно.

Ж. Пиаже, Л. Колберг и другие ученые выделяли наличие различных направлений нравственного становления, существовали еще ориентировочные возрастные грани его стадий. К первоначальным возможно отнести следующие свойства:

Наличие интенции. Маленькие дети рассматривают действия в определениях их физических последствий, впрочем, дети более старшего возраста принимают во внимание намерения индивида, осуществившего то или же другое действие. К примеру, восьмилетний ребенок наверняка посчитает, собственно, что расшибить четыре дорогостоящие чашки невзначай - это ужаснее, чем расшибить одну специально. Основная масса четырнадцатилетних пришли бы к обратному решению.

Относительность. Маленькие дети считают, что каждое воздействие имеет возможность быть несомненно оценено как хорошее или же нехорошее. По мере взросления они утрачивают данный категорический расклад: они начинают воспринимать, собственно, что взгляды на одно и то же воздействие имеют все шансы быть различными. Дети младшего возраста также считают, что при расхождении в моральной оценке чего-то один из спорящих всегда прав (обычно тот, кто старше).

1. *Независимость последствий.* Маленькие дети обычно судят о тяжести проступка по серьезности наказания за него; дети более старшего возраста оценивают проступок по тому, насколько важное правило поведения было нарушено, и по тому, какой ущерб был нанесен. Ребенок трехлетний как правило считает нехорошим другого малыша только потому, что его нашлепали, независимо от заслуженности наказания; взрослая аналогия такого взгляда на вещи - считать виноватым того, кому предъявлено обвинение в совершении правонарушения (даже в случае, если после всего свершившегося его оправдают).
2. *Готовность дать сдачи.* Многие дети младше 12 лет не могут поставить себя на место другого. Их действия зависят только от их чувств и потребностей, они не в состоянии понять, что движет другими. Дети склонны ответить обидчику, толкнуть того, кто их толкнул, например. Однако некоторые дети в достаточно раннем возрасте достаточно миролюбивы и готовы прощать.
3. *Использование наказания для исправления и перевоспитания.* Маленькие дети предполагают, что за всякий проступок нужно строго наказывать. Более взрослые дети считают больше уместными не очень жесткие наказания, достаточные для восстановления попранных прав «жертвы» и для исправления «преступника».
4. *Натуралистические взгляды на неудачу.* Дети младше восьми лет расположены видеть в несчастных случаях и бедах наказания со стороны Бога или иной всевластной силы. По мере взросления дети обретают способность отличать наказание от несчастного случая.

В целом дети уделяют наибольшее внимание общепринятым установленным правилам, букве закона (которую они готовы понять), а не его духу, труднодоступному для их восприятия. Они воспринимают правила как абсолют. По мере взросления, впрочем, ребенок начинает понимать, что правила создаются людьми для общего удобства, что права могут быть неидеальными, противоречивыми и что, собственно, надо самому решать, куда необходимо следовать.

В обществе, обладающем высочайшей нравственной культурой, в основе воспитания его членов непременно базируется нравственное воспитание. Нравственное воспитание - это процесс формирования нравственных свойств, черт характера, навыков, способностей и привычек поведения. Нравственное воспитание понимается еще как создание благоприятных условий для нравственного становления личности ребенка на базе становления моральной саморегуляции.

Основной базовой категорией нравственного воспитания считается понятие нравственно-

го чувства - постоянного эмоционального ощущения, переживания, реальных нравственных отношений и взаимодействий. Общепризнанные правила морали реорганизуются в индивидуальную нравственность лишь вследствие их эмоционального исследования ребенком. Нравственность для него до этого - прежде всего ощущение и переживание глубокого удовлетворения или, напротив, дискомфорта, тревоги, отвращения на физическом уровне, осуждения самого себя и горького раскаяния. Нравственное чувство считается системообразующей основой человеческой нравственности. Благодаря ему моральное понимание, познание общепризнанных норм поведения, простые действия, поступки обретают нравственный смысл и значение.

Нравственное воспитание, пренебрегающее эмоциональной сферой, эстетическим подходом к действительности, считается слабым, не способным к пробуждению внутренних стимулов и созиданию высоконравственных поступков детей, управлению их поведением.

Воспитание нравственных качеств основывается на воспитании высших эмоций, к коим относятся: чувства патриотизма, гуманизма, собственного достоинства, честности, порядочности, стыдливости, долга, эстетических чувств, дружбы, товарищества и т.д.

В школьные годы эмоции воспитываются в тесной взаимосвязи с интеллектом и довольно часто теми же способами. В то же время воспитание эмоций имеет собственную специфику. Громадное значение имеют эмоции взрослых, с которых берут пример и подражают школьники. Эмоции воспитываются эмоциями. Эмоции авторитетных, влиятельных, уважаемых взрослых повторяются в эмоциях воспитанников всех возрастов. Эмоции взрослых как средство воспитания дополняются другим средством - межличностным (субъект-субъектным) отношением и общением. В общении закаляются и укрепляются привязанности эмоционального поведения и эмоционального отношения к внешнему миру, другим людям, самому себе. В практике школьного воспитания часто недостаточно оценивается значение эмоционального воспитания, что, собственно, плохо сказывается на последствиях учебно-воспитательного процесса (воспитание и обучение); как правило сначала развиваются эмоции, на основе которых впоследствии происходит развитие интеллектуальных способностей.

Способами воспитания и самовоспитания высших моральных и эстетических эмоций считаются: чтение художественной литературы, посещение выставок и музеев, знакомство с различными видами искусства, участие в художественной самодеятельности, посещение кружков и творческих студий, занятие туризмом, спортом [3]. Максимальный результат в воспитании эмоций достигается в то время, когда предметная деятельность обучающихся интегрируется со специальной работой, направленной на возбуждение эстетических и нравственных потребностей, осознание несовершенства собственного внутреннего мира, создание условий для саморазвития эстетического вкуса, свободного, беспрепятственного и естественного проявления высших эмоций в коллективе.

Возникновение противоречий во взаимоотношениях детей с внешним миром и меж собой порождает интенсивность, насыщенность переживаний, выражаемых в противодействиях, сопротивлении воспитанию, в скрытых и открытых инцидентах. Преодолевание противоречий в личном нравственном пространстве окрашивает жизнедеятельность учащихся в радужные, красочные тона.

Аргументированным на теоретическом уровне и оправдавшим себя на практике является аспект единства, базового единства, органической целостности нравственного воспитания и жизни. Необходимое единство нравственного воспитания определенно достигается только в том случае, если основой, источником и материалом целостного педагогического процесса является сама жизнь со всеми своими сложностями, тяготами, лишениями, с радостными событиями и различными противоречиями [2].

Нравственность складывается не на словесных или же деятельностных событиях, а в повседневных взаимоотношениях и сложностях существования, в коих ребенку приходится осознавать, формировать, созидать, осуществлять выбор, принимать решения, исполнять и совершать поступки. В конечном итоге созревает моральное понимание ребят, укрепляются основы поведения, зарождаются жизненные принципы, крепнет умение самообладания.

Полный, диалектически противоречивый процесс нравственного воспитания отталкивается от жизненных условий со своими эталонами, за которые нужно и должно активно бороться, превозмогая трудности, преодолевая препятствия, негативные явления, для борьбы с которыми потребуется недюжинная сила воли и самообладание. Настоящий, истинный, глубинный, действенный механизм нравственного воспитания заключается в разрешении противоречий между ребенком и его самоутверждением в жизни. Школьник обретает прекрасные или же отвратительные моральные черты, соответствующие тому, каким он выходит из предлагаемых жизнью обсто-

ятельств, какой он делает нравственный выбор, какие поступки совершает. Или он осваивает способность владения собой, преодоления внешних препятствий, преград и внутренних слабостей, или же ситуация овладевает им, порождает неуверенность и панику, довлеет над ним, заставляет лгать, увиливать, изворачиваться и лицемерить. В период преодоления жизненных препятствий и противоречий, глубочайших эмоциональных треволнений ребенок развивает в себе основу нравственности - нравственное и эстетическое чувство, потребность в совершении добрых, благородных поступков, великодушных действий и нравственного удовлетворения.

Подросток, молодой человек, молодая девушка никогда не сумеют бороться со злом, если в жизни безразлично обходят его стороной и не научились всей душой отвергать, ненавидеть его. Они никогда не станут добрыми, великодушными, если сами не претерпели лишения и не почувствовали всем существом недостаток человеческого душевного тепла, доброты; не станут любящими кого-то еще, кроме себя, если им никогда не доводилось преодолевать эгоизм, отказываться от собственного удовольствия ради блага и интересов других людей; не станут смелыми, отважными, если ни разу не боролись с собственной трусостью, страхом; не станут сострадать, сопереживать и сочувствовать, если сами не перенесут страдания и боли; не научатся одерживать победы и ощущать радость от них, если не испытывают горечи поражения; не станут отзывчивыми к чужой беде, не пережив одиночество, гонения и безысходность.

Согласно утверждению И.П. Подласого, в педагогике 80-х годов наибольшее продвижение и развитие приобрели два подхода к построению концепции нравственного воспитания обучающихся [5]:

1) интеллектуалистический, имеющий особое значение при формировании у школьников знаний;

2) поведенческий, когда первостепенное внимание акцентируется на выработке у учащихся навыков поведения, обретении опыта пребывания в коллективе.

Однако каждый из этих подходов в отдельности не может быть взят в качестве фундамента для возведения системы нравственного воспитания.

Итак, если придерживаться интеллектуалистической концепции, воспитательская деятельность сведется к разъяснению знаний о законах и общепринятых социумом нормах поведения. Следствием подобной однородности может стать механическое заучивание учащимся норм и правил нравственности, которое неизбежно приводит к разрыву сознания и поведения, расхождению между словом и делом, что в конечном итоге выражается в лицемерии, увиливании, лукавстве, раздвоении личности.

Если при интеллектуалистическом подходе к системе нравственного воспитания переоценивается роль знаний, то при поведенческом их значение сводится к минимуму. В данном случае педагог в своей работе, по сути, пренебрегает концепцией морали и, как правило, занимает позицию эмпиризма, то есть сводит все воспитание к отдельным мероприятиям. Ни один из данных подходов в отдельности не приносит ожидаемого результата.

Отталкиваясь от основной проблемы сегодняшнего школьного образования - воспитания свободной, независимой личности, нравственной, способной к самоопределению, включенной в мировую историю, со своим собственным мировоззрением, в фокусе воспитательного процесса (а тем более нравственного) непременно должна находиться личность школьника. Вопрос об отличительных чертах и элементах воспитания нравственности в детстве довольно широко изучался в последнее время. В моральном развитии как правило выделяют три уровня:

1) моральные знания, представления, суждения - представление у детей о моральных нормах, требованиях морали, овладение критериями моральной оценки, усвоение таких понятий, как справедливость и ответственность, и т.д.

2) моральное поведение - добровольное соблюдение общепризнанных норм морали, даже если вследствие их нарушения человеку сулят определенные блага и он убежден в собственной безнаказанности за совершенные аморальные действия;

3) моральные переживания - как правило сюда причисляют переживания вины за нарушение общепризнанных норм.

Воспитание нравственности предполагает положительный результат, получающий оценку со стороны, которая включает в себя удовлетворение и подталкивает к последующим действиям. Однако, как демонстрирует практическая воспитательная деятельность, не каждая деятельность, используемая в целостном педагогическом процессе, дает подобные итоги.

Данное противоречие может решаться способом организации, воспитывающей деятельности детей. Согласно своей структуре воспитывающая деятельность, равно как и предметная, содержат надлежащие составляющие: потребность, мотив, цель. Она носит воспитывающий харак-

тер, если при ее организации предусматривается ряд условий. Субъектом должен выступать сам ребенок. Деятельность, в которую его включают, должна быть важна для него, то есть должна быть значимой, иметь личностный смысл. Собственное «Я» обретается в процессе взаимодействия, сотрудничества с обществом и культурой

Именно в индивидуальном, личностном значении общество предстает перед человеком в свете тех мотивов, благодаря которым он функционирует, существует и живет. Можно сколько угодно знать о мире, обществе, социуме, вплоть до тех пор, пока знание не воплотится в истинную веру, оно никак не определит поведение индивида, не перевоплотится в путеводный ориентир в момент выбора. Ребенок должен обладать возможностью беспрепятственного перехода от одного вида деятельности к другому, а, кроме того, иметь право выбора социальной позиции. Смена ее и есть двигатель, с помощью которого допустима реализация желаний, влечений и мотивов личности. Непосредственно перемена социальной позиции и разных типов деятельности оказывает помощь в решении вопросов воспитания, равно как преодоление нравственного эгоцентризма, формирования у учеников способности к сопереживанию другим людям, беспокойства о них. Школьник должен получить удовольствие от осуществляемой деятельности. Только лишь в данном случае она становится для субъекта фактором развития, становления. Личность ребенка будто растет в триумфе, в то время как неудачи и неуспехи вынуждают его замыкаться от сознания собственной второсортности.

Педагог обязан учитывать концепцию социальных отношений в целях оказания поддержки обучающегося в период овладения социально-ценностными отношениями и формами их выражения. При этом необходимо сознательно напоминать о том, что система его отношений к находящемуся вокруг него обществу неминуемо остается «недостроенной». Вследствие этого учитель мягко, осторожно и аккуратно изменяет связи ученика с объектами окружающей его реальности.

Значимой особенностью личности принято считать обычный для нее способ отношения к людям вообще, к другому человеку и, соответственно, к самому себе.

Каждый человек проходит различные уровни в нравственном развитии:

– *эгоцентрический* - совершает поступки, ориентируясь исключительно на их полезность и продуктивность для самого себя;

– *группоцентрический* - совершает действия, ориентируясь непосредственно на нормы, ценности, установленные определенной группой людей;

– *гуманистический* - поступки совершаются при ориентации на общечеловеческие ценности.

В процессе нравственного воспитания школьников необходимо предусматривать возрастные и индивидуальные особенности каждого человека. Как раз с учетом всех данных особенностей и определяется содержание нравственного воспитания обучающихся. Для определения его содержания необходимо еще принимать во внимание следующие три важнейшие составляющие:

– социально-эстетические требования, предъявляемые к личности;

– совокупность психологических свойств, качеств личности и черт характера, которые являются носителями нравственности;

– возможности и особенности нравственного развития учащихся различных возрастных групп.

Важнейшим содержательным компонентом нравственного воспитания является формирование у учащихся социально-эстетических черт и качеств. Совокупность важнейших видов деятельности и соответствующих требованиям морали отношений и будет определять социально-эстетическую сторону нравственного воспитания. То есть с социально-эстетической точки зрения содержание нравственного воспитания должно прежде всего включать в себя вовлечение учащихся в такие виды деятельности, как общественно-политическая, патриотическая и интернациональная, трудовая, природоохранительная и другие. С дугой стороны, в процессе такой деятельности необходимо формировать у учащихся такие моральные отношения, как общественно-политическую направленность, бережливое отношение к материальным ценностям общества и общенародному достоянию, чувство коллективизма, уважительное отношение к другим людям, высоконравственное отношение к себе.

Результатом нравственного воспитания считается нравственная воспитанность, которая осуществляется в социально значимых свойствах и качествах личности, выражается в отношениях, деятельности, общении. На нравственную воспитанность указывает глубина нравственного чувства, способность к эмоциональному переживанию, мукам совести, стыду, страданию и сочувствию. Нравственная воспитанность характеризуется зрелостью нравственного сознания: моральной образованностью, способностью анализировать, рассуждать о явлениях жизни с позиции

нравственного идеала, давать им самостоятельную адекватную оценку [6].

Нравственная воспитанность - прочность привычных норм поведения и положительных привычек, культура общения в условиях здорового детского сообщества. Наличие у ученика сильной воли, присутствие у него способности осуществлять нравственно-волевой контроль и самоконтроль, умение регулировать свое поведение говорит о его нравственной воспитанности. Она возникает при активной жизненной позиции, в твердом единстве слова и дела, гражданском мужестве и решимости в сложных жизненных ситуациях не изменить своим убеждениям, оставаться верным самому себе.

Положительного эффекта, высокой результативности нравственного воспитания можно достичь только вследствие нравственного самовоспитания и самосовершенствования учащихся.

Самовоспитание предполагает направленное воздействие индивида на самого себя в целях выработки желаемых, нужных ему качеств характера. Это осознанное стремление человека целенаправленно и самостоятельно реализовать свой потенциал, данный от природы. С этой целью школьники при помощи радикальных средств ставят себя в экстремальные ситуации для закалки мужества, укрепления воли, дисциплинированности, выдержки.

Самосовершенствование - углубление общего нравственного состояния личности, повышение качества жизни, поднятие его на более высокую на ступень развития. Подросткам и юношам школьного возраста присуще стремление к самовоспитанию. К периоду выпуска из школы у некоторых юношей и девушек возникает духовная потребность сознательного совершенствования себя.

Нравственное воспитание учащихся, осуществляемое в школе, в общественных организациях и организациях культуры, учреждениях дополнительного образования, в семье и т.д., гарантирует у подавляющей массы школьников формирование патриотизма, интернационализма, бережного отношения ко всему многообразию собственности и творческого отношения к труду. Его итогом считается общественное объединение, коллективное содружество, здоровое самолюбие, проявление участия к человеческим проблемам, твердость, требовательность и строгость к собственным поступкам, высокие нравственные чувства любви к отечеству, сочетание личных и общественных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Амонашвили Ш.А. Размышления о гуманной педагогике. - М., 1995.
2. Гребенникова В.М. Образование в современном обществе: коммуникативный аспект // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. - Ростов н/Д: Южный федеральный университет. - 2010. - № 3. - С. 54-59.
3. Казанцева В.А., Рыбина В.Н. Основные направления и содержание духовно-нравственного развития и воспитания младших школьников в аспекте ФГОС // Сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. «Инновационные технологии в науке нового времени». В 3 ч. - Ч. 2. - Уфа: Аэтерна, 2017. - С. 122-126
4. Карпенко А.В., Боярская М.В. Содержательные линии духовно-нравственного развития и воспитания младших школьников / Сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. «Инструменты и механизмы современного инновационного развития». В 3 ч. - Ч. 2. - Уфа: Аэтерна, 2016. - С. 180-183.
5. Подласый И.П. Педагогика: Учеб. для студ. пед. вузов. - М., 1996. - 432 с.
6. Трофимова Н.М. Нравственные ориентиры младшего школьника / Н.М. Трофимова. - СПб., 2007.

REFERENCES

1. Amonashvili Sh.A. Reflections on humane pedagogy. M., 1995.
2. Grebennikova V.M. Education in modern society: the communicative aspect. News southern Federal University. Pedagogical science. Rostov-na-Donu: southern Federal University, 2010. No. 3. Pp. 54-59.
3. Kazantsev V.A., Rybina V.N. The main directions and content of spiritual-moral development and upbringing of Junior schoolchildren in the aspect of GEF. Collection of articles of international scientific-practical conference "Innovative technologies in the science of new time" in 3 p. Part 2. Ufa: "Aeterna", 2017 Pp. 122-126

4. Karpenko A.V. Boyarsky M.V. Substantial lines of spiritual and moral development and upbringing of Junior schoolchildren. Collection of articles VIII International scientific-practical conference: "Tools and mechanisms of modern innovative development." in 3 p. Part 2. Ufa: "Aeterna", 2016. Pp. 180-183.
5. Podlasie I.P. Pedagogics: Textbook for students of higher PED. proc.institutions. M., 1996. 432 p.
6. Trofimova N. M. the Moral compass of the younger school student. N.M. Trofimova. SPb., 2007.

Информация об авторе:

Карпенко Анжелика Вячеславовна Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
mardirosav@mail.ru

Information about the author:

Angelica V. Karpenko Kuban State University
Krasnodar, Russia
mardirosav@mail.ru

Получена: 03.12.2017

Для цитирования: Карпенко А.В. К вопросу о педагогической сущности нравственного воспитания в начальном образовании. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.235-242.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-235-242.

Received:03.12.2017

For citation: Karpenko Angelica V. On the question of the pedagogical essence of moral education in the initial education. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 235-242.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-235-242. (in Russian)

УДК 37.013 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-243-248

НЕЧАЕВА Ольга Александровна
Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева
г. Ульяновск, Россия
nechaeva2903@gmail.com

Olga A. NECHAEVA
Ulyanovsk Civil Aviation Institute
Ulyanovsk, Russia
nechaeva2903@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМБИНИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В АВИАЦИОННОМ ВУЗЕ

USE OF THE COMBINED TRAINING WHEN FORMING SOCIAL-ECOLOGICAL COMPETENCE OF AVIATION HIGHER EDUCATION INSTITUTION

В статье обоснована актуальность исследования процесса формирования социально-экологической компетентности обучающихся в современном образовании. Формирование у обучающихся социально-экологической компетентности как универсальной компетентности будущих профессионалов обусловлено актуальной потребностью современного общества в специалистах, способных не только знать о причинах и последствиях социально-экологических проблем, но и готовых ответственно и инициативно принять решение по минимизации данных проблем. Представлено авторское понятие «социально-экологическая компетентность» и определены основные тенденции в образовании, обусловливающие необходимость социально-экологической компетентности как универсальной для профессионала и гражданина. Одной из распространенных моделей обучения в современном авиационном вузе является комбинированная (смешанная) модель, реализуемая по средствам электронного обучения при проведении лабораторных работ. Обосновывается эффективность использования интерактивных технологий при изучении экологических образовательных дисциплин в авиационном вузе, при реализации комбинированной модели обучения, которая, в свою очередь, способствует формированию социально-экологической компетентности будущих авиаспециалистов. Результаты исследования расширяют знания о потенциале системы электронного обучения в рамках компетентностного подхода в современном образовательном процессе.

In article the relevance of a research of process of formation of social-ecological competence of students of modern education is proved. Formation at students of social-ecological competence as universal competence of future professionals is caused by relevant requirement of modern society for the experts capable not only to know about the reasons and consequences of social-ecological problems, but also ready responsibly and initiatively to make the decision on minimization of these problems. The author's concept «social-ecological competence» is presented and the main tendencies in education causing need of social-ecological competence as universal for the professional and the citizen are defined. One of widespread models of training in modern aviation higher education institution is the combined (blended) model realized on means of electronic training when carrying out laboratory works. The efficiency of use of interactive technologies when studying ecological educational disciplines is proved in aviation higher education institution, at realization of the combined training model which in turn promotes formation of social-ecological competence of future avia experts. Results of a research expand knowledge of the capacity of system of electronic training within competence-based approach in modern educational process.

Ключевые слова: социально-экологическая компетентность, комбинированная (смешанная) модель обучения, электронное обучение, авиационный вуз

Keywords: social-ecological competence, combined (blended) learning model, e-learning, aviation higher education institution

Формирование социально-экологической компетентности в условиях высшего профессионального образования обусловлено многими причинами и предпосылками, к основным из которых относятся: необходимость устойчивого развития общества и человека; необходимость формирования экологического мировоззрения и экологической культуры как доминантных для деятельности современного человека, профессионала; модернизация высшего образования на основе компетентностного подхода; современные требования рынка труда к профессионалу с экологической подготовленностью.

Современные экологические проблемы неразрывно связаны с социальными проблемами, последствия современных глобальных экологических проблем напрямую влияют на благополучное существование всего социума. В этой связи важным в современном образовательном процессе становится экологическое образование как вектор подготовки не только специалистов экологических направлений, но и представителей других профессий, занятых в деятельности в различных сферах жизни общества и государства. Организация же образовательного процесса в авиационном вузе требует использования инновационных технологий обучения для подготовки специалистов-профессионалов со сформированной социально-экологической компетентностью, которая позволит эффективно решать социально-экологические проблемы, имеющие место в профессиональной или гражданской жизни.

В связи с объективными потребностями современного общества среди образовательных результатов в каждом вузе, в том числе и авиационном, актуальной и необходимой становится формирование у обучающихся социально-экологической компетентности как универсальной.

На наш взгляд, социально-экологическая компетентность - это универсальная компетентность современного человека, интегративной сущностью которой является взаимосвязь социальных и экологических компетенций, необходимых для решения экологических проблем социальными способами и решения социальных проблем на основе экологического подхода.

Социально-экологическая компетентность представляется необходимой в качестве универсальной (общенеобходимой) для профессионалов в различных сферах деятельности в силу универсальности (всеобъемлющего характера), по меньшей мере, следующих оснований [1, с. 89]:

а) общечеловеческих проблем, которые сегодня приобрели масштаб глобальных и цивилизационных и решение которых невозможно без вклада каждого человека в их решение;

б) базовых экологических ценностей, лежащих в основе жизни человека и общества, в системе «природа - общество - человек - космос»;

в) личностных качеств социально-экологического содержания любого профессионала: экологическое мышление и сознание, экогуманность, экоэмпатийность, экологическая активность, экологическая культура и др.;

г) социально-экологических способов решения разнообразных проблем: собственно экологических, технических, гуманитарных.

По мнению А.Г. Бусыгина, специалист, владеющий социально-экологической компетентность, должен обладать универсальными знаниями и умением глубоко проникать в исследуемые вопросы, целеустремленностью, оригинальностью мышления, творческими способностями, желанием постоянно знакомиться с новыми фундаментальными идеями и научными открытиями [2, с. 118].

К образовательным технологиям формирования социально-экологической компетентности следует отнести технологии, которые включают обучающихся в социально-экологическую деятельность, в активное и интерактивное социальное взаимодействие по поводу решения экологических ситуаций, в режим многократного применения знаний, умений, навыков и проявления мировоззренческих взглядов, ценностей. К ним необходимо отнести технологии мультимедийные, личностно-ориентированного, проблемного и опережающего обучения, проектной деятельности и др.

Более подробно охарактеризуем достаточно широко распространенную и актуальную в современной мировой системе образования комбинированную (смешанная) модель обучения (blended learning model), при которой технологии традиционного преподавания в аудиториях объединены с электронным обучением; такое обучение организуется в современном авиационном вузе.

Под электронным обучением понимается организация образовательной деятельности с применением содержащейся в базах данных и используемой при реализации образовательных программ информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий, технических средств, а также информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечивающих передачу по линиям связи указанной информации, взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

Комбинированное обучение как новая тенденция в обучении сформировалось за рубежом еще в 1995 г. По данным американского консорциума Слоан (Sloan), обучение является комбинированным, если дистанционное обучение составляет от 20 до 80 % [3]. Исследования зарубежных и российских ученых о развитии дистанционного и комбинированного (смешанного) обучения (К.Дж. Бонк, П. Валиатан, А. Ведемеер, Р. Деллинг, Д. Кларк, Д. Пейнтер, Б. Холмберг, Р. Шанк и др.) показали, что комбинированные методы обучения, в которых традиционные занятия в аудиториях комбинируются с дистанционными занятиями, значительно эффективнее. Комбинирование обучения способствует рационализации ресурсов и времени как преподавателя, так и обучающегося, процесс обучения становится более открытым и продуктивным, обучающиеся мотивированы на повышение эффективности профессиональной подготовки, а также имеют возможность управлять качеством своего обучения. Компонентами комбинированного обучения являются: дистанционное, аудиторное, сетевое. К достоинствам комбинированного обучения можно отнести следующие характеристики:

- гибкости обучения (управление ресурсами);
- повышение мотивации обучения;
- ориентации содержания обучения на реальный заказ рынка труда;
- многообразия форм обучения (индивидуальные, групповые, виртуальные и др.);

- создание единой образовательной среды (на основе компетентностного, личностно-ориентированного, контекстно-ориентированного подходов).

При этом учебно-методические материалы, используемые в комбинированном обучении должны соответствовать следующим требованиям: постоянная обновляемость; оригинальность и креативность их структуры.

Основные модели комбинированного обучения представлены в работах И.Н. Айнутдиновой [4], М.Б. Хорна [5]: доминирование очного обучения; ротационная модель; перевернутое обучение; гибкая модель; модель «Смешай сам»; виртуально обогащенная модель; доминирование онлайн-обучения; онлайн-лаборатория.

Согласно новому поколению Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования в вузе должна быть сформирована электронно-библиотечная система и электронная информационно-образовательная среда, которые обеспечивают возможность доступа обучающегося из любой точки, в которой имеется доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет как на территории организации, так и вне ее. На этой основе у обучающихся формируется «привычка» к самообучению, к поиску, накоплению, дифференциации необходимой информации, закладываются навыки и потребности к непрерывному образованию.

Такая электронная информационно-образовательная среда формируется и реализуется в Ульяновском институте гражданской авиации имени Главного маршала авиации Б.П. Бугаева (УИ ГА), так, например, процесс реализации интерактивности в комбинированном обучении обеспечивается сервисами Web 2.0 на различных стадиях:

- поиск и изучение нового материала (поисковая система Yandex);
- закрепление необходимого материала (сервис создания интерактивных упражнений LearningsApps);
- контроль полученных результатов (сервис для создания опросов Google-формы);
- подведение итогов обучения, рефлексия (сервис Stixy).

Одним из перспективных направлений комбинированного обучения в авиационном вузе является модель перевернутого обучения, когда преподаватель выстраивает учебный процесс таким образом, чтобы обучающиеся самостоятельно осваивали теоретическую часть и стандартные задачи, используя различные ресурсы, в том числе электронные, тем самым они будут подготовлены к проведению очного занятия в аудитории и смогут более продуктивно решать возникшие вопросы или нерешенные задачи, консультируясь с преподавателем (экспертом).

Реализация в учебном процессе авиационного вуза комбинированного обучения при изучении учебных дисциплин «Экология» и «Безопасность жизнедеятельности» будет способствовать формированию у обучающихся социально-экологической компетентности через овладение общекультурными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями, такими как:

- владение компетенциями социального взаимодействия: способностью использования эмоциональных и волевых особенностей психологии личности, готовностью к сотрудничеству, расовой, национальной, религиозной терпимости, умением погашать конфликты, способностью к социальной адаптации, коммуникативностью, толерантностью (ОК-5);
- владение культурой безопасности и риск-ориентированным мышлением, при котором вопросы безопасности и сохранения окружающей среды рассматриваются в качестве важнейших приоритетов в жизни и деятельности (ОК-7);
- способность к абстрактному и критическому мышлению, исследованию окружающей среды для выявления ее возможностей и ресурсов, способность к принятию нестандартных решений и разрешению проблемных ситуаций (ОК-11);
- способность учитывать современные тенденции развития техники и технологий в области обеспечения техносферной безопасности, измерительной и вычислительной техники, информационных технологий в своей профессиональной деятельности (ОПК-1);
- способность организовывать, планировать и реализовывать работу исполнителей по решению практических задач обеспечения безопасности человека и окружающей среды (ПК-11);
- способность проводить измерения уровней опасностей в среде обитания, обрабатывать полученные результаты, составлять прогнозы возможного развития ситуации (ПК-15).

В качестве интерактивного средства комбинированного обучения при формировании социально-экологической компетентности в УИ ГА при проведении лабораторных работ используются учебные лабораторные стенды по дисциплинам. При изучении курса «Безопасность жизнедеятельности» используются стенды: исследование параметров микроклимата; исследование параметров освещенности; исследование источников и способов ослабления шума; защита от сверхвы-

сокочастотного излучения; защита от теплового излучения; анализ опасности поражения током в различных электрических сетях; защита от электромагнитных полей при эксплуатации ЭВМ и др.

В процессе изучения дисциплины «Экология» применяются стенды: определение растворимых химических соединений в почвах селитебных и промышленных зон; определение нитратов в пищевых продуктах; определение содержания тяжелых металлов в пищевых продуктах; влияние тяжелых металлов на белок; анализ качества воды и способы ее очистки; методы очистки и средства защиты воздушной среды от газообразных загрязнителей и др.

В ходе выполнении лабораторных заданий в малых группах у обучающихся формируются умения совместного решения поставленных перед ними задач, обсуждения результатов проделанной работы, добывания и обоснования эколого-безопасных знаний, приобретение способности к отбору и анализу информации, полученной в ходе лабораторной работы [6, с. 59].

При проведении лабораторной работы по экологии по теме «Методы очистки и средства защиты воздушной среды от газообразных загрязнителей» используется стенд учебной лаборатории БЖ-7 (ЗАО «Крисмас+»). Внешний вид стенда представляет собой лабораторный стол со столешницей и вертикальной панелью с установленными устройствами очистки воздуха.

Целью работы является изучение методов и средств защиты воздушной среды от аэрозолей и газо- и парообразующих примесей воздуха, а также развитие умений и навыков по практической количественной оценке степени загрязненности воздуха.

Лабораторная работа со стендом происходит с использованием метода моделирования загрязнений, а именно: в камеру-смеситель помещается исследуемое загрязняющее вещество в жидком состоянии, далее оно при помощи воздушного насоса превращается в газообразное состояние и двигается по магистралям установки. При этом возможно несколько вариантов прохождения загрязненного воздуха по магистралям установки, в зависимости от выполнения очередности этапов эксперимента: по свободной магистрали, по магистрали с угольным адсорбером, по магистрали с силикагелевым адсорбером или по магистрали с водяным абсорбером.

Далее производят аналитическое экспресс-определение степени загрязнения воздуха и его очистки адсорбцией или абсорбцией с помощью индикаторных трубок и насоса-пробоотборника. Итоговые результаты эксперимента обрабатываются обучающимися, и определяется наиболее эффективный способ очистки воздуха от исследуемого загрязняющего вещества при данных условиях.

Учебный стенд наглядный и удобный при проведении лабораторных работ, однако при его использовании возникают некоторые затруднения: требуется постоянное пополнение наборов расходных материалов (индикаторных трубок и определяемых загрязнителей воздуха); стенд в лабораторной аудитории находится в единственном экземпляре, а по расписанию данная лабораторная работа одновременно проводится в двух подгруппах, при этом на каждую требуется по два учебных часа; ограниченность аудиторных часов на проведение лабораторных работ с обучающимися заочной формы обучения, учебные группы которых при этом не делят на подгруппы.

Эти затруднения могут быть решены при проведении виртуального эксперимента по данной теме лабораторной работы. Начало виртуального эксперимента проходит с теоретического знакомства обучающихся с устройством виртуального стенда. После тщательного ознакомления со всеми элементами стенда обучающиеся наблюдают за этапами проведения эксперимента, выбрав предварительно в меню пункт «Демонстрация опытов». При выборе опции «Выполнение экспериментальных опытов» проводится виртуальный эксперимент по определению степени очистки воздуха от исследуемого загрязняющего вещества, и далее с помощью виртуальных индикаторных трубок и аспиратора определяются получившиеся в ходе эксперимента показания. По окончании виртуального эксперимента обучающиеся рассчитывают эффективность очистки и выявляют наилучший способ очистки от загрязняющего вещества в предложенных условиях.

Таким образом, использование в процессе обучения виртуальной модели лабораторного стенда БЖ-7 позволит реализовать перевернутую модель комбинированного обучения. Обучающиеся УИ ГА самостоятельно вне аудитории подробно знакомятся как с теоретическими, так и с виртуальными аспектами проведения лабораторной работы, используя при этом разработанный лабораторный практикум (составители Н.Н. Иванская, О.А. Нечаева) и соответствующее программное обеспечение, затем в аудитории с помощью преподавателя проводят эксперимент на реальном учебном лабораторном стенде.

Преимуществами комбинированного подхода при организации учебного процесса являются следующие: доля самостоятельной работы обучающихся увеличивается; преподаватель превращается в консультанта и наблюдателя на протяжении всего эксперимента; преподавателю не требуется дополнительно транслировать информацию о ходе проведения лабораторной работы; время, затраченное обучающимися на проведения виртуального эксперимента, сокращается в два

раза; для обучающихся заочной формы обучения усвоить материал о способах и средствах очистки помогает виртуальная модель стенда, которая становится незаменимым (внеаудиторным) средством при рассмотрении соответствующий темы дисциплины.

Следовательно, практико-ориентированная направленность заданий в комбинированной модели обучения способствует формированию социально-экологической компетентности обучающихся, через способность и готовность к социальному взаимодействию с обучающимися, с обществом при решении экологических задач, способность глубокого понимания и оценивания современной эколого-социальной обстановки, способность предусмотреть меры по сохранению и защите окружающей среды в ходе своей общественной и профессиональной деятельности, готовность проявить инициативу, определять собственную роль в решении эколого-социальных проблем и брать на себя ответственность за принятые решения.

Благодаря целенаправленному использованию интерактивных технологий в авиационном вузе, комбинированная модель обучения при изучении экологических образовательных дисциплин становится эффективной для формирования социально-экологической компетентности будущего профессионала для авиации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Новичкова Н.М., Нечаева О.А. Социально-экологическая компетентность обучающегося как универсальная компетентность в современном образовании // Мир науки, культуры, образования. - 2016. - № 6.
2. Бусыгин А.Г. Десмоэкология, или Теория образования для устойчивого развития. Книга первая. - 2-е изд. / А.Г. Бусыгин. - Ульяновск: Сибирская книга, 2003.
3. Marçal J., Caetano A. Corporate blended learning in Portugal: Current status and future directions [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.eurodl.org/?p=archives&year=2010&halfyear=1&article=405 (дата обращения: 27.12.2017).
4. Айнутдинова И.Н. Актуальные вопросы применения технологии смешанного обучения (blended learning) при обучении иностранным языкам в вузе // Общество: социология, психология, педагогика. - 2015. - № 6.
5. Horn M.B., Staker H. The Rise of K-12 Blended Leaning. Innosight Institute. Charter School Growth Fund, 2011.
6. Нечаева О.А. Лабораторные исследования как способ активизации учебно-познавательной деятельности курсантов при изучении «Экологии» и «Безопасности жизнедеятельности» // Педагогика и современность: научно-педагогический журнал. - Таганрог: Перо, 2014. - № 3.

REFERENCES

1. Novichkova N.M., Nechaeva O.A. Sotsial'no-ekologicheskaya kompetentnost' obuchayushchegosya kak universal'naya kompetentnost' v sovremennom obrazovanii [Social-ecological competence of the student as universal competence of modern education]. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = World of science, culture, education. 2016. № 6 (in Russian).
2. Busygin A.G. Desmoekologiya ili teoriya obrazovaniya dlya ustoychivogo razvitiya. Kniga pervaya. 2-e izd. [Desmoekologiya or the theory of education for sustainable development. First book. 2 nd ed.]. A.G. Busygin. Ul'yanovsk: Izd-vo «Sibirskaya kniga» = Ulyanovsk: Publishing house «The Siberian book», 2003 (in Russian).
3. Marçal J., Caetano A. Corporate blended learning in Portugal: Current status and future directions [Electronic resource]. Available at: http://www.eurodl.org/?p=archives&year=2010&halfyear=1&article=405 (accessed 27.12.2017) (in English).
4. Ainutdinova I.N. Aktual'nye voprosy primeneniya tekhnologii smeshannogo obucheniya (blended learning) pri obuchenii inostrannym yazykam v vuze [Actual issues of the application of blended learning technology in teaching foreign languages in the university]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy. 2015. № 6 (in Russian).
5. Horn M.B., Staker H. The Rise of K-12 Blended Leaning. Innosight Institute. Charter School Growth Fund, 2011 (in English).
6. Nechaeva O.A. Laboratornye issledovaniya kak sposob aktivizatsii uchebno-poznavatel'noy deyatel'nosti kursantov pri izuchenii «Ekologii» i «Bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti» [Laboratory

research as a way of activating cadets' educational and cognitive activity in the study of «Ecology» and «Life Safety»]. Pedagogika i sovremennost': nauchno-pedagogicheskiy zhurnal. Taganrog: Izdatel'stvo «Pero» = Pedagogy and Modernity: a scientific and pedagogical journal. Taganrog: Publishing house «Perot», 2014. № 3 (in Russian).

Информация об авторе:

Нечаева Ольга Александровна, старший преподаватель, кафедра поискового и аварийно-спасательного обеспечения полетов и техносферной безопасности, Ульяновский институт гражданской авиации им. Главного маршала авиации Б.П. Бугаева,
г. Ульяновск, Россия
nechaeva2903@gmail.com

Information about the author:

Olga A. Nechaeva, Senior Lecturer, Department of Searching and Aviation-Saving Ensuring of Flights and Technospheric Security, Ulyanovsk Civil Aviation Institute,
Ulyanovsk, Russia
nechaeva2903@gmail.com

Получена: 05.12.2017

Для цитирования: Нечаева О.А. Использование комбинированного обучения при формировании социально-экологической компетентности в авиационном вузе. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.243-248.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-243-248.

Received: 05.12.2017

For citation: Nechaeva O.A. Use of the combined training when forming social-ecological competence of aviation higher education institution. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 243-248.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-243-248. (in Russian)

УДК 371.38:378 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-249-254

САЗЫКА Галина Сергеевна
Краснодарский государственный институт культуры
г. Краснодар, Россия
sazyka92@mail.ru

Galina S. SAZYKA
Krasnodar State Institute of Culture
Krasnodar, Russia
sazyka92@mail.ru

ДИАГНОСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРАДИГМАЛЬНОГО ПОДХОДА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

DIAGNOSTIC POTENTIAL OF THE PARADIGMAL APPROACH: PROBLEM STATEMENT

Парадигмальный подход в теории социально-культурной деятельности представляет собой практико-ориентированную концепцию комплексного развития личности. Актуальность рассмотрения диагностического потенциала парадигмального подхода обусловлена необходимостью дальнейшего совершенствования практико-ориентированных методик в сфере социально-культурной деятельности.
Объект исследования - социально-культурная деятельность как феномен культуры и педагогическая практика проектирования социокультурной сферы жизни общества. Предмет - уровни концептуализации парадигм социально-культурной (просветительской) деятельности. Перспективная цель исследования состоит в выработке на основе указанного подхода метода диагностики эффективности институциональной парадигмы учреждения высшего образования культуры в направлении социально-культурной деятельности студентов. Текущая задача - структурирование уровней концептуализации парадигм социально-культурной деятельности. Мы выделяем персональный, институциональный, региональный, национально-государственный и генетический уровни и приходим к выводу, что социально-культурная деятельность воспитуемого предполагает максимальный комплексный эффект в том случае, если осуществляется с учетом условий парадигм социально-культурной деятельности всех уровней. Характеристика направлений сфер факторного влияния на развитие личности, включенных в конкретный вид социально-культурной деятельности, и сравнение с ее воздействием на уровень инкультурации, индивидуализации и самореализации личности позволяют разработать универсальную диагностическую методику практико-ориентированных технологий комплексного развития личности в сфере социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: культура, образование, воспитание, просветительство, социально-культурная деятельность, парадигмальный подход, диагностика, самобытность, личность, общество

The paradigmatic approach in the theory of socio-cultural activity is a practical-oriented concept of personality's complex a development. The urgency of considering the diagnostic potential of the paradigmatic approach is due to the need for further improvement of practice-oriented methods in the field of socio-cultural activities. The object of research is socio-cultural activity as a phenomenon of culture and the pedagogical practice of designing the sociocultural sphere of society. The subject is the levels of conceptualization of the paradigms of socio-cultural (educational) activity. The prospective objective of the study is developing a method for diagnosing the effectiveness of the institutional paradigm of higher education institutions of culture in the direction of students' socio-cultural activities on the basis of this approach. The current task is to structure the levels of conceptualization of the paradigms of socio-cultural activity. We single out the personal, institutional, regional, national-state and genetic levels and come to the conclusion that the socio-cultural activity of the educated person assumes the maximum complex effect in case it takes into account the conditions of the paradigms of socio-cultural activities at all levels. Characteristics of the directions of the spheres of factor influence on the personality's development included in a specific type of socio-cultural activity and comparing with its impact on the level of inculturation, individualization and self-realization of the individual make it possible to develop a universal diagnostic methodology of practice-oriented technologies of personality's complex development in the sphere of socio-cultural activity.

Keywords: culture, education, upbringing, enlightenment, sociocultural activities, paradigmatic approach, diagnosis, identity, personality, society

Повторяющиеся в социокультурной практике явления складываются в развивающиеся тенденции, что при изучении их количественных измерений позволяет говорить о прогнозировании и проектировании предсказуемых положительных тенденций развития. По мнению Д.И. Фельдштейна, современное общество «сложно структурировано … Поэтому необходим дифференцированный анализ, раскрывающий, как и что воспринимает современный человек в разных группах, в разном возрасте: на что рефлексирует, какие образы у него формируются, как изменяется его мотивационно-потребностная сфера, как на него воздействует окружающая действительность, как он действует и каковы возможности действия разных групп людей» [1, с. 5]. В этой связи проблема гармоничного развития личности представляется как многогранная и разно-

плановая педагогическая проблема, требующая структурирования социального воздействия на личность и анализа культурообразующих факторов влияния общества на индивида.

Актуальность рассмотрения диагностического потенциала парадигмального подхода к развитию теории социально-культурной деятельности обусловлена необходимостью дальнейшего совершенствования методологии обозначенной педагогической сферы. В теоретическом плане развитие новых методик диагностики влияния социально-культурной деятельности на формирование и развитие личности расширяет научные представления о взаимообусловленности жизнедеятельности общества и индивида. В научно-практическом - развитие конкретно-научных диагностических методов позволяет более точно определять качества педагогического воздействия, вовремя корректировать методы и приемы воспитания, образования, проектирования перспективной социокультурной ситуации.

Парадигмальный подход в теории социально-культурной деятельности представляет собой практико-ориентированную концепцию комплексного развития личности, обоснованную в ряде работ А.А. Жарковой [2-5]. В настоящее время отдельные возможности его научно-практического применения остаются востребованными и осмысленными не в полной мере. В частности, хотелось бы обратить внимание на диагностический потенциал предложенной А.А. Жарковой теоретической концепции и перспективы синтеза качественных и количественных методов анализа многостороннего воздействия социально-культурной деятельности студентов учреждения высшего образования культуры на развитие и саморазвитие личности будущего специалиста.

Объект нашего исследования - социально-культурная деятельность как феномен культуры и педагогическая практика проектирования социокультурной сферы жизни общества.

Отечественная культура сильна традициями просветительства. Со времен М.В. Ломоносова просветительство является высшей оценкой государственной политики. Просветительство оказывает влияние на текущую социальную ситуацию и проектирует долгосрочные тенденции общественного развития. В советское время культурно-просветительская деятельность была неотъемлемой и наиболее конструктивной частью культурной политики государства. Воспитание специалистов отрасли культуры представлялось стратегической и в высшей степени важной задачей, от решения которой зависела не только идеологическая устойчивость советского человека как строителя коммунистического будущего, но своеобразно понимавшийся суверенитет советского государства, незыблемость межнациональных связей его регионов и идеологическая управляемость социокультурных процессов. В XX в. развивалось самостоятельное направление отечественной педагогики, тесно переплетенное с практикой проектирования культуры. Демократизация общества обострила необходимость ориентации данного направления на передовые достижения современной науки, потребовала переосмысления накопленного опыта, переориентации просветительской доктрины на насущные потребности общества, выраженные в сохранении традиций народной культуры, достижений мировой культуры и необходимости развития на основе непреходящих ценностей целостной личности. Концепт культурно-просветительской деятельности был переосмыслен как деятельности социально-культурной, связанной с управлением и развитием важного сегмента социальности, с педагогической практикой проектирования социокультурной сферы жизни общества. Среди ведущих отечественных ученых, развивающих данное направление теоретического знания и педагогики, можно назвать М.А. Ариарского, И.И. Горлову, А.Д. Жаркова, А.С. Запесоцкого, А.И. Манаенкова, Н.Н. Ярошенко и др. На наш взгляд, социально-культурную деятельность можно рассматривать как феномен современной культуры, связанный с практикой проектирования социокультурной сферы жизни общества и культуры в целом, как ценностно-смысловой системы социальности. Выработанное ЮНЕСКО определение культуры как комплекса «особых духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных характеристик общества или социальной группы, которые охватывают не только искусство и литературу, но также образ жизни, уклад совместного проживания, системы ценностей, традиции и верования» [6, с. 4] раскрывает и особое значение социально-культурной деятельности как вида социальной активности индивида, ориентирующего его в многообразии культурных ценностей, ведущего личность как к осмыслению собственной уникальности и самобытности, так и к пониманию исключительной ценности самобытности другого человека, другого народа и иных традиций.

Интересующий нас предмет - уровни концептуализации парадигм социально-культурной (просветительской) деятельности. Перспективная цель исследования состоит в выработке на основе указанного подхода метода диагностики эффективности институциональной парадигмы учреждения высшего образования культуры в направлении социально-культурной деятельности студентов. Текущая же задача состоит в структурировании уровней концептуализации парадигм социально-культурной деятельности. Основная идея состоит в том, что парадигма социально-культурной деятельности отдельного института (учреждения высшего образования культуры)

как модель просветительского воздействия на развитие личности студентов в непосредственном их участии в этой деятельности не может рассматриваться изолированно от складывающихся тенденций просветительства регионального, национально-государственного и глобального (мирового) уровней. Сравнение же ведущих тенденций развития социально-культурной деятельности с моделью конкретного института в аспекте ее влияния на личность позволит точнее диагностировать воспитующую роль деятельности института.

А.А. Жаркова при построении концепции парадигмального подхода в теории социально-культурной деятельности опирается на понятие парадигмы Т. Куна, введенного им в социологию науки в двух аспектах: как наиболее общая совокупность научных представлений и как модельный метод интуитивного решения сложных задач [3, с. 115]. В трудах А.А. Жарковой парадигмальный подход реализуется и как теоретическая концепция исследования формирующей личность практики, и как наиболее общий модельный метод решения прикладных педагогических задач. Важной составляющей категориального значения «парадигмы» являются определенность деятельности парадигмальными рамками отдельных субъектов деятельности. А.А. Жаркова применяет в ходе исследования целый комплекс диагностических методик [2, с. 40-42]. Применение количественных методов позволило ученому опереться на результаты различных измерений культурной жизни в процессе социально-культурной деятельности участвующей в эксперименте аудитории. Акцентируем внимание на возможных уровнях концептуализации парадигм социально-культурной деятельности на основании определения основных ее субъектов.

Наивысшее положение занимает генетическая парадигма культуры, в настоящее время складывающаяся из общемировых тенденций глобализации и регионализации культур. Группа отечественных культурологов указывает, что «концепт "общецивилизационного" развития является бинарным и определяется отношением к иной культурной тенденции, т.е. глобальный концепт "общецивилизационного" развития определим только в соотношении с тенденциями регионализации культур» [7, с. 186]. Субъектами генетического уровня концептуализации парадигмы социально-культурной деятельности, помимо государств, участников мировой политической и культурной жизни, выступают международные организации, творческие и общественные объединения, выдающиеся деятели науки, культуры, искусств, чье творчество в контексте мировой культуры значительно обогащает ее ценностное и смысловое содержание. Центральное место в исследовании мировых тенденций культурного развития занимает ЮНЕСКО, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, в состав которой в настоящий момент входят 195 действительных и 10 ассоциированных государств-членов [8]. Институт статистики ЮНЕСКО, образованный в 1999 г., на основе передовых современных методик развивает Систему статистики культуры (ССК 1986 г., ССК 2009 г.), призванную обеспечить разработку конструктивной политики, прогноз и оценку последствий ее применения [9, с. iii].

Тенденция регионализации культур определяет следующий структурный уровень. Национально-государственный уровень концептуализации парадигмы социально-культурной деятельности определяется установками, составляющими социальный заказ каждого отдельного общества в области и сферах культуры [9, с. 17-32]. К примеру, инновационный подход А.А. Жарковой ориентирован на развитие стандартов преподавания теории и технологии социально-культурной и культурно-досуговой деятельности, формируемых с опорой на сложившиеся отечественные традиции [10]. В целом национально-государственная парадигма базируется на передовых достижениях национальной и мировой культуры. Субъектами национально-государственного уровня концептуализации парадигмы социально-культурной деятельности выступают органы государственного управления, предопределяющие государственную политику, организации, творческие коллективы и личности, практически ее осуществляющие.

Следующий уровень - региональная парадигма: народная педагогика, деятельность местных учреждений культуры и дополнительного образования, традиции художественной самодеятельности, семейного образования, домашнего досуга и пр. В настоящее время проблематика народной педагогики находится под пристальным вниманием научного сообщества (Л.Н. Бережнова, А.Б. Григорян, Л.В. Еремин, С.В. Казначеев, И.В. Кожанов, Г.Г. Легирь, А.В. Младенцев, И.Л. Набок, М.Б. Насырова, Н.У. Сагалаков, Н.И. Синявский, Е.А. Хохлова, М.Н. Ципцина, В.И. Щеглов и многие др.). Региональная парадигма складывается из синкретичных форм социально-культурной деятельности, включающих в себя целый комплекс компонентов. В частности Л.А. Буровкина указывает, что «важнейшим достоинством народной культуры является то, что в ней заложены гуманные идеи единства человека и природы, мудрость жизни отдельного человека как части мира, устойчивые ориентиры для формирования лучших черт национального характера: трудолюбия, милосердия, верности слову, мужества, любви к родной земле» [11, с. 9]. Роль региональной парадигмы специфична, поскольку она базируется не на теоретических или нормативно-законодательных формальных установках, а на практике передачи из поколения в

поколение наиболее существенных ценностных и смысловых категорий культуры и повседневного знания. Ведущими субъектами концептуализации парадигмы социально-культурной деятельности на этом уровне выступают народы и этносы, населяющие конкретный регион, творческие коллективы и личности, непосредственно развивающие региональные традиции. Необходимость сохранения самобытности региональных культур, а соответственно, и своеобразия региональных парадигм просветительской деятельности неоднократно подчеркивается как ведущая установка ЮНЕСКО: «... сохранение и уважение самобытности каждой отдельной культуры, как и отличительных качеств других культур, представляет собой проблему, требующую урегулирования в глобальном масштабе» [9, с. iii].

Завершают структуру концептуализации парадигм социально-культурной деятельности институциональный (парадигма отдельного учреждения, творческого коллектива или генеральная линия творчества отдельного художника) и персональный (реализующийся в межличностном общении и саморазвитии) уровни. Разграничение этих уровней осуществляется по направленности культурообразующего воздействия: институциональный призван обслуживать общественные интересы, персональный же - это стратегия личностного саморазвития.

На всех уровнях концептуализации парадигма социально-культурной деятельности определяется как многофакторно обусловленное генеральное направление проектирования перспективной ситуации. Структурировав эти уровни, мы выделяем сферы факторного влияния на развитие личности и предполагаем синергетический эффект комплексного воздействия в точках их пересечения. Ключевыми критериями эффективности комплексного воздействия на развитие личности здесь могут выступать сравнительные параметры уровня инкультурации, автономизации (индивидуализации) и самореализации личности, диагностируемые опросными формами.

В конвенции ЮНЕСКО «Об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения» утверждается понимании культурного разнообразия как ключевого условия социально-культурной деятельности, а его сохранение - как важнейшее направление культурной и просветительской политики [12]. Дэвид Тросби отмечает: «...принципы поддержания культурного разнообразия определяются тем обстоятельством, что разнообразие идей, верований, традиций и других проявлений художественного и культурного творчества ведет к возникновению широкого спектра культурных услуг, которые существенно отличаются от услуг, предоставляемых их отдельными составляющими... культурное разнообразие вносит весомый вклад в динамику художественной и культурной жизни, которая, в свою очередь, оказывает стимулирующее воздействие на экономику» [9, с. 15]. В свете установки на сохранение культурного разнообразия и самобытности культурных практик в характеристике персонального уровня концептуализации парадигмы социально-культурной деятельности и диагностики его влияния на развитие личности особое внимание следует уделить формированию понимания ценности многообразия культур и толерантного отношения к культурной самобытности. Этот параметр развития культуры личности должен рассматриваться как важнейший элемент ее автономизации (индивидуализации). Осознание собственной индивидуальности и уникальности должно уравновешиваться осмыслением ценности автономии другой личности. Участие в институциональных формах социально-культурной деятельности и реализация в личностной практике форм традиционной культуры региона должно сопровождаться пониманием уникальности практик иных институтов и традиций.

Сформулированная проблема диагностики парадигмального воздействия на развитие личности как проблема учета различных факторов влияния, с одной стороны, предполагает поиск универсальных форм диагностирования педагогического воздействия, с другой - структурирование уровней концептуализации парадигм социально-культурной деятельности позволяет ориентировать универсальные научные механизмы диагностирования на учет развития самобытных традиций этой сферы социального развития. Каждый институт и каждый социально-культурный проект должен учитывать, с одной стороны, не только универсальные, но и уникальные свойства личности, с другой - региональные, национально-государственные и генетические тенденции в развитии культуры. Социально-культурная деятельность воспитуемого предполагает максимальный комплексный эффект в том случае, если осуществляется с учетом направленности институциональной, региональной, национально-государственной и генетической парадигм социально-культурной деятельности. Характеристика направлений сфер факторного влияния на развитие личности, включенных в конкретный вид социально-культурной деятельности, и сравнение с ее воздействием на уровень инкультурации, индивидуализации и самореализации личности позволяют, на наш взгляд, разработать универсальную диагностическую методику, раскрывающую диагностический потенциал парадигмального подхода. Предполагаемый диагностический метод должен состоять из двух взаимосвязанных частей: 1) анализ своеобразия и общих универсальных компонентов институциональной, региональной, национально-государственной и генетической

парадигм социально-культурной деятельности на основе исследований тенденций развития культуры и нормативно-программных документов конкретных социально-культурных проектов; 2) фиксация и анализ воздействия конкретных социально-культурных проектов на развитие личности их участников в аспекте инкультурации, индивидуализации и самореализации личности путем их анкетирования. Предлагаемый подход, опираясь на синтез качественных и количественных аналитических методов, предполагает наиболее комплексную и объективную оценку эффективности педагогического воздействия различных моделей социально-культурной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Фельдштейн Д.И. О развитии фундаментальных психологических исследований. - М. ; Воронеж, 2006. - 15 с.
2. Жаркова А.А. Парадигмальный подход к развитию личности в условиях социально-культурной деятельности: автореф. дис. … д-ра пед. наук. - М., 2011. - 47 с.
3. Жаркова А.А. Парадигмальный подход к развитию личности - основа современной теории социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2011. - № 1(39). - С. 114-120.
4. Жаркова А.А. Парадигмальный подход - эффективный метод развития личности в условиях социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2013. - № 1(51). - С. 109-114.
5. Жаркова А.А. Парадигмальный подход к социально-культурной деятельности молодежи в современной ситуации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. - 2015. - № 3(65). - С. 106-112.
6. UNESCO Universal Declaration on cultural diversity / A document for the World Summit on Sustainable Development, Johannesburg, 26 August - 4 September 2002. - Paris: UNESCO, 2002. - 64 p.
7. Горлова И.И., Бакуменко Г.В., Коваленко Т.В. История как культурный текст. К вопросу интерпретации символов успеха в культуре // Право и практика. - 2017. - № 1. - С. 183-188.
8. Нести мир в сознание мужчин и женщин // ЮНЕСКО, 2017 [Электронный ресурс] - URL: http://www.unesco.org/new/ru/general-information/about-us/ (дата обращения: 01.09.2017).
9. UNESCO Framework for Cultural Statistics (FKS) / UNESCO Institute for Statistics (UIS). - Montreal, 2009. - 98 p.
10. Жарков А.Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности. - М., 2007. - 480 с.
11. Буровкина Л.А. К вопросу о приобщении обучающихся к народной художественной культуре в учреждениях дополнительного образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. - 2016. - № 3. - С. 8-15. DOI: 10.18384/2310-7219-2016-3-8-15.
12. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions / The General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, meeting in Paris from 3 to 21 October 2005 at its 33rd session. - Paris: UNESCO, 20 October 2005. - 16 p.

REFERENCES

1. Fel'dshteyn D.I. O razvitii fundamental'nykh psikhologicheskikh issledovaniy [On the development of fundamental psychological research]. M. ; Voronezh, 2006. 15 p. (in Russ.).
2. Zharkova A.A. Paradigmal'nyy podkhod k razvitiyu lichnosti v usloviyakh sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti : avtoref. dis. … d-ra ped. Nauk (Paradigmatic approach to the development of personality in conditions of socio-cultural activity). M., 2011. 47 p. (in Russ.).
3. Zharkova A.A. Paradigmal'nyy podkhod k razvitiyu lichnosti - osnova sovremennoy teorii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [The paradigmatic approach to personal development is the basis of the modern theory of socio-cultural activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*. 2011. No. 1(39). Pp. 114-120. (in Russ.).
4. Zharkova A.A. Paradigmal'nyy podkhod - effektivnyy metod razvitiya lichnosti v usloviyakh sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [The paradigmatic approach is an effective method of personal development in conditions of socio-cultural activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*. 2013. No. 1(51). Pp. 109-114. (in Russ.).

5. Zharkova A.A. Paradigmal'nyy podkhod k sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti molodezhi v sovremennoy situatsii [Paradigmatic approach to the socio-cultural activities of young people in the current situation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = The Bulletin of the Moscow state University of culture and arts*. 2015. No. 3(65). Pp. 106-112. (in Russ.).
6. UNESCO Universal Declaration on cultural diversity / A document for the World Summit on Sustainable Development, Johannesburg, 26 August - 4 September 2002. Paris: UNESCO, 2002. 64 p. [ru; en].
7. Gorlova I.I., Bakumenko G.V., Kovalenko T.V. Istoriya kak kul'turnyy tekst. K voprosu interpretatsii simvolov uspekha v kul'ture [History as a cultural text. On the interpretation of the symbols of success in culture] // Pravo i praktika = The law and practice. 2017. No. 1. Pp. 183-188. (in Russ.).
8. UNESCO Building Peace in the minds of men and women Нести мир в сознание мужчин и женщин (2017), Available at: http://www.unesco.org/new/ru/general-information/about-us/ (accessed 1 September 2017). [ru; en].
9. 2009 UNESCO Framework for Cultural Statistics (FKS) / UNESCO Institute for Statistics (UIS). Montreal, 2009. 98 p. [ru; en].
10. Zharkov A.D. Teoriya i tekhnologiya kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti [Theory and technology of cultural and leisure activities]. M., 2007. 480 p. (in Russ.).
11. Burovkina L.A. K voprosu o priobshchenii obuchayushchikhsya k narodnoy khudozhestvennoy kul'ture v uchrezhdeniyakh dopolnitel'nogo obrazovaniya [On the question of familiarization of students with folk art culture in institutions of additional education]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogic. 2016. No. 3. Pp. 8-15. DOI: 10.18384/2310-7219-2016-3-8-15. (in Russ.).
12. Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions / The General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, meeting in Paris from 3 to 21 October 2005 at its 33rd session. Paris: UNESCO, 20 October 2005. 16 p. [ru; en].

Информация об авторе:

Сазыка Галина Сергеевна, аспирант, кафедра туризма, Краснодарский государственный институт культуры,
г. Краснодар, Россия
sazyka92@mail.ru

Information about the author:

Galina S. Sazyka, Postgraduate Student, Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russia
sazyka92@mail.ru

Получена: 13.10.2017

Для цитирования: Сазыка Г.С. Диагностический потенциал парадигмального подхода: постановка проблемы. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 1. с.249-254.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-249-254.

Received: 13.10.2017

For citation: Sazyka G.S. Diagnostic potential of the paradigmal approach: problem statement. *Historical and Social Educational Idea.* 2017. Vol . 9. no.6 Part. 1. Pp. 249-254.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-249-254. (in Russian)

УДК 37.026 DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-255-266

ШАДРИН Александр Сергеевич
Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал)
Тюменский государственный университет
г. Ишим, Россия
ale.schadrin@yandex.ru

Alexander S. SHADRIN
Yershov Ishim Teacher Training College (branch)
Tyumen State University
Ishim City, Russia
ale.schadrin@yandex.ru

СИДОРОВ Олег Владимирович
Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал)
Тюменский государственный университет
г. Ишим, Россия
sidorov197014@mail.ru

Oleg V. SIDOROV
Yershov Ishim Teacher Training College (branch)
Tyumen State University
Ishim City, Russia
sidorov197014@mail.ru

КОЗУБ Любовь Васильевна
Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова (филиал)
Тюменский государственный университет
г. Ишим, Россия
kozub_love@bk.ru

Lyubov V. KOZUB
Yershov Ishim Teacher Training College (branch)
Tyumen State University
Ishim City, Russia
kozub_love@bk.ru

ПСИХОЛОГО-ДИДАКТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ У УЧАЩИХСЯ

На основе взаимосвязи предметов естественнонаучного цикла с образовательной областью «Технология» возможна успешная работа по формированию у учащихся представлений о способах получения и преобразования вещества, энергии и информации; развитие технологического системного мышления учащихся, ориентированного на синтез разнообразных знаний в условиях применения интеграционных подходов, межпредметного осмысления проблемных фундаментальных и прикладных наук, культивирование творческого подхода к решению практических задач. Основной задачей является формирование у школьников представления о технологическом аспекте современной картины мира как совокупности фундаментальных идей, принципов, понятий о техносфере, социально-технологическом проектировании окружающей среды на основе преемственности, сущностью которой является то, что сформированные на предыдущих этапах обучения знания, умения и навыки сохраняются и используются на определенном этапе обучения при усвоении новых знаний, умений, навыков на основе обязательного учета трех основных уровней систематизации: уровня научных фактов, уровня понятий, уровня научных теорий в целях установления взаимосвязи естественнонаучных дисциплин и технологии. Необходимо устанавливать также взаимосвязь на уровне таких фундаментальных понятий, как «вещество», «энергия», «информация», «фотосинтез».

Ключевые слова: психолого-дидактические условия, преемственность в обучении, формирование научных понятий у учащихся

PSYCHOLOGICAL AND DIDACTIC CONDITIONS OF REALIZATION OF CONTINUITY IN THE FORMATION OF SCIENTIFIC CONCEPTS OF STUDENTS

On the basis of the interrelationship of the subjects of the natural-science cycle with the educational area “Technology”, it is possible to successfully work on the formation in students of ideas about the ways of obtaining and transforming matter, energy and information; development of technological system thinking of students, focused on synthesis of various knowledge in the context of application of integration approaches, interdisciplinary understanding of problematic fundamental and applied sciences, cultivation of creative approach to solving practical problems. The main task is the formation of schoolchildren of the idea of the technological aspect of the modern picture of the world as a set of fundamental ideas, principles, concepts about the techno-sphere, socio-technological design of the environment on the basis of continuity, the essence of which is that the knowledge, skills and skills formed in the previous stages of training are preserved and used at a certain stage of training in the assimilation of new knowledge, skills, skills on the basis of mandatory consideration of the three basic levels of the systematization: the level of scientific evidence, the level of concepts, the level of scientific theories in order to relate the natural sciences and technology. It is also necessary to establish the relationship at the level of such fundamental concepts as “substance”, “energy”, “information”, “photosynthesis”.

Keywords: psychological-didactic conditions, continuity in teaching, formation of scientific concepts of students

Человечество живет в условиях, когда устанавливается приоритет способа производства над его результатами, что свойственно технологическому этапу общественного развития, приходящему на смену индустриальному [1].

Необходимо отметить, что те страны, которые внедряли научно-технологический способ производства (США, Англия, Франция, Германия, Япония, Южная Корея и др.), обеспечивают более высокое качество жизни своих сограждан. Государства с остальными технологиями производят неконкурентоспособную на мировом рынке продукцию. Отметим, что это не минуло и Россию [2].

В странах, где внедрен научно-технологических способ производства, происходит быстрая смена технологий (в разных странах эта смена происходит через 2-3 года). Поэтому человеку необходимо постоянно совершенствовать свою общую и технологическую подготовку. Прежний лозунг «Знания на всю жизнь» сегодня заменяется установкой «Знания через всю жизнь». Это означает, что акцент в образовании перемещается с вооружения школьников знаниями, умениями и навыками на формирование у них потребности в знаниях, умениях, навыках, научных понятиях и самообразования [3].

Необходимым условием успешного процесса формирования научных понятий у учащихся является осуществление преемственности как в развитии отдельных понятий, так и в развитии системы понятий на протяжении всего периода обучения.

Проблеме преемственности в формировании у учащихся научных понятий в настоящее время уделяется достаточно много внимания. Однако чаще всего в работах раскрываются частные вопросы методики формирования отдельных понятий, в целом же проблема преемственности в развитии понятий требует дальнейшего исследования. До сих пор нет единого мнения в определении понятия «преемственность в обучении» [4].

Преемственность в обучении есть связь между этапами развития знаний, умений и навыков, сущность которой состоит в том, что сформированные на предыдущих этапах обучения знания, умения, навыки сохраняются и используются на определенном этапе обучения при усвоении новых знаний, умений и навыков. Взаимодействуя, старые и новые знания, умения и навыки интегрируются в итоге в единое целое [5].

Процесс обучения представляет собой совокупность двух видов деятельности – деятельности учителя и деятельности учащихся, то есть представляет собой единство двух процессов: процесса преподавания и процесса учения. Поэтому преемственность в обучении тоже проявляется двояко:

– преемственность в обучении выступает, с одной стороны, как дидактическое условие обеспечения, определенного содержания, построения курса учебного предмета и определенной методики его преподавания;

– преемственность в обучении выступает, с другой стороны, как преемственность в учении, как отражение связей в коре головного мозга (ассоциаций), возникающих у школьников в процессе психической деятельности по усвоению новых знаний.

Основываясь на определении преемственности в обучении и учитывая особенности, а также специфику процесса развития понятий, как одного из структурных элементов знаний, можно сформулировать ряд психолого-дидактических условий, выполнение которых будет способствовать реализации преемственности при формировании у учащихся научных понятий:

1) высокое качество и прочность усвоения понятия на начальном этапе является необходимым условием обеспечения преемственности при дальнейшем его развитии;

2) восстановление в памяти и воспроизведение (актуализация) на данном этапе обучения всех характеристик понятия (содержание, объем, связи с другими понятиями);

3) установление связей между старыми и новыми знаниями в процессе углубления содержания понятия. Для того чтобы имеющиеся у учащихся понятия развивались, обогащались, необходимо осуществить процесс взаимодействия старых и новых знаний, установление между ними разнообразных связей. При изложении нового материала необходимо показать, в чем состоит ограниченность старого, ранее изученного понятия, почему оно несовершенно, почему нуждается в дополнении, обновлении; какие признаки понятия уточняются, изменяются, а какие остаются неизменными; как обогащается содержание, увеличивается объем того или иного понятия в процессе обучения на новом этапе; какие новые связи устанавливаются с другими понятиями, каким образом новое дополняет, обновляет старое;

4) синтез всех существенных признаков (старых и новых) в единое, обогащенное понятие. Установление разнообразных связей между старыми и новыми знаниями способствует слиянию всех существенных признаков в единую систему, которая отражает новое содержание понятия;

5) замена старой дефиниции понятия при обогащении содержания его новыми существенными признаками. *В логике под определением понимают процесс выявления содержания понятия, то есть отыскание существенных отличительных признаков, отображенных в данном понятии, а также выраженный словами результат этого процесса, называемый в логике дефиницией.* Так как при обогащении понятия его содержание пополняется новыми существенными признаками, то и дефиниция понятия должна быть соответствующим образом изменена [6].

Сохранение или замена прежнего определения производится, если в процессе развития понятия:

а) увеличивается объем и количество связей данного понятия с другими, в этом случае дефиницию можно оставить прежней;

б) содержание понятия пополняется существенными признаками, в этом случае необходимо старую дефиницию заменить новой;

в) происходит уточнение и закрепление существенных признаков обогащенного понятия, его конкретизация и применение в решении познавательных задач.

Выполнение требований этого условия способствует повышению качества и прочности усвоения понятия учащимися, что необходимо для реализации преемственности в процессе их дальнейшего развития.

Именно преемственность раскрывает связь между различными этапами и ступенями развития, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого как системы. Отсюда следует, что преемственность, во-первых, ответственна за развитие, во-вторых, эту функцию она реализует, устанавливая связь между прошлым, настоящим и будущим развивающегося объекта или субъекта.

На основе взаимосвязей категорий «преемственность» и «отрицание» можно говорить о количественных и качественных признаках преемственности. Количественное развитие – это развитие с преобладанием преемственности над отрицанием, при этом преемственности основного – сущности. Содержание и форма в этом случае также подлежат преемственности.

Качественное развитие – развитие с преобладанием отрицания над преемственностью. При этом отрицается старая сущность, прежнее содержание. Такой подход можно применить к концепции В.В. Давыдова о двух видах обобщения в обучении – эмпирическом и теоретическом, определив при этом виды преемственности в обучении [7]:

– понятие преемственности отражает объективно существующее развитие в природе, обществе и мышлении, а также характеризует как связи развития, так и развитие самих связей. Дидактика, будучи теорией обучения, образования и учения должна характеризовать эти процессы в развитии. Следовательно, им тоже присуща преемственность. Отсюда понятие «преемственность» является понятием и философским, и дидактическим;

– будучи философской категорией, преемственность связана с другими философскими категориями. Для дидактического исследования представляет интерес анализ связей понятий «преемственность» и «обобщение», «преемственность» и «систематизация», «преемственность» и «взаимосвязанность и взаимообусловленность смежных учебных предметов»;

– наличие количественного и качественного этапов в развитии делает возможным на основе связи между понятиями «преемственность» и «обобщение» рассматривать виды преемственности в соответствии с уровнями развития познания [8];

– преемственность, будучи категорией философской, выполняет нормативные функции при использовании ее в педагогических и дидактических исследованиях. *При этом преемственность в этих исследованиях выполняет функцию методологического принципа.*

Весьма важным в дидактике является соотношение преемственности и систематизации. Проблемам систематизации посвящен ряд научных работ А.М. Сохор, Л.Я. Зориной, П.М. Эрдниева, А.В. Усовой, А.Н. Звягина и других. Каждый из исследователей, вырабатывая свой подход к исследуемой проблеме, показывает, что из одних и тех же элементов знаний можно образовать различные системы с различным уровнем обобщенности и различными возможностями саморазвития. Отсюда следует, что не любая система знаний удовлетворяет требованиям преемственности. Необходимо создание вполне определенных условий для того, чтобы преемственность была реализована через систематизацию.

Это означает, что только согласованные в процессе обучения преемственность и систематизация позволяют достичь обобщения необходимых уровней, а средства систематизации при определенных условиях могут быть средствами реализации преемственности в обучении.

Существует своеобразный признак завершенности системы учебных знаний: структура совокупности учебных знаний должна быть подобна структуре научной теории. Это требование системности знаний достаточно успешно согласуется с требованием преемственности – движением знания от научного факта к научной картине мира – с требованиями обобщения знаний в процессе обучения. Она выделяет три группы средств, которые выступают и как средства систематизации, и как средства обобщения, и как средство преемственности в обучении:

1) учебный материал для формирования у школьников научной картины мира, служащий средством обобщения различных теорий и реализации преемственности;

2) знания о знаниях,

3) схемы, планы, алгоритмы и т.д.

Такой комплексный подход к формированию знаний у учащихся позволяет реализовать в единстве систематизацию, обобщение и преемственность в обучении [9].

Принцип систематизации и последовательности в обучении предполагает:

– изучение учебного материала в определенной последовательности, соответствующей логике наук, основы которых изучаются в школе;

– формирование у школьников системы научных понятий (знаний, умений и навыков).

Этот принцип лежит в основе построения учебных планов, программ, определяющих систему работы учителя и учащихся в процессе изучения учебных предметов. Следует подчеркнуть, что, говоря о систематичности и последовательности в обучении, следует иметь в виду не только сообщение системы знаний учащимся, но и приобщение их к систематичности и последовательности в процессе учебного труда. Принцип систематизации предполагает систематизацию знаний школьников. При этом под систематизацией понимается мыслительная деятельность, в процессе которой изучаемые объекты – структурные формы вещества, физические поля, явления и процессы, происходящие в природе и обществе, величины, характеризующие явления и свойства материального мира, – организуются в определенную систему на основе выбранного принципа. Продуктом, результатом этой мыслительной деятельности является система знаний [10].

Систематизация – сложный мыслительный процесс, которому предшествуют анализ, синтез, обобщение, сравнение, результаты которых затем используются в систематизации. Она играет важную роль в развитии мышления. Знания и умения только тогда будут являться действенным аппаратом мышления, когда в сознании учащихся они организованы в системы взаимосвязанных понятий. Систематизация позволяет более продуктивно использовать память человека, так как за счет группировки частных сведений и фактов можно создать крупные блоки информации, которые удается легко удержать в сознании и в необходимых случаях воспроизвести

Определяя значимость систематизации в процессе обучения, нужно иметь в виду, что «использование систематизации не только упорядочивает знания человека об объектах познания, но, в известном смысле, является источником знания» [11]. Все это означает, что крайне необходима целенаправленная деятельность учителей по систематизации знаний и умений учащихся. Для целенаправленного и успешного осуществления систематизации знаний целесообразно определить уровни систематизации и в соответствии с ними разработать способы (приемы) ее. А.Н. Звягин предлагает в процессе обучения в средней школе выделять три основных уровня систематизации: уровень научных фактов, уровень понятий, уровень научных теорий [12].

На уровне научных фактов систематизация может происходить в ходе описания фундаментальных научных фактов (например, при описании истории открытия, экспериментальных исследований и т.п.), а также группировки научных фактов [13]. В качестве основы группировки научных фактов могут служить принадлежность их к определенной области изучения, временной и пространственный параметры и т.д.

Примером систематизации на уровне научных фактов может быть систематизация знаний учащихся, осуществляемая при группировании экспериментальных фактов, послуживших основой для возникновения понятий «электрический заряд», «электрон» и т.п., для разработки теории электричества. Результаты подобной систематизации могут быть представлены в виде следующей таблицы (табл. 1).

Таблица 1. Эволюция знаний об электрическом заряде
Table 1. Evolution of knowledge about the electric charge

Экспериментальные исследования электричества	**Время**	**Ученые**	**Страны**
Выявление способности потертого янтаря и ряда других тел (алмаз, сера др.) притягивать другие тела	VI до н.э. - XVI в.	Фалес Уи. Гильберт	Греция, Англия
Установление двух родов электричества. Отталкивание одноименно заряженных тел и притяжение разноименно заряженных тел	XVIII в.	Ш.Ф. Дюфе Б. Франклин	Франция США
Установление тождественности атмосферного электричества электричеству, получаемому путем трения	XVIII в.	М.В. Ломоносов Г.В. Рихман	Россия
Открытие закона взаимодействия электрически зараженных тел	XVIII в.	Ш.О. Кулон	Франция
Установление «животного электричества» и его тождественности физическому при контакте	XVIII в.	А. Гальвани А. Вольт	Италия
Установление закона сохранения электрического заряда	XVIII в. XIX в.	Ф. Эпинус М. Фарадей	Россия Англия
Открытие дискретности электрического заряда	XIX в.	М. Фарадей	Англия
Определение удельного заряда электрона	XX в.	Р. Милликен А. Иоффе	США Россия
Поиск элементарных частиц с дробным зарядом	XX в.		

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

На уровне понятий систематизация знаний учащихся может осуществляться путем раскрытия структуры понятия, представляющего собой органическое единство содержания, объема знаний, установление связей, отношений данного понятия с другими. Примером систематизации на уровне научных понятий может служить систематизация знаний учащихся об электрическом заряде. Она может быть наглядно выражена в перечислении совокупности существенных свойств, признаков понятия «электрический заряд».

Основные характеристики понятия «электрический заряд»:

«Электрический заряд – свойство некоторых частиц,.. состоящее в том, что они всегда связаны с электрическим (электромагнитным) полем и испытывают определенные воздействия внешних электромагнитных полей» [14].

Электрический заряд не существует без материального носителя.

Существуют два рода электрических зарядов: положительные и отрицательные.

Одноименно электрически заряженные частицы (тела) отталкиваются, разноименно заряженные – притягиваются.

Электрический заряд связан с материальным носителем в виде дискретных порций, кратных одной и той же устойчивой и неделимой далее величине $1{,}6 \cdot 10^{-19}$ Кл (дискретность электрического заряда). «Алгебраическая сумма электрических зарядов любой замкнутой системы сохраняется при всех процессах, совершающихся внутри системы»

Инвариантность электрического заряда частиц (тел) относительно различных систем отсчета.

На рис. 1 приводится система объектов, охватываемых понятием «электрический заряд».

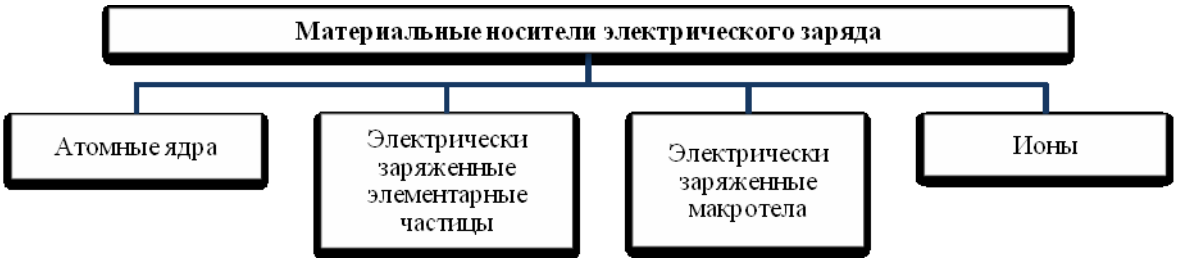

Рис. 1. Структура материальных носителей электрического заряда
Fig. 1. Structure of the material carriers of electric charge

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

Систематизацию знаний на уровне теорий можно проводить путем раскрытия структуры научной теории и установления связей и отношений данной теории с другими. Раскрытие структуры физической теории заключается в рассмотрении органического единства основных элементов теории (основание, ядро, воспроизведение конкретного в понятиях). Основание научной теории включает в себя первоначальный эмпирический базис (научные факты), идеализированный объект и основные понятия. В ядро теории входят ее основные положения, принципы, законы, основные уравнения. Содержанием воспроизведения конкретного в понятиях являются объяснение и предсказание научных фактов. Примером осуществления одного из этапов систематизации знаний учащихся на уровне теории может служить систематизация при выявлении структуры элементарной классической электронной теории проводимости металлов (табл. 2).

Таблица 2. Структура элементарной классической электронной теории проводимости металлов
Table 2. Structure of the elementary classical electronic theory of the conductivity of metals

Основы элементарной классической электронной теории проводимости металлов			**Ядро теории**	**Воспроизведение конкретного в понятиях**
Первоначальный эмпирический базис	Идеализированный объект	Основные понятия	Закон, основные уравнения	Объяснение и предсказание научных фактов

Опыты К. Рикке	Ионный остов в электронном разряде	e - электрический заряд электрона m - масса электрона V - средняя скорость направленного движения электрона λ - длина свободного пробега электрона E - напряженность электрического поля Δφ - разновидность потенциалов j - плотность тока G - электропро водность	J=e·n·V	Объяснение эмпирического установленного закона Ома для участка цепи. Предсказание экспериментальных доказательств электронной проводимости металлов (опыт С.Л. Мандельштама и Н.Д. Папалекси, Т. Стюарта и Р. Толмена)

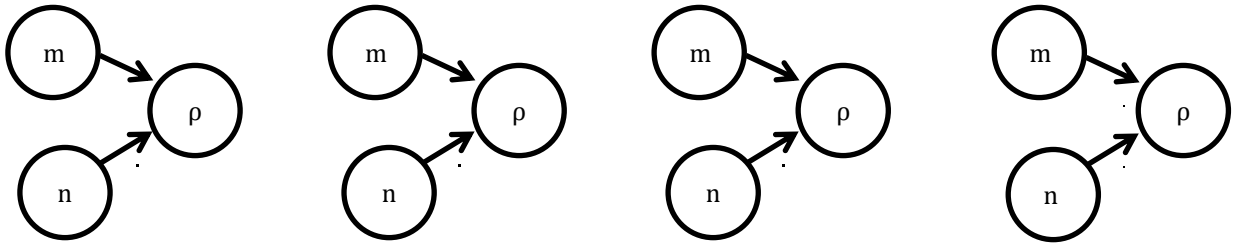
Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

Весьма актуальным является стремление учителя довести систематизацию знаний школьников до уровня, характеризующегося определенной системой категорий и формированием **у** них научной картины мира. На этом уровне систематизация концентрирует приобретенные человеком знания в целостную систему, образование которой способствует формированию **у** него оценочного отношения к действительности, мировоззрения. На этом уровне систематизация знаний может совершаться в ходе раскрытия структуры общенаучных понятий и категорий, а также выявления связей и отношений между ними. Примером систематизации на данном уровне служит систематизация знаний учащихся о структурных формах материи, приобретенных ими на уроках физики, астрономии, химии, биологии и технологии [15]. Таблица 3 отражает результат систематизации такого рода:

Таблица 3. Результат систематизации знаний
Table 3. The result of the systematization of knowledge

<table>
<tr><td>Типы</td><td>Поле</td><td colspan="3">Вещество ⟶</td><td>Типы</td></tr>
<tr><td>Роды</td><td></td><td>Микрочастицы</td><td>Макротела</td><td>Роды</td><td></td></tr>
<tr><td rowspan="2">Виды</td><td rowspan="2">Электромагнитные, гравитационные и другие поля</td><td>Электронные частицы
Ядра
Атомы
Молекулы</td><td>Межзвездная среда
Звезды
Планеты и их спутники
Планетные среды
Горные породы
Коллоидные тела</td><td>Неживая природа</td><td rowspan="2">Природа</td></tr>
<tr><td>Белковые тела</td><td>Биосфера
Биологические виды
Организмы
Клетки
Ткани
Нервная система
Головной мозг</td><td>Живая природа</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td colspan="2"></td><td></td><td>Общество</td></tr>
<tr><td></td><td></td><td colspan="2">Виды</td><td>Роды</td><td>Типы</td></tr>
</table>

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

а) б) в) г)

Рис. 2. Примеры графов локальных связей
Fig. 2. Examples of graphs of local connections

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

Таблица 4. Систематизация на уровне внутрисистемных связей
Table 4. Systematization at the level of intra-system links

Вид движения	**Формула**			**Уравнения координаты**
	скорости	ускорения	перемещения	
Равномерное прямолинейное	$V = \frac{S}{t}$	$a = 0$	$S = V \cdot t$	$X = X_0 + V \cdot t$
Равномерно-ускоренное из состояния покоя	$V = a \cdot t$	$a = \frac{V}{t}$	$S = \frac{a \cdot t^2}{2}$	$X = \frac{X_0 + a \cdot t^2}{2}$
Равномерно-ускоренное с начальной скоростью	$V = V_0 + a \cdot t$	$a = \frac{(V - V_0)}{t}$	$S = \frac{V_0 \cdot t + a \cdot t^2}{2}$	$X = \frac{X_0 + V_0 t + a \cdot t^2}{2}$

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

Примером систематизации на уровне частносистемных связей может служить система формул кинематики (табл. 4).

Формулы из таблицы 5 для вычисления разных видов работы как меры изменения энергии служит примером систематизации на уровне внутрисистемных связей.

Таблица 5. Формулы для вычисления разных видов работы
Table 5. Formulas for calculating different types of work

Вид работы	**Формулы для определения работы**
Механическая работа	$A = Fscos \cdot \alpha$
Работа силы тяжести	$A = m \cdot g \cdot h$
Работа силы упругости	$A = \frac{kx^2}{2}$
Работа силы трения	$A = F_{тр} \cdot S$
Работа газа при расширении	$A = -p(V_2 - V_1)$
Работа сил поверхностного натяжения	$A = -\sigma(S_2 - S_1)$
Работа по перемещению заряда в однородном электрическом поле	$A = I(\varphi_1 - \varphi_2)t;\ \ A = I^2R \cdot t$
Работа выхода электрона	$A = \frac{h \cdot v + m \cdot v^2}{2}$

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

Систематизация знаний учащихся, осуществляемая, например, в выпускных классах при повторении вопросов, изучаемых в различных разделах по смежным учебным предметам (например, физике, химии, биологии, технологии), является примером систематизации на уровне межсистемных связей. Прежде всего, это вопросы о свойствах вещества и поля, энергии, движения и др. Достаточно успешно осуществляется систематизация знаний о структурных формах вещества, изучаемых на уроках физики и химии (молекулы, ионы, атомы, ядра атомов, элементарные частицы), где рассматриваются взаимосвязи и отношения между ними, выясняются специфические свойства каждого из них. При этом большую роль играет использование схем, раскрывающих эти взаимосвязи. Пример такой схемы представлен на рисунке 3.

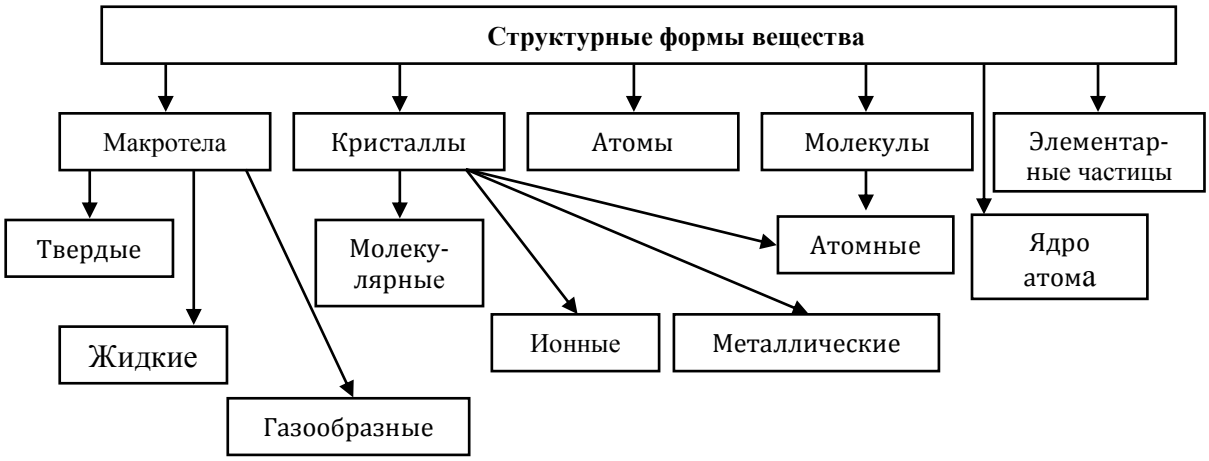

Рис. 3. Структурные формы вещества
Fig. 3. Structural shape substance

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

Систематизации и обобщению знаний учащихся о внутренней энергии и способах ее изменения весьма помогает использование схем, представленных на рис. 4, 5. На первом из них отражены компоненты, из которых слагается внутренняя энергия тела, на втором – способы ее изменения [16].

Каждый из этих элементов включает в себя компоненты, усвоения, которых определяет тот или иной уровень знаний.

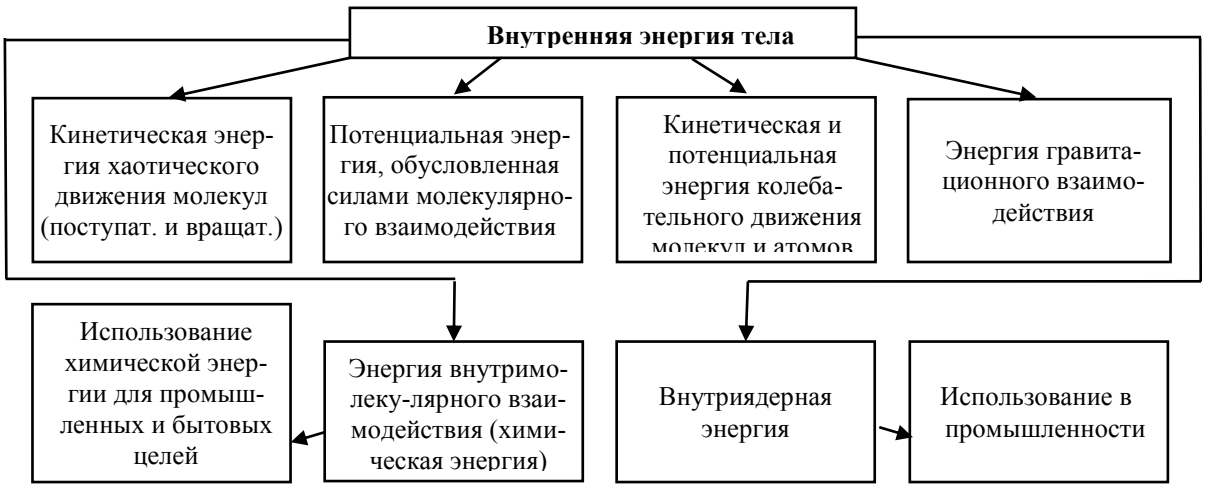

Рис. 4. Компоненты внутренней энергии тела
Fig. 4. Components of the internal energy of the body

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

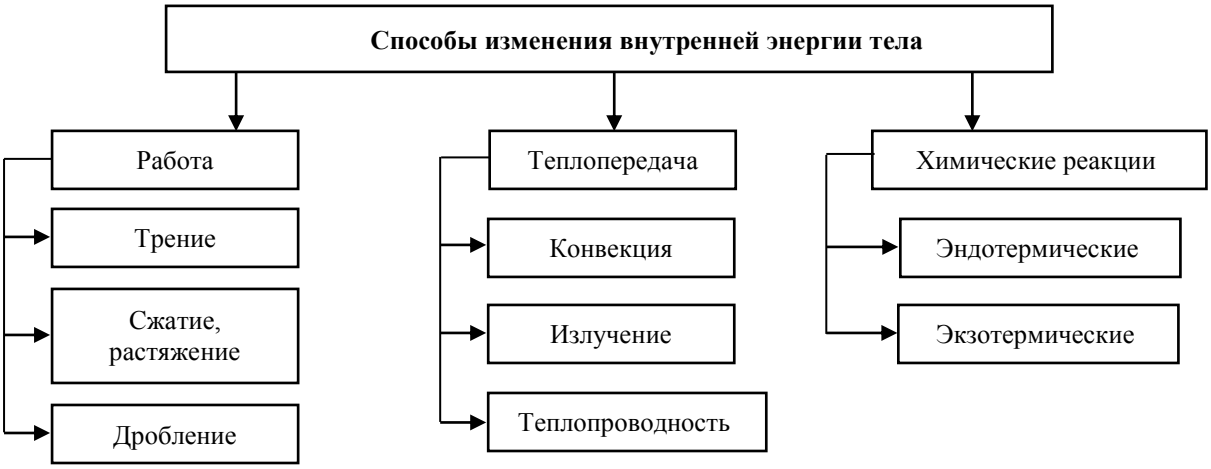

Рис.5. Способы изменения внутренней энергии тела
Fig. 5. How to change the internal energy of the body

Источник: составлено соавторами.
Source: completed by the co-authors.

О сновные элементы знаний и компоненты, их составляющие, представлены в структуре учебного материала рис. 6.

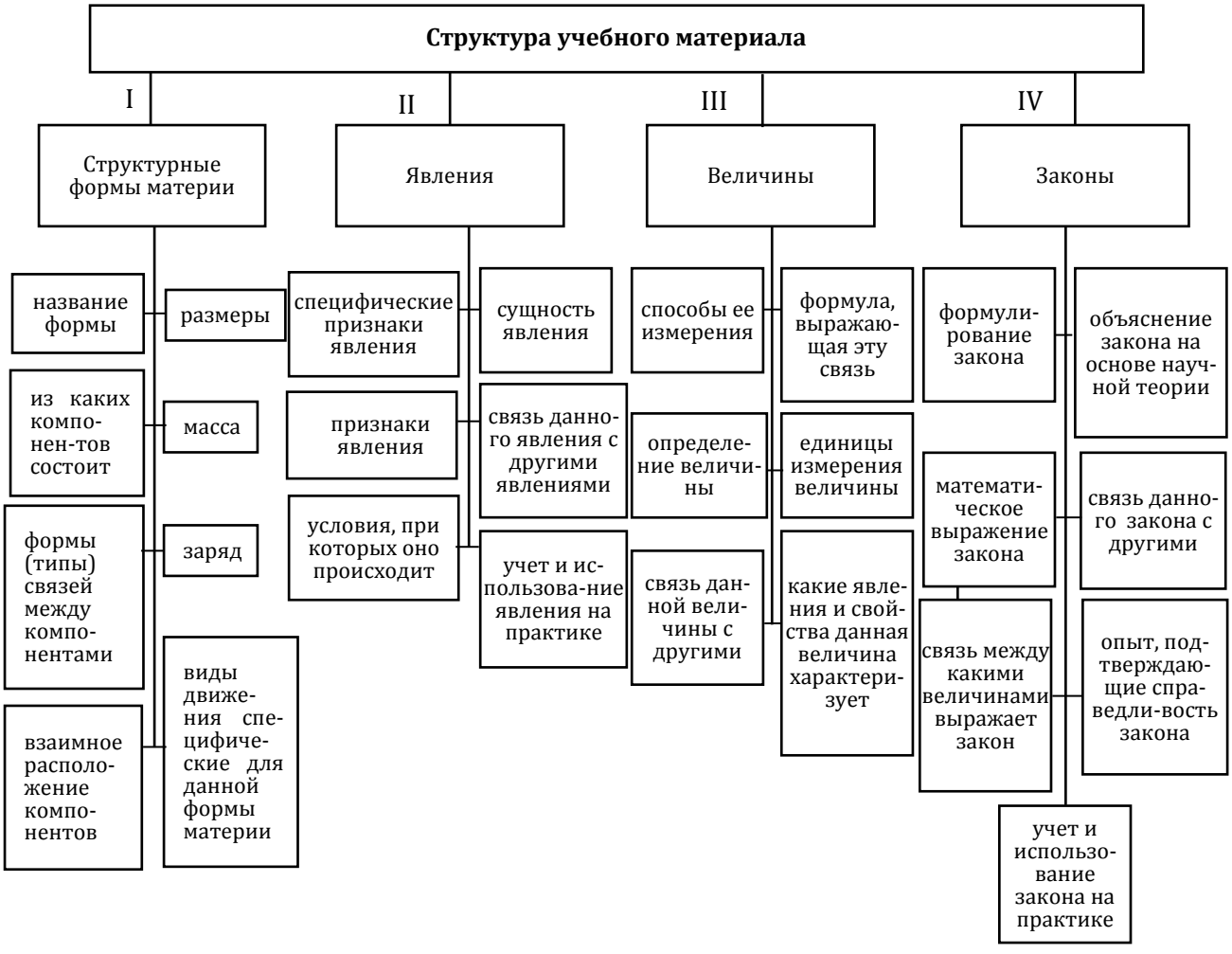

Рис. 6. Структура учебного материала
Fig. 6. Structure of educational material

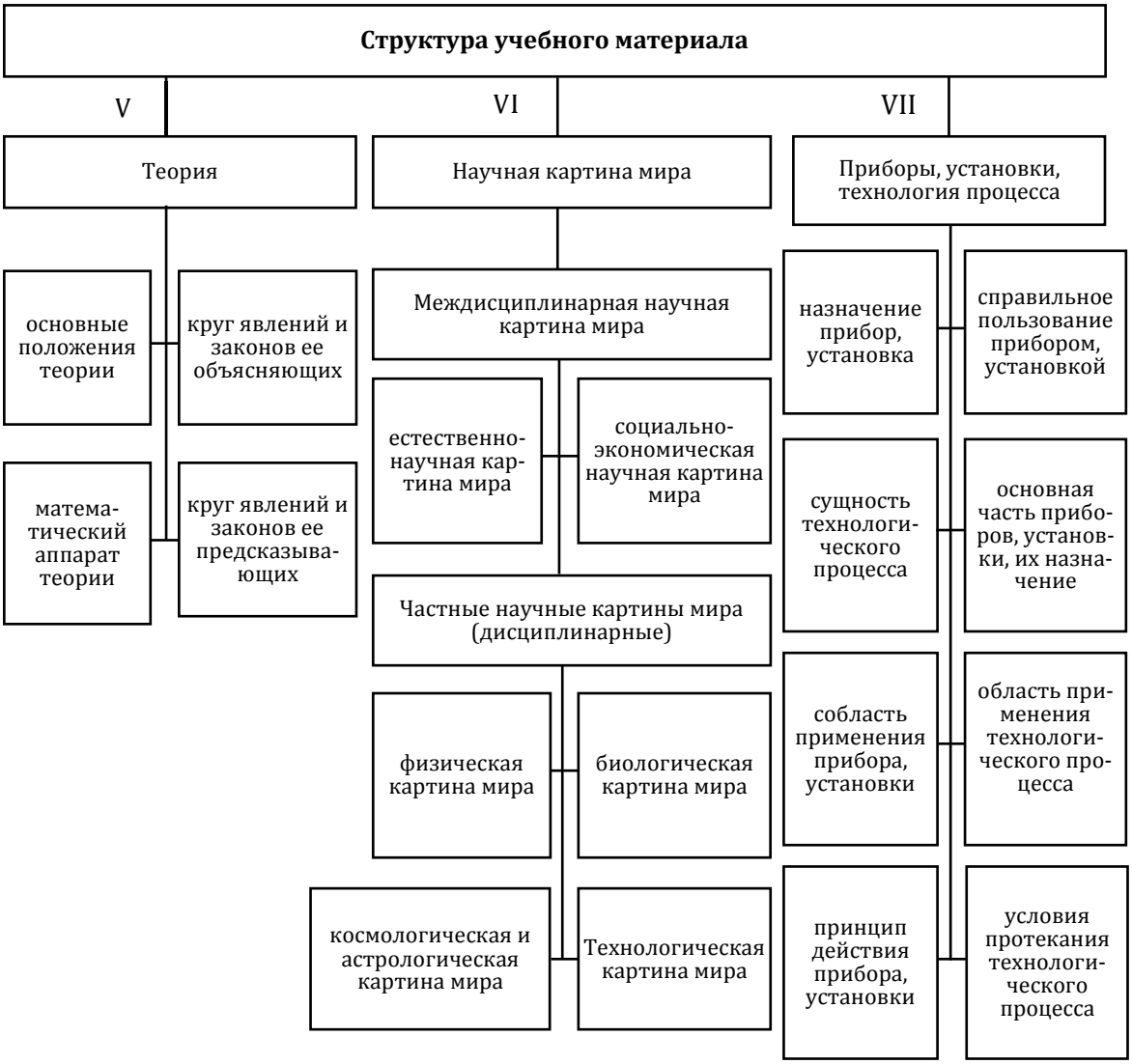

Рис. 6. Структура учебного материала (продолжение)
Fig. 6. Structure of educational material (continued)

Из вышесказанного можно сделать следующий вывод. Взаимосвязь естественнонаучных дисциплин с технологией достаточно эффективно может быть реализована, если в процессе преподавания этих учебных предметов будет осуществлен принцип генерализации знаний, суть которого состоит в охвате большого числа изучаемых явлений, научных понятий, закономерностей минимальным количеством общих, единых знаний, обладающих большой познавательной емкостью.

Подчеркнем, что интеграция учебных предметов отвечает принципу системно-деятельностного подхода, который последние годы стал одним из основных методологических принципов, ориентирующих на восприятие объектов (субъектов) как целостных, развивающихся.

Весьма важно в реализации взаимосвязи естественнонаучных дисциплин с технологической подготовкой школьников является реализация преемственности в формировании обобщенных умений, навыков и научных понятий самостоятельной работы с учетной, научно-популярной литературой, самостоятельно вести наблюдения, ставить опыты, анализировать их результаты, уметь осуществлять моделирование и конструирование технологических объектов и процессов [17].

Взаимосвязь естественнонаучных дисциплин с технологией достаточно эффективно может быть реализована в процессе организации и проведении внеклассной работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хотунцев, Ю.Л., Насипов, А.Ж. Системно-технологическое мышление проектно-технологическое мышление м технологическая культура человека // Современное технологическое образование в школе и педагогическом вузе: Материалы XXI Международной научно-практической конференции, Москва. МПГУ, 2015. – С. 3-9.
2. Хотунцев, Ю.Л. Технологическое образование школьников в Российской Федерации и ряде зарубежных стран. – Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2012.
3. Standarts for Technological Literacy. Content for the study of Technology. Third Edition International Technology Education Association Reston. USA, Virginia, 2007.
4. Люблинская, А.А. О преемственности учебной работы в школе // Преемственность в процессе обучения в школе – Л.: Изд-во ЛГПИ, - 1969. – С. 5.
5. Модель подготовки учителя технологии и ее роль в формировании естественно-научных, общетехнических и технологических знаний, умений и навыков / О.В. Сидоров, Л.В. Козуб, В.М. Бызов, Н.Н. Козинец // Инновации и инвестиции. – 2015. – №4. – С. 50-54.
6. Усова, А.В. Психолого-педагогические основы формирования у учащихся научных понятий – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, - 1978 – С. 43.
7. Давыдов, В.В. Виды обобщения в обучении. – М.: Педагогика, 1972. – 424 с.
8. Междисциплинарные связи в формировании технического мышления студентов технологического образования / О.В. Сидоров, Е.Б. Петелина, Л.В. Яковлева, А.В. Гоферберг. // Инновации и инвестиции. – 2015. - №5. – С. 178-181.
9. Зорина, Л.Я. Дидактические основы формирования системы знаний у старшеклассников. – М.: Педагогика, – 1978.
10. Тихонов, А.С. Естествознание и техника: методологически аспект [Текст] / А.С. Тихонов, О.В. Сидоров // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2012. - №4 (4) – С. 58-64.
11. Ждан, А.Н. Систематизация // Педагогическая энциклопедия Т.3. – М., 1966.
12. Звягин, А.Н. Некоторые приемы систематизации знаний учащихся по физике в средней школе / Совершенствование процесса обучения физике в средней школе. Вып. 3. – Челябинск, 1976.
13. Методика проведения педагогического эксперимента и результаты опытно-экспериментальной работы [Текст] / О.В. Сидоров // Дискуссия. 2014. - №11 (52). – С. 159-167.
14. БСЭ. 3-е изд.Т.30. – М.: Советская энциклопедия, 1978.
15. Сидоров, О.В. Роль интеграции учебных предметов в формировании у учащихся фундаментальных, естественнонаучных и технологических понятий [Текст] / О.В. Сидоров, Л.В. Яковлева // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2013. - №6 (12) – С. 77-85.
16. Симоненко, В.Д. Естественнонаучные основы технологической подготовки школьников [Текст] / В.Д. Симоненко, А.С. Тихонов. – Брянск: Изд-во Брянского государственного университета, 2002. – 227 с.
17. Ларионова, О.Г., Ростовцев, А.Н. Проектно-творческая деятельность студентов в контекстном обучении // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2017. №1 (27). С. 158-164.

REFERENCES

1. Hotuntsev, Yu.L., Nasipov, A.Zh. System and technological thinking design and technological thinking of m the technological culture of the person//Modern technological education at school and pedagogical higher education institution: Materials XXI of the International scientific and practical conference, Moscow. MPGU, 2015. – Page 3-9.
2. Hotuntsev, Yu.L. Technological education of school students in the Russian Federation and a number of foreign countries. – Moscow, MSTU of N.E. Bauman. 2012.
3. Standarts for Technological Literacy. Content for the study of Technology. Third Edition International Technology Education Association Reston. USA, Virginia, 2007.
4. Lublin, A.A. O of continuity of study at school // Continuity in the course of training at school – L.: LGPI publishing house, - 1969. – Page 5.
5. Model of training of the teacher of technology and its role in formation of natural-science, all-technical and technological knowledge, skills / O.V. Sidorov, L.V. Kozub, V.M. Byzov, N.N. Kozinets // Innovations and investments. – 2015. – No. 4. – Page 50-54.
6. Usova, A.V. Psychology and pedagogical bases of formation at pupils of scientific concepts – Chelyabinsk: ChGPI publishing house, - 1978 – Page 43.
7. Davydov, V.V. of Vida of generalization in training. – M.: Pedagogics, 1972. – 424 pages.

8. Cross-disciplinary communications in formation of technical thinking of students of technological education / O.V. Sidorov, E.B. Petelina, L.V. Yakovleva, A.V. Goferberg. // Innovations and investments. – 2015. - No. 5. – Page 178-181.
9. Zorina, L.Ya. Didactic bases of formation of system of knowledge at seniors. – M.: Pedagogics, – 1978.
10. Tikhonov, A.S. Estestvoznaniye and technician: methodologically aspect [Text] / ampere-second. Tikhonov, O.V. Sidorov // Messenger of the Ishim state teacher training college of P.P. Yershov. 2012. - No. 4 (4) – Page 58-64.
11. Zhdan, A.N. Systematization//Pedagogical encyclopedia T.3. – M, 1966.
12. Zvyagin, A.N. Some methods of systematization of knowledge studying on physics at high school / Improvement of process of training in physics at high school. Issue 3. – Chelyabinsk, 1976.
13. Technique of carrying out a pedagogical experiment and results of skilled and experimental work [Text] / O.V. Sidorov//Discussion. 2014. - No. 11 (52). – Page 159-167.
14. BSE. 3rd prod.T.30. – M.: Soviet encyclopedia, 1978.
15. Sidorov, O.V. Rol of integration of subjects in formation at pupils of fundamental, natural-science and technological concepts [Text] / O.V. Sidorov, L.V. Yakovleva // the Messenger of the Ishim state teacher training college of P.P. Yershov. 2013. - No. 6 (12) – Page 77-85.
16. Simonenko, V. D. Natural-science bases of technological training of school students of [Text] / EL Simonenko, A.S. Tikhonov. – Bryansk: Publishing house of the Bryansk state university, 2002. – 227 pages.
17. Larionova, O.G., Rostovtsev, A.N. Design and creative activity of students in contextual training//Problems of social and economic development of Siberia. 2017. No. 1 (27). Page 158-164.

Информация об авторах:

Шадрин Александр Сергеевич, студент, факультет математики, информатики и естественных наук, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал), Тюменский государственный университет,
г. Ишим, Россия
ale.schadrin@yandex.ru

Сидоров Олег Владимирович, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физико-математических дисциплин и профессионально-технологического образования, факультет математики, информатики и естественных наук, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал), Тюменский государственный университет,
г. Ишим, Россия
sidorov197014@mail.ru

Козуб Любовь Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент, кафедра физико-математических дисциплин и профессионально-технологического образования, факультет математики, информатики и естественных наук, Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал), Тюменский государственный университет,
г. Ишим, Россия
kozub_love@bk.ru

Получена: 25.11.2017

Для цитирования: Шадрин А.С., Сидоров О.В., Козуб Л.В. Психолого-дидактические условия реализации преемственности в формировании научных понятий у учащихся. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.255-266.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-255-266.

Information about the authors:

Alexander S. Shadrin, Student, Faculty of Mathematics, Informatics and Natural Sciences, Yershov Ishim Teacher Training College (branch), Tyumen State University,
Ishim City, Russia
ale.schadrin@yandex.ru

Oleg V. Sidorov, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Physical and Mathematical Disciplines and Professional and Technological Formation, Faculty of Mathematics, Informatics and Natural Sciences, Yershov Ishim Teacher Training College (branch), Tyumen State University,
Ishim City, Russia
sidorov197014@mail.ru

Lyubov V. Kozub, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Department of Physical and Mathematical Disciplines and Professional and Technological Formation, Faculty of Mathematics, Informatics and Natural Sciences, Yershov Ishim Teacher Training College (branch), Tyumen State University,
Ishim City, Russia
kozub_love@bk.ru

Received: 25.11.2017

For citation: Shadrin A.S., Sidorov O.V., Kozub L.V. Psychological and didactic conditions of realization of continuity in the formation of scientific concepts of students. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 255-266.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-255-266. (in Russian)

Обзорные статьи

Review Articles

УДК 94

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-269-283

ШТУРБА Виктор Александрович
Кубанский государственный университет
научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

ШТУРБА Евгений Викторович
Кубанский государственный университет
Ассоциация молодые ученые Кубани
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

АСТАНИНА Лариса Викторовна
Московский институт современного академического образования
г. Москва, Россия
rektor@misaoinst.ru

Viktor A. SHTURBA
Kuban State University
Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea"
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

Evgeniy V. SHTURBA
Kuban State University
Association of Young Scientists of Kuban,
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

Larisa V. ASTANINA
Moscow Institute of Contemporary Academic Education,
Moscow, Russia
rektor@misaoinst.ru

1917 ГОД: ТРАГЕДИЯ ИЛИ ТРИУМФ?

1917: TRAGEDY OR TRIUMPH?

Научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» решил подойти к столетию революционного 1917 года вполне основательно: за календарный год изданием было опубликовано 30 важных научных статей авторов из научно-исследовательских и образовательных учреждений Токио, Бишкека, Москвы, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Краснодара и т.д. В данной обзорной статье представлены достаточно краткие результаты весьма масштабных исследовательских проектов, с которыми можно ознакомиться подробнее на страницах номеров журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2017 г. как в печатном, так и в электронном виде: http://www.hist-edu.ru/hist/issue/archive. В данной обзорной статье опубликованные тексты по революционным процессам 1917 года сгруппированы по проблемно-тематическому принципу. Так, солидный корпус научных текстов составляют сюжетные блоки макроисторического, международного, регионального, социокультурного, нормативно-правового и персонального измерений турбулентного, переучреждавшего российскую государственность и не до конца осмысленного 1917 года.

Ключевые слова: революция 1917 года, кризис власти, политический разлом, массовые протесты, социокультурный порядок, исторический выбор, переучреждение российской государственности

The scientific journal "Historical and Social-Educational Idea" decided to approach the centenary of the revolutionary year of 1917 quite thoroughly: in the calendar year the journal published 30 important scientific articles by authors from research and educational institutions of Tokyo, Bishkek, Moscow, Yekaterinburg, Rostov-on- Don, Krasnodar, etc. In this review article, we present fairly brief results of very large-scale research projects, which can be found in more detail on the pages of the issues of the journal "Historical and Social-Educational Idea" for 2017 both in print and in electronic version: http://www.hist-edu.ru/hist/issue/archive. In this review article published texts on the revolutionary processes of 1917 are grouped according to the problem-thematic principle. Thus, a solid corpus of scientific texts make up the plot blocks of macrohistorical, international, regional, sociocultural, normative legal and personal measurements of turbulent, re-establishing Russian statehood, and not fully reflected 1917 year.

Keywords: revolution of 1917, power crisis, political cleavage, mass protests, sociocultural order, historical choice, re-establishment of Russian statehood

История революционного 1917 года осмысливается профессиональными исследователями как с различных теоретико-методологических, так и политико-идеологических позиций. В данной обзорной статье авторами предпринята попытка комплексного анализа корпуса текстов, опубликованных на страницах научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» за 2017 г. и сгруппированных по проблемно-тематическому принципу. Так, выявлены макроисторическое международное, региональное, социокультурное, нормативно-правовое и персональное измерения турбулентного, переучреждавшего российскую государственность и не до конца осмысленного 1917 года.

В статье Е.А. Петриченко анализируется специфика революционных процессов 1917 года [1]. Автор пишет: «Мы предельно ясно понимаем, что Октябрьская революция и Страна Советов показали возможность принципиального переустройства жизни людей, доказали реальность и представили путь построения государства нового типа. Можно ожидать, что празднование юбилея этого исторического события затронет практически весь мир. Уже сейчас во многих странах создаются комитеты, которые будут руководить мероприятиями, связанными с этой датой. Компартии

Китая, Индии, некоторых стран Латинской Америки, Испании, Англии, Греции официально заявили о своих планах достойно отметить столетие Октябрьской революции» [2].

В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин осуществляют «попытку проанализировать различные альтернативы развития исторического процесса в России, обусловленные причинами революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войной. Авторы рассматривают три основных варианта таких альтернатив. Первый из них представлен в рамках парадигмы стадиального подхода. Он предполагает процесс исторического движения в соответствии принципам «от высшего к низшему», «от простого к сложному». Результатом подобного движения должно быть развитие сообразно логике прогресса. Цели прогрессивного развития анализируются исходя из того расклада политических сил, который сложился накануне и в ходе самого процесса революции 1917 года. Всего на основе применения стадиальной методологии выделяются два целевых вектора. Один направлен в сторону либеральных ценностей западной цивилизации, способных, по мнению идеологов этого движения, вывести Россию на уровень развитого индустриального общества с устойчивыми демократическими ценностями. Второй оценен с применением формационного подхода К. Маркса, где в качестве итоговой точки движения цель указана в сторону коммунистического общества. Вторая альтернатива была проанализирована в контексте вероятности распада традиционной российской идентичности, сформировавшейся на основе ценностей православной цивилизации. Сложности изучения второй альтернативы обусловлены убежденностью авторов в том, что 1917 год стал отправной точкой трансформации традиционной российской ментальности, которая в настоящее время находится в стадии возрождения через целенаправленные усилия государственной власти. Реальность реализации на данном этапе второй альтернативы авторами связывается с усилением власти государства, но с одновременным преодолением таких негативных проявлений, как коррупция, бюрократизм, экономический кризис, недоверие к власти. Третья альтернатива - углубление кризиса и территориальный распад - в качестве вероятной не оценивается, но низкая степень ее гипотетической вероятности поставлена в зависимость от преодоления выше отмеченных негативных тенденций в современном политическом управлении» [3, с. 22-23].

В продолжении своей статьи В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин осуществляют «детальный анализ тех последствий, которые имела революция 1917 года для отечественной истории. Предметом внимания авторов становится онтологическая природа советского строя, который позиционируется как индустриальный с элементами типичного для российских экономических отношений традиционализма. В советские годы он приобрел характер планового производства, что частично соответствовало тенденциям, преобладавшим в управлении экономическими процессами на Западе. Стадиальное сходство между СССР и Западом раскрывается авторами также посредством акцента на параллельных изменениях в ментальном облике людей из обеих систем, выразившихся в секуляризации, десакрализации традиций, возрастании числа населения с высшим образованием, распространении потребительских ценностей. Проблема выбора исторического пути в советское время, по мнению авторов, была вновь актуализирована после обнаружения системного отставания от стран Запада в связи с вступлением их на новую стадию - постиндустриального общества. Как и в 1917 году, это отставание попытались решить за счет ментальной ассимиляции с западной цивилизацией. Данная попытка была предпринята на волне активного антисоветизма и тотального очернительства собственной истории. «Жертва» не была принята, что в очередной раз, по мнению авторов статьи, поставило перед наукой проблему выбора: Россия есть страна запаздывающей модернизации на пути универсального для всех народов всемирно-исторического процесса или она представляет собой самобытную цивилизацию со своей, присущей только ей логикой исторического развития? В последние годы наука и общественность приоритетно склоняются к выбору второй альтернативы. Такой подход актуализирует задачу поиска внутренних, стержневых оснований для российского социума, его универсальных гражданских ценностей. Авторы полагают, что успешность этих поисков будет зависеть от того, насколько удачной окажется борьба российской власти с трудностями и проблемами, мешающими протеканию современного исторического процесса» [4, с. 30-31].

В статье В.Ю. Захарова, А.Н. Иванова анализируются некоторые дискуссионные вопросы [5]. Так, например, исследуется «вопрос о том, сколько революций произошло в России в 1917 г. Анализируются основные концепции по данной проблеме, начиная с советской историографической традиции и заканчивая современным периодом. Высказывается авторская точка зрения по вопросу о количестве революций в 1917 г., а также по проблеме определения хронологических рамок Великой Российской революции. Далее рассматривается вопрос о причинах революционного кризиса 1917 г., анализируются основные точки зрения по этой проблеме, в том числе и по поводу степени виновности правящего режима и оппозиции. На основе анализа и сравнения существующих концепций авторы высказывают собственное мнение по этой проблеме, акцентируя внима-

ние на явном промедлении правящего режима с проведением давно назревших реформ, прежде всего в политической и социальной сферах общественной жизни, а также обострении существовавших противоречий из-за участия в Первой мировой войне. Затем рассматривается вопрос о причинах дальнейшей радикализации революционных событий и закономерности прихода к власти большевиков. Авторы приходят к выводу, что одной из главных причин углубления революционного кризиса было бездействие Временного правительства в решении самых острых вопросов текущего момента: о мире, о земле, о структуре власти. На этом фоне приход к власти большевиков, не боявшихся ответственности за принятие судьбоносных решений, обещавших быстро решить все важнейшие вопросы и возглавлявшихся талантливыми политиками (В.И. Лениным и Л.Д. Троцким), выглядит вполне закономерным, а с сентября 1917 г. и неизбежным. В заключение проводятся аналогии с Великой французской революцией, выявляются общие черты и различия» [6].

Д.О. Чураков также анализирует в своей статье макроисторическое измерение революционных процессов 1917 года [7]. Он пишет: «Революция 1917 года состояла из нескольких этапов. На каждом из них действовали самые разнообразные социальные силы, между которыми общим было только одно стремление к свободе, к развитию в России демократии. Но между участниками и современниками революции не было согласия в том, что нужно для достижения их идеалов, да и сама демократия понималась по-разному. Данная статья посвящена сложным тенденциям, определявшим общий ход революции после свержения монархии и создания первых революционных государственных и общественных структур. В статье показано, что падение монархии стало для большинства жителей России важным испытанием, поскольку ничего не ожидавшие люди оказались перед потребностью резкого переосмысления устоявшегося уклада жизни, аксиологических координат и политических представлений. Стала ли Россия в результате революционных перемен самой свободной страной во всем мире, как о том говорили многие участники событий 1917 года? Или страну захлестнула вторая русская (Красная) Смута, как об этом заявляли их оппоненты, иначе воспринимавшие происходящее вокруг них со страной и народом? Автор статьи приходит к парадоксальному выводу, что по-своему правы были обе стороны, поскольку революционные процессы породили в стране не только волну ничем не сдерживаемой охлократической вольности, но и творческое стремление разных социальных групп, принявшихся создавать свои собственные институты самоорганизации и самоуправления. Именно в бурном росте институтов гражданского общества автор видит демократический потенциал революции 1917 года и называет ее революцией самоуправления» [8].

Анализу Октябрьской революции сквозь призму евразийской концепции посвящена статья А.М. Матвеевой [9]. Автор указывает на следующее: «Великая Октябрьская революция, как и все революционные события, потрясшие нашу страну в 1917 г., на протяжении вот уже ста лет вызывает самые разнообразные, подчас чрезвычайно спорные и неоднозначные оценки и суждения в историографии. Не утихают дискуссии о природе, движущих силах и закономерностях тех процессов, которые так решительно переменили лицо российского общества, изменили вектор российской истории. В статье автор развивает геополитическую точку зрения на причины этого величайшего события XX века. Данный подход был выдвинут и получил дальнейшую разработку в нескольких работах, написанных в эмиграции еще в 1920-е годы П.Н. Савицким. П.Н. Савицкий заслуженно считается лидером и одним из крупнейших теоретиков такого важного и оригинального движения русского зарубежья, как евразийство. В рамках этого направления группа отечественных мыслителей и политических деятелей предложили особую систему оценки исторических процессов с точки зрения географического фактора. Оригинальный ракурс позволил П.Н. Савицкому по-новому взглянуть на важнейшую веху в российской и мировой истории и переосмыслить ее. В своих трудах он много раз отмечал, что вся проблематика русской революции являлась для движения евразийцев стержневой в их геополитической концепции. Установив законы развития русской революции, П.Н. Савицкий претендовал на способность давать научные прогнозы, в которые на самом деле были заложены его собственные мировоззренческие приоритеты и политические цели. Он также претендовал на то, что сумел выявить и обосновать историко-географические корни Октябрьской революции, утверждая, что революции и тем более самого коммунистического эксперимента в России не могло бы возникнуть, если бы географическое положение страны было другим и толкало ее к автаркии. Проанализировав данные и другие теоретические положения творческого наследия П.Н. Савицкого, автор данной статьи показывает как ошибочность некоторых его выводов, так и те выводы Савицкого, которые отражали реальность происходившего в революционной России исторического процесса и могут быть востребованы в наши дни для формирования подлинно научной картины революции 1917 г. и ее воздействия на развитие отечественного гуманитарного знания, в том числе в среде русской эмиграции» [10].

А.С. Прищепа в своей научной статье реконструирует и анализирует ход событий октябрьского кризиса власти 1917 года [11]. В статье обозначено, что исследователь «ставил перед собой задачу рассмотреть социально-экономические проблемы в первые годы становления советской власти, негативные последствия тех или иных политических событий, излишне радикальных решений политических лидеров того периода, дающие о себе знать и в настоящее время». Особое внимание исследователь уделяет голоду и хозяйственной разрухе, развернувшейся в стране, ставшей одним из главных факторов начала революции. Именно голод, в большинстве своем, подвиг различные слои населения на разбои и грабежи. В статье также поднимается вопрос о тяжелых и напряженных отношениях советской власти и казаков в первые годы после Октябрьской революции и Гражданской войны. Несмотря на устоявшийся стереотип «о контрреволюционной сущности казачества», исследователь попытался оспорить его, подкрепив свою позицию архивными материалами, подтверждающими, что представители советской власти провоцировали прямыми и косвенными действиями казачество на контрреволюционные действия. Автор статьи обращает внимание на то, что решения и действия большевиков, направленные в сторону казачества, порой были недопустимо жестоки и бесчеловечны и носили характер геноцида, в результате которого численность казаков сократилась более чем в пять раз. Все это, безусловно, оставило неизгладимый след в истории и культуре казачества, и потребовалось много лет на восстановление его попранного достоинства» [12].

Крайне любопытный материал изложен в статье японского историка Ё.Икэда «Проект японских историков "Российская революция и век СССР"» [13]. В статье сказано следующее: «В Японии активизируется научное и общественное внимание к Российской революции 1917 года - грандиозному событию XX в. Среди тех книг, которые были изданы в Японии в 2017 г. в ознаменование революции 1917 года, особое место по своему объему занимает пятитомная книжная серия "Российская революция и век СССР". Первый том называется "От мировой войны к революции". Затем в каждом месяце опубликован очередной том серии: Т. 2 "Сталинизм как цивилизация"; Т. 3 "Холодная война и мирное сосуществование"; Т. 4 "Преобразование человека и культуры"; Т. 5 "Революция и народы переходят рубеж". Из них первые три тома посвящаются каждому периоду истории России (Т. 1 - 1900-1928 гг.; Т. 2 - 1929-1953 гг.; Т. 3 - 1953-2017 гг.). Четвертый том рассматривает многогранные аспекты культуры: литература, музыка, кино, наука и т.д. - в различные периоды СССР, а пятый - революцию в различных регионах Российской империи и формирование Советского Союза как наследника империи Романовых. В данной научной статье автор коротко знакомит читателей с основными характеристиками всего проекта, а далее - подробно рассматривает содержание первого тома книжной серии, поскольку именно он посвящен главным образом революции 1917 года. Автор научной статьи обращает внимание, что сообщество японских специалистов по истории Российской революции и СССР старается представить читателям многогранность своего предмета междисциплинарного (исторического, культурологического, концептологического) исследования» [14].

Очевидно, что революция 1917 года имеет колоссальное макроисторическое значение. Сформированный политический порядок базировался на модерных представлениях, но «политическая и властно-управленческая деятельность не создают материальных и духовных ценностей, а в лучшем случае их распределяют. Однако критерии справедливого распределения были и останутся дискуссионными. Взамен постоянного обсуждения данных критериев политическая и властно-управленческая деятельность претендует на главную роль в обществе и способствует этатизации социально-политической мысли» [15].

Статья Г.И. Гаевской, М.А. Лаврентьевой посвящена анализу международных последствий Великой Октябрьской революции [16]. Авторы отмечают, что «для достижения данной цели необходимо выделить последствия революции в узком и широком смысле, позитивные и негативные; последствия для всего мира и для отдельных регионов, стран; последствия, имевшие немедленный результат и более отдаленные по времени; последствия с точки зрения советской историографии, зарубежной историографии, современной российской историографии; последствия в отдельных сферах - идеологические, внешнеполитические, экономические, социальные, культурные. В статье доказывается мысль о правомерности использования названия Великая Октябрьская революция. Предпринята попытка применения цивилизационного подхода, в частности концепции "вызова-ответа" А. Тойнби к рассматриваемой проблеме. В то же время отмечено, что социалистическая революция - это плод именно российской истории. В этой связи авторы обращают внимание на тот факт, что первые ростки социализма (при том уровне производительных сил, отягощенные последствиями Первой мировой войны) неизбежно несли черты своего времени, отпечаток общекультурного и нравственного облика современника. Все это содержало противоречие действительности, реальной жизни с объявленными идеалами и ожиданиями масс, таило кризис-

ные потенции в процессе развития социалистического общества. Также в работе прослеживается взаимосвязь процессов модернизации традиционного общества и революции. Отмечается несомненное влияние Октябрьской революции на становление социального государства или "общества всеобщего благоденствия" в странах Западной Европы во второй половине XX в. Акцентировано внимание на основных идеологических конструкциях XX в. и их взаимосвязи с идеями российской революции» [17].

Началу реализации новых внешнеполитических принципов Советской России на примере отношений с Ираном (1917-1918 гг.) посвящена статья Э.Г. Вартаньян [18]. В статье указано: «На примере отношений с Ираном автор анализирует принципы внешней политики Советской России, основанные на равенстве, взаимном уважении народов, мирном сосуществовании, интернационализме, праве наций на самоопределение, показывает отказ Советской России от принципов царской дипломатии. Отмечается, что Иран был поделен в 1907 г. на сферы влияния между царской Россией и Англией, а во время Первой мировой войны оккупирован войсками Англии, царской России, Турции. В 1917 г. все неравноправные соглашения царского правительства с Ираном (1907, 1915 гг.) были аннулированы. Автор указывает на то, что советское правительство уже в 1918 г. начало выводить свои войска, дислоцированные в северо-западном и западном Иране, а также с территории, расположенной вдоль границы Ирана и Афганистана (английские войска оккупировали юг страны от Персидского залива до юго-западной части Афганистана). Подчеркивается, что англичане старались завербовать на свою сторону контрреволюционно настроенных и неустойчивых казаков и офицеров. Рассматривается дезавуирование советским правительством старого дипломатического аппарата России за границей. Главы дипломатических представительств Советской России при иностранных правительствах стали называться полномочными представителями РСФСР, а основная масса царских дипломатов, отказавшаяся служить советской власти, была уволена с дипломатической службы. Делается вывод о том, что советско-иранские отношения первых лет советской истории демонстрируют реализацию новых принципов внешней политики России, основанных на равенстве, взаимном уважении народов, праве на самоопределение, отказе от концессий, неравноправных договоров, соглашений, заключенных царским правительством» [19].

Кыргызский случай анализируется в статье Е.Г. Гарбузаровой [20]. Автор фиксирует следующие положения: «В статье проводится обстоятельный анализ пребывания Кыргызстана в составе Российской империи и под властью большевиков. Акцентируется внимание на действиях царских властей по административному обустройству Средней Азии. Восстание 1916 г. в Кыргызстане подтверждает кризис царской власти и стремление кыргызов к радикальным преобразованиям. В такой катастрофической обстановке, которая сложилась во время и после восстания, кыргызский этнос столкнулся с угрозой исчезновения как самостоятельной этнической группы. Октябрьская революция и приход к власти большевиков обратили этот процесс вспять и создали все условия для консолидации кыргызского этноса. Социалистическая идеология заполнила экзистенциальный вакуум, образовавшийся у народов Туркестана в период самодержавной монархии в Российской империи. Продуктивная деятельность Советов создала в Туркестане гармоничную среду для последующего национально-территориального размежевания и создания государственности у каждого входящего в нее народа. В Кыргызстане отношение к Советам в период установления власти большевиков в Туркестане было неоднозначным: в северных областях этот процесс проходил менее напряженно, тогда как в южных районах он значительно пробуксовывал, так как сильны были деструктивные силы в лице контрреволюционеров и иностранных агентов. Тем не менее, пройдя все государствообразующие стадии от автономной области до федеративной части, 1 февраля 1926 г. была образована Кыргызская Автономная Советская Социалистическая Республика. Слаженными совместными усилиями Кыргызстан и советская власть запустили процесс ликвидации экономической отсталости и организовали развитие культурно-образовательной деятельности. На основе проведенного анализа политики царских властей и советской власти по отношению к кыргызскому народу делается вывод о том, что советская власть сыграла свою положительную историческую роль для Кыргызстана» [21].

Роль донского казачества в революции 1917 года проанализирована в статье С.А. Кислицына, В.П. Трута [22]. Авторы статьи считают, что «Февральская и Октябрьская революции были этапами Великой Российской революции 1917 г. Одним из аргументов в пользу этой концепции является позиция донского казачества. Февральскую революцию и свержение самодержавия казаки восприняли с пониманием задачи формирования новой демократии и в целом поддержали ее своим неучастием в борьбе. В условиях июльского революционного кризиса армейское казачество было использовано новыми республиканскими властями для разгона протестующих масс трудящихся, что вызвало протест со стороны казачьих масс. В период корниловского выступления основные массы казачества не вошли в праворадикальное течение в армии, так как в самой казачьей

среде ослабевали консервативные силы. Во время Октябрьского переворота командиры всех донских полков довели до сведения правительства, что казаки отказываются выступать на защиту правительства без поддержки пехотных армейских частей, броневых автомобилей и пулеметов. Для казаков "пехота", состоявшая из крестьян и рабочих, являлась выразителем доминирующих политических взглядов и настроений большинства населения страны. Говоря о возможности каких-либо действий в поддержку правительства только совместно с пехотой, казаки присоединялись к воле народа, выразителем которой, по их мнению, могли служить солдаты столичного гарнизона. Ситуация повторилась во время неудачного похода Краснова на Петроград. Казаки в это время не желали принимать какое-либо участие в разгоравшемся противоборстве противников и сторонников советской власти, стремились уклониться от выполнения приказов своего командования, поскорей отправиться по домам. По мере прибытия на Дон они практически явочным порядком расходились по родным станицам. Из-за социального расслоения казачество не было едино в борьбе за сохранение прежней системы землепользования и землевладения. Социально-классовая война на Дону из-за особенностей исторического развития приобрела сословную окраску. На всех основных этапах революции 1917 г. - от Февраля к Октябрю - донское казачество в силу объективных причин проявляло значительные колебания по вопросу определения своей политической позиции, вплоть до саботажа и даже отказа в поддержке властей. Это свидетельствует об определенном стихийном понимании казачеством естественности хода развития событий и, на наш взгляд, о целостности и внутреннем единстве революционного процесса 1917 года. В ходе последовавшей гражданской войны ситуация изменилась радикальным образом» [23].

М.Ю. Горожанина исследует кубанское казачество, православное духовенство и другие сословия в конце XIX века и в период революционных событий 1917 года в рамках компаративной традиции [24]. По мнению автора статьи, «главной причиной революционных потрясений 1917 года стал духовный кризис, охвативший все слои российского общества. Освещается его проявление на Кубани, а также рассматриваются причины падения монархических настроений в казачьем крае. В работе прослеживается взаимосвязь между изменением социального состава населения Кубанской области, популяризацией либеральных идей и ростом протестных настроений. Много внимания отводится рассмотрению причин массовой поддержки жителями Кубани Февральской революции. Впервые проводится взаимосвязь между царской политикой, направленной на недопущение существования сугубо казачьего региона, и ослаблением монархических настроений в Кубанской области. В статье также выделяются факторы, оказавшие влияние на положение духовенства на Кубани: 1) духовный, определяющий степень нравственного состояния общества; 2) экономический, неразрывно связанный с материальным положением; 3) социальный, обозначающий социальный статус духовенства в сословной иерархии; 4) политический, представленный политическими пристрастиями и симпатиями служителей церкви. Много места отводится и объяснению причин различного отношения кубанского духовенства к революционным событиям 1917 г., впервые обращается внимание на неоднородный его состав; в исследовании обозначается три течения - радикальное, консервативное и реформистское, - на которые к 1917 г. распалось духовенство Кубани» [25].

Роль кубанских казаков в революционных процессах 1917 года исследуется в статье М.Ф. Титоренко [26]. Она пишет: «Вопреки сложившемуся мнению, исследователь попытался опрокинуть "«большевистский постулат о контрреволюционной сущности казачества", вычленить причины, втянувшие казаков "в орбиту политических течений и интриг" и расколовшие их на два враждебных лагеря; опираясь на архивные материалы, показать действия большевиков, направленные на укрепление советской власти в кубанских станицах. Автор статьи обращает внимание на то, что в рамках жесткой государственной регламентации хозяйственной, политической, социальной организации жизни казаков традиции и многовековые устои семейного быта под влиянием глубоких социальных потрясений оказались неустойчивыми. Спорные территории с появлением новых административно-территориальных образований приводили к обострению межнациональных отношений. Большевики в отношении казаков, выступавших против советской власти, применяли жесткие карательные меры, в результате численность кубанских казаков сократилась в два раза, они оказались территориально рассредоточены между различными административно-территориальными образованиями» [27]. В целом, стоит отметить, что в последнее время все чаще «рассматривается интегрированный комплекс проблем исторического пути развития казачества как нового, или обновленного давнего, социального явления в жизни полиэтничного российского социума» [28].

О.М. Щербакова, О.Ю. Отрокова, О.Ю. Гольцева исследуют тенденции современной историографии по вопросу роли матросов Балтийского флота в революции 1917 года [29]. Авторы данной научной публикации фиксируют следующее: «Акцентируя внимание на положении, что в центре

большинства работ - проблема левого радикализма, они выделяют главное направление - изучение социальной психологии матросских масс. Авторы предлагают не воспринимать Российскую революцию только как "архаизацию сознания" и люмпенизацию, прежде всего, солдат и матросов. Также они отмечают, что в научной литературе существует расхождение по вопросу политических устремлений матросских масс. Имеет место попытка представить матросов как самостоятельную политическую силу. Это вызывает несогласие тех, кто видит в них специфическую социально-профессиональную группу. Авторы отмечают, что историки приступили к изучению соотношения демократических и разрушительных начал на флоте. Однако в отечественной науке до конца не решен вопрос о лозунгах Октября. Без осмысления этого сложно понять, почему матросы поддержали большевиков. Авторы полагают, что проблема движущих сил революции, в том числе флотская тематика в контексте революционных реалий, продолжает оставаться значимой историографической темой» [30].

В статье Р.Ю. Басте, В.В. Касьянова анализируется проблема особенностей общественно-политической обстановки на Кубани в период революционных событий 1917 г. на примере взаимодействия горцев и казачества [31]. Авторы в тексте статьи отмечают следующее: «Рассматривается взаимодействие горцев и казачества Кубани в революционный период 1917 г., деятельность национальной политической организации "Союз горцев Кавказа". Анализируются практические действия этой организации по созданию горской национально-территориальной автономии в составе Российской федеративной демократической республики. Различного рода союзы и съезды позволили адыгам более активно раскрыться как этнополитическому формированию в регионе. Нужно отметить, что за восстановление общероссийского комплекса властных структур и на региональном уровне выступали созданные политические организации. Отмечается, что национальный вопрос стал центральным вопросом общественной жизни для адыгской интеллигенции, это предопределило специфические условия существования адыгов. Самоопределение и возможность создания условий для сохранения национальной культурной самобытности адыгская интеллигенция ощутила в новых политических обстоятельствах. Не вызывает сомнения тот факт, что "буржуазные свободы, под знаменем которых произошла смена власти в России", давали интеллигенции надежды, связанные с организацией национальной жизни» [32].

В.Г. Петрович, С.И. Самсонов исследуют чередование революций и реакций на примере Саратовского Поволжья [33]. Авторы статьи проводят анализ «влияния революционных событий на судьбы юных россиян как в 1917 году, так и в результате последующих за революцией событий. В исторической ретроспективе анализируются последствия голода в Российской империи в конце XX века и в Советской России в 1920-1930-х годах. Голод начального периода советской истории нашего государства трактуется авторами как трагические последствия революции 1917 года и проводимой после нее большевистской политики. Авторы приходят к выводу, что голод в Саратовском Поволжье 1921-1923 гг. вызван совокупным действием объективных неблагоприятных природных условий, что было вполне типичным для природно-климатических особенностей данного района, как зоны рискованного земледелия, особенно в Левобережной части губернии. Вызванный объективными причинами, голод усугублен причинами субъективными: Гражданской войной и политикой «военного коммунизма» - продовольственной разверсткой прежде всего. Сравнивая данные двух Всероссийских переписей населения - 1926 и 1937 гг. - авторы приходят к выводу, что наиболее пострадавшими в СССР были Саратовская область, Казахская АССР и АССР Немцев Поволжья, то есть фактически Саратовское Поволжье является регионом, пострадавшим в наибольшей мере от голода 1932-1933 гг. в границах современной России. Авторы выдвигают гипотезу о времени окончания Великой российской революции: 10 февраля 1934 г., когда завершился XVII съезд ВКП (б), вошедший в историю как "съезд победителей"» [34].

В статье В.В. Касьянова, В.В. Ковалева, С.И. Самыгина анализируется социокультурное измерение причин революционного 1917 года [35]. По их мнению, «как сама революция, проходившая поэтапно единым процессом в течение всего 1917 года, так и растянувшаяся на несколько лет гражданская война имели крайне ожесточенные формы. По окончании этих событий вся социально-экономическая инфраструктура страны была разрушена, а население имело колоссальную убыль своей численности. Авторы исходят из того, что беспрецедентная жестокость событий 1917-1921 гг. была обусловлена тем, что российское общество не имело общих социокультурных оснований для единства. Культурный разлом во многом произошел после петровских преобразований, следствием которых стала потеря характерных для допетровской России соборных форм жизни. События 1917 года и последовавшая за ним совершенно логичным образом кровопролитная гражданская война во многом были детерминированы отсутствием в Российской империи единых социокультурных оснований для взаимодействия между разными социального слоями. Общество саморазделилось на "своих" и "чужих". Следствием этого стала ситуация тлеющего конфликта, готового в любой момент трансформироваться в жестокую войну всех против всех ради

взаимного и тотального уничтожения. Четкая дифференциация и поляризация противоборствующих сил в 1917-1921 гг. была обусловлена ролью так называемой революционной интеллигенции, которая предложила низшим слоям российского общества идеологические ценности, которые во многом были созвучны соборно-традиционалистским представлениям крестьянства о собственности, власти, праве и других социальных институтах» [36].

А.А. Брылев анализирует взаимоотношения народа и власти после Октябрьской революции [37]. Автор статьи считает, что «массовые представления о власти, ее месте в обществе не раз подвергались серьезному пересмотру. Революционная практика пришла в столкновение с массовым сознанием различных социальных групп, вмешательство государства во все сферы жизни общества неизбежно влекло за собой социальные взрывы. Игнорируя народное сопротивление новой власти, невозможно разрешить трудные проблемы истории: в их числе природа Октябрьской революции, характер советского государства и специфика развития советского общества. Социальный протест масс в советский период - одна из наиболее слабо изученных проблем в отечественной историографии. Между тем речь идет о "народной истории", об историческом процессе, творимом массами не по указанию государства, а вопреки ему. Исследователь обращает особое внимание на то, что знание протестного движения важно не только в историографическом плане, но имеет важное политическое звучание в современной России» [38].

С.А. Нефедов в своей статье проводит критический анализ новой версии Февральской революции 1917 года, представленной в работах историка В.Б. Аксенова. [39]. По мнению С.А. Нефедова, «"абсурдные, невероятные" слухи были не слухами, а хорошо известной и вполне достоверной информацией, о которой писали все газеты, начиная с 14 февраля. И эта информация не вызвала никаких волнений в "хвостах", которые, как мы знаем из тех же газет, появились гораздо раньше - еще в конце января. Наоборот, газеты писали, что 14-17 февраля "хвосты" уменьшились» [40].

В статье В.И. Левина исследуется еврейский вопрос в Октябрьской революции [41]. Автор утверждает, что «российские евреи восторженно встретили Февральскую революцию 1917 года. Временное правительство единогласно приняло "Постановление об отмене вероисповедных и национальных ограничений". В результате евреи получили равные со всеми гражданские, политические и национальные права. Вышли из подполья и активизировали свою деятельность еврейские политические партии. На местах стали создаваться автономные еврейские общины с независимым от властей руководством. Еврейская молодежь стала свободно поступать в гимназии, университеты, военные училища. Но Временное правительство оказалось слабым, в стране воцарился хаос. И 25 октября 1917 г. в результате военного переворота власть в стране захватили большевики. Большинство еврейских политических партий, общественных групп и религиозных авторитетов осудили переворот и последующий разгон Учредительного собрания, как антиконституционные действия. Рядовые же евреи разделились. Часть примкнула к противникам большевиков, участвовала в защите Зимнего дворца, воевала в составе Добровольческой армии Деникина и др. белых армий. Другая часть поддержала большевиков. В развернувшейся впоследствии Гражданской войне на фоне других зверств, обычных для таких войн, резко выделялись своей жестокостью зверства во время массовых еврейских погромов, проводившихся белыми армиями, местными крестьянами и обычными бандитами. Только на территории Украины погибло, умерло от голода и болезней около полумиллиона человек, то есть 25% еврейского населения края; было разграблено семьсот населенных пунктов, и несколько сот тысяч человек остались без средств к существованию; триста тысяч детей стали сиротами. Это подтолкнуло евреев в сторону большевиков, армия которых всегда пресекала погромы и наказывала погромщиков» [42].

В статье Г.П. Рогочей, Е.В. Савва исследуются культурные факторы российских революций в осмыслении философов Серебряного века [43]. По мнению авторов, «осмысливая уроки российских революций начала XX века, полезным будет обратиться к творческому наследию философов Серебряного века. <…> Актуальными являются не только живые свидетельства непосредственных участников событий той эпохи. Еще большее значение имеет очевидное влияние социально-культурных факторов на модели протестного поведения больших социальных групп, которое проявилось во всех массовых протестах XXI века на планете. В связи с этим сохраняют актуальность также теоретические конструкты русских философов, трактующие события революций как прямое следствие особенностей культуры России. Современную эпоху и период начала XX века роднит состояние незавершенного транзита, перехода в новое качество, высокая скорость технологических и социальных изменений. Для философов Серебряного века было типично осознание качественных изменений общества. Эти изменения обоснованно воспринимались как кризис. Для таких периодов характерен активный поиск ответов на вызовы времени, и в России начала прошлого века миссию формулирования этих ответов взяли на себя философы. Понимание культуры существенно изменилось в результате творчества представителей Серебряного века. Философия

Серебряного века признала за народной бытовой культурой не просто право на существование, но и право стать объектом философского осмысления. Такая постановка проблемы оказалась продуктивной. Она привела к появлению нового вопроса о соотношении "верхних" и "нижних" слоев культуры вообще и русской культуры в особенности. Полноправное включение в вертикальную структуру культуры "нижнего" народного слоя позволило приступить к осмыслению культуры как целостного системного феномена. В результате общей идеей философии Серебряного века стало утверждение о недостатке в России "срединной культуры", объединяющей "верхнюю" и "нижнюю", служащей обязательным элементом системы культуры» [44].

Революционные события 1917 года с позиций духовно-православной парадигмы освещены в статье М.Ю. Горожаниной [45]. Автор «пытается ответить на вопрос: почему в православной, монархической России стало возможно торжество атеизма и свержение монархии. Решить данную проблему автор пытается с позиций православной парадигмы изучения отечественной истории. В статье выделяются базовые положения и принципы данной концепции. Особое место отводится изучению духовной сферы и влиянию на нее западных теорий и учений. Главный тезис статьи - отказ от вековых устоев, увлечение западными теориями и ценностями спровоцировали сильнейший духовный кризис в России, который стал главной причиной революционных событий 1917 г. Данное положение в работе доказывается на основе анализа исторических документов. Много места в исследовании занимает освещение духовного состояния всех слоев российского общества в конце XIX - начале XX в. В статье показан кризис семейных отношений, влияние эмансипации на ослабление брачных союзов. Особое внимание отводится роли российской интеллигенции и политической элиты в популяризации ценностей западного общества и в усилении духовного кризиса. Одно из центральных мест исследования занимает и анализ положения Русской Православной Церкви, в статье называются причины падения ее авторитета в обществе» [46].

В статье П.Е. Родькина анализируются итоги Октябрьской революции 1917 года в культуре [47]. Как пишет автор данного научного текста, «вопрос о культуре был радикально поставлен именно революцией: овладеют ли победившие массы культурой или будут уничтожены? Исторический смысл революции заключался в диалектическом преодолении начатого реформами Петра Великого социокультурного раскола и восстановлении культурной целостности в рамках новой исторической общности, когда массам стали доступны лучшие образцы мировой культуры, русская классическая и народные культуры. Ключевым этапом окончательного оформления культурной революции выделяется так называемый консервативный поворот 1930-х. В качестве результата этого процесса стало создание впервые в новейшей истории массовой культуры, соответствующей новой социальной структуре, основанной на высоких интеллектуальных и моральных стандартах и принципиально отличной от массовой культуры западного типа, связанной с феноменом общества потребления. Культурная революция в России в XX веке произошла дважды, но с разными итогами: дала массам культуру и отняла ее у них. На современном этапе истории победил тип массовой культуры западного капитализма. Столетний юбилей Октябрьской революции является актуальным поводом для возобновления дискуссии относительно развития России в условиях растущих социальных и культурных диспропорций» [48].

В статье М.А. Лаврентьевой, И.И. Гаевской исследуется проблематика роли революционных событий 1917 года в истории отечественного кинематографа [49]. По мнению исследователей, «вопрос о том, как оценить деятельность органов советской власти в сфере культуры и, в частности, отношение к кинематографу, является дискуссионным. Авторы дают характеристику начального этапа развития киноискусства в столице и провинциальных городах Российской империи. В статье освещается тематика первых фильмов, отмечены особенности и проблемы становления и развития дореволюционной киноиндустрии. Проведен анализ процесса формирования советского киноискусства. Определены его роль и место в политической, социальной и духовной жизни страны, формировании нового человека. Выявлены отличительные признаки советского кинематографа 20-х годов XX столетия, его нацеленность на освещение важных исторических событий и пропаганду идей социалистической революции. Кинопроекты были ориентированы на массовость, привлекая в первую очередь широкие слои неграмотного и малограмотного населения, пропагандировали всемирно известные образцы русской классической литературы, преломляя их через советские духовные ценности и ценностные ориентации. Показано, как советское правительство решало сложные вопросы, связанные с нехваткой кадров. Названы имена наиболее выдающихся деятелей культуры, оказавших влияние на прогрессивное развитие отечественного киноискусства, пропаганду классического и авангардного направлений. Сделан вывод о том, что дореволюционная Россия внесла определенный вклад в развитие мирового киноискусства, но всемирную известность приобрели работы, созданные советскими кинематографистами» [50].

М.С. Диривянкина анализирует дискурс революции на страницах военной мемуаристики [51]. Исследователь утверждает: «Начало 1917 г. в воспоминаниях обеих сторон было отмечено

проблемой разложения армии, рассмотренной с противоположных точек зрения: разложения армии и разложения офицерского корпуса. Страна находилась в кризисном положении, и все возможные проблемы в империи связывались с личностью и деяниями Николая II: белые, кроме А.И. Деникина, несмотря на отсутствие в мемуарах и в действительности желания борьбы за монархию как таковую, достаточно положительно характеризовали Николая II в отличие от постоянно критиковавших его красных. В связи с этим достаточно обоснованным представляется реакция офицерства на отречение императора. Дальнейшие преобразования, связанные с демократизацией армии, не были отражены на страницах воспоминаний всех офицеров: с печалью о них пишут белые, иначе реагирует А.А. Брусилов, говоря о неизбежности процесса разложения армии. Единогласное негативное мнение выражали белогвардейцы и красноармейцы относительно политики Временного правительства, в отличие от взглядов на корниловское выступление: белые видели в нем возможность установления сильной власти в России, для красных Корнилов и его движение - угроза военной диктатуры и Гражданская война. События Октября 1917 г., завершающие революционный процесс в России, отражают особенности складывания белого и красного движений, демонстрируя разрозненность и изначальную слабость белогвардейцев в невозможности создания объединенной армии и формирования популярной среди большинства народа идеологии» [52]. Анализ культурных аспектов всегда имеет важное значение: «Ведь иногда мы находимся в большинстве, а иногда - в меньшинстве (политическом, социальном, культурном, интеллектуальном и т.д.)» [53]. Соответственно, практика определенных ценностей способна обеспечить стабильность того или иного политического курса.

О.В. Григорьев исследует нормативно-правовую базу формирования и функционирования революционных трибуналов периода революции [54]. В статье он обращает внимание на следующее: «В рамках рассматриваемой темы диктатура наиболее рельефно проявляется в приговорах революционных трибуналов, в оценках законности принимаемых решений. Судьи революционных трибуналов при необходимости заимствовали нормы права предшествующих режимов и пренебрегали ими, когда это противоречило "идеалам революции". По мнению автора данной научной публикации, деятельность революционных трибуналов определялась особым макроисторическим периодом, конъюнктурой момента, поэтому трибуналы были упразднены с его окончанием, однако институциональный, нормативно-правовой, управленческий, ценностный, системный, исторический опыт образования и функционирования чрезвычайного правосудия должен быть воспринят и учтен реформаторами судебной системы постсоветской Российской Федерации. Автор данной научной публикации убежден в следующем: не требует особых доказательств суждение о том, что немыслимо приступать к преобразованиям без изучения и осмысления национального опыта становления и реформирования судебной системы. Ведь суды в современной России берут свое начало от судов прошлых периодов и являются прообразом судов будущего» [55].

Исследованию изменений теоретических основ работы с беспризорными несовершеннолетними после Российской революции в октябре 1917 года посвящена статья В.Н. Бубличенко [56]. Автором «выделена специфика религиозного и атеистического воспитания беспризорных подростков. С точки зрения советской идеологии религия ограничивала возможности получения несовершеннолетними материалистического восприятия мира. Альтернативой дореволюционному религиозному воспитанию беспризорных несовершеннолетних советская педагогика противопоставила учение о трудовой школе. В ней формировались навыки, которые обеспечивали последующую социализацию в обществе подростков, попавших в сложную жизненную ситуацию. Основой новаторского подхода к педагогическому процессу после Октябрьской революции 1917 года в России стал тезис Л.С. Выготского о взаимозависимости психофизиологических особенностей несовершеннолетних и возможности формирования у них социально-коммуникативных качеств в условиях коллективной деятельности. Благодаря такому подходу открывались возможности для создания трудовой школы. Популяризация новых педагогических концепций в работе с беспризорными подростками велась через выступления руководителей советского государства перед общественностью. Сформировавшаяся традиция решала практические задачи. Одним из лейтмотивов организации работы с беспризорными подростками после Октябрьской революции 1917 года стало противопоставление советской модели педагогической теории и практики буржуазной. В конце статьи на основе проведенного анализа сделаны следующие выводы. Российский социальный конфликт в октябре 1917 года способствовал началу реализации новых теоретических концепций в работе с беспризорными несовершеннолетними. От дореволюционной практики они отличались отсутствием классового подхода, приоритетом в формировании материалистического мировоззрения и принципов коллективизма у лишенных семейного воспитания подростков. Новаторские педагогические теории строились на принципах трудовой школы, доминантой разви-

тия которой становилось использование психофизиологических особенностей беспризорных подростков в условиях коллективной деятельности» [57].

Также интересно обратить внимание на персональное измерение революционных процессов 1917 года, так как «речь идет об ориентации человечества и конкретных людей в пространстве универсума, начиная от божественного/космического и заканчивая конкретными ситуациями. Поэтому следует выделить абсолютную и относительную формы контестаторской позиции. Первая будет относиться ко всеобщему, вторая - к особенному и единичному» [58]. В статье С.А. Нефедова [59] фиксируются результаты критического анализа новой «версии Февральской революции», представленной в книге российского историка В.И. Козодоя «Александр Иванович Гучков и Великая русская революция». Н.Ф. Бугай в своей статье исследует роль генерала А.И. Деникина в революционных процессах [60].

В целом, научные тексты, присланные авторами в редакцию журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» и опубликованные на страницах данного научного издания, свидетельствуют о крайне сложном отношении академической общественности к отечественным событиям столетней давности. Авторитетные исследователи обращали свое аналитическое внимание на вопросы макроисторического, международного, регионального, социокультурного, нормативно-правового и персонального аспектов революционных процессов 1917 года. Бурные научные дискуссии вокруг событий 1917 года, мы уверены, продолжатся и в будущем, однако в одном современные профессиональные историки солидарны абсолютно: революция 1917 года стала точкой переучреждения российской государственности [61] и характеризуется как триумфальными, так и трагическими параметрами одновременно.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Петриченко Е.А. К 100-летию Великой Октябрьской революции. «Лед сломан, путь открыт, дорога показана» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/2). - С. 30-35. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-30-35.
2. Там же. - С. 35.
3. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 22-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-22-29.
4. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 30-37. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-30-37.
5. Захаров В.Ю., Иванова А.Н. Дискуссионные аспекты революционного кризиса в России 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 19-28. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-19-28.
6. Там же. - С. 19.
7. Чураков Д.О. 1917 год: идеал, иллюзии или реальности свободы? // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 38-44. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-38-44.
8. Там же. - С. 38.
9. Матвеева А.М. Октябрьская революция в евразийской концепции: между геополитикой и политическими установками национал-большевизма // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 35-41. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-35-41.
10. Там же. - С. 35.
11. Прищепа А.С. Октябрьская революция: как это было // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017/ - № 9(6/2). - С. 42-46. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-42-46.
12. Там же. - С. 42.
13. Икэда Ё. Проект японских историков «российская революция и век СССР» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 13-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21.
14. Там же. - С. 13.
15. Халилов Т.А. Политический порядок и проблема идеологии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 3. - С. 247-256.
16. Гаевская. Г.И., Лаврентьева М.А. К вопросу о международных последствиях Великой Октябрьской революции // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/6). - С. 16-21. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-16-21.
17. Там же. - С. 16.
18. Вартаньян Э.Г. Начало реализации новых внешнеполитических принципов Советской России на примере отношений с Ираном (1917-1918 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/2). - С. 25-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-25-29.
19. Там же. - С. 25.

20. Гарбузарова Е.Г. Великий Октябрь и становление Кыргызской государственности // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/2). - С. 13-18. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-13-18.
21. Там же. - С. 13.
22. Кислицын С.А., Трут В.П. Донское казачество и Великая Российская революция 1917 года (от Февраля к Октябрю) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/1). - С. 15-22. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22.
23. Там же. - С. 15.
24. Горожанина М.Ю. Кубанское казачество, православное духовенство и другие сословия в конце XIX века и в период революционных событий 1917 года: сравнительный анализ // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(4/1). - С. 13-22. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-13-22.
25. Там же. - С. 13.
26. Титоренко М.Ф. Власть и казачество: взгляд через столетие // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 47-50. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-47-50.
27. Там же. - С. 47.
28. Халилов Т.А. Рецензия на книгу известного историка Н.Ф. Бугай о казаках юга России // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2015. - Т. 7. - № 6-2. - С. 355.
29. Щербакова О.М., Отрокова О.Ю., Гольцева О.Ю. Матросы-балтийцы в революции 1917 года: очерк современной историографии // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(5/1). - С. 30-39. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-30-39.
30. 30 Там же. - С. 30.
31. Басте Р.Ю., Касьянов В.В. Горцы и казачество Кубани в революционных событиях 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 13-16. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-13-16.
32. Там же. - С. 13.
33. Петрович В.Г., Самсонов С.И. Революция пожирает своих детей, или Магический круг чередования революций и реакций (на примере Саратовского Поволжья) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 33-41. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-33-41.
34. Там же. - С. 33.
35. Касьянов В.В., Ковалев В.В., Самыгин С.И. Причины революции 1917 года в России (социокультурный аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(4/1). - С. 23-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29.
36. Там же. - С. 23.
37. Брылев А.А. Взаимоотношения народа и власти после Октября 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 11-15. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15.
38. Там же. - С. 11.
39. Нефедов С.А. Слухи как причина Февральской революции 1917 года // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(2/2). - С. 15-20. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-15-20.
40. Там же. - С. 18.
41. Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России. Взаимоотношения народа и власти после Октября 1917 г. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 29-32. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-29-32.
42. Там же. - С. 31.
43. Рогочая Г.П., Савва Е.В. Культурные факторы российских революций в осмыслении философов Серебряного века // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(3/1). - С. 15-22. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-15-22.
44. Там же. - С. 15.
45. Горожанина М.Ю. Революционные события 1917 года с позиций духовно-православной парадигмы изучения отечественной истории // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(3/2). - С. 15-23. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-15-23.
46. Там же. - С. 15.
47. Родькин П.Е. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года и первый в истории опыт массовой культуры // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(3/2). - С. 24-29. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-24-29.
48. Там же. - С. 24.
49. Лаврентьева М.А., Гаевская И.И. Революционный 1917 год в истории отечественного кинематографа // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 28-34. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-28-34.
50. Там же. - С. 28.
51. Диривянкина М.С. Революционные события 1917 г. на страницах военной мемуаристики // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/2). - С. 22-28. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-22-28.
52. Там же. - С. 22.
53. Халилов Т.А. Рецензия на книгу Л.Г. Ионина «Парад меньшинств» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2016. - Т. 8. - № 1-1. - С. 210-211.

54. Григорьев О.В. Сто лет спустя: революционные трибуналы в России (1917-1923 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 21-27. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-21-27.
55. Там же. - С. 21.
56. Бубличенко В.Н. Теоретические основы работы с беспризорными в советском государстве после Октябрьской революции 1917 года // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(6/1). - С. 17-20. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-17-20.
57. Там же. - С. 17.
58. Халилов Т.А. Александр Шмеман: идея соотнесенности и позиция радикального контестатора // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. - Ростов н/Д, 2017. - № 2. - С. 242-248.
59. Нефедов С.А. О Февральской революции и «заговоре Гучкова» // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(2/1). - С. 15-19. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-15-22.
60. Бугай Н.Ф. Русский генерал А.И. Деникин: вопросы национальной политики на Юге России. 1917-1920 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - № 9(1/2). - С. 15-24. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-15-24.
61. Халилов Т.А. Закономерности взаимодействия власти и бизнеса в России: опыт применения теоретической модели «малого» общества // V Столыпинские чтения. Материалы Всерос. науч.-практ. конф., апр. 2016 г. - Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2016. - С. 277-281.

REFERENCES

1. Petrichenko E.A. The 100th anniversary of the Great October Revolution. «The ice is broken, the path is open, the road is shown». Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/2): 30-35. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-30-35.
2. Ibid. P. 35.
3. Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. 1917 in Russia: the collapse of civilization or the transition to a new stage of historical development? Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/1): 22-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-22-29.
4. Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. 1917 in Russia: the collapse of civilization or the transition to a new stage of historical development? Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 30-37. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-30-37.
5. Zakharov V.Y., Ivanova A.N. Discussion aspects of revolutionary crisis in Russia in 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 19-28. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-19-28.
6. Ibid. P. 19.
7. Churakov D.O. 1917: ideal, illusion or reality of freedom? Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 38-44. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-38-44.
8. Ibid. P. 38.
9. Matveeva A.M. The October Revolution in the Eurasian concept: between geopolitics and political attitudes of national bolshevism. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/1): 35-41. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-35-41.
10. Ibid. P. 35.
11. Prishepa A.S. October revolution: how it was. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 42-46. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-42-46.
12. Ibid. P. 42.
13. Ikeda Y. The project of Japanese historians “The Russian revolution and the century of the USSR”. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/1): 13-21. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-13-21.
14. Ibid. P. 13.
15. Khalilov T.A. Politicheskij porjadok i problema ideologii. [Political Order and the Problem of Ideology]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 3. Pp. 247-256. (In Russ).
16. Gaevskaya G.I., Lavrent'eva M.A. To the question of the international consequences of the Great October Revolution. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 16-21. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-16-21.
17. Ibid. P. 16.
18. Vartanyan E.G. The beginning of realization of the new foreign policy principles of the Soviet Russia on the example of the affairs with Iran (1917-1918). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/2): 25-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-25-29.
19. Ibid. P. 25.
20. Garbuzarova E.G. The Great October Socialist Revolution and the establishment of Kyrgyz statehood. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/2): 13-18. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/2-13-18.
21. Ibid. P. 13.
22. Kislitsyn S.A., Trut V.P. Don Cossacks and the Great Russian Revolution of 1917 (from February to October). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/1): 15-22. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/1-15-22.
23. Ibid. P. 15.

24. Gorozhanina M.Y. Kuban Cossacks, orthodox clergy and other estates at the end of the 19 century and in the period of revolutionary events 1917: comparative analysis. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(4/1): 13-22. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-13-22.
25. Ibid. P. 13.
26. Titorenko M.F. Power and Cossacks: the look through the century. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 47-50. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-47-50.
27. Ibid. P. 47.
28. Khalilov T.A. Recenzija na knigu izvestnogo istorika N.F. Bugaj o kazakah juga Rossii. [Review of the book of the famous historian N.F. Bugay about the Cossacks of South Russia]. Istoricheskaya i sotsial'noobrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. № 6-2. P. 355. (In Russ.).
29. Shcherbakova O.M., Otrokova O.Y., Goltseva O.Y. Sailors of the Baltic fleet in the revolution of 1917: essay on the current historiography. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(5/1): 30-39. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-5/1-30-39.
30. Ibid. P. 30.
31. Baste R.Y., Kasyanov V.V. Highlanders and the Cossacks of the Kuban the revolutionary events of 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/1): 13-16. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-13-16.
32. Ibid. P. 13.
33. Petrovich V.G., Samsonov S.I. Revolution devours its children, or the magic circle of alternating revolutions and reactions (on the example of the Saratov Volga Region). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 33-41. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-33-41.
34. Ibid. P. 33.
35. Kasyanov V.V., Kovalev V.V., Samygin S.I. Causes of revolution of 1917 in Russia (social-cultural aspect). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(4/1): 23-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-23-29.
36. Ibid. P. 23.
37. Brylyov A.A. Relationship of the people and government after October 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 11-15. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-11-15.
38. Ibid. P. 11.
39. Nefedov S.A. Rumors as the reason for the February revolution of 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(2/2): 15-20. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/2-15-20.
40. Ibid. P. 18.
41. Levin V.I. October Revolution and Jews of Russia. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): 29-32. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-29-32.
42. Ibid. P. 31.
43. Rogochaya G.P., Savva E.V. Cultural factors of the Russian revolutions in the reflection of the philosophers of the Silver age. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(3/1): 15-22. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/1-15-22.
44. Ibid. P. 15.
45. Gorozhanina M.Y. The revolutionary events of 1917 from the standpoint of the spiritual orthodox paradigm in the study of national history. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(3/2): 15-23. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-15-23.
46. Ibid. P. 15.
47. Rodkin P.E. The Great October Socialist Revolution of 1917 and the first ever experience of mass culture. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(3/2): 24-29. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-3/2-24-29.
48. Ibid. P. 24.
49. Lavrent'eva M.A., Gaevskaya I.I. Revolutionary year of 1917 in the history of Russian cinema. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/1): 28-34. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-28-34.
50. Ibid. P. 28.
51. Dirivyankina M.S. Revolutionary events of 1917 on the pages of military memoirs. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/2): . (In Russ.) DOI: .
52. Ibid. P. .
53. Khalilov T.A. Recenzija na knigu L.G. Ionina «Parad men'shinstv». [Review of the book of L.G. Ionin "Parade of Minorities"]. Istoricheskaya i sotsial'noobrazovatelnaya mys'l = Historical and Social Educational Idea. 2016. Vol. 8. № 1-1. Pp. 210-211. (in Russ.).
54. Grigoryev O.V. One hundred years later: the revolutionary tribunals in Russia (1917-1923). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/1): 21-27. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-21-27.
55. Ibid. P. 21.
56. Bublichenko V.N. Theoretical foundations of work with non-transparent in the Soviet state after the October Revolution of 1917. Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(6/1): 17-20. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-6/1-17-20.
57. Ibid. P. 17.
58. Khalilov T.A. Aleksandr Shmeman: ideja sootnesennosti i pozicija radikal'nogo kontestatora. [Alexander Schmemann: the Idea of Attribution and the Position of the Radical Contestator]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2017. No. 2. Pp. 242-248. (In Russ).

59. Nefedov S.A. About the February Revolution and the "Guchkov conspiracy". Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(2/1): 15-19. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-2/1-15-22.
60. Bugay N.F. Russian general A.I. Denikin: questions of national policy in the South of Russia (1917-1920). Historical and Social-Educational Idea. 2017; 9(1/2): 15-24. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-15-24.
61. Khalilov T.A. Zakonomernosti vzaimodejstvija vlasti i biznesa v Rossii: opyt primenenija teoreticheskoj modeli «malogo» obshhestva. [Patterns of Interaction between Business and Government in Russia: Experience of Application of "Small" Society Theoretical Model]. V Stolypinskie chtenija. Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Apr. 2016 g. = V Stolypin Conference. Materials of All-Russian Scientific-Practical Conference. Apr. 2016. Krasnodar: Publishing House of Kuban State University. 2016. Pp. 277-281. (In Russ).

Информация об авторах:

Штурба Виктор Александрович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет, отличник народного просвещения РСФСР, отличник образования высшей школы, член-корреспондент, Российская академия естественных наук, главный редактор, научный журнал «Историческая и социально-образовательная мысль»,
г. Краснодар, Россия
akademus07@rambler.ru

Штурба Евгений Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра педагогики и психологии, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет, президент Ассоциации молодых ученых Кубани,
г. Краснодар, Россия
chook99@mail.ru

Астанина Лариса Викторовна, доктор исторических наук, профессор, ректор, Московский институт современного академического образования,
г. Москва, Россия
rektor@misaoinst.ru

Получена: 23.12.2017

Для цитирования: Штурба В.А., Штурба Е.В., Астанина Л.В. 1917 год: трагедия или триумф? Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.269-283.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-269-283.

Information about the authorы:

Viktor A. Shturba, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University, Excellent Specialist of Public Education of RSFSR, Excellent Specialist of Graduate School Education, Corresponding Member, Russian Academy of Natural Sciences, Editor-in-Chief, Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea",
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

Evgeniy V. Shturba, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University, President of the Association of Young Scientists of Kuban,
Krasnodar, Russia
akademus07@rambler.ru

Larisa V. Astanina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Rector, Moscow Institute of Contemporary Academic Education,
Moscow, Russia
rektor@misaoinst.ru

Received: 23.12.2017

For citation: Shturba V.A., Shturba E.V., Astanina L.V. 1917: tragedy or triumph? Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 269-283.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-269-283. (in Russ)

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Уважаемые авторы, в связи с подготовкой научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» к включению в международные базы данных библиографического описания и научного цитирования *Scopus* и *Web of Science*, обращаем Ваше внимание на то, что с 2014 г. существенно изменены правила оформления представляемых рукописей. Особое значение теперь приобретают англоязычная аннотация к статье (Abstract) и список использованной автором литературы (References), поскольку именно они, а не текст самой статьи, находят отражение в системах международных баз данных. По своему содержанию и информативности Abstract и References должны привлечь внимание зарубежных читателей к теме статьи. Соответственно, в интересах автора тщательно подойти к подготовке этих блоков статьи и обеспечить их максимально высокое качество.

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики. Редакция принимает в выпуск только ОДНУ статью автора или идентичного коллектива соавторов.

Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через on-line форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/. Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf). Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала.

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знаю рецензентов) и в двухнедельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором

научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

1. уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
2. указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;
3. предоставлять копию проверки оригинальности текста в текстовом или графическом файле (скриншот результата проверки http://www.antiplagiat.ru). Оригинальность текста должна составлять не менее 80%.

Объем полного текста рукописи 10-20 страниц: не более 1 п.л. (40 тыс. знаков с учетом пробелов). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи – допускается не более 3-х чел.

Текст рукописи должен быть набран в редакторе Microsoft Word, в формате А4 с полями 25 мм, выравнивание по левому краю, междустрочный интервал – полуторный (1,5), шрифт -Times New Roman, размер – 14. Подзаголовки внутри статьи - прописными буквами. Шрифт библиографических ссылок – 12**,** междустрочный интервал – одинарный (1). Шрифт текстовых сносок – 11, межстрочный интервал – одинарный (1), без отступа.

Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию. Автоматические переносы не допускаются. Автоматические сноски не допускаются.

Рукопись должна быть структурирована по нижеописанному принципу.

Блок информации на русском языке:

1. *Индекс УДК.*
2. *Название работы* (прописными жирными буквами), точно отражающее содержание работы.
3. *Авторы статьи*. Фамилии и инициалы авторов следует указывать полностью (без сокращений). Через запятую указываются ученая степень и звание, должность автора, полное (без сокращений) название кафедры, организации (необходимо привести официальное полное название организации без сокращений), которую представляет автор, полный почтовый адрес организации(й), электронная почта всех или одного из авторов. Если авторов несколько, то фамилия каждого следующего автора с полной аффилиацией начинается с новой строки.
4. *Русскоязычная аннотация и ключевые слова*. Аннотация характеризует основную тему, актуальность, проблему объекта, цели работы и ее результаты, выводы, новизну, что помогает быстрее уловить суть проблемы. Объем текста аннотация должен быть не менее 200-250 слов. Ключевые слова (не менее 10-и слов) способствуют индексированию статьи в поисковых системах. Они должны попарно соответствовать на русском и английском языке.

Блок информации на английском языке:

1. *UDC Index.*
2. *Article title.* Название на английском языке должно по смыслу полностью соответствовать русскоязычному названию и грамотно составлено с точки зрения английского языка.
3. *Authors' names & Affiliation.* ФИО необходимо писать в соответствие с заграничным паспортом. Также на английском языке указывается ученая степень и звание, должность автора(ов). Аффилиацию необходимо указывать официальное англоязычное название учреждения. Наиболее полный список названий учреждений и их официальной англоязычной версии можно найти на сайте РУНЭБ http://elibrary.ru.
4. *Abstract & Keywords*. Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании

являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

5. Информация о спонсорстве (на русском и английском языках). Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

6. Благодарности (на русском и английском языках) Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами.

7. Текст статьи (на русском, английском или обоих языках). Излагаемый в работе текст должен содержать вводную часть, где описываются цель, материалы, источники и методы исследования. Далее следуют результаты исследования, их обсуждение, заключение или выводы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы,

*например: [*1; с. 290-316, 344], [2; л. 290-316. Л л. 2-22, 23-30, 208-212], [7; л. 29-31, 31 об.].

Документы (архивы, ГОСТы, приказы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Некоторые нюансы:

- при первом упоминании лица обязательно указываются инициалы, которые отделяются пробелом от фамилии;
- в заголовках на английском языке все значимые слова пишутся с заглавной буквы;
- с заглавной буквы пишутся: Первая и Вторая мировые войны, Третий мир;
- названия фирм, организаций и т.п. следует указывать на языке оригинала;
- за исключением ООН, в названиях организаций (Европейский союз, и т.п.) с заглавной буквы пишется только первое слово;
- точка не ставится после рубрики, названия статьи, автора статьи, заголовков и подзаголовков, названий таблиц, рисунков, размерностей (с – секунда, г - грамм, м – метр);
- годы указываются только в цифровой форме: 1985–1990 гг., но 1990-е годы (а не 1990-е гг.); XX в.; XVIII–XIX вв. Годы и века даются только в сокращенном виде: в.; вв.; г.; гг.;
- буква «ё» ставится только в тех случаях, когда замена на букву «е» искажает смысл слова; во всех остальных случаях – только «е»;
- сокращения «др.», «пр.», «т.п.», «т.д.» даются только в конце предложения. Словесные формулировки «так как», «в том числе», «потому что» не сокращаются;
- при цифрах используется знак процента или промилле: 30%; 15‰;
- в цифрах миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются одним пробелом (700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами «млрд», «млн», «тыс». После сокращений «млрд» и «млн» точка не ставится;
- названия денежных знаков даются в сокращенной форме, принятой в научной литературе: «долл.», «фр.», «р.», «ф. ст.». Названия других денежных знаков пишутся полностью;
- в цитатах используются кавычки-елочки (« »). Если внутри цитаты есть слова, заключенные в кавычки, они должны быть другого начертания « — “ *** “ — ».

8. Библиографические ссылки (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу не принимаются.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно иметь не менее 15 источников, в обзорных – до 50. Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники должны составлять 30%.

Шрифт ссылок – Times New Roman, размер – 12, межстрочный интервал – одинарный (1).

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены все авторы. В случае если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение «и др.» или «et al.». Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1; с. 25].

Документы (приказы, ГОСТы, архивы, положения, постановления, нормативы, федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно следует указать его номер.

9. References (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи). Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [ ].

При транслитерации можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn.

Если статья имеет DOI, то следует обязательно указать его номер.

Также следует обратить внимание на то, что название статьи и журнала не следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой. Названия отечественных журналов сокращать нельзя.

Структура библиографической ссылки в References для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация);
- название статьи в транслитерированном варианте;
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [ ];
- название источника (транслитерация);
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые;
- язык (необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи). В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (например, [ru; en], (in Russian); (in English), (in Italy) (in Arabic) и т.д.

Для транслитерации текста можно воспользоваться ссылкой http://ru.translit.ru/?account=bgn.

Пример ссылки на статью из российского журнала:

- Mescheryakov A.V., Levushkin S.P. Perekrestnye jeffekty adaptacii k stressornym situacijam. [Cross-effects of adaptation to stress situations]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatelnaya mys'l = Historical and Social-Educational Idea. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 122-125.
DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 (in Russ.).

- Kalakhanova (Borlakova) Z.M. Istoricheskiy ocherk razvitiya i ustroystva Kavkazskih mineralnyih vod. [Historical outline of the development and structure of the Caucasian Mineral Waters]. Stavropol. 2015. P. 1 (in Russ).

Пример описания статей из SCOPUS, имеющих DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. Russian Journal of Electrochemistry. 2008. No. 44 (8). Pp. 926-930. Cited 2 times. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-67-78 Eng.).

Ссылка на Интернет-ресурс:

APA Style (2011). Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx (accessed 5 Feb. 2011).

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov. (Rules for the Citing of Sources). Available at: http://www.scribd.com/doc/1034528/ (accessed 7 Feb. 2011).

Материалы конференций:

Главное в описаниях конференций – название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет – ее английского названия), выделенное курсивом. В скобках дается перевод названия на английский язык. Выходные данные (место проведения конференции, место издания, страницы) должны быть представлены на английском языке.

Примеры ссылок на публикации в материалах конференций:

UsmanovT.S., Gusmanov A.A., Mullagalin I.Z., Muhametshina R.Ju., Chervyakova A.N., Sveshnikov A.V. Features of the design of field development with the use of hydraulic fracturing. [Osobennosti proektirovaniya razrabotki mestorozhdeniy s primeneniem gidrorazryva plasta].Trudy 6 Mezhdunarodnogo Simpoziuma “Novye resursosberegayushchie tekhnologii nedropol'zovaniya i povysheniya neftegazootdachi” (Proc. 6th Int. Technol. Symp.“New energy saving subsoil technologies and the increasing of the oil and gas impact”). Moscow. 2007. Pp. 267-272. (in Eng.).

Antina E.V., Berezin M.B., Semeikin A.S., Dudina N.A., Yutanova S.L., Guseva G.B. Abstracts of Papers. XII Molodezhnaya konferentsiya po organicheskoi khimii (XII Youth Conference on Organic Chemistry). Suzdal. 2009. P. 248. (in Russ.).

Таблицы и иллюстрации:

- количество таблиц и иллюстраций в тексте – не более 10. Таблицы должны быть пронумерованы и иметь тематические названия на русском и английском языках;
- заголовки графиков должны быть на русском и английском языках, должны точно соответствовать их содержанию и иметь единицы измерения;
- заголовки к таблицам и рисункам должны быть указаны на русском и английском языках;
- цифры в таблицах располагают по центру, единицы размещают под единицами, десятки под десятками и т.д. Сокращения слов в таблицах, за исключением общепринятых, не допускаются;
- иллюстрации должны быть четкими, контрастными, рассчитанными на черно-белую печать без полутонов. В электронном виде иллюстрации предоставляются как внедренные объекты (в этом случае иллюстрации могут быть как созданные средствами Microsoft Office, так и представлены как графические объекты), либо отдельными файлами с расширением *.tiff и *.jpg с разрешением 300 dpi. В последнем случае имя файла должно содержать номер иллюстрации и ее название;
- фотографии, отпечатки экранов мониторов (скриншоты) и др. не рисованные иллюстрации необходимо загружать отдельно в специальном разделе формы для подачи статьи в виде файлов формата *.jpeg, *.bmp, *.gif (*.doc и *.docx - в случае, если на изображение нанесены дополнительные пометки). Файлам изображений необходимо присвоить название, соответствующее номеру рисунка в тексте.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы можете подписаться на журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» через Агентство «Роспечать» (подписной индекс 26187), а также через редакцию журнала.

Адрес редакции:
350080, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32, к. 301. akademus07@rambler.ru ,
сайт журнала: **http://www.hist-edu.ru**
телефон 8(861)2376219; 8(905)4713194

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей.
Идеи и выводы, высказываемые в публикуемых материалах, не обязательно отражают позицию редколлегии.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!
Вы можете оформить подписку на журнал
«Историческая и социально-образовательная мысль»
по каталогу агентства «РОСПЕЧАТЬ»
Тел:/007 495/921-25-50 Факс: /007 495/785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!
You can subscribe to «Historical and Social-Educational Idea*s*»
through the «ROSPECHAT»
agency catalogue. **«**Russian Newspapers & Magazines -2016»
Phone: /007 495/921-25-50 Fax: /007 495/ 785-14-70
E-mail: ovs@rosp.ru www: http://www.rosp.ru

Уважаемые читатели!
Мы рады сообщить вам, что журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» доступен во Всемирной сети Интернет. Вы можете найти материалы вышедших в 2009 - 2017 гг. номеров журнала на: http://www.hist-edu.ru
http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Историческая
и социально-образовательная мысль
2017. Том 9 № 6/2

Подписной индекс **26187**
В объединенном каталоге
«Пресса России»

Подписано в печать 29.12.2017
Формат 60x84 1/8. Бумага типографская №1
Печать RISO. Уч.-изд. 290 ст.
Тираж 550 экз.

Тираж изготовлен на полиграфической базе
Кубанской многопрофильной Академии подготовки, переподготовки
и повышения квалификации специалистов

г. Краснодар, мкр. Пашковский, ул. Заводская, 32/301

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»